

Марина Сербинова

ЧЕРНЫЙ ТУМАН Благословенный

Annotation

У Кэрол новое имя и новая жизнь, но эта жизнь наполнена страхом и трудностями, с которыми ей теперь приходится справляться самой. Она боится того, что станет известно — на кладбище под могильной плитой с ее именем лежит не она. Ее пугают и приводят в отчаяние невероятные и ужасные перемены в сыне, его открывшиеся способности, поступки. Она понимает, что передала ребенку свое проклятие и свой дар, но в нем они намного сильнее. Насколько, она даже не могла представить. Она возлагает надежды на благословенного, о котором ей поведала слепая провидица, заверив, что он мог их спасти и отогнать проклятие... Но как бы она не бежала от прошлого, оно все равно настигает ее. Ее изводит когда-то отвергнутый поклонник, пожелавший наказать за нанесенную обиду. За сыном охотятся два киллера, задавшиеся целью расправиться с ее мужем. А потом она оказывается во власти человека, заставившего ее пережить самые страшные и болезненные мгновения в жизни, мечтающего снова превратить ее жизнь в кошмар...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1

Прошло полтора года, прежде чем Касевес решился на эту поездку.

Кэрол встретила его в аэропорту Нью-Йорка, набросилась на него с объятиями и поцелуями, заставив его старое больное сердце растаять от нежности. Уильям даже не сразу ее узнал, испытав легкий шок, увидев вместо привычных для него золотистых светлых локонов длинные каштановые волосы. Кэрол только рассмеялась в ответ на его изумленный взгляд. Она по-прежнему одевалась красиво и со вкусом, разве что уже не так дорого, как раньше. Теперь себе этого позволить она не могла. Касевес улыбался, разглядывая ее. Даже сменив дорогие бутики на магазины, она умела выглядеть также великолепно, привлекая к себе внимание. И также в ней все было отточено и безупречно до мелочей. Уложенные не хуже, чем рукой мастера, волосы, безупречный маникюр, высокая шпилька, которую всегда предпочитала Куртни и передала эту привычку своей воспитаннице, аккуратный макияж, немного другой, слегка ярче, прекрасно смотревшийся на брюнетке и не очень подходивший бы для блондинки. Темные локоны, обрамлявшие ее личико, не только шли ей, но она сумела добиться того, что они смотрелись, как настоящие, и тому, кто не видел ее блондинкой, вряд ли пришло бы в голову, что она не врожденная брюнетка. Она затемняла брови, но так, что они тоже выглядели естественно, а не как нарисованные. У основания черных, как смоль, длинных и пушистых ресниц верхние веки были едва заметно подведены тонкой аккуратной черной линией, хотя будучи блондинкой, она никогда раньше не пользовалась черным карандашом. Кожа была чуть темнее, чем обычно. На фоне всего этого ее светлые прозрачные глаза выделялись так ярко, что казались двумя маленькими зеркалами, в которых отражалось и сверкало чистое голубое небо, чей нежный свет проникал в самую душу, освещал ее, но не согревал, потому что в глубинах этой прозрачной бездны затаились холод и тоска. Эти глаза разучились улыбаться и смеяться, даже в моменты, когда она это делала. Взгляд ее казался бесконечным, и бесконечным было то, что он в себе таил. Глаза эти поразили Касевеса с первого взгляда, как только он их увидел на личике девочки-подростка. К этим глазам нельзя было остаться равнодушным. Молчаливые, скрытные, загадочные. Глаза, которые не хотят рассказывать о том, что им довелось увидеть, но почему-то вызывающие непреодолимое желание это узнать, вывести их печальные тайны, прячущиеся в ее сердце, но отражавшиеся в глазах. Кэрол лишь взглянула на него, посмотрев в самую душу, и с того момента он знал, что готов на все ради этой девочки. Не удивился он тому, что ее так полюбила такая холодная и жесткая женщина, как Куртни. Не удивился тому, что этот взгляд пробил даже жестокое и твердое, как гранит, сердце Джека Рэндэла. До встречи с нею, Касевес никогда даже не думал, что взгляд может обладать такой страшной силой, что глаза могут так покорять сердца, что, увидев однажды, их уже никогда не забыть. Но сама девушка вряд ли осознавала колдовскую власть своих красивых глаз, насколько он знал, она даже была ими недовольна, восхищаясь яркими и искрящимися глазами Рэя, их насыщенным глубоким синим цветом, веселыми, озорными и лукавыми. Да и вообще, самооценка у нее была явно занижена, и Касевес не мог понять, как это возможно у такой красавицы. Или она лукавила или была слепой. Или это был комплекс, укоренившийся еще в детстве, который невозможно было вырвать, даже всенародно признав ее самой красивой и самой лучшей женщиной на планете. А может быть, она инстинктивно

ненавидела свою внешность только за то, что та делала ее так похожей на мать. В общем, Касевес не мог точно ответить на этот вопрос. Тем не менее, теперь, изменив свой облик, Кэрол уже могла спокойно смотреть в зеркало, не видя там свою мать. Но, конечно, она пыталась измениться не из-за матери, а чтобы не быть узнанной. Но даже в новом облике ей уже не раз доводилось слышать от кого-нибудь, что она «поразительно похожа на погибшую жену Джека Рэндэла, только та была блондинкой».

— Ну, как я тебе? — с улыбкой поинтересовалась Кэрол, ласково смотря на старика.

— Немножко неожиданно... но мне нравится. Красивая женщина всегда будет красива, и с темными, и со светлыми, и даже с седыми волосами.

Кэрол засмеялась.

— Седой мне быть не хочется. Что поделаешь, если в свои двадцать семь лет я уже вся искусственная — и зубы керамические, и волосы крашенные. Осталось только лицо переделать.

— Ой-ой-ой! — передразнил ее Касевес. — Искусственная она! Помолчи, девочка, не гневи Бога, давшего тебе такую красоту. Погляди, как мужчины на тебя пялятся. Небось, проходу не дают, а?

Она отмахнулась и засмеялась.

Не слушая его возражений, она отобрала у него чемодан, напомнив, что ему запрещено поднимать тяжелое, положила в багажник своей машины, и повезла старика в свой домик, где Касевеса ждало настоящее потрясение.

Патрик был в школе, и Кэрол со смехом вынесла Уильяму из детской маленького упитанного малыша. Следом за ней вышла молодая женщина, няня, держа на руках еще одного малютку, точную копию первого.

— Вот, Уилл, познакомься, это мои маленькие лисята, — заявила Кэрол, забавляясь над опешившим стариком. — Кристофер и Джеймс.

— Как твои? Откуда они взялись?

— Уилл, тебе столько лет, а ты не знаешь, откуда берутся дети? — засмеялась Кэрол, вручая ему малыша.

— Ах ты, дрянная девчонка! Ты почему мне не говорила? — Уильям обиженно насупился, но тут же растаял, разглядывая пухлое маленькое личико ребенка. — Ой, какие мы хорошенькие! Ну, и кто ты у нас, Кристофер или Джеймс? Плохая ваша мамка, разве можно было от деда вас скрывать? Сто раз по телефону говорили, а она, негодяйка, даже не намекнула!

Он уселся на диван, Кэрол, забрав у няни малыша, примостилась рядом. Уильям с веселым удивлением переводил взгляд с одного ребенка на другого.

— Господи, да они совершенно одинаковые! Как ты их различаешь? Сто раз уже, наверное, перепутала!

Кэрол только рассмеялась. Перестав улыбаться, Касевес взгляделся в малышек более пристально. Лицо его вытянулось от новой неожиданности, обрушившееся на него сделанным открытием. Малышки смотрели на него большими ярко-синими глазами, на головках вились золотистые волосики, маленькие хорошенькие личики имели какое-то забавное сходство с лисьими мордочками...

— Господи! Это дети Рэя?

— С чего ты взял? Нет.

— Нет? Да ты же сама только что назвала их лисятами!

— Так это я просто... лисята, котята... какая разница?

— Кому ты врешь, девочка? Я стар, но еще хорошо вижу. Да они же как две капли воды на него похожи! Потому ты мне о них ничего не говорила? Боялась, что я расскажу о них Рэю?

— Как ты можешь ему о них рассказать, если он считает, что я умерла? Или не считает? Уилл, — Кэрол нахмурилась, впившись в него взглядом, — ты что, все-таки рассказал ему?

— Я не мог не рассказать. Это было бы слишком жестоко, Кэрол. Ладно, может, это заслужил твой муж и его папочка, но не Рэй. Я не мог с ним так поступить. И тебе не следовало.

— И давно он знает?

— Давно. Я сказал ему сразу же. Только меня опередила Свон, как будто ее кто-то просил вмешиваться и сообщать ему о несчастье. Видела бы ты его таким, каким увидел я, когда пришел к нему в тюрьму... Я не мог не сказать, Кэрол.

— И что он?

— Глупый вопрос. Как еще может отреагировать человек на воскрешение из мертвых тех, кого он любит? Но не переживай, он не побеспокоит тебя. Я сказал ему, что ты этого не хочешь, да он и сам это понимает. «Что поделаешь, если ей не нужна моя любовь» — вот все, что он сказал. А еще Джек... он за ним наблюдает. Мне кажется, Джек так и не поверил в вашу смерть.

— Это уже его личное дело. Главное, что он нас не ищет. Ну, или не может найти. Больше меня ничего не волнует.

— Ты очень жестока с ним, Кэрол.

— Ты мне об этом уже говорил. Если тебе нужен ответ, то я отвечу тебе так же, как тогда. Он никогда никого не жалел. Почему я должна жалеть его?

И как полтора года назад Касевес удрученно покачал головой, удивляясь тому, как решительно и без колебаний решила воспользоваться Кэрол сложившейся ситуацией и втянув во все это его, проявив поразившую его тогда жестокость.

Она с Патриком ехала в аэропорт, когда их остановила какая-то женщина с ребенком на руках и со слезами стала умолять уступить ей такси, чтобы она отвезла сына в больницу. У мальчика был приступ аппендицита. Кэрол, конечно, не стала возражать, лишь, выходя из машины, посоветовала женщине вызвать скорую помощь, а не везти мальчика самой. Но та оттолкнула ее от машины, влетела внутрь с воплями, что ее малыш умирает, а перепуганный таксист рванул с места, спеша поскорее доставить ребенка в больницу. Напрасно Кэрол кричала им в след и махала руками — их багаж исчез вместе с такси. Поразмышляя, Кэрол пришла к выводу, что ей ничего не остается, как пойти к Касевесу. Там они узнали о произошедшей аварии и о том, что их приняли за погибших несчастных, незнакомую женщину и ее больного сына. И Кэрол помешала Уильяму опровергнуть это, умоляя сделать ей и сыну новые документы и помочь уехать.

Касевес сначала был просто шокирован ее просьбой, но Кэрол была непреклонна, как бы он не пытался ее облагородить, и стояла на своем.

— Ты с ума сошла? — говорил ей тогда Касевес. — Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты хоронишь заживо себя, а главное, своего сына! Ты не боишься?

— Я хороню? Нет, я никого не хороню. Я же не виновата, что все подумали, что мы умерли. Нас уже похоронили. Мы просто промолчим и уедем, и все.

— А Джек?

— А Джек, наконец-то, оставит нас в покое. И Рэя, и Тимми. Я же говорила, что мне нужно отправиться в преисподнюю, если хочу исчезнуть и не причинять больше никому горя. Вот и отправлюсь. Только мертвую Джек не станет меня преследовать. Ты сам видел, что он творит, чтобы заставить меня вернуться! Что он сделал с Даяной, с Рэем! Хватит! Я не могу это больше выносить... я больше не допущу. Так будет лучше, для всех.

— Но, Кэрол, он же любит вас.

— Вот и хорошо! Пускай узнает, какого это, хоронить тех, кого ты любишь! — с непередаваемой жестокостью проговорила Кэрол, поражая старика. Он смотрел на нее, и не мог поверить в то, что это говорит она, Кэрол, которую он знал.

— Ты изменилась, девочка. Очень изменилась. Я не узнаю тебя, — с болью заметил он.

— Да, изменилась. А кто бы не изменился на моем месте? С волком жить, по-волчьи выть. Как Джек со мной, так и я с ним...

— Кэрол, но ты заставляешь его похоронить сына! Это же бесчеловечно...

— А он и не человек. Он чудовище. Я не говорила ему, что его сын умер. Если он поверил, то это его дело. Почему я должна доказывать ему обратное? Не хочу и не буду. Тогда он не отвяжется от нас. А я не могу позволить ему воспитывать Патрика. Ребенок и так не простой, проблемный, еще не хватало, чтобы Рэндэлы вылепили из него свое подобие, еще одно чудовище! Нет, я должна защитить от них своего мальчика, и прошу тебя мне в этом помочь.

— Кэрол, но Джек... ты его уничтожила.

— Он что, застрелился?

— Нет... пока. Но все может быть.

— Не застрелится, не переживай. Такие не стреляются.

— Ты уничтожила его, Кэрол, — упрямо повторил Касевес.

— Да с чего ты взял?

— Я видел его глаза.

— Уилл, Джека можно уничтожить только одним способом — убить. Больше его ничем не возьмешь. Если он раскается, я буду только рада. Может, хоть это пробудит его совесть!

— А Рэй? Ему-то надо сообщить.

— Нет. Не надо. Поплачет и забудет. Начнет новую жизнь, заведет семью, и не будет хвататься за невозможное и жить пустыми надеждами на то, что я когда-нибудь буду с ним. Так лучше, Уилл. Для него, в первую очередь.

— Ты обезумела, девочка. Ты не понимаешь, что ты делаешь.

— Понимаю. Я дарю им, и Джеку, и Рэю, новую жизнь, я освобождаю их от себя и от своего проклятия, я увожу от них за собой смерть. Если я этого не сделаю, они умрут, как остальные.

Касевес до сих пор не мог понять, почему он это сделал, но он пошел у нее на поводу и помог. Он сделал им новые документы и отправил подальше, оставив все так, как есть, позволив всем считать, что их больше нет, и только Рэю поведав правду. То, что Кэрол запретила Касевесу говорить ему правду, потрясло и ранило Рэя. Он не мог поверить в то, что она готова была так с ним поступить, заставить думать, что она и Патрик погибли. Дав Уиллу слово, что не станет вмешиваться, он попросил не говорить Кэрол, что он, Рэй, знает правду.

— Пусть думает, что я не знаю... если ей так этого хочется, — с горечью проговорил он. — Надо же, она готова стать для меня мертвой, причинить мне такое горе, только бы

отвязаться от меня. Спасибо, Уилл. Спасибо, что сказал.

И Рэй позабыл обо всех своих былых обидах на старика, потому что он избавил его от невыносимой боли и дал возможность думать о Кэрол, представлять, что она где-то живет, живая, невредимая. Пусть не с ним, пусть далеко, но она есть. Ему довелось по ее милости заглянуть в мир, в котором ее не было, прочувствовать и прожить без нее в этом мире несколько самых ужасных и невыносимых дней в его жизни, после чего он понял, что самое важное для него — это знать, что она жива. Касевес подарил ему чудо, он вернул ему Кэрол... пусть не в его объятия, не в его жизнь, но в этот мир. И Рэй был так счастлив одной только мыслью, что там, на кладбище, под камнем со своим именем, лежит не она, что Патрик по-прежнему пакостит и хулиганит, живой и невредимый, и так боялся, чтобы об этом не пронюхал этот поразительно прозорливый негодяй Джек, что сделал над собой невероятное усилие и отпустил их. Отпустил Кэрол, боясь, что своим вмешательством, своей назойливой любовью, от которой она сбежала и спряталась, он опять испортит ей жизнь. И не мог ей простить того, как жестоко она обманула его вместе со всеми остальными, заставив оплакивать. Она всегда была с ним безжалостна, но это уже перешло все границы...

Рэй никогда не спрашивал о ней у Касевеса, но тот сам рассказывал ему все, что рассказывала о себе и Патрике Кэрол, когда они созванивались, зная, что нет ничего, что так интересовало бы Рэя, хоть он и скрывает это.

Кэрол жила в небольшом уютном домике, работала в какой-то строительной компании. Патрик учился. Ни о своей беременности, ни о сыновьях, которых родила, она не сказала ни слова. И Касевес был не только шокирован, но и задет ее скрытностью и недоверием. Но девчонка лишь смеялась и отшучивалась, что хотела сделать ему сюрприз, целовала его в щеки, пытаясь смягчить его обиду. Мальчики дружно агукали и смеялись, дергая его за одежду, что окончательно растопило сердце старика. Он потянулся к своему чемодану и, подтянув к себе, раскрыл.

— Я привез вам подарки. И Рэй кое-что передал тебе и Патрику. Ах, знал бы он, что оставил без подарков собственных сыновей! — Уильям печально вздохнул и протянул Кэрол подарок. Им оказался бриллиантовый гарнитур, который Рэй когда-то ей подарил. Кэрол в замешательстве уставилась на драгоценности.

— Похоже, он больше не хочет скрывать то, что знает, что мы живы, — только и смогла сказать она.

— Не хочет, — Касевес кивнул. — Но он просил тебе передать, чтобы ты не волновалась, он не собирается вмешиваться в твою жизнь. А еще сказал, чтобы ты заложила или продала этот гарнитур, потому что деньги тебе наверняка нужнее.

Кэрол грустно помолчала.

— Он сердится на меня?

— Разве ты забыла Рэя и то, что он не умеет долго сердиться?

Она улыбнулась.

— Как он, Уилл? Как бизнес?

— Хорошо. Процветает. Рэй вошел во вкус, ему нравится. А когда ему что-то нравится, у него все получается. Он всему научился и прекрасно справляется. Куртни в нем не ошиблась. И я тоже.

— Хорошо, — протянула задумчиво Кэрол. — А как у него с личной жизнью? Он женился?

— Нет.

— А женщина у него есть? Ну, я имею в виду, женщина, с которой он встречается постоянно, поддерживает отношения?

— Насколько мне известно, нет. А что? — Касевес насмешливо взглянул на нее своими хитрыми глазами.

— Да просто хочется, чтобы у него все наладилось, появилась семья... чтобы он не был один. А что... с Деборой что-то не получается? Она ведь была от него без ума.

— От него все без ума. А Дебора... помимо деловых отношений, я между ними ничего не замечал. Она, конечно, влюблена в него по уши, а он этим просто бессовестно пользуется в своих деловых интересах.

— Но почему он не хочет ответить на ее любовь? Она же хорошая женщина и так его любит.

— Ну, не хочет... я откуда знаю, я не спрашивал. Наверное, не нравится она ему.

— А кто ему нравится?

— Слушай, Кэрол, я в его личную жизнь не лезу, поэтому на эти вопросы ответить тебе не могу. Ты бы лучше своей личной жизнью занялась, а уж он без бабы не останется. Кстати... ты что, так и не скажешь ему о детях?

— Ты что? — испугалась Кэрол. — Зачем? Он захочет их видеть, общаться, и об этом сразу узнает Джек, тем более, ты сам говоришь, что он так и не поверил до конца в то, что мы погибли. Нет. Опять начнется весь этот кошмар. Джек, наконец-то, оставил Рэя в покое, они живут рядом и не трогают друг друга. Представляешь, что начнется, если Джек узнает, что мы живы, найдет нас? Что будет, если он увидит этих малюток... ведь они так похожи на Рэя, — она в страхе прижала к себе мальчиков. — Что он сделает с Рэем... с нашими с ним детьми? Со мной, за то, что заставила поверить в то, что мы с Патриком погибли? Он же нас всех попросту убьет, разве ты не понимаешь?

Она задрожала, прижимая к себе детей, словно им уже угрожала опасность от ревнивого безжалостного Джека.

— Умоляю тебя, Уилл... ради этих малышек... они ведь ни в чем не виноваты! Молчи, Уилл! Не говори о них Рэю! Ты же сам знаешь, что он не останется в стороне, он примчится сюда, и я никакими силами его отсюда не выгоню, не заставлю его отказаться от детей, о которых он так давно мечтает. А за ним сюда явится Джек. Увидит меня, Рэя и наших с ним детей... Боже, мне это снится в самых страшных кошмарах! Я боюсь этого больше всего на свете!

Касевес удручено молчал, прекрасно понимая, что она права, что все ее страхи и опасения вполне обоснованы и не лишены смысла. Он представлял, как бы обрадовался Рэй, если бы узнал об этих малышах, узнал, что он отец двух прекрасных здоровых мальчиков... что у него есть двое сыновей! И правда, никакая сила не помешала бы ему увидеть их, вторгнуться в их жизнь на своих полных правах отца и больше из нее не исчезать. А Джек, не выпускающий его из вида, улавливая своим поразительным чутьем то, что его обвели вокруг пальца, сразу же узнает об этой счастливой семейке и бросится на нее, как кот в птичье гнездо... и полетят перышки, польется кровь.

— Не бойся, Кэрол, я все понимаю. Рэй ничего не узнает, я даю тебе слово. Меньше знает, крепче спит, ведь так? — он натянуто и невесело засмеялся, забирая у молодой женщины ребенка. — Он себе еще наделает таких вот карапузов, сколько захочет, да? Кто ему мешает? А этих малышек мы с мамой будем оберегать от всякой опасности и делать все возможное, чтобы о них не узнал злой дядя Джек. А мама вам еще найдет папу. Она у нас

молодая и красивая. Кстати, как насчет папы? Ты встречаешься с кем-нибудь?

— Ой, Уилл, скажешь тоже... Хватит с меня мужчин. Я уж лучше как-нибудь сама. Мне так спокойней. Няня у меня хорошая, и с детьми, и по дому... в общем, все на ней. А я работаю. Мы справляемся.

— Нет, так нельзя. И тебе, и мальчикам нужен в доме мужчина. Мало, что ли, ходит вокруг хороших парней? Ты женщина молодая, зачем же крест на себе ставить? Неужто поклонников нет?

— Поклонников хоть отбавляй, только не нужны они мне. Не хочу. К тому же, хоть и ношу я теперь другое имя, но я все еще остаюсь миссис Рэндэл, женой Джека.

— Миссис Рэндэл, напомню, теперь покоится на кладбище. Так что, если ты не собираешься воскресать, твой брак уже не действителен и ты смело можешь выходить замуж.

— Да не хочу я замуж! И брак мой действителен... перед Богом, передо мной. Я жива, и я все еще жена Джека. И так будет всегда.

— Ты можешь оставаться Кэрол Рэндэл, а замуж выйти, как Сандра Эванс, по своим теперешним документам.

— Это имя не настоящее, и брак будет ненастоящим.

— Ну и что? Кто об этом знать-то будет?

— Я.

— Ладно, тебя не переспоришь. Посмотрим, как ты заговоришь, когда влюбишься.

— Я не влюблюсь.

— Девочка, мне семьдесят четыре, но даже я еще влюбляюсь! А тебе-то... ба, ребенок ты еще совсем, вся жизнь впереди. Двести раз еще влюбишься, — он рассмеялся и лукаво добавил. — И Джека своего со временем забудешь.

Кэрол ничего не ответила, отвернувшись. Но Касевес успел заметить промелькнувшую на ее лице глубокую безнадежную печаль. Она продолжала его любить, Уильям с грустью это понял.

Она боролась с собой два дня, но все же сломалась и спросила о нем, так стараясь скрыть свою любовь под равнодушием, что Касевесу стало ее непомерно жаль.

— А как Джек? Давно ты его видел?

— Да нет, как раз перед отъездом видел. У него все хорошо, как кажется. Весь в работе, как всегда. С отцом до сих пор так и не помирился.

— А как его здоровье? Как кровь? Ты не знаешь?

— Как кровь, не знаю, но выглядит он хорошо, красивым, здоровым, энергичным. Вроде бы, собрался податься в политику.

— А-а, хорошо, — Кэрол помолчала, набираясь мужества для следующего вопроса, но, как она ни старалась выглядеть безразличной, в голосе ее все же прозвучала мука. — А женщина у него есть?

— Я не знаю, Кэрол, — серьезно и искренне ответил Уильям. — Его личная жизнь до встречи с тобой и теперь — потемки для всех. Он не женился, это точно.

— А разве он может жениться? — вздрогнула Кэрол. — Вернее... конечно, он может... Но ведь я все-таки жива. Жениться при живой жене... это... как-то...

— Свою жену он похоронил, Сандра, — мягко возразил Касевес, нарочно назвав ее тем именем, которое она теперь носила. — Конечно, его брак, если он женится и если ты воскреснешь, будет недействительным... но ведь ты же не собираешься возвращаться из

мира мертвых.

— Да, конечно, я просто так спросила... не по себе как-то стало... Я все еще ощущаю себя его женой, а его своим мужем... Ладно, проехали.

— Не по себе? А то, что он ходит на могилу к тебе и Патрику — по себе?

В глазах ее вдруг появилась безумная боль, и Касевес испугался, что она сейчас закричит, и пожалел о своих словах. Он обнял ее и прижал ее голову к груди, поглаживая мягкие кудрявые волосы и утешая.

— Ну-ну, доченька, не плачь. Прости меня, дурака старого. Я понимаю, как тебе тяжело, понимаю, почему ты так поступила...

— Нет, — простонала Кэрол, уткнувшись лицом ему в грудь. — Вы не понимаете. И не все знаете. Главного не знаете. Но я не могу вам сказать. Вы не поймете. Я приношу несчастье. Вот видите, я исчезла, и сразу все наладилось. Рэй и Джек перестали воевать, уgomонились оба, успокоились, и теперь им и дела друг до друга нет, тогда как при мне они грызли столько лет друг другу глотки, как два зверя. И никто больше не умирает. Впрочем... и не осталось-то никого. Слишком поздно я уехала. Если бы сделала это раньше, была бы жива и Куртни, и Даяна.

— Девочка, не надо. Не вини себя. Так получилось.

— Да. И хорошо, что «так» больше не получается. Все затихло, все успокоилось. И мне здесь спокойно.

Они помолчали. Она продолжала его обнимать, так, как может обнимать только одинокий человек, когда рядом с ним вдруг появился кто-то родной и близкий. Уильям гладил ее по голове и вздыхал, чувствуя, как его старое больное сердце обливается слезами.

— А Джек... какой он сейчас? Он изменился?

— Не знаю, как тебе и объяснить. Вроде бы и не изменился, но совсем другой.

— Как это?

— Так вот и говорю, что не знаю. Ненастоящий он какой-то стал. Как в маске, за которую не заглянуть. Я же говорил тебе, девочка, уничтожила ты его. Я сразу это понял, как только глаза его увидел... тогда, на похоронах. Непонятное что-то в нем, под панцирем этим... Мне кажется, если в нем что-то и было хорошее, то он похоронил это вместе с вами. Не по себе мне в его присутствии, очень не по себе. Успокоился он, но вконец обозлился. Только злоба эта теперь внутри. Сидит в нем демон, девочка, сидит и молчит, только люди его чувствуют и боятся, как я. Наверное, он из тех, кого горе не ломает, а ожесточает.

— А он... он вспоминает обо мне? Говорил тебе что-нибудь?

— Нет, девочка, ничего он мне о тебе не говорил. Но я видел у него в офисе на столе ваши фотографии. Твои, Патрика, общие семейные. Много фотографий. Везде. Даже на стенах. Он обвесился вами так, как будто хочет с помощью этих снимков почувствовать ваше присутствие. Мне жаль его, Кэрол. Он страдает. И почему-то мне кажется, что никогда он больше не женится. И детей у него больше не будет. Он был одиночкой... и таким и останется.

— Он сам виноват! — дрожащим голосом выдавила Кэрол. — Он сам все разрушил! Он убил Куртни, Даяну, мою маму и свою... он причинил слишком много зла. Кто-то должен был его наказать. Такое зло не может оставаться безнаказанным. Пусть мучается. Он заслужил. Я рада, что смогла ему отомстить. Рада.

«Как бы он не пожелал отомстить тебе, деточка, если узнает, что ты жива. А ведь он это чувствует, и черт заведи меня, если это не так! Я даже почти уверен, что он тайно

продолжает поиски и не остановится, пока не найдет», — думал с тревогой Касевес, сжимая в объятиях молодое женское тело и тая от удовольствия, чувствуя, как в нем все еще живет былой ловелас и, похоже, и не собирается уходить на покой. Он чувствовал легкое удовольствие, но никак не похоть, потому что смотрел на эту красивую женщину, как на дочь... ну, или почти, как на дочь. В общем, он никогда не упускал случая прижать ее к себе и обнять, не больно-то задумываясь над тем, что его к этому принуждает.

Он разглядывал ее и вздыхал, не в силах преодолеть возмущение и досаду, что такая женщина, молодая, красивая, томится без мужской любви, пропадает, так сказать... Ах, где его молодые годы! Где мужики, перевелись все, что ли? Почему позволяют этому сладкому сочному плоду киснуть, вянуть этому дивному прекрасному цветочку без тепла и света любви? Сюда бы Рэя... Сразу бы растормошил он это уснувшее грустное гнездышко, разворошил бы ее слишком аккуратную постельку, которую давно уже пора превратить в хаос любовных безумств. И выбил бы из ее головки мысли о Джеке, заставил бы забыть о тоске и одиночестве. Некогда было бы ей о нем думать, да грустить. Касевес искренне сожалел о том, что Кэрол и Рэй не могут быть вместе. Он считал, что он как раз тот мужчина, который ей нужен. Рэй по-прежнему оставался его любимчиком, и никто не мог затмить его в глазах старика, потому что, как и себя, Рэя он считал истинным мужчиной, настоящим, каких сейчас мало. Где они, эти мужчины? Разве позволил бы Рэй томиться без любви такой девушке, если бы был рядом? Нет, как и он, Касевес, Рэй знает, что женщины рождены для них, для того, чтобы их любить. А они, мужчины, рождены для того, чтобы любить, чтобы срывать эти прекрасные цветки, вкушать эти сладкие плоды...

А Кэрол не думала о мужчинах. Она спала в одиночестве, в свои-то годы, когда только и надо, что забавляться в постели, а не спать. Потому она и грустит, и думает о своем Джеке, что нечем заполнить эту пустоту в душе и в постели. Уж не собралась ли она всю жизнь хранить верность своему супругу, мучаясь угрызениями совести из-за того, что потеряла голову в объятиях стоящего мужика, Рэя, рядом с которым просто грех не потерять голову, как считал Касевес. А Джек...

Она будет любить его всегда, он это понял. Но знала, что после того, что она сделала, пути назад нет. Джек никогда не простит и не пощадит ее после этого. Пожалела ли она?

Касевес пробыл у нее в гостях две недели, и все это время внимательно за ней наблюдал. Нет, она не жалела. Она жила как человек, добровольно обрешив себя на одиночество и страдания, как человек, которому не оставалось ничего другого и который не мог поступить иначе, чем поступила она, отказавшись от любимого мужчины. Она была несчастна, Касевес видел это. Очень несчастна. И очень одинока. Лишь дети были ее единственным утешением, и ради них она теперь жила. Аманда, ее няня, подруга и помощница, обожала детей, да и к самой Кэрол относилась с нежной и какой-то жалостливой симпатией. Няня ничего не знала о прошлой жизни Кэрол, и не лезла с расспросами, хотя было заметно, что ее одолевает любопытство. Как понял Касевес, Кэрол никому ничего не говорила о себе, носила на пальце скромное золотое колечко, которое когда-то перед священником надел ей Мэтт, хранила урну с его прахом, возле которой стояла в черной рамке его фотография и статуэтка. Патрик часто стоял рядом и разглядывал незнакомое лицо на снимке. Кэрол рассказала ему, что до того, как она вышла замуж за его папу, у нее был другой муж, но он умер через несколько дней после их свадьбы. И уверила мальчика, что он вовсе не был маньяком, а папа просто из ревности такое про него наговорил. С удивлением она замечала, что мальчик уделяет много внимания фотографии

Мэтта, и не могла понять, почему. Патрик любил также разглядывать и статуэтку, сделанную его руками. Он усердно и с интересом вырезал из дерева разнообразные фигурки, лепил их из пластилина, и говорил маме, что хочет стать скульптором. Кэрол даже записала его в специальный кружок, чтобы мальчик мог развивать свой талант. Ну, насчет таланта пока было не ясно, но вдохновения у ребенка было хоть отбавляй. Кэрол не знала, куда девать его работы, которыми он завалил весь дом, но была рада, что у мальчика есть увлечение. К тому же мальчик стал заниматься боксом, записался в секцию и был очень доволен. Кэрол не возражала. Особых неприятностей он ей не доставлял, если не считать поколоченных им мальчишек, с которыми он устанавливал отношения и доказывал свой авторитет, но увечий он никому не наносил. В общем, был обычным мальчишкой, разве что слишком вздорным, надменным, характерным и через чур бесстрашным, но Кэрол это не особенно тревожило, потому что она ни на секунду не забывала, чья кровь течет в жилах Патрика, и чем старше он становился, тем явственней было видно, что он сын своего отца, настоящий Рэндэл, как бы Кэрол этому не пыталась помешать. Но мальчик проявлял не только отрицательные черты характера Рэндэловской крови, но и имеющиеся у нее положительные и достойные, такие, как самостоятельность, ум, сообразительность. В свои неполные семь лет он вел себя, как мужчина и глава семьи, чувствуя ответственность за маму, как за слабую женщину, и за маленьких братьев, даже не догадываясь о том, что у них другой папа. Кэрол умилялась и гордилась своим не по годам умным и самостоятельным сыном. Он вырастит настоящей личностью, сильной, выдающейся, как и его отец, это уже было ясно, только она надеялась, что своей любовью, своим воспитанием смягчит отрицательные стороны унаследованного им характера от деда и отца. Патрик был слегка высокомерен даже с ней, с негодованием отвергая ее заботу и лишние, как он считал, нежности, доказывая, что он уже слишком взрослый, чтобы мама накрывала его своей юбкой. С болью в сердце Кэрол видела, что даже теперь, особенно теперь, когда Джека не было рядом, он еще больше стал ему подражать. Мальчик очень скучал по нему, очень нуждался, но старательно пытался это скрыть, слишком гордый, чтобы показать свою слабость. Но увидев однажды отца по телевизору, он не выдержал, расплакался и убежал в свою комнату, откуда не выходил потом целый день. Плакала и Кэрол, и в какой-то момент едва не поддавалась порыву отправить мальчика к Джеку. Она схватила телефон и набрала номер. Она не рассчитывала застать Джека дома днем, но он вдруг взял трубку. Услышав его голос, Кэрол оцепенела. Не дождавшись ответа, он не положил трубку, а почему-то продолжал молчать и слушать.

— Кэрол, это ты?

Вздвогнув и перепугавшись, она поспешно бросила трубку. Он не мог этого сказать, ей послышалось! Она никогда больше не поддавалась искушению услышать по телефону его голос. Все, что она могла придумать, чтобы объяснить Патрику то, что они уехали и не могут быть с папой, а так же чтобы предотвратить попытки мальчика связаться с ним, с Рэем или дедом — она сказала, что они вынуждены прятаться от врагов Джека, которые хотят их найти и убить, чтобы ему отомстить. Поэтому папа не может с ними связаться, так как за ним следят, и они не могут ему даже позвонить. Сказать, что Джек, например, умер, Кэрол бы не смогла, да смысла в этом не было, потому что Джек время от времени мелькал на экранах телевизоров. Этим же она могла объяснить и конспирацию. Уверенный в том, что за ними охотятся бандиты, Патрик держал язык за зубами, не выдавая никому ни их настоящей фамилии, ни настоящего имени мамы, ни того, кто был его папой. Кэрол понимала, что это

не может длиться вечно. Патрик рос, и она понимала, что не сможет долго его удерживать, что придет время, когда он поймет, что к чему и захочет встретиться со своим отцом. Ей придется держать ответ перед сыном за то, что она сделала. Она не знала, что тогда ему скажет. Не может же она рассказать о том, что его обожаемый отец на самом деле собой представляет, скольких он погубил, и почему ей пришлось от него бежать. Кэрол думала об этом и о том, что делать дальше. Она склонялась к мысли уехать туда, где Джек был не известен, куда не дошла его слава, где Патрик не мог ни услышать о нем, ни увидеть по телевизору. Где она могла сказать, что его папы больше нет... Патрик еще маленький, он отвыкнет за это время от него, подзабудет и не будет страдать так, как если бы она сделала это сейчас. А может быть, она не станет противиться и позволит Патрику встретиться с ним, и будь что будет. Не смотря ни на что, ее мучила совесть за то, что она разлучила их и утешалась мыслью, что совсем скоро они встретятся, обретут друг друга, отец и сын. Может быть, Джек поостынет к тому времени, и отпустит ее и ее близнецов, не причинив никакого вреда. А Патрик сможет жить и с ним, и с нею, как она когда-то и хотела. Кэрол чувствовала, что так и сделает, скорее всего, понимая, что не имеет никакого права отбирать у Патрика отца, а у Джека, каким бы он ни был, единственного сына. И пусть Джек не простит ее, пусть сделает, что хочет, лишь бы детей ее не тронул. Все равно эта жизнь не доставляла ей никакой радости. Главное, сейчас все хорошо, у нее, у Джека и у Рэя. Они живы, ее проклятие их больше не преследует. Никто не умирает. Это главное. А время покажет.

Но Касевес был иного мнения. Теперь, увидев детей Рэя, он заговорил с Кэрол о том, чтобы уехать раз и навсегда подальше и от Джека, и от Рэя. И возможность общаться с отцом, которую она собиралась предоставить Патрику со временем, он считал недопустимой. Он напомнил Кэрол о том, какой есть ее муж, и посоветовал никогда об этом не забывать. Если она пошла на крайние меры, то пути назад нет, и придется ей идти до конца. У нее нет больше мужа, а у Патрика нет отца. И будет лучше, если мальчик уяснит это уже сейчас, пока еще маленький и сможет легче это пережить. А также посоветовал Кэрол найти себе мужчину, которого малыш смог бы научиться воспринимать, как отца, и полюбить. Пока он еще так мал, это вполне возможно.

Но пока Кэрол уходила от этой темы. Она понимала, что единственная возможность навсегда отрезать Патрика от отца, это сделать это тем же способом, каким она отрезала сына от Джека. Но она не могла заставить себя причинить ребенку боль. К тому же мысль, что он все равно когда-нибудь узнает о том, что отец его жив, что она жестоко его обманула, разлучила их, была ей невыносима и очень удручала.

Ситуация разрешилась сама собой, и таким образом, что Кэрол была шокирована. Однажды ночью Патрик пришел к ней в спальню. Она проснулась оттого, что почувствовала его взгляд. Открыв глаза, она увидела, что он стоит над ней и смотрит. Привстав, Кэрол протянула руку и зажгла ночник.

— Рик, что случилось? Тебе приснился страшный сон?

С трех лет Патрик спал один в своей комнате. Проверая его сон по ночам, Кэрол часто замечала, что он включал ночник, видимо, боясь темноты. Джеку это не нравилось, но Кэрол уговорила его не вмешиваться. Она помнила, как страшно было ей самой маленькой в темной комнате, особенно, когда она просыпалась после ночных кошмаров, преследовавших ее с раннего детства, но мать запрещала ей спать с ночником. Даже будучи взрослой, когда жила одна в своей квартире, Кэрол частенько включала ночью торшер. Часто она задавалась

вопросом, не мучается ли ее сын ночными видениями, подобными тем, что всю жизнь мучают ее. Она пыталась расспросить ребенка, но он молчал. По выражению его лица Кэрол поняла, что что-то такое с ним все-таки происходит, но почему-то мальчик не хочет с ней об этом говорить. Его скрытность, такая необычная для ребенка его лет, нежелание подпускать к себе даже маму, не нравились и тревожили Кэрол. Она помнила, что ей всегда хотелось поделиться с кем-нибудь своими страшными снами, чтобы ее успокоили и утешили, объяснили, почему ей видятся всякие страшные вещи, и чем старше она становилась, тем сильнее в ней укреплялась эта потребность, тем больше появлялось вопросов. Теперь она знала ответы. Знала, почему ей снятся страшные сны и почему они сбываются. То же самое происходило и с ее матерью. Доктор Гейтс назвал бы это наследственной патологией, болезнью, формой психического расстройства. Кэрол воспринимала это иначе, как дар и проклятие, перемешавшиеся в их крови и передающиеся из поколения в поколение. Возможно, Элен этого не понимала, и это свело ее с ума. Ей, Кэрол повезло больше, потому что она встретила того, кто смог ей все разъяснить, Габриэлу. Вопреки предсказаниям провидицы, Кэрол очень надеялась, что это минует Патрика, что ее сын не будет страдать от проклятия, уничтожающего все вокруг него, и дара предвидения, позволяющего видеть, что произойдет и терзаться в попытках этому помешать. Она панически боялась, что ее сын будет жить в том же аду, что и она, что она передаст этот ад своему мальчику, лишив его возможности жить обычной человеческой жизнью, любить и быть счастливым, а не обречь себя на одиночество, как она, дабы не уничтожить своим проклятием жизни любимых. Она надеялась, но чувствовала, знала, что ее мальчика это не миновало. Она чувствовала себя виноватой, приходила в отчаяние, но утешалась тем, что она может ему все рассказать и объяснить, когда он вырастет настолько, чтобы понять, что ее мальчик научится с этим жить, а, может быть, даже найдет способ от этого избавиться. Может, они вместе найдут. Но скрытность мальчика, его замкнутость, могли не только помешать ей помочь ему, но и обернуться для него катастрофой. Кэрол тешилась мыслью, что, может быть, Патрик обычный ребенок, и сны ему такие не снятся, как ей, что он родился не таким, как она, поэтому и молчит — ему просто нечего у нее спрашивать, его ничего не беспокоит, потому что то, что сломало ей жизнь, его обошло стороной. Но вот настал момент, когда ее надежды разбились в пух и прах.

— Мама, — дрожащим голосом проговорил Патрик, смотря на нее такими грустными тоскливыми глазами, что Кэрол поспешно вылезла из-под одеяла и потянулась к нему. — Мы никогда не вернемся к папе, да?

Кэрол привлекла его к себе, усадила на колени и обняла, поглаживая по головке. Забыв о своем высокомерии, мальчик прижался к ней и обхватил ее плечи руками. Кэрол стиснула зубы, чтобы не заплакать.

— Ты скучаешь по нему, мой мальчик? Ты хочешь, чтобы мы к нему вернулись? — она заглянула в залитое слезами личико, готовая сейчас же, наплевав на все, схватить трубку и позвонить Джеку, только бы не видеть своего ребенка таким несчастным.

— Да, скучаю и хочу к нему, но знаю, что нельзя. И мы никогда не вернемся к нему, никогда! Потому что мы проклятые, и если мы приедем к нему, он умрет. И нет никаких бандитов, которых ты выдумала.

Кэрол ошеломленно смотрела на него, не зная, что сказать.

— Мы проклятые, — повторял мальчик. — А папа нет. Я очень хочу к нему, и ты хочешь, я знаю, только мы не можем... не можем...

— Сыночек, откуда ты все это знаешь?

— Что?

— Ну... что нам нельзя возвращаться к папе, что мы... проклятые? Кто тебе сказал такое?

— Никто. Я сам знаю.

— Знаешь? Откуда?

Патрик пожал плечами.

— Знаю, и все. Я всегда знал. Не плачь, мамочка. Я знаю, что ты плачешь по ночам, — он обвил ее шею руками и прижался щекой к ее щеке. — Я с тобой. Я никому не дам тебя в обиду. Я буду тебе вместо папы. Мы не с ним, но ведь он у нас все равно есть, а если мы к нему придем, то его не будет... вообще. Пусть будет лучше так, как сейчас. Я не хочу, чтобы папа умер. А когда я вырасту, я буду издалека на него смотреть, иногда, и сразу уходить, чтобы не успеть навредить.

— Патрик, ты видишь сны... необычные? Откуда ты все это взял? — не могла поверить собственным ушам Кэрол.

На лице ребенка вновь появилось отчужденное замкнутое выражение, он отстранился и высокомерно вздернул подбородок.

— Я знаю и все! — упрямо, с ноткой раздражения повторил он. — Я просто хотел сказать тебе, чтобы ты знала, что не нужно выдумывать для меня глупые объяснения, я уже взрослый, все знаю и все понимаю. Ты все правильно сделала, мама. А папа, он не знает, да? Не знает, почему мы его оставили? Не знает, что мы плохие?

— Рикки, мы не плохие, ты неправильно думаешь. Мы просто... не такие, как все. Когда-то очень давно, когда ни тебя, ни меня еще не было на этом свете, Бог наградил... или наказал наших предков особым даром видеть то, чего не могут видеть другие люди.

— Мертвых? И будущее? И сны? Видеть другой мир, да, мама?

— Да, что-то вроде того. И был кто-то, очень злой и сильный, кому не понравился этот дар или чем-то помешал, и он, или она, наслали на наш род страшное проклятие.

— Смерть?

— Да, мой маленький умный мальчик. Но она охотится не на нас, а на тех, кто рядом с нами, кого мы любим. Я слишком поздно это поняла, когда почти никого не осталось в моей жизни. Поэтому я уехала от папы и от Рэя. Мне нельзя сблизиться с людьми, я должна быть одна, только с вами, в стороне от всех. Но ты не думай, что ты такой же, как я. Может быть...

— Нет, я такой же, я знаю. Я проклятый, как ты, мама. И я все вижу!

— Что ты видишь? Расскажи мне.

Лицо мальчика вдруг окаменело, а в глазах промелькнул страх, но он не ответил, все больше замыкаясь в себе.

— Папа ведь не верил тебе, да? Он считал тебя сумасшедшей? И меня он тоже считал сумасшедшим.

— Нет, сынок, это не так!

— Но ведь он заставлял меня ходить к психиатрам! А потом он бы отправил меня в психушку, как тебя. А я не хочу туда, я никогда не позволю... никому! Потому что я нормальный! Я не больной!

— Нет, конечно, нет, Рик, и папа так никогда не думал. А к врачам он заставлял тебя ходить из-за того случая с мальчиком, когда ты его гантелей ударил... помнишь?

— Ну, ударил, и что? Значит, я сумасшедший, да?

— Нет. Просто это было очень жестоко с твоей стороны, ты его покалечил, едва не убил, а так делать нельзя.

— Он мне сам позволил, — странным вкрадчивым голосом ответил Патрик, прищутив заблестевшие при свете ночника холодным металлическим блеском глаза. — Кто мешал ему защититься или сделать то же самое со мной?

— Он был слабее тебя.

— Если он слабее, нечего зарываться! Он дразнил меня хлюпиком, и я просто показал ему, что это не так. Разве ты сама не пробила на смерть когда-то голову женщине? Разве моя бабушка, не Куртни, а настоящая, та, которая умерла в дурдоме, не была настоящей убийцей? Разве твой первый муж, Мэтт, не был маньяком и убийцей? Был, и папа сказал правду о нем. Ведь это он выпустил его на свободу. И ведь ты все равно любишь этого Мэтта, впрочем, я его тоже люблю. Он мне нравится.

Кэрол смотрела на мальчика, ни жива, ни мертва.

— Откуда ты все это взял? Кто тебе такое наговорил?

— Они. Элен, Мэтт, та женщина, которую ты убила. Бабка, Элен эта, не нравится мне, она плохая, злая очень и не любит меня и тебя, все время меня пугает. А Мэтт, он прикольный. И он тебя очень любит, говорит, что ты очень хорошая, добрая, чтобы я тебя слушался и не обижал. А еще он говорит, что папа тебя обижал, даже бил, что он трахался с тетей Даяной... ну, то есть, я хотел сказать, изменял тебе. Только я не верю ему. Ведь он врет, правда, мам?

— Да... врет, — выдавила Кэрол. — Скажи, сынок, ты видишь их во сне? Ну, Мэтта Элен...

— Не только. Мэтт, например, живет с нами, разве ты не знаешь? Ходит за тобой по пятам, как привязанный. Он тоже проклятый, только не такой, как мы. Он забавный, добрый, совсем не похож на маньяка. Он меня очень любит, учит лепить фигурки. А еще он спит рядом с тобой в постели, только я не сержусь и разрешаю ему, ведь его как бы и нет...

Кэрол подскочила, как ужаленная, отпрыгнув от кровати, чувствуя, как леденеет от ужаса кровь.

— Хватит, Рик! Это уже не смешно. Ты решил меня попугать, да?

На лице мальчика отразилось удивление.

— Как, разве ты не знаешь? Не видишь? А я думал, что ты просто притворяешься, чтобы я не догадался. Вон же он, сидит, посмотри. Еще и кулаком мне грозит.

Кэрол невольно обернулась, почти поверив в то, что увидит Мэтта. Она хотела этого больше всего на свете, чтобы он действительно оказался сейчас здесь, и готова была поверить в то безумие, ту жестокую шутку, что сыграл с ней Патрик. Но она ничего не увидела, и разочарование жестокой болью сдавило ей сердце. Внезапная злость вспыхнула в ней, когда она услышала хохот несносного мальчишки.

— Иди спать, Рик, — холодно сказала она, стараясь сдержать себя в руках.

— Мам, ты что, обиделась?

— Иди. Я рада, что ты все знаешь и о бабушке, и обо мне, и мне не придется самой все тебе рассказывать. Делай выводы и не обижай людей, если не хочешь кончить в психушке, как она. Мы поговорим позже обо всем. Тебе нужно научиться жить с этим, чтобы оно не свело тебя с ума и не превратило в чудовище, как Элен.

— А нельзя как-нибудь это проклятие снять? Не хочу я, как ты... в стороне от людей,

как изгой... Ведь снимаются же проклятия как-то, значит и наше можно снять.

— Этого я пока не знаю, сынок, — смягчилась Кэрол. — Конечно, мы будем искать способ или того, кто это сможет сделать. Мы обязательно попробуем от него избавиться.

Подумав, Патрик решил проявить чуточку нежности, чувствуя себя виноватым за жестокую шутку, которую сыграл с ней, и поцеловал маму в щеку. Но раскаяние не удержало его от следующего поступка.

— Спокойной ночи, ма, — сказал он и, отвернувшись, бросил уже у самой двери. — Спокойной ночи, Мэтт.

Кэрол долго смотрела на кровать, не решаясь лечь, так и не поняв, шутил ли Патрик или нет. Конечно, шутил, и ей, взрослой женщине, стыдно верить в то, что на ее постели лежит Мэтт и ждет, когда она устроится рядышком. Но, черт возьми, откуда тогда Патрику так много известно, особенно главное? Он мог прочесть о Мэтте в какой-нибудь газете, ему могла попасться статья о ней и Элен, выпущенная в свет стараниями Даяны — все это разумно объяснимо. Но о проклятье он мог узнать только от двух человек — от нее или от Габриэлы. Но ни она, ни слепая провидица ничего ему не говорили. Тогда как? Ответ напрашивался один, хоть и казался безумным. Патрик обладает даром, но даром намного сильнее, чем у нее. Он видит больше, знает больше, лучше понимает в свои семь лет, чем она в свои годы. Тревога и смятение наполнили ее душу, и она не могла понять, хорошо это или плохо. Но она почувствовала и облегчение оттого, что Патрик ее понимает, что он все знает, и ей не надо больше ломать голову над тем, как ему все объяснить и помешать связаться с отцом. Ее мальчик знал, почему она их разлучила, и, самое главное, он ее не осуждал и не винил. Значит, уезжать куда-то опять и прятаться нет больше необходимости, она спокойно может оставаться здесь, не беспокоясь о том, что Джек до них доберется. Касевес и Рэй никогда не проболтаются, в них она была уверена, Патрик не будет ни звонить, ни встречаться с отцом, боясь ему навредить. Ведь он сказал «когда я вырасту, я буду смотреть на него иногда, издали», а это значит, что пока мальчик не собирается это делать. У Кэрол появилась мысль свозить Патрика к Габриэле, чтобы та рассказала все то, что мальчик таит в себе и не хочет делиться, то есть о том, что он видит, что может и какие возможности дает ему унаследованный дар. А также, насколько сильно над ним проклятие. В общем, чтобы она рассказала все, что Кэрол должна была знать о своем сыне. Подумав о Габриэле, Кэрол вспомнила один момент их беседы, с которого, впрочем, она и началась. Старуха возмутилась тем, что она пришла не одна, как она просила, а потом рассмеялась, сказав, что она, как и все, слепая и не видит.

«А-а, проклятые, — сказала она тогда, как будто с Кэрол был кто-то еще. — Садись, твой приятель постоит».

«Мэтт тоже проклятый, мама, только не такой, как мы... Он ходит за тобой по пятам»...

По спине у Кэрол пошел холодок, она поежилась, с суеверным страхом разглядывая кровать, как будто надеялась разглядеть на ней что-то невидимое. Господи, неужели правда?

Ее охватили и ужас, и радость одновременно. Страх перед неизведанным и жутким, перед духом, привидением, или как там еще называют подобные явления, перемежался с мучительным желанием, безумной мечтой, никогда не покидавшей ее, о том, чтобы он был рядом... с отчаянным порывом думать, что он не исчез, не истлел, не превратился всего лишь в пепел, который она с такой преданной самозабвенной любовью хранила. Кэрол не могла умом постигнуть смерть. Как это, был человек, жил, чувствовал, думал, и вдруг его нет, а это все уничтожено раз и навсегда в одно мгновение, а живое превращается в мертвое,

бесчувственное, словно и не было в нем никогда жизни, и разрушается, исчезает, предаваясь забвению. Вот был Мэтт, такой красивый, сильный мужчина, он улыбался, обнимал ее, целовал, любил, он мечтал вместе с ней и строил планы счастливого будущего — а теперь его нет. Кэрол до сих пор не могла этого осознать, поверить, так же, как не могла поверить, что нет Эмми. Ей казалось, что он просто куда-то уехал, но осознание того, что его не существует, так и не проникло ни в ее сердце, ни в ее мозг. Она все еще помнила прикосновение его губ, их вкус, помнила теплоту его объятий, взгляд, голос, смех, слезы. Время не стирало это из ее памяти, и она была ему за это благодарна. Воспоминания были ее сокровищем, и она ни за что не хотела их терять, потому что эти воспоминания — это то, во что превратились те, кого она любила и потеряла. Она хранила их в своем сердце, в памяти, мыслях. Без них ее душа была бы пуста, как был пуст для нее мир и собственная жизнь теперь. У нее не осталось своей жизни, не осталось себя — она все это потеряла. Теперь она жила жизнью своих детей, ими и для них. Работала только затем, чтобы их прокормить, улыбалась и смеялась только для них, чтобы они не знали, что их мать потеряла себя, что ненавидит и презирает и себя, и свою жизнь. Она была вампиром, который питается чужой кровью, отнимая жизни, проклятым существом и ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать с этим и продолжала жить, в жалкой попытке спасти от себя людей, потому что даже не имела права умереть. Она должна была жить, ради Патрика, чтобы помочь ему с тем, чем его наградила — даром и проклятием, спасти его от того ужаса, который напророчила ему Габриэла. Она задавалась вопросом, что с близнецами, но о них провидица не говорила ничего плохого, наоборот, заставила ее родить, потому что, если бы не обещание и не вера в слова старухи о важности ее детей в будущем, она скорее бы сделала аборт, чем рискнула родить от Рэя. Только как она сможет помочь Патрику, если скоро умрет, как увидела во сне? Габриэла говорила, что спасение в благословенном, в красивом мужчине с синими глазами, которого она давно знала, которого оберегает само провидение, какие-то высшие силы, в котором столько света, что он способен разогнать даже ее тьму... Но она упустила его, и где его искать не знала. Они встретились лишь на миг, и снова потеряли друг друга в этом огромном мире. Этот благословенный — Тимми, больше не кому. Под приметы еще попадал Рэй, он тоже был красивый и синеглазый, и она тоже давно его знала, не так давно, как Тимми, конечно, но достаточно долго. Но какой он благословенный, всю жизнь жил, горя не знал, не жизнь, а сказка, ни трудностей, ни испытаний, все ему жизнь на блюдечке поднесла, легко, беззаботно... А вот Тимми прошел через ад, смерть приходила за ним, он умирал, но воскресал — тогда в парке, когда на него напал Убийца, потом на войне, где был расстрелян в плену, потом после ранения в голову. Его загрызла собака, буквально разорвав горло, его расстреляли и выкинули с остальными трупами, ему в голову, в мозг прилетел осколок — а он продолжает как ни в чем не бывало ходить по земле. Разве это не чудо? Вот кого оберегают высшие силы, вырывают из когтей смерти, которыми она в него не раз уже вцеплялась. Это он благословенный, Кэрол даже не сомневалась в том. Ведь недаром еще мальчиком он так походил на ангела. Габриэла говорила ей о нем, Кэрол сразу поняла, что это Тимми, но упустила свой шанс. Где его искать теперь она не знала. Дар ей в этом не помогал, она не видела его больше. Она могла видеть только смерть, беду. Она планировала обратиться за помощью к Габриэле, съездить к ней, чтобы показать Патрика, попробовать с ее помощью найти благословенного. Она надеялась, что провидица ей в этом поможет. А еще теперь у нее прибавился вопрос и о Мэтте. Она хотела знать, правда ли то, что ей сказал Патрик.

Набравшись храбрости, Кэрол все-таки заставила себя лечь в постель.

Протянув руку, она погладила простынь рядом с собой.

— Если бы это была правда, и ты был бы здесь, со мной... как бы счастлива я была. И ничего бы мне больше не надо было от жизни. Мои дети и ты. Когда-нибудь мы все равно будем вместе. Ты не можешь вернуться ко мне, зато я могу прийти к тебе. И когда-нибудь я приду. Если верить моим снам, это будет совсем скоро, и тебе недолго осталось ждать... если ты, конечно, меня ждешь. Поэтому мне совсем не страшно умирать, потому что там ждешь меня ты. И все остальные, кого я люблю. Возможно, там мне будет лучше, чем здесь. Жаль только, что я не успею вырастить своих детей. Совсем скоро я умру в газовой камере, а Касевес позаботится о них. У них есть отцы. Патрик вернется к Джеку, а Рэй станет хорошим отцом для лисят. За них я спокойна. Их папы не дадут их в обиду, они позаботятся о них, может быть, даже лучше, чем я. А я буду наблюдать за ними и навещать их во снах...

Вот так она и жила, уверенная в своей скорой смерти и в ожидании конца, не видя ни будущего, ни света, ни надежды. Жила, как обреченный человек, приговоренный к смертной казни с небольшой отсрочкой. И ненавидела свой дар, который вынудил ее это знать и жить в мучительном невыносимом ожидании, от которого, как ей иногда казалось, она потихоньку сходит с ума. Это был не дар, это было еще одно проклятие. Неведение — это счастье, это блаженство. А знать о своей скорой смерти, ждать ее, не имея надежды на спасение, считать дни и смотреть в глаза своей смерти, наблюдая, как она медленно и неизбежно к тебе подкрадывается, знать, что ты не убежишь, что ты обречен — существует ли для человека пытка ужаснее и невыносимее этой? Нет. И Кэрол жила в этой пытке, с ужасом и отчаянием наблюдая, как роковой день, последний, все ближе и ближе, с каждой минутой, с каждым часом. И ей было безумно страшно. Ей казалось, что волосы шевелятся у нее на голове, и каждый раз седеют заново под краской, когда она повторяла про себя роковую дату. И знать это было невыносимо. Настолько невыносимо, что только дети удерживали ее от того, чтобы наглоглотаться снотворного, заснуть и больше не проснуться, прервав свою пытку и избавиться от ужасной участи, уготованной ей судьбой. Но она терпела, воспринимая это, как наказание за все то зло, что она принесла в этот мир своим пребыванием в нем. Наказание. Но вряд ли искупление.

Касевес видел ее пустой взгляд, в глубинах которого таились страх и отчаяние, понял, что она не живет, а только пытается жить, изо всех сил, как человек, решивший дотащить свою тяжелую ношу до конца, и только потом упасть, позволив ей себя раздавить. Она была не искренней, когда смеялась и веселилась, как человек, утративший всякую способность это делать, но не желающий показывать это другим. Касевес, естественно, не мог понять истинную причину того, почему это с ней происходит, но предполагал, что она просто потерялась в жизни, растерялась и не знала, как жить дальше и, возможно, не очень-то и желая это делать. Он искал ответы в любви, считая, что именно это делает девушку несчастной. Может, дело в Джеке, он та болезнь, что высасывает из нее жизнь? Да, он, несомненно, был ее болезнью, но той ли, что не давала ей жить? Неужели она его настолько любит?

Касевес наблюдал за ней, приглядывался, крайне обеспокоенный. Она редко говорила о Джеке, но в такие моменты бледнела или мрачнела, цепенела, превращаясь в больного человека, чью рану затронули, заставив вновь кровоточить. Она не хотела вспоминать о нем, и всячески избегала разговоров на эту тему. Зато она светлела, улыбалась и сверкала глазами, когда речь заходила о Рэе, и постоянно сама начинала о нем говорить и

расспрашивать. Было видно, что воспоминания о нем доставляют ей удовольствие, хоть и не без доли боли, что ей было приятно думать о нем, и она согревалась мыслями о нем, с радостью впускала в свое сердце, в свою жизнь, как горячий нежный лучик света, единственный, которой пробивался к ней сквозь тьму ее отчаяния и одиночества. Казалось, она готова была говорить о нем бесконечно, что Джек был ядом для ее сердца, а Рэй, наоборот, лекарством, бальзамом для души, которым она тщательно старалась намазаться, дабы унять свою боль. Ей очень не хватало Рэя в своей жизни, и она тщетно старалась заполнить эту пустоту разговорами о нем, воспоминаниями. И Касевес доставлял ей эту радость, рассказывая об этом плуте и проказнике, играющим со своим бизнесом, как кот с клубком, не боясь его запутать или порвать, и уже прославившимся озорством и ловкостью. Касевесу из-за всего этого казалось, что он так до сих пор и не научился относиться серьезно к бизнесу и работе, что просто играет в них, как в полюбившуюся игру и старается сделать ее как можно более интересной и занимательной. И Уильям боялся, что наступит момент, когда эта игра Рэю прискучит, и тогда все пойдет прахом. И именно это несерьезное отношение лишало его всякого страха и осторожности, но те, кто не знал его так хорошо, как Касевес, воспринимали это за храбрость и уверенность в себе чистой монеты, проникшись уважением к этим похвальным качествам. К Рэю все относились хорошо, хоть это и казалось невероятным, все симпатизировали, даже конкуренты. Этот лис умудрялся всех очаровать, даже самые суровые акулы бизнеса о нем говорили с теплой улыбкой, беззлобно реагируя на его лукавство и озорство и относясь к ним снисходительно. Рэя невозможно было провести или обвести вокруг пальца, и вскоре это поняли все. Зато он сам проделывал это с легкостью и с удовольствием, прекрасно усвоив, где и с кем это делать можно, а с кем нельзя. Например, он без зазрения совести обводил вокруг пальца конкурентов, чтобы опередить их, обойти и выхватить лакомый кусок или добраться до него первым. Но никогда не позволял себе лукавить с партнерами, в общем, с теми, кто был с ним, а не против. На новом поприще он быстро оброс друзьями и доброжелателями. Касевес был доволен, это было заметно по тому, как он рассказывал о Рэе. Он гордился своим любимчиком и был рад тому, что тот его не разочаровывает.

— Люди любят его, а это зарок успеха во всем, — говорил Касевес, по себе зная, что человеческая благосклонность и доверие — это сила, которая всегда поддержит и протолкнет вперед, что владея людскими сердцами, ты владеешь миром. — Он так похож на меня, словно от меня на свет родился!

Кэрол смеялась, слушая о проказах Рэя, о которых ей рассказывал ее гость, и не могла не согласиться с тем, что Рэй на самом деле вылеплен из того же теста, что и Касевес, чему он, одинокий старик, доживающий свою жизнь без детей, был так рад. А Уилл все говорил и говорил, видя, что только Рэй, этот взрослый мальчишка, вернее, разговоры о нем, вызывают у нее искренний и настоящий смех, улыбку, радость. Рэй обладал даром не только нравиться, но и согревать, как согревал его старческую душу и жизнь, как грел своим теплом и светом эту девушку, не смотря на расстояние, разделявшее их, и делал это даже ненароком, возможно, сам того не подозревая. Он будет рад, когда узнает, что Кэрол помнит о нем, интересуется и скучает.

А то, что она скучала, что ей его не хватает, она не пыталась скрыть, как скрывала свои чувства к Джеку. Смотря в ее горящие глаза, за радостью которых читалась боль и тоска, слыша, с какой нежностью и любовью она говорит о Рэе и сколько при этом печали таилось в ее голосе, как появлялись в нем нотки болезненной ревности, когда она пыталась выведать

о женщинах в его жизни, Касевес задавался вопросом, не влюблена ли она все-таки в него или это всего лишь последствия их бывших интимных отношений и восприятие его уже, как отца своих детей, которого она инстинктивно не хотела отпускать и делить с другими, хотя, скорее всего, сама в этом отчета себе не отдавала. Наблюдая за ней, Касевес думал о том, как разнятся ее отношения к этим двум мужчинам, Джеку и Рэю. Как не хочет говорить об одном, и как стремится поговорить о другом. Как мрачнеет, слыша имя Джек, и как светлеет при имени Рэй. Как старается исключить из своей жизни одного, и как отчаянно не хочет отпускать другого, как хотят забыть о болезни, избавиться от нее и ищут утешение. Джек болезнь, Рэй почему-то стал отдушиной, утешением, хоть и отравленным горечью из-за того, что его больше нет с нею рядом. И некому было ее поддержать и развеселить, заставить забыть о своей печали, отвлечь от отчаяния и страха. Плутовские хитрые глаза больше не плавили ее сердце, обезоруживая и покоряя, не ослепляла озорная мальчишеская улыбка, способная поднять самое упадническое настроение своей заразной веселостью и жизнерадостностью. Она знала, что ей всего этого будет не доставать, но даже не думала, что настолько. Может быть, это из-за одиночества, может, она привыкла к нему настолько, что не могла отвыкнуть и смириться с его отсутствием. А может быть, нуждалась в его живости, энергии, легкости и непринужденности, которых не доставало ей самой, и которые она черпала у него, когда он был рядом. Она не знала, почему, но он был ей нужен, и ее страдания от этого только усугублялись. Так как всякие мысли о Джеке она гнала от себя прочь, то по ночам, лежа в одиночестве в постели, она вспоминала о Рэе. Думать о нем она себе разрешала, потому что мысли о нем причиняли ей не такую страшную боль и не разрушали ее истрепанную душу, как мысли о Джеке. С трепетом и дрожью вспоминала она горячие бессонные и утомительные ночи в его райском гнездышке, и мучилась от ревности и досады, думая, что пока она здесь лежит одна и вздыхает, какая-нибудь красотка наслаждается искусной любовью и ненасытной страстью этого мужчины. Когда подобные мысли о Джеке подбирались к ней, ей хотелось повеситься, только бы избавиться от них, потому что они раздирали все у нее внутри. Ревность эта была оглушительной, всепоглощающей, безумной, злобной и яростной, и лишь подогревала ее ненависть к нему. Она ненавидела его за все. Даже за то, что когда-то соблазнил и заставил потерять голову, за то, что держит ее сердце в своей когтистой звериной лапе смертельной хваткой и не отпускает, выжимая из него силы и саму жизнь. Она жила в аду, а Джек был ее сатаной, истязавшим ее, и даже убежав, она не могла от него вырваться и освободиться. Но она смирилась с этим. Смирилась с этой губительной и непреодолимой болезнью, коей была ее странная любовь к нему. Это была одержимость, мания, помутнение, безумие, которое накрыло ее однажды и никогда не отпустит. Своими серыми пронзительными глазами, которые всегда имели над ней такую странную власть, он взял ее душу. Дьявол. Ненавидеть и любить, как привороженная. «Ты будешь любить меня всегда» — сказал он с такой уверенностью, словно его слова были заклятием и постоянно звучали в ее ушах, в голове. И самое плохое было то, что он был прав. Прав, как всегда. Он говорил, что не отпустит ее, никогда, и он держал слово. Он не отпускал. Но ему все равно придется, скоро. Она покинет этот мир и оставит здесь свою болезнь, свою любовь, и отправится к Мэтту свободной, избавившись от этих уз, которые так прочно опутывают ее при жизни, от него, своего любимого демона, поработившего ее, чертенка, как называла его Куртни. Умирать было страшно, но она пыталась унять страх, убеждая себя, что смерть — это избавление от всех ее мук.

Касевес задержался еще на неделю, поймав за день до планируемого отъезда умоляющий взгляд Кэрол.

Она специально взяла отпуск, чтобы не оставлять его одного, и они целые дни проводили вместе, гуляли с детьми или, оставив их на попечение няни, только вдвоем. Уильям чувствовал себя хорошо, и выглядел так же. На вопросы Кэрол отвечал, что сердце его почти не беспокоит, и в принципе он говорил правду. Задержав свой отъезд, он позвонил Рэю, чтобы предупредить. Разговаривал он при Кэрол и Патрике, и, поймав ее лихорадочно блестящий взгляд, заметив, что она как будто изо всех сил прислушивается, чтобы услышать в трубке голос Рэя, Уильям, прикрыв трубку ладонью, с улыбкой прошептал:

— Поговоришь с ним?

Кэрол побледнела, потом покраснела, на лице ее отразились все муки ада и отчаянная борьба с собой. Порывисто поднявшись, она мотнула головой и выскочила из комнаты. Зато в трубку вцепился Патрик, подпрыгивая от радости и нетерпения на месте.

— Я! Я хочу с ним поговорить! Рэй!!! Это я, Рик! Почему ты к нам не приезжаешь? Ты нас забыл?

Уильям вышел, предоставив мальчику свободно пообщаться со своим обожаемым взрослым другом.

Расположившись на кухне за чаем, Касевес и Кэрол слышали, как Патрик возбужденно рассказывает о том, как занимается боксом, о школе и друзьях, весело хохочет, слушая, как что-то говорит ему Рэй. Кэрол сидела молча, подавлено опустив голову.

— Мама? А она убежала. Не-а, не хочет она с тобой разговаривать. Вы что, поссорились? Позвать ее?

Кэрол вздрогнула, вскинув испуганные и вместе с тем загоревшиеся надеждой глаза. Но Патрик ее не позвал и, понизив голос, чтобы его не услышали, о чем-то зашептался со своим собеседником. Кэрол снова опустила голову, еще ниже, чтобы скрыть от Уильяма выступившие на глазах слезы.

Патрик провел у телефона более часа, не в силах расстаться с Рэем, по которому безумно соскучился всем своим детским сердцем, не подозревая, как мучает свою мать, которой все это время приходилось бороться с искушением взять у него трубку и услышать родной голос, томный, мягкий, вкрадчивый, который не слышала, казалось, уже целую вечность. И только когда Патрик положил трубку, она решила задать Касевесу вопрос, который она уже не в силах была сдерживать.

— Уилл, он... он забыл меня? Я имею в виду... разлюбил?

Старик помолчал, потом поднял на нее серьезный взгляд.

— А зачем ты хочешь это знать? Разве это что-то меняет? Разве если я тебе скажу, что он тебя не разлюбил, ты изменишь свое решение и будешь с ним? Нет. Он не может уехать с вами куда-нибудь на край света в попытке спрятаться от Джека и бросить компанию, к тому же это слишком большой риск.

— Ты не правильно понял... Я спрашиваю потому, что хочу, чтобы он меня забыл. Я переживаю из-за того, что причинила ему боль.

Касевес вздохнул.

— Забыть-то он тебя не забудет, как и ты его. И не разлюбит. Вы ж как родные друг другу, как забыть? А о его иных чувствах... что до них, так мне кажется, он уже поостыл. Мужчина он молодой, страстный, энергичный, а бабы на нем таким количеством виснут, что не до страданий ему по той, что забыл уже, когда видел. Сама понимаешь. Интересуется,

конечно, и тобой, и Патриком, но огня того в глазах уже нет. Да что я тебе объясняю, ты его не хуже меня знаешь. Такие легко загораются, да быстро гаснут. В общем, что до тебя, то Рэй наш перегорел.

— Хорошо... я рада, — ответила Кэрол, гадая, правду ли говорит Уилл или просто добивается того, чтобы она не переживала по этому поводу. Старик умел лукавить, если считал, что это нужно. Но сейчас поверить ему было легко, потому что Кэрол слишком хорошо знала Рэя и могла допустить, что когда она перестала мозолить ему глаза, теперь, спустя полтора года, ни разу ее не увидев и утратив, наконец, всякую надежду, он действительно мог «погаснуть» или «перегореть» по отношению к ней, как выразился Уильям. Умом Кэрол пыталась убедить себя, что она этому рада, но сердце наполнилось еще большей тоской и чувством одиночества.

— Почему же он не женится? — опять спросила она.

— Не хочет, значит. Или женщины подходящей не встретил...

— Но Дебора...

— Послушай, Кэрол, что ты его все время женишь на Свон? Она нужна ему, как деловой работник, а не как жена. К тому же, совмещать это нельзя. Или бизнес или любовь — что-нибудь одно, иначе не будет толку ни от того, ни от другого. Думаю, Рэй это прекрасно понимает, к тому же она вряд ли в его вкусе, да и вообще, она уже не молода. Зачем она ему нужна? Если уж брать кого в жены, так молодую, здоровую и полную сил, чтобы нарожала здоровых крепеньких детей.

— Ну, так что, мало здоровых и молодых? Чего он тянет, чего ждет? Ему уже не двадцать лет, и не тридцать! Свон, видите ли, не молода! А он мальчик, что ли? По-моему, они одного возраста! Или женщина за сорок уже старуха, а мужчина — молодой человек, так что ли? — возмутилась Кэрол.

Касевес улыбнулся, смотря на нее лукавыми смеющимися глазами.

— В данном случае, когда речь идет о Рэе, это именно так. Сама не знаешь, что ли? Но дело даже не в этом. Он никогда не женится на такой, как Свон, даже если она будет молода. И вообще, я считаю, что ему и не надо жениться. Зачем? Такие, как мы с ним, не созданы для брака. Мы рождены быть свободными, мы созданы для любви, но не для семьи.

— Но Рэй говорил, что он изменился. И Куртни так сказала.

— Кэрол, ты сама-то в это веришь? По глазам вижу, что нет. И правильно делаешь. Рэй не может измениться, не может запереть себя добровольно в кругу семьи и не поднимать глаз ни на одну женщину, кроме своей жены. Ты сама себе это представляешь? Смеешься! Да, смешно. Я тоже не представляю его таким. Мы знаем, какой он, он не изменится, никогда, потому что он таким рожден, и глупо требовать от него быть другим. Так зачем жениться? Я, например, даже не помышлял об этом, потому что всегда знал, что не смогу быть верным и не выдержу, если со мной постоянно будет одна и та же женщина. И я не жалею, потому что уверен, что даже если бы предпринял попытку завести семью, из этого бы не вышло ничего хорошего. То же и с Рэем, детка. Свобода и независимость — вот счастье таких, как мы.

— Значит, он сейчас счастлив?

— Не знаю. Мне, кажется, что нет.

— Вот видишь! Значит это не то, что ему нужно!

— Он сам не знает, что ему нужно. Знаешь поговорку — хорошо там, где нас нет? Так вот это про него. Был женат, мечтал о свободе, стал свободным — мечтает жениться. А

женится, опять будет плакать о свободе. Капризный мальчишка, вот кто он. То это хочу, то другое! Ну его, сам пусть разбирается со своими желаниями! Я его не понимаю, потому что всегда знал, чего хочу и что мне нужно. А он вконец испортился. Даже женщины ему стали все не такие — это уже вообще все границы переходит!

Кэрол рассмеялась.

— А какие же ему женщины нужны?

— Да черт его знает! Морщится да нос воротит, сам, наверное, не знает, что ему надо. В общем, капризничает. Разбаловался слишком женской любовью — и вот, результат. Так бывает. Что-то вроде того, когда перед тобой много прекрасной еды, а тебе тошнит от ее вида, потому что пережрал всего... — Касевес рассмеялся, когда девушка весело расхохоталась.

— Так вам, бабникам, и надо!

— О, жестокая! Ты даже не представляешь, как это ужасно, пресытиться настолько, что стать равнодушным. Это же катастрофа для мужчины, а для таких, как мы — тем более! Но ничего, такое случается, но проходит, по себе знаю. Как бы ты не пережрал, голод все равно появится.

Кэрол хохотала, слушая забавного старика, представляя себе неугомонного сексапильного Рэя равнодушным. Честно говоря, как не напрягала она свое воображение, представить этого она так и не смогла. Наверняка, старый проказник всего лишь шутит, чтобы повеселить ее или избавить от ревности, которую, конечно же, заметил у нее. Пока Касевес гостил у нее, она почти не вспоминала о своих печалях и страхах. Он с удовольствием нянчился с ее детьми, проявляя особую слабость перед близнецами, из-за того, конечно, что они были сыновьями его обожаемого Рэя. И часто с грустью смотрел на них, о чем-то задумавшись. Кэрол догадывалась о его мыслях. Он был очень удручен тем, что ему придется лгать Рэю, скрывая от него то, что для него стало бы самым важным в жизни — его детей. Это была страшная тайна, и Касевес уже ощущал на себе ее невыносимую тяжесть, зная, что никогда Рэй ему этого не простит, если узнает все-таки об этих малышах. Касевес задавался вопросом, имеют ли они с Кэрол право скрывать это от него, лишая того, о чем он мечтал, что сделало бы его счастливым и наполнило бы его жизнь смыслом, которого он не находил вот уже полтора года, впад в черную длительную депрессию, о которой можно было догадаться лишь по его взгляду. Имеют ли право лишая детей родного отца, который бы их, несомненно, безумно любил? Не имеют. Но будут это делать, чтобы защитить невинных малюток от беспощадной ревности Джека Рэндэла.

И Касевес уехал, дав слово хранить тайну.

Провожая его, Кэрол крепилась изо всех сил, борясь с выступающими на глаза слезами и отчаянной тоской, снова вползающей в ее душу после того, как ее разогнал веселый жизнерадостный Уильям. Он пообещал скоро приехать опять и горячо поцеловал ее на прощание. Потом, спрятав покрасневшие глаза, торопливо и не оборачиваясь, отправился на самолет. А Кэрол, обливаясь слезами, которые больше не могла сдержать, отправилась домой.

На следующий день она вышла на работу, где могла хоть как-то отвлечься, и где чувство невыносимого безнадежного одиночества притуплялось общением с людьми, хоть она и избегала с кем-нибудь сближаться. Женщины не искали с ней дружбы, убедившись в том, что она этого не хочет, но относились неплохо, даже тепло, чувствуя за ее скрытностью глубокое несчастье и горькие страшные тайны, которые и вынуждают ее оставаться закрытой для окружающих. Она пробуждала любопытство, но попытки вызвать ее на откровенность или что-либо узнать о ней оставались бесплодными. Ее считали вдовой с тремя детьми, вдовой, глубоко страдающей о погибшем муже. Кэрол позволяла людям думать все, что они хотели, в принципе, эта версия ее устраивала. Лишь бы никто не узнал правду. Когда кто-нибудь говорил ей о том, что она похожа на жену знаменитого адвоката, она как можно непринужденнее улыбалась, кивала в знак согласия и говорила, что «да, ей об этом уже не раз говорили». Как-то одна из коллег подкинула ей идею познакомиться с молодым вдовцом, Джеком Рэндэлом, который, по слухам, безумно любил погибшую жену и, возможно, женится на женщине, которая так на нее похожа. Кэрол позабавило это предложение, она посмеялась, не смотря на то, как больно было внутри.

В отличие от женщин, которые не навязывали ей свое излишнее внимание, мужчины вели себя с ней менее тактично, не давая прохода, как выразился Касевес, в прямом смысле этого выражения. Кэрол это раздражало, и она не считала нужным это скрывать. Но чрезмерный интерес сильного пола к ее особе и его внимание от этого не убавлялось, если не наоборот. Ее нежелание принять ухаживания, казалось, только подзадоривают мужчин. В компании, где она работала, у нее было несколько укоренившихся поклонников, всерьез задавшихся целью добиться ее расположения, среди которых, кстати, имелись и женатые, еще более настойчивые и навязчивые, чем холостые. Поначалу Кэрол злилась и очень нервничала из-за того, что ее не оставят в покое, как она хотела, потом стала относиться к этому с равнодушием, стараясь просто не обращать на это внимания. Ее воздыхатели относились к ней с уважением, и лишь однажды один не выдержал и распустил руки, попытавшись силой добиться от нее того, чего он хотел, повалив ее на стол прямо в своем кабинете. Кэрол удалось вырваться и убежать, а уже через десять минут она с удивлением увидела, что наглец отправился домой с подбитым глазом и злобно поджатыми губами. Ей оставалось только гадать, кто из ее поклонников учинил расправу, наказав ее обидчика. Она этого так и не узнала. Но больше насилью не подвергалась. Она давно заметила, что мужчины относятся к ней с каким-то трепетом и нежностью, не так, как к другим окружающим женщинам, пытаются услужить, помочь и никогда не отказывали, если она обращалась с какой-либо просьбой. Она не знала, почему. Но если предстояла какая-нибудь взбучка или нужно было о чем-либо попросить начальника, на эту роль неизменно выдвигали ее особу, как бы она не противилась.

— Но почему я? — возражала Кэрол. — Я даже не знаю, что сказать...

— А ты ничего и не говори, — отвечали ей, чуть ли не силой вталкивая в кабинет директора. — Ты только взгляни на него своими волшебными глазками — и все.

И Кэрол на самом деле неизменно добивалась успеха, что привело к тому, что она стала

постоянным связующим звеном между коллективом и директором, которого из-за его суровости все ужасно боялись, но которого перестала страшиться Кэрол, узнав, что этот старик не такой уж страшный и злой, как кажется, и что с ним просто нужно уметь правильно разговаривать. Видя, что она мелькает у него перед глазами больше всех, старик сделал вывод, что коллектив выбрал ее своим неформальным лидером, а потому сделал ее лидером формальным, убедившись, что женщина прекрасно разбирается в строительном деле, не смотря на молодость. Ее порекомендовала Дебора Свон, заверив, что девушка, помимо строительного университета, обучалась у самой Куртни Мэтчисон и работала с нею, что было прекрасной рекомендацией. Кэрол была шокирована неожиданным повышением, немного напугана, но довольна. Куртни бы гордилась ею. К тому же прибавление к зарплате было не лишним. Кэрол освоилась с новым назначением легче и быстрее, чем сама ожидала. Она помнила, чему учила ее Куртни, следовала этому и подражала ей во всем, кроме, может быть, властности и деспотичности. Этого в ней не было вообще. Работа доставляла ей удовольствие и была некой отдушиной, утешением. И с директором у нее сложились довольно теплые отношения. Она видела, что нравится ему, что он ей благоволит. И радовалась про себя тому, что он в свои шестьдесят лет уже не делал попыток ухлестывать за женщинами, хоть и выглядел намного моложе своего возраста и отличался завидным здоровьем и страшной энергичностью.

Что до Деборы, то она узнала о том, что Кэрол жива, как только увидела произошедшие резкие перемены в Рэе, чье безутешное горе вдруг резко испарилось. Она пришла за ответом к Касевесу и тот, понимая, что обманывать ее бесполезно и зная, что на нее можно положиться, все ей рассказал. Дебора помогла Кэрол с обустройством и работой, не опасаясь того, что Джек может это узнать, и пользуясь тем, что даже если он приглядывался к Рэю и Касевесу, то заподозрить ее в чем-либо ему бы даже в голову не пришло. Так Свон помогала Кэрол прятаться от мужа только ради того, чтобы девушка не вернулась в город, в жизнь и в мечты Рэя. И Кэрол, прекрасно это понимая, боялась, что, так и не дождавшись любви от Рэя и не получив результата своих усилий, Свон разозлится и из мести сдаст ее Джеку. Но Уильям уверял, что Свон не сделает этого, никогда. Рэй вертел этой сильной женщиной, как хотел, превратив в свою безропотную рабыню. Дебора жила им, он стал для нее важнее себя самой и, судя по всему, она ничего не могла с этим поделать, даже если и поняла, что он никогда не будет принадлежать ей. Она продолжала работать с ним, довольствуясь той ролью, что он ей отводил — роль своего заместителя в компании. Она не могла заставить его обратить на себя внимание иначе, но, видимо, и уйти не могла тоже. Кэрол было жаль эту женщину, забывшую о своей гордости и независимости, насмерть угодившую в сети Рэя, из которых уже не выпутаться. Кэрол не надеялась, что Рэй, не испытывая влечения, сжалится и ответит на любовь Деборы. Чувства женщин его всегда мало волновали, как и их страдания из-за него, в основном, он придавал значение лишь своим собственным. И Кэрол была единственной, ради благополучия которой он готов был пожертвовать собой и своими желаниями. И, пожалуй, Куртни, безнадежно прикованная к постели, которая, лишь став калекой, смогла добиться от него настоящей преданности и геройского самопожертвования ради нее, которое он готов был совершить, и которое она не захотела принять. А на всех остальных ему было глубоко наплевать, как настоящему эгоисту, которым он всегда был и будет. И этот эгоизм позволял ему непринужденно и без зазрения совести пользоваться в своих целях расположением людей, в особенности, любовью женщин. И он умел делать это мастерски, так, что никому даже в голову не приходило, что

их попросту используют. И Дебора живой тому пример. Она делала все, чтобы помочь ему в бизнесе и не сердилась на то, что он вынуждает ее страдать, оставаясь равнодушным к ее любви. Она считала, что мужчина не виноват в этом, что сердцу не прикажешь, уверенная, что если бы он мог, он бы полюбил ее, и благодарная уже за то, что он не лукавит с ней, не пытается задурить голову, пользуясь ее чувствами к нему, относится с крайним уважением и почтением, не допуская, чтобы она чувствовала себя уязвленной, чтобы страдало ее самолюбие оттого, что он не отвечает ей взаимностью. «Я не могу тебя полюбить, но я очень ценю тебя, я восхищаюсь тобой, ты мне нужна и ты мне очень нравишься» — вот что демонстрировал он своим отношением к ней. И хотя этого ей было мало, она решила, что это лучше, чем ничего, потому что без него своей жизни уже не представляла. Ну, и конечно, как всякий влюбленный человек, она таила в душе надежду, что ей все-таки удастся покорить объект своих желаний. Только Кэрол, зная Рэя, понимала, что раз он до сих пор не проявил к Деборе никакого интереса, то этого уже не случится. И против собственной воли эгоистично радовалась этому в душе, не желая ни с кем делить Рэя.

В офисе ждали прибытия директора из другой компании, с которой намечался несколько совместных крупных проектов. Кэрол подготовила подробный доклад о будущих проектах, над которым корпела уже не одну неделю, и который заранее одобрил ее начальник. Она еще раз изучала и тщательно проверяла чертежи архитекторов, помогавших ей в проекте, и в сотый раз проверяла свои чертежи, основные и самые важные, когда ей доложили, что партнер прибыл в офис и директор приглашает ее в свой кабинет для совещания. Вздыхнув поглубже, чтобы унять волнение, Кэрол захватила папку с бумагами и отправилась в кабинет директора. Это был ее самый большой проект, поэтому она ужасно боялась не справиться с возложенной на нее ответственностью.

Начальник встретил ее улыбкой, поднявшись навстречу.

— Наш главный архитектор и руководитель проекта, познакомьтесь, господа, Сандра Эванс. Мисс Эванс, наши партнеры, мистер Кевин Дорован, генеральный директор...

Остальных имен присутствующих в кабинете специалистов, приехавших с генеральным директором, Кэрол не услышала и не увидела, уставившись на изумленно вытаращившего на нее глаза молодого мужчину, который, увидев ее, был так поражен, что выронил из рук какие-то документы, разлетевшиеся по полу. Его люди недоуменно покосились на него, а начальник Кэрол улыбнулся, подумав о том, что его главный архитектор, конечно, достаточно красива, чтобы произвести впечатление на мужчину, но он не думал, что настолько, чтобы так сразить, заставив несчастного так побледнеть, что, казалось, он свалится сейчас в обморок. Один из мужчин присел, собирая разлетевшиеся по полу бумаги.

А Кэрол застыла на месте, ни жива, ни мертва, прижав папку к груди и с ужасом смотря на Кевина.

Сомнений в том, что он ее узнал, не было.

— Простите, как вы сказали?... — растерянно обратился он к директору.

— Сандра Эванс, — как ни в чем ни бывало, повторил тот.

Кевин устремил пристальный взгляд в глаза девушки, слегка приподняв бровь, и губы его тронула улыбка.

— Простите, мисс Эванс. Вы так похожи на погибшую супругу Джека Рэндэла, с которой я был лично знаком, что я немного опешил, увидев вас.

Кэрол выдавила в ответ улыбку и кивнула, не в силах произнести ни слова. Кевин

протянул ей руку, и она, подавив порыв убежать, вложила кисть в его ладонь, которую он пожал крепче, чем того позволяли приличия, почти причинив ей боль. Кэрол собралась с духом и постаралась сосредоточиться на работе, избегая смотреть на Кевина. Зато он не отводил от нее взгляда и, казалось, слушал ее в пол уха, потеряв интерес к докладу и вообще к будущим проектам. Лишь кивал для видимости. Когда она закончила, он сказал, что она превосходно поработала, что он всем доволен и его все устраивает. Единственное, что он хотел бы, так это лично взглянуть на места будущих построек, то есть объектов, и любезно попросил «мисс Эванс» их ему показать. Прежде чем Кэрол успела отказаться, ее директор выдал свое согласие, лишив ее такой возможности, разве что написать заявление об увольнении. Но Кэрол не могла позволить себе потерять работу, поэтому вынуждена была согласиться на поездку. Кевин пожелал отправиться сегодня же.

Кэрол поехала домой, чтобы подготовиться к самолету и попросить няню остаться на ночь. Она не понимала, зачем Кевин решил лететь вечером, когда они могли сделать это завтра утром, посмотреть объекты и вернуться. Все равно сегодня им вряд ли удастся попасть на объекты до темноты, а значит, смотреть их они будут только завтра. Она пыталась объяснить ему, что лететь сегодня нецелесообразно, но он решительно настоял на своем. Кэрол пришлось подчиниться. Последний раз она видела Кевина Дорована на панихиде по Куртни, но тогда он не решился к ней подойти даже для того, чтобы выразить соболезнования, и поспешил поскорее ретироваться, когда поймал на себе взгляд Джека. Его страх можно было понять, но все же Кэрол в тот момент почувствовала к нему презрение. Рядом с дерзостью и бесстрашием Рэя, никогда ни во что не ставившего Джека, трусость перед ним Кевина, которого один лишь взгляд Джека обращал в поспешное бегство, выглядела в ее глазах особенно жалкой.

Господи, неужели мир так тесен, чтобы наткаться в нем на тех, кого она когда-то знала, будучи Кэрол! Она была раздосадована и выбита из колеи этой неожиданной встречей. Хотелось собрать вещи и уехать подальше, сбежать, от Кевина и от всех, кого она еще может встретить, и кто узнает в ней Кэрол Рэндэл и, не дай Бог, решит обрадовать ее воскрешением Джека. Но легко было сказать «уехать»! Оставить хорошую должность, оказаться без работы с тремя детьми, куда-то их тащить, снова обустраиваться, в общем, начинать все сначала, бросив все то, чего добивалась полтора года, и только потому, что столкнулась нос к носу с Дорованом, будь он неладен! Нет, главное не паниковать. То, что Кевин узнал о том, что она жива, еще не значит, что он побежит докладывать об этом Джеку или станет всем подряд рассказывать, кто она есть на самом деле. Зачем ему ей вредить? Тем более, если она попросит его молчать.

Немного успокоившись, Кэрол отправилась в аэропорт, где должна была встретиться с ним. Он уже ее ждал. Подарив ей свою самую очаровательную улыбку, на которую только был способен, он непринужденно положил руку ей на талию и повел в зал ожидания.

— Ты, как я вижу, женился? — улыбнулась Кэрол, отстраняясь и поглядывая на его окольцованный палец.

— Да. А ты, как я понимаю, теперь свободна? — с насмешкой парировал он.

Кэрол промолчала. К волнующей его теме он вернулся уже в самолете. Смотря на нее с нескрываемым любопытством, он внимательно изучал ее взглядом.

— Ну, и как это понимать? — ухмыльнулся он.

— Что? — холодно отозвалась Кэрол.

— То, что тебя вот уж полтора года, как похоронили, а ты по миру разгуливаешь и

людей пугаешь. Скрываешься, что ли? Прячешься? От кого?

Кэрол так и подмывало бросить ему в лицо, что это не его дело, но она сдержалась, понимая, что лучше не грубить тому, в чьих руках твоя тайна и даже твоя жизнь.

— У меня есть на то причины, Кевин, — уклончиво ответила она.

— Ну, это само собой, разумеется. Просто так себя хоронить никто не будет. Так от кого ты сбежала?

— Ото всех.

— Ого, интересненько! Что, даже от мужа? Хочешь сказать, Рэндэл ходит на твою могилку и не знает, что ты жива?

— Не знает, и надеюсь, никогда не узнает.

— Ничего себе! Круто ты с ним обошла. Он же, как вроде, любил тебя, за что ж ты его так, а?

— Так было нужно, — отрезала Кэрол, ясно давая понять, что не намерена делиться своими тайнами. — Кевин, я очень прошу тебя...

— Да я понял, без проблем! По старой дружбе и из моей личной любви к тебе, буду нем, как рыба. Не волнуйся.

Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво улыбнулся.

— Надо же, как все обернулось, — злорадно проговорил он, явно забавляясь в душе над Джеком. Помолчав, он вдруг спросил:

— А мужчина у тебя есть? Не с любовником ли ты сбежала от муженька?

— Нет, — ответила сквозь зубы Кэрол.

— Ну, сейчас-то ты спишь с кем-нибудь. Ни за что не поверю, чтобы такая женщина была одна. Живешь с мужчиной или просто встречаешься? Или их у тебя много?

— Послушай, Кевин, расскажи-ка лучше о своей жене. Наверное, это изумительная девушка, раз ты ее выбрал.

Но беседовать о жене Кевину явно не хотелось.

— Если у тебя никого нет, то я мог бы... э-э, помогать тебе, заботиться. Тебе, наверное, нелегко приходится. Да и нельзя женщине без мужчины...

— Почему это? — Кэрол устремила на него насмешливый взгляд. — Я прекрасно обхожусь без мужчины. И не я одна. Женщины не так беспомощны, как вы, мужчины, хотите думать.

— Это вы, женщины, хотите думать, что можете жить без мужской поддержки. Не вижу причин тебе отказываться от моей дружбы. Ведь не зря же судьба нас свела, а? К тому же нам предстоит работать вместе.

— Спасибо, Кевин, — улыбнулась признательно ему Кэрол. — Спасибо за заботу, но мне нравится моя независимость и свобода. А тебе есть, о ком позаботиться, теперь у тебя семья. Кстати, дети есть?

— Нет, — буркнул он, раздосадованный и обиженный. — А ты все такая же упрямая, ничуть не изменилась.

— Не обижайся, Кевин, — она ласково положила ладонь на его руку. — Я привыкла быть одна, и твоей жене вряд ли придется по душе наши отношения. Да я так и не могу. Если ты не считаешь зазорным заводить любовниц, то я для этого не подхожу.

Он угрюмо промолчал.

Из аэропорта они сразу поехали в гостиницу, запланировав посетить участки для будущих зданий завтра, и разместились в разных номерах. Первым делом Кэрол позвонила

домой, чтобы узнать у Аманды, как дети. Потом собралась отправиться в душ, когда в дверь постучали.

На пороге появился Кевин.

— Пойдем в какой-нибудь ресторан, поужинаем. Я голоден, как зверь!

Кэрол устало опустила плечи, подняв на него мученический взгляд.

— Кевин, я так устала... Я уже сделала заказ в номер. Поем и лягу спать. Давай сходим в ресторан завтра после того, как посмотрим объекты, и пообедаем, не спеша, с удовольствием. Хорошо?

Он пожал плечами.

— Хорошо. Завтра, так завтра.

Закрыв за собой дверь, он быстро пересек комнату и, схватив девушку, повалил на постель. Не ожидавшая нападения Кэрол попыталась его оттолкнуть, отворачиваясь от страстных поцелуев, но он решительно подавил ее сопротивление, стиснув в сильных объятиях и придавив своим весом.

— Нет! Нет! Отпусти меня! Я не хочу! — она стала яростно вырываться, пытаясь столкнуть его с себя и отталкивая жадно мнущую ее грудь ладонь.

— Плевать! — рявкнул он в ответ и, схватив ее за плечи, с силой встряхнул. — Зато я хочу, поняла? Не дергайся, моя неприступная красавица, не то пожалеешь. Думаешь, я забыл, как ты воротила от меня свой носик, выставляя на посмешище перед всеми, считала меня тебя недостойным. Конечно, ты же была любимицей Куртни, и сам Джек Рэндэл добивался твоей любви, куда уж мне, не дотянуться до такой высокой звезды! Только все изменилось, не так ли? Нет больше Куртни, и Рэндэл больше не твой цербер. Так что нечего нос задирать, теперь по нему и получить можно, и не кому за тебя заступиться, ведь так?

— Скотина! Убирайся отсюда, я закричу!

— Не думаю. Ты же не хочешь, чтобы я обиделся и поехал к твоему мужу сообщить радостную новость о том, что его любимая, из-за которой он так со мной поступил, жива, прячется от него и водит за нос, как последнего идиота, пока он ее оплакивает.

Кэрол замерла, смотря на него широко раскрытыми глазами, которые заблестели от слез.

— Кевин, пожалуйста... не надо. Он же меня убьет.

— Не сомневаюсь. Конечно, за такое и надо убивать. Заставить его похоронить сына... Да мне даже страшно представить, что он с тобой сделает, — он улыбнулся, поглаживая большим пальцем ее губы. — Поэтому мне очень бы не хотелось рассказывать ему о тебе. Ну, что же ты молчишь? Что скажешь?

Улыбнувшись, он наклонился и прижался к ее губам. Кэрол закрыла глаза, задыхаясь от ярости, но в следующее мгновение отвернулась и опять стала вырываться.

— Если ты расскажешь обо мне Джеку, я побеседую с твоей женой! — прохрипела она с ненавистью. — И расскажу ей о тебе! Не думаю, что она обрадуется, узнав, что ты домогаешься других женщин, да еще такими подлыми способами, шантажом и угрозами!

— Я не шантажирую тебя, и тем более, не угрожаю. Просто говорю, что если ты меня обидишь и на этот раз, я больше не останусь безответным. Сколько можно? Хватит. А что до жены, так можешь рассказывать, что хочешь, только она тебе все равно не поверит.

Он стал торопливо расстегивать пуговицы на ее блузке и, не смотря на отчаянные попытки девушки ему помешать, обнажил ее грудь и начал жадно целовать.

— Дерись, дерись, недотрога, все равно уже попалась, — ухмыльнулся он и, когда она

попыталась закричать, зажал ее рот ладонью. — Тише, тише, моя хорошая. Спокойней. Не такой уж я и страшный. Тебе понравится. Давай, милая, я сниму с тебя все эти тряпки, ты же не хочешь, чтобы я их порвал, ведь тогда тебе не в чем завтра будет выйти на улицу. Я сейчас уберу руку, но если ты закричишь, я, так и быть, уйду. И прямо отсюда, сейчас же, отправлюсь к Джеку. Ну, договорились? Мир?

Он осторожно убрал ладонь от ее губ и накрыл их своим ртом.

Кэрол позволила ему стащить с себя одежду, и, пока он раздевался сам, сделала попытку ускользнуть, но он поймал ее и уложил на место. А через минуту сопротивляться уже не было никакого смысла...

Когда он ее отпустил, только уязвленная гордость не позволила ей расплакаться. Натянув на обнаженное дрожащее тело покрывало, Кэрол отвернулась, судорожно сжимая челюсти. Видеть довольное блаженное выражение на его лице было противно. В дверь тихо постучали. Преисполненный бодрости и энергии, Кевин вскочил с постели и влез в штаны.

— Одну минуту, пожалуйста!

Кэрол встала и, гордо распрямившись, прошла мимо него в ванную. Он проводил ее вожделенным взглядом, разглядывая прекрасное обнаженное тело, которое она не пыталась больше прикрыть, и сладострастно облизнул губы, с трудом подавив порыв пойти за ней. Поспешно собрав разбросанную одежду и запихнув ее в шкаф, он открыл дверь.

Кэрол долго лежала в горячей ароматной ванне, беззвучно роняя в воду слезы, игнорируя Кевина, который звал ее каждые пять минут, сетуя на то, что остывает ужин. Тщательно терлась мочалкой, чтобы стереть со своей кожи запах его тела и одеколona. Накинув на влажное тело махровый халат, она вышла из ванной и спокойно села за накрытый стол, не останавливая взгляда на не отводящем от нее глаз мужчине. Схватив ее за запястье, он поднес ее кисть к губам и горячо поцеловал.

— Да ладно тебе дуться! Я молодой, симпатичный и богатый, что еще тебе нужно от мужчины?

— Сукин сын, — процедила сквозь зубы она, вырвав у него свою руку. — Недаром ты мне не нравился! Чувствовала за этой наигранной обаятельностью твою подлую душонку!

— Но, однако, ты все-таки согласилась со мной встречаться.

— Потому что меня попросила об этом Куртни. А я на дух тебя не переносила, пока ты не залепил мне глаза, как и всем остальным, своей нежной улыбочкой.

— А твой Джек, стало быть, агнец божий? — усмехнулся он. — Ладно, хватит лаять, ненаглядная. Меня не волнует, нравится это тебе или нет, но с сегодняшнего дня ты принадлежишь мне, и так будет до тех пор, пока мне не надоест. И не дай Бог узнаю, что пускаешь под свою юбку кого-то еще! Уяснила? Вот и восторжествовала справедливость, ты не находишь? Джек увел тебя у меня, сломал мою жизнь, а теперь ты, его жена и любимая женщина — моя шлюха! Ха-ха-ха!

Он расхохотался, а Кэрол, побагровев, вскочила и с размаху вlepила ему сильную пощечину. Схватив ее за талию, он усадил ее себе на колени, ничуть не обидевшись, и, не обращая внимания на яростные сопротивления, стал целовать.

— Ну, хорошо, прости меня, это я от злости так сказал. Ведь я так был в тебя влюблен, что так и не забыл. Представляешь, какого мне было, когда Рэндэл тебя отобрал, прямо из рук вырвал, а меня вышвырнул вон, как пса какого-то! Ты же знаешь, как всегда мне нравилась. Если бы я не был женат, я бы даже на тебе женился. А теперь, извини, свой шанс ты упустила. Но я предлагаю тебе не худший вариант — быть моей любовницей. Я хороший

любовник, ты только расслабься и позволь мне это доказать. К тому же, я щедрый мужчина. Ты будешь довольна, — он улыбнулся, нежно целуя ее шею и лаская руками обнаженные бедра, распахнув халат.

— Да пошел ты!

— Я не принуждаю, ты не подумай. Ты можешь сама сделать выбор — я или Джек. Только скажи, и я уйду. Так что, мне уйти?

Она промолчала, поджимая дрожащие губы. Тогда он, подхватив ее на руки, поднялся и, забыв о давно остывшем ужине, отнес ее в постель.

Кэрол думала, это никогда не закончится. Он остался в ее номере на ночь, и не выпускал ее из постели весь следующий день, отказавшись ехать на объекты, ради которых, как думала наивно Кэрол, они сюда и приехали. Слишком поздно она поняла, что это была всего лишь ловушка. Ловушка для нее. А до объектов ему вообще не было никакого дела. Но и вечером он отказался возвращаться, чем довел ее до отчаяния.

— Я никуда не спешу, — нагло заявил он. — И не против провести в этом уютном номере еще пару деньков. С тобой, естественно.

— Зато я спешу! У меня работа, и я не хочу быть уволенной из-за твоей прихоти! — дрожа от злости, выпалила Кэрол, теряя остатки хладнокровия и терпения. Ей казалось, что она не выдержит больше ни минуты в его безжалостных объятиях, в которых чувствовала себя вещь, с которой он забавлялся, ни проявляя к ней ни капли уважения, как будто имел купленную им шлюху, с которой мог делать все, что хотел. Его грубоватая страсть была ей отвратительна, его напор молодого и энергичного мужчины, одержимого похотью, обессилил ее и физически и морально, превратившись для нее в настоящую пытку. Она чувствовала себя истерзанной, тело ослабло и ныло от боли и усталости, а его сильные и непрекращающиеся натиски стали причинять ей боль, но он все равно брал ее измученное тело, не веря в ее страдания, и никак не мог насытиться, загораясь страстью от одного взгляда на нее. Кэрол прокляла свою красоту, обрекшую ее на это и подстрекавшую ее мучителя вновь и вновь на нее набрасываться с пугающей ее неистовостью. Он злился на то, что она не отвечает ему взаимностью и страстью, а потом вообще взъярился, когда она стала корчить из себя великомученицу под орудием пытки, уверенный, что она притворяется и хочет его оскорбить и унижить, демонстрируя то, как ей плохо в его объятиях, что он не только не доставляет ей никакого удовольствия, но и причиняет боль. И он ответил ей тем, что тоже попытался унижить своей грубостью и пренебрежением. Но, похоже, он все-таки питал к ней какие-то нежные чувства, время от времени берущие верх над ним, и он с безграничной нежностью, которую можно было бы принять и за любовь, обнимал ее и целовал после безумных любовных поединков на поле боя, в которое они превратили взъерошенную постель и которую два раза пришлось заменить полом, когда они пару раз слетели с кровати во время наиболее яростных схваток. Упав на пол во второй раз, Кэрол больно ударилась и не сдержала слез, побежавших из зажмуренных глаз, но он, не обратив на это внимания, продолжил прерванное неловким падением занятие уже на ковре. Но потом, освободившись на время от страсти, он вытер с ее щек слезы, извинился, осыпал поцелуями ушибленное место и, подняв ее с пола, бережно уложил на кровать. Улегся рядом, прижал ее к груди, зашептал ласковые нежные слова, утешая и успокаивая. А в груди у Кэрол все кипело от ярости и обиды. Она понимала, что если ответит на его страсть или хотя бы сделает вид, удовлетворив его мужское самолюбие, он перестанет себя вести с ней

так агрессивно и неуважительно, но она не могла и не хотела это делать, охваченная непримиримой ненавистью. Она терпела и позволяла ему делать с собой все, что он хотел, потому что не видела пока другого выхода, а ужас перед Джеком, достигший предела после того, как тот так безжалостно расправился с Даяной, подавлял в ней все остальное, включая гордость и отвращение. Впрочем, ее отвращение к Кевину было скорее моральным, чем физическим, но этого было более чем достаточно для того, чтобы ее от него отталкивало во всех отношениях. И если когда-то она замечала, что он симпатичный и обаятельный, то теперь ее глаза застила жгучая неприязнь. Она видела только подонка, подлеца, мерзавца и наглеца, воспользовавшегося ситуацией, шантажировавшего ее и принудившего к тому, чего она не хотела, повергнув такому унижению и издевательствам. Но в ней было что-то, сильнее страха перед Джеком — это ее материнские чувства, которые ничто не могло сломить, никакие угрозы и запугивания.

— О работе не беспокойся — это я беру на себя. Мы же в командировке, как ни как! Ну, возникли у нас некоторые затруднения, которые нас задержали — Господи, да чего только не бывает, особенно в нашем бизнесе, — успокоил ее он.

— Я должна вернуться к детям! Я просила няню побыть с ними до сегодняшнего вечера, и я должна вернуться! И я вернусь, хочешь ты того или нет! Я не могу бросить детей!

— Детей? — он слегка прищурил голубые глаза, впившись ими в ее лицо, и Кэрол мгновенно раскаялась в том, что так неосторожно проболталась. — Я думал у тебя один сын. Ситуация изменилась?

Кэрол не обратила внимания на насмешку в его голосе. Нет смысла отпираться и скрывать, он все равно узнает, если захочет. А в том, что он захочет, она почему-то даже не сомневалась.

— У меня трое сыновей.

— Трое? Ты шутишь? Когда ты успела?

— Близнецы.

— И сколько им?

— Девять месяцев, если тебя так интересует.

Кевин сделал в уме какие-то подсчеты, и состроил кислую мину.

— А-а, Рэндэловские? — разочаровался он. — Успела подзалететь до смерти, так сказать? И папаша, естественно, не в курсе.

— Нет, папаша не в курсе, — отозвалась холодно Кэрол, нарисовав перед своим мысленным взором образ Рэя и незаметно грустно вздохнув.

— Ну ты даешь, милая! Такая вроде тихая и безобидная с виду, а такое натворила! У Рэндэла трое детей, и жена в придачу, а он об этом даже не знает! Ой, хохма! Молодец, девчонка, храбрости тебе не занимать! Надо же, такое провернуть, и против *кого!* Против Рэндэла, этого мерзавца, который прихлопнет тебя одной рукой, даже не задумываясь. Не страшно, а?

— Нет, не страшно, — с презрением бросила Кэрол.

— Значит, я могу надеяться на то, что ты со мной по любви и собственной воле? — ухмыляясь, улыбнулся он.

— Я его не боюсь, но это не значит, что я допущу, чтобы он все узнал и вторгся в мою жизнь. А тебе не зазорно шантажом заставлять женщину с тобой спать? Или в твою постель по доброй воле никто не ложится, поэтому ты так поступаешь? Самому-то не противно?

— Не-а. Представь себе, даже приятно. Ох, как приятно! — он подскочил с постели и,

поймав девушку, сунул руку под махровый халат и погладил округлую упругую грудь. — Слушай, трое детей, а тело, как у богини... Как тебе удастся?

Кэрол лишь фыркнула в ответ и оттолкнула от себя его руку. Потом скинула халат и принялась одеваться, стараясь не обращать внимания на его пристальный жадный взгляд. Он подошел сзади и сжал ладонями ее груди через бюстгальтер, который она успела надеть. Прижавшись к ней, он стал целовать ее плечо и шею.

— Ну, хорошо, мы поедem сегодня, — простонал он. — И я отпущу тебя к твоим детям. Но завтра, прямо с работы, я заберу тебя к себе в гостиницу.

— После работы я забираю Патрика из школы и еду домой, чтобы отпустить няню и самой заняться детьми, — холодно отрезала Кэрол, отстраняясь от него.

— Да к черту этих детей! Мне нет до них дела. Решай свои проблемы, как хочешь, только завтра ты будешь со мной, всю ночь, и послезавтра, и...

— Нет, ночью я буду дома, с детьми! Можешь отправляться к Джеку и рассказать ему обо мне, потому что я не собираюсь жертвовать своими мальчиками ради твоей похоти!

Он вздохнул, задумчиво изучая ее взглядом. Ее решительность была непреклонна.

— Дети, дети! — раздраженно фыркнул он. — И на фига ты их нарожала, только мешаются! Даже на личную жизнь времени нет! Что ж, теперь могу и поверить, что у тебя действительно нет мужика. Но это не дело. Нельзя так. Ладно, не напрягайся, придумаем что-нибудь. Я не позволю, чтобы дети стали нам помехой. Например, если ты не можешь уйти из дома, я сам могу прийти. Слушай, а это идея! Может, мне забрать вещи из гостиницы и переехать к тебе?

Кэрол взвилась, как змея, в которую швырнули палку.

— Ты что, спятил? Да ни за что! Даже не вздумай! У меня уже сын большой, он все понимает! Он не потерпит в доме мужчину. И я не хочу. Как я буду выглядеть в его глазах... Нет, это исключено.

— Господи, да сколько ему там лет-то, сыну твоему? Что он понимает? И вообще, это не его дело. Если он у тебя такой понятливый, то должен уяснить, что у мамы должна быть своя личная жизнь, в которую он не имеет права совать свой нос. Объясни это ему. Дети должны знать свое место.

— Не надо меня учить, как мне воспитывать своих детей! Я сказала нет, значит нет! Ноги твоей не будет в моем доме, ясно? Ну, ты и наглец, Кевин, слов просто нет! Отправляйся в свой дом, к своей жене, и не лезь ко мне, к моим детям, в мой дом!

— Хорошо, будем встречаться на нейтральной территории. Завтра уйдешь с работы пораньше, поедem в гостиницу, а потом поедешь к своим детям. Не пытайся меня избежать или водить за нос. И уясни одну простую вещь, и чем быстрее ты это сделаешь, тем будет лучше — ты теперь моя собственность. Мы будем видеться, когда я пожелаю, и я не хочу больше ни слова слышать о детях или о чем-нибудь еще, что может нам препятствовать. Я даю тебе время подготовить твоего старшего сына к знакомству со мной, потому что я буду приходить в твой дом и буду в нем оставаться столько, сколько захочу. Я все сказал. А теперь иди ко мне, моя куколка, моя красавица, и будь со мной ласкова, даже если ты устала. И тогда мы *после* сразу же отправимся домой. А если ты опять меня обидишь, я наплюю на все, и мы останемся здесь еще на два дня. Или до тех пор, пока ты не перестанешь ломаться.

подавив в себе все чувства и эмоции, Кэрол хладнокровно подарила ему свои ласки, о которых он просил. И хоть она не проявляла никаких стараний, даже наоборот, постаралась, чтобы больше ее ласки ему не захотелось, его бросало в дрожь от одного ее прикосновения,

и он стонал от удовольствия, в огне своей животной страсти не замечая ни холодности, ни скупости ее ласк, даже от самых незначительных получая удовольствие, не говоря уже о ласках посмелее, которые заставили его всего взмокнуть от пота, пробившего его от макушки до кончиков пальцев. Кэрол с удивлением и неудовольствием поняла, что он остался доволен и испытал больше наслаждения, чем ей того хотелось. Удовольствию охваченному похотью мужчины можно помешать, наверное, только причинив ему боль. Но это бы «обидело» его, и он не отпустил бы ее домой, как обещал. А так, удовлетворенный и довольный, он позвонил в аэропорт и заказал билеты. А Кэрол облегченно вздохнула и стала собираться в дорогу.

Домой она приехала в отвратительном настроении, ужасно злая, расстроенная и подавленная. А когда Аманда сообщила, что Джеймс заболел, Кэрол почувствовала, что она окончательно выбита из колеи. Взяв мальчика на руки, она прижала его к груди и коснулась губами горячего лобика. Малыш захныкал. Аманда пристально наблюдала за ней.

— Ты ужасно выглядишь, — заметила она. — Ты сама не заболела?

Кэрол слегка качнула головой, не отрывая губ от лобика ребенка.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовалась Аманда. — Может, мне остаться?

— Нет, Аманда, ты можешь идти. Спасибо. Завтра я побуду дома, на работу не пойду, так что не приходи.

— Хорошо. Но если я понадобится, звони.

Улыбнувшись, Аманда ушла. Уложив Джеймса в кроватку, Кэрол потрогала лобик Криса, проверяя, нет ли у него жара. Патрик умиротворенно спал в своей постели и, осторожно поцеловав его в густые мягкие волосы, присела около Джеймса.

Всю ночь она не спускала с рук капризничавшего малыша, а утром вызвала доктора. Она понимала, что брат сейчас больничный неприемлемо и это может грозить увольнением, но, тем не менее, позвонила и сообщила, что будет отсутствовать несколько дней. В глубине души она была рада тому, что не придется ходить на работу и видеть Кевина. Пока он там, ей категорично не хотелось показываться в офисе. Она спрячется от него в стенах своего дома и, ухаживая за детьми, подумает над сложившейся ситуацией, над тем, как из нее выкрутиться. Быть рабыней Кевина она не собиралась. Хотелось собрать вещи и сбежать, но Кэрол гнала прочь от себя этот безрассудный порыв. Сбежать, значило позволить Кевину разрушить свою жизнь, которую она с таким трудом пыталась наладить эти полтора года. Нет, нужно придумать что-то, чтобы он отвязался, оставил ее в покое и не отравлял ее и без того горькое существование своими угрозами. Может быть, все-таки уступить, покориться и подождать, когда он потеряет к ней интерес и отстанет? А если он все-таки сообщит Джеку о них, даже если она выполнит все требования, чтобы позабавиться или намеренно навредить? Кевин мерзавец, в этом она уже убедилась, к тому же он не забыл нанесенные ему обиды, и вполне можно ожидать, что он, позабавившись с ней вволю, натравит на нее Джека, чтобы отомстить им обоим, и повеселиться, наблюдая за их разборками.

Ее размышления прервал звонок в дверь. Кэрол поспешила открыть, думая, что приехал доктор. Увидев перед собой Кевина, она на мгновение застыла на месте, покраснев от гнева и раздражения. Он бесцеремонно шагнул мимо нее, переступая порог. Кэрол схватила его за руку, остановив, и преградила дорогу.

— Я тебя не приглашала! — зашипела она. — Что ты здесь делаешь? Я же сказала, чтобы ты не приближался к моему дому!

— Что все это значит? — рявкнул он в ответ. — Почему не вышла на работу? Прячешься от меня?

— У меня заболел ребенок!

— У тебя есть няня! Она что, не может присмотреть за ребенком?

— Он еще совсем маленький, я не могу оставить его, когда он болен! Я мать, и я должна заботиться о своих детях! Уходи, Кевин, сейчас должен прийти врач. Мы увидимся с тобой позже, через несколько дней, когда Джеймсу полегчает.

— Не пытайся сделать из меня дурака, Кэрол. Все, чего ты добьешься, так это разозлишь меня еще больше. Я пришел к тебе в гости, так что пригласи меня войти. Между прочим, это не вежливо, заставляя гостя торчать у порога!

Сдвинув ее в сторону, он вошел в дом. Задыхаясь от бешенства, Кэрол кусала губы, впившись пальцами в ручку двери и прожигая его разъяренным взглядом. Окинув взглядом комнату, он сморщил нос.

— М-да, не дай бог весть какие апартаменты. И какого это, жить в этой лачужке после Рэндэловского особняка? Я знаю, что к роскоши привыкают легко, а отвыкают? Какого это с золотого трона свалиться в пыль?

Кэрол не ответила, не отводя от него тяжелого взгляда.

— А еще говоришь, что сама можешь о себе позаботиться, что мужчина тебе не нужен. Как насчет новой квартиры, попросторней и попривлекательней этого убожества, в котором ты сейчас живешь, а?

— Нам с Патриком здесь нравится, и мы не собираемся никуда переезжать.

— А мне здесь не нравится! Я что должен приходить сюда, в этот убогий крохотный домишко? Да собачья будка и то просторнее! Извини, дорогая, но статус не позволяет мне переступить порог подобных низкопробных жилищ.

— Ну, во-первых, ты его уже переступил, а во-вторых, ничто не мешает тебе сделать это еще раз, только в обратном направлении, и убраться отсюда!

— Ты мне грубишь? Не испытывай мое терпение, девочка. Я сейчас развернусь и уйду, и ты сама знаешь, что тогда будет. И учти, ты сама будешь виновата, только ты.

— Кевин, я выбита из сил, я всю ночь ходила по комнате с ребенком на руках, пытаюсь его укачать, глаз не сомкнула, я расстроена и измучена. Все, о чем я могу сейчас думать — это о моем больном малыше. Пожалуйста, уходи. Сейчас мне на самом деле не до тебя. Дай мне пару дней, Джеймс поправится, и я буду в твоём распоряжении. А сейчас я жду доктора и... уходи, Кевин. Иди.

— Хорошо, я уйду, но только после того, как ты уделишь мне немного времени, — он притянул ее к себе, но Кэрол яростно вырвалась.

— Ну я же сказала!.. Подожди пару дней.

— Почему я должен ждать? Твои проблемы, твои дети меня не волнуют. Твой сын не при смерти и ничего с ним не станется, если ты оставишь его на полчаса.

— Сейчас придет врач! Отпусти меня, я же сказала *нет!* В другой раз!

— Да помолчи ты уже... — фыркнул он, вжимая ее в стену. Кэрол пыталась его оттолкнуть, когда внезапно Кевин вскрикнул от боли и, дернувшись, обернулся.

— Отпусти мою маму, — услышала Кэрол голос Патрика, ледяной, спокойный, бесстрашный. И никогда она не слышала раньше, чтобы в его голосе было столько злобы, которую, как казалось, он с трудом контролирует.

Кевин отступил, и она увидела мальчика. Глаза ее пораженно раскрылись, когда она

разглядела, каким взглядом он смотрит на Кевина. Внутри у нее все сжалось. Никогда не замечала она у сына такого жуткого, такого страшного взгляда, который так странно смотрелся на маленьком детском личике. Кевин сначала выругался, а потом замер под взглядом черных неподвижных глаз, впившихся в него странным застывшим взглядом, пробирая до самых костей.

— Черт, — вырвалось у Кевина. — Он укусил меня!

Подняв руку, он задрал рукав и посмотрел на предплечье.

— Кэрол, взгляни, он чуть не вырвал у меня кусок мяса! Гляди, как прикусил... кровь... Дьявол, это же звереныш какой-то! Пацан, ты что, больной?

Патрик не отвечал, не отрывая от него глаз. Неподвижный взгляд и застывшее лицо заставило Кэрол подумать о том, что он действительно похож сейчас на хищника, замершего перед нападением, что он сейчас оскалится, зарычит и бросится в атаку, чтобы растерзать, разорвать, уничтожить...

— Сыночек, все в порядке. Это... это человек, с которым я работаю. Мы просто немного повздорили...

Мальчик не двигался, казалось, он даже не слышит, что она ему говорит. А Кевин вдруг смутился, растерялся под взглядом мальчика, увидев, как сильно тот похож на Джека. Словно сам Рэндэл смотрел на него своими невыносимыми пронзительными глазами, и на мгновение сердце Кевина сжал страх, который он до сих пор питал перед ним. Мужчина попытался изобразить улыбку.

— Привет, Рик. Я Кевин, друг твоей мамы, — он протянул мальчику руку, которую тот проигнорировал, тщательно и настороженно разглядывая незнакомца.

— Неправда. У моей мамы нет друзей.

— Теперь есть. Теперь я стану и твоим другом.

— Нет. И с мамой вы дружить не будете.

— Почему? — изумился Кевин непреклонности и властности, прозвучавшим в голосе ребенка.

— Нам не нужны друзья.

— Ты не прав. Друзья всегда нужны.

— Нет.

— Хорошо, это твое личное мнение. Тебе, может быть, и не нужны, но твоей маме нужны. Ей одиноко, ей нужна поддержка...

— У нее есть я.

— Ты — это само собой, но ведь ты сын, а...

— Моя мама не будет тебя любить, не будет с тобой встречаться. Ни с тобой, ни с кем другим. Оставь ее в покое и не приходи больше сюда, никогда.

Лицо Кевина слегка перекосило от ярости.

— Мальш, иди в свою комнату, поиграй. Разве мама не учила тебя не вмешиваться во взрослые дела? Я буду дружить с твоей мамой, буду приходить сюда, и тебе придется с этим смириться, нравится тебе это или нет. Так что лучше тебе все-таки быть со мной более дружелюбным. А теперь беги к своим братишкам, нам с мамой надо поговорить. И не вмешивайся больше.

Черные глаза Патрика загорелись, но ни один мускул не дрогнул на лице.

— Если ты сейчас не уйдешь, я позвоню папе и расскажу ему, что ты обижаешь меня и домогаешься мамы. Расскажу, как ты хватал ее руками и как грубил мне. Ну, может, слегка

приурашу, чтобы папа разозлился посильнее.

Кевин побледнел и в замешательстве перевел взгляд на Кэрол.

— Если я захочу позвонить отцу, она не сможет мне помешать, — резко бросил Патрик. — И я позвоню, если не оставишь нас в покое. Я не собираюсь терпеть таких ублюдков, как ты, не позволю тебе командовать в моем доме и досаждать моей маме. Я еще спрошу у мамы, не обидел ли ты ее, и если да, то уже точно позвоню папе. Он любит нас и разорвет тебя на кусочки за то, что обижал меня и приставал к маме.

Кевин продолжал сверлить Кэрол взглядом, но та молчала. Она не могла понять, блефует Патрик или нет, но понимала, что если он на самом деле решит позвонить отцу, она не сможет этому помешать, разве что запереть ребенка в комнате без телефона и не выпускать его оттуда. Разглядев на ее лице растерянность и тень страха, Кевин сообразил, что мальчишка вряд ли относится к разряду послушных и легко управляемых детей. Да по нему это и видно было. Мальчишка злой, упрямый и своевольный, даже в свои годы считает себя главным, позволяя себе распоряжаться матерью, вмешиваясь в ее дела и личную жизнь, подчиняя себе и своей воле. Одним словом, сын своего отца, Рэндэловский выродок, ни в чем не желающий отставать от своего папаши, мини-Джек, с таким же опасным жестоким взглядом и обманчиво симпатичным лицом, за которым скрывалась безобразная морда уроды, чудовища. Даже глаза те же, двуцветные, то серые, то черные. Сходство с Джеком так действовало на нервы, что Кевин почувствовал, что в нем нет ни малейшего желания видеть этого мальчишку, неприязнь к которому он остро почувствовал в первое же мгновение, как будто перед ним был сам Рэндэл, которого он ненавидел и боялся всем сердцем. Вместе с неприязнью к Джеку, которую он перенес на его сына, он ощутил и унижительный страх, и это вызвало в нем прилив раздражения и досады. Кевин был уверен, что Кэрол даже под страхом смерти не свяжется с мужем, наоборот, сделает все, чтобы он не узнал об ее существовании, потому что сама боится его сильнее смерти. Но пацан-то не боится, у него нет на то причин. Он всего лишь ребенок, и не может до конца понимать, если вообще понимает, всю ситуацию и опасность, которой подвергнет свою мать, сообщив отцу, что они живы и здоровы. Конечно, разве может ребенок подумать, что его папа может сделать что-то плохое маме, для него естественно обратиться за помощью и защитой к отцу, не догадываясь, что тот расправится при этом с нею. Впрочем, и их обидчика Джек без внимания не оставит, в этом Кевин не сомневался. При мысли о том, что Рэндэл узнает, что он спал с его женой, у Кевина зашевелились на затылке волосы. С той минуты, когда уложил Кэрол в постель, он блефовал, уверяя, что сообщит о ней Джеку, если она не подчинится. Он мог сообщить до того, как сделал ее своей любовницей, теперь же он рисковал своей шкурой возможно еще больше, чем ее, в случае если Рэндэл встретится с нею. Кто знает, может, Рэндэл простит ее, ради детей или потому что любит, и уж тогда она нажалуется своему муженьку на него, Кевина. Даже если Джек и не простит ее, узнав, что она жива, он вполне может узнать и о том, что он, Кевин, с ней спал. Рэндэл обладал поразительным талантом докапываться до сути, а в данном случае ему стоит просто узнать, что они работали вместе, вдвоем ездили в командировку и сутки вместе провели безвылазно в одном номере. Этого будет более чем достаточно, для того, чтобы Кевин распрощался со своей драгоценной жизнью, задев Рэндэловское честолюбие и гордость. И все это может осуществиться, стоит лишь этому безрассудному противному мальчишке взять трубку и наябедничать своему папаше.

— Хорошо, я уйду, — примирительно проговорил Кевин, обращаясь к мальчику. —

Только я хочу, чтобы ты понял, что я тебе не враг, и маму твою я не обижу. Наоборот, я хотел вам помочь.

— Ты врешь. Убирайся из моего дома и не подходи больше к моей маме, или ты очень пожалеешь, — не скрывая своей неприязни, процедил сквозь зубы Патрик, прожигая его ненавистным взглядом.

Обескуражено пожав плечами, Кевин повернулся к двери.

— Кэрол, проводи меня, — бросил он небрежно.

Но когда они оказались на улице, он в ярости схватил ее за плечи, побагровев от ярости.

— Послушай, ты, усмири своего звереныша, или хуже будет! Я не собираюсь терпеть хамство этого сопляка!

— Мальчик трудный, я не могу заставить его делать что-то против его воли. Он не подчинится.

— Мне плевать! Я хочу, чтобы в следующий раз, когда я пришел, он сидел в своей комнате тихо, как мышь, и не высовывался. Еще какой-то щенок будет мне угрожать! Это даже смешно!

— Смешно, особенно если он позвонит Джеку, — мрачно отозвалась Кэрол.

— Думаешь, он может это сделать?

— Он сделает это. Разве ты сам не видел, какой у него нрав?

— Поговори с ним, объясни, что этого нельзя делать... Господи, да в конце-то концов, это всего лишь ребенок!

Кэрол безнадежно покачала головой.

— Бесполезно. Когда он отстаивает свои интересы, он идет на все. А когда он считает себя обиженным и ущемленным... я давно поняла, что ему лучше уступить, чем противостоять. Он очень похож на Джека.

— Да уж, я заметил! — фыркнул Кевин. — И все же, тебе лучше усмирить своего малыша. Иначе это сделаю я, по-своему, и тогда не обижайся. И мой тебе совет — надо лучше воспитывать ребенка, тогда не будут вырастать такие неуправляемые мерзавцы, как Джек, считающие, что они вершители человеческих судеб! Исправляй свое дьявольское отродье, пока еще не поздно, или придет время, и обольешься ты горькими слезами из-за своего сыночка. Даю тебе два дня, занимайся детьми, или приду я и сам ими займусь. Твоему неуправляемому сыночку нужна всего лишь жесткая мужская рука, чтобы сбить его норы и сделать послушным и уважительным.

На губах Кэрол мелькнула насмешка.

— Чему ты улыбаешься? — удивился он.

— Когда Патрику было четыре года, он в драке килограммовой гантелей разmozжил лицо своему обидчику. В пять лет он откусил нос учителю физкультуры за то, что тот дал ему оплеуху. Интересно будет посмотреть, что он сделает с тобой, когда ты попытаешься «сбить» его норы.

Кевин изумленно молчал, не понимая, шутит она или говорит правду.

— И ты этому улыбаешься? Если это правда, то твоему сыну место в дурдоме, — он поморщился, коснувшись места, куда укусил его мальчик. — А еще лучше — в клетке в зверинце.

— Мой сын просто защищается, поэтому я тоже дам тебе совет — лучше его на это не провоцировать.

— Кэрол, я вижу, ты забавляешься надо мной. Не зли меня. Я нашел управу на тебя,

найду и на твоего ублюдка. Если он будет мне мешать, я отправлю его куда-нибудь подальше, в интернат какой-нибудь, и ты не сможешь мне помешать. Ты будешь делать все, что я тебе скажу, или твои дети останутся без мамы, когда сюда примчится Рэндэл! Хочешь сделать несчастными своих детей?

Кэрол промолчала, а он развернулся и, задыхаясь от бешенства, зашагал к своей машине. Вернувшись в дом, она увидела Патрика на том же месте, где он стоял, когда она вышла. Казалось, за все это время он не пошевелился, ожидая ее возвращения. Присев перед ним, Кэрол нежно взяла его за плечи и заглянула в глаза.

— Сыночек...

— Я не позвоню папе. Но только скажи мне правду. Ты хочешь с ним встречаться? Он тебе нравится?

— Нет. Нет!

— Я верю тебе, потому что видел, как ты вырывалась, когда он тебя обнимал. Не бойся его, мама. Никого не бойся. Папа далеко, но у тебя есть я. Я тебя не дам в обиду, я могу тебя защитить. Только ты не скрывай, рассказывай мне все, говори, кто тебя обижает. Этот... тип, он ведь обижает тебя?

— Нет, Рик, он не обижает меня. Ты просто неправильно все понял. Я тебе объясню...

— Не надо, — Патрик нахмурился. — Ты все равно ничего мне не скажешь. Ты считаешь меня маленьким, думаешь, что я ничего не понимаю, что я беспомощный и не смогу за тебя постоять. Только я могу! Вот увидишь!

— Рик!

Но он уже вырвался и бросился на улицу. Кэрол выскочила следом, и Патрик, обернувшись, выкрикнул ей со свойственными ему вызовом и злостью:

— Мне не нужно звонить отцу, потому что я сам могу нас защитить!

— Рик, сыночек, ты не прав, я совсем не думаю, что ты маленький и ничего не понимаешь. Я знаю, что ты смелый, сильный и умный, что ты такой же, как папа. Пожалуйста, не обижайся на меня. Иди ко мне. Можно я тебя обниму?

Патрик медленно подошел к ней и снисходительно кивнул, позволив матери заключить себя в объятия, что случалось довольно редко. Он даже погладил ее по голове, властно, покровительственно, рукой сильного, утешающего слабого.

— Ничего и никого не бойся, мама. У тебя есть я, не забывай.

— Я знаю, Рик. Спасибо тебе. Если бы не ты, не знаю, как бы я со всем этим справилась... Наверное, я просто не смогла бы жить, нести это бремя, это проклятие, от которого так устала. Ты лучший сын, которого можно только желать.

Губы мальчика тронула довольная счастливая улыбка.

— Я тоже люблю тебя, мам. И у нас все будет хорошо. Скажи только... — он помолчал. — Ты все еще любишь папу?

Сердце Кэрол пронзила боль, которая отразилась в ее глазах, хоть она об этом и не подозревала. Но Патрик успел заметить эту боль.

— Люблю. Я всегда буду его любить.

— И ты... никогда не будешь с другим? Ты не предашь его, даже если никогда вы не будете больше вместе?

Кэрол попыталась скрыть свое замешательство под нежной улыбкой.

— Разве ты видишь рядом со мной других мужчин?

— Да, сегодня увидел.

— Но ведь ты сам видел, что я его отвергала.

— Да, и ты будешь делать так всегда?

Он пристально смотрел на нее слегка прищуренными глазами, в которых полыхал требовательный и суровый огонь, не оставляя никаких сомнений в том, какой ответ ему нужен. В этот момент Кэрол поняла, что он никогда не простит ей предательства ему, его богу, отцу, кем являлся Джек. Что он хочет видеть ее в одиночестве, в тоске и страданиях по нему, любящую, верную, не замечающую никого из мужчин и думающую только о муже.

— Ты красивая, к тебе будут приставать, как сегодня этот... тип, но тебе ведь никто не нужен, кроме папы, так ведь? Таких, как папа, больше нет, он самый лучший, самый сильный, самый умный, самый красивый... ну, если не брать в расчет Рэя, но он не считается. Тебе никто не может понравиться после папы, да?

— Мне никто не нужен, кроме тебя, Джеймса и Криса. Вы единственные мужчины в моей жизни, и других мне не надо.

Патрик удовлетворенно кивнул.

— Если к тебе опять будет приставать этот тип, или кто-нибудь другой, скажи мне. Обязательно, слышишь? Я с ними разберусь.

— Хорошо, — серьезно ответила Кэрол и, воспользовавшись снисходительностью мальчика, поцеловала его в щеку, чего обычно он ей не позволял.

Болезнь Джеймса затянулась. Кэрол, мысли которой занимали болеющий малыш и настырный Кевин, преследовавший ее с безобразно наглой настойчивостью, не заметила, что с Патриком происходит что-то неладное. Она измучилась и издергалась за эти несколько дней, отдавая всю себя маленькому Джимми, давая отпор одержимому похотью мужчине. День и ночь она думала о том, как избавиться от бессовестного поклонника, как поступить в сложившейся ситуации, как выбраться из западни, в которую он загнал ее своим шантажом. Пока она не находила выхода, кроме как уступить. Сбежать она не могла. Рисковать и проверять, выполнит ли он свои угрозы, если она его отвергнет, она тоже не могла. Если бы она рисковала только собой... Но у нее еще были дети, дети Рэя, которого так ненавидел Джек, к которому так ревновал. Она даже представить боялась, что было бы с Джеком, если бы он их увидел, ее маленьких беззащитных лисят, плоды ее измены и предательства. Она не только спала с Рэем, но и посмела родить от него детей, любить их, а не избавиться еще до рождения. Джек мог подумать, что и бросила она его из-за Рэя, что сбежала, чтобы быть с ним. Ей было все равно, что сделает с ней Джек, потому что знала, что смерть все равно уже стоит за ее спиной и только ждет приближения назначенного часа, смирилась с тем, что скоро умрет, не раз уже убедившись в том, что видения ее никогда не обманывают. Но Рэя и близнецов она готова была защищать любой ценой. А их жизни зависели от того, сумеет ли она сохранить свою тайну. Тайну, которая оказалась в руках Кевина, как и их жизни. Если он выполнит свои угрозы, Рэй погибнет, она погибнет, а если у Джека все-таки не поднимется рука на невинных малышей, то лучшее, что он может с ними сделать, так это отправить в приют. Но Кэрол не могла забыть слова, сказанные Касевесом во время пребывания у нее в доме, о том, что Джек еще более ожесточился, что в нем сидит демон, которого чувствуют люди, и это заставляет их его бояться. Она без труда в это верила. Пока этот демон сидит и молчит, не давая о себе знать, как говорил Касевес, но, зная Джека, Кэрол не надеялась на то, что это продлится долго. Нужен лишь толчок, чтобы взъярить этого зверя и заставить показать свои острые зубы, которыми он всегда готов растерзать любого, кто его задел. А если она действительно заставила его так страдать, как сказал Касевес, то за это ей уж точно не будет пощады. Своей боли он не прощал никому. А ведь она не только жестоко обманула его, причинив безумную боль, но и отобрала сына, которого он так любил. Кэрол часто представляла его у двух гробов, у двух могил, принадлежащих им, ей и Патрику. Она знала, что он любил ее, не смотря ни на что, любил настолько, насколько был способен. Она видела эту любовь в его глазах. Он предавал, обманывал, причинял ей боль, но все равно любил, любил эгоистичной любовью, не желая меняться, изменять своим привычкам и принципам. Что он натворил ради того, чтобы не отпустить ее, чтобы сохранить семью. Кэрол со слезами вспоминала, как оба они мечтали об этой семье, как были счастливы, создавая ее, единые в желании быть настоящей семьей, крепкой, нерушимой, такой, какую всю жизнь жаждали иметь. Оба были уверены в том, что никогда их семья не распадется, что они не допустят этого, что их ребенок не повторит их печальное детство. И все рухнуло, они потеряли все... Джек страдает, она страдает. Страдает их сын. Кто виноват? Часто Кэрол задавалась этим вопросом. На первый взгляд, он. Но она не захотела его простить, первая

сделала шаг к тому, чтобы разорвать их отношения, разрушить семью. Она хотела его бросить, не пожелав смириться с тем, что он ей изменял. Она хотела уйти, он не хотел отпускать. И с этого и начался весь этот кошмар, который длился до сих пор. Можно сказать, что она всеми силами пыталась разрушить их семью, а он шел на все, чтобы ей не позволить. Если бы тогда она простила ему Даяну... возможно, сейчас все было бы благополучно. Возможно, нет. Джек не хотел меняться, он мог только хитрить и водить ее за нос, прикидываясь таким, каким она хотела его видеть. А она не могла принять его таким. И не могла простить ему Даяну, ни тогда, ни сейчас. Она никогда ему этого не простит, Кэрол это давно поняла. Возможно, она смогла бы простить ему любую другую женщину, но не свою единственную подругу, с которой ее столько связывало с детства, которую она любила. И он это знал. Поэтому это была не просто измена, это была самая настоящая подлость, которую она простить ему не могла. Не простит его лжи, его связи с ней, ее смерти, смерти Куртни, издевательств над Рэем. Не простит Джеку его подлости, его жестокости. Куртни была права, и Рэй был прав в том, что не стоило ей связывать с ним свою жизнь. Она радовалась тому, что рядом с ней такой сильный мужчина, ничего с ним не боялась, найдя в нем опору, защиту, уверенность. Он смог сделать ее счастливой, но ненадолго. Потом он сломал ее жизнь, растоптал, лишил тех, кого она любила. Если бы не он, она могла бы сейчас обнять Куртни, могла бы общаться с Рэем, у нее была бы Даяна. И, возможно, она была бы замужем за каким-нибудь обычным неплохим парнем. Но обычного она не захотела. Она потянулась к Джеку, сильному, опасному, властному, влюбилась безумной любовью, похожей на одержимость, в зверя, которого привлекла, привязала к себе. Многие женщины находят таких мужчин привлекательными, мечтают об их любви, не задумываясь над тем, какой она может быть опасной, эта любовь. А теперь пряталась от него, как жертва от охотника, вздрагивая от одного только услышанного имени «Джек». «Джек» слышала она на улице, и с замершим сердцем оглядывалась по сторонам. К ее счастью, пока это оказывались другие мужчины, наделенные этим именем. И как она мечтала увидеть его, хоть одним глазком, хоть на мгновение... Каким сильным и болезненным было это желание. Как мечтала о его поцелуях, его любви, как хотела услышать его голос, с нежностью произносящий ее имя, как когда-то... казалось, что целую вечность назад. Но эти мечты, эти желания не желала признавать, держа глубоко в себе, лелея в себе ненависть и подавляя все остальные чувства, которым, как она считала, нет больше места в ее сердце после всего того, что он сделал. Никогда он больше не поцелует ее, не скажет о любви, даже если волей судьбы они когда-нибудь все-таки встретятся. Он не простит того, что заставила похоронить Патрика. Не простит того, что спала с Рэем, что родила от него детей, что сбежала от него, Джека. Кэрол смогла убедить себя, что для нее не имеет значения, что чувствует Джек, уверяла себя, что ей все равно, если он страдает, если ему плохо. Заставить себя получать удовольствие или хотя бы удовлетворение от своей жестокой мести она так и не смогла. Она хотела называть это мстостью, но на самом деле это было не так, и она это понимала. Она сбежала от отчаяния, от безысходности и страха, и это был единственный выход из сложившейся ситуации. Тем самым она спасла Рэя и Тимми, обрубив все концы, предав свое имя забвению и только так сумев улизнуть от мужа. И как ни горько это было осознавать, но, исчезнув, она только убедилась в том, что была единственной причиной всех проблем и несчастий. Как только ее не стало, все сразу стихло, наладилось. Джек успокоился и отвязался от Рэя и Тимми, они вышли на свободу. Никто больше не умирает. Каждый живет своей жизнью и не мешает другому. Как права она была, когда говорила, что ей нужно отправиться в преисподнюю,

чтобы все разрешилось и наладилось. Ей нужно было умереть, чтобы другим жилось хорошо и спокойно. Это лишь доказало то, что она лишняя в этом мире, что ее присутствие в нем ломает человеческие судьбы, сеет вражду, проливает кровь. Проклятая. Ей не место среди людей. Осознавать это было горько, но она уже привыкла к этой мысли, смирилась.

Она держалась в стороне, никого не подпускала к себе, в свою жизнь, боясь причинить вред. И пока было все благополучно, в жизни ее наступило затишье, которое длилось вот уже полтора года. И вот появился этот Дорован со своими угрозами, будь он неладен! А у Джимми болезнь обострилась пневмонией. Кэрол пришлось лечь с сыном в больницу, оставив двух других детей на попечение няни. Кевин доставал ее и там, доводя до отчаяния. Он навещал их с Джимми каждый день, не позволяя ей расслабиться и постоянно напоминая о Джеке и его мстительности и жестокости, пытаясь запугать и подчинить себе. Кэрол пока отмалчивалась, тщательно скрывая свое отчаяние. Кевин загнал ее в угол. Сама дать отпор она не могла, и за помощью ей обратиться было не к кому. Можно было, конечно, рассказать обо всем Касевесу и попросить приструнить этого наглеца, но Кэрол не хотела беспокоить старика и опять впутывать его в свои проблемы.

После того, как он, рискуя жизнью, помог ей скрыться, и об этом чудом не пронюхал Джек, она пообещала сама себе, что никогда больше не будет взваливать на эти слабые старческие плечи свои трудности. Хватит. Хватит опираться на других. Хватит цепляться за людей и губить им жизни. Она ужасно боялась навредить своим проклятием и Уильяму. Этот человек и так сделал для нее больше, чем она заслуживала. Он помог ей начать новую жизнь, и в этой жизни она была самостоятельна, независима и рассчитывала только на себя.

Поразмыслив, она решила покориться Кевину. Пока. Вернее, сделать вид, что покоряется. Выиграть время для того, чтобы тщательно все обдумать и найти способ избавиться от него безо всякого риска, с гарантией, что он не настучит Джеку о ней. Его угрозы и хамство все больше злили ее, в ней кипело тихое бешенство, когда она смотрела на него и видела, какое удовольствие он получает от происходящего, от того, что поймал ее на крючок, от ее ярости и беспомощности. Где гарантия, что когда она ему надоест, он не сообщит о ней Джеку? Подлый мерзавец. Кэрол не верила ему. Она не могла так рисковать, отдавая свою жизнь, жизнь близнецов и Рэя в руки этого негодяя.

— Представляешь, видел твоего Джека, — заявил он, в очередной раз явившись в больницу.

Кэрол вздрогнула.

— Где?

Он засмеялся, услышав страх в ее голосе, который она не смогла скрыть.

— Вчера был на приеме у губернатора, твой муженек тоже там околачивался. Весь вечер о чем-то шептались с губернатором. Слышал, Рэндэл собрался в политику. Уж не наметился ли он в президентское кресло? Он же любит быть первым. Что-то тревожно мне. Сдается мне, Рэндэл, если задастся целью, вполне способен взобраться на самую верхушку.

— Да, если будет действовать по своим старым принципам — шагать по головам, — отстраненно отозвалась Кэрол.

— Это точно! Шагать по головам и сворачивать по пути шеи тем, кто осмелится воспротивиться, — подхватил Кевин и снова засмеялся. — Но не думаю, что у него есть шансы на то, что его выберут президентом после того, как он выпускал в свет маньяков, которые потом убивали людей. Вряд ли народ пожелает видеть своим президентом такого человека.

— Однажды ему уже удалось завоевать симпатию народа и прессы, стать героем в их глазах и убедить в том, что раскаялся в своих прошлых поступках и отныне будет служить только на благо обществу. И ему поверили. Если ему будет нужно, он сделает так, что его будут обожать. Он кумир для всех юристов. Если пожелает, он может стать кумиром для всего мира. Ты просто плохо его знаешь, Кевин, недооцениваешь и понятия не имеешь, на что он способен. Если его не будут любить, он заставит себя полюбить, не будут верить — заставит поверить, — в голосе Кэрол появилась затаенная печаль, потому что все это она познала на себе.

— Как я понимаю, ты полностью за своего муженька? И если до этого дойдет, будешь за него голосовать? — хмыльнулся Кевин. — Кстати, он был на приеме не один. Весь вечер на нем висела шикарная блондинка.

На лице Кэрол ничего не отразилось, но прежде чем она отвела глаза, Кевин успел уловить в них выражение боли.

— Все еще любишь его? — хмыкнул он. — Напомнить о себе не хочешь? Все-таки, ты его жена, а он с какими-то красотками таскается. Представляешь сцену — он трахает какую-нибудь куколку, и вдруг с того света появляешься ты. Если он не умрет от разрыва сердца, то импотентом станет — это точно.

В голосе его была издевка. Кэрол сжала челюсти, пытаясь совладать с собой. Склонившись над Джимми, она погладила его по голове, любуясь детским личиком и пытаясь отвлечься.

— Ладно, чего раскисла, пошутил я, — Кевин притянул ее к себе, вынуждая сесть к нему на колени. — Не было с ним блондинки. Похоже, Рэндэл стал предпочитать мальчиков — он заявился на прием с каким-то молоденьким парнем, этаким божьим одуванчиком на вид, который смотрел на твоего милого с таким обожанием, что я...

— Заткнись, Кевин. Ты несешь полную чушь. Джек — мужик до мозга костей, — Кэрол невольно улыбнулась, вспомнив, как когда-то подумала, что Джек голубой. Какой глупенькой, какой наивной она тогда была.

Кевин с досадой сплюнул.

— Тьфу, ты! Как ты умудрилась так хорошо изучить его? Для меня он всегда был непонятным... что у него там в голове творится, не угадаешь!

— Я прожила с ним больше пяти лет. Этого хватило для того, чтобы убедиться, что мужчины его не привлекают, — хмыкнула Кэрол.

— А про блондинку-то поверила!

— Что теперь ты скажешь? Что мой муж пришел к губернатору в обнимку с медведем?

— Зря смеешься, милая. Паренек-то с ним действительно был. Ты говоришь, что хорошо знаешь Джека. А знала ли ты, что у него есть брат?

— С ним был Шон? — поразились Кэрол.

— Знала! — Кевин разочарованно скривился. — Ладно, хотел тебя шокировать... не вышло. Рэндэл представил его, как своего брата. Сначала никто не поверил, все решили, что это шутка или розыгрыш. Так это на самом деле его брат? Откуда он взялся?

— Это уже не твое дело, — Кэрол задумалась, удивляясь тому, что Джек принял Шона, которого, как она думала, ненавидел. Более того, Джек объявил его своим братом принародно, вывел в высшее общество. Кевину все-таки удалось ее удивить. Что же произошло, почему Джек передумал в отношении Шона? Что заставило его это сделать? Искренен ли он со своим братом, или это всего лишь очередной хитроумный план жестокой

мести молодому человеку? Приблизить его к себе, привязать, чтобы затем уничтожить, или, может быть, опозорить, посрамить перед всем миром, поломав ему будущее, жизнь. Какие планы вынашивает коварный жестокий ум Джека?

— Какой он, этот Шон? — спросила она у Кевина.

— На Рэндэла совсем не похож. Ни внешне, ни по характеру. Наивный простачок, добренький, улыбчивый, приветливый. Доверчивый, как только что оторванный от сиськи щенок. Рядом с Рэндэлом вообще ребенком выглядит. И это — брат Рэндэла? Не верится. Или здесь какой-то подвох, или это самая большая нелепость, недоразумение, которое я видел в своей жизни!

— Если они братья, это не значит, что они должны быть одинаковыми, — сухо возразила Кэрол.

— Да, но как эта святая невинность может быть родным братом этого подонка? Может, этот мальчик просто притворяется? Если нет, то Рэндэл быстренько его переделает на свой лад, воспитает из него сволочь, подобную себе.

— Кто бы говорил! — фыркнула с презрением Кэрол.

— Заступаешься за своего Джека? Не нравится, что я так о нем говорю? Любишь. Дура. Глупо его любить, все равно ведь дорожка назад, к нему, отрезана. Никогда не мог понять, что вы, бабы, в нем находите такого привлекательного? Он же самая настоящая сволочь. Вот ты, за что ты его любишь, а?

— Я больше не люблю его. Я его ненавижу, — твердо возразила Кэрол с такой уверенностью в голосе, что Кевин поверил и расхохотался.

— Эй, похоже, он не на шутку тебя обидел, раз заставил это доброе сердечко вспылать ненавистью, — он погладил ее грудь. — Что же он тебе сделал?

— Это не твое дело.

— Что ж, меня это нисколько не удивило. Это должно было случиться.

— Что должно было случиться?

— То, что ты поймешь, какая он сволочь. Он тебе это продемонстрировал, да? А ты думала, будет иначе, когда связалась с ним? Что он всегда будет оставаться мягким и пушистым? Думала, что приручила эту акулу? И что, потрепал он тебя своими знаменитыми зубами с мертвой хваткой? Облилась кровью, детка?

Кэрол не двигалась, смотря ему в глаза холодным взглядом.

— Еле ноги, небось, унесла? Повезло тебе, просто повезло. И что, всю жизнь собралась от него прятаться? Идея, конечно, неплохая. Но ведь земля круглая, и твоя тайна в любой момент может быть раскрыта. Ты понимаешь это?

— Моя тайна раскрыта не будет, — уверенно возразила Кэрол.

— Может быть, если ты сделаешь для этого все возможное, — положив ладонь ей на затылок, он поцеловал ее долгим жадным поцелуем. — Кстати, если тебе интересно, я мило побеседовал с твоим муженьком. Он был со мной довольно приветлив. Мы даже вышли вместе на балкон, чтобы покурить. Разговаривал со мной, как ни в чем не бывало, как со старым приятелем... как будто не он отобрал у меня любимую женщину, любимую работу, вышвырнув на улицу, как шелудивого пса, — губы Кевина скривились от неприязни. — А я смотрел на него и с трудом сдерживал хохот. Ты, любовь моя, не представляешь, каких усилий мне стоило сдержаться и не бросить ему в морду, что ты не в могиле, а в моей постели... Что он лопух и рогоносец, который как последний идиот носит цветочки на могилку жене, которую в это время трахают... я трахаю. Боже, как хотел бы я посмотреть на

выражение его лица в тот момент, когда бы он об этом узнал. Может, после такого унижения в нем поубавилось бы спеси, а, как думаешь?

— Думаю, что это у тебя поубавилось бы шансов уйти оттуда с яйцами и без собственного члена во рту. И я бы хотела на это посмотреть, — оттолкнув его, Кэрол резко поднялась.

— Вряд ли у тебя будет такая возможность, милая, потому что следующий, с кем он расправится, будешь ты. Я не буду гадать, что он сделает с тобой, для меня это слишком страшно, ведь я обожаю тебя, моя маленькая колючка!

Он снова схватил ее и, поднявшись со стула, прижал к себе.

— Не будем ссориться, — примирительно сказал он. — Хочешь, я расскажу тебе, о чем мы с ним говорили?

— Нет.

— Зря. Мы говорили о тебе. Да не пугайся, я ничего ему не сказал. Просто он был в хорошем настроении, и я как бы невзначай, с улыбкой, припомнил о нашем давнем конфликте. Я думал, он хотя бы поинтересуется, как я живу после того, как он сломал мою жизнь, что сожалеет, что так получилось, а этот ублюдок ответил, что ничего не имел против меня, но ты была его женщиной, и я сам виноват в том, что со мной произошло. Что мне повезло, что я не додумался к тебе прикоснуться! Ну не сволочь, а? Я сказал, что все понимаю и не держу зла.

— Он тебе не поверил. Он не дурак. Ненависть из тебя так и прет, — хмыкнула Кэрол.

— Плевал я, поверил он или нет. Сейчас он представляет собой сплошное посмешище, я это знаю, и этого достаточно для удовлетворения моих обид. Я его сделал, я отымел его, потому что его жена — моя любовница. И пусть теперь задирает нос, сколько хочет — я только посмеюсь над ним и похлопаю по рогам.

Сердце Кэрол вдруг заколотилось быстрее, она с тревогой взглянула на него.

— Что ты говорил ему? Рассказывай, слово в слово!

— Ты чего? — не понял Кевин, разглядывая ее побледневшее от ярости лицо.

— Тупой придурок, он мог все понять! — Кэрол вцепилась в его рубашку и затрясла, поддавшись панике. — Идиот! Он итак сомневается в моей смерти, а ты мог дать ему повод подумать, что ты знаешь, что его обвели вокруг пальца...

— Успокойся, я ничего не дал ему понять, что я, совсем дурак, что ли?

— Да, дурак! Дурак! Ты Джека не знаешь! Да ты весь светишься злорадством и ехидством... О, Боже, он понял... он все понял! — отпустив Кевина, Кэрол в ужасе схватилась за волосы. Кевин стиснул пальцами ее плечи.

— Ничего он не понял! Даже если он заметил мою неприязнь и злорадство, то причем здесь ты? Источником моего злорадства и тайных насмешек может быть его горе, поражение, то, что он потерял женщину, из-за которой у нас вышел конфликт, потерял семью. Если он и заметил мою ненависть, то его совсем не удивит, что я втайне радуюсь тому, что его постигло несчастье. Только я не такой дурак, чтобы демонстрировать ему свою неприязнь. Я совсем не хочу, чтобы он увидел во мне врага. Так что успокойся.

— Трус! У тебя не хватает смелости даже на то, чтобы показать свое истинное к нему отношение! — с презрением бросила Кэрол. — Что ж, вполне могу поверить, что ты изо всех сил вилял перед ним хвостом и лизал ему руки! Могу тебя уверить, что зря старался — Джек не купился на это. Он заметил, что трагедия в его жизни тебя радует, и пусть я сдохну, если не так, но я знаю своего мужа — он в тебе этой радости поубавит! На твоём месте я бы

вернулась домой, притихла и молилась бы, чтобы он забыл о тебе. Ты глупец, Кевин.

Улыбка застыла на лице мужчины, в глазах промелькнуло беспокойство. Он так радовался своему неожиданному отмщению давнему обидчику, впервые почувствовав превосходство над ним и окрыленный этим опьяняющим чувством, что на какое-то мгновение даже утратил свой страх перед ним. Молнией в памяти Кевина пронеслись те несколько минут разговора с Рэндэлом, он вспомнил каждое сказанное ими слово, желая убедиться, что не допустил никаких ошибок, ничем не выдал своих истинных чувств. И сердце его вдруг неприятно сжалось, когда он вспомнил, что сказал то, что не нужно было. Он спросил, с сочувствием, по-дружески, по крайней мере, пытался сделать это именно так: «Ты очень ее любил?», а когда Рэндэл впился в него своим взглядом, добавил: «Тебе, наверное, очень тяжело...». Рэндэл не ответил на вопрос, а невозмутимо поинтересовался: «А ты, Кевин, любишь свою жену?». Тогда Кевин не придавал этому значения, а сейчас вспомнил, какой взгляд был у Рэндэла, когда он задавал этот вопрос. Черный и пронзительный, пробирающий до костей. Черный... Кевина вдруг осенило, что у Рэндэла глаза серые. Странно, тогда они показались ему черными до неестественного блеска, как два уголька. Наверное, это была просто игра теней и света.

— Послушай... — он озадачено почесал затылок и покосился на Кэрол. — А какого цвета у него глаза?

Кэрол бросила на него недоуменный взгляд.

— А что?

— Как вроде серые, верно?

— Да. А почему ты спросил?

— Да так... — Кевин рассмеялся, пытаюсь не показать своего внутреннего напряжения. — А теперь приготовься, моя сладкая. Я еще не рассказал тебе самого главного. Ты не смотрела сегодня «новости»?

— Кевин, хватит болтовни! Меня совершенно не интересует...

— Не думаю...

— Уходи! — нетерпеливо выкрикнула Кэрол, начиная терять над собой контроль.

— Хорошо, — он пожал плечами. — Раз ты утверждаешь, что не любишь больше Рэндэла, то тебя, естественно, *совершенно не интересует*, чем закончился этот вечер.

— Ты угадал — не интересует.

— Жаль. Вечер завершился сенсацией. И, как всегда, главным ее героем был наш несравненный Джек. Правда, я бы на его месте оказаться не захотел. Что ж, раз он тебе так безразличен, тогда предоставлю тебе узнать из «новостей» о том, что в твоего мужа стреляли. Хотя я, как очевидец, мог бы рассказать более подробно.

Кэрол застыла, остановив на мужчине неподвижный взгляд. На лице проступила смертельная бледность.

На мгновенье Кевину показалось, что жизнь вылетела из ее тела, и оно замертво упадет сейчас на пол. Он даже по инерции протянул руку, чтобы успеть ее подхватить, но Кэрол моргнула, разрушив его ужасное наваждение.

— Он... жив? — чуть слышно спросила она.

— Его же защищает сам дьявол, ты что, забыла? И на этот раз пулю отвел. Или, если обошлось без мистики, стрелял какой-то мазила. Пуля угодила в его братца, который стоял рядом. Повезло же, мерзавцу! — Кевин сплюнул, имея в виду Джека.

— А Шон? Жив?

— Не знаю. Когда на неотложке забирали, был еще жив.

— Бедный мальчик!

— Я перекрестился, когда вспомнил, как стоял рядом с твоим мужем на балконе. Подходить к Рэндэлу опасно для жизни, ведь могли меня вот так... вместо его брата... Я к нему больше и на шаг не приближусь! Поползли слухи, что на Рэндэла кто-то охотится. За последние три месяца, это был уже второй неудачный выстрел в него. Похоже, кто-то задался целью его прикончить, кто-то, не умеющий стрелять, но очень упрямый. Или его просто хотят запугать.

Кэрол помолчала, задумчиво смотря в окно.

— Нет, — тихо возразила она. — Всем давно уже известно, что запугать Джека невозможно. И я думаю, что если бы это был дилетант, Джек второй шанс на выстрел ему бы не предоставил. Если в обоих случаях стрелял один и тот же человек, то это профессионал, иначе Джек его бы уже нашел и засунул бы ему его винтовку в глотку. Здесь что-то другое.

— Если это профессионал, то почему же он не может попасть в цель?

— Не хочет... или ему что-то помешало. Я не знаю. Может, стреляли разные люди и это просто совпадение. Сколько я знаю Джека, всегда был кто-то, у кого были причины ему мстить.

— И, наверное, было за что!

Кэрол ничего на это не ответила. Повернувшись к нему, она посмотрела ему в глаза.

— Кевин, тебе нужно уехать домой. Если он что-то заподозрил, нам обоим несдобровать, ты это понимаешь? Ты зря сюда пришел, он мог прицепить к тебе хвост.

— Кэрол, это смешно...

— Уходи отсюда, немедленно. Уезжай, не приходи ко мне, не звони.

— Ты что, за дурака меня держишь, детка? Думаешь, я поведусь на твои хитрости? Ты просто пытаешься избавиться от меня, вот и запугиваешь!

— Я запугиваю, потому что мне самой страшно! Я жила с ним пять лет, я знаю его! Если в его голове хоть на мгновение промелькнуло какое-то подозрение, он проверит его. К тому же его интуиция... он всегда ей доверял. Пожалуйста, Кевин, не будем так рисковать. Уезжай. Если он будет наблюдать за тобой, то недолго, убедится, что ты не представляешь для него никакого интереса, и отвяжется.

— Ну, ладно. Только условие. После этого ты перестанешь меня отталкивать.

— Хорошо. А теперь иди. Пожалуйста, иди!

Ее страх, граничащий с паникой, был так искренен, что вдруг передался и ему. «А что, если она права?» — мелькнуло у него. Права или нет, но Кевин рисковать не хотел, даже если вероятность того, что Рэндэл раскусил его, была равна одному против миллиона. Поспешно поцеловав Кэрол, он удалился, стараясь скрыть свою тревогу, демонстрируя, что просто уступил ей, а не поддался страху и последовал ее совету сдернуть на время от нее подальше.

Столкнувшись в дверях с Амандой, он пробормотал извинения и скрылся. Кэрол лихорадочно соображала, не зная, стоит ли на самом деле поддаваться такой панике. Но уже в следующую секунду решение было принято.

— Аманда, умоляю вас, побудьте с Джимми! Мне нужно уйти. Ричард дома?

— Конечно, я оставила на него Криса. Что случилось? — черные глаза Аманды с недоумением разглядывали бледное напряженное лицо Кэрол.

— Ничего, Аманда, пока ничего. Но... Я буду дома, с детьми. Только говорить об этом

никому не надо. И... и если какой-нибудь незнакомый человек спросит у тебя имя, скажи, что ты Сандра Эванс, то есть я, а Джимми твой сын. Не смотри на меня так, это не опасно... Просто скажи так, если спросят, хорошо.

— От кого ты прячешься, Сандра? Может, пора мне уже сказать? Я давно это поняла, — Аманда тепло смотрела на нее. — Кто он?

— Муж. Это мой муж.

— Сволочь и скотина? — губы Аманды скривились.

— Не то слово!

— Хорошо. Езжай домой и не волнуйся. Мой тоже был еще тот подонок, избивал до полусмерти. Наверное, давно бы уже прибил, сволочина, если б за решетку не угодил. Надеюсь, к тому времени, как освободится, не вспомнит обо мне, иначе, сдается мне, тоже придется делать ноги, — женщина тяжело вздохнула и покачала головой.

— Спасибо! — Кэрол обняла ее и, поцеловав Джимми, вышла из палаты.

Не успела она сделать и десяти шагов, как ей попался на глаза высокий мужчина, о чем-то спрашивающий медсестру. Едва не вскрикнув от ужаса, Кэрол шархнула за угол и вжалась в стену.

— Двадцать четвертая? Прямо по коридору, — расслышала она ответ медсестры, и зажмурилась, прикусив губу зубами. Это был номер палаты, из которой она только что вышла. Кэрол не могла пошевелиться, прислушиваясь к шагам, приближающимся к палате. Мужчина прошел мимо нее и заглянул в палату. Вошел и прикрыл за собой дверь.

Кэрол не двигалась, продолжая стоять на месте. Она понимала, что должна уйти, чтобы не попасться на глаза Заку, но не могла оставить сына, пока он там, в палате. К ее облегчению, Зак вышел через несколько секунд и снова прошел мимо нее, не заметив. Подождав, когда он скроется из вида, Кэрол бросилась в палату. Аманда повернулась к ней и улыбнулась.

— Все в порядке, — заверила она.

— Что он сказал? — задыхаясь, прохрипела Кэрол, смотря на нее обезумевшими глазами.

— Спросил Сандру Эванс, которая, как ему сказали, лежит в этой палате с сыном. Я сказала, что это я, и поинтересовалась, что ему нужно. Он спросил, знакома ли я с Кевином Дорованом. Я ответила, что мы с ним вместе работаем над новым проектом... Правильно я сказала?

— Да, правильно, — Кэрол тяжело выдохнула и выдавила из себя благодарную улыбку.

— Он назвался частным детективом, которого наняла жена этого Дорована, потому что подозревает, что у него есть любовница. Вот он и ищет. Он ведь наврал, да? Это был твой муж?

— Нет, это его друг.

— Тоже отъявленный скот, сразу видно! — фыркнула Аманда. — Кажется, он мне поверил.

— Все-таки побудь здесь, Аманда, пожалуйста. На всякий случай.

Женщина согласно кивнула, и Кэрол осторожно направилась к выходу, оглядываясь по сторонам. Она увидела Зака в холле. Он разговаривал по телефону, стоя к ней спиной. Мгновенье поколебавшись, Кэрол набралась мужества и подошла к соседней кабинке. Повернувшись к нему затылком, она сняла трубку и спокойно набрала номер. Зак так был увлечен разговором, что не обратил на нее никакого внимания.

— С меня хватит, Джек! Я всегда и во всем тебя поддерживал, но это переходит все границы. Все, я отказываюсь! Я сделаю все, что угодно, но заниматься этим идиотизмом больше не буду! Мы гоняемся за теми, кого больше нет! Мы не найдем их, Джек, потому что их нет, ты это понимаешь? Если бы они были живы, мы что-нибудь обязательно бы нашли, хоть какую-нибудь зацепку. Ничего, Джек, никаких следов! Послушай, дружище, я все понимаю... но нельзя так. Больше так нельзя. Ты должен смириться... иначе ты потеряешь рассудок. Если бы я тебя не знал, я бы уже подумал, что ты больной, который ищет свою семью после того, как похоронил... Отпусти их, Джек. Жизнь продолжается...

Повесив трубку, Кэрол вышла на улицу и, сев в машину, поехала домой. Она услышала достаточно, и теперь смела надеяться, что к Сандре Эванс они потеряли интерес, убедившись, что это не она. Она молилась о том, чтобы было именно так, запершись в доме, не высовываясь и не позволяя Патрику выходить. Но мальчик и не проявлял желания покидать дом. Сразу разглядев, что она напугана, Патрик сильно разволновался, напрягся.

— Что, мам?

Увидев в его глазах страх, Кэрол попыталась его успокоить, ругая себя за то, что напугала ребенка.

— Ничего, сынок, все нормально.

— Кто тебя напугал? — настойчиво спросил мальчик, не отрывая от нее испытывающего взгляда.

Смотря на него, Кэрол поняла, что лучше сказать правду. Ее мальчик был не из тех, кого можно водить за нос. И он приходил в ярость, когда она обращалась с ним, как с ребенком, пыталась защитить, что-то утаить или обмануть. «Никогда мне не лги», — сказал он ей как-то, и сделал это так, что она навсегда запомнила его слова.

— Папа в городе, — объявила она. — По крайней мере, вчера был.

Патрик сразу расслабился.

— Я знаю. Я хотел тебя предупредить, а потом подумал, что ты все равно из больницы не высовываешься, и не стал лишний раз тебя волновать. Так и знал, что ты панику поднимешь!

— Ты знал? Откуда?

— Уильям позвонил, чтобы предупредить.

— Ты должен был мне сказать! — рассердилась Кэрол. — Пообещай, что в следующий раз ты немедленно сообщишь мне, если он появится в городе.

— Хорошо. Только не кричи, — мальчик сердито нахмурился, исподлобья смотря на нее.

Кэрол выдавила из себя улыбку и погладила его по плечу, ругая себя за нервозность. Нельзя так, нужно держать себя в руках, не смотря ни на что. Но она тут же забыла об этом, услышав голос диктора из работающего телевизора.

— ...Очередное покушение на адвоката, ныне сенатора Джека Рэндэла...

— Сенатора! — ошеломленно выдохнула она, уставившись в экран.

— Ты не знала? — с возмущением и упреком спросил Патрик.

— Как?.. Когда? — заикаясь, пролепетала Кэрол, переведя взгляд на него.

— Он стал сенатором две недели назад! Ты не могла этого не знать!

Кэрол растерянно повела плечами. На лице Патрика отразилось негодование.

— Папа стал сенатором, а ты даже не знала? — голос его задрожал от обиды. — Тебе что, уже настолько на него наплевать? Как ты так можешь?

— Я... я просто так закрутилась с Джимми... — попыталась оправдаться она, но Патрик яростно отмахнулся от ее объяснений.

— Нет, ты просто перестала интересоваться жизнью папы! Ты его больше не любишь!

— Это не так.

— Ты не знала, что он приглашен на прием к губернатору, хотя об этом передавали по телевизору! Наверное, ты не знаешь и то, что его вчера пытались убить?

— Знаю.

— А то, что у меня есть родной дядя, ты знаешь?

— Да, я знала.

— А мне не сказала!

— Папа не хотел... он не хотел признавать своего брата, не хотел, чтобы о нем кто-то знал, даже ты. Я все тебе расскажу, сынок, не обижайся на меня. А сейчас давай послушаем, что говорят о папе... Я и так много пропустила, — она схватила пульт от телевизора и прибавила звук.

— Ты даже не представляешь, *сколько* ты пропустила! — буркнул мальчик себе под нос, но она не услышала, поглощенная репортажем, передаваемым по информационному каналу.

— ... Не связаны ли эти покушения с тем, что Джек Рэндэл подался в политику? Возможно, пытаются помешать именно его политической карьере. Или это какие-то личные счеты? Сам Джек Рэндэл от комментариев отказывается. На все вопросы лишь отшутился, заявив, что настолько привык к тому, что его постоянно пытаются убить, что и не замечает этого. По официальным источникам известно, что жизнь его брата, принявшего пулю на себя, вне опасности. Полиция сообщает, что это вторая попытка убить Джека Рэндэла. Первая имела место в октябре этого года, то есть меньше, чем три месяца назад, но информация была скрыта. На этот раз полиция сделала официальное заявление, начав расследование об этих покушениях, считая, что они связаны между собой. Основанием такой уверенности послужили пули, найденные после первого и второго выстрелов — обе пули выпущены из одной и той же винтовки. Исходя из этого, можно предположить, что в обоих случаях стрелял один и тот же человек, если исключить возможность простого совпадения. Полиция уверена, что этот убийца, или убийцы, преследуют Джека Рэндэла, охотятся за ним, и жизни его угрожает серьезная опасность. Сам сенатор сотрудничать с полицией отказался, не проявляя никакого интереса к расследованию. Похоже, он не воспринимает угрозу всерьез. Есть информация, что о первом покушении полиция была предупреждена анонимным письмом, в котором указывались точная дата, место и время, когда в Джека Рэндэла будут стрелять. Мистер Рэндэл был поставлен в известность о письме, но проигнорировал его. Проигнорировала и полиция. Выстрел был произведен точно по времени и месту, указанному в послании, но, как и в этот раз, не попал в цель. Создается впечатление, что тогда и сейчас что-то или кто-то помешал киллеру. Не тот ли, кто знал о готовящемся покушении и предупредил о нем? У Джека Рэндэла появился ангел-хранитель? Тайный доброжелатель и защитник? Если так, то этот человек должен быть связан непосредственно и с его врагом, жаждущим его смерти, раз знает о планах убийцы такие подробности... Или все это — лишь разыгравшееся человеческое воображение, а на самом деле нет никакой связи между этими выстрелами, нет кровожадного охотника и загадочного защитника? Может, и попыток убийства не было, а эти выстрелы — попытка нового сенатора привлечь к себе внимание?..

Кэрол взглянула на Патрика, неподвижно стоящего рядом и смотрящего в экран. При

последних словах диктора ноздри мальчика затрепетали от ярости.

— Да как они смеют, паршивые папарацци! Языки им их гадкие повырывать!.. Мам, ты слышала? Они сказали, что отец сам все подстроил! Его хотят убить, а они говорят, что он хочет привлечь внимание! Мерзавцы!

Схватив с журнального столика телефонную трубку, он в бешенстве запустил ее в телевизор. Кэрол вздрогнула. Экран моргнул, но чудом уцелел. Треснувшая трубка отскочила и ударилась о пол.

— Рик, ты что?! Успокойся!

— Я ненавижу их! Почему они все время говорят о папе всякие гадости?

— Не обращай внимания, сынок. Это их работа. Все понимают, что это неправда. Не папу и раньше покушались, он не раз пострадал от этих покушений. Он знаменит, у него не простая работа, которая вынуждает его становиться многим поперек дороги... у него много завистников, как и у любого успешного известного человека. Люди это знают и понимают, что все эти покушения — настоящие.

— Тогда почему они так говорят? — не успокаивался мальчик, багровый от возмущения и обиды.

— Пусть говорят. Папа никогда не обращал на это внимания. Поэтому они так его и не любят, пытаются плюнуть в его сторону при малейшей возможности.

— Я бы затолкал им эти плевки обратно в глотки, чтобы они захлебнулись, твари!

— Сыночек, не надо так говорить. Это некрасиво...

— А то, что они делают — красиво? Красиво то, что хотят убить моего отца? Красиво, говорить, что он сам все подстроил, когда за ним охотится этот ублюдок? Им всем наплевать на то, что он может его убить!

— Рик, я не думаю, что кто-то охотится за папой. Может, кто-то таким образом пытается заставить его уйти из политики, может это всего лишь проделки конкурентов, которым он наступил на пятки. Если бы его на самом деле хотели убить, то вряд ли бы два раза подряд промазали.

— Ты не понимаешь! — горячо воскликнул мальчик. — Это не конкуренты! Этот мерзавец его ненавидит, и он не успокоится, пока не убьет его! И он настоящий профессионал! И он на самом деле охотится за папой! Ты не веришь мне?

Патрик задрожал, кулаки его нервно сжались.

— Ты должна мне поверить, чтобы мы могли его защитить. Вместе.

— Сыночек, ты преувеличиваешь, — мягко сказала Кэрол, обеспокоенная перевозбужденным состоянием мальчика. — Папа сам во всем разберется. Он умеет постоять за себя. И тот, кто в него стрелял, не так опасен, как ты думаешь. Если бы он был профессионалом...

— Не спорь со мной, ты его не видела, ты не знаешь! — в исступлении завопил мальчик. — А я там был!

Кэрол изменилась в лице.

— Где ты был?

Мальчик замялся. Кэрол схватила его за плечи, повернув лицом к себе.

— Только пообещай, что не будешь ругаться, — по-детски проговорил он, подняв на нее виноватые глаза.

— Не буду, — откликнулась Кэрол, ни жива, ни мертва. — Что ты натворил, Рик? Что на этот раз?

— Я спас отца! Из-за меня этот ублюдок промахнулся. Он сидел в засаде в доме напротив, я видел, как он целился в папу...

— Боже... — простонала Кэрол, роняя руки. — Как ты там оказался?

— Я... я пришел туда, — невозмутимо ответил мальчик. — Пробрался в это здание и увидел этого ублюдка с винтовкой у окна. А внизу, прямо под нами, папа прощался с губернатором...

— Он видел тебя? — онемевшими губами прошептала Кэрол. — Этот человек тебя заметил?

— Нет, он не видел, он целился. А я... я бросил в него нож, и он промазал.

— Что ты сделал? — глаза Кэрол полезли на лоб.

— Нож бросил. В голову. Как раз, когда он собирался выстрелить. И он упал. Пойдем, я тебе кое-что покажу, — взяв за руку ошеломленную мать, он повел ее за собой в детскую.

— Он упал? — переспросила Кэрол, не в силах поверить в то, что рассказывал мальчик.

— Я попал ему в голову. Я хотел его убить, но не знаю, получилось ли у меня.

— Ты хотел его убить? Рик, нельзя убивать людей!

— Его нужно убить, или он убьет папу. Я думаю, он жив. Я хотел, чтобы нож воткнулся в голову, но бросил его с недостаточной силой, и он прошел вскользь.

— Ты умеешь метать ножи? И носишь нож с собой? — Кэрол недоверчиво смотрела на сына, пытаясь понять, подшучивает ли он над ней или говорит правду. Невероятную правду.

— Умею... я тренировался. Правда, мне пока не хватает сил, чтобы бросать его с нужной силой. Но я занимаюсь, я качаю мускулы, и скоро буду сильным. Очень сильным, — в голосе мальчика послышалась гордость, потом он с трепетом продолжил свой рассказ. — Я снял с него маску. Я видел его лицо. И...

— О Боже! — вырвалось у Кэрол, резко остановившейся на пороге детской. В кроватке мирно посапывал маленький Крис, а у приоткрытого окна стояла снайперская винтовка.

— И я забрал его оружие, — продолжил мальчик. — Mam, это классная винтовка, просто суперская!

— Ты украл винтовку у киллера? — вскричала Кэрол в ужасе.

— Mam, спокойно. Я взял ее для того, чтобы защищаться. Там, на выходе, на стреме стоял другой... он видел меня. Он погнался за мной, но я убежал. Mam, — мальчик потянул ее за руку вниз, заставляя присесть, и сжал ладонями ее лицо, пристально смотря в глаза. — Ты только не бойся. У нас есть оружие, если они придут, мы их убьем. Ты умеешь стрелять? Я научу тебя. Вот, смотри, что у меня еще есть.

Подбежав к шкафу, Патрик торопливо выхватил старый рюкзак и вынул из него тяжелый пистолет с глушителем 45-го калибра.

— Откуда у тебя пистолет? — пораженная Кэрол широко раскрытыми глазами смотрела на сына.

— Я купил, давно еще. У меня и патроны есть. Я учусь стрелять.

— Зачем?!

— Как зачем? Чтобы уметь.

Кэрол опустилась на пол, почувствовав, что все силы разом оставили ее.

— Рик... что ты натворил, — простонала она. — Они же придут и всех нас убьют... Господи!

— Поэтому я и взял винтовку...

— Винтовку? — Кэрол подняла на него вдруг загоревшиеся яростью глаза. — Рик, они

профессиональные убийцы, а ты всего лишь ребенок! Ты понимаешь, во что ты вляпался?

— Ты обещала не ругаться...

— Не ругаться? Боже, ты видел этих убийц, ты им помешал, ударил одного из них ножом, спер его винтовку — и после этого я должна оставаться спокойной? Это уже слишком, Рик! Ты хоть сам понимаешь, что ты сделал, а?

— Понимаю, — ледяным тоном ответил мальчик, вызывающе вытянувшись, что всегда делал, когда ему приходилось защищаться. — Я не позволил им убить папу. По-твоему, я должен был стоять и смотреть, как они это сделают?

Мгновенье Кэрол неотрывно смотрела в его неподвижное лицо, на котором застыло выражение враждебности, потом порывисто обняла его, прижав к груди.

— Зачем ты туда пошел? — жалобно простонала она, пытаясь сдержать слезы.

— Я хотел увидеть папу, — слабым дрожащим голосом ответил мальчик, и столько скрытой тоски и боли она услышала в этих словах, что не выдержала и, уткнувшись ему в плечо, беззвучно заплакала. Он поднял руку и погладил ее по голове.

— Прости меня, мам... Я понимаю, какой опасности вас подверг. Они придут за мной, я знаю. Мы должны бежать, мам. Я понимаю, что одному мне с ними не справиться. Они большие и сильные.

— Может, обойдется? — без надежды прошептала Кэрол. — Ведь ты всего лишь ребенок. Не будут же они охотиться за ребенком.

— Будут, мам. Потому что я уже пятый раз сорвал им покушение на папу.

Отстранившись, Кэрол непонимающе посмотрела ему в лицо.

— О чем ты?

Патрик улыбнулся.

— Это я тот самый загадочный ангел-хранитель, о котором передают по телевидению. Я защищаю папу. Этот человек убьет его. Застрелит, вот сюда, — мальчик коснулся пальцем лба. — Ты же тоже знаешь. Должна знать. Только я не допущу. Я не позволю ему. Я не позволяю ему вот уже три месяца. Только он упрямый, он не остановится. Его нужно убить, чтобы спасти папу. Я уже пытался. Я устроил засаду и стрелял в него... только промазал. Пистолет тяжелый, из него трудно попасть на расстоянии. Поэтому мне нужна снайперская винтовка. Теперь я смогу его убить...

— Господи, о чем ты говоришь?!

— Я говорю, что охраняю жизнь папы и охочусь за его убийцей. Я знаю, где и когда он устроит следующую засаду. Я вижу это каждый раз... как он снова и снова убивает папу. Первый раз я отправил папе письмо, предупредил полицию, но они не поверили. Тогда я пришел туда, где он устроил засаду и, когда он целился в папу, бросил в него камень. Он промазал, а я убежал. Помнишь, когда я сбежал из дома, оставив записку, что поехал к другу? Так вот, я на самом деле был в Сан-Франциско.

— Как ты туда добрался?

Мальчик замялся.

— Это неважно. Мне помогли.

— Кто тебе помог? Тебе всего семь лет, ты не мог сам сесть в самолет, поезд или автобус! Как ты добрался до Сан-Франциско, говори!

— Я не скажу. Мне помогли друзья. И это не имеет значения. Я был и в других городах, когда сбегал из дома. Прости меня, мам, я знаю, что ты очень переживала, что я плохо с тобой поступал, сбегая, но ведь теперь ты понимаешь, что у меня на то были важные

причины. Я спасал жизнь папы.

— Но как ты узнал, что его жизнь в опасности?

— Я же сказал — я видел. Ты ведь тоже видишь, как погибает папа. Только я вижу, где и когда это произойдет, четко вижу, как наяву... заранее. Но с разным интервалом времени до того, как это произойдет. Три раза я тщательно продумывал, как помешать. Два раза у меня не было времени, чтобы что-нибудь придумать. Как вчера. Я узнал только под утро... увидел во сне. И решил пойти в засаду и убить этого ублюдка. Стреляю я плохо, а вот нож метая хорошо, вот и решил попробовать на этот раз ножом. У меня почти получилось, я попал ему в голову, но у меня не хватило сил, чтобы пробить череп...

Кэрол, онемев, с открытым ртом слушала его, не веря в то, что он говорил. Она не могла поверить. Как можно в это верить? Ее маленький мальчик так спокойно рассказывал о том, что у него не получилось пробить череп человеку, убийце, который охотится за Джеком. Он предвидел покушения и пять раз сумел им помешать. Семилетний мальчик пять раз помешал профессиональному киллеру убить свою жертву? И в это она должна поверить? Более того, этот малыш сам пытается убить этого убийцу?

Заметив выражение ее лица, Патрик ласково улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Мам, ты в порядке? Ты мне не веришь? Тебе придется поверить, мам. Если ты мне не поверишь, он найдет меня и убьет. И тебя заодно. Он очень на меня обозлился, я его достал. Он ищет меня и, боюсь, на этот раз найдет. Мы можем подождать его здесь, устроить засаду. Я могу попытаться увидеть, когда он придет... но у меня может не получиться. По крайней мере, я уже пытаюсь, и пока у меня не получается. Я не вижу. Если бы я знал, мы могли бы убить его, когда он придет. А так мы рискуем.

— Подождать его, когда придет? Убить? — Кэрол закачала головой, пытаясь прийти в себя, собрать разбежавшиеся от шока мысли. — Рик... Господи, что происходит?

— Мам, соберись. Я все тебе объяснил. Позже я расскажу тебе обо всем подробно. А сейчас мы должны что-то делать. Я предлагаю быстро смыться, а потом подумать, как нам от него избавиться. Мы подождем, когда я снова увижу его во сне, устроим засаду и застрелим из этой самой винтовки. Здесь оптический прицел, я потренируюсь и больше не промахнусь. Только их двое. Мы должны убить и второго. Ты сможешь мне, мам? Одному мне тяжело, но вместе мы справимся.

— Справимся? С двумя профессиональными убийцами? — вскричала Кэрол, вскакивая на ноги. — Ты сошел с ума!

— До сего времени я справлялся, сам, один. Если ты не хочешь, я сам их убью. Я хочу его убить, потому что я не могу больше видеть, как он убивает папу! А он его убьет, если мы не помешаем! Он ненавидит папу. Ты же знаешь, что папа должен умереть... что его застрелят. И его застрелит именно этот человек. Только мы можем это изменить, потому что мы знаем.

— Если это судьба, как мы можем это изменить? — устало возразила Кэрол, внезапно успокоившись и поникнув.

— Мы можем. Потому что это не судьба, это наше проклятие. Оно преследует папу, потому что, хоть мы и оставили его, мы продолжаем его любить. Слишком сильно любить. А оно убивает тех, кого мы любим, ты же знаешь! А разлюбить его мы не сможем. Значит, мы должны его защитить. Не надоело тебе хоронить всех, кого любишь? Может, пора начать что-то делать, а, мам? Я не виню тебя, одна ты не могла, потому что видишь, но мало, твой дар слаб. Но теперь есть я, а я намного сильнее тебя. Мой дар с каждым днем становится

сильнее. Вместе мы сможем. Если ты откажешься, тогда я сам...

— Нет, я не откажусь. Мы попробуем, сынок. Вместе. Только с условием — с этой минуты ты ничего не делаешь сам, не сказав мне. Я не хочу тебя потерять. Если с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу. Пообещай мне.

— Со мной ничего не случится.

— Все равно обещаю.

— Хорошо. Обещаю. Обещаю, что отныне мы будем действовать только вместе. Но тогда и ты пообещай мне тоже самое.

— Обещаю, — Кэрол горячо обняла его. — Сыночек, я так тебя люблю! Прости меня, прости, что наградила тебя всем этим ужасом, этим проклятием, этим ужасным даром видеть...

— Этот дар вовсе не ужасный. Наоборот, это наш шанс к спасению, возможность дать отпор этому проклятию. И мы его дадим. Оно не убьет больше никого, кто нам дорог. Мы можем ему противостоять, я это понял. Мы видим, и мы можем предотвратить. Это война, мам, война с тем, кто когда-то наслал это проклятие на наш род. И мы с тобой повоюем. Я уже начал эту войну, и я не отступлю.

— Хорошо, сынок, мы об этом еще поговорим, но сейчас мы в опасности.

Через минуту Кэрол уже звонила в больницу Аманде, чтобы она забрала Джимми из больницы и ехала к себе домой. Удивленная Аманда попыталась было возразить, что нельзя забирать больного ребенка. Кэрол дрожащим от слез голосом закричала в трубку, что знает об этом, и велела сделать няне так, как она велит.

Бросив трубку, она стала торопливо собирать вещи близнецов.

— Рик! — окликнула она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно спокойнее. — Ты собрал вещи?

— Еще утром, мам! — отозвался тот и вытащил из гардероба большую спортивную сумку.

— Тогда помоги мне. Беги на кухню, собери бутылочки, соски и...

— Я понял! — перебил ее мальчик и умчался.

Вскоре он вернулся и схватил сумку с вещами братьев и повесил на плечо свою.

— Я отнесу в машину.

— Подожди! Тяжело, не надо... — возразила Кэрол, одевая малыша. — Я сама.

— Мам, занимайся ребенком! — раздраженно фыркнул он и потащил сумки из комнаты.

Оставив Крису, Кэрол выпрямилась и посмотрела ему вслед. Она вдруг увидела, насколько старше своего возраста выглядит ее сын, как вырос он за эти полтора года. Вспомнила, с каким изумлением его разглядывал Касевес, когда увидел. Только сейчас она осознала, что все эти полтора года она находилась словно в тумане, смотрела на все сквозь какую-то пелену. Словно жила наполовину, другой своей половиной погружившись в черный внутренний мир, в свое отчаяние и тоску. Как же раньше она не заметила, что Патрик теперь не только умственно обогнал свой возраст, но и физически. Он был намного выше и крупнее своих сверстников, крепче и сильнее, и, постаравшись взглянуть на него не глазами матери, а взглядом постороннего человека, Кэрол пришла к выводу, что, не зная она его возраст, она ни за что бы не подумала, что ему всего семь лет. А после того, что он ей рассказал... Ей вдруг стало жутко и ужасно не по себе. Ее собственный сын был для нее загадкой, которую она никак не могла разгадать, какими-то скрытыми тайнами, он тревожил ее, а теперь стал

пугать. Что есть ее сын? Какие странные силы таятся в этом ребенке с совсем не детскими мыслями и поступками? Откуда в голове ребенка столь взрослый ум, откуда столько отваги, решительности, жестокости, в конце концов? Она в панике ударяется в бегство, потому что ее маленький сын развел войну с профессиональными убийцами. Он так хладнокровно рассказывает о том, как пытался убить человека, так спокойно убеждает ее в том, что она должна помочь ему в этом. Вот уже полтора года он занимается боксом, у него в шкафу пистолет, он носит с собой нож и учится с ним обращаться, он учится стрелять. Зачем?! Что его к этому побуждает? И как она могла всего этого не заметить? Чему стремится научиться ее сын — убивать? Или защищаться и защищать? Он объявил войну проклятию, и, наверное, мнит себя воином. Полон решимости защищать тех, кого любит. В этом все дело. Кэрол уже не в первый раз подумала о том, что нужно отвезти его к Габриэле. Необходимо узнать, какая сила растет в ее мальчике, на что он способен. В его возрасте Кэрол лишь мучили кошмары, которых она не понимала, только смутно сознавая то, что они предвещают беду. Она даже не понимала, что предвидит будущее. Патрик пять раз предотвратил смерть отца. Маленький мальчик видит что-то во сне и идет и спасает взрослого человека, давая отпор убийцам. Это на самом деле так, или она, Кэрол, сошла с ума?

Патрик вернулся, а она продолжала стоять, застыв на месте.

— Мам, ты чего? — окликнул он, подбегая к окну. Схватив винтовку, он стал ловко ее разбирать и складывать в коробку из-под большого игрушечного грузовика. Некоторое время Кэрол наблюдала за ним, потом вдруг очнулась.

— Что ты делаешь?

— Мы возьмем ее с собой, — невозмутимо отозвался мальчик. — Она нам нужна, чтобы прикончить тех отморожков. Ты готова?

Кэрол поспешно продолжила прерванное одевание малыша, который что-то радостно лепетал, копошась перед ней на кровати.

— Если полиция найдет у нас эту винтовку...

— Не найдет, — Патрик улыбнулся, закрывая коробку. — С чего бы им лазить по детским игрушкам, и вообще, обыскивать такую миленькую женщину с тремя детьми?

— Миленькую? — Кэрол усмехнулась, чувствуя, что успокаивается, заражаясь удивительной уверенностью Патрика.

Что ж, похоже, затишье в ее жизни закончилось. Жизнь дала ей небольшую передышку, и снова взялась за старое. Кэрол растерялась и испугалась только в первое мгновение, теперь ощущала, как все внутри наполняется решительностью и хладнокровием. Это было сравнимо с закаленным человеком, который вздрогнул от неожиданности, когда на него вдруг обрушилась ледяная вода, а потом, когда первый шок прошел, организм настроился на эту нестерпимую температуру, к которой был уже привычен.

Спокойно Кэрол управляла машиной. Очередная встряска в ее жизни. Она всего лишь снова куда-то от кого-то бежит. Опять нужно бояться, переживать, дергаться, сетовать на судьбу. Только она уже устала от всего этого. И вдруг поняла, что если и боится, то только за детей. Больше ее уже ничто не пугало. Она — обреченный на скорую смерть человек с неудавшейся жизнью, одинокая несчастливая женщина, с равнодушием и без интереса смотревшая на окружающий мир, в котором не находила себе места. Она больше не терялась и не искала поддержки, зная и смирившись с тем, что она одна. Она твердо знала, что нужно делать. Защитить детей. Только это.

Мозг ее хладнокровно работал. Она направлялась к Аманде, чтобы забрать Джеймса.

Потом на машине уедет из города. Далеко ехать она пока не могла из-за больного ребенка, собираясь остановиться в ближайшем городе. О другом виде путешествия она не думала — на самолете, поезде их легко будет вычислить из-за регистрации. Что-то, а опыт в том, как скрываться, она имела.

— Что ты знаешь об этих людях? — спросила она у Патрика, сидевшего на заднем сидении с коробкой от грузовика на коленях и развлекающего пристегнутого к детскому креслу братика. — И как ты, думаешь, что они знают о тебе?

— Обо мне они знали не много, раз до сих пор не нашли. Но, когда покушения происходили в других городах, я появлялся и исчезал, поэтому они не могли меня вычислить. А теперь мы столкнулись здесь, где я живу. Теперь у них может получиться узнать обо мне побольше, если постараются. А они постараются. Потому что поняли, что я не только им мешаю, но и покушаюсь на их жизни. Может, сначала они не воспринимали меня всерьез, — он усмехнулся, вертя плюшевым зайцем перед Крисом, которого малыш со смехом пытался поймать ручками. — Я же всего лишь ребенок. Но я для них очень опасен. Ведь я могу рассказать о них полиции, я видел их лица и могу помочь составить фоторобот.

— А почему бы так и не сделать?

— Ой, мам, до того, как полиция их схватит, если схватит, они сто раз прибьют и нас и папу. К тому же, папа всегда игнорировал полицию, даже теперь.

Кэрол вздохнула. Сколько гордости и любви звучало в каждом сказанном им слове «папа». Джек по-прежнему был его богом. Наверное, так будет всегда.

— Нам, скрывающимся под вымышленными именами, лучше не связываться с полицией, — добавил Патрик.

Кэрол прекрасно это понимала. И поэтому она сейчас убегала от опасности, а не обращалась за помощью в полицию. Покушения на Джека Рэндэла — громкое дело, и в него им лучше не соваться. Иначе весь мир может узнать о чудесном воскрешении жены и сына Рэндэла...

— Ты не ответил на мой вопрос. Что тебе о них известно?

— Ну... их двое. Они сами по себе, то есть никто за ними не стоит, ни какой — такой там мафии, ни каких других бандитов. Так что, расправившись с ними, мы не навлечем на себя гнев преступного мира.

— Ты уверен?

— Да. Это я знаю точно. Но это еще ничего не значит, они и сами по себе опасны. Так что не расслабляйся, мам.

— Ты говорил, что видел их лица. Как они выглядят?

— Здоровенные такие, что один, что второй. Серьезные ребята. Один черноволосый, черноглазый, кудрявый. На еврея похож. Высокий, сильный. Вторым, который стреляет, вообще метра два. У него шрамы на лице и шее...

— Постой! — Кэрол непроизвольно замедлила ход машины, бросив на сына быстрый взгляд. — Я знаю его... У него синие глаза и светлые волосы?

— Да, непонятные какие-то волосы. Необычные. То ли серые, то ли белые, с золотистым отливом... но не седые. Ты, знаешь, кто это?

Кэрол кивнула и прибавила скорость, когда сзади раздался раздраженный сигнал следующей за ними машины. Патрик испытующе смотрел на нее, ожидая объяснений. Она невольно улыбнулась, почувствовав неожиданное облегчение. Сразу все стало на свои места.

— Его зовут Тим. Это брат тети Даяны. И он не причинит нам вреда.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю его с детства, он был моим другом.

— Ничего себе у тебя друзья! Он же отморозок, настоящий подонок! Бандит! И он хочет убить папу! Почему?

— Он считает, что папа виноват в смерти тети Даяны, — Кэрол замолчала, придумывая, как отвечать на вопросы об этом, но, к ее удивлению, вопросов о смерти Даяны больше не последовало. Бросив взгляд на мальчика, она увидела, что он отвернулся к окну с помрачневшим лицом.

— Она мне тоже не нравилась, — чуть слышно сказал он севшим голосом. — Если папа это сделал, значит, она это заслужила.

Кэрол обдало жаром.

— О чем ты, сынок? Папа не имеет к ее смерти никакого отношения.

— Ты опять пытаешься мне врать? Я знаю все лучше тебя! Ее убили, потому что он приказал. Я видел... видел это во сне. Еще тогда, когда это произошло. Я даже хотел пойти в полицию и сказать, что Рэй этого не делал. Но ведь мне никто бы не поверил и... и я мог бы подставить папу. Только не рассказывай об этом Рэю. Я люблю его, очень... но папу я люблю больше.

Он пристально разглядывал мать умными всезнающими глазами.

— Ты не должна обижаться на папу за это. Я не знаю, что сделала тетя Даяна, но наверняка что-то очень плохое, за что папа ее наказал. Теперь я все понял. Если этот убийца — ее брат, то он просто мстит. Это кровная месть. И это делает его намного опаснее, чем я думал. Мы должны убить его, как можно скорее.

Кэрол закачала головой.

— Нет, Рик.

— Ты жалеешь его? А папу тебе не жалко? — на лице мальчика отразилась ярость.

— Я знаю, что нужно делать. Я встречу с ним и поговорю. Надо всего лишь убедить его в том, что Джек не убивал Даяну, тогда он отвяжется.

— Думаешь, он станет тебя слушать? Он не поверит!

— Поверит. Я сделаю так, чтобы поверил. Ведь он ничего не знает, а руководствуется только собственными выводами. Мне он поверит. Он не знает Джека, а я его жена...

— Это глупо! Он не поверит! А когда узнает, что тебе известно о том, что он охотится за папой — убьет тебя!

— Он не тронет меня.

— Дура!

— Что?!

— Я тебе не позволю! Он же убийца, самый настоящий, а такие не знают жалости!

Кэрол замолчала, сердито поджав губы. Патрик тоже насупился.

— Ты просто плохо знаешь этого человека. Ты думаешь, что он ничего не сделает тебе. Но он тебя убьет.

Кэрол проигнорировала его слова, не собираясь прощать ему грубости. До места они доехали в молчании. Патрик, не выпуская из рук свою коробку, вылез из машины и, зло хлопнув дверцей, вошел в здание, где находилась квартира няни. Кэрол задержалась, чтобы взять малыша и закрыть машину. Из вещей она захватила только детскую сумку.

Аманда встретила ее у порога и взяла на руки Криса.

— Что произошло? — взволнованно спросила она, заглядывая в лицо Кэрол.

— У нас проблемы. Можно пока дети побудут у тебя?

— Конечно. Муж?

— Да, — без колебаний ответила Кэрол, проходя в комнату. — Как Джимми?

— Пока ничего, но зря мы его из больницы забрали, рано, не долечили, — Аманда вздохнула, наблюдая, как Кэрол, прижав хнычущего ребенка к груди, горячо поцеловала в лобик.

— Завтра, возможно, мы сможем вернуть его в больницу. А пока пусть он побудет здесь.

— Я взяла все необходимые лекарства. Я смогу сама сделать ему уколы и поставить капельницу, чтобы не прерывать лечение, — Аманда ободряюще улыбнулась и погладила молодую женщину по плечу, заметив, как дрожат ее губы, как она расстроена. Кэрол кивнула, устремив на нее увлажнившиеся глаза.

— Я побуду немного с ним, а потом мне нужно уйти.

Она отвернулась, заметив мрачный взгляд Патрика, и присела в кресло, прижимая больного сына к груди. Мальчик в ее объятиях успокоился и уснул. Долго Кэрол сидела, откинувшись в кресле, держа его на руках, не двигалась и молчала. Аманда занималась Крисом, с беспокойством поглядывая на поникшую женщину. Сколько усталости, сколько печали отражалось на ее молодом красивом лице. Бездна, которую иногда ловила в ее взгляде Аманда, пугала и вызывала недоумение — почему у молодой женщины, такой красавицы, у которой, казалось, было все, что нужно, кроме мужчины — дети, дом, хорошая работа — такой взгляд? Аманда задавалась этим вопросом с того момента, когда впервые ее увидела. У нее была версия, что Сандру одолевает какая-то неприметная на первый взгляд, но неизлечимая болезнь, но на больную она никак не походила. И никаких лекарств Аманда не находила в ее доме. Тогда почему взгляд обреченного? Аманда хорошо знала этот взгляд. У ее матери был такой же с момента, когда она узнала, что у нее рак. Может, у Сандры тоже рак? Сандра вызывала у Аманды жгучий интерес, она знала, что у нее куча каких-то тайн, но узнать о ней ничего не могла, как не старалась. Из непреодолимого любопытства Аманда давно уже подробнейшим образом изучила каждую вещь в доме, но не нашла ничего, чтобы могло пролить свет на прошлое ее загадочной хозяйки. Никаких фотографий, кроме одной, на которой был запечатлен погибший муж, и урна с его прахом. И то, все это Сандра держала в сейфе, словно боялась, что кто-нибудь увидит. Ричард часто доставал фотографию, и Аманда подглядела, какой он набирал шифр в сейфе. Она была уверена, что на фотографии отец мальчика, поэтому он постоянно ее берет. Она сама, когда оставалась с близнецами дома одна, часто любовалась красивым мужчиной с прекрасными печальными глазами, не оставшись к нему равнодушной. И стала думать, что этот мужчина и есть источник такой печали Сандры. Еще бы, если бы у нее, Аманды, был такой красивый муж и, если бы ей пришлось его похоронить, она бы тоже была самой несчастной женщиной на свете. Ведь очевидно, что он был прекрасным человеком, честным, ласковым, добрым — ведь его глаза были именно такими. Поэтому и нет рядом с Сандрой мужчин — она продолжает любить своего мужа. Но вот почему она прячет его единственную фотографию в сейфе, для Аманды все еще оставалось загадкой. Она пошла на хитрость и пыталась выведать у Ричарда что-нибудь об их прошлом, но у нее ничего не вышло. Мальчик был еще более скрытен, чем мать. Но Аманде жутко хотелось узнать, что они скрывают. Лицо погибшего мужа Сандры было ей странно знакомо, хотя Аманда готова была поклясться, что никогда не встречала этого потрясающего мужчину. А сегодня выясняется, что у Сандры есть еще один муж, от которого она прячется. Так, может, тот, чью фотографию она держит в сейфе, вовсе

ей не муж? Кто же тогда муж? Или прячется она от кого-то другого, а не от мужа, как сказала? Аманда была охвачена лихорадочным любопытством, одержимая жаждой разгадать чужую тайну, понять, что сейчас происходит *на самом деле*?

Поэтому она подслушала разговор Сандры со старшим сыном, который преградил дверь, когда его мама собралась уходить.

— Ты не пойдешь. Я не пушу тебя! — прорычал он сквозь зубы, решительно упершись руками в косяк. — Если ты не боишься его, даже если он тебя не тронет... Ведь он думает, что ты умерла, так? И ты готова раскрыться ему? Почему ты думаешь, что он будет молчать? Он может причинить зло нам, чтобы таким образом отомстить отцу. Раскрыть нас, а потом убить... или что-нибудь еще. Ты и я — мы слабое место отца, он может этим воспользоваться. И ты сама идешь к нему в руки? Ты погубишь нас всех вместе с отцом! Давай сделаем так, как я предлагаю.

— Так, как предлагаешь ты, делать нельзя. Нужно попытаться разрешить эту ситуацию без крови, если на это есть хотя бы один шанс.

— Без крови не получится! И я предпочитаю, чтобы это была не наша кровь и не кровь моего отца! Что ты хочешь сделать — ползать в ногах этого подонка, умоляя отказаться от мести? И думаешь, он внимет твоим мольбам? Это глупо, мама! Это безумие, безрассудство!

— Я сделаю так, что он поверит в непричастность папы...

— А если нет? Если не поверит?

— Я должна попытаться. Этот человек нам не враг, и я заставлю его поверить в то, что и папа ему не враг. Дай мне шанс, сынок. Прежде чем начинать кровавую войну, нужно использовать все возможности ее избежать. Подумай, в этой войне можем проиграть мы. Если у меня не получится, тогда сделаем так, как хочешь ты.

— Если ты останешься жива после встречи с ним!

Кэрл с любовью погладила Патрика по щеке, увидев страх в его серых глазах.

— Не бойся за меня. Все будет хорошо, я тебе обещаю.

— Я пойду с тобой!

— Нет, ты должен быть здесь и защитить братьев и Аманду, если они придут сюда, а не к нам домой.

— Тогда возьми пистолет, — задрал футболку, мальчик вытащил из-за пояса тяжелое оружие. — А я соберу винтовку, на всякий случай. Как только почувствуешь опасность, стреляй в него, поняла? Стреляй, не раздумывая. Обещай мне!

— Обещаю, — Кэрл взяла пистолет и спрятала в сумочку.

— Он заряжен, на предохранителе. Ты знаешь, как снимать с предохранителя?

Кэрл кивнула.

— Вот, еще патроны, возьми. Как вставлять обойму, знаешь? — он вынул из кармана тяжелую продолговатую коробочку и сам положил в сумочку. — Целься ему в голову. Или в живот, легче попасть. Все поняла?

Патрик потянулся к ней и, когда она присела, бросился ей на шею и порывисто обнял. Сам. Это случилось очень редко. Кэрл не помнила, когда он сам обнимал ее в последний раз. Она сжала его в объятиях.

— Ты очень смелая, мам, — шепнул мальчик дрогнувшим голосом. — Папа бы тобой гордился, узнай, что ты не боишься убийцы. Я хотел бы, чтобы он знал, как ради него ты рискуешь собой. Он выбрал себе достойную женщину, настоящую. Я найду себе такую же. Такую, как ты.

Кэрол на мгновение закрыла глаза, почувствовав прилив счастья. Она знала, чего стоили эти слова из уст Патрика. Она всегда немного завидовала тому, как относится Патрик к Джеку, с ней же мальчик был холоден, всегда держал на расстоянии, и бывали моменты, когда ей казалось, что она ему безразлична, что всю свою любовь он отдал Джеку. Мальчик так был похож на Джека — его уважение нужно было заслужить, даже самым близким людям. И, похоже, ей это удалось. Более того, он поставил ее на один уровень с Джеком, раз с такой серьезностью собрался искать себе женщину, похожую на нее. Он стремился быть похожим на отца, а спутницей жизни хотел видеть «такую, как она». Разве это не признак любви и уважения, если не восхищения, ребенка?

— Есть кто-нибудь уже на примете? — с улыбкой спросила она, пытаясь его отвлечь.

— Ну что ты, мелкие все еще... пока они вырастут! Сейчас-то не разберешься, что из них получится.

Кэрол засмеялась и потрепала его по волосам.

— Ты у меня будешь красавчиком. Небось, уже девчонки прохода не дают, а?

— Они боятся меня. Но поглядывают, когда думают, что я этого не вижу. Но я не люблю девчонок. Они глупые и всегда врут.

Губы Кэрол тронула грустная улыбка. Знакомые слова.

— Это неправда, Рик. Если бы ты спросил у папы, он сказал бы тебе, что есть много хороших девочек.

Мальчик скривил мину, явно не собираясь менять свое мнение.

— Будь осторожна, мам, — сказал он, смотря на нее своими серьезными взрослыми глазами.

— Пригляди за мальчиками. А если... если я не вернусь, ты позвонишь папе и все ему расскажешь. Он защитит вас. Пообещай мне!

Патрик кивнул. Поцеловав его, Кэрол выпрямилась. Мальчик медленно и нерешительно отступил от двери, позволяя ей пройти. Глаза его не отрывались от ее лица.

— Я не видел этого, — со страхом проговорил он. — Я не знаю, что тебя ожидает, мама. Почему я не знаю?

— Нельзя знать все, мальчик мой.

— Я постараюсь увидеть, лягу спать прямо сейчас. Я обязательно увижу, и сразу позвоню тебе! Я не отдам тебя ему!

— О чем ты? — не поняла Кэрол.

— Мэтт... он говорил, что скоро заберет тебя, что ты будешь с ним. Я с ним поссорился из-за этого. Пообещай, что не уйдешь к нему, обещай, что будешь с нами! Ведь ты нас любишь больше, чем его?

— Конечно.

— Понял, прибабахнутый маньяк? Она будет со мной! — бросил зло Патрик куда-то в сторону. — А ты проваливай к своей жене, хватит около моей мамы околачиваться!

Сердце Кэрол сжалось в груди. Она начинала верить в то, что Патрик действительно может общаться с Мэттом. Он уже ее ждет. Он знает, что она скоро умрет. Но не сегодня. Ее время еще не пришло. Если, конечно, она опять не ошиблась в своих видениях. Она вернулась и подошла к Аманде. Взяв ручку, написала на салфетке номер телефона Джека.

— Аманда, если со мной что-нибудь случится, пожалуйста, позвони по этому номеру.

— А что сказать?

— Скажи...

— Не надо ничего говорить! Я сам все скажу, если придется! — вдруг вмешался Патрик, вырывая салфетку из рук Аманды. Бросив на мать суровый взгляд, он засунул салфетку в карман.

Кэрол пришлось подчиниться и, развернувшись, она пошла к двери. Патрик шел следом. Аманда снова прислушалась.

— Ты с ума сошла, мам?

— Прости, я просто безумно за вас волнуюсь.

— С нами все будет в порядке. Если что... я свяжусь с папой. Сам. Об этом не думай. Сосредоточься сейчас на том, как переубедить своего приятеля.

— Я буду звонить.

Кэрол открыла дверь и решительно вышла из квартиры.

— Мам! — остановил ее голос Патрика. — А если это не он?

Кэрол обернулась.

— Если ты ошиблась, и это совсем другой человек?

— Это он. Ведь ты сам сказал, что у него шрамы...

— Разве он единственный человек во всем мире, у кого могут быть шрамы? Если все приметы просто совпадение? Сколько на свете может быть высоких светловолосых мужчин со шрамами, как ты думаешь?

В груди у Кэрол вдруг заняло от неприятного сомнения, но она отогнала его прочь.

— Это маловероятно, Рик. Может, и существуют еще люди с такими приметами, но только у Тимми есть основание так ненавидеть папу.

— Откуда ты знаешь? Может, кто-то из них тоже имеет зуб на папу. Ведь он знаменит на весь мир.

— Если это не он, я не стану с ним разговаривать, — она улыбнулась и погладила сумку с пистолетом. Патрик понял ее жест, и одобряюще кивнул, но на лице его все равно был страх.

Кэрол вернулась домой с сомнением и тревогой. Патрик поубавил в ней уверенности. Конечно, это может быть только Тимми, кто же еще... А если нет? Мало ли на свете людей, которые могут желать смерти Джеку? Она не знала, сколько таких, но в том, что Тимми не единственный, была уверена.

Пройдясь по дому, она тщательно закрыла и зашторила все окна, заперла на все замки заднюю дверь. Входную оставила на цепочке. Сама расположилась в детской, перед телевизором, оставив дверь приоткрытой. Если к ней пожалуют гости, то в комнату они смогут проникнуть только через эту дверь. Кэрол сидела к ней лицом. Рядом на диване лежал снятый с предохранителя пистолет.

Уложив детей, Аманда смотрела программу новостей. Ричард, свернувшись калачиком, крепко спал рядом. На него это было не похоже, чтобы он улегся в такое время. Он уснул сразу же после того, как проводил мать, как ей и обещал. Странные они оба. Все время что-то друг другу обещают. Из подслушанного разговора Аманда поняла, что отец Ричарда жив. Кто же он, знаменитый на весь мир, и кто, в таком случае, мужчина, чью фотографию они хранят? Или этот мужчина и есть муж Сандры и отец ее детей, только он вовсе не умер, как она говорит? Аманда усиленно напрягала память, пытаясь вспомнить, почему его лицо кажется ей знакомым. Если он знаменит, она могла видеть его по телевизору, но не обратила особого внимания, поэтому теперь он кажется ей знакомым, а вспомнить, кто он, она не может. Нужно вспомнить.

Привлекательный молодой мужчина, появившийся на экране в кадре, обратил на себя ее внимание, заставив отвлечься от умственных работ. Аманда невольно улыбнулась, жадно разглядывая его. Сердце ее всегда билось чаще, когда она видела его на экране. Репортер пытался взять у него интервью, расспрашивая о каком-то покушении, о здоровье его пострадавшего брата. Аманда прибавила звук. Джек Рэндэл вызывал у нее восхищение. Поразительный мужчина! Настоящий мужчина. Умный, сильный, смелый, дерзкий, дьявольски обаятельный — мечта для женщин! С улыбкой Аманда наблюдала, как он пытается отвязаться от репортера, но тот не отстает, вцепившись в него хваткой истого папарацци. На лице Джека Рэндэла появилось раздражение, глаза зло загорелись, впившись в прилипчивого репортера. Какое-то знакомое выражение лица и взгляд... Глаза. Лицо. Ей вдруг ударила в голову неожиданная мысль, что Джек Рэндэл очень похож на... на кого-то... на...

Аманда оторвала расширившиеся глаза от экрана и шокировано перевела на лежащего рядом мальчика.

— Боже, — выдохнула она. — Одно лицо!

— Вам не кажется, что вас преследует злой рок? — тараторил репортер в микрофон. — Совсем недавно вы потеряли жену и сына, а теперь едва не погиб ваш брат...

— Отвали! — гаркнул из телевизора Джек Рэндэл и выбил микрофон из руки журналиста.

Рик неожиданно вздрогнул, разбуженный резко прозвучавшим с экрана голосом, и подскочил.

— Папа!

Наткнувшись взглядом на телевизор, он мгновение сонно смотрел в экран. Губы его едва заметно дрогнули, как будто он готов был расплакаться. Подняв руки, он потер кулаками глаза, то ли сгоняя сон, то ли вытирая выступившие слезы. Аманда не отрывала от него внимательного взгляда. Он бросил на нее хмурый влажный взгляд.

— Чего раскрутила? Не видишь, я сплю! — раздраженно и зло рявкнул он, вскакивая с дивана.

Джек Рэндэл. Один в один.

— Извини. Рэндэла показывали, а я его просто обожаю.

Мальчик промолчал и, пройдя по комнате, остановился у окна.

— Мама не звонила? — спросил он, беспокойно разглядывая улицу.

— Нет.

Мальчик повернулся к ней и посмотрел невинными глазами. От взгляда, которым он только что ее обжег, взгляда Джека Рэндэла, не осталось и следа.

— Отец приснился, — смущенно признался он. — Я его позвал во сне, да?

— Ничего, бывает, — улыбнулась Аманда, и повернулась к экрану, чтобы мальчик не заметил, как она смотрит на него, ловя в каждом движении, интонации голоса, взгляде, сходство со знаменитым адвокатом. Сделанное ею открытие так ее шокировало, что она даже подумала, отвернувшись, не привиделось ли ей все это?

И она снова взглянула на мальчика, чтобы увидеть, как поразительно он похож на Джека Рэндэла. Такое сходство не может быть случайностью. Ричард не преувеличивал, когда говорил о том, что его отец знаменит на весь мир.

Она заметила, что мальчик исподлобья смотрит на нее странным взглядом. Пронзительным, тяжелым. И, как ей показалось, угрожающим. Аманда напряглась, почувствовав, как неприятно сжалось сердце. В следующее мгновение Ричард снова отвернулся к окну. Женщина продолжала коситься на него, делая вид, что смотрит телевизор. Она почти забыла о своем поразительном открытии, ошеломленная теперь другим — тем, как посмотрел на нее этот мальчик.

Никогда в жизни она не видела такого страшного взгляда.

Когда она в очередной раз посмотрела в его сторону, мальчика там не было. Аманда вскочила.

— Ричард!

Она поспешно оббежала свою небольшую квартиру, ища его, и выскочила на лестничную площадку. Мальчик исчез. Ушел. Она даже не слышала его шагов, что казалось ей невозможным. Создавалось впечатление, что он просто испарился.

Аманда вернулась в квартиру и, заперев дверь, несколько раз перекрестилась. Потом бросилась к телефону, чтобы сообщить Сандре, что мальчишка сбежал. Но трубку никто не брал. Она долго звонила, но так и не дозвонилась.

Кэрол задремала, убаюканная тихими звуками из телевизора. Ее разбудила тишина. Телевизор вдруг смолк.

Кэрол вскинула голову. Комната погрузилась во мрак, экран потух. Кэрол быстро нащупала пистолет и крепко сжала пальцами. Поднявшись, она подошла к выключателю и пощелкала им. Пробки вырубил. Или вырубил.

Дыхание Кэрол участилось. Зайдя за спинку дивана, она присела, и, подняв пистолет, выглянула из своего убежища. Глаза постепенно привыкали к темноте. Не отрывая взгляда от приоткрытой двери, Кэрол напряженно прислушивалась. Ей показалось, что она расслышала чьи-то крадущиеся шаги. Сердце тревожно билось где-то в горле. Ладони, напряженно сжимающие холодную сталь, вспотели.

Теперь она четко слышала тяжелые осторожные шаги. Поступь мужчины. Крупного мужчины. Шаги приближались. Кэрол не двигалась, чуть дыша, потому что собственное дыхание казалось ей через чур громким. Она ни на секунду не отводила взгляда от двери.

И вот та скрипнула и медленно пришла в движение. В темноте, на пороге комнаты, Кэрол разглядела огромную мужскую фигуру. Она прищурилась, напрягая зрение, пытаясь

увидеть его лицо, и обнаружила, что на нем черная маска. В его руке Кэрол разглядела тяжелый пистолет с глушителем. Горло внезапно сдавило от ярости. Он на самом деле пришел, чтобы убить Патрика!

Выбросив пистолет вперед, Кэрол высунулась из-за дивана и нажала на курок. Пуля вошла в косяк на уровне плеча мужчины.

— Брось пистолет! Повторять не буду! — охрипшим от злости голосом выкрикнула она и вздохнула с облегчением, услышав, как что-то тяжелое и металлическое ударилось о пол. — Толкни его мне! Быстрее!

Мужчина пнул пистолет носком ботинка. Наклонившись, Кэрол поймала его, и только теперь поднялась из-за дивана.

— Тимми, это ты?

Мужчина молчал, не двигаясь.

— Тимми, это я, Кэрол. Сними маску. Ты узнаешь меня?

Он постоял, а затем медленно кивнул.

— Мальчик, которого ты ищешь, мой сын. Это Патрик. Что ты молчишь? Скажи мне что-нибудь! Ты согласен поговорить со мной?

Он снова кивнул.

— И я могу не бояться, что ты меня убьешь? — усмехнулась с горечью Кэрол, не опуская пистолета.

Он отрицательно качнул головой.

— Но сначала сними маску, — потребовала Кэрол.

Он не пошевелился. Кэрол напряглась, сильнее сжав пистолет. И вдруг поняла, почувствовала, что это не Тимми. Сейчас, стоя перед ним в полный рост, она вспомнила, насколько выше нее был Тимми. В следующую секунду она нажала на курок — мужчина был меньше ростом, чем Тим. И она, как и пообещала Патрику, не стала раздумывать, убедившись, что перед ней не тот, кого она ожидала увидеть. Но мужчина, видимо, понял, что она выстрелит, и молниеносно бросился вперед. Пуля, вонзившаяся в тело, заставила его вскрикнуть от боли. Тем не менее, пистолет был вырван из рук Кэрол прежде, чем она успела выстрелить еще раз. Сильный удар по лицу швырнул ее на диван, заставив на мгновение потерять сознание.

Выругавшись, мужчина схватил с полки маленькую мягкую игрушку и сунул за пазуху, прижав к кровоточащей ране под ключицей.

— Сука! — прорычал он, поворачивая женщину на спину, и, усевшись на нее сверху, вплепил пару пощечин. — Чуть пониже — и дырка в сердце!

Кэрол со стоном открыла глаза и замерла, смотря на возвышающегося над ней мужчину.

— Ну, чего уставилась? Говори, где твой звереныш! Да потише, или сразу перережу тебе горло.

Кэрол молчала, спокойно лежа под ним, не предпринимая никаких попыток вырваться, и неотрывно смотрела в глаза в прорезях маски. Крепко сжимая ее запястья в больших кулаках, он наклонился к ее лицу и присмотрелся.

— Ты слышишь меня? Чего застыла? Давай, приходи в себя, не так уж и сильно я тебе врезал! — он встряхнул ее, и снова взгляделся в лицо. — Где он? Куда спрятала? Я не сделаю ему ничего плохого, я только хочу с ним поговорить. И все. Но это пока я добрый и мирно настроен. Так что не выводите меня из себя, и отведи к мальчику. Молчишь?

Размахнувшись, он ладонью больно ударил ее по щеке. Потом опустил руку вдоль тела, а

когда снова поднял, перед ее лицом сверкнуло холодным блеском лезвие ножа.

— Я буду отрезать от тебя по кусочку, медленно, пока ты не скажешь мне, где мальчишка. А если ты умрешь, так и не сказав мне это, я сам его найду, будь уверена. И уже не стану с ним мирно беседовать. А сделаю то же, что и с тобой. Ну, что ты, язык от страха проглотила, что ли? Отвечай мне!

Он прижал нож к ее щеке, наклонившись так близко, что Кэрол почувствовала на своей коже его дыхание, прорывавшееся сквозь ткань маски.

— Не скажу, — проговорила она, и удивилась тому, как спокойно прозвучал ее голос.

За эти полтора года она заставила себя смириться с тем, что должна умереть. И сейчас она чувствовала страх не перед смертью, а перед болью, которую собирался причинить ей этот человек. Джек сможет защитить детей. Это самое важное. А она... она все равно уже обречена, днем раньше, днем позже... Если ее час настал, так тому и быть. Она умрет, потому что у нее не было выбора. Отдать этому мерзавцу то, что он требовал — ее сына — она не могла. Какой он наивный, этот убийца. Разве не знает он, что требовать от матери жизнь ребенка бесполезно и бессмысленно? Даже смешно.

Кэрол не заметила, что улыбнулась. Мужчина опешил.

— Ты что, больная? Что у тебя с головой? Или ты думаешь, я шучу?

Кэрол покачала головой.

— Храбрая, значит! — он неприятно усмехнулся. — Много я таких храбрых видел, которые теряли сознание от вида собственной крови!

Он пристально разглядывал ее лицо, потом взгляд его опустился ниже, по шее, на грудь.

— Надо же! Мы, оказывается, не только храбрые, но еще и красивые! Жаль... я люблю красивых женщин. Что ж, дам тебе время на раздумье.

Схватив ткань на ее груди, он разрезал ее ножом. Вскрикнув, Кэрол вдруг начала яростно сопротивляться.

— Не дергайся, а то задену, — он продолжал резать на ней одежду, срывать и бросать на пол. Оставив на ней одни трусики, он выпрямился, разглядывая распростертое под ним обнаженное тело. Подхватив с пола порезанную ткань, он схватил Кэрол за волосы и грубо поднял с дивана. Но тут же швырнул на кровать Патрика, и, вскочив сверху, привязал ее руки к спинке кровати. Отложив нож в сторону, он приподнял маску, освободив подбородок и рот, и с силой впился в губы своей жертвы в яростном поцелуе. Вытянув ноги, он медленно опустился на нее, прижавшись к обнаженному телу. Сильные грубые руки стали жадно мять ее грудь. Потом он вдруг резко схватил ее под колени и, раздвинув длинные ноги, подтянул их вверх. Кэрол взбрыкнулась, отчаянно пытаясь вырваться. Задыхаясь от охватившего его желания, он приподнялся и сунул руку между их телами, торопливо пытаясь высвободить из штанов нечто огромное, что дало уже Кэрол о себе знать, упираясь в ее тело с такой силой, что, казалось, способно было прорвать джинсы, чтобы до нее добраться. Не выдержав, Кэрол закричала. Мужчина тут же зажал ей рот огромной ладонью, а потом завязал рукавом от ее же блузки.

Они одновременно услышали тяжелые шаги, приближающиеся к комнате. Мужчина, приподнявшись, обернулся, Кэрол тоже посмотрела на дверь. У порога, едва помещаясь в дверной проем, появилась другая мужская фигура.

— Ну, что ты здесь копаешься? Нашел пацана?

— Нашел кое-что получше, — отозвался мучитель Кэрол и отстранился от нее, садясь, чтобы дать разглядеть другому.

Кэрол отчаянно замычала в кляп, впившись взглядом в только что появившегося мужчину. На нем тоже была маска, но она сразу узнала его голос. Это был Тимми, вне всякого сомнения!

Он укоризненно покачал головой, разглядев в темноте обнаженную женскую фигуру.

— Нашел время! — раздраженно фыркнул он.

— А куда нам спешить? Она здесь совсем одна. Думаю, это его мамаша. Упрямая, не хочет говорить, куда спрятала сына.

— Думаю, и не скажет.

— Скажет. Заставлю.

— Ладно, завязывай. Сами найдем. Никуда он от нас не денется. Особенно, когда без мамочки останется.

Тимми неприятно ухмыльнулся в маску. Кэрол смотрела на него широко раскрытыми глазами. И это — Тимми? Тот добрый ласковый мальчик, который когда-то бросился ее защищать ценой собственной жизни, тот застенчивый юноша, который краснел от каждого ее взгляда? Сердце ее сжалось от ужаса, когда она поняла, что даже если это Тимми, он может не узнать ее. Ведь, как и все, он считает ее мертвой. Она, как могла, изменила свою внешность после того, как была официально объявлена погибшей. Он мог пройти мимо нее и не обратить внимания и при дневном свете, и каковы ее шансы быть узнанной в темноте? Он со своим дружкой убьет ее и отправится на поиски Патрика, так и не поняв, кто была его жертва на самом деле. Она должна заговорить с ним, это ее единственный шанс.

Кэрол замычала в кляп, стараясь привлечь его внимание.

— Да, ладно тебе, куда спешишь? Успеем. Посмотри, какая куколка. У меня такой красивой бабы никогда не было и не будет, наверное. У тебя тоже. Она наша, — сидящий рядом мужчина погладил ее по бедру.

— Не до этого. Кончай, говорю. Нечего издеваться.

Кэрол охватил ужас. Она зарычала, вертя головой в безуспешных попытках стянуть повязку.

— Жалко. Красивая. Подойди, сам посмотри. Не откажешься, зуб даю.

— Ты еще в нее втюрься, болван!

— Кажется, уже... — усмехнулся мужчина, продолжая гладить нежное тело.

Тимми вздохнул и подошел к ним. В лицо Кэрол неожиданно ударил луч вспыхнувшего фонарика, заставив зажмуриться и отвернуться. Но сильные пальцы впились ей в подбородок, поворачивая лицо к свету.

— А, ну-ка, посвети, посмотрю... может, померещилась в темноте красота эта, — раздался над ней хриплый смех. — Ну, милая, дай мы на тебя взглянем, но предупреждаю — только пикни.

С ее лица сорвали повязку. Луч света тем временем гулял по ее телу.

— Да на лицо посвети! Сиськи и в темноте видно... классные, — грубая ладонь нежно потрепала ее грудь.

Свет снова ударил в лицо, и Кэрол зажмурилась. Потом, щурясь, открыла глаза и подняла их на возвышающуюся над ней высокую сильную фигуру, черную и расплывающуюся за лучом света.

— Привет... Тимми! — хрипло выдавила она.

Луч света дрогнул. Кэрол поняла, что он ее узнал, но страх все равно не отступил. Она поняла, что совсем не знает человека, который когда-то был ее другом. Он охотился за

ребенком, поторапливал своего друга поскорее расправиться с ней, и если бы тот послушал его, она уже была бы убита. Убийца, хладнокровный и безжалостный. Габриэла говорила, что она притягивает зло. Если на свете еще человек, в жизни которого столько злых и опасных людей, как у нее? Почему она не могла сразу разглядеть их сущность, и лишь со временем понимала, что они собой представляют? Элен, Кейт Блейз, Мэтт, Джек... Тимми, ее маленький ангелочек. В последнее она вообще не могла поверить. Замаскированные демоны, которые слетаются на ее проклятие, оно тянет их к себе, чтобы с их помощью осуществлять свое предназначение — уничтожать. И Тимми тоже был одним из них. Очередной убийца, орудие ее проклятия. Она бежит от них, а они все равно ее находят, угрожая ее жизни и жизни тех, кто ей дорог. Не Элен, так Блейз, не Блейз, так Мэтт, не Мэтт, так Джек. Не Джек, так Тимми. Он собирается убить ребенка, так хладнокровно великому другу убить ни в чем не повинную женщину. А она опять глупо и наивно надеется на что-то. И продолжает смотреть на этого убийцу, как на Тимми, когда-то очень давно завоевавшего ее доверие, которое даже теперь, когда образ мальчика вытеснен образом чужого мужчины, все еще остается в ней. В этом ее ошибка. Она цепляется за прежний образ, не желая принять другой. Так было и с Мэттом, и с Джеком. Она до последнего пыталась видеть в них тех, за кого приняла изначально, закрывая глаза на настоящее. Она не хочет видеть то, что есть на самом деле, поэтому и расшибает себе постоянно голову.

И еще у нее появилось ощущение, что все, что происходит с ней сейчас, уже было. Голая, привязанная к кровати, а над ней мужчина в маске, убийца... Как это было знакомо. Она уже видела это. Когда? Она не могла вспомнить. Давно. Очень давно. Убийца, который вдруг оказался Тимми. И она вспомнила. Ей это снилось очень давно, еще когда она жила в мотеле. Да, точно. Все это она уже видела.

Радость оттого, что Тим ее узнал, вдруг угасла. Она заставила себя взглянуть на происходящее реально, без иллюзий, как обычно. Шанс на то, что Тим вдруг передумает ее убивать, есть. Но насколько он велик или мал, она не знала, потому что понятие не имела, как он относится к ней теперь, когда детство осталось так далеко в прошлом.

И она молчала, смотря на него влажными глазами в ожидании своей участи. Говорить больше было нечего. Он ее узнал, и теперь ему решать, что делать с ней дальше. «Ты выбираешь плохих мужчин» — говорил ей Рэй. И друзей. Она была с ним согласна. Теперь. Она могла бы умолять и просить пощадить ее, но продолжала молчать. Есть люди, которых умолять бесполезно. В ее жизни такие люди были. Сколько раз она просила, а ее мольбы, ее слезы оставались без внимания. Бессмысленное унижение. Она могла бы просить за Патрика, но это зависело от того, что решит Тим — если он ее не пощадит, то уж тем более не пощадит ее сына, как бы она не просила.

— Какого-то Тимми ждет, — усмехнулся незнакомый мужчина. — Не тебя ли, дружище?

Тим молчал, продолжая светить фонарем ей в лицо. Его приятель всмотрелся в его глаза.

— Ты чего? Ладно, убери свой фонарь, слепишь девчонку. Иди, подожди меня на улице. Я управлюсь с этой малышкой, и приду, — он стал снова завязывать ей рот. — Слушай, чего это она на тебя так уставилась?

Кэрол, с завязанным ртом, продолжала смотреть на Тимми. На глазах ее выступили слезы.

Он опустил фонарь, но не выключил, и теперь она ясно видела его глаза, на фоне

черной маски казавшиеся неестественно синими и яркими.

— Передумал? Понравилась? Я же говорил. Ладно, только после меня.

— Нет.

— Что — нет?

— Оставь ее.

— Ну уж нет! Я хочу ее! Убить ее, не трахнув — я потом никогда себе этого не прощу!

Иди отсюда, не мешай.

Оттолкнув его, Тимми наклонился и развязал Кэрол рот. Она улыбнулась ему сквозь слезы, чувствуя, как угасшая была надежда вернулась к ней. Присев, он заглянул ей в глаза.

— Тысяча чертей! — вырвалось у него. — Ты же умерла! Я был на твоей могиле!

— Как и ты, я умею воскресать, — отозвалась Кэрол.

— Постой, ты ее знаешь? — его спутник вдруг вырвал фонарь у него из рук, и луч света снова ударил Кэрол по глазам. — Кто это?

Он опять схватил ее за подбородок, сосредоточено разглядывая лицо.

— Я знаю ее... Это... это... Твою мать, это баба Рэндэла?

Он неожиданно резко толкнул ее в лицо ладонью, заставив откинуть голову вбок. Его движение было таким сильным, что у Кэрол больно хрустнуло в шее, и она вскрикнула, испугавшись, что он свернет ей шею. Повернувшись, она окаменела, увидев, как он потянулся к ней с ножом.

— Подожди! — раздался за его спиной тихий сиплый голос Тима.

Незнакомец вскочил, вызывающе вытянувшись перед ним.

— Ждать — чего? Того, что она сообщит своему муженьку, кто пытается его убить?

— Он и без меня уже догадался, — поспешила вмешаться Кэрол. — Я вообще удивляюсь, почему он вас до сих пор не поймал. Он же умен, как дьявол!

— Заткнись, сука, я не с тобой говорю! — прорычал мужчина с такой злобой, что Кэрол испуганно притихла, а он снова повернулся к другу. Когда он заговорил, в голосе его была угроза.

— Даже не думай. Она знает тебя и сдаст с потрохами Рэндэлу, и тогда нам обоим крышка.

— Тимми, я скрываюсь от Джека, он даже не знает, что я жива! — снова подала голос Кэрол.

— Она врет. Он не может не знать. Это ловушка. Посмотри, она меня ранила. Она сука, самая настоящая, и только с виду такая нежная.

— Ранила? И ты молчишь? — удивился Тим.

— Это ранение не стоит того, чтобы о нем говорить. Царапина для моего тела, на котором шрамов больше, чем волос. Иди на улицу. Я все сделаю быстро, она даже не пикнет. Иди, я сказал!

Но Тим не сдвинулся с места.

— Оставь нас, — тихо проговорил он. — Уходи. Я сам разберусь.

— Что? — зарычал мужчина в ярости. — Да пошел ты! Заднюю включаешь? Не в наших правилах, забыл? Или кишка тонка против бабы? Зато у меня — нет! И у тебя разрешения я не спрашиваю! Потом спасибо мне скажешь за то, что вовремя пришел эту суку...

Мужчина повернулся к привязанной к кровати женщине, сжимая одной рукой нож, а другой потянулся к ней, видимо, собираясь схватить за волосы, чтобы перерезать горло. Кэрол не успела испугаться, потому что в следующее мгновение он упал на нее, сбитый с ног

сильным ударом в голову, который нанес ему Тим. Наклонившись, он стащил потерявшего сознание товарища с Кэрол и бережно усадил его на пол, положив его голову на кровать.

— Иногда с ним бесполезно спорить, — проговорил он, присаживаясь рядом с Кэрол.

— Спасибо, — только и смогла сказать она, еще не придя в себя от страха.

Он стащил маску с лица и, сжав ее в руках, искоса взглянул на Кэрол. Та, во все глаза смотревшая на него, выдавила из себя улыбку. Голова его была перевязана бинтами, и Кэрол вспомнила, как Патрик рассказывал, что бросил нож в голову убийце.

— Это правда? — спросил он. — То, что твой муж не знает, что ты жива?

— Правда.

— Значит, тебе все-таки удалось сбежать от него.

— Да. Тим... пожалуйста, развяжи меня, — Кэрол смущенно спрятала глаза, немного удивленная тем, что он почему-то не спешит ее освободить. Или он предпочитает, чтобы она разговаривала с ним в одних трусиках и привязанная к кровати?

Он не отреагировал на ее просьбу, и Кэрол подняла на него глаза, чувствуя, как сердце снова забилося в тревоге. Она поймала его взгляд, изучающий ее тело, и он тут же отвел глаза и отвернулся.

— Хорошо рассмотрел? — голос Кэрол наполнился холодом. — Если врубить пробки, которые вы вырубите, можешь зажечь свет и разглядеть получше. Или воспользуйся снова фонариком.

Она хотела бы угадать его мысли, узнать, почему он не желает ее освободить. Но после ее слов он склонился над ней и, напрягая зрение, стал возиться с узлами, которые на совесть затянул его приятель. Кэрол не двигалась, разглядывая его снизу. Он казался таким огромным, когда она смотрела на него вот так, ощущая себя маленькой и слабой, беспомощно вжимаясь в постель, голая прямо у него под носом... Она вдруг почувствовала, как запекло лицо, и поняла, что краснеет. Сердце ее забилося чаще. Он наклонился ниже, всматриваясь в узел. Кэрол бесшумно и медленно втянула в себя воздух, вдыхая его запах, пристально разглядывая его лицо. В темноте, которая развеивалась только светом фонарей с улицы, его шрамы были незаметны. В этот момент, склонившись над ней, широкоплечий, сильный, он показался ей таким привлекательным, таким мужественно-сексуальным, что по телу ее неожиданно прошла дрожь. Безумно долгих полтора года она не испытывала удовольствий любви в мужских объятиях. Насильственные истязания Кевина не пробудили ее изголодавшегося тела, которое сейчас вдруг заныло, затрепетало рядом с этим мужчиной, в котором было все для того, чтобы вызвать в женщине желание. Невольно она представила, каково это, оказаться в объятиях такого огромного сильного парня... и едва не застонала.

А он, потеряв терпение, наклонился и вытащил из ножен на голени нож, которым перерезал скрученные тряпки, стянувшие ее запястья. Кэрол поспешно освободила руки, подавляя в себе порыв броситься ему на шею, в своем внезапно одолевшим ее влечении позабыв обо всем остальном. Он отодвинулся от нее назад, позволяя спустить ноги на пол. Вскочив, она выхватила из кровати Джеймса пеленку и обмоталась ею, чувствуя, что он за ней наблюдает. Обернувшись, растерянно замерла, придерживая пеленку на груди и смотря на него.

— Можно я схожу в свою спальню, оденусь? — робко проговорила Кэрол.

— Нет. Сядь.

Кэрол послушно опустилась на постель рядом с ним.

— Этот мальчишка... твой? — глухо спросил он.

— Мой.

— Ты знаешь, почему я пришел за ним?

— Да, он мне рассказал... сегодня. И я поняла, что это ты. Ты пытаешься убить Джека. Тимми, — Кэрол специально назвала его так, как всегда звала в детстве, — Джек не убивал Даяну. Ты напрасно желаешь ему смерти. Я ждала тебя здесь, сегодня, чтобы сказать об этом.

— Это он ее убил, — твердо сказал Тим, и в голосе его прозвучали ненависть и ярость. — И я убью его. Об этом я даже говорить не хочу. Меня интересует твой сын. Он сорвал мне все планы. Более того, он пытался меня убить, и не один раз.

— Он всего лишь защищает отца!

— Но как он узнал? На свете есть только один человек, который знал, где и когда я буду стрелять в Рэндэла. Он! — Тим кивнул в сторону своего бесчувственного друга, которого так безжалостно вырубил. — А ему я доверяю не меньше, чем самому себе. Он не мог никому сказать. Тогда как все пронюхал твой пацан?

— Это трудно объяснить. И ты... ты можешь подумать, что я смеюсь над тобой...

— Говори.

— У него есть особый дар, он видит... он видит это во сне. Видит смерть, в будущем. Понимаешь? Он заранее увидел, как ты убиваешь Джека, и задался целью тебе помешать.

Тим молчал, задумчиво изучая взглядом ее лицо. Кэрол смотрела на него широко раскрытыми встревоженными глазами.

— Ты веришь мне?

— Верю, — спокойно отозвался он. — Потому что знаю, что он не мог узнать обо всем как-то иначе. Твой сын необычный ребенок... очень необычный, — он слегка скривился и коснулся пальцами перебинтованной головы. — Прямо маленький Рембо. Когда он появился в первый раз, я не обратил на него внимания, подумав, что какой-то отчаянный мальчишка случайно застукал меня с винтовкой и решил помешать, швырнув камень. Но в следующий раз он опять появился. А потом он устроил засаду и стрелял в меня. Я тогда почти поймал его, но он ушел... Дьяволенок какой-то. А вчера он едва меня не убил. Чуть больше бы силы в бросок, и пробил бы мне голову ножом.

— И ты пришел, чтобы убить его? — прошептала Кэрол сдавленно. — Убить ребенка?

— Ничего себе *ребенок!* — процедил он сквозь зубы.

Вжимая дрожащие руки, вцепившиеся в пленку, в грудь, Кэрол широко распахнутыми глазами сверлила его взглядом.

— И ты все еще хочешь его убить? Тимми...

— Не называй меня так! — вдруг вспыхнул он. — Тимми нет, понимаешь?

— Рик не хотел ничего плохого, он всего лишь пытался спасти отца, — Кэрол схватила его за руку, умоляюще заглядывая в глаза. — Не трогай моего сына, пожалуйста!

Он отвернулся. Кэрол увидела, как дрогнули его раздувшиеся ноздри, а губы нервно сжались.

— Угомони своего парня. Если он не отстанет от меня, мне придется его пришить. Не пытайтесь предупредить Рэндэла. И не вмешивайтесь больше!

— Тимми... — ласково, с нежностью начала Кэрол, крепче сжимая его руку, и осеклась, испугавшись, что он опять разозлится, что она так к нему обратилась. — Послушай меня, пожалуйста. Джек тебе не враг. Большее зло, которое он причинил Даяне — это то, что не пожелал бросить меня и быть с ней. Но ведь за это не убивают.

— Почему ты защищаешь его? — чуть слышно шепнул он. — Все еще любишь?

— Нет, не люблю. Любила бы, не сбежала. Просто я знаю, что он не виновен в смерти Даяны, что не заслужил твоей кары. И, какие бы обиды я на него не таила, я не хочу, чтобы он пострадал за то, чего не совершал. Поэтому и говорю тебе все это. Поверь мне, Тим. Это не он.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я знаю Джека, он бы не смог убить Даяну, да и зачем ему ее смерть? Если бы он убивал всех своих надоевших любовниц... — Кэрол грустно улыбнулась. — Ты сама знаешь, что значила для меня Даяна. Я любила ее, ни смотря на то, что между нами произошло. Я бы не стала выгораживать Джека, если бы была уверена в том, что он ее убил. А если рассудить, то у меня было больше причин ненавидеть ее настолько, чтобы желать смерти. Я должна быть первой в списке подозреваемых. Джек-то причем? Убей меня, если так жаждешь отомстить. Я действительно ненавидела ее. А Джек относился к ней тепло, я сама слышала, с какой нежностью он с ней однажды разговаривал, — голос ее наполнился горечью. — Просто он разозлился на то, что она выдала мне их отношения. Но убить за это... сам подумай — для такой жестокой расправы это слишком ничтожная причина. К тому же он помог тебе, насколько мне известно, когда ты угодил в тюрьму, вытащил. Ты задумывался, почему? Ради нее. Только потому, что ты ее брат, до тебя лично ему нет никакого дела, сам понимаешь. Если бы его руки были в крови Даяны, он не старался бы освободить тебя, наоборот, затолкал бы за решетки так, чтобы никогда не выбрался и не стал ему мстить.

Тим молчал. Кэрол придвинулась к нему ближе, нежно сжимая его кисть уже двумя руками.

— Если бы не он, ты бы отбывал пожизненное заключение или был бы казнен. Он помог тебе, спас, и теперь ты хочешь его убить?

Он молчал, опустив голову. Кэрол поняла, что его уверенность пошатнулась. Осторожно коснувшись его подбородка, она повернула к себе его лицо.

— Тим, ее не вернуть. Я знаю, что тебе тяжело, что твоя боль и ярость ищут выход, жаждут отмщения, но легче тебе не станет, если ты расправишься с невиновным. Ведь тебе не все равно, кому мстить. Тебе нужна кровь убийцы. Но это не Джек. Верь мне. Ты же меня знаешь, — она нежно улыбнулась. — Разве я когда-нибудь врала?

— Когда я тебя знал... нет.

— Как ты думаешь, я сильно изменилась с тех пор?

— Я не знаю... — хрипло проговорил он, печально смотря в ее глаза, и вдруг чуть улыбнулся. — У тебя волосы стали черными...

Кэрол широко улыбнулась, не отводя взгляда.

— Тебе не нравится?

— Нравится. Ты совсем другая, но... такая же красивая.

— Тимми, я рада, что мы снова встретились... даже при таких обстоятельствах. Я знала, что ты не обидишь меня, — она подалась к нему и обняла, прижавшись щекой к широкому плечу. Его ладони накрыли ее плечи, потом он тоже ее обнял, прижав к себе.

— Я знаю, как ты ее любил, знаю, что кроме нее у тебя больше никого не осталось в этом мире, — прошептала она.

— Она была такой молодой, такой красивой... Я до сих пор не могу поверить в то, что она умерла, — подавлено отозвался он, касаясь лицом ее плеча.

— Твои чувства мне знакомы. Боль утраты тяжела, но время притупляет ее. Крепись, Тимми, ничего уже не поделаешь, — она подняла его голову со своего плеча и, положив ладони на скулы, нежно поцеловала в щеку, как целовала в детстве. — Ты помнишь? Помнишь, как любила я тебя целовать, когда ты был маленьким?

Он кивнул в ответ, смотря на нее серьезным пристальным взглядом.

— Забудь о Джеке, оставь его. Он ни в чем перед тобой не виноват. Ты веришь мне?

Он качнул головой.

— Это он, я чувствую. Он ее убил. Может, и не своими руками, но это он.

— Но какие у тебя есть доказательства? Или ты хочешь убить человека, только руководствуясь предположениями?

Он угрюмо промолчал, и она поняла, что доказательств у него нет.

— Вот видишь! Нельзя наказывать, не убедившись в вине человека! Или тебе все равно? Неужели ты стал таким бездушным, что так легко готов убить первого, кто под руку попался? — Кэрол замолчала, сообразив, что говорит эти слова наемному убийце. Что для него человеческая жизнь?

— Хорошо, я подумаю, — вдруг сказал он, к ее немалому удивлению. — Если честно, я мало думал об этом, я был уверен, что это его рук дело. Я подумаю, это все, что я могу тебе обещать.

Он резко поднялся, давая понять, что разговор окончен. Кэрол порывисто схватила его за руку, пытаясь удержать. Она безумно боялась, что он обманет, и, когда она привезет детей сюда, придет и убьет их всех. Она поняла, почувствовала, как опасен на самом деле этот человек. Это был не Тимми. Ее маленького друга давно уже не существовало. Только теперь она это осознала. И она не верила ему. Его милосердие может быть всего лишь хитростью, чтобы добраться до Патрика. И уж точно он не собирался отказываться от намерения убить Джека, передумав из-за ее нескольких слов в его оправдание. Кто она в его жизни, чтобы он ей верил? Она жена того, кого он хочет убить, он может решить, что она защищает мужа, и будет прав. Защищает, не смотря ни на что. Потому что продолжала безумно любить.

Он обернулся и опустил на нее взгляд. Кэрол лихорадочно соображала, что делать, судорожно вцепившись в его руку. Она не могла его отпустить, пока не будет уверена, что он не несет собой угрозу Патрику и Джеку. Она должна их защитить.

— Подожди... — дрожащим голосом прохрипела она. — Ты что... вот так и уйдешь?

— Да, — ответ его был жестким и равнодушным.

— А мы... разве мы больше не друзья?

Он хмыкнул.

— Нет.

Сердце ее упало от этого насмешливого ответа. Но отчаяние заставило ее еще решительнее сжать его руку, как будто она могла его удержать, если он захочет уйти.

— Но ведь ты как-то сказал, когда мы ездили вдвоем в наш город, что я твой друг...

Он не ответил, лишь слабо качнул головой.

— А... мы не можем ими снова стать? — умоляюще прошептала она, заглядывая ему в глаза.

— Нет.

— Почему?

Мгновенье он молчал, смотря на нее мрачным тяжелым взглядом. На лице его появилось выражение гнева. Кэрол задрожала, понимая, что ее игра белыми нитками шита.

Он знал, что ей не нужна ни их прежняя дружба, ни он сам, потому что не был больше тем мальчиком, которого она любила. Его спокойный ответ не соответствовал тем чувствам, которые отразились на его лице.

— Потому что мы выросли, Кэрол.

— Но ведь мы оба одиноки! Почему нет?

— Невозможно, — ровным голосом ответил он, делая вид, что принимает всерьез ее слова. Зачем?

— Почему? — Кэрол больше не смогла скрыть своего страха и отчаяния и, когда он хотел отнять у нее свою руку, вскочила, вцепившись в него с одержимостью самки, не отпускающей хищника, желающего добраться до ее детеныша. Лицо ее исказилось от злости. Он попытался стряхнуть ее с себя, но она лишь зарычала, не разжимая сведенные судорогой пальцы, впившиеся в его одежду, не замечая, что пеленка соскользнула с нее на пол. Она вскрикнула, когда ее стиснули железные руки, а прямо у нее над ухом раздался грубый хриплый голос, так грязно выругавшийся, что она вдруг пришла в себя, как от пощечины, и, охваченная ужасом, сменила попытки его удержать попыткой вырваться. Он обхватил одной рукой ее талию и легко оторвал от пола, а секундой позже она уже была втиснута его тяжелым телом в кровать, задыхаясь в тисках грубых объятий. Его пальцы больно сжали ей волосы, но она не могла даже вскрикнуть, с такой силой он впился в ее рот, целуя с такой жадностью, как будто не прикасался к женщине целую вечность. Страх немного отступил, когда Кэрол поняла, что он собирается с ней делать, что он схватил ее не для того, чтобы придушить или свернуть шею. Сопrotивляться ему было бесполезно, с равным успехом она могла бы померяться силами с буйволом. От его поцелуев у нее заныли челюсти, его руки впивались в ее тело с такой силой, что, наверняка, оставят за собой синяки. Он не замечал, что она не вырывается больше, хватая ее так, словно боялся, что она в любой момент выскользнет из его рук. Сжав ее стан большими ладонями, он приподнял его и, опустившись, поймал ртом сосок. Кэрол невольно дернулась, испугавшись, что он причинит ей боль, но он лишь сильнее стиснул ее тело, так, что она не могла больше пошевелиться. Замерев, она опустила взгляд, наблюдая за ним. Он не делал ей больше больно, даже когда его пальцы впивались в ее груди, которые он неистово целовал. Лишь в один момент она почувствовала, как он с силой впивается ртом в ее плоть, стаскивая с нее трусики, и напряглась, схватив его за плечи и пытаясь оттолкнуть. На него это возымело обратное действие. Он рванулся вверх и снова схватил ее за волосы, потянул, заставляя ее задрать подбородок, и стал целовать открытую беззащитную шею, на которой сильно пульсировала жилка. Его колено решительным и властным движением заставило ее ноги разомкнуться под ним, и Кэрол вскрикнула от сильного резкого толчка меж бедер. Он легко проскользнул в ее тело, которое, к ее удивлению, оказалось к этому уже готово. Кэрол задохнулась, судорожно лоя ртом воздух, с ощущением, что у нее внутри не осталось ни миллиметра свободного места, казалось, горячая твердая плоть наполнила ее всю до отказа, и все равно ей было мало места и она пыталась проникнуть глубже, причиняя ей боль, которая внезапно стала какой-то сладкой, умопомрачительной...

Открыв глаза, она взглянула в лицо, склоненное над ней. На нем застыло какое-то ожесточенное выражение, смешанное с острым удовольствием. Застыв на мгновение, он прикрыл глаза, словно прислушиваясь к своим ощущениям внутри ее тела, потом хрипло выдохнул и начал двигать бедрами, неторопливо, но с силой и напором, под которым тело женщины задрожало, напряглось, плотно прижатое к кровати, безуспешно пытаясь ответить

на его движения. Но он не позволял ей даже пошевелиться, а ее попытки воспринял, как желание ему помешать. Движения его стали резче и жестче, но это вызвало у охваченной страстью Кэрол лишь стон удовольствия. Она царапала ему спину и плечи сквозь рубашку от сладострастного нетерпения, чтобы поторопить, лишенная возможности подогнать его движениями бедер. Почувствовав, как его зубы впиваются в ее тело, она лишь застонала, но не от боли, потому что даже боль потонула в нарастающем в ней наслаждении. Она сама вдруг почувствовала какое-то животное желание почувствовать зубами его плоть, и укусила его за плечо. Он вздрогнул и оторвал ее от себя. Накрыв поцелуем ее рот, он сжал ладонями ее ягодицы, с неистовством вонзаясь в ее тело, которое начало содрогаться в оргазме, принимая изливающиеся в него мужские соки...

Расслабившись, Кэрол закрыла глаза, забыв на мгновение обо всем на свете. Даже о том, что ее грубо изнасиловали, что ее жаждущее тело удовлетворил тот, кто собирался отнять жизнь у тех, кого она любила. Его пальцы схватили ее за подбородок и резко заставили повернуться. Открыв глаза, Кэрол встретила с горящим встревоженным взглядом. Он всмотрелся в ее лицо, как будто хотел убедиться в том, что с ней все в порядке, видимо, подумав, что она потеряла сознание. Потом рывком поднялся и, отвернувшись, подтянул приспущенные штаны и торопливо застегнул. И застыл на месте, обнаружив, что его приятель исчез. Он снова выругался сквозь стиснутые зубы и направился к двери. И, словно вспомнив о Кэрол, остановился и обернулся. Она сжалась в комочек на взъерошенной постели, белея в темноте обнаженным телом. Почувствовав его взгляд, она подняла голову.

— Теперь тебе понятно, почему мы не можем быть друзьями?

— Потому что я женщина? — слабым голосом выдавила Кэрол.

— Нет, потому что ты шлюха. Такая же, как мать.

Он развернулся и вышел, тяжело ступая по полу высокими военными ботинками.

Некоторое время Кэрол неподвижно лежала на месте, безучастно разглядывая коврик у кровати. Тело, подвергшееся такому грубому обращению, начинало болеть.

«Тебе повезло, что он не затащил тебя под первый попавшийся куст!» — вспомнились ей слова Рэя.

«Что ты! Тимми не такой!» — горячо спорила она.

Вот тебе и не такой. Впрочем, да, Тимми не такой, он никогда бы так с ней не поступил, только это не Тимми. Ее друга, любимого ангелочка, ее защитника больше не существовало. А Рэй опять оказался прав. Получается, что если бы она всегда прислушивалась к словам Рэя и следовала его советам, с ней бы никогда не случилось ничего плохого из того, что случилось. «Если бы я могла вернуть тебя в свою жизнь, — с тоской думала она. — Я была бы послушной, спряталась бы под твоим крылышком от всего мира, слушала бы твои советы. Теперь бы всегда слушала». Но теперь уже было поздно. Раньше надо было. А еще она поймала себя на том, что опять хочет иметь покровителя. Когда Кэрол проходила терапию у психолога, та объяснила, почему так происходит. Это еще с детства в ней укоренилось. Живя с жестокой матерью, постоянно подвергаясь насилию и унижению, ребенком она знала, что ее мог обидеть любой, мать это позволяла и никогда за нее не заступалась. Постоянный страх, чувство незащищенности и беззащитности настолько въелись в ее душу, психику, что ничто уже не могло ее от них излечить. Никакая терапия. И именно это заставляло ее подсознательно вновь и вновь искать того, кто мог ее защитить. Сначала это была Эмми, потом Куртни, Джек. Она решила для себя, что с этим покончено, что отныне она сама о себе заботится и защищает. Себя и своих детей. Никаких больше

покровителей и защитников. Они погибают. У нее может быть один защитник — этот благословенный. Но если этот благословенный — Тимми, то это странно. Разве этот бандит, убийца, который с такой легкостью мог изнасиловать женщину, убить, мог быть благословенным? И вообще, что это такое — благословенный? Габриэла не говорила ничего конкретного, никаких вразумительных объяснений. В нем много света, он под защитой высших сил — но что это значит, черт возьми? Каким он должен быть? Хорошим, чистым, безгрешным, как ангел? В ее представлении только такого человека могли бы защищать какие-то высшие силы, светлые силы. Хорошего человека, чуть ли не святого. Но и Рэй, и Тимми было далеко до святости. Рэй всю жизнь был обманщиком, лжецом, плутом, эгоистом, никогда никого, кроме нее, Кэрол, не жалеющим, сладострастцем, изменщиком, страшно было представить, скольким женщинам он причинил боль. Скольким разбил сердца и, возможно, жизни, как Элен. Да, в нем нет зла, как такового, как в Джеке, например, но он явно все равно был не из тех, кто заслуживал такую благосклонность от чего-то свыше. А Тимми — так тем более. Раньше она думала, что заслуживал. А теперь сильно усомнилась в этом. Ни Тимми, ни Рэй не могли быть тем самым *благословенным*. Может, это вообще кто-то другой?

Заставив себя встать, она отправилась в свою спальню, накинула халат и почти на ощупь добралась до пробок. К ее облегчению, они были просто отключены, и через минуту она уже при свете стояла в ванной под душем.

— Мам!

Она вздрогнула, услышав голос Патрика и, схватив халат, поспешно накинула его, одновременно выскакивая из ванны.

— Мама! — голос Патрика дрожал от страха и сдерживаемых слез.

— Я здесь! — отозвалась Кэрол, выходя к нему навстречу.

Он стоял в прихожей, сжимая в руках тяжелую винтовку. Его глаза, устремившиеся на нее, блестели от слез, но при виде нее, вспыхнули радостью.

— Они ушли? — напряженно спросил он, продолжая держать винтовку.

Не в силах ответить, Кэрол кивнула и, присев, осторожно забрала у него оружие.

— Ты в порядке? Они... ничего тебе не сделали? — с тревогой расспрашивал он, разглядывая ее лицо. — У тебя щека опухла. Они тебя били?

— Я в порядке. Ты-то что здесь делаешь? Разве не должен ты быть у Аманды и присматривать за братьями?

— Я не смог сидеть там... когда ты здесь, одна... с ними...

— Но как ты узнал, что они придут именно сегодня? — удивилась Кэрол. — Во сне увидел?

— Нет. Мне сказал Мэтт. Сказал, что они идут. Тогда я схватил винтовку и прибежал... Я бежал изо всех сил, но опоздал. С тобой правда все нормально, мам?

— Ну, сам посмотри. Целехонька и невредима.

Мальчик внимательно окинул ее взглядом с головы до ног и удовлетворенно кивнул. И только теперь расслабился, испустив облегченный вздох. А в глазах его вспыхнуло любопытство.

— Значит, это был он, твой друг?

— Он.

— Рассказывай!

Кэрол устало улыбнулась и, выпрямившись, с любовью потрепала его за волосы.

— Расскажу, только сначала позвоним Аманде и сообщим, что с нами все в порядке. А потом уйдем отсюда. Он пообещал, что не тронет нас, но я не хочу рисковать. Мы уедем.

Но Патрик вдруг придержал ее за руку.

— Подожди, мам. Мне нужно тебе кое-что сказать. Я не хотел говорить, но теперь, когда Мэтт предупредил меня, что они идут... я больше не сержусь на него за то, что он сказал, что заберет тебя... Он просил, чтобы я тебе рассказал, давно просил...

Кэрол изумленно смотрела на него, остановившись.

— Прежде чем уехать, мы должны помочь одному человеку. У тебя есть деньги, мам?

— Деньги? Зачем?

— Нужно много денег, мам. У тебя есть? — Патрик вдруг пожал плечами и вздохнул. — У тебя нет, я знаю. Я говорил ему, что мы не сможем помочь.

— Кому?

— Мам, ну что ты такая бестолковая? Мэтту!

— Мэтту нужна наша помощь?

— Да нет же, не ему! Его дочери! Ей нужно другое сердце, иначе она умрет. Но ведь у нас нет столько денег, чтобы сделать ей такую операцию.

— Сыночек, но у Мэтта не было детей.

— Ее зовут Дженни. Она родилась у его жены после того, как его посадили. Он не знал.

Кэрол проглотила язык, уставившись на мальчика широко раскрытыми глазами.

— Ты знаешь, где она? — не приходя в себя от удивления, спросила она.

Мальчик с важным видом кивнул.

Кэрол не верила в это до последнего момента, пока не увидела ее.

На следующий же день, оставив детей на Аманду, Кэрол вместе с Патриком отправились в Нью-йоркскую больницу, где, как утверждал мальчик, находилась дочь Мэтта. С сильными сомнениями Кэрол подошла к приемной и растерянно посмотрела на дежурную. Взглянув на мать, Патрик вздохнул и взял инициативу на себя.

— В какой палате находится Дженни Френсис? — деловито осведомился он.

Дежурная опустила на него взгляд, потом снова подняла его на Кэрол.

— А кем вы ей приходитеесь? — настороженно поинтересовалась она у Кэрол.

— Мы родственники ее отца, — ответил Патрик, опередив мать, которой осталось только кивнуть в подтверждение.

На лице дежурной отразилось удивление.

— Но, насколько мне известно, у Дженни нет отца. Он умер еще до ее рождения.

— Если он умер, это не значит, что у него не может быть родственников, — серьезно парировал Патрик, немного шокировав незнакомую женщину своим совсем не детским поведением. Кэрол слегка улыбнулась, подумав о том, как же он похож на Джека.

— Документы у вас есть? — немного расслабившись, дежурная кивнула, удовлетворенная объяснением.

Изучив паспорт Кэрол, она записала в журнал все данные, и вернула документ. Потом поднялась и проводила их к доктору, наблюдающему девочку. Тот не очень интересовался, кто они такие и почему их волнует судьба больной, не усомнившись в том, что они являются родственниками. Действительно, кому еще нужен больной ребенок, сирота, доживающий свои последние дни без надежды на спасительную операцию, если не родственникам? Наоборот, доктор даже обрадовался их появлению.

— Вы знаете, что девочке требуется немедленная пересадка? Сердце может остановиться в любой момент. Вы можете оплатить операцию? — без обиняков спросил он, изучая Кэрол внимательным взглядом.

— Какая требуется сумма? — сдавленно проговорила она.

— Я все вам расскажу. Наверное, вы хотите взглянуть на Дженни. Пойдемте к ней, а потом поговорим. Хорошо? — он приветливо, с симпатией улыбнулся молодой женщине и подмигнул мальчику. Последний насупился, недовольный тем, как этот доктор смотрел на мать и как ей улыбался. Бесцеремонно вклинившись между ним и Кэрол, Патрик взял ее за руку, и так они все трое пошли в палату.

Девочка спала. Впившись взглядом в хрупкую неподвижную фигурку, прикрытую простыней, Кэрол медленно приблизилась к кровати. И замерла, пораженная увиденным. Перед ней лежала изможденная болезнью девочка лет пятнадцати, и простынь, которой она была укрыта, не скрывала ее нездоровую худобу. Тонкие, с выделяющимися на запястьях косточками, руки казались почти прозрачными на белой простыне, создавалось впечатление, что в них не может быть никаких сил, даже на то, чтобы приподняться. Тонкое личико было неестественно бледным, губы, без единой кровинки, отливали жутковатой синевой, безупречные черты, тонкие и правильные, можно сказать, идеальные, сейчас, во сне, были неподвижны, что делало ее похожей на безжизненный, покрашенный в белый цвет манекен. На фоне этой бледности ярко и резко выделялись длинные черные ресницы и изящные, словно подкрашенные черным карандашом, брови. Цвета воронова крыла волосы, подчеркивая бледность лица, в беспорядке разметались по подушке. Красивые, густые, блестящие, они совсем не сочетались с больным и измученным видом девочки, и поэтому создавалось впечатление, что на нее надели парик.

— Ах, мама, какая она красивая! — выдохнул где-то рядом Патрик.

Но Кэрол не услышала его. Да, девочка действительно была более чем просто красива — она была прекрасна, даже сейчас, когда жизнь ее висела на волоске, но не это поразило Кэрол так, что она не могла пошевелиться. В лице юной красавицы она увидела хорошо знакомые черты, черты, которые с шести лет и по сей день хранила в своем сердце. Разбуженная голосом Патрика, девочка открыла глаза и взглянула на них. Перед Кэрол все поплыло из-за выступивших слез, и она порывисто отвернулась, прикрыв лицо ладонью, сжав губы, чтобы не разреветься. Когда девочка посмотрела на нее, словно сам Мэтт взглянул на нее своими прекрасными карими глазами, печальными и безнадежными. Боже, даже взгляд тот же... Взгляд обреченного.

— Кто это, доктор Датч? — раздался за ее спиной слабый голос девочки.

— Дженни, это родственники твоего папы, — мягко откликнулся мужчина и, подойдя к кровати, нащупал пульс на запястье девочки.

Кэрол медленно повернулась и встретила недоуменный взгляд девочки.

— Папы? — красивые черные брови на бледном лице поползли вверх. — Но мама и тетя говорили мне, что со стороны отца у меня нет родственников.

Доктор не ответил, пропустив ее слова мимо ушей, сосредоточившись на ее пульсе. Лицо его приняло мрачное выражение, по которому можно было понять, что дела девочки плохи. Он поспешно отвернулся, чтобы больная не заметила это. Девочка проследила за ним тоскливым взглядом, в котором промелькнули отчаяние и мольба, как будто она молила доктора не отворачиваться от нее, а что-нибудь сделать. Хоть что-нибудь, только не наблюдать за тем, как она умирает. Кэрол заметила этот взгляд прежде, чем девочка

спрятала его под густыми роскошными ресницами. А когда она снова подняла глаза, в них было спокойствие и смирение. Лишь тоска осталась прежней. Кэрол не могла оторваться от ее глаз, руки ее мелко дрожали. Ирония судьбы. Безнадежный горький взгляд Мэтта на этом прекрасном девичьем личике. Личике ребенка, который, как и Мэтт, потерял надежду и веру, не видел будущего. Жизнь сломала Мэтта, а теперь взялась и за его дочь. Нажал бы он на курок в тот роковой момент, если бы знал о ней, этой прелестной девочке?

Кэрол отвлеклась от своих мыслей, заметив, что Дженни разглядывает ее. Но взгляд ее был почти безразличным.

— Каким был мой папа? — тихо спросила она, заглянув Кэрол в глаза.

— Он... он был лучшим из людей, которых я знала, — голос Кэрол вдруг взволнованно осип. — И ты... ты поразительно на него похожа. У тебя его глаза, волосы... и...

— Ни мама, ни тетя никогда не рассказывали мне о нем. Но говорили, что он был хорошим, добрым и честным. И больше ничего. Это так?

Кэрол кивнула.

— У вас есть его фотография? Почему-то у мамы не было ни одной, — голос девочки становился слабее и звучал все тише и натужнее, она стала задыхаться, и каждое слово уже давалось ей с трудом.

Кэрол вдруг заметила на тумбочке у кровати фотографию Кэт, стоящую в простой деревянной рамочке. По шее и спине ее прошел холодок, она отвела взгляд и опустила его себе под ноги. Знала бы эта несчастная девочка, кто стоит перед ней! Та, которая сделала ее сиротой. Которая убила ее мать.

— Да, у меня есть его фотография, — ответила Кэрол, заставив себя снова посмотреть на девочку.

— Хотелось бы взглянуть. Принесете? — из последних сил прошептала та, тяжело дыша.

Доктор коснулся руки Кэрол, давая понять, что утруждать больную разговорами больше нельзя.

— Я принесу, обязательно принесу, — пообещала Кэрол. Доктор увлек ее к двери.

— Поскорее... сегодня... пожалуйста... — умоляюще выдохнула Дженни.

Глаза Кэрол увлажнились. Девочка боялась умереть, так и не увидев, каким был ее папа. Патрик вышел вслед за доктором, так и не произнеся ни слова, что на него было не похоже. Закрыв дверь в палату, Датч повернулся к Кэрол.

— Сегодня нам привезли сердце для пересадки, но тот, кому оно предназначалось, умер по дороге в операционную. У нас есть сердце, и это большая удача, потому что оно подходит для Дженни. Люди стоят в очереди на донор, и многие так и не дожидаются. Дженни я поставил на очередь давно, она уже подошла, но ее тетя так и не смогла найти денег на операцию. Сердце уже здесь, и это последний шанс для Дженни. Ведь вы пришли, чтобы помочь, не так ли?

— Я... хотела бы... — выдавила Кэрол.

— У вас есть возможность оплатить операцию? Если нет, то ничем другим вы уже ей не поможете.

— Я постараюсь... но мне нужно время, чтобы найти деньги...

— К сожалению, времени у нас нет. Вам придется принять решение сейчас. Я не могу задерживать донорское сердце, или мы делаем операцию, или я отдаю его другому больному.

Кэрол опустила взгляд, почувствовав, как Патрик больно стиснул ее руку. Он смотрел на нее такими умоляющими глазами, как никогда.

— Мы можем взять денег у Рэя. Он нам не откажет. Мам! — голос его сорвался, как будто он готов был расплакаться, и он с силой дернул ее за руку.

Доктор вопросительно смотрел на Кэрол.

— Ну? Мне отсылать сердце или нет?

— Нет! — в отчаянии прохрипела Кэрол. — Я оплачу.

Датч расплылся в улыбке и признательно, по-дружески хлопнул ее по плечу.

— Тогда я начинаю готовить девочку к операции, а вы за это время должны перечислить деньги на счет, который я вам укажу. Поторопитесь, потому что пока не поступит нужная сумма, я не смогу начать операцию. Я понимаю, как это выглядит... но не я придумал эти правила. И... нет никаких гарантий на то, что операция пройдет успешно, что не произойдет отторжения... одним словом, мы попытаемся спасти жизнь Дженни, но может и не получиться.

Кэрол лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Доктор вручил Кэрол чек, и поспешил отдавать нужные распоряжения для предстоящей операции. А Кэрол в полной растерянности и отчаянии уставилась на чек. Патрик подергал ее за руку.

— Пойдем, у нас мало времени. Все очень просто, мам. Нужно всего лишь попросить. Рэй даст нам столько, сколько мы скажем. Разве ты сомневаешься?

Нет, она не сомневалась. Но на самом деле было не все так просто, как представлялось Патрику. Попросить Рэя, с которым она была так жестока, бросила его, сбежала от него, предала, заставив поверить в свою гибель, вычеркнула из своей жизни, причинила столько боли! И скрывала от него существование сыновей...

Она подумала о бриллиантовых украшениях, которые привез ей Касевес, но той суммы, которую она могла выручить за драгоценности, было более чем не достаточно. Исключая Джека, Рэй был единственным, кто имел возможность немедленно заплатить по чеку требуемую сумму. Следовательно, у нее было только два варианта — просить или не просить.

Через минуту Кэрол уже стояла у телефонного аппарата на улице и разговаривала с Деборой Свон, позвонив прямо в ее рабочий кабинет в компании. К счастью, Свон оказалась на месте. Кэрол связывалась с Уильямом только через нее, потому что даже проницательный Джек не мог догадаться, что Свон может иметь отношение к тому, что его дурачат, как он, видимо, считал, если до сих пор искал погибшую жену. Впрочем, Кэрол надеялась, что после визита Зака в больницу, Джек оставит свои попытки. В конце-то концов, что не давало ему поверить в то, что она погибла? Это происходит страшно подумать со сколькими людьми, а она тоже не бессмертная. Любой бы человек на его месте поверил. Почему он ищет ее среди живых? Потому ли, что его любовь к ней и Патрику была настолько сильна, что не позволяла ему смириться? Или это все его поразительная интуиция, будь она неладна? И какой была бы их встреча, если бы он их все-таки нашел? Часто Кэрол задавалась этим вопросом, но каждый раз суеверно отгоняла подобные мысли прочь, убеждая себя, что этого никогда не произойдет. Когда-нибудь ему придется смириться и отпустить их. Может, он уже это сделал после разговора с Заком. Но в любом случае Кэрол должна быть осторожна, всегда. Конечно, предположить то, что телефоны Рэя и Касевеса прослушиваются, было бы просто смешно, но Кэрол ни за что бы ни рискнула связываться с ними напрямую, как бы нелепо не выглядели ее опасения. Нельзя было сказать, что отношения со Свон у нее были дружеские,

но женщина продолжала участвовать во всем этом блефе, оставаясь связующим звеном между Кэрол и ее прошлой жизнью, и ни разу за все это время не подвела. Кэрол научилась ей доверять, ей приходилось, потому что ее тайна все равно была в руках этой женщины, и Кэрол понимала, что пока она первая не нарушит их соглашение и свяжется с Рэем, хотя бы по телефону, Свон будет держать обещание. Но как только она сделает шаг в сторону Рэя, Свон ее уничтожит. Кэрол не могла понять, как Свон к ней относится теперь, спустя полтора года, осталась ли в ней та ревность, с которой она когда-то провожала ее, помогая бежать от Джека, или теперь эта ревность обратилась на других женщин в жизни Рэя? Бедная Свон. В глубине души Кэрол жалела ее, представляя каково это, так любить такого мужчину, как Рэй, всегда окруженного женщинами и не отвечающего на ее любовь. Одному богу известно, сколько страданий причинял ей этот роскошный красавец. Но Свон никогда не заговаривала с ней больше о своих чувствах, возможно теперь, потерпев поражение, отвергнутая, она даже стыдилась своей любви, своей слабости, с которой не могла справиться. Кэрол относилась к ней с теплом и признательностью, и ни разу не дала ей почувствовать, что торжествует над ее поражением. Если бы Свон почувствовала это, наверняка не простила бы, но Кэрол не могла забыть, как самонадеянно и жестоко она отбирала у нее Рэя, собираясь прибрать его к рукам, зная об их связи, как угрожала, чтобы заставить не приближаться к нему. Хоть Кэрол и без ее угроз покидала его навсегда, она не могла простить этой женщине своей боли, своих слез в тот момент... Кто она такая, эта Свон, чтобы требовать от нее такое, кто дал ей право распоряжаться их с Рэем отношениями, запрещать даже напомнить о себе ему, человеку, который так давно присутствовал в ее жизни, занимая в ней далеко не последнее место, с которым ее связывало так много, который столько лет был ее семьей... И тут пришла она со своей любовью, угрожает, запугивает, распоряжается, как будто он уже был ее собственностью. Поэтому Кэрол не могла не радоваться тому, что он ею не стал. И вот, получалось так, что с одной стороны она торжествовала, а с другой — жалела ее. Она знала, что Свон без колебаний раздавила бы ее в лепешку, стань она снова на ее пути. Кэрол не собиралась, зная, что все пути назад отрезаны, в том числе и дорожка к Рэю, но любовь Свон все больше ее тревожила. Кэрол боялась, как бы эта женщина не навредила Рэю. Хоть Касевес и утверждал, что тот вертит ею, как хочет, но ведь терпение Деборы может закончиться. Она наверняка будет препятствовать, если он решит завести серьезные отношения с какой-нибудь женщиной. Ее хватка была мертвой, а Рэй, скорее всего, не воспринимал это всерьез. Любовь этой женщины может быть для него опасной. Пока он справлялся с ситуацией, но что, если она выйдет из-под его контроля? Свон впиалась в него, как паразит, и может помешать ему устроить свою жизнь, завести семью. А если Свон обозлится, в ее лице он приобретет опасного и безжалостного врага. Рэй играл с огнем, и, как обычно бывает в таких случаях, он мог не только обжечься, но и сгореть. Единственное, что успокаивало Кэрол, так это то, что до сих пор Рэй превосходно управлялся с женщинами, и Кэрол была единственным его поражением, единственным сбоем...

Дебора внимательно выслушала Кэрол, которая объяснила, что ей срочно нужны деньги, но за такой суммой обратиться ей больше не к кому, кроме Рэя. Голос ее был сконфуженным и виноватым, дрожал от волнения, но от вопросов Деборы она ловко ускользнула, попросив передать ее просьбу Рэю. Свон записала продиктованный ею номер счета и пообещала все передать. По ее голосу Кэрол поняла, что все этим Свон осталась недовольна, но в данный момент Кэрол было не до нее. Повесив трубку, она озадачено постояла на месте, гадая, передаст ли Свон ее просьбу Рэю.

— Надо было звонить ему, — раздался рядом голос Патрика. — Один раз — не страшно. Сомневаюсь, что отец узнал бы об этом.

Кэрол не ответила и, поправив на плече сумочку, направилась к машине. Встревоженный Патрик поплелся за ней.

Вернувшись домой, они поспешно пообедали. Патрик сердито молчал.

— Давай позвоним, — только и сказал он, прерывая гнетущее молчание, когда она уже собирала посуду.

— Нет.

Мальчик порывисто вскочил с места.

— Если она умрет, я никогда тебе этого не прощу! — закричал он и бросился в детскую.

Кэрол удивленно посмотрела ему вслед. Зазвонил телефон и, вытерев руки о салфетку, она взяла трубку.

— Это доктор Датч. Я очень рад, что вы нашли деньги.

— Поступили? — выдохнула Кэрол, опускаясь без сил на стул.

— Только что. Мне сразу сообщили, я просил... Я начинаю операцию, тянуть с этим слишком рискованно. Сердце Дженни может остановиться в любой момент. Мы не успели подготовить ее должным образом, но ждать опаснее, чем спонтанно оперировать...

— С Богом, — слабым голосом отозвалась Кэрол и, положив трубку, увидела Патрика, вернувшегося в комнату. Лицо его сияло.

— Я знал! Я знал, что Рэй нам не откажет!

Кэрол лишь грустно улыбнулась, опустив голову.

Через несколько минут снова раздался телефонный звонок. Сердце Кэрол тревожно сжалось, когда она узнала голос доктора.

— У нас проблема. Дженни отказывается отправляться в операционную. Вы можете сейчас приехать? Она говорит, что вы обещали привезти ей фотографию отца. Она заявила, что не станет оперироваться, пока не увидит его... Похоже, она не очень оптимистично настроена.

— Сейчас... я буду в больнице через двадцать минут, — выпалила Кэрол и бросила трубку. — Рик, возьми фотографию Мэтта, нужно отвезти ее Дженни! Скорее!

Операция прошла успешно. Но испытания Дженни на этом не заканчивались. Начался опасный период реабилитации. Доктор позволил Кэрол навесить девочку после операции. Кэрол задумчиво постояла над больной, которая крепко спала под действием сильных препаратов. Грустно разглядывала она девочку и, перед тем, как уйти, робко погладила по густым волосам. На тумбочке у кровати стояли рядом две фотографии, Мэтта и Кэт, на которых Кэрол задержала свой взгляд. Взяв в руки фотографию Мэтта, она погладила пальцами изображение. Он смотрел на нее печальными карими глазами, и Кэрол улыбнулась ему. Она вспомнила, как разглядывала этот снимок Дженни, сжимая дрожащими пальцами рамку, и сколько радости и любопытства отразилось на ее лице в эти мгновения.

— Никогда не думала, что он такой красивый, — прошептала тогда девочка, и подняла на Кэрол покрасневшие от слез глаза. — Это, правда, он... мой папа...

Она снова опустила взгляд на фотографию и улыбнулась. Потом поднесла рамку к губам и поцеловала.

— Привет, пап. Вот мы и свиделись...

Взяв с тумбочки снимок матери, она некоторое время задумчиво разглядывала обе фотографии, поцеловала по очереди и аккуратно поставила их рядом друг с другом на тумбочку. И только после этого отдала себя в руки врачей. У Кэрол до сих пор звучало в ушах ее слабое «спасибо», в котором едва теплилась жизнь, но, казалось, девочка не верила в спасение. Когда ее переложили на каталку и вывезли из палаты, Кэрол, вышедшая следом, заметила, как по неподвижному красивому личику скатилась одна-единственная слеза и исчезла на виске в волосах, оставив за собой едва заметный мокрый след.

Поставив фотографию Мэтта назад рядом с фотографией Кэт, Кэрол покинула палату. Ей очень хотелось бы знать, действительно ли Мэтт находится в этом мире, рядом с ней, или это Патрик продолжает над ней подшучивать. В удивительных способностях своего сына она больше не сомневалась. Именно благодаря этим способностям он мог узнать о существовании этой девочки и о ее проблемах, а не потому, что ему рассказал об этом призрак. Но если дар провидения возможен, если существуют настоящие проклятия, то почему невозможно другое, такое, как не покидающие этот мир души умерших?

Но в настоящий момент Кэрол некогда было думать об этом, ее занимали земные проблемы и живые люди.

Джеймсу опять стало хуже, и с высокой температурой его пришлось снова отправить в больницу. Оставив Патрика и Крису у Аманды, Кэрол с тяжелым сердцем легла вместе с больным малышом в больницу. Страх переполнял ее, она злилась из-за того, что вынуждена оставить детей, что из-за больного ребенка не может уехать и увезти их из города, спрятать от Тима. Она лишь надеялась, что он не найдет их, что у Аманды они в безопасности. Патрик ее страхов не разделял и пытался успокоить, уверяя, что подготовился к встрече с убийцами, что, если он сам не увидит заранее, когда они придут, то его предупредит Мэтт.

— Не переживай, мам, занимайся лисенком, главное, чтобы он поправился. Мы с Крисом не одни, с нами Мэтт.

Кэрол молчала, смотря на него печальными встревоженными глазами, и прижимала к

груди кричащего малыша, горевшего от высокой температуры. Сердце ее разрывалось. Она не могла оставить тяжелобольного ребенка одного в больнице, не могла забрать его отсюда, а двое других ее мальчиков, оставаясь в этом городе, были в опасности, без нее, одни. Она почувствовала себя беспомощной. Жизнь снова взяла ее за горло. Она знала, что не простит себе, если загубит Джейми, позволив умереть от тяжелой пневмонии, не простит, если, спасая одного ребенка, потеряет других. Все, что ей оставалось в сложившейся ситуации — это не поддаваться панике. И молиться. Временами на нее находило такое отчаяние, что она порывалась позвонить Джеку и просить у него защиты. Ее останавливало только то, что в этом случае она была уверена в безопасности одного только Патрика. Несомненно, Джек его защитит. Но что будет с ее лисятами? Кто защитит их от ревности и ярости Джека?

И Кэрол решила отдаться на волю Господа. Она оставалась в больнице, борясь вместе с врачами с болезнью Джеймса, а Патрик и Крис оставались у Аманды. Ей оставалось только надеяться, что Тим ее не обманул. Или на то, что не сможет отыскать детей.

Джеймсу становилось хуже. Его перевели в реанимацию. Кэрол беззвучно плакала над малышом, который больше не кричал, тихонько лежа под одеяльцем, тяжело дыша приоткрытым ртом, маленький, беспомощный, обессиленный. Кэрол смотрела на него, и ей хотелось кричать. И в эти минуты все ее страдания, испытанные когда-либо, казались такими пустыми, мелочными, бессмысленными... Вот где была настоящая боль, настоящее горе, способное свети с ума. И ничего страшнее не существовало в этом мире для матери, как страдания ребенка и угроза его потерять. Как позволила она, чтобы обычная простуда переросла в тяжелую болезнь, почему допустила, чтобы ее малыш дошел до такого состояния, чтобы попал сюда, в реанимацию? Какая же она в таком случае мать, к чертям собачьим?!

И именно в такой момент, когда она теряла душевные силы у кровати больного малыша, случилось страшное.

Патрик вдруг появился в больнице с братиком на руках, и Кэрол, увидев его в дверях, поняла, что что-то случилось. Мальчик смотрел перед собой странным ошеломленным взглядом и, застыв у порога, не двигался.

— Мам, я гулял с Крисом... на детской площадке... а когда пришел... — он заикался и спотыкался почти на каждом слове. — Там Аманда... лежит...

Кэрол почувствовала, что все внутри нее наполняется ужасом.

— И лужа... целая лужа крови. Представляешь, мам? Я схватил лисенка и убежал.

Он замолчал, выжидающе смотря на мать. На ватных ногах Кэрол подошла и нему, и, забрав Крису, другой рукой прижала к себе Патрика. Трясущейся ладонью она погладила его по волосам, пытаясь успокоить.

— Она... может, жива? Надо вызвать «скорую», — стараясь сохранять спокойствие, проговорила она.

— Нет, не надо, — уверенно отозвался Патрик. — У нее весь живот... так, что кишки вылезли... и горло... перерезано. Глаза открыты. Она умерла.

Кэрол почувствовала тошноту. Горло ее сдавило, когда она представила, что довелось увидеть ее мальчику. Нежно взяв его за подбородок, она подняла его лицо.

— Как ты, сыночек?

— Я нормально, мам. Только нам с тобой никак нельзя связываться с полицией. Засветимся. Нельзя. Никто ведь не знал, что мы у Аманды были... мы ведь прятались.

— Они все равно узнают. Мы должны вызвать копов. Расскажешь, что видел, и все...

большого они от нас требовать не будут. Мы ничего не знаем, понял? Я лежу в больнице с Джейми, поэтому вы были у Аманды, которая за вами присматривала. Ничего необычного и подозрительного. Ты гулял с Крисом, пришел домой... увидел, испугался и убежал. Пришел сюда и все рассказал мне. А я вызвала помощь. И все. Ты все понял? И на все вопросы будешь отвечать именно так.

Патрик посветлел лицом. И вдруг неожиданно улыбнулся.

— Я понял, мам. Все правильно.

— Побудь с мальчиками, я пойду звонить в полицию, — Кэрол отдала ему назад Криса и бросилась к двери, но, прежде чем уйти, обернулась и встревожено посмотрела на него. Патрик присел на стул у кровати и, поудобней усадив братишку на коленях, склонился над Джейми, всматриваясь в бледное исхудавшее личико. Кончики бровей его жалобно приподнялись.

— Рик... ты в порядке, сынок? — взволнованно спросила Кэрол.

Он обернулся и непринужденно пожал плечами.

— Она никогда мне не нравилась. Вечно совала нос, куда не следует... — он снова повернулся к Джейми, не заметив, как шокировал мать своими жестокими словами. — Бедненький, щечки похудели... Чего он такой тихий, мам? Даже не плачет больше... Плохи дела, мам?

— Все будет хорошо. Он просто ослабел. Не переживай, он поправится, — заверила Кэрол уверенно.

Патрик удовлетворенно кивнул и, крепко держа одной рукой Криса, другой с нежностью погладил по головке Джейми. Кэрол вышла из палаты, чувствуя одновременно и облегчение и недоумение из-за того, что Патрик так легко воспринял то, что любого другого ребенка его возраста могло жестоко травмировать. А он, казалось, больше был озабочен болезнью братика, чем жестоким убийством няни. Кэрол решила, что это просто особенность детской психики, эластичной и гибкой, специально созданной таким образом, чтобы сильные стрессы проходили вскользь, не нанося серьезных повреждений. После потрясений детская психика либо ломается, либо восстанавливается гораздо быстрее взрослой. И если сегодня ребенок может быть напуганным и несчастным, то завтра уже будет забавляться и смеяться, позабыв обо всех печалях. Но, все же, смотря какой ребенок. Кэрол, например, тяжело переживала всякого рода потрясения, и каждый удар по ее психике оставлял за собой след, напоминая о себе страхами и печалью, порожденными когда-то этими потрясениями. И Кэрол была рада, что Патрик был насчет этого более крепким и устойчивым, чем она. Он был сильным и, судя по всему, морально устойчивым. Как Джек. Неужели ее мальчик такой же черствый и непробиваемый? Такой же безжалостный с теми, кто пришелся не по душе или стал на его пути? Да, эти качества в нем присутствовали. Была в нем и жестокость, и беспощадность. Чтобы в этом убедиться, достаточно было вспомнить о мальчике, на которого он бросился с гантелей, учителя с откушенным носом, о несчетном количестве поколоченных им детей... Как и Джек, свой авторитет он устанавливал жесткостью и силой, идя напролом, по крови и по страху людей... Тех, кто не желал уступить дорогу, он топтал, кто противился, того ломал. Какая-то страшная сила чувствовалась в этом мальчике, Кэрол ощущала ее, она и радовалась, что Патрик будет таким же сильным, как Джек, и боялась этого. Потому что такая сила в злом и жестоком сердце из человека делала чудовище, без зазрения совести пожирающего людей. И Джек живой тому пример.

Но перед полицией Патрик выглядел совсем иначе. Это был ребенок, напуганный, потрясенный, глубоко раненный, которому следователи боялись задавать вопросы, жалея и опасаясь травмировать его еще сильнее. Патрик рассказал о том, что случилось, только один раз, и больше его никто не трогал. Кэрол тоже задали всего несколько вопросов прямо в больнице, и больше не беспокоили, видимо, не найдя ее особу интересной для следствия. Об убийстве передавали в «новостях», и Кэрол увидела транслируемые видеоматериалы с места преступления. Была показана комната, несколько пятен крови, фотография пострадавшей. Большого, видимо, продемонстрировать на всеобщее обозрение прессе не позволили. Высказывалось предположение, что в дом просто забрались воры или вор. Или какой-нибудь психопат. Сексуального насилия над женщиной совершено не было. Ей было нанесено несколько жестоких распарывающих ударов ножом в живот, а потом, скорее всего уже мертвой, ей перерезали горло. Станным обстоятельством, которому следствие так и не нашло объяснения, было то, что в рот убитой по самую плотку был засунут пульт от телевизора.

Кэрол оставалась в больнице с Джейми, а мальчиков взяла к себе учительница Патрика, с которой Кэрол, да и сам Рик, были почти в дружеских отношениях. Патрик сам к ней напросился, объяснив ситуацию, и женщина не смогла отказать. Кэрол была напугана до смерти, не сомневаясь, чьих рук дело страшное убийство. Сам Господь, которому она день и ночь молилась, видимо, уберег ее мальчиков. Стоило ей подумать, что в тот страшный момент они могли оказаться в доме, и ноги ее подкашивались, и становилось дурно так, что она боялась потерять сознание.

— Поправляйся, миленький! — молила она Джейми, осыпая поцелуями маленькое тельце. — Пожалуйста, выздоравливай... пока нас всех не перерезали... Нельзя здесь оставаться, нужно бежать...

Но малыш лишь беспомощно хныкал, слабо, вяло, словно сил в нем совсем не осталось.

Уронив голову на руки, Кэрол разрыдалась. Судорожно, надрывно, чувствуя, как ее покидают остатки самообладания и мужества. За спиной ее скрипнула дверь. Поспешно утерев слезы, Кэрол поднялась, не желая, чтобы доктор увидел ее отчаяние. И застыла, пригвожденная к месту, перед возвышающейся над ней высокой мощной фигурой, под взглядом холодных синих глаз. Рефлекторно, не отдавая себе в том отчета, она напряглась, заслоня лежащего на кровати ребенка.

— Не бойся. Я пришел извиниться.

Его слова пролетели мимо ушей Кэрол. Она открыла рот, чтобы закричать, но он молниеносно схватил ее и, развернув и прижав спиной к себе, накрыл ее губы крепкой ладонью.

— Кэрол, не надо кричать. Я сейчас отпущу тебя, только не надо кричать. Хорошо? — проговорил он ей прямо на ухо, наклонившись. Тяжело дыша, Кэрол кивнула в знак согласия. Он медленно отпустил ее и повернул лицом к себе. То, с каким ужасом она на него смотрела, казалось, смутило его. Опустив руки, он отступил назад и потупил голову.

— Не бойся, Кэрол, — повторил он тихим больным голосом. — Я не причиню зла ни тебе, ни твоим детям. Я хочу всего лишь... извиниться перед тобой, — он вдруг залился густой краской под ее взглядом, словно сейчас, при свете дня, снова превратился в застенчивого юношу. Но этот юноша совсем не походил на того, с кем ей пришлось иметь

дело ночью. Что это? Хитрость, блеф, притворство? Или перед ней оборотень, который днем один, а ночью становится другим?

Ее молчание и немигающий взгляд еще больше смутили его. Он избегал ее взгляда, багровея все больше.

— Я... я никогда этого не делал... я имею в виду... у меня нет привычки насиловать женщин. Не знаю, что на меня нашло. И то, что я потом сказал... за это тоже извини. Я сгоряча, — его голос стал звучать увереннее, словно он справился со смущением. — Можешь не волноваться, свое слово я сдержу. Пацана твоего не трону, — он мгновенно помолчал, потом решительно добавил. — И Джека твоего — тоже. Живи с миром.

Он отвернулся и, подойдя к двери, распахнул ее, собираясь уйти.

— Поклянись! — резко прозвучал голос Кэрол. — Поклянись мне памятью Даяны! Поклянись жизнью своего друга! Клянись всем, что тебе дорого!

Остановившись, он обернулся.

— Тебе придется просто поверить. Я никогда не даю клятв.

— Поверить? После того, как вы убили Аманду?

Он растерянно моргнул.

— Какую Аманду?

— Нашу няню!

Он нахмурился, внимательно изучая ее взглядом.

— Мы не трогали вашу няню. Зачем мне ваша няня? — пожав широкими плечами, он снова отвернулся и шагнул за порог. — Там, в пакете, лекарство. Разотри ему грудь и спину и дай пару капель на язык. Через два дня он будет здоров. Всего хорошего.

Взгляд Кэрол внезапно наткнулся на стол. Лицо ее вытянулось от изумления, когда она увидела букет цветов и бумажный пакет, из которого выкатились фрукты. Поверх пакета сидел пушистый черный медвежонок с белым бантиком на шее.

— Подожди! Тимми!

Он резко замер на месте, словно только и ждал, когда она его остановит. Но в этот момент слабо запищал Джейми, и Кэрол, забыв обо всем на свете, повернулась к малышу и наклонилась, встревожено вглядываясь в горящее нездоровыми красками личико.

— Мама... — жалобно протянул Джейми и поднял дрожащие от слабости ручки, потянувшись к ней. Страдание отразилось на лице Кэрол, когда она оторвала мальчика от кровати и осторожно прижала к груди. Прижавшись лицом к горячей щеке, она успокаивающе покачала его. Малыш снова затих, лишь дыхание его оставалось все таким же тяжелым.

Кэрол медленно повернулась и посмотрела на тихо стоявшего в дверях мужчину. Тот пристально разглядывал малыша.

— Что за лекарство? — хрипло спросила она.

— В аптеках такое не купишь. Народное средство, так сказать. Я сам его сделал. Не бойся, на себе и своем приятеле не раз проверял. Меня один бродяга научил... такой же, как я... Ведь для бездомных подхватить пневмонию — нечего делать.

— Из чего ты его сделал? — недоверчиво поинтересовалась Кэрол.

— Из чего не важно. Главное, что оно поможет. Впрочем, мое дело предложить, а ты смотри сама.

Кэрол медленно приблизилась к нему, не отрывая взгляда от его лица. И столько боли, страха и отчаяния было в ее покрасневших от слез глазах, что он невольно шагнул назад.

— Что я сделала тебе? Ты пришел и превратил мою жизнь в кошмар. За что? — дрожащим голосом проговорила она. Он недоуменно смотрел на нее.

— Ты хоть знаешь, что я пережила за эти несколько дней? Я одна со своими детьми, они — все, что у меня есть, а ты охотишься за нами! Тебе нравится травить одинокую беззащитную женщину, издеваться? Думаешь, я поверю тебе после всего? Ты пришел, чтобы обмануть меня, узнать, где мой сын!

— Если бы я пришел за этим, ты бы мне уже сказала, где твой сын... чтобы я не свернул шею ему, — Тим кивнул на малыша, которого Кэрол в ужасе прижала к себе еще крепче, попятившись назад. — Но я и без тебя знаю, где Патрик. Он со своим братом живет сейчас у учительницы. И если бы я все еще хотел его убить, он уже был бы мертв. Я сказал, что пришел всего лишь извиниться. И сказать, что тебе нечего бояться.

Кэрол продолжала недоверчиво изучать его взглядом.

— Если так... почему ты передумал?

— Ни ты, ни твои дети не виноваты в том, что случилось с Даяной. А еще потому, что, когда я был Тимми, я очень тебя любил, — он отвел глаза и отвернулся.

Не сказав больше ни слова, он ушел, а Кэрол, дрожа всем телом, в бессилии опустилась на стул.

Ночью Джейми начал задыхаться. Врачи не могли ему уже сбить жар. Ее малыш сгорал.

Понимая, что терять ей уже нечего, Кэрол в отчаянии отыскала в пакете пузырек со странной жидкостью и растерла ею горячее тело ребенка, а потом капнула в маленький ротик, пытаясь уверить себя, что Тимми незачем вредить этому ни в чем неповинному малышу. Она безумно боялась, но все равно сделала это. Она должна была что-то сделать, чтобы спасти своего мальчика. Положив рядом с ним игрушечного медвежонка, Кэрол укрыла ребенка одеялом и начала горячо молиться.

Через пять дней их выписали из больницы. Джейми был здоров. Он пошел на поправку с такой скоростью, что врачи были поражены. Воспаление прошло через два дня после того, как она, украдкой от врачей, начала применять лекарство, оставленное Тимми. Забрав Патрика и Криса от учительницы, Кэрол вернулась домой, измученная, но счастливая.

С улыбкой наблюдала она, возясь у плиты, как ползающие по ковру малыши ссорятся из-за красивого медвежонка, пришедшего по сердцу обоим. Патрик, усевшись перед телевизором, вырезал специальным ножом очередную фигурку. Его работы перестали быть неузнаваемыми и бесформенными, лишь отдаленно напоминающие то, что он пытался изобразить. Теперь Кэрол с гордостью выставляла фигурки в гостиной на специально отведенных для этого полках. Он продолжал усердно посещать кружок и заниматься резьбой по дереву. Кухня Кэрол была увешана изумительными дощечками для резки, которые он для нее сделал, он смастерил подставку для ножей, которая казалась Кэрол настоящим произведением искусства. У близнецов была целая коробка всевозможных деревянных зверушек, солдатиков, машинок, которые Патрик вырезал для них. Но особенно Кэрол гордилась двумя стульчиками, над которыми Патрик корпел целый месяц. Теперь у него был целый набор инструментов для работы, специальные краски, лаки. Кэрол часто помогала ему раскрашивать его изделия, получая от этого настоящее удовольствие. У нее лично была целая коллекция резных шкатулочек, которые сделал для нее Патрик, в которых она хранила украшения и всевозможные мелочи. Рамки для фотографий они не покупали, у них были только те, которые сделал Патрик. Полгода назад мальчик выставил свою работу на

выставке, организованной школой искусств, и занял первое место. Теперь его работа хранилась в музее школы искусств. Патрик был ужасно доволен собой, а одержанная победа и признание его таланта подбавили в нем рвения. Он пытался скопировать свою коллекцию, оставленную у отца. А однажды среди его работ Кэрол обнаружила безобразного древнеиндейского идола, поразительно похожего на того, что когда-то привез ему из командировки Джек, только тот был из камня, а идол Патрика из дерева. Разглядывая фигурку, Кэрол заметила на спине идола вырезанную надпись. «Папе. С Днем рождения». И дата. День рождения Джека, на котором их не было. Кэрол поставила идола на место и больше его не брала. Это было слишком больно. А еще Кэрол стала замечать, что Патрик часто вырезал мужскую фигуру, пытаясь кого-то изобразить, но каждый раз выбрасывал и злился, потому что, видимо, у него не получалось сделать то, что он хотел. Но попытки он не оставлял. Как-то она нашла в его школьном рюкзаке деревянную фигурку, и лишь убедилась в своем предположении, кого именно хотел изобразить мальчик. Телосложение было выполнено почти безупречно, Патрик даже вырезал на фигурке одежду и раскрасил, покрыв сверху лаком — мужчина был в черном деловом костюме, в белой рубашке и тщательно вырезанном галстуке. Но вместо лица были приклеена фотография, вырезанная, скорее всего, из журнала. Это было лицо Джека. Наверное, у Патрика не получалось именно лицо. Кэрол с печальной улыбкой положила фигурку обратно в сумку. Вскоре на полочке появилась другая мужская фигурка, намного больше по размерам, чем фигурка Джека. Поняв, что делать фигурки людей маленькими слишком тяжело, он стал вырезать их гораздо крупнее. На полке красовалась великолепная мужская фигура сантиметров пятьдесят высотой, правда не раскрашенная и без лица. Патрик тщательно вырезал торс и сильные мускулы рук, в одной из которых его мужчина держал доску для серфинга. Кэрол без труда угадала, кто это. Патрику удалось удивительно точно изобразить фигуру Рэя. С лицами у него еще были проблемы, поэтому мальчик не стал рисковать, боясь испортить работу, и оставил пока Рэя в таком виде, решив, что возьмется за его лицо только тогда, когда будет обладать достаточным мастерством и уверенностью в том, что у него все получится. Но даже вот такой, не законченной, деревянная статуэтка выглядела великолепной. И Патрик, будучи очень придирчивым к своим трудам, впервые выставил человеческую скульптуру на полочку. Кэрол с радостью поглядывала на Рэя, красующегося своим роскошным телом в гостиной, уверенная, что придет время, когда Рэй обретет лицо, когда рядом с ним будет стоять она, Джек, и сам Патрик. А в том, с каким старанием Патрик работал над телом Рэя, тщательно вырезая каждый мускул, каждую линию, говорило о том, как восхищен мальчик его телосложением и втайне мечтает о таком же. Патрик с успехом занимался боксом, являясь любимчиком тренера и не допуская больше ошибок, как в секции восточных единоборств. Три месяца назад секцию посетили тренеры по профессиональному боксу. Из всей группы был отобран один Патрик. Эдди Морган, один из этих тренеров, пожелал встретиться с Кэрол и, поведав о том, что у мальчика есть потенциал и способности, просил разрешение на то, чтобы ее сын занимался профессиональным боксом. Кэрол несколько опешила, но, узнав, что Патрик сам того хочет, не стала возражать. И с тех пор каждый день, после занятий в школе, он отправлялся на несколько часов на тренировку. На занятия по резьбе из дерева он ходил утром по субботам, после весь день проводил в спортзале. В воскресенье он уходил на тренировки прямо с утра и не появлялся до вечера. Кэрол почти перестала видеть его дома, но не противилась, зная, что по выходным Морган занимается исключительно с Патриком и еще двумя своими учениками, немного постарше, из которых собирался

вырастить профессиональных спортсменов. Домой мальчик приходил усталым, но счастливым. В школе он учился легко, играючи, будучи твердым отличником, поэтому Кэрол пока ничего не имела против его увлечения спортом. Ее немного пугал этот вид спорта, особенно, когда Патрик смотрел по телевизору поединки на ринге, но мальчик со смехом уверял, что в боксе нет ничего страшного. И тщательно прятал свои синяки.

— Ты хочешь стать спортсменом? — спросила как-то у него Кэрол. — Посвятить свою жизнь боксу?

— Посмотрим, мам. Мне нравится бокс. А еще я пойду в Гарвард, как папа, — с уверенностью отвечал мальчик.

Идея с Гарвардом ей нравилась больше, чем бокс. Но она решила пока не вмешиваться. До Гарварда еще далеко. В данный момент она знала одно — ее мальчик очень талантлив. И в спорте, и в искусстве, и в науках. Сейчас он пробовал свои силы в разных направлениях, и у него было еще много времени, чтобы сделать выбор.

Размышления ее прервал телефонный звонок. Не желая отвлекать Рика от работы с фигуркой, Кэрол вытерла перепачканные мукой руки и сняла трубку.

— Алло! — весело и легко сказала она в трубку.

— Привет.

Улыбка застыла у нее на лице, и она подумала, что, наверное, ослышалась...

— Мам, кто там? — настороженно спросил Патрик и, обернувшись, она увидела, что он пристально смотрит на нее.

— Это... это Рэй, — голос ее охрип и задрожал, и она сказала уже в трубку. — Привет.

— Кэрол, у тебя что-то случилось? — взволнованно спросил Рэй. — Я перевел деньги, как ты просила, и вот уже две недели не могу до тебя дозвониться.

— Как ты узнал мой номер?

Он засмеялся на том конце провода. Сердце Кэрол заныло. Господи, казалось, она целую вечность не слышала его голос, и вообще не надеялась когда-нибудь услышать. Глаза внезапно защипали от слез.

— Узнал! — лукаво ответил он, и голос его наполнился безграничной нежностью. — Как ты, малыш? Что у тебя за проблемы?

— Уже все хорошо. Ты очень помог, спасибо.

— Точно все нормально? Ты не врешь, а?

— Нет, не вру, — она улыбнулась. — Спасибо, Рэй.

— Может, еще деньги нужны? Только скажи.

— Нет, больше не нужно, спасибо.

Он помолчал.

— Не пойму, почему ты не хочешь, чтобы я тебе помогал? У меня денег больше, чем я могу потратить, я понятия не имею, что мне с ними делать, а ты отказываешься. Давай я хотя бы буду отправлять твою долю от прибыли компании, ты забыла, что у тебя и у Патрика здесь акции? Так завещала Куртни, и ты не можешь противиться ее последней воле.

— Я не противлюсь. Пусть копится, потом пригодится.

— Как вы там живете с Риком? Нелегко, наверное, одной с ребенком.

«С тремя».

— Нормально. Я работаю, и мы ни в чем не нуждаемся.

— Врешь, засранка. Сколько ты там зарабатываешь — спросить даже боюсь. Совсем от меня отвернулась, даже не хочешь, чтобы я хоть чуть-чуть позаботился о вас. А ведь я обещал

Куртни, и из-за тебя нарушаю слово!

Кэрол напряженно промолчала, уловив в его словах горький упрек. Она расслышала, как он вздохнул.

— Боишься или не хочешь? — грустно спросил он.

— Боюсь. И не хочу.

Он удрученно помолчал. Кэрол смахнула со щеки слезу.

— Как ты? — с улыбкой поинтересовалась она.

— Ничего.

— Как бизнес?

— Хм, никто больше не воспринимает меня, как прохвоста с куриными мозгами! — он снова рассмеялся. — Я теперь крутой бизнесмен, можешь себе представить?

— Честно говоря... с трудом, — Кэрол тоже засмеялась, нежно, с бесконечной любовью, немного расслабившись.

— В теннис играешь? — непринужденно продолжал он.

— Нет.

— Ну вот, я так и знал, что без меня забросишь! Что за дела?

— Настроения нет... да и не с кем, — добавила она, не сумев скрыть своей печали.

Он на мгновение замолчал, но тут же с наигранной веселостью продолжил:

— Как это не с кем? А Патрик? Учи ребенка, ты погляди на нее, расслабилась там без меня! Ну, рассказывай, как живешь. Да расслабься ты, никто наш разговор не подслушает, я с улицы звоню. Муженек твой не пронюхает. Чего новенького у тебя? Интересненького?

«Новенького? Я родила близнецов. Твоих близнецов».

— Ничего особенного. Живу тихо, спокойно. Работаю.

— Никто не обижает?

— Нет. Что ты, у меня Патрик такой — в обиду не даст!

— Молодец. Касевес говорил мне, что он уже полтора года боксом занимается. Подрос, наверное, — в голосе его послышалась тоска.

— Да, очень. В классе самый высокий и крепкий. Видел бы ты, какие мускулы он себе нарастил... — она осеклась и замолчала, сообразив, что слова «видел бы ты» были лишними.

— Кэрол, я так соскучился... сил нет...

— Рэй...

— Полтора года прошло. Все тихо, все улеглось. Ничего страшного не случится, если мы увидимся. Не бойся, я не буду снова лезть в твою жизнь, я приеду, взгляну на вас и уеду. Мне так одиноко, Кэрол. Ведь кроме вас у меня никого больше нет. Просто позволь мне иногда вас видеть... и все. Большого я не прошу.

— Это невозможно, Рэй. Ты же знаешь. Джек до сих пор меня ищет. Погубить меня хочешь? — Кэрол занервничала, и не пыталась этого скрыть.

— Он не узнает. Столько времени прошло, почему ты думаешь, что он ищет?

— Потому что пару недель назад я видела Зака, слышала его разговор с Джеком! Я чуть не попала. Он ищет меня, Рэй. Мы не можем встретиться.

— Ну, ладно, не паникуй, я только предложил... Но ведь не будет он искать тебя вечно! Когда-нибудь да свидимся...

— Рэй, пожалуйста, не мучай меня! Зачем ты позвонил? Мы не можем с тобой общаться, пойми!

— Я волновался... хотел узнать, что у тебя случилось и зачем понадобилась так срочно

такая сумма.

— У меня ничего не случилось. Мне нужны были деньги, чтобы помочь одной девочке с операцией. Она умирала, и я очень благодарна тебе за то, что дал возможность спасти ей жизнь. Я не хотела напоминать о себе, но я не могла позволить ей умереть, понимаешь?

— Да, конечно. Ты все такая же — все рвешься кого-то спасать, — тепло, с улыбкой в голосе сказал он, но она почувствовала в нем муку. — Ты не хочешь, чтобы я даже звонил. Мне нельзя позвонить даже Патрику?

— Рэй, — голос Кэрол наполнился холодом, — ты что, издеваешься надо мной? Ты не можешь нам звонить, запомни, потому что нас больше нет, мы умерли, понимаешь? Джек может наблюдать за тобой. Если ты хочешь, чтобы я умерла по-настоящему, пожалуйста, приезжай. Надеюсь, мы успеем хотя бы выпить с тобой чая перед встречей с Джеком.

— Извини, Кэрол, — подавленно прохрипел он. — Просто я подумал, что Рэндэл уже успокоился. Не волнуйся, я не буду лезть в твою жизнь. Я прекрасно понимаю, что ты сбежала и от меня тоже.

— Прости меня, Рэй.

— Я простил. Главное, чтобы у тебя и Патрика все было хорошо.

— У нас все хорошо. Мы помним тебя. Мы любим тебя.

— Я тоже вас люблю. Не забывайте об этом никогда, — он помолчал. — Скажи, ты счастлива?

— Мне спокойно, Рэй. И мне нравится то, как я теперь живу.

— Новая жизнь, новые друзья, наверное?

— Нет, друзей нет. Ты же знаешь, я всегда сторонилась людей. А теперь — особенно, чтобы не привлекать к себе внимания.

— А... друг?

Кэрол поколебалась. Его звонок, его желание навестить в гости до того напугали и встревожили ее, что она снова готова была схватить чемоданы, детей и удариться в бегство. Отпадет ли у него желание приехать, если она скажет, что у нее есть мужчина? Поверит ли он в это?

— Да... есть, — заставила себя сказать Кэрол.

— Извини, глупый задал вопрос, — он странно засмеялся, Кэрол никогда не слышала раньше у него подобного смеха — нервного, злого. — Конечно, такая женщина, как ты, не может остаться без мужского внимания. Надеюсь, ты не нашла себе второго Рэндэла?

Кэрол не ответила. Что ж, он поверил. Легко.

— Извини, малыш, — он взял себя в руки, но все равно она ощущала его ревность, которая, казалось, волнами прорывалась через трубку, пытаясь до нее достать. — Если будет обижать, только скажи. Я убью его. Выбью все зубы, переломаю кости, а потом оторву ему яйца и засуну...

Кэрол смущенно кашлянула, прерывая его кровожадные мечты, порожденные ревностью.

— Ну, в общем, ты поняла, что я хотел сказать. Только узнаю, что он обидел тебя или Рика... убью. Так ему, придурку, и передай.

— Спасибо, Рэй.

Он снова помолчал. И молчание это было наполнено такой печалью, что Кэрол зажмурилась и стиснула зубы, чтобы не сказать, что она врет, что у нее никого нет... Что по ночам она вспоминает о нем, мечтает о его объятиях... о том удовольствии, которое он ей

когда-то дарил... Знал бы он, как она одинока, и как холодна ее постель. Как хотела она увидеть его здесь, рядом, прижаться к его груди, показать лисят.

— Желаю тебе счастья, — тихо проговорил он, но не было искренности в его голосе. — Поцелуй от меня Рика.

— И тебе счастья, Рэй.

— Спасибо, — уже совсем тихо отозвался он и прервал связь.

— Прости меня, — шепнула Кэрол в трубку, в которой раздались короткие гудки, и сомкнула мокрые веки, уныло прижавшись лбом к шкафчику. Какое-то шестое чувство говорило ей, что он больше не позвонит, и, тем более, не придет. Она может быть спокойна. Что ж, значит, она не напрасно снова причинила ему боль...

Она вздрогнула, когда Патрик нежно сжал ее руку.

— Мам, не плачь. Рэй не понимает, потому что не знает, что ему лучше без нас. Пусть обижается. Зато наше проклятие от него далеко.

Присев, Кэрол спрятала лицо у него на плече, а он погладил ее по волосам. Интересно, жалел бы он ее и продолжал бы так любить Рэя, если бы знал, что они были любовниками? Нет. Патрик никогда бы им этого не простил, она знала. Что будет, когда он заметит, как его братишки похожи на Рэя? Если об этом подскажет ему его необыкновенный дар? Она может навсегда потерять своего старшего сына, его любовь к братьям может быть отравлена. Что скажет она сыну в свое оправдание? Чем объяснит то, что спала с Рэем, мужем Куртни, спала, будучи замужем за Джеком? Патрик ей не простит, станет ее презирать и ненавидеть. Ведь она сама себя презирала и ненавидела за это. Оставалось надеяться, что она умрет прежде, чем настанет этот страшный момент, когда ей придется посмотреть в глаза сыну и увидеть в них неприязнь.

Звонок в дверь заставил их оторваться друг от друга.

— Я открою, — Кэрол улыбнулась и, сняв фартук, замазанный мукой, пошла к двери. Патрик тем временем вытащил уползшего под стол Джейми и посадил в манеж. Следом за братишкой отправился и Крис. Удивленный странной тишиной, Патрик обернулся к двери и увидел высокого мужчину, перед которым растерянно застыла мать. Схватив манеж с малышами, Патрик быстро потащил его в другую комнату, чтобы спрятать от неожиданного гостя.

— Как твой малыш? — без улыбки спросил Тим, разглядывая Кэрол серьезным взглядом. — Выздоровел?

— Да. Твое лекарство — настоящее чудо. Спасибо, — она признательно ему улыбнулась.

Он лишь кивнул.

— Я пришел забрать свою винтовку. Попроси своего сына мне ее вернуть.

— Что? А, винтовку... Сейчас спрошу. Я совсем о ней забыла. Проходи, не стой у порога, — Кэрол отступила от двери, приглашая его войти. Он как-то неуверенно и робко шагнул в залитую ярким светом комнату.

— Я пользовался этой винтовкой еще на войне... У нас... стрелков, примета плохая терять свою винтовку. Нельзя.

— Верите в суеверия? — улыбнулась Кэрол, но наткнулась на серьезный тяжелый взгляд.

— Те, кто постоянно имеют дело со смертью, чья профессия связана с риском, все суеверны. Среди таких я редко встречал тех, кто смеялся над приметами. Мы не любим

искушать смерть, когда она стоит за спиной.

— Но ведь ты сейчас не на войне, — осторожно напомнила Кэрол, с любопытством его разглядывая.

— Да, но я продолжаю стрелять из своей винтовки. А когда стреляю я, могут стрелять и в меня. Короче, мне нужна моя винтовка, — резко оборвал он.

— Хорошо, — Кэрол пожала плечами и повернулась к детской. — Рик!

— Винтовку тебе, урод? — Патрик вдруг резко вынырнул из-за стены с прижатой к плечу винтовкой. — Держи!

Раздался тихий хлопок. Кэрол даже не сразу поняла, что он выстрелил. В Патрика вдруг полетела декоративная подушечка, которая лежала на диване, брошенная с такой силой, что мальчик пошатнулся, едва не выронив винтовку. Мимо Кэрол молниеносной тенью мелькнула фигура Тима, который одним сильным движением вырвал из рук мальчика оружие. Тот, пораженный его силой и быстротой, застыл на месте, подняв на огромного мужчину испуганные глаза.

— Тим! — резко вскрикнула Кэрол, подскакивая к ним, и схватила его за руку.

Тот наклонил к мальчику перекошенное злостью лицо.

— Сначала научись, а потом стреляй по людям! — прорычал он оторопевшему от ужаса мальчику. — На войне ты был бы уже мертв!

Взгляд Патрика оторвался от его лица и опустился ниже. Глаза его расширились и странно сверкнули, он отскочил назад, и улыбнулся, смотря на расплывающееся под рубашкой Тима пятно крови. Тот с удивлением коснулся ладонью раны. У Кэрол отвисла челюсть, а глаза расширились на пол лица.

— О, Боже!

Не выпуская из рук винтовку, Тим сделал несколько нетвердых шагов назад, к дивану, и медленно опустился на него, зажав кровоточащую рану на груди ладонью. Под дверью вдруг раздался вой и поскуливание, чьи-то когти яростно зацарапали дверь.

— Рик! — взвизгнула Кэрол в ярости и страхе одновременно, не замечая этих звуков. — Что ты наделал?! Я же тебе объяснила...

— Он убийца! А ты пускаешь его в дом! Как ты можешь?! Мы должны убить его, мама. Давай, пока есть возможность, — он вдруг схватил со стола большой разделочный нож и метнулся к дивану. Кэрол успела схватить его и вырвала из руки нож. Мальчик в бешенстве закричал и вырвался. Никто из них не заметил, как Тим опустил винтовку на колени, которую направил за секунду до этого на Патрика, вознамерившегося броситься на него с ножом. Быстрая реакция Кэрол спасла мальчику жизнь.

— Он убьет нас, убьет папу! — завопил Патрик.

— Успокойся! Иди в детскую, к братьям, живо!

— Не пойду!

Кэрол подскочила к Тиму и упала перед ним на колени, заглядывая в лицо. Взгляд ее метнулся на залитую кровью рубашку.

— Сейчас... я вызову помощь... — она рванулась вверх, но он вдруг схватил ее за руку.

— Не надо.

— «Неотложку»!

— Нет. Огнестрельное ранение — это полиция. Не люблю полицию. Я никогда с ними не ладил.

— Но тебе нужна помощь!

— Позвони моему другу. Он придет и сделает все, что нужно. Бери телефон, я скажу номер.

В его голосе было столько уверенности и властности, что Кэрол подчинилась, не смея возразить. Тим протянул руку к телефону.

— Дай, я сам.

Кэрол отдала ему трубку и растерянно замерла на месте, наблюдая за ним. И только теперь услышала рвущуюся в дом собаку. Тим что-то сказал в трубку на непонятном ей языке, и швырнул на диван рядом. Подняв глаза, он посмотрел на перепуганную Кэрол.

— Открой дверь. Впусти Спайка.

Кэрол подчинилась. Собака пулей ворвалась в дом, проскочив мимо нее, и засуетилась возле хозяина, жалобно поскуливая, ловя носом запах крови. Став передними лапами на диван, пес потянулся к ране, но Тим отстранил его.

— Не суетись, Спайк! Лежать!

Пес опустил на пол, не отрывая от хозяина встревоженного взгляда.

— Постели что-нибудь, а то вымажу диван кровью, — велел Тим спокойно, взглянув на Кэрол. — И принеси полотенце.

Кэрол поспешно бросила на диван покрывало. Тим, бледнея от боли, пытался снять куртку. Кэрол осторожно ему помогла и, придерживала за плечи, когда он опустил на диван. Он тихо заматерился, скривившись от боли.

— Прости... пожалуйста... — она дрожащими пальцами растегнула ему рубашку и стала вытирать полотенцем кровь с широкой груди. — Патрик боится тебя... Он уверен, что ты опасен для нас...

Тим промолчал, но Кэрол видела ярость в его глазах, которая пугала ее. Прижав другое, чистое, полотенце к ране, она встревожено посмотрела в сторону детской. Сейчас придет его друг, а Кэрол хорошо помнила этого человека, и ужас ее удвоился. Что, если они возьмут и перережут их всех в отместку? Кэрол покосилась на телефон, подумав, что нужно вызвать полицию, пока не поздно. И вздрогнула, когда железные пальцы больно стиснули ее руку.

— Даже не думай, — процедил он сквозь зубы. — Мы ничего не сделаем плохого, но если ты вызовешь легавых...

В голосе его была угроза. Серьезная угроза. Кэрол опустила голову и крепче прижала полотенце к ране, из которой хлестала кровь.

— Кровотечение сильное, — она подняла на Тима вопросительный взгляд, ожидая, что он скажет, что ей нужно делать, чтобы помочь ему. Он стиснул зубы и заиграл желваками, не смотря на нее.

— Прижми сильнее... — велел он.

Схватив другое полотенце, Кэрол смяла его и силой прижала к ране, но рука ее дрогнула и расслабилась, когда сквозь стиснутые зубы у него вырвался мучительный стон.

— Прижимай! — прорычал он. — Давай, не бойся!

Кэрол надавила, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Он судорожно сжал пальцами обшивку дивана, но потом постепенно расслабился, совладав с болью. Закрыв глаза, он не двигался, тяжело дыша приоткрытым ртом. Продолжая зажимать рану, Кэрол разглядывала его налившееся бледностью лицо, бороздившие щеку шрамы, и опустила глаза, когда он приоткрыл веки, почувствовав ее взгляд. Но на его теле под распахнутой рубашкой шрамов было еще больше, и они были более глубокими и страшными. Они, словно жгуты, впивались в упругие мышцы его груди, и Кэрол невольно представила руки старухи, в

перчатках и с иглой, сшивающие, стягивающие растерзанную плоть. В рельефной выпуклой грудной мышце, над сердцем, она заметила под обезображенной кожей неестественную впадину. Словно из его тела вырвали кусок, который так и не восполнился, а поврежденная мышца просто затянулась кожей, оставшись неполноценной на всю жизнь.

Кэрол отвела глаза и отвернулась, скользя взглядом по комнате. Дыхание его стало тяжелее, и, украдкой метнув взгляд на него, она увидела, что он отвернулся. На щеках его горели красные пятна, а на выразительном рте застыла горечь. И она поняла, что он мучительно стыдился своего тела.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел порыв холодного ветра, заставив собаку резко подскочить. Пес радостно гавкнул и замахал хвостом. Тим поднял голову, Кэрол обернулась, увидев высокого мощного мужчину, немногим меньше Тимми. «Подобрались же, друзья, два громилы!» — промелькнуло у нее. Той ночью, когда ей пришлось познакомиться с другом Тимми, по голосу она приняла его за мужчину постарше, и сейчас была немного удивлена, что так ошиблась — он выглядел не на много старше Тима. И совсем не так, как она себе его представляла. Это был довольно симпатичный еврей, темноволосый, кудрявый, горбоносый и тонколицый. Под суровыми бровями горели острые черные глаза. Но больше всего Кэрол поразило то, что у него был веселый подвижный рот, с тонкими морщинками по краям, как у человека, любящего смеяться, и это уже совсем ни в какую не шло с образом того злого агрессивного мужчины, который так порывался убить ее, что Тиму пришлось ударить его, чтобы остановить. Может, это не тот человек, который был с ним тогда?

— Навылет? — резко спросил он, захлопнув за собой дверь и впившись взглядом в пропитавшееся кровью полотенце, которое Кэрол прижимала к ране.

— Нет, — отозвался Тим. — Под лопаткой застряла... чувствую, гадину...

Сорвав с плеча сумку цвета хаки, еврей двумя широкими шагами преодолел разделявшее их расстояние и, положив сумку на пол, опустился на колени. Схватив Кэрол за запястье, он довольно грубо отшвырнул ее руку с полотенцем и взглянул на рану. Кэрол не отрывала от него взгляда, уже не сомневаясь, что он тот самый, который был тогда ночью с Тимом здесь. Она узнала его голос. И грубые манеры.

Выпрямившись, он быстро снял куртку, бросив ее прямо на пол, и закатал рукава. Метнув на Кэрол острый горящий взгляд, он скривил свой приятный улыбчивый рот в совсем не веселом движении, преисполненном неприязни и злобы.

— Мне нужны чистые полотенца, как можно больше, вата, бинты. Что-нибудь обезболивающее есть?

— Нет, — взволнованно ответила Кэрол, поднимаясь на ноги с полной готовностью помогать ему.

— Придется потерпеть, приятель, — он бросил взгляд на Тима, расстегивая сумку. Тот со спокойной решительностью кивнул, даже не поменявшись в лице. К удивлению Кэрол, первое, что достал еврей, было полной бутылкой, и, когда он открыл ее, в нос ей ударил резкий запах спирта. Отдав бутылку Тиму, он снова склонился над сумкой. Кэрол поражено приоткрыла рот, когда Тим прижал горлышко к губам и, зажмурившись, вскинул голову, вливая в горло спирт, не глотая. Поглотив одним махом столько, что к горлу Кэрол подкатила тошнота, он вернул бутылку другу. Поставив ее на пол, тот снова повернулся к Кэрол.

— Чего застыла? Поставь воду и прокипяти вот это, — он сунул ей в руки что-то,

завернутое в чистую белоснежную тряпочку. Развернув ее, Кэрол увидела скальпель и большой хирургический пинцет. Кровь похолодела у нее в жилах, когда она поняла, что он собирается делать.

— Нужно остановить кровь, — сказал еврей Тиму. Тот закрыл глаза и со страданием на лице снова кивнул.

— Вы же не собираетесь... — начала Кэрол, оторвав взгляд от инструментов.

— Делай, что говорю! — рявкнул раздраженно тот, не поднимая головы.

— Его нужно отвезти в больницу, где сделают операцию и...

— Закрой рот, сука, тебя никто не спрашивает! Шевелись!

Дрожащими руками Кэрол набрала в кастрюлю воды и поставила на огонь. Потом бросилась в спальню и, набрав полотенце и простыней, а также захватив аптечку, вернулась в гостиную. Положив все это перед своим грубым гостем, она вернулась к печке, на которой кипела вода. В недоумении она посмотрела на лежащий на другой конфорке, прямо в огне, странный металлический предмет, по форме напоминающий большой болт. Боясь снова нарваться на грубость, она не стала задавать вопросов и бросила в кипящую воду инструменты.

— Мам, что вы собираетесь делать? — раздался рядом любопытный голос Патрика.

Обернувшись, Кэрол увидела его в проеме двери. Подскочив к нему, она схватила его за плечи и попыталась выставить из комнаты.

— Иди к братьям! — прошипела она, с опаской косясь на пристально смотрящего на мальчика еврея.

— Я не оставлю тебя одну... с ними! Это же тот, второй! — Патрик указал пальцем на него.

— Рик, пожалуйста! — взмолилась Кэрол.

Высокий мужчина, имени которого она до сих пор не знала, поднялся, заставив Кэрол сжаться от ужаса, но, не обращая на них больше внимания, он подошел к печке и посмотрел на лежащую на огне железку. Взяв полотенце, он обмотал им кисть и поднял с печки странный инструмент, раскаленный докрасна с одного края, на котором была шляпка, как у гвоздя. Тим тем временем медленно, кривясь от боли, сворачивал толстый жгут из полотенца. Его друг вернулся к дивану и снова опустился на колени, держа в руке свой страшный инструмент.

Кэрол и Патрик, замерев, наблюдали за ними. Спайк тем временем обследовал комнату, по-хозяйски все обнюхивая, не интересуясь больше действиями своих хозяев.

Тим поднес жгут к лицу и, взяв в рот, зажал зубами. Встретившись с другом взглядом, он мгновение не двигался, набираясь мужества, потом закрыл глаза и слегка кивнул. Лицо еврея исказилось гримасой боли, с которой он безжалостно прижал раскаленную железку к кровоточащей ране на груди Тима. Кэрол порывисто отвернулась, зажмурившись и спрятав лицо на макушке Патрика, который крупно вздрогнул, когда дом пронзил страшный хриплый вой, сопровождающийся тихим шипением. В ноздри ударил тошнотворный запах паленой живой плоти...

— Порядок! — прозвучал довольный голос еврея. — Запаяно! Полдела сделано. Отдохни минуту, и продолжим.

Вынув жгут изо рта Тима, он ободряюще похлопал его по щеке, и отнес свой инструмент в раковину, положив под холодную воду. Дрожащей рукой Тимми нащупал на полу бутылку со спиртом и снова прижал к губам. Сняв с печки кастрюлю с инструментами,

еврей бросил на Кэрол и Патрика злой взгляд.

— Убирайтесь. Женщинам и детям смотреть не рекомендуется, — он ухмыльнулся и позвякал инструментами в кастрюле для устрашения.

— Ты будешь вынимать пулю? — глаза мальчика расширились, не отрываясь от его лица. — Можно мне посмотреть?

Мужчина фыркнул, но возражать не стал. Ему, похоже, было все равно, лишь бы мальчик не мешал. Но на Кэрол его равнодушие не распространялось.

— А ты иди в другую комнату, — тоном, не терпящим возражения, велел он. — Проваливай, нечего глазеть!

Кэрол взяла за плечи Патрика, но он вырвался и забежал в комнату, остановившись возле дивана.

— Я не пойду!

— Рик!

Еврей вернулся к дивану и прикрепил к опаленной, переставшей кровоточить ране смастеренный им из ваты и бинта тампон, закрепив пластырем. Затем снял с друга рубашку и помог перевернуться на живот. Тим тихо застонал от боли, вынужденный лечь на грудь, под которую еврей подложил мягкую подушку, чтобы смягчить давление на рану.

— Выгнись... оттопырь лопатку, — командовал черноглазый, прощупывая упругие мышцы спины. — Где она, чувствуешь? Глубоко?

— Левее... чуть ниже... Уже не чувствую, онемело... Да, вот здесь была... кажется... — чуть слышно говорил Тим заплетающимся языком.

— Спирт вставил, да? — еврей засмеялся, сверкнув белоснежной широкой улыбкой, веселой и красивой, обнаружив, наконец, свой веселый нрав.

— Ага... — прохрипел Тим. — Храбрости прибавилось. Она ушла?

Еврей устремил на Кэрол мрачный недружелюбный взгляд.

— Ушла.

— Тогда давай... не тяни...

— Ну, брат, терпи, — еврей вставил ему в рот жгут, намочил руки в спирте, щедро полил на спину Тиму и взял скальпель. — Готов?

Тим утвердительно замычал в ответ.

— Что ж, еще один кулон для твоего ожерелья, — заметил еврей, сосредоточенно и осторожно ведя скальпелем по влажной коже. Уткнувшись лицом в подушки, Тим молчал. Пальцы его, сжимая подлокотник дивана, побелели, мускулы рук напряглись, словно сведенные судорогой, вены вздулись.

Кэрол, не выдержав, отвернулась и ушла в детскую. Близнецы весело копошились в манеже, далеки от происходящего. Сидя в кресле, Кэрол слышала, как рычит и стонет в соседней комнате Тимми, пока его друг беспощадно копался в его теле в поисках пули. Сумасшедшие. Ненормальные. Почему не поехать в больницу, где под наркозом, без мук и боли, хирурги извлекли бы пулю?

Когда наступила тишина, Кэрол поднялась и, дрожа всем телом, вернулась в гостиную. Еврей проворно накладывал повязку, Патрик ему помогал, но скорее из любопытства, нежели желая помочь на самом деле.

— Получилось? — спросила Кэрол, сжимая плечи руками в нервном ознобе.

Еврей сдержанно кивнул, даже не взглянув в ее сторону. Кэрол медленно подошла к ним и посмотрела Тиму в лицо. Обессиленный и одурманенный приличной дозой спирта, он

отключился в глубоком сне сразу, как только понял, что все закончилось. Еврей продолжал щедро обматывать его бинтами.

— Как он?

На этот раз ответом ее не удостоили.

— Он поправится? — настояла она, и оказалась под прицелом горячих черных глаз.

— А тебя это волнует? — резко бросил он.

— Волнует, — спокойно ответила Кэрол, вызывающе выдерживая его взгляд.

— Поправится, — сухо сказал он. — Вымой инструменты. Пулю не выбрасывай. Где у вас ванная?

— Рик, покажи, — устало велела Кэрол мальчику, который молча повел мужчину куда надо, а она стала собирать окровавленные полотенца и куски ваты, стараясь не обращать внимания на внимательно наблюдающего за ней пса. Подобрал также рубашку Тима, она бросила ее в стиральную машину. Оставленную на полу куртку еврея повесила на спинку стула. Взяв куртку Тима, с дыркой на груди и забрызганную кровью, она растеряно разглядывала ее.

— Выбрасывай. И рубашку тоже, — проговорил входящий в комнату еврей. — Он пока останется здесь, я не могу забрать его в гостиницу. Его пес тоже не уйдет, пока он здесь.

Он подошел вплотную к изумленно смотрящей на него женщине, и взгляд его был угрожающим.

— Есть возражения?

Кэрол опустила глаза, промолчав.

— Вот и хорошо, — он вдруг схватил ее за подбородок и наклонился к лицу. — И тебе лучше держать язык за зубами! И приглядывай за своим пацаном. Во-первых, никакой полиции. А во-вторых... если здесь появится Рэндэл, я сначала зарежу твоих детей у тебя на глазах, а потом и тебя. Пока с Нолом все в порядке, и с вами тоже все будет в порядке. Все ясно, сука?

— Я позабочусь о Тимми, — холодно ответила Кэрол, с неприязнью разглядывая черные глаза. — Он может оставаться здесь столько, сколько нужно. Со своей собакой, — она вырвалась из его сильных пальцев. — И я не сука!

Она хотела отвернуться, но он схватил ее за руку и прижал к себе, внимательно изучая взглядом ее лицо. Кэрол напряглась всем телом, слишком хорошо помня о том, как он хотел ее изнасиловать. Сейчас Тим уже за нее не заступится, его, наверное, и бомбой не разбудишь. Хотела бы она угадать мысли этого человека в этот момент, когда он так на нее смотрел. Подумав о том, что он видел, что делал с ней Тим в ту ночь, и как долго он за этим наблюдал, когда пришел в себя, прежде чем уйти, Кэрол смущенно покраснела. Губы его тронула ехидная улыбка, и она поняла, что он угадал ее мысли. Но сейчас он смотрел на нее скорее с любопытством, чем с похотью.

— Чем это так вкусно пахнет? Ты что-то готовила? — неожиданно спросил он. — Покорми меня. И Спайка.

Пальцы его медленно разжались, освобождая ее. Кэрол, ожидавшая от него худшего, лишь вздохнула с облегчением. Упав в кресло, он проводил ее взглядом, пристально разглядывая фигуру.

— Есть что-нибудь выпить? — бросил он ей вслед.

— Нет.

Он огорченно вздохнул, поднялся и, пройдя за ней, уселся за стол.

Он ел с таким аппетитом и удовольствием, не замечая косо наблюдающую за ним хозяйку, как будто его усадили за королевский стол. Еще не доев порцию, попросил добавки. Кэрол поставила перед ним жаркое и вазы с салатами и гарниром, предоставив самому брать все, что хотел и сколько хотел. И он съел все! Все, что осталось из того, что она приготовила на ужин — это не осиленный им кусок пирога. Пряча удивленный взгляд, Кэрол поставила перед ним вторую кружку горячего чая, которого он попросил. Никогда в жизни она не видела, чтобы человек столько ел, и при всем при этом не имел никакого лишнего веса. Или объедаться ему приходилось не часто?

Откинувшись на спинку стула, он с удовольствием на лице вытянул под столом длинные ноги. Поймав взгляд Кэрол, он вдруг улыбнулся ей. Та отвернулась, сделав вывод, что угощение ему понравилось, и это заставило его немного подобреть к ней.

Расположившись в кресле рядом с Тимом, он включил телевизор. Кэрол вздохнула, поняв, что уходить он пока не собирается, если вообще собирается, и отправилась в свою спальню, чтобы приготовить для Тима постель. Она собиралась уступить ему свою кровать, а сама лечь в детской на диванчике.

— Я приготовила ему комнату, — сказала она еврею, вернувшись в гостиную. — Лучше переместить его туда.

Тот молча поднялся, повесил на плечо стоящую у кресла винтовку, и наклонился над Тимом. Поняв, что он собирается отнести Тима, Кэрол сильно усомнилась в том, что у него получится хотя бы поднять больного с дивана. Но еврей, ухватив его покрепче, не без труда, рывком поднял его на руки и, покраснев от напряжения, потащил в спальню. Кэрол поспешила вперед, чтобы открыть перед ним двери, поразившись про себя его силе. В Тиме было килограммов сто, не меньше, если не больше, да и двухметровый рост позволял делать заключение, что он не из тех людей, которых можно носить на руках... Но этот тоже немаленький парень, демонстрируя свою привязанность к другу и не дюжую силу, сделал это, даже не заметив удивленный взгляд женщины. Осторожно уложив Тима на постель, он снял с него обувь, потом расстегнул ему брюки и бесцеремонно их стащил, не обращая никакого внимания на наблюдающую за ним Кэрол. Прежде чем он накрыл друга одеялом, она успела заметить на крепких и жилистых ногах Тима несколько шрамов, но не таких глубоких, как на груди. Поправив под ним подушку, еврей выпрямился.

— Все, расслабляйся, дружище. Понежься в женской постельке...

Он повернулся к Кэрол.

— Я побуду с ним до утра. Можешь идти, заниматься своими делами. Только помни о моем предупреждении, и не делай того, о чем я потом заставлю тебя пожалеть. А вот это, — он снял с плеча винтовку Тима, — теперь будет у меня. Все, иди. Если мне что-нибудь понадобится, я тебя позову.

Кэрол вышла, бросив взгляд на расположившуюся на ковре собаку, больше недовольная тем, что еврей остался в ее спальне. Почему-то она была уверена, что этот мерзкий тип будет разглядывать комнату, везде совать свой нос, копаться в ее вещах. Ну и пусть лазит, ей не все равно?

— Ух, ты, дружище, хватит дрыхнуть, взгляни, какое красивое нижнее белье! Отродясь такого не видал... Вот бы на ней посмотреть!

Кэрол поджала губы, побагровев. Распахнув дверь, она ворвалась в комнату, подскочила к еврею, вырвала у него из рук бюстгальтер и, бросив в раскрытый ящик, в ярости его задвинула. Еврей озарился веселой улыбкой и, подняв руку, помахал у нее перед носом

шелковыми трусиками. Кэрол попыталась выхватить их, но он отдернул руку и засмеялся. Метнув взгляд на Тима, она убедилась в том, что он продолжает спать глубоким беспробудным сном.

— Примерь, ясноглазая!

Взяв себя в руки, Кэрол протянула раскрытую ладонь, требуя вернуть ее вещь. Но он лишь насмешливо продолжал смотреть на нее.

— Ладно, — она отвернулась от него и, отодвинув ящик, сгребла в охапку свои вещи. Развернувшись, она швырнула все ему в лицо. — Наслаждайся!

Презрительно фыркнув, она вышла, хлопнув дверью. Вслед ей раздался взрыв веселого хохота.

Кэрол не могла уснуть всю ночь, находясь в крайнем напряжении из-за присутствия этого непредсказуемого и явно взбалмошного человека. И, несомненно, опасного. Она боялась его, чувствуя, что почему-то он испытывает к ней глубокую неприязнь. За что он мог ее ненавидеть, если они виделись всего-то второй раз? А еще он хотел ее, она видела это, ощущала. И это ее пугало. Она даже не решилась выйти в туалет ночью из комнаты, боясь с ним столкнуться. Дети спали спокойно. Ей казалось, что она слышала, как постанывал в ее спальне Тим. Еврей не спал, Кэрол слышала, как он несколько раз выходил, звякал посудой на кухне, набирал воду. Каждый раз Кэрол порывалась выйти и спросить, не нужна ли ему помощь, узнать, как Тим, но рисковать не стала. Этот человек наверняка знал, что нужно делать с раненым и как ему помочь, вел себя уверенно и очень спокойно. И он был для Тима настоящим другом, Кэрол это поняла. Это было нечто большее, чем просто дружба двух мужчин. Это были две изуродованные и обездоленные жизни, два одиночества, слившиеся в одно целое. Они давно были вместе. Кэрол помнила, что Тим подружился с ним, когда стал бродягой. Возможно, этот человек и помог ему выжить, научил жить жизнью обездоленных. Они выживали вместе в этом жестоком мире, будучи беспризорниками и бродягами, и, наверное, ворами и преступниками, потом — на войне. Заботились друг о друге, помогали, возможно, спасали друг другу жизни. Никто, кроме них двоих, не знает, через что им пришлось пройти. Вместе. Наверное, дружба их прошла через все испытания. Они привыкли преодолевать трудности сами, без чьей-либо посторонней помощи, рассчитывая только друг на друга, и сегодня в этом можно было убедиться. И Кэрол не сомневалась, что если с Тимом что-нибудь случится, этот человек жестоко отомстит. Если это ранение отберет его жизнь, она и ее дети умрут. Они были заложниками, и их жизни зависели от жизни Тима.

Начало светать, когда еврей заглянул в детскую.

— Вставай, — прошептал он, чтобы не разбудить детей. — Выходи.

Сердце Кэрол взволнованно забилося. Она не слышала стонов Тима вот уже двадцать минут. Стало ли ему лучше или...

На улице пошел снег. Было так тихо, так спокойно вокруг. Казалось, весь мир погружен в благодать и умиротворение, и только в ее доме все было иначе. В комнате было прохладно, и Кэрол плотнее укрыла детей одеялами. Патрик крепко спал, ни о чем не тревожась. А ведь только по его вине их жизни теперь висели на волоске. Он ввязался в неравную войну с этими бандитами, не понимая или не придавая значения тому, что играет со смертью. Да, он никогда и ничего не боялся, и это ее пугало. Ее ребенок действительно был странным. Зачем он стрелял в Тима, когда все наладилось, после того, как она рассказала ему, что Тим спас Джейми, доказав тем самым, что не собирается причинить им вреда. Он знал, где находился Патрик, но ничего не сделал плохого, заставив Кэрол поверить в то, что он действительно не желает им зла. Он пришел всего лишь затем, чтобы забрать свое оружие, и получил пулю в ее доме. Вспоминая, как Патрик бросился на него с ножом, маленький мальчик на огромного сильного мужчину, который мог убить его одним ударом кулака, Кэрол впервые подумала о том, нет ли у ее сына психических отклонений? Эта безрассудность, полное отсутствие

какого-либо страха и неуправляемая агрессия, плюс навязчивая жажда убийства совсем не подходили для нормальной здоровой психики ребенка. Что происходит с ее мальчиком? Она утешалась мыслью, что его поведение — это на самом деле скрытый страх, даже ужас, что Патрик просто защищается и хочет защитить их. Она знала, что когда он защищается, для него исчезают рамки дозволенного и человеческого, он превращается в дикого звереныша, готового растерзать того, кто на него оскалился. Как Джек. Но Джек никогда не был безрассудным, не имел такой склонности к физическому насилию и крови, хоть и мог терять голову в приступе ярости. Джек мог быть безжалостным, мог ломать и отбирать человеческие жизни, но делал это хладнокровно и расчетливо, не из кровожадности, а потому что ему лично это было нужно, из мести или ненависти, или для достижения своих целей. И, не смотря на всю его жестокость, Кэрол не могла его себе представить бросающимся на кого-то с ножом. Вряд ли он убивал когда-нибудь своими руками, если не брать во внимание Куртни. Но смерть Курти — это совсем другое, не смотря на то, что Кэрол никогда не сможет ему этого простить, она знала, что оборвал он ее жизнь именно потому, что любил, чувствовал за собой вину, и счел своим долгом избавить от мучений свою случайную искалеченную жертву, молящую его об этом. И вряд ли в возрасте Патрика Джек уже подумывал об убийствах. Может, Патрик просто считает, что смерть Тима и его друга — единственный способ спасти собственные жизни, потому так себя и ведет?

Кэрол оделась потеплее, в джинсы и джемпер, заколола на затылке темные волосы, и, поцеловав по очереди мальчиков, решительно сунула за пояс пистолет Патрика, который он отдал ей перед тем, как лечь спать, и прикрыла джемпером. Если Тим умер или собирался умирать, она сделает все, чтобы помешать его приятелю вершить расправу над ними.

Не выдавая своего волнения и страха, Кэрол пришла в спальню и склонилась над Тимом. Еврей неотрывно следил за ней взглядом. С облегчением она расслышала дыхание Тима.

— Как он? — шепотом спросила она, поднимая глаза на еврея.

— Выкарабкается. Кризис миновал. Вот антибиотики, — он указал на лекарства на столике, — давай ему каждые четыре часа. Вот этим обрабатывай рану, этой мазью на груди, а этим раствором — на лопатке. Я поменял повязку, так что до вечера туда не лезь. Может быть сильный жар, лихорадка, не пугайся. Делай, что я сказал, больше ничего. Никаких врачей. Не вздумай отправить его в больницу, предупреждаю. Пока не беспокой его, пусть спит. Я приду вечером. Идем, закроешь за мной дверь.

Кэрол подчинилась, почувствовав невероятное облегчение. В гостиной он надел свою куртку и, захватив винтовку, повернулся к Кэрол.

— Дай ключи от своей машины.

Кэрол не стала спорить, готовая отдать ему все, чтобы не попросил, лишь бы он поскорее убрался. Сжав ключи в большой ладони, он задержал на женщине свой взгляд. Та напряглась.

— Что-нибудь еще?

— Да, — он помолчал, нарочно выдерживая напряженную паузу, и вдруг сверкнул в темноте белыми зубами. — Приготовь на ужин что-нибудь вкусненькое, ясноглазая.

— Меня зовут Сандра.

— Приятно познакомится, Кэрол. Я Исая. Можно просто Исса, — он поднял воротник, чтобы защитить шею от снега, и вышел на улицу. — До вечера!

Кэрол заперла дверь и испустила громкий вздох невероятного облегчения. Сделав себе

кофе и захватив пирожное для Спайка, она проверила детей и вернулась к Тиму. Пес недоверчиво обнюхал угощение, покосился на женщину, и, приветливо вильнув хвостом, съел пирожное. Устроившись в кресле, она подтянула ноги и, неторопливо попивая горячий кофе, стала разглядывать в редеющих предзвездных сумерках молодого мужчину, неподвижно лежащего на ее постели. И ей вдруг захотелось забраться к нему под одеяло и прижаться к его сильному телу, которое почему-то до сих пор стояло у нее перед глазами после того, как Исса раздел его у нее на глазах. И почему-то именно сейчас, смотря на него, Кэрол почувствовала, как остро ей не хватает рядом с собой мужчины. Это открытие удивило ее. Она была уверена, что никогда ей больше не захочется никаких отношений с мужчинами, что остаток своей жизни она проведет в одиночестве, только со своими детьми. Она все еще болела Джеком, непонятные чувства испытывала к Рэю и, оказывается, что ей этого мало! Ей нужен был кто-то еще, теперь, в ее новой жизни, где не было ни Джека, ни Рэя. Зачем ей это? Зачем нужен мужчина? Что это, просто инстинкт женщины, или она устала от одиночества и тоски? Да, она устала. Ей нужен был кто-то близкий, хотя бы просто друг. Здесь, в этой новой жизни, кроме детей, у нее никого не было. Не с кем было даже поговорить по душам. И за последние несколько дней она поняла, как незащищена она и ее дети в своем одиночестве. Ей нужен был кто-то, кто мог бы их защитить, кто не дал бы в обиду. Она всего лишь слабая женщина, а ее жизнь — это балансирование на лезвии бритвы. Но она не может позволить себе близких отношений с мужчиной, у нее не может быть любовника. Из-за Патрика. Или она должна обманывать собственного сына. Она не сомневалась в том, что никогда он не пустит в их семью мужчину и не простит, если она заведет себе любовника. Дети бывают безжалостны. А Патрик — особенно. Господи, ей осталось так мало жить, и она не могла успокоить свое измученное сердце в чьих-нибудь надежных объятиях.

Габриэла говорила, что рядом с ней должен быть кто-то, кто защитит ее и ее детей, благословенный, который своим светом развеет вокруг нее тьму. Может, сама судьба заставила их с Тимом снова встретиться? Габриэла не могла ошибаться. Если она сказала, что он должен быть рядом, значит нужно ее послушаться. Совсем не обязательно с ним спать, можно просто сделать из него друга для себя и своей семьи. Заставить его и Патрика подружиться. Ведь кроме этого Исссы у Тима никого не было. Кэрол была уверена в том, что и женщины у него нет. Стоит только вспомнить, как он потерял голову, когда она уронила свою пеленку, чтобы понять, что он одинок и с женщинами бывает не часто. По крайней мере, тогда он точно был изголодавшимся до безумия. Он не походил на парня, любящего насиловать женщин. Хотя, на убийцу он тоже не был похож. Выбрать себе в друзья такого, как он, непонятного, но, несомненно, опасного? Снова связаться с «темным», «плохим», как выражался Рэй, который советовал ей держаться от Тима подальше. Но как же тогда пророчество Габриэлы? Тим был единственный, кто подходил по описаниям, которые дала Габриэла, рассказывая о благословенном. Высокий, красивый, молодой, светловолосый и синеглазый, тот, кто был в ее жизни уже очень давно. Кто еще, если не Тим? Больше у нее никого такого не было. Рэй не в счет. К тому же, он уже не был таким уж молодым. Но захочет ли Тим вернуть их дружбу или завязать новую? Он ясно ей сказал, что они не могут быть друзьями. Он презирал ее, раз обозвал шлюхой. Почему? Почему он так считает? Ведь он не знает, что, помимо Джека, ее мужа, у нее был кто-то еще. Рэй, Кевин... Потому ли он ее изнасиловал, что она потеряла свою неприкосновенность в его глазах? Или ему просто нужна была женщина, любая, а она просто попала под горячую руку, так сказать,

спровоцировав его своей наготой, и позже он на самом деле раскаялся в том, что с ней сделал?

Кэрол не знала, почему, но он ей нравился, нравился таким, какой есть, со всеми своими шрамами, которые совсем ее не отталкивали. Она вздохнула. Наверное, никогда она не изменится, и ее всегда будут привлекать только сильные и опасные мужчины. И, убежав от одного, она снова и снова будет искать другого. Она сошла с ума, если думает о том, чтобы удержать Тима, вместо того, чтобы благоразумно и поскорее избавиться от его общества. Да, избавиться надо, но было бы неплохо перед этим заняться с этим великаном, едва умещавшимся в ее постели, нормальным сексом, не торопливым и помягче, нежнее, чем в прошлый раз. В конце концов, она живая женщина, с нормальными потребностями, жертвующая собой ради других, живущая ради детей, и неужели ей нельзя позволить себе несколько мгновений забвения и сладости, забыть обо всем и почувствовать себя просто женщиной, а не проклятой, отверженной, странным непонятным злом, губившим человеческие жизни, человеком, которому не место в этом мире! Как ей хотелось, чтобы ее обняли эти большие, изборожденные шрамами руки, которыми она любовалась с вожделением одинокой женщины, млела, вспоминая их напряженными, с вздувшимися окаменевшими мышцами и выступающими сильными венами, представляла, как они прикасаются к ее телу, такому маленькому и хрупкому по сравнению с этим мужчиной. Она задавалась вопросом, почему так желала его, что так ее привлекало именно в нем? Его рост, его сила, которые делали его мужественно привлекательным, или его внутренняя сила, крутой нрав и жизнестойкость, которая позволяла ему до сих пор оставаться живым? А может, она инстинктивно отозвалась на одиночество этого закомплексованного, закрывшегося от всего мира мужчины, страдающего из-за своих увечий и так стыдящегося их перед женщинами, что не мог вести полноценную для молодого парня жизнь, найти себе девушку, встречаться с ней, жениться? Кэрол считала, что все могло быть по-другому, взгляни он на свои шрамы иначе и не придавай он им такое значение. И она, Кэрол, с вожделением разглядывающая его сейчас, была живым тому доказательством. Не тело, а его истерзанная душа, — вот в чем была причина, вот что мешало ему жить. И он мог не только не пожелать стать ей другом, но и отказаться лечь с ней в постель из-за своих страхов и комплексов. А это очень бы разочаровало и огорчило Кэрол, которая уже представляла, как это будет происходить, охваченная сексуальным голодом, а страсть ее подогревалась воспоминанием об удовольствии, которое она уже испытала в его объятиях.

Наблюдая за ним, она заметила, когда он открыл глаза. Он окинул комнату затуманенным взглядом и остановил его на ней.

— Где я? — слабо шепнул он, приподнимая голову.

— Ты в моей спальне, — улыбнулась Кэрол и, поднявшись с кресла, присела рядом с ним на постель.

— А Исса?

— Он обещал прийти вечером.

Он повернулся к окну.

— Сейчас?

— Нет, сейчас утро. Я позабочусь о тебе, если ты не возражаешь, — Кэрол положила ладонь на его кисть. Она была горячей. — Как ты себя чувствуешь?

— Если можно... попить, — прохрипел он.

На столике стоял графин с водой и стакан, которые принес сюда ночью Исса. Наполнив

стакан, Кэрол протянула его Тиму. Дрожащей рукой он взял стакан и, приподнявшись на локте, выпил до дна. Потом осторожно заглянул под одеяло.

— Где моя одежда?

— Исса выкинул, все было в крови.

Он опустился на подушку. Кэрол заметила на его лице выражение досады и раздражения. Что не так? Ему не нравилось, что друг оставил его здесь? Он снова окинул комнату взглядом и задержался на двери в туалет. И до Кэрол дошло. Она растерялась. Тим снова приподнялся, и бросил на нее смущенный взгляд.

— Мне нужно встать.

— Ты сможешь? Я помогу, — Кэрол вскочила, готовая поддержать его и проводить до двери.

— Я сам, — он сел и украдкой взглянул на нее. Кэрол не сразу поняла причину его колебаний, а когда сообразила, безжалостно сорвала с него одеяло, сделав вид, что не заметила его нежелания вылезать при ней из постели. Его стыдливость казалось нелепой и смешной после того, как он ее изнасиловал. Что-то тогда он не очень стеснялся, раздвигая ей ноги...

Он поднялся, краснея под ее взглядом, и, пошатываясь, побрел к туалету. Кэрол без смущения смотрела ему вслед, разглядывая. Конечно, он стеснялся не того, что на нем кроме трусов ничего нет, а своих шрамов, не догадываясь, что Кэрол даже не смотрит на них, интересуясь совсем другим. Шрамы? Какие шрамы? Она видела только крепкие плечи, широкую спину, тонкую талию, узкие сильные бедра, длинные, хорошо сложенные ноги... крепкие ягодицы, которые всегда привлекали ее внимание, с первого взгляда показавшиеся очень даже ничего. Она подумала о том, что с удовольствием подержалась бы за его задницу, желательно, голую, и готова была руку отдать на отсечение, если бы он догадался, о чем она сейчас думает.

Расположившись в кресле, она ждала, когда он выйдет и продемонстрирует себя спереди. Все равно он считает ее шлюхой, и уязвленная и обиженная Кэрол готова была ему отомстить, издеваясь над его комплексами. Ему не нравится, когда на него смотрят? Что ж, тогда она будет на него смотреть, назло. Пусть злится, краснеет, мучается оттого, что она видит его так называемое уродство.

Он вышел и, сделав пару шагов, вдруг покачнулся и скользнул вниз, прервав наглое разглядывание Кэрол.

Та рванулась с кресла к нему. Он замер на коленях, упершись ладонями в пол и опустив голову, но когда Кэрол коснулась его плеча, встряхнулся и, отведя ее руку, поднялся на ноги, с трудом добрался до кровати и улегся, забравшись под одеяло.

— Плохо? — Кэрол склонилась над ним, заглядывая в бледное лицо.

— Голова закружилась... это от потери крови... Я посплю, — он отвернулся от нее, так и не взглянув.

Кэрол выпрямилась, чувствуя, что начинает злиться.

— Я провожу Патрика в школу, и загляну, — спокойно сказала она.

— Не обязательно. Занимайся своими делами, на меня не обращай внимания, — отозвался он подавлено. — Вечером придет Исса и заберет меня.

Кэрол промолчала и покинула комнату.

— Как он? — поинтересовался Патрик за завтраком.

Кэрол пожала плечами, наливая ему в стакан молока. Мальчик задумчиво задержал взгляд на стакане.

— Знаешь, мам... он смелый. То, что с ним делал его друг... ведь это очень больно. А он согласился на это, и выдержал. Я видел, как ему было больно, а он терпел, — в голосе его отразилось восхищение. — Я бы так не смог. Даже папа бы не смог.

— Тиму пришлось вытерпеть много боли, вот он и научился терпеть.

— Я тоже хочу научиться терпеть.

— Для этого нужна сильная воля и самообладание, сынок. Зачем тебе это? Не собираешься же ты на живую выковыривать из своего тела пули? Есть врачи, есть обезболивающие препараты.

— В жизни всякое может случиться. Вот они же не поехали в больницу, и, наверное, у них на то были причины. Ведь никому не охота так мучиться, как пришлось этому твоему Тиму. И, знаешь, что я думаю... они молодцы. Сильные ребята. Крутые, по-настоящему, понимаешь?

Кэрол улыбнулась, не ожидая, что после всего Патрик вдруг начнет отзываться о них с таким уважением и восхищением.

— Понимаю.

— Ты видела, сколько у него шрамов? Откуда, знаешь?

— Это из-за меня. Когда мы дружили в детстве, меня обидели, а он заступился. У них была собака... я пыталась его остановить, но он не послушал. Эта собака набросилась на него. Мы думали, он погиб. Я потеряла тогда сознание, и не видела, что его спасла одна старуха. Она похитила его, увезла в другую страну.

— Значит, это собака его так порвала? Сильно. А что у него с голосом? Это из-за того, что у него шрамы на горле... тоже собака?

— Да.

— Зачем же он полез, если там была собака?

— Разозлился, что меня обидели.

— Из-за тебя... — пораженно выдохнул мальчик. — Выходит, он правда был твоим другом? Настоящим?

— Да, выходит, что настоящим. Был.

Патрик призадумался.

— Я бы никогда не пошел на такое из-за девчонки. Такие шрамы и на всю жизнь!

— Ну, он же не думал, что все так обернется. Хотя, он сказал мне, когда мы уже выросли, что если бы пришлось вернуться в тот вечер, он поступил бы так же.

— Почему? Ему нравится быть уродом?

— Ему не нравится быть трусом. И он совсем не урод.

— А жена у него есть?

— Нет.

— Это потому, что никто не хочет выходить за него. Еще бы, с таким-то лицом и таким телом! — мальчик поморщился. — И все из-за тебя, мам. А ты выросла и забыла его. Почему же ты перестала дружить с ним, когда он вернулся?

— У меня был папа... И ему бы не понравилось, что я дружу с другим мужчиной.

— Но ведь он был настоящим другом, он стал уродом из-за тебя. Ты рассказывала об этом папе? И он все равно не разрешил тебе с ним дружить? — Патрик неодобрительно покачал головой, когда Кэрол кивнула. — Нет, это неправильно. Нехорошо. Если бы со мной

такое случилось из-за девчонки, а она потом от меня отвернулась, я бы сам ее изуродовал, чтобы поняла, каково это, и не ходила красавицей, когда я — уродом...

Кэрол промолчала, опустил голову и пытаюсь проглотить подступивший к горлу ком. Сколько правды было в этих полных наивности словах ребенка.

— Не понимаю, почему папа запретил тебе с ним дружить, — продолжил Патрик деловито. — Ведь он не может тебе нравиться, разве папа не видел, какой он? И ничего плохого бы не было в том, если бы вы снова стали с ним дружить.

— Ты так думаешь? А если мне попытаться исправить свою ошибку и предложить ему снова быть друзьями?

— Наверное, он очень обиделся на тебя, и теперь не захочет. Но... в общем... было бы не плохо. Если он снова станет тебе таким другом, как тогда, он не станет убивать папу, чтобы тебя не обидеть и не разрушить вашу дружбу. Он будет у нас все время на виду, мы сможем его контролировать и быть уверенными в том, что он не планирует пришить папу.

— Значит, ты не против, если он станет нашим другом?

— Нет, я не против. Иметь в друзьях настоящего киллера — это круто! Представляешь, вот нужно нам будет кого-нибудь пришить, ну, например, узнает нас кто-нибудь и захочет сообщить папе, вот мы Тима и попросим, чтобы пристрелил. Будет стрелять, на кого укажем, ему-то что, все равно, куда стрелять!

Кэрол рассмеялась.

— Он научит меня стрелять, — мечтательно протянул Патрик. — Ведь он настоящий профессионал. Будет рассказывать о войне. Научит выковыривать пули и терпеть боль. Да, я хотел бы, чтобы у меня был такой друг, как он. И тебе разрешил бы с ним дружить. Но только с ним. С его другом — нет.

— Почему?

— Он мне не нравится. Он нормальный. У него нет шрамов. И он симпатичный, — мальчик нахмурился. — Он может тебе понравиться.

— А Тим, думаешь, не может?

— Ха, мам, скажешь тоже! Нет, конечно! Как он может тебе понравиться, если он весь изодран! Мы могли бы поискать для него невесту. Или, думаешь, у него нет шансов кому-нибудь понравиться, даже какой-нибудь страшилке? Никто не захочет такого парня, да?

Кэрол неопределенно пожала плечами, не смотря на него.

— А ты уверена, что они не хотят все еще нас убить, а?

— Хотели бы — уже убили.

Подумав, Патрик согласно кивнул и встал из-за стола.

— Ладно, мам, я побежал. Справишься одна? Уверена, что он и его дружок не опасны?

Кэрол кивнула. Услышав, как заплакал кто-то из близнецов, Кэрол поцеловала Патрика и поспешила в детскую. Проследив за ней взглядом, мальчик подхватил школьную сумку и, набросив на плечо, направился в противоположную выходу сторону. Остановившись у двери спальни, он заглянул внутрь. И сразу наткнулся на мрачный враждебный взгляд мужчины. Поправив сумку, мальчик решительно вошел в комнату и прикрыл дверь.

— Привет, — осторожно проговорил он, разглядывая раненного. — Как ты?

Тим ответил не сразу, не отводя от мальчика неподвижного взгляда.

— Нормально.

— Очень болит?

— А что? — в голосе мужчины не было ни намека на дружелюбие и желание

разговаривать, но Патрика это ничуть не смутило. Он отважно подошел ближе, продолжая изучать его любопытным взглядом, который скользил по шрамам на груди и руках.

— А это правда, что вот это... — он указал пальцем, — из-за мамы?

— Нет, — жестко ответил Тим.

На лице мальчика появилось разочарование.

— Нет? Тогда из-за чего?

— Не твое дело.

Патрик нахмурился, рассердившись на его неприветливость.

— А мама сказала, что ты так пострадал, когда защищал ее. Она наврала?

На щеках Тима заиграли желваки.

— Ее оскорбляли, я всего лишь хотел заткнуть им рты.

— Ты же видел, что у них собака. Зачем полез? — не отставал Патрик, раздражая его все сильнее.

— Вопрос труса и слабака! Не понимаешь сам, объяснять не собираюсь. Убирайся!

— Ты не можешь выгнать меня из этой комнаты, потому что она не твоя. Чего ты такой нервный? Злишься из-за того, что я в тебя выстрелил? Я же не злюсь, что ты пытался убить моего отца и нас. Я думал, что ты пришел, чтобы убить нас, я защищал свою семью! Ты бы не так поступил?

Тим не ответил, но во взгляде его агрессии поубавилось.

— Ты, правда, не причинишь нам вреда? И друг твой тоже?

— Не причиним.

— А папе?

— И папе.

— А с чего это ты вдруг передумал? Из-за мамы? Потому что вы были друзьями?

— Слушай, парень, не доставай меня. Сказал — не трону, значит, не трону. Отвали.

Патрик сверлил его пронзительным взглядом, слишком цепким и пристальным для ребенка. Его сходство с отцом раздражало Тима, который ненавидел Джека. А этот маленький щенок имел все задатки сволочной натуры своего папочки, его ум и хватку, и даже обещал его переплюнуть, во всем. Если сейчас он такой, то страшно подумать, что из него вырастет.

— Ладно, извини, — примирительно сказал Патрик. — Понимаю, ты злишься. Такие муки ведь вытерпел...

— Проехали.

— Скажи, а если бы мою маму сейчас кто-нибудь обидел... ты бы заступился... как тогда?

На лице Тима отразилось любопытство. Он не мог понять, зачем пришел этот мальчишка и чего он от него хочет, зачем задает такие странные вопросы. Этот дьяволенок едва не убил его, бросался с ножом. Что изменилось? Изучая его взглядом, Тим почувствовал, как неприязнь его к этому мальчику уходит. Он вдруг увидел, что перед ним стоит просто ребенок, такой маленький, такой незащитный, ребенок, который теперь рос без отца и считал своим долгом защищать маму и братьев. И он на это вполне способен, и это в свои-то годы! Он умел постоять за себя и других, дал отпор ему, вмешался в его планы, помешал. До сих пор трудно было поверить, что он, Тим, имел дело всего лишь вот с этим мальчиком. Его совсем не детские поступки, смелость, ум, никак не могли позволить Тиму воспринимать его, как ребенка, даже когда он на него смотрел. Он никогда не встречал

таких мальчиков. Но этот парень вызывал уважение. И Тим почувствовал уважение к своей особе со стороны мальчика. Уважение и интерес.

— Твою маму кто-то обижает? — немного сбавил тон Тим, придав голосу более мягкую интонацию. Если он не ошибся, парень пришел заключить мир, поверив, наконец, в то, что он не несет собой больше угрозу его родным и ему самому.

— Ты не ответил на вопрос. Заступился бы?

Тим пожал плечами.

— Если бы попросила.

— А если бы не просила, а ты видел, что надо... как тогда, в детстве?

— Заступился бы.

Патрик кивнул.

— В этом нет необходимости, потому что для этого у нее есть я, — важно сказал он. — Я просто так спросил. Поправляйся.

Развернувшись, он вышел, не обратив внимания на недоуменный взгляд, брошенный ему вслед.

Покормив близнецов, Кэрол посадила их играть в манеж, а сама понесла завтрак Тиму. Он не спал. И Кэрол не смогла понять по его взгляду, рад ли он ее приходу, или предпочитал бы обходиться без ее общества. Выглядел он неважно, наверное, его мучила боль, но внешне он ничем это не выказывал.

— Извини, я не голоден, — чуть слышно сказал он своим слабым надорванным голосом, бросив взгляд на поднос в ее руках. Кэрол растерянно остановилась.

— Съешь хотя бы булочку... с чаем.

Поколебавшись, он нехотя кивнул и приподнялся. Поставив поднос на столик, Кэрол склонилась над Тимом, чтобы подложить ему под спину подушку. Она с трудом удержалась от улыбки, сохраняя серьезное выражение лица, когда он вжался в подушку, пытаясь отодвинуться от оказавшейся прямо у него перед носом груди. Это движение вызвало у него приступ боли, заставивший побледнеть. Кэрол невозмутимо поставила ему на колени поднос и присела рядом. Он не поднимал глаз и вдруг покраснел под ее пристальным взглядом. Губы Кэрол дрогнули от улыбки, которую она не смогла все-таки сдержать. И чуть не расхохоталась, когда заметила, как он украдкой бросил взгляд на ее грудь, от которой только что пятился, как от бомбы. Возможно ли, чтобы женщины пугали этого двухметрового здоровяка больше, чем боль, пули и смерть? Он, солдат, прошедший через ад войны, безжалостный наемник и убийца, которого не пугал раскаленный жезл и скальпель в руках друга, робел и терялся в присутствии слабой женщины, в два раза меньше него самого, которую он мог убить одним ударом своего огромного кулака? Похоже, ничего он так не боялся в своей жизни, как женщин. Боялся и ненавидел?

Он поджал губы с такой злостью, отведя взгляд от ее груди, что у Кэрол пропало всякое желание его дразнить. Она вдруг поникла, поняв, что с этим парнем будет совсем не просто. И если она заставляла его испытывать какое-то желание, то его это только приводило в бешенство. И скорее, он сорвется и снова грубо ее изнасилует, наказывая за свое вожеление, чем отреагирует иначе, как любой другой нормальный мужчина, который попытался бы добиться ее расположения мягкостью. Вспомнив, что он обозвал ее шлюхой, Кэрол почувствовала, как в ней пропадает всякое желание искать с ним близости. В ней вдруг разыгралась гордость. Да пошел он, этот дикарь, со своими комплексами и

женоненавистью!

— Приятного аппетита, — улыбнулась она, ничем не выдавая своих чувств и мыслей. — Я найду за подносом позже. Если что-нибудь понадобится, я в соседней комнате.

И она ушла, зная, что он не позовет ее, даже если будет здесь умирать.

С грустью она думала о том, как же изменился ее маленький Тимми, которого она так любила. Никогда бы не подумала она, что он может стать таким. И до сих пор не могла в это поверить. Как будто Тимми как не было, так и нет, а этот человек кто-то совершенно другой, с кем ее абсолютно ничего не связывает, которого она совсем не знает.

Она занималась детьми, и лишь спустя пару часов снова заглянула в спальню. Он спал, оставив поднос с завтраком, к которому так и не прикоснулся, в сторону. Подойдя к кровати, Кэрол долго изучала его взглядом. И, узнавая в этом суровом мужчине черты горячо любимого ею мальчика, она чувствовала, как смягчается ее сердце, и он уже не кажется таким чужим. Это он, ее маленький Тимми, такой дорогой ее сердцу. Что же сделала с ним жизнь? Какие еще страшные шрамы, которые она не могла видеть, у него были, в его душе, в сердце? Он видит вокруг себя только врагов, и она тоже стала одним из них. Почему?

Наклонившись, она улыбнулась и слегка коснулась пальцами его волос, осторожно погладив, стараясь, чтобы он не почувствовал. Потом забрала поднос и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь, не заметив, как Тим открыл глаза, посмотрев ей вслед.

Когда она пришла, чтобы дать ему лекарства, он встретил ее уже не так напряженно и сухо.

Вечером он согласился поесть, правда, съел совсем немного. Но дело было уже не в его упрямстве, а, скорее всего, он был слишком измучен и слаб, и на самом деле пища в него попросту не лезла. Зато Спайк, будучи непривередлив в пище, с удовольствием ел все, что она ему давала, приученный к неприхотливости и выживанию в любых ситуациях. И Кэрол с удовольствием замечала, что уже заслужила расположение животного, которое каждый раз встречало ее энергичным помахиванием хвоста, выражая свою симпатию. Нравилось ли Тиму то, что его четвероногий друг с такой легкостью подпустил ее к себе, или нет, Кэрол не могла понять, даже когда он наблюдал за тем, как она гладит собаку, которая, наверняка, не каждому это позволяла.

Кэрол поменяла повязки, сделав все так, как учил Исса. Тим не противился.

— Прости, что так получилось, — виновато прошептала она, отводя взгляд от обезображенной страшным ожогом раны. Еще один шрам останется. Тим, внимательно изучая рану, бросил на девушку быстрый взгляд.

— Ладно... ерунда. Случалось и похуже, — он вздохнул. — Сам виноват.

Кэрол улыбнулась, услышав искренность в его словах.

С замиранием сердца ждала она появления его друга. И упала духом, когда он вернулся с чемоданами в руках.

— Я сдал номер. Побуду здесь, пока Нол будет отлеживаться. Не бледней, ясноглазая! — захохотал он. — Всего несколько дней!

Прошло четыре дня. Тим медленно, но верно шел на поправку.

Кэрол немного расслабилась, начиная привыкать к их присутствию, и даже Исса уже не так ее пугал. Лишь его пристальный странный взгляд напрягал ее, да беспокоило желание, которое он продолжал к ней испытывать еще с того момента, когда не удалось удовлетворить его, что он пытался сделать и чему помешал Тим. Казалось, Исса не держал

зла на друга за то, что тот не подпустил его к ней и сам сделал то, чего хотел он сам. Она знала, что Исса наблюдает за ней, изучает. Он не скрывал своего удовольствия от пребывания в ее доме. Больше не хамил. Спал в гостиной. Ел за одним столом с Кэрол и ее детьми, как член семьи. Патрик хмуро и косо смотрел на него, ловил каждый взгляд, брошенный на мать в его присутствии. И Кэрол понимала, чего боится ее сын теперь. Если Тима он не воспринимал, как мужчину, способного стать угрозой для ее одиночества, то Исса, находясь рядом с нею, явно беспокоил мальчика. Патрик безумно боялся, что этот сильный, «крутой», как он выражался, парень, приглянется ей и заставит забыть о Джеке. Патрику совсем не нравилось, как Исса разглядывал маму, смотрел на такие места, куда не имел никакого права смотреть, в понимании мальчика. Исса не мог не понимать, что происходит с Патриком, и, похоже, его это забавляло, и он специально дразнил мальчика.

Кэрол не выходила на работу, подыскивая няню. Патрик уходил рано утром и возвращался только вечером. Кэрол даже в магазин не могла выйти. Выносить на улицу, на мороз так тяжело переболевшего Джейми она пока не решалась, оставлять же детей на Иссе боялась. А мужчины, так нагло поселившиеся в ее доме, проявляли такой аппетит, что Кэрол приходилось много времени проводить у плиты, чтобы их накормить.

Исса, будучи очень энергичным парнем, без дела не сидел. Понимая, что Кэрол тяжело и не на кого оставить малышей, он брал у нее список продуктов и сам отправлялся по магазинам, не беря у нее, кстати, ни цента на покупки. Помимо наименований в списке Кэрол, он привозил много всяких вкусностей и сладостей. Расчистил снег вокруг дома. Поменял прогнившие ступеньки в подвал. Почистил трубу над камином, залатал крышу. Кэрол не вмешивалась, позволяя ему хозяйничать. Наблюдая за тем, сколько неполадок и неисправностей он находил и устранял в ее доме, она с тоской думала о том, что все это, начиная с неисправного выключателя и заканчивая текущей крышей, кричало о том, как в этом доме не хватало мужчины. Кэрол снимала домик. Он был маленьким, но уютным и симпатичным. Ей здесь нравилось. Патрик, привыкший к роскоши, тоже не жаловался. Кэрол задавалась вопросом, зачем Иссе нужно заботиться об ее жилище. Он не походил на благодетеля. Скорее всего, этому человеку просто не куда было девать свой не мерянный запас энергии. Ведь не собирался же он оставаться здесь и дальше, потому и трудился над домом?

Это был очень наглый и бесцеремонный человек, не имеющий ни малейшего представления о таких понятиях, как деликатность и скромность. Он обладал чрезмерным любопытством и везде совал свой горбатый нос, чем раздражал и злил Кэрол. Он даже мог подкрасться к ней и заглянуть под юбку, задрав подол, если ему вдруг захотелось взглянуть, что там. После пары таких выходов Кэрол стала надевать только джинсы. Мог ущипнуть ее или ударить по ягодицам, мог откровенно сладко облизнуться или продемонстрировать какую-нибудь шокирующую пошлость, разглядывая ее, а потом хохотал над ее смущением и яростью. Кэрол поняла, что в этом человеке уживаются две личности — кто-то жестокий и безжалостный, и веселый балагур, насмешник, обожающий смеяться над людьми и шокировать их своими выходками. И Кэрол не знала, кого из них она больше ненавидела. Но, наверное, в этом парне все-таки было что-то стоящее, хорошее, раз он так много значил для Тимми. Исса умел быть по-настоящему преданным, это она уже поняла, и если он кого-то любил, то он мог позаботиться об этом человеке, помочь. Была в нем какая-то искренность. Если Тимми был для него всем, он этого не скрывал, если хотел Кэрол — тоже. Он почему-то не считал нужным прятать свои чувства и мысли. Он относился к Кэрол с недоверием и

настороженностью, присматривался к ней, наблюдал, открыто, и она знала, что стоит ей только пикнуть или рыпнуться, он тут же ее прильет. Она злилась, ощущая себя и своих детей заложниками.

Но враждебность Иссy постепенно исчезала. Вместе с ней и неприязнь. Кэрол тоже немного расслабилась, поняв, что если она не попытается навредить ему и Тиму, Исса и ее с детьми не тронет. Этот парень был настоящей пройдой, из тех, кто не потеряется ни в каких ситуациях, выкрутится из любых трудностей и опасностей, пролезет во все щели, обхитрит, обдурит, выживет, когда все другие не смогут. Кэрол тоже присматривалась к нему, находя очень интересным, хоть и неприятным. Его наглость и хамство были отвратительны, но улыбка и веселый смех порой заставляли ее чувствовать к нему симпатию. Ей всегда нравились веселые люди. А этот парень любил посмеяться, как она и угадала по его рту, находя смешное даже в том, в чем лично она не видела ничего забавного. Например, он как-то бросил нож в пробежавшую вдоль стенки мышь, а потом весело смеялся, наблюдая, как она, разрубленная пополам, бежит по комнате на двух лапках, в то время как другая ее половинка тела осталась на огромном лезвии охотничьего ножа, торчащего в стене. Его смех только усилился, когда Кэрол выбежала из комнаты, давась от позывов рвоты... Но когда она вернулась, от мыши не осталось и следа, а он снова хохотал перед телевизором, и, к ужасу Кэрол, чистил тем самым ножом апельсин. Заметив Кэрол, он решил поделиться и протянул ей наколотую на острие ножа дольку. И хоть лезвие было чистым, без малейших следов крови, Кэрол скривилась, не сумев скрыть своего отвращения, и поспешила удалиться. А он вслед снова расхохотался. Либо он просто забавлялся над ней, либо в самом деле был таким. Или и то, и другое вместе.

Он не считал зазорным расхаживать перед ней в трусах. В таких случаях Кэрол спешила немедленно ретироваться. Однажды он вышел из ванной совершенно голый и, представ в таком виде перед шокированной девушкой, невозмутимо попросил найти в его сумке принадлежности для бритья и принести ему. Кэрол отвернулась, пытаясь скрыть свое смущение. Сейчас его смех над ней был бы невыносимо отвратителен. Но он развернулся и, весело насвистывая, вернулся в ванную. Порывшись в его сумке, Кэрол нашла то, что он просил и, подойдя к ванной, просунула руку в чуть приоткрытую дверь.

— Эй! Возьми!

Мокрые пальцы больно стиснули ее запястье и рывком втащили в ванную. Кэрол испуганно вскрикнула, но голос ее оборвался, когда Исса наклонился к ней, вжав в стену, и угрожающе заглянул в ее глаза, предупреждая дальнейшие крики.

— Взять? — ухмыльнулся он. — Давай. Не откажусь.

Кэрол яростно поджала губы и, подняв руку, сунула ему в лицо крем для бритья и бритву.

— На!

Он отшвырнул ее руку и прижался к ней влажным голым телом. Дыхание Кэрол сдавило от ужаса, когда она почувствовала, что он возбужден. То огромное, что напугало ее в ту ночь, снова с силой уперлось в ее тело. Казалось, он вполне может ее проткнуть. Кэрол рванулась, но он еще сильнее втиснул ее в стену. Понимая, что дергаться бесполезно, она подняла на него взгляд. Если он не отпустит, она закричит. Тим услышит и придет, чтобы узнать, что происходит.

Неожиданно на губах мужчины появилась нежная улыбка, а взгляд, которым он на нее смотрел, был ласковым и обжигающе горячим. Кэрол, ожидающая грубости, немного

растерялась. Мускулы его расслабились, он ослабил давление, когда она перестала вырываться, но все же не отстранился. Наклонившись ниже, он коснулся приоткрытыми губами ее лица, обжигая кожу горячим дыханием. Руки его легли на ее талию, сильнее прижав к нему, потом скользнули ниже, лаская бедра. Он потянулся к ее губам, но Кэрол порывисто отвернулась, упираясь дрожащими от напряжения руками ему в плечи в тщетной попытке отстранить от себя. Тогда его рот опустился на ее шею, лаская нежными поцелуями. Сердце у нее колотилось где-то в горле, а его горячее возбужденное дыхание, казалось, обдало жаром не только шею, но и все тело.

— Отпусти, — прошипела сквозь зубы Кэрол, впиваясь ногтями в его плечи.

Он поднял голову и заглянул ей в глаза. Ладонь его мягко легла на ее щеку.

— Не бойся, — нежно шепнул он. Это было заверение в том, что он не будет груб, не причинит ей боли. Более, в том, как он прошептал это, слышалось обещание удовольствия. Не позволив ей ответить, он накрыл ее рот страстным поцелуем. На мгновение Кэрол почувствовала слабость, но все ее мышцы напряглись лишь сильнее. Сильное обнаженное мужское тело, охваченное страстью, прижимающееся к ней, заставило ее изголодавшееся тело откликнуться. А то, что до этого пугало ее своей мощностью и размерами, вдруг заставило ее почувствовать внутри болезненную щемящую пустоту, бесконечную, которую она не могла больше выносить. Ей безумно захотелось ощутить в себе эту горячую твердую плоть, которая, без сомнения, ничего бы не оставила от ее мучительной пустоты...

Шлюха. Неужели ей все равно, с кем, и она готова раздвинуть ноги перед любым эрегированным членом, способным удовлетворить ее похоть? Если так, то почему она не реагировала на Кевина? Потому что презирала, или ей все-таки не все равно? Иссу она ненавидит, но тем не менее... В ее глазах он выглядел мужчиной, аморальным и бесшабашным, но все-таки мужчиной. Кевин же — ничтожеством, жалким и трусливым. Об Иссе этого сказать нельзя было. В нем чувствовалась сила, сила, которая всегда завораживала Кэрол, притягивала. Большие черные глаза всегда обжигали сверкающим взглядом, орлиный нос с чувствительными, резко очерченными подвижными ноздрями, делал его похожим на хищника, непослушная грива густых кудрявых волос выдавала в нем буйный беспокойный нрав. И, появившись перед ней в неглиже, он произвел на нее должное впечатление своим ладным мускулистым телом. Мощная грудь была покрыта густыми черными волосами, которые дорожкой сбегали вниз, к упругому подтянутому животу, и снова разрастались ниже... А тем, что было у него между ног, он мог шокировать любую женщину.

И только сейчас, зажатая в его крепких объятиях, Кэрол поняла, что, представ перед ней в таком виде, он добился именно такой реакции, на которую рассчитывал. Это ее раздосадовало и разозлило. Вопреки желанию, она не ответила на его поцелуй, продолжая вонзаться в его тело ногтями, чтобы заставить его отстраниться. И отвела его руку, когда она начал ласкать ее грудь.

— Исса... пожалуйста, отпусти, — попросила она без злобы, примирительно, не желая его разозлить. Черные глаза впились в нее, но он не отстранился и настойчиво снова положил ладонь на ее грудь.

— Ты же не хочешь, чтобы я тебя отпускал, — лукаво улыбнулся он, лаская ее губы легкими дразнящими поцелуями. — Зачем просишь?

— Я хочу, чтобы ты меня отпустил. И ты отпустишь, по-хорошему или по-плохому.

— А по-плохому — это как? — также нежно шепнул он, продолжая ласкать ее тело.

— Я позову Тима!

Исса замер. В глазах его вспыхнула насмешка.

— Думаешь, он будет тебя защищать от меня? С чего бы? Как его друг, могу заверить тебя, что в нем не осталось совсем никакого желания заступаться за женщин. А за тебя — тем более. Что он получил за свою жертву, принесенную тебе?

Кэрол сглотнула.

— А что он хотел?

— Думаю, он ничего не хотел, но ему было обидно, что, когда он вернулся, для него не оказалось места в твоей жизни, — он погладил ее по губам большим пальцем, но в голосе его не было злобы, лишь скрытая обида за друга. — Женщины... Вы не умеете быть благодарными. Не умеете ценить то, что сделали ради вас, принимая все, как должное. Долгие годы я хотел увидеть ту, из-за которой с ним все это случилось, которой он принес в жертву свою красоту, свое здоровье и жизнь, нормальную жизнь, которая могла у него быть. Я не виню тебя, понимаю, что это случай, но факт остается фактом, красавица — он изуродован, а его жизни после этого я не пожелал бы даже врагу.

— Я не отталкивала его. Он сам не захотел общаться со мной. Не он мне, а я ему была не нужна.

На губах Иссы промелькнула горькая улыбка, но на это он ничего не ответил.

— Не будем о нем и о вашей детской дружбе. Разбитой чашки не склеишь. Хочу сказать только, чтобы ты не заблуждалась насчет него. Ты для него ничего не значишь. Более того, он ненавидит тебя. Убивать он тебя не стал только потому, что пожалел. Рука у него не поднялась на одинокую беззащитную женщину с детьми. Он никогда не мог отнять жизнь у женщины или ребенка, даже на войне. А мне приходилось делать это за двоих. Нола тебе лучше не трогать больше. Он по твоей милости достаточно хлебнул... Помни, что за него я убью любого. Да ведь и не нужен он тебе. А вот между нами нет ничего такого, что бы мешало нашему сближению. Нолу все равно, а трахнул он тебя тогда, потому что голодный был. Теперь морщится, когда слышит о тебе. А мне ты нравишься, ясноглазая, — он взял ее лицо в ладони и поцеловал в губы. — Я еще с той ночи покой потерял. И тебе мужчина нужен, я же вижу. Мы поладим, моя маленькая.

— Не думаю.

— Вот увидишь.

— Отпусти меня, я сказала! — Кэрол уже не могла скрывать своей злости. Но он схватил ее за запястья и завернул за спину, заставив выгнуться вперед. Девушка скривилась от боли, но он улыбнулся, наблюдая за ней горящими глазами, и потерся о ее бедро. Потом впился в ее губы. Кэрол попыталась закричать, но у нее получилось лишь глухое мычание, а Исса застонал в ответ, засунув руку ей в трусики. Девушка отчаянно сопротивлялась, дергалась, пытаясь избавиться от его руки, поэтому он не заметил, что его ласки почти сразу спровоцировали у нее оргазм, который она сумела от него скрыть. Сексуальные муки в ее теле ослабли, и она с удесытеренной решимостью стала оказывать сопротивления. И решила укусить его за язык, не очень больно, но зато угрожающе.

— Черт возьми! — выругался он и тут же зажал ей рот, когда из горла ее вырвался крик, который он успел подавить. Ноздри его затрепетали, в глазах загорелась досада.

— Значит, не хочешь? Почему? Я же вижу, что тебе нужно. Из тебя так и прет истома и желание... как от сучки во время течки. Или я тебя не устраиваю? Не нравлюсь?

Он не решился освободить ей рот, потому что в глазах все еще видел готовность орать

во все горло.

— Сердишься на меня? Или хочешь другого? — глаза его сузились, превратившись в черные щелочки. — Ей-Богу, я думал, мне показалось! Тебе нравится Нол? Или ты решила осчастливить его из жалости?

Кэрол в ярости мотнула головой, замычав в широкую ладонь.

— Я отпущу тебя, если скажешь мне правду. А если нет — я буду трахать тебя столько, насколько у меня будет хватать сил, а их у меня достаточно — и днем, и ночью, каждый раз, когда ты останешься одна. И никакой твой Тимми мне не помешает.

Он убрал руку.

— Мне никто не нужен! Ни ты, ни он! Поднимай на ноги своего друга и убирайтесь из моего дома!

К ее удивлению, Исса позволил себя оттолкнуть и не помешал ей выскочить в дверь. Застегивая на бегу джинсы, она спряталась в детской. Позже, когда она вышла, чтобы начать готовить ужин, то ничуть не удивилась, увидев Исса, развалившегося на диване перед телевизором. Что ж, она и не надеялась, что он последует ее требованию и уберется отсюда, забрав Тима. С опаской покосившись в его сторону, Кэрол прошмыгнула к кухне и занялась ужином, стараясь игнорировать мужчину. Услышав, что он встал и подходит к ней, Кэрол сделала вид, что не замечает. Пальцы ее нащупали и сжали рукоятку ножа, лежащего на столешнице.

Он подошел вплотную и остановился, почти касаясь ее. Кэрол обернулась, подняв нож.

— Отойди от меня, ублюдок!

Он в деланном изумлении приподнял черную бровь и, протянув мимо девушки руку, взял яблоко. Впившись крепкими белыми зубами во фрукт, он откусил сразу половину и, пережевывая, опустил глаза на нож.

— Что собираешься готовить?

— Что приготовлю, то и будешь жрать!

— Ладно, пусть будет сюрприз, — он улыбнулся, пожимая плечами. — Остынь, ясноглазая, а то я опять возбужусь.

Погладив себя между ног, он подмигнул ей и, захватив еще пару яблок, направился обратно к дивану.

Кэрол опустила нож, уже не смущаясь его выходок.

— Хочешь, открою тебе один секрет? — с улыбкой в голосе проговорил он, опускаясь на диван.

Кэрол сердито промолчала, склонившись над столешницей и разделявая мясо.

— Нол втрескался в тебя после первой же вашей встречи.

Кэрол застыла на мгновение, потом, так и не обернувшись, продолжила резать мясо.

— Не удивлен, что для тебя это не новость, — хмыкнул Исса, хрустя яблоком.

— Нет, я не знала, — тихо отозвалась Кэрол.

— Может быть. Нол умеет скрывать свои чувства, но не от меня. Теперь я понимаю, чем ты его так поразила.

— Чем же? — отозвалась Кэрол, не прекращая своего занятия.

— Ты не поймешь. Не считая Даяны, ни я, ни он никогда и близко не стояли с такой красивой женщиной, как ты.

— Спасибо, если это комплимент, — сухо отреагировала Кэрол, не понимая, зачем он завел этот разговор.

— Пожалуйста.

Он замолчал и уставился в телевизор, неожиданно прервав беседу, чем ввел девушку в еще большее замешательство. Когда Кэрол поняла, что продолжения не последует, она не выдержала и, обернувшись, посмотрела на Исса. Как много вопросов она хотела ему задать! Особенно теперь, после того, как он сказал ей зачем-то о чувствах Тимми. Но решилась только на один.

— А сейчас? Как он относится ко мне сейчас? — робко и смущенно спросила она.

Исса бросил на нее торжествующий взгляд, словно она проглотила наживку, которую он подкинул.

— Ненавидит. За то, что снова причинила ему боль.

— Но что плохого я сделала ему на этот раз? — в отчаянии прошептала Кэрол. — Ведь он же сам от меня сбежал.

— Он был уверен, что кроме жалости ему от тебя ждать нечего. А он не выносит жалости, — Исса пристально взглянул на нее, как будто пытался подсказать ей, как нужно себя вести с Тимом.

— Я никогда его не отталкивала... он сам не захотел поддерживать наши отношения. И я никогда не проявляла к нему жалости, наоборот, я всеми силами пыталась ему показать, что в нем нет ничего такого, за что его можно было бы жалеть. Он так заиклился на своих шрамах, что не понимает, что в них нет ничего страшного или отталкивающего. Для женщины — да, это было бы трагедией, но не для мужчины... тем более такого, как он...

— Думаешь? — Исса продолжал пристально за ней наблюдать, смущая таким взглядом. Кэрол отвернулась к столешнице и снова взялась за нож.

— Мне кажется, что если бы он перестал придавать им такое значение, ему стало бы легче жить. И с личной жизнью у него проблем бы не было. Это я говорю, как женщина. Жаль, что он мне не верит, и все, что бы я ни делала, воспринимает, как жалость. Даже сейчас, когда я просто хочу позаботиться о нем, помочь.

— Зачем же ты делаешь это, если не из жалости?

Кэрол вздохнула.

— Когда он был мальчиком, я очень его любила. Я безумно страдала после его смерти... то есть после той трагедии. Я помнила о нем все эти годы. Я мучилась чувством вины. Его воскрешение было для меня настоящим чудом, единственным чудом в моей жизни. Разве после всего есть что-то удивительное в том, что он остался мне дорог, даже если мы стали с ним совсем чужие? Не я, а он не хочет впустить меня назад в свою жизнь.

— Он мужчина, детка, если ты не понимаешь, и ему не нужна больше твоя дружба.

— Это он мне уже дал понять, — подавлено отозвалась Кэрол, подумав о грубом изнасиловании. Обида поднялась в ней, заглушая все остальные чувства. «Шлюха! Такая же, как твоя мать!». Кто дал ему право ее оскорблять? Так с ней обращаться? Он возненавидел ее за то, что она так ему понравилась? Если он влюбился, она-то при чем? Дикарь. Влюбился и сбежал. Как ребенок, ей-богу, испугавшийся, что над его чувствами посмеются! Или как гордый мужчина, считающий свою любовь безнадежной, а потому не желающий ее показать? Или первое и второе вместе взятое? Черт его разберет! С тех пор прошло полтора года. Остались ли в нем те чувства, или его безответная любовь переродилась в ненависть? И какое дело до всего этого Иссе?

К этому разговору они больше не возвращались. Исса, казалось, вообще о нем забыл. К облегчению Кэрол, пока больше не предпринимал попыток затащить ее в постель. Но с тех

пор у Кэрол появилось навязчивое ощущение, что он хочет уложить ее в постель к своему дружку. Возможно ли это? Если она самому ему нравится, как может он стараться для другого мужчины? Или она ошибается? Тогда как понимать то, что он по каждому поводу посылает ее к Тиму, взвалив на нее одну все заботы о раненном? Уж конечно не потому, что ему вдруг стало наплевать на друга. Он даже прекратил свои похабные выходки. Стал выказывать симпатию. А его похоть как рукой сняло. Кэрол ее больше не видела, не чувствовала. Или он тщательно ее скрывал, или она пропала, или ее изначально просто не было. Кэрол напряженно за ним наблюдала, не понимая, что происходит, и чего ему надо. То он изрыгает на нее неприязнь, то преследует своей похотью, а теперь улыбается и пытается угодить, как будто они уже век были друзьями. Даже Патрик перестал косо на него смотреть. Допоздна мальчик сидел в спальне с мужчинами, с восторгом слушая бесконечные истории о войне и беспризорной жизни, богатой приключениями, которые они ему рассказывали. Всем сердцем он привязался к умной собаке, восхищаясь ее сообразительности и понятливости, подолгу с нею играл, заливаясь счастливым смехом, который давно уже не слышала Кэрол. Исса стал затаскивать и ее на их вечерние посиделки у кровати раненого. Кэрол не отказывалась, и с не меньшим любопытством, чем Патрик, слушала истории, которые они рассказывали. Исса был более разговорчивым, чем Тим, любил поболтать, с удовольствием рассказывал о своей жизни. Тим был замкнутым и открывался нехотя. Только благодаря Иссе, который ловко втягивал его в разговор и умел развязать ему язык, Тим делился своими воспоминаниями. Между ним и Кэрол оставалось неослабевающее напряжение, которое только когда они все вместе собирались в спальне по вечерам, давало слабину. Кэрол нравились эти вечера. Теперь, когда она больше не боялась этих двоих, так внезапно вторгшихся в ее жизнь, она начала получать удовольствие от их присутствия. Сидя в кресле и хохоча над шутками веселого Иссы, наблюдая за ползающими по комнате малышами, за Патриком, забавляющимся с псом, она впервые за эти полтора года чувствовала себя надежно и в безопасности, находясь в одной комнате с этими двумя сильными мужчинами, так доброжелательно настроенными к ней и ее семье. У нее появилось ощущение, что сейчас, пока они в ее доме, она и ее дети находятся под их защитой. Она радовалась каждой улыбке Тима, украдкой наблюдая за ним. Он продолжал держать ее на расстоянии, на ее заботу отвечал холодной вежливостью. И даже с Иссой, шокирующим ее теперь своим почти идеальным поведением, она больше сблизилась за это время, чем с ним. Исса был открытым и, хоть она не понимала до конца причину, по которой столь резко изменилось его поведение, с ним было намного легче, чем с Тимом. Исса, которого она так ненавидела вначале, начинал ей нравиться, Тим же наоборот, злил ее все больше, заставляя тихо ненавидеть его за подобное отношение. И если несколько дней назад она искренне хотела ему помочь, позаботиться о нем, то теперь готова была послать ко всем чертям.

Приближалось Рождество. Исса притащил огромную елку, которую нарядил вместе с Патриком накануне праздника, пока Кэрол хлопотала над праздничным ужином. Наблюдая за радостной оживленной суетой вокруг елки, Кэрол улыбалась, гадая, кто больше был ребенком в этот момент — Исса, с детским восторгом наряжающий елку, или Патрик. Тим, впервые покинувший спальню, сидел в кресле, наблюдая за ними и за Кэрол, возившейся на кухне, совмещенной с гостиной. Спайк, радуясь предпраздничной суете, носился по дому и прыгал вокруг елки, время от времени весело лая. И подбегал к Тиму, подсовывая голову ему под ладонь, словно звал его разделить всеобщее веселье.

— Впервые в жизни наряжаю елку! — признался Исса.

Патрик ушам своим не поверил.

— Ты врешь! Этого не может быть!

— Может, пацан. У меня не было никогда своего дома, где же мне было елку наряжать? — Исса весело засмеялся, словно совсем не сетовал на судьбу по этому поводу.

— Значит, у тебя никогда не было настоящего Рождества? Мам, ты слышала? Это же кошмар!

Кэрол улыбнулась, переглянувшись с Иссой.

— Тогда давай устроим тебе настоящее Рождество! — предложил мальчик. — А мы будем как будто твоей семьей.

— Давай, — кивнул серьезно Исса.

Мальчик посмотрел на Тима.

— А у тебя тоже никогда не было настоящего Рождества?

— Было. Только я не помню. Я был тогда совсем маленьким, — ответил тот.

— Тогда давай представим, будто мы все — одна семья. Ты, Исса, мама, я и лисята. Будет здорово!

Тим печально улыбнулся и кивнул. Затем украдкой перевел взгляд на Кэрол. Исса заметил его взгляд. Он всегда замечал, как Тим смотрел на нее, когда она этого не видела. Заметил и то, как стал смотреть Тим на него за время пребывания в этом доме, так, как никогда в жизни не смотрел — так пристально, словно наблюдал за неприятелем, которого пытался в чем-то уличить. Ясно, в чем именно. Иссе эти взгляды задевали и обижали, но он делал вид, что не замечает их, пытаясь понять друга. Но все равно был возмущен тем, что из-за какой-то женщины доверие Тима к нему пошатнулось. Тим вдруг замкнулся и от него. Подавленный, он выглядел так, словно мечтал закрыться, отгородиться от всего мира, как смертельно раненный зверь ищет одиночества в своем страдании. Исса ничего от него не скрывал, и такое поведение друга его обескуражило.

Тим знал, что Исса подверг Кэрол испытанию, чтобы они оба поняли, что она собой представляет и действительно ли так легкодоступна, как стал думать Тим после того, как узнал о ее связи с Рэем, на которую отреагировал очень болезненно, разочаровавшись в той, которую всегда ставил выше всех женщин. Косо и чуть ли с неприязнью смотрел Тим на близнецов, с первого взгляда уловив сходство с Рэем. Исса знал, что до того, как увидел этих детей, Тим сомневался в том, что Рэй сказал ему правду. Кэрол, замечая, как пристально

разглядывает Тим близнецов, тоже поняла, что он догадался, кто их отец. Ее это обескуражило и расстроило, но она старалась не обращать на это внимания, убеждая себя, что ей все равно, что он думает. Тим же вопросов не задавал. Он делал вид, что его не интересует ни она, ни ее жизнь, и только Исса догадывался, насколько все наоборот, что друга мучает любопытство, что в нем таится куча вопросов, на которые он хотел бы получить ответы. Известие о смерти Кэрол повергло Тима в страшное уныние, подобно которому Исса никогда в нем раньше не замечал. На гибель сестры он отреагировал по-другому, болезненной яростью и непримиримой жаждой мести, он бесился, рвал и метал, и боль его была агрессивной и злобной, и он не пытался это скрыть. Когда вскоре после трагедии с Даяной он узнал и о смерти Кэрол, не было бурных эмоций и всплесков бессильного страдания — только тихая молчаливая печаль. И последнее Исса не мог выносить. Он предпочитал, чтобы друг выплескивал все наружу, чем держал в себе. Но ведь Тим не хотел признавать свою любовь к Кэрол даже перед самим собой, и если свою скорбь по Даяне он считал приемлемой и оправданной, то в отношении девушки, видимо, считал иначе. После того, как Джек Рэндэл добился для него свободы, Тим наведился на могилы Кэрол и ее сына. Потом поехал в Фарго, в родные места, долго сидел в парке на том месте, где когда-то стояла их хижинка, где играл он с друзьями, где потом с Кэрол делились друг с другом своими тайнами, расположившись на этом самом бревне, вспоминали детство и, откровенничая, так много скрывали. Смерть Кэрол причинила Тиму боль, и вместе с потерей Даяны усугубила его одиночество. Снова стало, как прежде, до того, как они вернулись в его жизнь — только он, Исса и целый враждебный мир против них. Постепенно он смирился. Они строили планы отмщения за Даяну, которого Исса жаждал не менее друга, так как был влюблен в нее и слепо ненавидел Рэндэла, которым была так одержима красавица. Что же касается Кэрол, то лично Исса, не будучи знаком с нею, был рад, что она умерла. Тим хоть и горевал, но успокоился после ее смерти, и не страдал так, как при ее жизни, от своей безнадежной любви к чужой жене, такой далекой и недостижимой для него, от ревности, от мыслей, что никогда она не посмотрит на него, как на мужчину, потому что для нее он всегда будет или тем Тимми-ангелочком, которого она любила в детстве, или вызывающим только жалость, обезображенным несчастным, бродягой. Ее смерть принесла ему успокоение. Он часто летал в Сан-Франциско, чтобы положить цветы на ее могилу. Иногда Исса его сопровождал. Тим снова стал более открытым, перестал замыкаться. Теперь его возлюбленная не принадлежала кому-то другому, не жила где-то своей жизнью, где не было места ему и его любви, перестала быть женой Джека Рэндэла, властного, знаменитого, жестокого, а ему, Тиму, не надо было больше скрывать свои чувства и бояться ее унижительной жалости. И он подолгу говорил о ней с Иссой, избавившись от злости и досады, которые она вызывала в нем, будучи живой, вспоминал, какой она была в детстве, какой стала, и сравнивал. Он не позволял себе мечтать о ней живой, а теперь не стеснялся мечтать вслух о ней, когда ее не стало. И к чувствам своим стал относиться иначе. Совсем по-другому. Кэрол превратилась в сладко-горькое воспоминание, которое он хранил в своем одиноком сердце, в котором было так мало привязанностей.

И вдруг они натываются на нее, живую и невредимую. Исса среагировал мгновенно, в отличие от своего ошеломленного друга, и хотел избавиться от девицы, пока тот не пришел в себя. Исса был уверен, если она будет мертвой, так будет лучше для всех, и для Тима — в первую очередь. И видя, как подействовало на Тима это воскрешение — как бомба, упавшая на затихший, погруженный в грезы, городок — Исса жалел, что не отправил ее обратно в

мир мертвых. Но теперь было поздно. Тим походил на человека, которому в душу закинули раскаленные угли — он только не прыгал и не метался, рвя на себе одежду, и лишь стискивал зубы, пытаясь скрыть то, что с ним происходит. Он был напряжен до предела, каждое движение было нервным, порывистым, он злился и раздражался, взрываясь по малейшему поводу, чтобы дать выход своему душевному смятению и волнению. Исса наблюдал за ним, тщательно скрывая болезненную жалость, которую всегда к нему питал, но никогда, ни разу, не показал. И проклинал эту смазливую девицу, лишившую его друга покоя, заставляющую его страдать, так усложняющую его и без того непростую жизнь. Как и Тим, Исса был одинок в личной жизни, не имея постоянной подруги, но не потому, что не мог найти такую, а просто не находя ей место в своей опасной бродячей жизни и в своем свободолюбивом вольном сердце, но проблем в общении с прекрасным полом у него не было — он всегда мог найти девушку, когда нуждался в женском общении. В отличие от своего друга. Жестокие насмешки и прозвища еще в детстве ранили Тима, прочно укрепив в нем уверенность в собственной неполноценности и уродстве. Когда ему было восемнадцать, он попал в первый раз в госпиталь, и там ему очень понравилась одна молоденькая медсестра. Она открыто с ним кокетничала и, приободренный, окрыленный ее взаимностью парень стал смелее и увереннее, впервые почувствовав себя не хуже других. Он на самом деле ей нравился, и она не стеснялась это демонстрировать. Девушка оказалась не из скромных, и после непродолжительного флирта у них завязались более интимные отношения. Все было просто замечательно, так, как он и мечтать не мог... пока его не выписали. Когда Тим пришел с охапкой цветов к госпиталю, чтобы встретиться с ней с работы, и предложил проводить домой, девушка удивленно вскинула брови. Ее слова навсегда врезались в память и сердце Тима, они звучали в его ушах всякий раз, когда он смотрел на какую-либо девушку, заставляя его испытывать ярость и боль. «Не обижайся, — ласково сказала медсестра. — С тобой можно хорошо потрахаться... но не пройтись по улице. Меня подруги засмеют. Все подумают, что раз я с тобой, то потому что не могу найти себе нормального парня. Ты хороший. Если бы не шрамы...». Она виновато улыбнулась и ушла, так поспешно, оборачиваясь, и он понял, что она боится, что он увяжется за ней, что будет преследовать ее своей любовью, и не дай бог, все узнают о том, что она с ним спала. Это был самый унижительный, самый мерзкий момент в его жизни, когда он вот так стоял с цветами в руках и смотрел ей вслед неподвижным взглядом. Вопреки опасениям очаровательной медсестрички, а также ее тайным надеждам обрести в его лице вечного поклонника, смирившегося со своей участью отвергнутого и ползающего за ней шавкой, довольствуясь малым, но в нужный момент готового разорвать ее обидчика, больше она его не видела. Напрасно выглядывала она в окошко, пытаясь отыскать его взглядом, уверенная в том, что он тайком караулит ее, напрасно поспешила рассказать подругам о безумно влюбленном, изборожденном шрамами солдате, пережившем в плену пытки и расстрел, высоком, сильном, мужественном, чью любовь она отвергла, но позволит любить себя на расстоянии, чтобы обрести в нем надежную защиту. «Что еще ему остается? — думала она. — Ни одна нормальная девушка не захочет показаться с ним на людях, как с женихом». К ее удивлению, он исчез, и больше она никогда его не видела. А подруги так и не поверили в существование двухметрового героя в погонах, посчитав это выдумкой.

С тех пор Тим стал покупать себе женскую любовь, как предпочитал его друг. Пару раз на войне они вместе изнасиловали местных жительниц, случайно попавшихся им под нетрезвый взгляд. Исса не видел ничего зазорного в том, чтобы брать женщин силой, Тим же

таким образом пытался выплеснуть свою ненависть и обиду на женский пол, которые поднимались в нем под воздействием алкоголя. В глубине души он стыдился этих поступков, но тщательно скрывал это от друга, который посчитал бы это слабостью и слякотностью. Но Исса знал, что помимо общих взглядов, образа жизни и схожести во многом, есть что-то, в чем они отличаются друг от друга. Например, Иссе полностью устраивал образ жизни, где общение с женщинами у него ограничивалось только сексом, и в большем он пока не нуждался. Тим же хотел другого, того, чего у него быть не может, как он считал — женской любви, девушки, подруги, которая согрела бы его одинокое и израненное мужское сердце, насытила бы его тело искренней страстью, а не той, которую он привык покупать за деньги и которая была ему не интересна. Исса знал не одну девушку, которой понравился Тим, но тот упрямо держал оборону, больше всего на свете боясь пережить испытанное однажды невероятное унижение и спрятавшись под щитом болезненной гордости. Ничто на свете не могло бы заставить его снова подойти к девушке «с цветами». И лишь для мертвой Кэрол он носил цветы, открывая свои чувства над ее могилой. Теперь же он ощущал себя полным придурком. И безумно боялся ее, чувствуя себя уязвимым, незащищенным перед этой женщиной, которая нравилась ему так, что хотелось выть. Боялся, потому что знал, что одним взглядом, одним словом она может причинить ему душевную боль, которую он переносил не так стойко, как физическую, что может ранить так, что он уже никогда не оправится. Ему хотелось бежать от нее, от боли и муки, которые она причиняла ему одним своим существованием. Исса пытался убедить его в том, что он нравится Кэрол, что она хочет его, но Тим не верил и только злился, считая, что друг подшучивает над ним. Но Исса, разобравшись в Кэрол и заметив, что она смотрит на Тима именно так, как он хотел бы, загорелся надеждой, что у его несчастливца друга может что-то склеиться с возлюбленной, которая, похоже, ничего не имела против.

Исса искренне болел за него сердцем и давно мечтал, чтобы тот нашел себе женщину. Настрой Тима и его внешность были тому серьезным препятствием, и порой Исса уже не верил в то, что когда-нибудь его друг обзаведется парой. И Исса принял твердое решение, что если его друг останется одинок, он тоже никогда не завяжет серьезных отношений с женщиной. Они останутся навсегда бродягами, холостяками и одиночками, он, Нол и целый мир. И никаких женщин. Теперь, когда Исса разглядел шанс для друга, а тот так отчаянно сопротивлялся, отвергая явно заинтересованную им женщину, Исса начинал злиться на его бестолковость и упрямство. И так злиться, что порой ему хотелось треснуть его по башке, чтобы там прояснилось, а вся дурь вышла. Исса с трудом держал себя в руках, когда Тим отворачивался от Кэрол, что-то угрюмо бубнил в ответ, когда она к нему обращалась, и пытался отвергнуть любое проявление заботы и внимания с ее стороны.

Кэрол не показывала это, но Исса видел, что желания что-то делать для Тима и даже просто с ним общаться в ней все меньше и меньше. И вскоре Исса понял, что присутствие Тима стало ее тяготить. Кэрол нравилась Иссе все больше. Сначала в его воображении жила девочка, забитая и несчастная, о которой ему рассказывал друг. Потом этот образ сменился этаким стервой, самодовольной, высокомерной, живущей только для себя, считающей, что мир должен вертеться вокруг нее. Жена такого, как Джек Рэндэл, должна была быть именно такой — так считал Исса. Тим был ошеломлен тем, как преобразилась его подруга и ее жизнь. Роскошная женщина, красивая, богатая, воспитанница главы крупнейшей в Калифорнии строительной компании, жена кумира и живой легенды мира юриспруденции, а так же, как уже позже узнали Тим и Исса, авторитетного и ценного человека в мире

преступности, о связи с которым Джек Рэндэл тщательно и с успехом скрывал.

Тим был не только поражен, но и подавлен, понимая, что его жизнь кинула вниз, отобрав все, даже красоту, превратив в бродягу, никчемного, ничтожного, без дома, без образования, без будущего с тех пор, как армия поставила на нем крест, в человека, у которого не было ничего. И никого. Который умел только убивать и выживать сам. Не мог жить нормальной человеческой жизнью, как волк, который жаждет крови и охоты, привычной суровой бродячей жизни, где была борьба за выживание, опасности, которого дикий темный лес манит больше, чем ласковый огонек безопасного дома. А она, Кэрол, поднялась наверх, засияла над ним блеском и красотой, поразила и ранила этим расстоянием между ними, непреодолимым, как он посчитал, уверенный, что до нее ему уже никогда не дотянуться со дна своей пропасти. Ему оставалось только выть, оставаясь в своем темном лесу, выть одиноким диким волком, не надеясь, что очаровавшая его луна услышит его тоскливый вой.

И единственный во всем мире, кто мог его понять, был Исса. Но теперь Тиму казалось, что даже он теперь не с ним. Исса пригрелся в теплом уютном доме, рядом с его хозяйкой, растаял, разнежился. С теплотой и симпатией он теперь смотрел на ту, которую совсем недавно ненавидел, и, как казалось, был на ее стороне и против него, перебежав на другую сторону, как голодный пес, которого приманили лакомым куском. Тим был уверен, что друг положил на нее глаз, если вообще не влюбился по уши, потому что впервые Тим видел, чтобы тот так относился к женщине, так резко и за такой короткий срок поменяв к ней свое отношение. Она тоже стала заметно приветливей и мягче с Иссой, в то время как с ним была все холоднее. А за «сводничеством» друга, который якобы хотел убедить его в том, что Кэрол им заинтересована, Тим видел попытку скрыть тайные намерения самому добиться расположения соблазнительной красавицы, что Иссе и удавалось. На Тима же он смотрел все с большим раздражением и злостью. И Тим горевал, считая, что уже потерял единственного друга, и дальнейший путь бродячего волка ему придется продолжить уже одному, без своего товарища. Вот теперь он останется совсем один, и, возможно, без своего друга, без его поддержки, погибнет один в своем лесу, как рано или поздно случается почти со всеми одиночками. Он не догадывался, что Исса злится из-за того, что он не использует предоставленный ему шанс сблизиться с Кэрол, что обижает ее своим поведением. В глазах этой женщины Исса разглядел столько скрытой боли, столько тоски и одиночества, что даже его сердце растаяло. Он понял, как она одинока и незащищена, что живет какими-то только ей одной ведомыми страданиями и печалью, которые ни с кем не хотела делить. Его терзало любопытство, он хотел бы знать, что прятала в душе эта молодая красивая женщина, которая совсем не радовалась ни своей молодости, ни красоте. Когда он смотрел в ее большие прозрачные глаза, у него щемило в груди. Он никогда раньше не видел глаз, которые бы так брали за душу. Когда Исса видел их, его наполняла странная нежность, и в такие моменты он готов был расправиться с каждым, кто попытался бы ее обидеть. Даже с Тимом. С ним — особенно. Потому что этот болван в своем упрямстве и безумном страхе быть отвергнутым ничего не замечал и не желал слушать того, кто, в отличие от него, все понял и разглядел. Терпение Кэрол и Иссы лопнуло одновременно.

Утром Кэрол принесла Тиму завтрак. Исса был с ним, и встретил девушку теплой приветливой улыбкой.

Спайк тоже порадовался ее появлению, вскочив на ноги и энергично завиляв хвостом. Только Тим остался неприветлив и хмур, а улыбки, которыми обменялись Исса и Кэрол,

заставили его побледнеть от злости. Исподлобья следил он за девушкой сверкающим мрачным взглядом, как на приближающегося врага.

— Я ничего не хочу! — бросил он, когда она наклонилась, чтобы поставить поднос ему на колени.

Кэрол задержала на нем взгляд. Тим вызывающе и упрямо смотрел ей в глаза, удивляя своей ненавистью и злобой. Никогда не думала Кэрол, что эти красивые синие глаза, которые она так любила в детстве, способны смотреть на нее с таким выражением. В чем же она виновата перед ним, чтобы заслужить такую неприязнь? Не она ли должна сердиться за то, что охотился за ее сыном, что оскорбил и изнасиловал? А она завтраки ему в постель носит, от которых он нос воротит. Она все еще воспринимала его, как Тимми, своего любимого ангелочка, жалела и готова была простить, испытывая вину за его изуродованное тело и жизнь, а между тем перед ней был кто-то совсем другой, незнакомый, чужой, опасный, который смотрел на нее, как на врага. Он не хотел завтрака, который она приготовила для него с таким старанием, не хотел ее общества. Обида и горечь поднялись в ней, и она опустила взгляд на поднос, чтобы скрыть их. Разочарование и досада отвергнутой женщины, обманутой в своих надеждах, вылились в волну злобы, окатившей ее изнутри.

Она выпрямилась и при этом как бы невзначай слегка наклонила поднос. Чашка кофе и тарелка с горячими тостами скользнули по наклонной плоскости и упали на одеяло. Тим подскочил, потому что горячий завтрак оказался на нем прямо пониже живота, и сорвал с себя одеяло, испугавшись за свою единственную часть тела, которая оставалась невредимой.

— Дура! Осторожнее! — гаркнул он вдруг прорезавшимся голосом.

Кэрол залилась краской ярости и обиды, но осталась спокойной. Боковым зрением она увидела, как поднялся Исса, почувствовала на себе его взгляд. И вдруг поняла, что готова разреветься от обиды, как последняя дурочка. Чтобы скрыть, как расстроила ее грубость Тима, Кэрол небрежно швырнула поднос следом за завтраком, заставив Тима вновь подпрыгнуть.

— Сам дурак! — бросила она дрожащим от негодования и ярости голосом и, не взглянув на Иссу, вышла из комнаты, сердито хлопнув дверью. После этого в комнате воцарилась тишина.

Застыв на кровати, Тим смотрел на закрывшуюся дверь. Исса, задыхаясь от ярости, раздувая ноздри и сверкая глазами, уставился на него. Тим повернулся к нему, когда он подошел, и тут же упал на спину, опрокинутый сильным ударом в плечо.

— Болван! Жаль, не прижгло тебе яйца — тебе они все равно ни к чему!

Забрав поднос, Исса развернулся и вышел вслед за Кэрол.

За весь день ни он, ни она не заглянули в спальню. Исса украшал дом, потом притащил елку, веселый, радостный в предвкушении праздника, совершенно не заботясь, как казалось, что его друг весь день томится в одиночестве и голодный. Кэрол вообще словно забыла о существовании Тима. Они выпили с Иссой бутылку шампанского, и он сумел заразить ее своим весельем и детской предпраздничной радостью. Они разговаривали, шутили, смеялись, зная, что Тим их слышит. О том, что произошло в спальне и вообще о нем, они не говорили.

Патрик с соседскими мальчишками носился на улице, играя в снежки, и буквально минут за десять до его прихода, дверь спальни вдруг открылась, и из темной комнаты в залитую светом гостиную вышел Тим. Щурясь от яркого света, он отыскал взглядом Кэрол, а

затем Иссу.

— Дружище, мне нужна твоя помощь, — небрежно окликнул его Исса, заметив. — Не мог бы ты подержать это чертово дерево, пока я его закреплю на этой допотопной подставке?

Кэрол удивленно обернулась. Тим, одетый в джинсы и узкую майку, превосходно смотревшуюся на его крепком стройном стане, медленно подошел к Иссе, отворачиваясь от Кэрол. Он придержал елку, пока Исса возился внизу с подставкой. Выпрямившись во весь рост, Исса улыбнулся ему.

— Что-то ты бледный, приятель. Давай-ка располагайся на кресле, посиди. Твоему простреленному легкому все еще нужен покой.

Тим устроился в кресле, так и не сказав ни слова.

Кэрол гадала, что заставило его все-таки выйти к ним. Не голод, это уж точно. Может, он сам устал от своего упрямства и одиночества, слыша их предпраздничную возню, громкие веселые голоса, и просто не выдержал в своей темной спальне, откуда даже Спайк сбежал. Неужели они с Иссой переломили его упрямство? Он сам вышел к ним, когда они бросили его одного на целый день, но оставался все таким же угрюмым и невеселым, тихо сидя в кресле и наблюдая за ними. Исса старался его растормошить, разговорить, Тим говорил с неохотой, но все-таки говорил. Когда пришел Патрик, обстановка заметно разрядилась.

Закончив с приготовлением праздничного ужина, Кэрол оставила близнецов под присмотром Патрика и удалилась в спальню, чтобы привести себя в порядок. Со вздохом она посмотрела на залитую кофе постель и засохшие тосты, сложенные аккуратной стопочкой на столике. Сердито поджав губы, она отвернулась и села перед зеркалом. Уронив голову на руки, она долго сидела неподвижно, сбросив свою напускную веселость, которую так старался в ней разжечь Исса. Потом подняла голову и взглянула на свое скованное печалью лицо. И испугалась собственного отражения, отчаяния и страха в своих больных глазах.

— Габриэла, почему ты оставила меня? — прошептала она чуть слышно. — Неужели я действительно скоро умру, и никак нельзя этому помешать? Я не хочу... Спаси меня, Габриэла... не оставляй меня... Габриэла, Габриэла, помоги, умоляю... помоги...

В глазах вдруг потемнело, Кэрол почувствовала, как провалилась во тьму. И оказалась в знакомой комнате, где была так давно, перед слепой уродливой старухой, которая смотрела на нее бесцветными, ничего не выражающими глазами. И Кэрол с криком радости бросилась к ней и прижалась к ее коленям, как испуганный, просящий защиты ребенок.

— Ты услышала меня! — простонала она. — О, Габриэла!

— Дитя мое, не плачь, — худая дрожащая рука легла ей на затылок.

— Это правда? Правда, что я скоро умру? Или, может быть, я опять ошиблась в своих видениях и напрасно теперь страдаю, готовясь к смерти?

— Мне жаль... но на этот раз ты не ошиблась. Твое проклятие убивает других, но и тем, кто его несет, не позволяет жить долго. Я вижу, что все в твоём роду, кому оно передалось, умирали молодыми. Кто-то раньше, кто-то позже... Ты родила сына, передала ему свое проклятие, и темной силе твоя жизнь теперь ни к чему, потому что оно уже нашло себе продолжение.

— Значит, права я была, когда боялась, что когда-нибудь оно доберется и до меня, — в ужасе прохрипела Кэрол.

— Вопрос времени. Как только твой сын наберет достаточно сил для того, чтобы обходиться без тебя, ты умрешь. Не сопротивляйся, девочка. Подчинись судьбе. Умирать

страшно, но на этот раз судьба проявляет милосердие, обрывая твою молодую жизнь, ибо ты не узнаешь страшной муки, которая все равно убьет тебя, если ты останешься жива. Если тебе нужен мой совет, я скажу тебе — будь мужественной и умри. Умри, чтобы не знать, не видеть того, что будет дальше.

— А что будет дальше? Неужели для меня есть что-то страшнее того, что происходит со мною сейчас?

— Ты можешь сама судить об этом, если выберешь жизнь.

— Значит, у меня все-таки есть шанс? Я могу выбрать, как ты говоришь?

— Почему нет? Ведь ты всегда сопротивлялась, можешь делать это и дальше. Есть вариант для тебя жить дальше и не познать уготованной тебе в будущем муки... но ты не воспользуешься им, я знаю.

Кэрол крепко схватила ее за руки, умоляюще смотря в слепые глаза.

— Скажи! Скажи, умоляю! Я все сделаю, чтобы избежать смерти и обрести спокойную жизнь! Чтобы это проклятие оставило меня, перестало мучить!

— Все? — старуха презрительно усмехнулась, демонстрируя, что не верит.

— Все!

— Ты не сможешь. Для этого в тебе маловато мужества и сил.

— Все сделаю, все! — запальчиво кричала Кэрол, обезумев от надежды.

— Тогда убей своего сына. Ибо именно он заставит тебя пожалеть о том, что ты воспротивилась и не умерла в положенный срок. Держи подле себя благословенного, чтобы он своим светом не подпускал к тебе тьму, и так ты сможешь прожить долгую жизнь и, возможно, обрести покой и счастье.

— Убить Патрика? Ты с ума сошла? Мой мальчик ни в чем не виноват, он всего лишь ребенок!

— В твоём сыне растёт страшная сила... и страшное зло. Сохранив жизнь себе и ему, ты познаешь кошмар, такой, что вся твоя жизнь покажется тебе сладкой и легкой по сравнению со всем этим. Убей его, не рожай больше, и проклятие умрет вместе с тобой, не найдя больше себе продолжения. Только так ты можешь уничтожить это проклятие — убить того, кому его передала, и унести за собой в могилу это зло.

— Боже... разве нет другого способа?

— Уничтожить проклятие — нет. Твой сын вырастет и передаст проклятие одному из своих детей... и так до бесконечности, как продолжалось до сих пор.

— Я не причиню вреда Патрику, никогда. Скорее, умру сама.

— Умирай. Но умирая, ты будешь знать, что оставила зло в этом мире, отдала ему своего сына, обрекла на гибель многих людей, которые станут жертвой этого проклятия. И их смерти будут на твоей совести, потому что ты не нашла в себе сил этому помешать.

Кэрол дрожала, прижимаясь к худым старческим коленям, сидя на холодном полу.

— Габриэла, ты убиваешь меня! Я просила у тебя утешения, помощи, а ты мучаешь меня, разрываешь мою душу. Тысячи смертей невинных людей не станут для меня бременем тяжелее брeмени смерти моего мальчика, если бы я оборвала его жизнь. Он не виноват, как не виновата я. Ведь мы с ним тоже всего лишь жертвы этого проклятия. Должен быть другой выход, другой способ! Сжался, Габриэла, не мучай меня так! Скажи мне, что делать! Только не говори о том, что мой сыночек должен умереть! Не смей это говорить!

— Хорошо, — равнодушно ответила старуха. — Я вижу, ты сделала свой выбор. У тебя был шанс, но ты не захотела его использовать. Ты позволишь злу разгуляться в этом мире.

Бог тебе судья, девочка, и твоя собственная совесть. За свою слабость ты еще заплатишься. Я помогу тебе, подскажу, что делать. Твой единственный шанс выжить, если не считать шанс, который ты отвергла — это благословенный. Пусть своим присутствием он отгонит от тебя тьму и спасет твою жалкую жизнь, дабы ты смогла увидеть последствия своей трусости и слабости. Может быть, он поможет и твоему сыну. Только это труднее, потому что разница между тобой и твоим сыном в том, что тьма вокруг тебя, а у Патрика она внутри, в нем самом. И свет благословенного может попросту туда не достать. Но, как знать... Если вокруг мальчика будет свет благословенного, он не позволит тьме вырваться наружу. Попробуйся, девочка. Попробуйся спасти себя и своего сына. Только не ошибись. Не ошибись, ибо это ошибка отнимет жизнь у Джека, у тебя, и обрушит на мир страшное зло... Помни, что муж твой должен жить.

— Я никогда об этом не забываю, ни на секунду.

— От того, будет ли жить твой муж, зависит все. Только не ошибись.

— В чем я могу ошибиться?

Образ Габриэлы померк, стал исчезать, она что-то говорила, но Кэрол уже не могла различить слов в удаляющихся звуках ее голоса. Она отчаянно сопротивлялась, пытаясь вернуться к Габриэле, но что-то все больше отдаляло их друг от друга, унося ее куда-то от провидицы. Она почувствовала на своем теле чьи-то сильные руки, попыталась вырваться, но тело не подчинилось ей, налитое непреодолимой слабостью. Разомкнув веки, она увидела перед собой взволнованные лица Иссы, Патрика и Тима. Она осознала, что лежит на полу, в спальне, а Исса держит ее в своих объятиях. И поняла, что потеряла сознание и свалилась со стула, а кто-то из них услышал. Они привели ее в чувства, не позволив дослушать Габриэлу.

— Мам, ты чего?

Кэрол улыбнулась, любуясь красивым лицом сына. Убить его? Никогда, ни за что. Разве есть на свете ребенок прекраснее? Разве может быть в этом невинном создании что-то плохое, за что его следовало убить? Пусть только кто-нибудь попробует. Она своими руками вырвет у того сердце, будь то хоть сама Габриэла.

— Ничего. Со мной все в порядке, — Кэрол погладила мальчика по руке и, извиняясь, улыбнулась Иссе. Тот хмуро смотрел на нее, помогая подняться с пола, и придержал за талию, опасаясь, что она опять упадет. Подняв голову, Кэрол поймала взгляд Тима и замерла, впившись в него глазами. Он! Он ее спасение! Их спасение!

Ее странный взгляд заставил Тима растеряться. Впервые в жизни женщина смотрела на него так пристально, так пылко, жадно. Казалось, что она хотела схватить его, вцепиться и больше никогда не отпустить. А еще в глазах ее была странная мольба, как будто она просила его о чем-то.

«Спаси меня!» — кричала про себя ему Кэрол. Но разве он мог понять ее взгляд, догадаться о том, что ей нужно от него и как он ей нужен!

Он молчал, стоя на месте. И не он привел ее в чувства, не в его объятиях она очнулась, и не он сейчас поддерживал ее. Он стоял в стороне, чужой, холодный, неприветливый. И смотрел на нее злым взглядом. Кэрол отвела взгляд, почувствовав, как отчаяние снова берет над ней верх. Как же ей, слабой хрупкой женщине, удержать подле себя этого упрямого ненавистного дикаря? Посадить на толстую цепь и приковать к стене?

Патрик выскользнул из комнаты, беспокоясь о близнецах, оставленных одними в гостиной. Кэрол отстранилась от Иссы, поблагодарив его ласковой улыбкой. Он не отводил от нее пристального взгляда.

— Что с тобой? — настойчиво спросил он. — Ты больна?

— Нет, — Кэрол качнула головой.

— Тогда из-за чего этот обморок?

Его настойчивость удивила Кэрол. Она подняла на него взгляд.

— Не знаю.

Исса еще больше нахмурился, не поверив. Смерив женщину мрачным угрюмым взглядом, он оставил вопросы.

— Спасибо. Со мной все в порядке, правда, — мягко сказала Кэрол, нежно посмотрев сначала на одного, затем на другого. — Я скоро к вам присоединюсь.

Мужчины нехотя удалились, оставив ее одну. Кэрол проводила взглядом Тима, разглядывая его высокую фигуру, и решительно уселась перед зеркалом. Через полчаса она пристально изучала свое отражение. Загнанное выражение исчезло из ее глаз. Она была полна решимости. Давно она так не старалась над своей внешностью, как сегодня. Она готова была бороться за свою жизнь, если был шанс спастись. Ее шансом был всего лишь мужчина.

— Я сильная. Я красивая, — прошептала она, разглядывая себя в зеркале. — И я заставлю тебя, Тимми, каким бы упрямым ты ни был!

С улыбкой она поменяла простыни на постели, навела в комнате порядок и вышла в гостиную.

— Я готова, — весело объявила она, привлекая внимание. — Праздник начинается!

Она улыбнулась, невозмутимо остановившись под впившимися в нее взглядами мужчин. Тим приоткрыл рот, сидя в кресле и ошеломленно смотря на нее. Кэрол спокойно перехватила его взгляд, радуясь про себя произведенному эффекту. Исса утверждал, что он и Тим никогда и «рядом не стояли» с «такой» красивой женщиной. Эти двое, несомненно, считали ее красавицей. А Тима с его комплексом неполноценности и собственного уродства ее красота ранила и в его глазах делала ее недостижимой для него, изуродованного и одинокого. Кэрол поняла это, когда увидела, как понуро опустил он голову, отведя от нее взгляд, расстроенный, раздавленный ее великолепием. Ей стало так его жаль, что она с трудом удержалась от того, чтобы подойти к нему, обнять и прошептать ласково о том, какой он дурачок.

Исса тоже погрузился, хоть и не скрывал своего восхищения, смотря на нее, и сделал ей комплимент, в отличие от друга, который делал вид, что не замечает ее красоты. Но его деланное безразличие больше не вводило Кэрол в заблуждение. Его взгляд, когда она предстала перед ним в красивом платье, с убранными в прическу волосами и вечерним макияжем на лице, сказал ей все, что она хотела знать. Кэрол была крайне довольна собой и почти счастлива, окрыленная появившейся надеждой. Сколько мучительных дней и ночей она отсчитывала минуты до смерти, и вот узнает, что ее можно избежать. Кэрол хотелось плакать от радости. Так может чувствовать себя только человек, приговоренный к смерти, который получил возможность избежать казни. Да, она умрет, но не сейчас, не как казненная преступница, а через много-много лет старой женщиной, увидевшей, как выросли ее дети, и, возможно, внуки. Она, проклятая, гонимая, спрячется, согреется в лучах света благословенного и обретет покой. Этого человека защищали неведомые силы, которые смогут защитить и ее, если она будет рядом. И она будет, чего бы ей это не стоило. Даже если ей придется взять Тима в плен, спрятать в подвале и удерживать силой. Она посадит его на цепь, чтобы удержать, если это спасет ей жизнь. Но это, конечно, в крайнем случае, и

Кэрол надеялась, что найдет другой способ держать подле себя это чудо, способное сохранить ей жизнь.

За ужином она была веселой, удивляя всех столь резкой переменой, произошедшей в ней. Глаза ее, давно угасшие, блестели. Казалось, в ней вдруг проснулась жизнь и само желание жить. Она поняла, что хочет жить, какой бы не была ее жизнь, даже если никогда она не будет счастлива, не научится снова искренне смеяться и веселиться, никогда не воссоединится снова с Джеком и до последнего вздоха будет страдать от тоски и любви к нему. Пусть. Даже страдания — это жизнь. А она хотела жить, так хотела, как никогда, безумно испугавшись скорой смерти.

Вскоре она почувствовала, что обстановка начинает разряжаться. Ее приветливость, мягкость и очарование заставили мужчин разомлеть. Даже Тим растаял, от души наевшись и выпив добрую порцию шампанского, от которого сначала категорично отказывался. Но Исса его переупрямил и заставил выпить, объяснив Кэрол, почему Тим отказывается. После ранения в голову спиртное ему противопоказано, потому что Тим тогда терял координацию, которая подводила его и в трезвом виде, не говоря уже об ином состоянии. Пообещав другу, что как только он начнет терять контроль над собой, он, Исса, заботливо уложит его в постель, черноглазый плут вручил Тиму бокал. Успокоившись и полностью доверяя другу, Тим расслабился и с удовольствием попивал шампанское. Кэрол, наблюдая за ним, думала о том, что раньше никогда не замечала в нем признаки этого недуга, проблем с координацией. Или при ней с ним такого не случалось, или он научился это скрывать. Но сегодня, похоже, ей предстояло это увидеть, если учесть то, что Тим больше не отказывался, когда Исса наполнял его бокал. Но пока с Тимом было все в порядке, он улыбался, смеялся, отбросив, наконец, свой угрюмый неприветливый вид. И впервые Кэрол почувствовала себя уютно и легко в их компании. Даже более того, сейчас ей было хорошо, как давно уже не было. Чувство одиночества вдруг оставило ее. Может, это ударило в голову шампанское, может, она сама себя убедила в том, что не одинока, смотря на этих двух чужих мужчин в ее доме, а может, чувствуя их одиночество, зная, что они, как и она, одни в этом мире, впустила их в свой мир, в свою семью, и, разделив с ними праздник, поделила одиночество. Им тоже было хорошо здесь, она видела. И в этот вечер совсем забыла, что они собой представляют и что было совсем недавно, как они ворвались в ее жизнь и в ее дом. Забыла о своем страхе перед ними.

И только Патрик был недоволен. Хмуро смотрел он на развеселившуюся мать и двух молодых мужчин рядом с ней, пожирающих ее горящими взглядами. Гадал, зачем она нарядилась, кому хотела понравиться. Ясно кому — Иссе. Патрик был в этом уверен, не воспринимая Тима, как мужчину, который может понравиться матери. Ведь она была такой красавицей. А красавицы никогда не интересуются парнями, у которых есть недостатки во внешности, а тем более такие, как у бедного Тима. Поэтому мальчик видел угрозу в Иссе, не спускал с него глаз, полный решимости не подпустить его к матери. Но ничего такого, в чем можно было упрекнуть ее и за что — придраться к нему, он пока не замечал. Они разговаривали, шутили, смеялись — и больше ничего. Патрик верил матери и не ждал от нее притворства, знал, что она любит отца, но уже понимал, что она молодая красивая женщина, а Исса хитрый прожженный парень, вполне способный задурить голову. И Патрик не мог не заметить, что мать стала относиться к нему иначе, теплее, мягче. Исса сумел ей все-таки понравиться, и это после всего-то! Все это заставляло Патрика находиться в напряжении, он злился, безумно ревнуя мать. И вместе с тем, Исса тоже ему нравился, не смотря ни на что!

И Тим нравился. Они были безумно интересны мальчику. Ведь они были настоящими бродягами, солдатами, их жизнь была полна приключений, опасностей и испытаний. Они вызывали в мальчике восхищение, и хоть он этого не показывал, в душе он восторгался этими двумя. Они столькому могли научить, тому, что было ему интересно, чему не научит никто другой, даже отец. Даже мастерство карманников, о котором помалкивал Тим и без смущения демонстрировал Исса, приводило Патрика в восторг. Он не знал, зачем, но мечтал, чтобы они научили его даже этому — чистить карманы. Жадный до знаний, он готов был учиться всему, впитать губкой все, что было возможно, считая, что в жизни пригодится все. Патрик знал, что Тим тоже довольно успешно занимался воровством в свое время, Исса рассказал, что сам его научил этому, но с просьбами поделиться мастерством приставал к Иссе, потому что Тим как вроде стыдился и стеснялся своих воровских навыков, сердясь на Иссу за то, что тот все разболтал. Исса от нечего делать показал мальчику несколько приемчиков, напрасно надеясь, что на этом тот от него отстанет. Патрик не хотел портить отношения с Иссой, считая его для себя весьма полезным, поэтому пока сдерживал свое недовольство тем, что тот крутится возле матери.

И в этот вечер не вмешивался в общение взрослых, хоть и наблюдал за каждым их движением и взглядом, надеясь, что ссориться из-за мамы с Иссой все-таки не придется.

После ужина все вышли на улицу. Близнецы, укутанные одеялами, дремали в двухместной коляске, а Патрик и Исса обстреливали друг друга снежками, потом вдруг набросились на Кэрол и Тима, не принимающих участие в их игре. Подставив под обрушившиеся на него снежки широкую спину, Тим отвернулся и осторожно наклонился, чтобы зачерпнуть снега, пытаясь не потревожить рану. Скатав снег, он развернулся и с улыбкой запустил пару снежков в Иссу и Патрика.

— Эй, приятель, не размахивай руками, не забывай, что у тебя дырка в легких! — весело крикнул ему Исса и, схватив Патрика, целящегося в Тима, за шиворот, сунул снежок ему за воротник. Вскрикнув от ярости, мальчишка набросился на него. Исса позволил столкнуться себя в сугроб, и завозился в снегу с мальчишкой в игривой борьбе.

Кэрол, отряхивая с пальто снег после обстрела снежками, улыбнулась Тиму и кивнула в сторону Иссы.

— Он такой странный. Такой разный, что ли. То один, то другой. То злой и агрессивный, то веселый и приветливый. Какой же он на самом деле?

Тим пожал плечами и тихо ответил:

— Как сказать? Он не злой. От природы он веселый, а жизнь, наверное, сделала его жестоким. Он не разный, он всегда один и тот же, просто ты его плохо знаешь.

— А правда, что он убивал женщин?

Лицо Тима резко ожесточилось. Он поднял голову, отвернувшись от Кэрол.

— На войне бывали ситуации, когда... приходилось.

— Что же это за ситуации такие? — Кэрол не могла скрыть негодования и недоверия.

Он промолчал. Кэрол пожалела, что задала такой вопрос. Повисло напряженное молчание, нарушаемое лишь возгласами копошащихся в снегу Иссы и Патрика. Кэрол поняла, что ей никогда не следует задавать подобные вопросы Тиму, ни о нем, ни об Иссе. Последний ответил бы на любой вопрос, нагло, не моргнув глазом, шокируя дерзостью и откровенностью. Тим был другим. Он не подпускал к себе, не терпел попыток вторгнуться в его жизнь, особенно в тайные и темные ее стороны. И Кэрол была уверена, что если спросит его о том, как он стал наемным убийцей, или вообще даже просто упомянет об этом, то

никогда его больше не увидит.

Протянув руку, она взяла его кисть и нежно сжала, но он тут же вырвался, как будто она его обожгла.

Опустив взгляд, он удивленно посмотрел на нее. Кэрол ласково улыбнулась и снова взяла его за руку, крепко, настойчиво сжав пальцами, давая понять, что больше не отпустит. Он напрягся, и она была уверена, что он снова вырвется, но он вдруг смутился и отвернулся, чтобы скрыть от нее порозовевшие щеки. Приподняв его руку, Кэрол заставила ее согнуться, и, продолжая держать его кисть, другую ладонь положила на его предплечье, ненавязчиво прильнув ему под бок. Поежилась, делая вид, что замерзла, и, умиротворенно вздохнув, склонила голову, прижавшись к мускулистой руке, и стала наблюдать за Патриком и Иссой. Тим напряженно замер, но не отстранил ее. «Не бойся, не укушу» — так и подмывало сказать Кэрол. Вскоре она почувствовала, что он расслабился. И вдруг обнял ее за плечи. Удивленно подняв голову, Кэрол встретила его улыбающийся взгляд. Не совсем трезвый взгляд.

— С возвращением, Тимми, — прошептала с улыбкой она. — Мой Тимми. Ты вернулся ко мне... ведь так?

— Кэрол, — дрожащим голосом отозвался он. — Я помнил о тебе... все эти годы.

— Я знаю, Тимми. Я тоже. И я рада, что мы снова вместе. Ведь ты не оставишь меня... снова?

Улыбка исчезла из его глаз, ее сменила горечь.

— Если тебе понадобится помощь, можешь на меня рассчитывать, — уклонился он.

— Спасибо. Значит ли это, что ты не исчезнешь без следа... снова? — Кэрол внимательно смотрела ему в лицо. Он поднял голову, посмотрев в сторону. И не ответил.

— Ты один у меня остался, — шепнула Кэрол, не сдаваясь. — Здесь, в *этой* жизни, я осталась одна. Она пустая, потому что все и всех я оставила в той, другой жизни... жизни Кэрол, которой больше нет. Только детей я взяла с собой. Ты не захотел общаться с Кэрол... с Кэрол Рэндэл. А как насчет Сандры Эванс? Дороги Тимми и Кэрол разошлись, но ведь их больше нет, ни Тимми, ни Кэрол. Может быть, у Нола и Сандры все выйдет иначе?

Он снова промолчал, застыв, как заледеневшая статуя. Кэрол плотнее прижалась к нему, повиснув на крепкой руке, и не сказала больше ни слова. Говорить дальше было лишним, того, что она уже сказала, было достаточно. Каким бы холодным и отстраненным он ни был, она знала, чувствовала, что слова ее не пролетели мимо, они достигли цели — его одинокого влюбленного сердца. А в том, что он был в нее влюблен, она больше не сомневалась. Она уже не была так неразборчива в мужчинах, как раньше. Всего лишь на мгновение он потерял над собой контроль, уронив маску, под которой от нее прятался, она могла не заметить этого мгновения, пропустить, но она заметила. Взгляд, которым он посмотрел на нее, когда она вышла из спальни с намерением продемонстрировать ему свою красоту во всем ее великолепии, выдал его истинное отношение к ней. Теперь, после ее слов, он мог или остаться верным своим принципам, своему упрямству, страху или чего у него там было в голове, и снова сбежать, или сдать оборону и перестать ее отталкивать. Кэрол вздохнула, сжимая его руку и с неудовольствием думая о том, что она в буквальном смысле повисла на мужчине, улыбается и ищет его расположения, когда он всеми силами ее отталкивает. Она даже закрыла глаза на то, что он ее изнасиловал, делая вид, что готова простить, хотя на самом деле считала, что это был поступок настоящего подонка и мерзавца, как Кевин. И если бы не пророчество Габриэлы, ее поведение с ним было бы совсем иным.

Она была удивлена, когда поняла, что сейчас он сам думал именно об этом.

— Встреча с Сандрой была не совсем... э... хорошей, — смущенно и подавлено вдруг сказал он после продолжительного молчания.

— Потому что она встретилась, наконец-то, с Нолом. Это было жестко и больно, но зато она, наконец-то, поняла, что ее Тимми больше нет. И никогда не будет. Тимми никогда бы так не поступил с Кэрл. Но ведь я больше не Кэрл. А ты не Тимми. Нол для меня чужой и непонятный, и только он сам знает, почему он так поступил. Может, он таким образом решил убедить меня в том, что он больше не Тимми? Тогда у него получилось.

— Он не знает, — выдавил Тим. — Не знает, что тогда с ним произошло, и почему он так поступил. Но ему... очень стыдно. Он сожалеет. И очень бы хотел, чтобы ты его простила.

— Что-то я этого не заметила. Давай так. Будем это считать расплатой и наказанием за то, что из-за меня ты попал в беду в том парке. Пусть это будет Тим, который вернулся и наказал Кэрл. И после этого их больше не стало. Теперь есть только Нол и Сандра.

Он медленно отстранился и отнял у нее свою руку, смотря сверху вниз загоревшимся взглядом.

— Это не так! Я... я не наказывал! Твоей вины нет... и никогда я не думал иначе! Ты не сделала мне ничего такого, за что пришлось бы расплачиваться!

— Правда? Тогда за что ты меня так ненавидишь?

Ее вопрос застал его врасплох, заставил растеряться, смутиться.

— Я... я не ненавижу... — он стал заикаться, виновато спрятав глаза. — Правда... ты не сделала мне ничего плохого.

— Но ты ведешь себя так, будто я твой смертельный враг, который нанес тебе непростительную обиду. И ты демонстрируешь это, для того, чтобы я это поняла, поняла, что ты меня ненавидишь. Потому я и спрашиваю — почему? Скажи, может, тогда я исправлю то зло, которое причинила. Или оно настолько велико, что это невозможно? — наседала Кэрл, впившись в него упрямым взглядом, загоняя его в угол, в ловушку, из которой он не мог выбраться. Он не хотел, чтобы она винила себя в том, что произошло много лет назад в парке, но другой причины объяснить свое столь агрессивное и отрицательное поведение по отношению к ней, он найти не мог. И не мог сказать настоящую. Не мог сказать о своей любви, о страдании, об отчаянии. Обо всех своих чувствах, которые разрывали ему сердце. Что он ненавидел ее, потому что любил, потому что она заставляла его мучиться. Ненавидел за то, что была в его глазах такой прекрасной, и тем самым заставляла его, как никогда остро, ощущать свой физический недостаток, свое уродство, и их несовместимость. Находясь рядом, она изводила его, издевалась, дразнила своей красотой и своей приветливостью. Было бы легче, если бы она смотрела сквозь него или с неприязнью. Тогда бы его сердце не колотилось так, не сжималось так больно от каждой ее улыбки ему, от каждого мягкого ласкового взгляда. Он не понимал, что ей надо, зачем она с ним такая, даже после того, как он ее изнасиловал. О последнем он вообще старался не вспоминать. Во-первых, ему действительно было стыдно перед ней, а во-вторых, он чувствовал, что готов снова это сделать, не смотря на свой стыд. Сколько раз ему приходилось подавлять порыв схватить ее, когда она сидела рядом у постели, обрабатывая его рану. Знала бы она, что за мысли были у него в голове в эти мгновения, не сидела бы так спокойно рядом, не прикасалась бы к нему, не подозревая об опасности. Тим наивно предполагал, что она не догадывается, не замечает этого, потому так беспечна и не боится оставаться с ним наедине в спальне. Не подозревала,

что он пересмотрел каждую вещь в ее спальне, как только смог встать, а по ночам заглядывал в комод для белья, гладил, целовал ее вещи, как одержимый, предаваясь безумным мечтам... И он решил, что перед тем, как исчезнуть, он возьмет ее еще раз. И плевать, что она будет потом думать. Никогда он больше не покажется ей на глаза. Но напоследок оторвется по полной, дав выход своей страсти, которая так его измучила. Но своей доверчивостью, незащищенностью и теплым отношением, которое он никак не мог себе объяснить, она связывала ему руки. Нужно быть последним мерзавцем, чтобы после этого сделать с ней то, что он задумал. И он злился, почти мечтая о том, чтобы она дала ему повод, чтобы обидела или спровоцировала, дабы потом он мог оправдаться в собственных глазах. Казалось, что она искренне радовалась тому, что они снова встретились, прямо говорит о том, что не хочет, чтобы он исчез из ее жизни. Почему? Он не мог понять ее, не знал, что ей нужно от него. Но все это вселяло в него мучительную надежду, которую он гнал прочь. Но эта надежда тоже мешала ему в осуществлении своих замыслов. Если он сделает то, что задумал, у него не будет иного выхода, кроме как уйти и никогда больше к ней не возвращаться. И он не решался, не веря в их отношения, но боясь разрушить возможность на их продолжение, даже если она была только иллюзией. И он решил посмотреть, что будет дальше, убедив себя в том, что трахнуть ее и уйти он всегда успеет. Только бы не сорваться... как той ночью. Как только он поймет, что ей от него нужно, тогда он и определит, что делать дальше и как поступить. А сейчас он готов был вырваться и убежать, когда понял, что не может найти ответ на ее вопросы и объяснить свое поведение, поняв, что она намного проницательнее, чем он думал, и безумно испугавшись, что будет разоблачен в своих чувствах. Ему на помощь пришел Исса, который, весь в снегу, с побежденным Патриком под мышкой, подошел к ним и предложил вернуться в дом. Тим помог Кэрол занести коляску, пока Исса нес по ступенькам хохочущего Патрика. Кэрол, смотря на сына, улыбалась. Редко она видела своего сына таким веселым и озорным.

Кэрол отправилась укладывать детей, почти силой уводя в детскую разгулявшегося Патрика. Исса вызвался убрать со стола и вымыть посуду. Когда Кэрол вернулась в гостиную, она застала мужчин обнявшимися на диване и тихо напевающими какую-то песню.

— Скажи мне, мой друг, чем я не такой?

В постели с любимой моею другой...

Я пес беспризорный, и морда в крови,

Но сердце мое болит от любви.

Я грешный, жестокий, побитый судьбой,

Бродяга и плут, и только с тобою

Делю этот мир, мой друг и мой брат,

Мы оба такие, но кто виноват?

Кэрол неподвижно стояла за их спиной, слушая. К ее удивлению, надорванный хриплый голос Тима звучал красиво, хоть и тихо. И пели они ладно, стройно, уверенно, как люди, которые часто делали это вместе. И так грустно, с таким чувством, что Кэрол застыла на месте, как замороженная, боясь прервать необычную песню.

— Смотри, мой друг, как светит нам луна,

Она, как мы с тобою, одинока.

Для нас всегда близка она,

Когда весь мир от нас такой далекий.

Давай споем ей нашу песню,
Расскажем ей о том, что на душе...

Глаза Кэрол наполнились слезами. Никогда в жизни она не слышала такой тоскливой, такой трогательной песни. Может быть, если бы ее пел кто-нибудь другой, она не произвела бы на нее такого впечатления.

— Спаси же, мой друг, как раньше спасал,
С тобою я смерти не раз избежал.
Спаси и сейчас от смертельной тоски,
От проклятой, горькой, ненужной любви...
Бывал я в аду, столько мук пережил,
Ни голод, ни недуг меня не сломил,
Ты знаешь, отпор дам любому врагу,
А любви безответной снести не могу...

Тим потянулся к бокалу. Кэрол заметила его странное движение, которое заставило бокал упасть со столика и разлететься вдребезги. Тим выругался сквозь сжатые зубы.

— Ничего, я уберу... — она подбежала к столику и присела, чтобы собрать осколки.

— Не надо, я сам, — Тим опустился на колени и тоже наклонился. Кэрол вскрикнула от неожиданности, когда он ударился лбом о ее затылок. Снова заматерившись, он скривился от боли и оперся ладонью о пол, опустив ее прямо на осколки. Кэрол ошеломленно посмотрела на вонзившееся в его ладонь стекло, когда он отдернул руку и поднял к лицу.

Исса подхватил его под мышки и рывком поднял с пола, усадив на диван.

— Так, приятель, сиди спокойней... просто сиди и ничего не делай! — сдерживая смех, велел он. — Кэрол, ты в порядке? Он не напился, ты не думай. Просто у нашего супер-снайпера немного сбился прицел...

— Не вижу ничего смешного! — прорычал Тим, пытаясь поймать пальцами осколок, торчащий из окровавленной ладони.

— А никто и не смеется. А если не хочешь выглядеть смешным, сиди и не дергайся, как я сказал, — Исса оттолкнул его руку от ладони с осколками. — Предоставь это нам, сами вытащим. Кэрол, пинцет и спирт.

Исса аккуратно извлекал осколки и бросал в блюдце, которое держала перед ним Кэрол. Тим безбожно матерился, проклиная подорванную способность к ориентации.

— Не гневи судьбу, идиот, — ухмыльнулся Исса. — Наоборот, спасибо скажи, что так легко отделался. Этот осколок мог вышибить тебе мозги или превратить в растение, а ты даже не утратил способность метко стрелять. Ну, подумаешь, у тебя иногда бывают смешные плавающие движения, взгляд, как у пьяного, подумаешь, бьешься временами о косяк, не вписавшись в двери или не можешь найти свой ..., чтобы поссать! Могло быть хуже. И у тебя всегда есть я, чтобы помочь, когда ты немного теряешься в пространстве. Знали б об этом те, кто нанимает тебя стрелять!

Исса расхохотался. Кэрол перевела взгляд на Тима, но, к ее удивлению, он тоже хрипло рассмеялся своим низким голосом. Тогда она позволила себе улыбнуться, не осмелившись все-таки на смех, боясь обидеть Тима. Но, похоже, сегодня он пребывал на редкость в хорошем настроении, которое ничто не могло испортить.

— Кэрол, перевяжи ему руку, я уже задолбался возиться с этими бинтами! — фыркнул Исса, поднимаясь. — Я пойду, ополоснусь под душем, а потом провожу тебя в постельку, дружище. Кэрол, побудь с ним, чтобы он, пытаясь взять стакан, не разрушил твой дом. Сиди

спокойно, друг, плавай потихоньку в своем пространстве, только без резких движений. И не обижай нашу красавицу.

Дружески пнув Тима в плечо, Исса отправился в спальню Кэрол, чтобы принять душ.

— Я ударил тебя... извини, — улыбнулся Тим. — Я бываю очень неловким, особенно, когда немного выпью. Больно?

— Ничего, — Кэрол тоже улыбнулась, старательно обматывая его кисть бинтами. Она не поднимала головы, чувствуя его взгляд и почему-то смутившись.

— Я понимаю, что ты теперь... Сандра... но можно мне называть тебя, как раньше — Кэрол?

— Если рядом нет тех, кто не знает, что я Кэрол, — Кэрол сделала над собой усилие и подняла взгляд, посмотрев ему прямо в глаза. Потом перевела взгляд на часы, услышав их тихий бой. Тим тоже посмотрел на часы.

— С Рождеством, Тимми... — улыбнулась она, снова поворачиваясь к нему. — Или Нол?

— Нет, Тимми. Для тебя.

— Или все-таки Нол и Сандра?

— Нет. Тимми и Кэрол.

— Тогда с Рождеством, Тимми, — повторила она и, коснувшись его скул пальцами, с легкой улыбкой потянулась к его лицу и поцеловала в щеку. Она не поняла, кто из них первым потянулся к губам, наверное, это вышло одновременно, поэтому ей показалось, что все получилось само собой, поцелуй в щеку словно соскользнул к губам и вылился в иной поцелуй, глубокий и для нее неожиданно нежный. Такая нежность от него была для нее действительно сюрпризом. Приятным. Настолько приятным, что она забыла обо все на свете. Ей показалось, что никто и никогда еще не целовал ее с таким чувством, с такой трогательной, трепетной нежностью. А может быть, она просто уже забыла, как нежен может быть мужчина в порыве своей любви...

Он обнял ее, робко, нерешительно прижав к себе. Кэрол положила руки на широкие плечи, расслабившись. Его объятия были такими же мягкими и нежными, как поцелуй. И она разомлела в объятиях этого огромного сильного мужчины, чувствуя перед ним странную непреодолимую слабость... ощутив свою власть над ним, этим молодым великаном, который держал ее в своих руках, как хрупкую драгоценность, маленькую и слишком прекрасную для него, к которой надо прикасаться, затаив дыхание, чтобы не повредить и не сломать. И она не вспомнила, что совсем недавно эти самые руки оставили на ее теле большие и множественные синяки, что его губы впивались в ее плоть с такой силой, что на месте их поцелуев образовались кровоподтеки — и при всем при этом он тогда тоже старался не причинить ей вреда в порыве своей дикой страсти. И, учитывая их разницу в весе, росте и силе, она еще легко отделалась, пытаясь сопротивляться, а он лишь слегка ошибся, рассчитывая свои силы, оставив ей лишь синяки. Стоило ему лишь прижать или придавить чуть сильнее, или забыть об осторожности, он мог не только поломать ей кости, но и запросто раздавить. Кэрол это понимала, и знала, что тогда он не собирался и не хотел причинить ей какой-либо физический вред... если, конечно, не брать в расчет само изнасилование. Но, вспоминая о полученном тогда удовольствии и лоя себя на желании это повторить, Кэрол начинала сомневаться в том, действительно ли это можно назвать изнасилованием. Ведь она сама этого хотела, а сопротивлялась, если быть откровенной, только потому, что испугалась... И до этого мгновения, когда он поразил ее своей

неожиданной нежностью, граничащей с обожанием, преклонением, она все еще продолжала побаиваться его. Но теперь — нет. Потому что в этой своей нежности и мягкости этот великан показал слабость, уязвимость. Вся его неприязнь, грубость, агрессия — всего лишь пыль, дабы засыпать ей глаза, чтобы она не разглядела того, что он от нее скрывал — эту самую нежную, трепетную любовь. И он не выдержал, прокололся. Но сам этого еще не понял, с упоением целуя виновницу своих терзаний, забыв обо всем, кроме одного — того, что она не отталкивала его, сама захотела этого поцелуя и отвечала на него, обнимала...

И чем дольше они целовались, тем сильнее он пьянел, теряя чувство реальности и не веря в происходящее. Он хотел обнять ее крепче, хотел погладить, почувствовать ладонями ее тело, ее грудь, но не решился даже на это, боясь разрушить сладкое мгновение. Вдруг она не хочет, чтобы он ее трогал... или испугается. Или он не сможет потом остановиться и все испортит. Нежность неизменно вытеснялась страстью, поцелуи их становились все более алчными и нетерпеливыми, увлекая их в безумие. И как не поняли, кто первый начал, не поняли и кто первый остановился. Замерев, неподвижно смотрели друг другу в глаза, пытаясь выровнять дыхание. Кэрол увидела, как его синие глаза медленно наполняются ужасом, самым настоящим страхом, когда он начал понимать, что раскрыл ей свои чувства. Только горячего признания в любви и не хватало, как довершение этих красноречивых поцелуев. Но она и без этого признания все теперь знала. Лицо Тима медленно залилось краской. Кэрол почувствовала, как он весь напрягся, как будто ожидал удара. Она еле удержалась от улыбки. Боже, какой же он еще мальчик... глупенький, наивный... Застыл перед ней, как обезоруженный, поверженный солдат перед врагом.

Наклонившись, она положила голову ему на грудь и умиротворенно вздохнула. Он не двигался, или слишком ошарашенный, или просто не зная, как вести себя дальше и что делать.

— Не хочу показаться невежливым, но будьте добры, свалите отсюда, это мой диван и я хочу спать!

Они обернулись к Иссе, вытиравшему голову полотенцем, которое он спустя секунду швырнул в них, словно в кошек, которых таким образом хотел согнать с места. Кэрол и Тим поднялись, оба пытаясь понять, сколько прошло времени, с тех пор, как он ушел в ванную, и как долго они целовались. Взгляды их одновременно потянулись к часам.

Исса бесцеремонно сдвинул их в сторону и занялся своей постелью, застилая белье.

— Извини, дружище, что-то меня разморило, добирайся до постели сам. Справишься? Осторожно, перед тем, как войти в дверь, сфокусируйся, сосредоточься. Да не промажь, когда будешь ложиться в кровать, а то свалишься мимо, грохота наделаешь, детей разбудишь. Кэрол, если тебе не трудно, уложи нашего плавающего в пространстве мальчика... от греха подальше! А то расшибет голову, я потом виноватым окажусь.

— Ладно, — улыбнулась Кэрол и взяла Тима под руку. — Пойдем.

Тим, необычно тихий и покорный, подчинился. Исса проводил их пристальным взглядом и, ухмыльнувшись, забрался под одеяло. Улегшись поудобнее, уставился в темноту широко раскрытыми глазами и тяжело, грустно вздохнул.

Заведя Тима в комнату, Кэрол оставила его у двери и проворно расстелила постель. Он стоял там, где она его оставила, не отрывая от нее глаз.

— Ну вот, готово, — Кэрол обернулась и протянула ему руку. Он коснулся ее ладони дрожащими пальцами и, приблизившись к кровати, сел.

— Отдыхай, — Кэрол улыбнулась и отступила назад, но он вдруг сжал ее руку

пальцами, не выпустив. Но уже в следующее мгновение отпустил, спрятав взгляд.

— Спокойной ночи, — сказала Кэрол и вышла из комнаты, выключив свет и закрыв за собой двери.

— Спокойной ночи! — шепнула она, заглянув в гостиную.

Оторвавшись от подушки, Исса приподнялся и повернулся к ней.

— Спокойной ночи, — отозвался он, не сумев скрыть своего недоумения.

Темнота скрыла лукавую улыбку Кэрол. Вскоре она уже спала глубоким спокойным сном рядом со своими детьми, в то время, как Тим вздыхал и ворочался в спальне, а Исса гадал в гостиной, почему она так быстро покинула его друга, тогда как он, Исса, был уже уверен, что после таких поцелуйчиков, какие он наблюдал, они оба сломаются, оказавшись в спальне наедине. Неужели этот болван опять что-нибудь учудил и все испортил, упустив такую возможность? И Исса снова тяжело вздыхал, удивляясь, почему он возится с этим упрямым и пытается подсунуть ему женщину, от которой тот отказывается, и которую он сам в мечтах укладывал в свою постель. Сколько раз подмывало Иссу послать все к черту, махнуть рукой на несговорчивого друга и самому завладеть женщиной, от которой тот отказался. Но он только вздыхал и сам отправлял ее к нему в спальню, снова и снова, зная, что никогда не надругается над любовью своего друга. И пока Тим будет любить Кэрол, Исса никогда к ней не прикоснется, даже если у них так ничего и не склеится. Они все и всегда делили вместе с того дня, как познакомились, еду, лишения, трудности, врагов и женщин. Но сейчас была другая ситуация, Исса это понимал. И женщина была другая, не из тех, с которыми они привыкли общаться. Тим был единственным человеком, к которому Исса был привязан, которого любил, и любил настолько, что, не задумываясь, отдал бы за него жизнь, как чужую, так и свою. С самого начала их знакомства Исса взял на себя роль лидера, он учил Тима выживать, заботился о нем, защищал. Это потом уже, обвыкнувшись с опасной бродячей жизнью, обретя уверенность, Тим перестал нуждаться в его покровительстве, но, привыкнув к нему, не стал отвергать. Исса был старше, мудрее, жестче, именно он вел их по жизни, Тим доверял ему, никогда не сомневаясь в его уме и врожденной ловкости, которые никогда не подводили. И ничего важнее их дружбы не существовало. Для обоих. Один не представлял себе жизни без другого. Их отношения выдержали все испытания. Казалось, нет ничего, что могло бы их пошатнуть.

Женщины. Эти существа способны разрушить все. Впервые в жизни Тим стал косо, с недоверием смотреть на Иссу. В его взгляде Исса стал замечать злобу и досаду, Тим вдруг обратил внимание на то, что его друг привлекателен. Исса был шокирован, когда понял, что в друге появилось что-то, похожее на зависть. Злобную зависть к полноценной и привлекательной внешности, тогда как он, Тим, был исполосован шрамами, и это впервые заставило Тима почувствовать рядом с ним свое уродство. Он вдруг подумал, как выглядит он рядом с этим веселым жгучим красавцем в глазах женщин. И Исса догадался о его мыслях, прочитал их у него по лицу. И испугался, что Тим уйдет. То, что творилось с его другом, стало серьезно тревожить Иссу. Он понял, что любовь Тима каким-то образом отражается на их дружбе, а эта женщина, не делая ничего плохого, одним своим присутствием настраивает Тима против него. Тим ревновал, и, судя по всему, ревновал страшно. Ревность застила ему глаза и разум. Он готов был возненавидеть единственного друга, забыв о многих трудных годах, связавших их. Иссу это ранило, глубоко обидело, но он не подавал вида, решив не сердиться на друга, а помочь. Тим поймет, что напрасно не верил, сомневался в нем. Ему будет стыдно. И он будет просить прощения после того, как Исса

поможет ему воссоединиться с той, что помутила его рассудок. Тим успокоится, когда поймет, что он не собирается тянуть руки к его возлюбленной, когда разглядит, что он, Исса, ее совсем не интересуется. Исса хотел, чтобы его друг был счастлив, а эта женщина — как раз то, что для этого нужно.

Перед тем, как уснуть, Исса подумал о том, что завтра надо обязательно навестить к шлюхам, а потом с облегченной совестью и новыми силами заняться этими двумя несчастными, которые без его пинков вряд ли когда-нибудь окажутся в постели... И снова вздохнул, подумав о том, что друг поступил нечестно, влюбившись в такую красотку. Мог бы выбрать себе кого-нибудь менее соблазнительного, чтобы ему, Иссе, не пришлось вздыхать, как сейчас.

Ему снилась привязанная к кровати Кэрол, он снова срывал с нее одежду и разглядывал обнаженное тело, как той ночью. Только во сне Тима не было, и никто не мешал ему делать с ней то, что не удалось наяву. То, что наяву он никогда не сделает.

Вздвогнув, Кэрол проснулась. Ей показалось, что она услышала, как хлопнула дверь. Она прислушалась. Под окнами тихо зашумел мотор, в темноте мигнули фары разворачивающейся машины. Вскочив, Кэрол набросила длинный халат и бесшумно выскользнула из детской. Сердце ее тревожно забило, когда она подумала о том, что Тим ушел. Наверное, он не из тех мужчин, с которыми можно играть, дразнить... целоваться столько на диване, а потом не остаться с ним в спальне, бросив равнодушное «спокойной ночи». Мало ли, что он подумал... с его-то комплексами и характером! Сбежал. И она никогда его теперь не найдет. Она упустила шанс.

Отчаяние и безумный ужас охватили Кэрол. Она подошла к спальне и прислушалась. Тихо приоткрыла дверь и заглянула в темную комнату. Разглядев большой темный силуэт на постели, она облегченно выдохнула и отступила назад. Кутаясь в халате, она вышла в гостиную и, включив свет, в недоумении уставилась на пустую постель. Развернувшись, она бросилась к спальне и снова заглянула в двери.

— Тимми! — шепотом позвала она.

— Что? — отозвался он голосом, по которому Кэрол поняла, что он не спал. Это заставило ее растеряться.

— Исса ушел.

— Я слышал.

Спокойствие в его голосе немного успокоило взволнованную Кэрол.

— Почему? Что случилось? — она увидела в темноте, как поднялся Тим, сев. Разглядела, как он пожал плечами.

— Не знаю. Скорее всего, ему не спалось, и он решил прогуляться.

— Но сейчас ночь. Разве это нормально, когда человек ни с того ни с сего вскакивает среди ночи и уходит из дома? Что с ним? Он заходил к тебе перед тем, как уйти?

— Нет.

— Может, случилось что?

— Не думаю. Не переживай, Кэрол. Утром он вернется.

— Ну, ладно... тебе виднее, — с сомнением сдалась Кэрол и пожала плечами. Взгляд ее задержался на темной широкоплечей фигуре, возвышающейся над кроватью.

— А ты чего не спишь? — голос ее вдруг охрип, и, пытаясь скрыть свое волнение, она улыбнулась. — У вас с другом нет привычки спать по ночам?

— Не спится, — шепотом отозвался он.

— Обоим? — Кэрол тихо засмеялась.

— Выходит, что обоим.

— Почему? Вас что-то беспокоит? — Кэрол медленно подошла ближе на дрожащих ногах. — Рана ноет?

— Ноет.

— Сейчас, дам тебе обезболивающее. Включи торшер, не видно.

Подойдя к столику у кровати, Кэрол прищурилась от ударившего в глаза света и склонилась над лекарствами, ища нужное. Руки ее, перебирающие лекарства, дрожали.

— Где же оно... не вижу...

«Болван, какого черта ты сидишь, как истукан?». В ней начала подниматься злоба. Бросив взгляд в сторону, она нашла этого полуобнаженного громилу, восседающего на ее постели с голым торсом и наполовину прикрытого простыней, весьма соблазнительным в скудном свете торшера. Он поймал ее взгляд.

Кэрол выпрямилась и, развязав пояс, легким движением плеч скинула халат. Тем продолжал смотреть на нее неподвижным взглядом. В Кэрол поднялась волна ярости, она едва не закричала, посылая его к черту, но вместо этого скользнула ему на колени и, обвинив крепкую шею руками, прижалась к его губам в страстном поцелуе. Мгновение он продолжал сидеть неподвижно, словно решая, стоит ли, а потом медленно заскользил ладонями по ее тонкой талии. Кэрол, охваченная любовным голодом, уже ни о чем не думала. Сорвав с себя ночную рубашку, она позволила ему прикасаться к себе, тихо застонав, когда большие ладони начали ласкать ее тело, которое была мелкая дрожь. И вдруг поймала на себе его удивленный взгляд.

— Что? — хрипло выдавила она. — Что ты на меня так смотришь?

Он хотел что-то ответить, но так и не смог. Кэрол вдруг побагровела.

— Понятно. Ты же считаешь меня шлюхой, я забыла. И думаешь... — она оборвалась, задыхнувшись от эмоций, и отстранилась, вскакивая с его колен. Так отвратительно она себя чувствовала, когда Джек выгнал ее после их первой близости, как дешевую шлюху. Зачем она подвергает себя такому унижению, липнет к этому упрямому парню? Да, он благословенный, он спасет ее жизнь, а взамен она должна отдать свою гордость и женское самолюбие?

Она хотела соскочить с постели, но сильные руки вдруг схватили ее за талию, он прижал ее к себе, не отпуская.

— Нет, нет, нет! — запальчиво возразил он.

— Отпусти!

— Не уходи! Ты не поняла... я просто... Почему я? — задыхаясь, прошептал он, держа ее за затылок и смотря сверкающими глазами в ее глаза. — Ты, такая женщина... а я...

Он сказал это с таким восхищением, с такой мукой, что уязвленное самолюбие Кэрол мгновенно улеглось. Он всего лишь был удивлен такой страстью с ее стороны. Не мог поверить, что она хочет его, да еще так сильно. Ласково улыбнувшись, она погрузила пальцы в его волосы и прикоснулась к его губам. И он ответил на ее поцелуй с таким жаром, что Кэрол, отбросив все сомнения, возликовала. А уже через пару минут извивалась от страсти и наслаждения под сильным мужским телом, пытаясь сдержать рвущиеся из груди стоны. Он помогал ей, заглушая их поцелуями. Из-за обоюдного нетерпения, эти сладкие мгновенья продлились недолго, и они замерли, не решаясь разжать объятия, хоть и получив

удовлетворение, но не желая, чтобы это кончалось. Тим, боясь, что она захочет покинуть его объятия, стал снова ее целовать. Разомлевшая, счастливая, Кэрол начала медленно и томно ласкать его тело. Она ощущала себя так, будто в ее душе расцвел увядший цветочек, на который вдруг попали теплые лучи солнца и согрели его. С нежностью и благодарностью смотрела она на подарившего ей это тепло мужчину. Он не замечал ее взгляда, слишком поглощенный собственными чувствами и ощущениями. И больше не произносил ни слова. Тоска и чувство одиночества отступили от сердца Кэрол. В объятиях этого огромного сильного мужчины у нее вдруг появилось ощущение защищенности, безопасности и спокойствия. О, если бы он был с нею теперь всегда, тогда она перестала бы бояться. Этот человек мог ее защитить не только от проклятия, но и от земных опасностей, не дающих ей покоя. От Кевина и других одолевающих ее мужчин. От Джека. Она не будет чувствовать себя и своих детей такими беззащитными и уязвимыми, если такой человек будет рядом. Ей хотелось, чтобы он был не только в ее жизни, но и в ее постели. Из-за Патрика с последним будут трудности, но пути назад уже не было. Если она хочет удержать Тима, то уже не сможет этого сделать, не ложась с ним в постель после того, как уже переспала. Ее отказа теперь он не поймет, или поймет неправильно. И уйдет.

Но сейчас Кэрол не хотелось ни о чем думать. Ей так хотелось ласки, страсти, любви, что все остальное пока отступило, ретировавшись перед мужчиной, который ей так нравился, которого она так возжелала, что отдавалась ему, наплевав на все, даже на то, что за стеной в соседней комнате спит Патрик, который в любой момент мог проснуться и прийти сюда в поисках матери. Прийти и увидеть ее в постели с мужчиной. Патрик никогда ей этого не простит. Ни смотря на это, Кэрол все с большим неистовством целовала Тима, распалившись от его ласк, не в силах заставить себя уйти. По крайней мере, не сейчас.

Когда он снова ею овладел, она забыла и о Патрике...

Утром ее разбудил Патрик.

— Мам, ты не заболела?

Разлепив тяжелые веки, она взглянула на сына и улыбнулась. Приподнявшись, поморщилась от яркого солнечного света, льющегося в окно.

— Сколько время?

— Почти десять. Я накормил лисят, они ползают в гостиной в манеже. Ты так крепко спала, что даже не слышала, как они проснулись. У тебя что-то болит?

— Нет. Наверное, я просто выпила вчера лишнее.

— А-а, ну тогда ладно. Вставай. Исса готовит завтрак.

— Правда? — она засмеялась. — Ну, тогда иду.

— Кстати, — в голосе мальчика появилась злоба. — Этот тип... Кевин названивает с утра. Я сказал, что тебя нет. Почему он тебе звонит, мам? Что ему нужно?

— Наверное, он хочет узнать, когда я выйду на работу. У нас с его компанией совместный проект, — Кэрол почувствовала, как ее прекрасное настроение портится.

— Не обманывай. Он так от тебя и не отстал? Давай скажем Иссе и Нолу, пусть они его поколотят.

— Не выдумывай, Рик.

— Думаешь, я не понимаю, чего ему надо?

— Не понимаешь. Я же сказала... — Кэрол оборвалась, когда Патрик, поджав в ярости губы, выскочил из комнаты.

Вздыхнув, она выбралась из постели и пошла в душ.

Когда она вышла в гостиную, все уже сидели за столом. Кэрол улыбнулась, пожелав мужчинам доброго утра, и, поцеловав малышей, присела к столу. Украдкой взглянула на Тима. Он сделал вид, что не заметил ее взгляда, неприятно удивив ее своим угрюмым мрачным видом. Холодный и отстраненный, как раньше. Стараясь не показать своего замешательства, Кэрол приступила к завтраку. Лукаво покосилась на Иссу. Он улыбнулся. В отличие от своего друга, он пребывал в превосходном настроении. Видимо, прогулка ночью пошла ему на пользу.

— Как спалось? — поинтересовалась у него Кэрол.

— Замечательно.

— Выглядишь бодрым.

— Еще бы! Я всегда чувствую себя бодрее после визита к шлюхам, — он нагло рассмеялся.

Кэрол смутилась, хоть и начала уже привыкать к его хамству и бесцеремонности. Так вот, оказывается, куда он пропал ночью! Видать, острая нужда была, раз выгнала его из постели в такое время. Он пристально смотрел на нее, и Кэрол гадала, сказал ли ему Тим о том, что было между ними. Впрочем, этот прозорливый парень и сам мог догадаться, но уж не по виду и поведению своего друга, это точно. Смотря на Тима, Кэрол сама даже усомнилась в том, не приснилось ли ей то, что они были вместе? Почему он такой? Она, конечно, не ожидала, что после всего он встретит ее объятиями и поцелуями, сама хотела

скрыть то, что между ними произошло, но к чему такой лед в глазах, такое демонстративное игнорирование, как будто ее здесь и не было. Он не хотел сказать ей ни слова, не хотел даже посмотреть на нее. Кэрол почувствовала, что напряжение между ними усилилось вдвое и, обескураженная, легко болтала с Иссой, не навязывая Тиму свое внимание.

Зазвонил телефон. Патрик взял трубку. Исса вдруг замолчал, устремив на мальчика любопытный взгляд.

Кэрол, удивленная резко возникшей тишиной, тоже повернулась к сыну и увидела, как лицо его исказилось от злости. И побледнела, догадавшись о том, кто звонит.

— Я же сказал — ее нет! И не будет! Я разговариваю с тобой таким тоном, каким хочу, урод! Я предупреждал, я расскажу все папе, он тебе яйца оторвет за маму! Отстань от нее, слышишь? Последний раз говорю!

Грязно выругавшись, он с грохотом бросил трубку. Кэрол вздрогнула, испугавшись, что он разобьет телефон. Развернувшись, Патрик вперил в нее потемневший от ярости взгляд. Не поворачиваясь, она чувствовала на себе пристальные взгляды Иссы и Тима.

— Садись, — спокойно велела она мальчику. — И чтобы я больше не слышала, чтобы ты при мне так выражался.

— Тогда скажи этому уроду, чтобы он не разговаривал со мной так, и чтобы вообще больше не звонил! Если ты не можешь с ним справиться, я сам разберусь! Ты что, боишься его?

— Занимайся своими делами, Рик, — холодно отрезала Кэрол. — А проблемы взрослых оставь взрослым. Не вмешивайся в мои дела.

Побелев от бешенства, Патрик выбежал из комнаты. Кэрол опустила взгляд в тарелку, подавленная ссорой с сыном. Мальчик не терпел такого обращения. Но он вел себя так, как ребенку не подобает, беря на себя слишком много.

В манеже запищал Джеймс. Выйдя из-за стола, Кэрол подхватила обмочившего штанишки малыша и пошла в детскую. Переодев ребенка, она вернулась и застыла у порога, услышав тихий разговор Иссы и Тима, продолжающих сидеть за столом.

— ... Она сама на меня залезла. Почему я теперь должен изображать счастливого влюбленного? Я ничем ей не обязан! Подумаешь, потрахались — это ничего не значит!

— Ты же любишь ее, кретин. Думаешь, она не поняла? — шипел яростным шепотом Исса. — И ты ей нравишься, потому она и пришла к тебе. От тебя же не дождешься!

— Ну да, конечно! К тебе она тоже приходит по ночам? Настроилась, а тебя не оказалось на месте, вот и пришла ко мне.

Грохнув по столу кулаком, Исса подскочил с места. И увидел в дверях Кэрол с ребенком на руках, которую сидя не мог видеть за широкими плечами друга. Лицо его вытянулось и вдруг залилось краской. Тим молниеносно обернулся.

Подняв ребенка повыше, Кэрол поцеловала его в щечку, пытаясь спрятать лицо за головкой малыша. Хотелось убежать, но она решительно подавила в себе этот порыв. Опуская ребенка в манеж, она заметила краем глаза, как Тим отвернулся и сжался, втянув голову в плечи, а Исса пронзал его страшно горевшими черными глазами. Рот его вдруг исказился в странной горькой усмешке, он резко отвернулся от друга, устремив взгляд на Кэрол.

К великому облегчению Кэрол, в этот момент раздался звонок в дверь. Оставив Джеймса в манеже вместе с Крисом, она отправилась открывать дверь. Изо всех сил она старалась выглядеть невозмутимо, достойно, не потерять лицо в этой ситуации — почему-то

у нее всегда была такая реакция на болезненное унижение, и, растоптанная, она пыталась встать, а не остаться лежать в грязи. И никогда не показывала она, как ей больно, еще будучи маленькой девочкой. Жестокость и холодность Элен, неприязнь и презрение одноклассников и всего города, послужили ей суровой школой выдержки и стойкости. Она умела сносить такие удары еще тогда, теперь же даже не пошатнется. Наоборот, сейчас именно Тим показался ей жалким, а не она сама. Она узнала, что он о ней думает, но он сам не остался на высоте после таких высказываний, и, похоже, не только в ее глазах, но и в глазах своего друга. Хотя мнение Иссы Кэрол волновало меньше всего.

Открыв дверь, она молча уставилась на неожиданного гостя. Сердце ее тяжело застучало от ярости. И в это мгновение она вдруг почувствовала острую ненависть к мужскому полу. Захотелось завопить, затопать ногами и вырвать на голове волосы. Не на своей голове, естественно.

— Ну и?... — возмущенно вскинул брови Кевин, пребывающий, судя по всему, в не меньшей ярости. — Захотелось снова поиграть на моих нервах или решила на встречу с любимым муженьком? Соскучилась по Джеку?

Названное имя заставило Кэрол побледнеть. И сквозь ярость в ее глазах промелькнула мука затравленного зверя. Она устало опустила плечи, чувствуя, как гнев в ней сменяется бесконечной апатией. Видя, как воинственный блеск в ее глазах иссяк при одном упоминании о Джеке, Кевин приободрился. Его отсутствие придало ей храбрости, которая снова подтолкнула ее к сопротивлению — так подумал Кевин. Но он с легкостью подавил бунт. Ощущение своей власти над ней росло в нем с каждым днем. Она была его рабыней. И он уже верил, что так будет всегда. Он знал магическое слово, которое воздействовало на нее подобно сильнейшему заклинанию. И сейчас он в этом убедился еще один раз. Наклонившись к ней, он заглянул в прозрачные глаза и прошептал зловещим хриплым голосом:

— Дже-ек.

Кэрол попятилась назад, во взгляде ее мелькнул страх, который чувствовал в ней Кевин.

— Мы же договорились пока не видеться. Это слишком опасно. Для нас обоих, между прочим, — чуть слышно шепнула она.

— Поэтому ты не подходила к телефону? Только поэтому? — напирал Кевин, угрожаясь сужив глаза.

Кэрол только кивнула в ответ, но видела, что он не поверил.

— Твой Джек не бог, чтобы все знать. Если бы ты подошла к телефону и поговорила со мной, он бы не узнал. Он даже не знает, что ты жива! И что я тебя трахаю! — он неприятно ухмыльнулся.

Черты Кэрол повело, отчего лицо перекосилось, но она снова взяла себя в руки, с трудом удержав порыв вонзиться длинными ногтями в его глаза. Выражение ее лица вызвало на губах Кевина очередную издевательскую ухмылку, преисполненную превосходства.

— Вообще-то, я приехал поздравить тебя с Рождеством. И ты еще можешь исправить холодный прием, который мне оказала. Начнем с того, что ты пригласишь меня войти и перестанешь оборонять дверь, как отчаянный воин свою крепость.

Кэрол не пошевелилась, но мужчина заметил, как она напряглась.

— Нет, — решительно прошептала она.

— Кстати, а почему мы так тихо говорим? — брови Кевина подозрительно сдвинулись. — Меня ждет сюрприз в виде голого мужика в твоей постели? Учти, я тебя

предупреждал!

С силой оттолкнув женщину в сторону, он с перекошенным от ярости лицом рванулся вперед. Кэрол обернулась и посмотрела ему вслед. На ее измученном лице ничего не отразилось, когда Кевин удивленно остановился, увидев завтракающих мужчин, которые сидели за столом с таким видом, будто находились у себя дома. Подняв головы, они медленно повернулись и впились тяжелыми пристальными взглядами в Кевина. Взглядами бойцовых собак или диких волков, обнаруживших приближение чужака. А Кэрол подумала о том, что так они смотрят на всех и на весь окружающий их мир. И каждый, кто не был другом, для них был врагом.

Оба выглядели настолько впечатляюще и серьезно, что воинственный пыл Кевина как ветром сдуло. Оба сидели, но это не помешало ему понять, что они огромного роста, и стулья под ними казались детскими. Мощные плечи не оставляли сомнений в их силе, до которой Кевину было очень далеко. Он сразу сообразил, какой сорт людей перед ним — это были бандиты, убийцы. Два самых обыкновенных зверя. И ему вовсе не хотелось, чтобы они поднялись со своих стульев.

С удивлением он обернулся к Кэрол, растерявшись. В глазах его, устремленных на нее, застыл вопрос. По взгляду Кэрол он понял, что правды от нее все равно не дождетя, потому что она не доверяла ему и боялась. А ему очень хотелось знать, что делают здесь эти бандиты и кто они такие, особенно тот, что со шрамами, который смотрел на него с большей злостью и ненавистью и которого он, несомненно, где-то видел раньше. Где?

— Доброе утро, джентльмены, — вновь повернувшись к мужчинам, Кевин приветливо улыбнулся. — Приятного аппетита. Меня зовут Кевин... — он запнулся, решив, что называть фамилию не обязательно. — Мы с Кэрол работаем вместе над одним проектом... Вот, зашел поздравить ее с Рождеством.

Он замолчал, поняв, что допустил оплошность, по привычке назвав ее настоящим именем. Ведь эти двое могли и не знать... Но они знали, Кевин сразу понял это по их реакции. И вдруг вспомнил.

— Я вас знаю! — обратился он к Тиму. — Вернее, мы с вами встречались. Вы помните? Однажды, в аэропорту. Вы тогда встречались там с Кэрол.

Тим не ответил, не отрывая от него тяжелого неподвижного взгляда. Взглянув на него, Исса понял, что Тим узнал этого человека. Но приветливости в нем от этого не прибавилось. Пальцы Тима сжали салфетку, на шее выступили вены от напряжения, и Исса готов был поклясться, что это не что иное, как приступ бешеной слепой ревности. Оба видели, что приветливость неожиданного гостя Кэрол фальшивая, что на самом деле он полон негодования и ярости, как влюбленный мужчина, заставший в доме возлюбленной чужих мужчин. И, понимая, что сила не на его стороне, решил докопаться до истины другим путем. Но его хитрость не ввела их в заблуждение. Оба сразу сообразили, что перед ними тот, кто с утра выводил из себя Патрика, требуя мать к телефону.

Кэрол, бледная, подавленная и явно напуганная, не вмешивалась, смотря на своего гостя с нескрываемой ненавистью. Исса вдруг поймал на себе ее умоляющий взгляд, но она тут же спрятала глаза, пытаясь скрыть свою невольную мольбу о помощи.

Кевина озадачило поведение мужчин и нежелание ответить на его приветливость хотя бы из элементарной вежливости. А налившееся кровью глаза светловолосого парня со шрамами, смотревшего на него с откровенной ревностью, сказали Кевину именно, то, что он хотел знать. Подавив вспыхнувшую в груди ярость, он снова обернулся к Кэрол.

— Ну, что же ты там стоишь? Познакомь меня со своими... друзьями. Я не могу припомнить имя твоего друга... кажется...

Кэрол молчала, бледнея все сильнее. Кевин непринужденно вскинул руку и засмеялся.

— Так значит, это с вами она сбежала от Рэндэла? — он посмотрел на Тима. — Ловко вы его сделали!

«Значит, она крутила шашни с этим малым еще тогда, наставляя Рэндэлу рога. Не зря я тогда так и подумал. И наврала мне, что у нее нет мужика. Дрянь! Интересно, она спит с обоими, или только с этим?» — думал Кевин, пристально изучая взглядом мужчин.

— Странно, она ничего мне о вас не говорила, — он неприятно и недвусмысленно улыбнулся, поняв, что мужчины не хотят идти с ним на контакт. — И я уверен, что и вам обо мне не рассказывала.

Тим медленно побагровел, поняв намек. Взгляд его впился в Кэрол, но она встретила его лишь с усталостью и молчаливой печалью в глазах. И холодностью, которой раньше по отношению к себе он никогда не чувствовал. И этот холод мгновенно остудил Тима, напомнив о том, что эта женщина ему не принадлежит, и он не имеет право на ревность даже после того, как они любили друг друга этой ночью, потому что сам несколько минут назад все перечеркнул. Но ведь он не думал, что она услышит...

— Ну, почему же — рассказывала, — Исса вдруг медленно поднялся с кривой угрожающей улыбкой на губах. — Что ее достает один мерзкий ублюдок. А ну-ка, присядь, потолкуем.

Кевин застыл на месте, смотря на приближающегося к нему верзилу. Увидел, как встал второй, и побледнел от страха. Проигнорировав переполненный ужасом и протестом взгляд Кэрол, Исса сжал сильными пальцами плечо Кевина, который едва не застонал от боли, и швырнул его на диван. Исса остановился напротив, возвышаясь над прижавшимся к дивану Кевином, Тим стал рядом, прожигая растерявшегося мужчину ненавистным взглядом.

— Я помню тебя, — тихо сказал он сиплым голосом и, сунув руку за спину, приподнял рубашку и достал из-за пояса пистолет. — А теперь выкладывай все, что знаешь.

— Что? — пролепетал Кевин, в ужасе уставившись в направленное на него черное дуло. — Кэрол, что происходит? Скажи своим друзьям... иначе я... сама знаешь, что сделаю!

Он вскрикнул, когда пистолет больно стукнул его по лбу и уперся между бровей дулом. Рот Тима скривился.

— Что ты там проблеял, я не понял? Повтори, что ты сделаешь?

Кевин, весь взмокший от ужаса, покосился на Иссу, который с улыбкой прижал к его голове второй пистолет.

— Подождите! Что вы делаете? — Кэрол попыталась протиснуться между Тимом и Иссой. — Не надо...

— Он знает, что ты жива, знает Рэндэла... и видел здесь нас, — резко отозвался Исса, опустив на нее взгляд. — Ты не умеешь скрываться, детка, если так много людей знают, где ты...

— Никто не знает. Он единственный.

— Ты так доверяешь ему, раз раскрыла свою тайну? — прохрипел с плохо скрываемой ревностью Тим.

— Нет, мы столкнулись с ним случайно, и он меня узнал, — Кэрол положила ладони на сильные руки, держащие оружие. — Уберите, пожалуйста.

— И теперь он тебя шантажирует? — предположил Исса, не опуская пистолет.

— Нет! — выкрикнул Кевин. — Я ее друг! Наоборот, я помогаю ей! Мы дружили еще, когда была жива Куртни, ее опекун, работали вместе... пока Рэндэл не приревновал и не выжил меня из города. Я всегда хорошо относился к Кэрол, а Рэндэла ненавижу, у меня нет никаких оснований выдавать ее ему! Кэрол, скажи им!

Женщина опустила на него горький взгляд и кивнула.

— Почему-то я ему не верю. И тебе тоже, ясноглазая. Давай, мы его пристрелим, для надежности, — спокойно сказал Исса. — И дело с концом.

— Как это пристрелим!? — вскричал жалобно Кевин. — За что?

— Ребята, уберите пистолеты, — настойчиво потребовала Кэрол. — Я же сказала, все в порядке.

— Да ну? — прорычал Тим. — С какой это стати нам рисковать, дав возможность этой шавке натянуть на нас Рэндэлу? Он видел нас здесь, нам это не нравится.

— Я не скажу! Ничего никому не скажу! Клянусь! Кэрол скажи им, что мне можно доверять!

Не уверенная, что сможет совладать с Тимом, который уже успел проникнуться к Кевину личной неприязнью, Кэрол сжала пальцами предплечье Иссы и умоляюще заглянула ему в глаза.

— Пожалуйста...

— Ладно, — проворчал тот. — Но смотри, парень, если что — из-под земли достанем! А если ты нам наврал, или ясноглазая на тебя пожалуется — пеняй на себя.

Кевин лихорадочно закивал головой, когда Исса убрал пистолет.

— Я понял, я все понял. Я могила, клянусь. Даже не думайте, — он с опаской смотрел на Тима, который продолжал держать его на мушке, с еще большей силой вдавив в его лоб дуло. Увидев в его глазах явное желание нажать на курок, Кевин задрожал и перевел взгляд на Иссу. Но тот отвернулся, демонстрируя, что если его друг решит все-таки выстрелить, то он не собирается ему мешать.

— Так что она должна была нам о тебе рассказать? — опасно тихо и спокойно спросил Тим.

И Кэрол, и Кевин поняли, что теперь хотел знать Тим.

— На что ты намекал? На то, что спишь с ней?

— Тим, как ты смеешь! — прошипела зло Кэрол, уставившись на него возмущенным взглядом. — Это не твое...

Она осеклась, когда он повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. В этот момент она поняла, что Кевин действительно на волосок от смерти. И лучше ей не говорить с Тимом так при нем. Потупив голову, она отступила назад, чтобы своим вмешательством не сделать еще хуже и, оказавшись за пределами зрения Тима и убедившись, что Исса не видит, она качнула головой из стороны в сторону, поймав перепуганный взгляд Кевина. Он понял ее.

— Сплю? Что вы... Я же сказал, что знал еще Куртни, и безгранично уважал эту женщину, как уважаю Кэрол. И я недавно женился. У меня молодая и красивая жена, я люблю ее. Вы неправильно меня поняли. Я имел в виду...

Тим с искаженным лицом надавил на пистолет, заставляя голову несчастного откинуться назад под напором. Самообладание покинуло Кевина.

— Нет, отпустите! Я не спал с ней! Жизнью клянусь!

На губах Кэрол появилась презрительная улыбка, и она отвернулась, чтобы ее не заметили. Почему она пытается защитить этого подонка? Пусть бы Тим его застрелил, и тем

самым избавил ее от него. Но ведь его смерть будут расследовать, и, не дай бог, доберутся до нее. Тиму и Иссе — им-то что, наделают дел и свалят, а ей потом отвечать.

— Нет, убей его! — раздался вдруг решительный и торжествующий голос Патрика. — Ну что, свинья, предупреждал я тебя? Стреляй, Тим, чего тянешь? Я сам видел, как он обижал маму, приставал... лапал ее своими грязными руками! Она не признается, но я-то знаю, чего он от нее хочет!

Тим посмотрел на мальчика.

— Ну? — нетерпеливо выкрикнул тот. — Пришей его, или я сам его убью!

— Я не сделал тебе ничего плохого! — прохрипел Кевин, устремив взгляд на ребенка.

— Ты посмел прикоснуться к моей маме. И ты не отпускал ее, когда она вырывалась!

Если бы не я, ты бы ее изнасиловал!

— Нет, Рик. Ты неверно истолковал то, что видел. Мы с твоей мамой просто поссорились, по работе, а тебе показалось...

— Пошел ты, урод! Я все видел, нечего из меня дурака делать! Ты думал, что маму некому защитить, что если она больше не с папой, то можно делать с ней все, что угодно. А теперь убедись, что ошибся, и сдохни!

— Патрик! — повысила голос Кэрол. — Тим! Убери пистолет, или я позвоню в полицию. Тебе придется убить и меня.

Тим медленно засунул пистолет обратно за пояс и отступил от дивана, позволяя Кевину встать. Тот, трясясь всем телом, попятился к выходу, с опаской смотря на провожающих его недобрыми взглядами мужчин.

— Не слушайте ее, она просто струсила! — не сдавался Патрик. — Он выдаст нас, его нужно убить! И наказать за маму! Тим, ты же сказал, что заступишься... почему ты его отпустил?

Кевин бросился к двери, вцепившись в руку Кэрол и увлекая за собой.

— Я провожу, — как можно спокойнее сказала она, обернувшись, и в следующую секунду Кевин вытащил ее за дверь. Схватив ее за плечи, он с силой вдавил ее в стену.

— Сука! Ты пожалеешь об этом!

— Ты сам виноват! Я тебе говорила, чтобы ты не показывался здесь!

— Чтобы не столкнуться с твоим любовником? А этот еврей — он тоже?

— Ты делаешь мне больно, Кевин... — Кэрол попыталась освободиться, но он еще сильнее сжал пальцы.

— Что ж, ты очень огорчила меня. А твои дружки меня унизили. Но я знаю, как найти на них управу. Знаю того, кто придет и разнесет в клочья и твое гнездышко и твоих хахалей! Кажется, они боятся твоего муженька, раз так не хотят, чтобы он узнал о них. Только он узнает, будь уверена. И вы все поплатитесь. А ты — больше всех!

— Нет, Кевин! Ты же жизнью поклялся!

— Я давал и другое обещание, еще ранее — рассказать о тебе Рэндэлу, если ты меня вынудишь. И ты вынудила! Все, разговоры окончены. Собирайте быстрее манатки со своими кавалерами, только Рэндэл все равно вас найдет, сама знаешь. И тогда ты меня вспомнишь!

И, не удержавшись, он ударил Кэрол по лицу, пытаясь выплеснуть свою ярость и досаду. Она невольно вскрикнула. Кевин отвернулся и побежал вниз по ступенькам, испугавшись, что ее защитники услышат. И вдруг сильные пальцы схватили его сзади за ворот и вздернули вверх, оторвав от ступенек. Кевин попытался обернуться, задохнувшись от ужаса, но его с поразительной силой швырнули вниз. Пролетев над ступеньками, Кевин тяжело упал в снег.

Отряхнув снег с лица, он приподнялся, пытаясь встать, но его схватили за пояс и снова оторвали от земли, подняв, как чемодан. И куда-то понесли. Кевин стал отчаянно сопротивляться, уже не в силах стерпеть такого унижения, и закричал, призывая на помощь. В ту же секунду его бросили, и тяжелый ботинок придавил его затылок, заставив уткнуться лицом в снег.

— Что ты верещишь, как баба? — услышал он над собой низкий хриплый голос. — Заткнись, а то раздавлю.

Ботинок надавил сильнее, выдавив из горла Кевина стон.

— Тим! Куда ты его понес? — раздался испуганный голос Кэрол. — Прекратите же, наконец! Исса! Господи, да что же это такое!

Голос ее дрожал от страха и слез.

— Не лезь, ясноглазая. Мы руки марать не будем, просто убедим этого малого в том, что мы с ним не шутим. Он после даже не вякнет, вот увидишь. Ну, и, конечно, малость проучим за то, что ударил тебя.

— Не надо, не надо! Отпустите его!

— Я повторять не буду, красавица. Иди в дом, если не хочешь, чтобы мы его все-таки убили — у нас терпение не вечное.

Кэрол подчинилась, понимая, что ничего не может сделать.

Оттащив Кевина на задний двор, подальше от посторонних взглядов, Тим и Исса стали забавляться тем, что швыряли его друг другу через весь двор. Кэрол и Патрик наблюдали за ними из окна. Кевин смотрелся рядом с этими мужчинами, как двенадцатилетний мальчик, хрупкий и маленький по сравнению с высокими и крепкими мучителями, забавляющимися над ним. Вполне достаточно было и одного из них, чтобы с ним справиться, но их было двое. Он казался беспомощным и напуганным, понимая, что попал в жестокие руки, уверенный, что эти громилы просто растерзают его. В одних рубашках навыпуск, с закатанными рукавами и наполовину расстегнутых, дрожащих на их крепких торсах от ледяного ветра, они, казалось, даже не ощущают холода, лишь щеки их слегка зарумянились на морозе. Иссе первому надоела эта забава и, поймав Кевина после мощного пинка Тима, заставившего несчастного пролететь несколько метров в объятия еврея, Исса схватил его за ворот и с размаху ударил о стену. Кевин упал на спину с разбитым лбом и сломанным носом, но даже не застонал, шокированный и напуганный.

Схватив его за куртку, Исса поставил его на ноги. Кевин испуганно отшатнулся, бросив на него обезумевший взгляд.

— Все, хватит! Не бейте! Я все понял! Понял!

— Поздно, — лицо Иссы осветила кровожадная ухмылка, глаза горели жаждой насилия. С нескрываемым удовольствием он обрушил на Кевина резкий удар. Сзади подскочил Тим.

Кэрол отвернулась, зажмурилась. Патрик с восторгом продолжал следить за происходящим во дворе.

— Да! Да! — вопил он, захлебываясь от радости. — Врежьте ему! О-о-о! — мальчик скривился, непроизвольно согнувшись и прикрыв промежность руками. — Мам... по-моему, твой коллега уже не сможет тебя помогать. Тим ему ботинком... туда... Слышишь, как воет?

Не выдержав, Кэрол бросилась к двери, выскочила на улицу и побежала вокруг дома на задний двор.

— Вы его убьете! — простонала она, увидев, с какой ожесточенностью Тим и Исса бьют

Кевина. — Хватит!

К ее удивлению, они остановились и, обернувшись, посмотрели на нее.

— Думаешь, достаточно? — с сомнением спросил Исса. — Но мы только начали. Еще ничего не сделали.

Кэрол вгляделась в скрюченную фигуру Кевина на снегу, заляпанном кровью.

— Ничего? — слабым голосом выдавила она. — Да он хоть жив?

Присев, она с трудом перевернула избитого на спину и заглянула в окровавленное разбитое лицо. Кевин застонал, страдальчески сморщившись.

— Ладно, хватит скулить! — рывкнул Исса и пнул его ногой, отталкивая от Кэрол. — Надо же, какой нежный! Не били, что ли, никогда? Тогда знай, гнида, что мы тебя бить еще не начинали, а просто нежно погладили. А если не усвоишь урок, если разозлишь нас по-настоящему, я раздроблю в тебе каждую косточку, а закончу черепом. А теперь поднимай свою задницу и проваливай!

Наклонившись, Исса схватил Кевина и рывком, словно ребенка, оторвал от снега и поставил на ноги. Тот зашатался, согнувшись пополам и сжимая руками живот. Тим, следивший за ним ненавистным взглядом, не выдержал и схватил его за грудки, заставив испуганно вскрикнуть. Без каких-либо видимых усилий приподняв его над землей, Тим посмотрел ему в лицо. Кевин жалко повис в его руках, с неприкрытым ужасом смотря ему в глаза и пытаясь по ним угадать его намерения. Рот Тима презрительно скривился, ноздри яростно дрогнули, когда он почувствовал, что Кевин дрожит. И взгляд его Кевин понял так же ясно, как слова Иссы. И когда Тим его отпустил, Кевин не удержался от ответного ненавистного взгляда, задыхаясь от бессильной ярости, зная, что к Кэрол ему приближаться запрещено. Эту угрозу он прочитал не только в глазах светловолосого верзилы со шрамами, но и на лице его приятеля. Это снова повергло его в сомнение, и, пятясь назад, он разглядывал обоих, гадая, кто же из них ее любовник. Тот, что со шрамами — точно, в этом Кевин был уверен. Может, они ее оба?...

Кэрол смотрела на него широко раскрытыми глазами, пока он, согнувшись от боли, шатаясь, ковылял до своей машины. Ей не было его жалко, ни капли, но взгляд ее затуманился от слез.

— Что вы наделали... — тихо прошептала она, не отрывая взгляда от Кевина.

— Ты чего выскочила в одной кофточке и тапочках? Мороз! — ласково отозвался Исса и обхватил сильной рукой ее дрожащие плечи. — Пошли скорее в дом.

— Зачем? Кто вас просил? Вы же меня погубили! Меня и моих лисят! — Кэрол подняла на него переполненные ужасом глаза. — Он мне угрожал... И теперь он сообщит Джеку, что я жива!

Исса улыбнулся в ответ и, подняв ее на руки, понес в дом, чтобы она не шла в тонких тапочках по снегу. Тим ботинком присыпал снегом пятна крови, подобрал соскользнувший с ее ноги тапochек и пошел следом. Кэрол не сопротивлялась, подавленная произошедшим, позволяя нести себя тому, кто вмешался в ее жизнь и подверг такой опасности. Она дрожала от холода, смутно удивляясь горячему телу Иссы, тепло которого чувствовала сквозь одежду, тогда как сама успела заоченеть так, что тело подчинялось ей с трудом.

Войдя в дом, Исса усадил ее на диван и закутал в одеяло. Взяв ее заледеневшие кисти в свои крепкие горячие ладони, он сжал их, согревая. Кэрол продолжала дрожать, не смотря на него, одолеваемая лихорадочными мыслями о том, что теперь она пропала. Если Джек узнает о том, что она жива, узнает ее имя и адрес, то ей от него уже не скрыться, как бы она

не пыталась. Она может сбежать сию же минуту, но он пойдет за ней по следу, который потерял после аварии и ее мнимой смерти. И теперь найдет, она в этом не сомневалась. Как не сомневалась в том, что Кевин отомстит и натравит Джека на нее и ее защитников.

— Кэрол, — как издали донесся до нее непривычно мягкий голос Тима и, выйдя из глубокой задумчивости, она увидела, что он сидит перед ней на корточках и протягивает кружку с дымящимся чаем. — Выпей, ты сразу согреешься.

Вынув руки из ладоней Иссы, она взяла кружку и поднесла к губам.

— Значит, он тебе угрожал? — настойчиво спросил Тим, от отстраненности и равнодушия которого ничего не осталось. — Пугал тем, что выдаст Рэндэлу?

— Пугал, — сердито буркнула Кэрол, медленно потягивая чай.

— А что требовал? — глаза его сузились, пристально изучая ее лицо, которое она прятала за кружкой.

Кэрол бросила на него ледяной взгляд и резко сунула кружку ему в руки.

— Теперь это не важно.

— Тебе не стоит бояться. Он ничего не скажет Рэндэлу, — уверенно сказал Исса.

— Вы просто не знаете, что это за человек, — резко возразила Кэрол.

— Нам достаточно того, что мы поняли, что он трус, — улыбнулся Исса. — Он ничего не сделает и ничего никому не скажет. Поверь, если бы мы не были в этом уверены, мы бы его не отпустили. Мы разбираемся в том, кто может представлять для нас угрозу, а кто нет. Этот не осмелится, потому что не из тех, кто готов рисковать своей шкурой.

Кэрол молчала, угрюмо смотря прямо перед собой. Она знала, что Кевин труслив, но убедилась и в том, насколько он злопамятен и мстителен. Исса и Тим, несомненно, произвели на него серьезное впечатление, но если обида заставит его все-таки рискнуть с расчетом на то, что Рэндэл доберется до них быстрее, чем они до него, Кевина. Если бы речь шла не о Джеке, Кевин не стал бы рисковать. Но ведь Кевин знал, что если шепнет Рэндэлу «фас», тот бросится с быстротой молнии, как сорвавшийся с цепи бешенный пес, и растерзает всех прежде, чем они успеют опомниться. Знала это и Кэрол. И не надеялась, что Джек ее пощадит после того, что она сделала. Даже если он ее все еще любил, были две вещи, которые он не простит, как бы сильна ни была его любовь — связи с Рэем и то, что она отобрала у него Патрика, да еще таким жестоким образом.

— Вы не понимаете... не знаете, — шепнула она в отчаянии. — Он убьет меня. И лисят. И Рэя.

Она почувствовала на себе тяжелый взгляд Тима, но не смутилась, зная, что ее признание не было для них открытием. Они и так знали. Ее близнецы были кричащим доказательством того, что Рэй был ее любовником. И ей было все равно, что они об этом думают. Нужно предупредить об опасности Рэя. Если ему удастся вовремя скрыться, он может остаться в живых. Только вряд ли он сбежит, оставив ее на растерзание Джеку. Наоборот, он примчится сюда и попытается защитить ее, а, когда увидит своих сыновей, то и их — тоже.

Кэрол опустила голову на руки, чувствуя, что отчаяние и безнадежность подступают к горлу рыданиями, готовыми вот-вот разорвать ее грудь. Даже если эти двое возьмутся за то, чтобы защитить ее, даже если у них получится, то кто защитит от ярости Джека Рэя? Кэрол не хотела, чтобы Тим и Исса защищали ее, понимая, чем это может закончиться — они убьют Джека, если он не успеет убить их первым. А Джека, не смотря ни на что, она готова была защитить ценой собственной жизни, потому что любовь к нему все еще имела над ней

такую власть. Палка о двух концах. Как ни крути, но она хотела, чтобы обе стороны остались невредимы. Пока это было возможно, но теперь, если вмешается Кевин...

— Нужно было убить его, раз уже вмешались, — с поразившей мужчин жестокостью процедила она сквозь зубы.

— Это можно исправить, — отозвался решительно Тим.

— Не горячись, брат, — оборвал его Исса. — Говорю вам, у этого малого кишка тонка. Я готов взять всю ответственность на себя. Я за него ручаюсь! — он рассмеялся, пытаясь разрядить обстановку, но наткнулся на мрачный взгляд Тима. — Нол, ты сам знаешь, в каком мы сейчас положении. Мы залегли пока на дно, и высовываться было бы слишком рискованно. Мокруха нам сейчас ни к чему. Тем более, в ней нет необходимости.

— Она так не думает, — Тим кивнул в сторону Кэрол.

— Зато так думаю я. Разве я когда тебя подводил, брат? Ты всегда доверял моему мнению. Что-то изменилось? — взгляд Иссы, впившись в Тима, потяжелел.

— Опасность угрожает ей, и тебе просто нет до этого дела, — вызывающе ответил Тим.

— А тебе? — с деланным удивлением вскинул брови Исса.

Тим пронзил его бешеным взглядом за то, что тот нарочно поставил его в такую щекотливую ситуацию перед Кэрол, из которой было только два выхода — или сказать, что ему все равно, чего ему совсем сейчас не хотелось говорить, или согласиться с тем, что ради нее готов рискнуть их собственной безопасностью, и тем самым признаться в своих чувствах к ней — и этого Тиму не хотелось.

Кэрол подняла голову и с любопытством взглянула на него, еще больше обострив ситуацию. Если бы она пропустила вопрос Иссы мимо ушей или сделала вид, что ответ ее не интересует, он еще мог бы как-то выкрутиться. В глазах Иссы вспыхнула злая насмешка. «Попался, дружочек!» — отразилось на его лице, и Тим едва удержался, чтобы не впечатать ему в физиономию кулак.

— Не ссорьтесь. Вы не правильно поняли мои слова. Я не прошу вас кого-то убивать и не собираюсь, — холодно сказала Кэрол. — Разве я заикнулась о том, чтобы вы в чем-то мне помогли? Нет. Наоборот, я умоляю вас не лезть больше в мою жизнь.

Она решительно поднялась с дивана, скинув с плеч плед. Взгляд ее задержался на Тиме.

— Я вижу, ты чувствуешь себя уже лучше. И, так как жизни твоей уже ничто не угрожает, может, вы освободите меня и моих детей от роли заложников?

Она заметила, как нахмурился Исса, которому явно не понравились ее последние слова. Кэрол знала, что обидела его этим, потому что он за последние дни показал себя с самой лучшей стороны, проявив к ней и ее детям всю симпатию и доброту, на которые только был способен, что заставило ее почти забыть о его первоначальной грубости и угрозах. Было видно, что от пребывания в ее доме он получал истинное удовольствие, что ему нравилась и она, и ее уютный дом. Кэрол опустила взгляд и слегка улыбнулась ему, ласково и грустно. От этой улыбки взгляд его сразу потеплел, и он понимающе подмигнул в ответ.

— Уходите, — устало сказала она и отвернулась. По очереди достав малышей из манежа, Кэрол подхватила их на руки и ушла в детскую, так и не взглянув больше на Тима. Он проводил ее наполнившимися страданием глазами, не замечая, что Исса наблюдает за ним. В комнату заглянул Патрик, который все это время стоял под дверью, не вмешиваясь.

— Не обижайтесь, она просто рассердилась на вас, потому что боится, что этот Кевин сдаст нас папе. Но даже если он это сделает, не случится ничего страшного, как она воображает. Конечно, папа будет сердит на нее, но еще больше он будет рад, что мы живы, и

простит нас. Он нас любит, а маму особенно, и никогда не сделает ей ничего плохого, как она говорит. На дядю Рэя он, конечно, тоже рассердится, за то, что тот не рассказал ему, что мы живы, но не настолько же, чтобы убить, как она сказала! — мальчик пренебрежительно махнул рукой. — И спасибо вам лично от меня за то, что врезали как следует этому мерзавцу!

— Не за что, — расплылся в улыбке Исса. — Нам самим понравилось!

Патрик засмеялся. Тем тем временем, согнувшись над столом, что-то писал на листке из блокнота, который затем протянул мальчику.

— Держи. Это адрес и номер телефона квартиры, в которой мы пока будем жить. Если что, звони.

— Так вы что, правда уходите? Прямо сейчас? — расстроился Патрик, беря бумажку. — Но зачем? Вы можете пожить у нас! Мама не будет против, вы ей понравились. Вот увидите, уже через минуту она выйдет сюда, как ни в чем не бывало, потому что не умеет долго сердиться...

— Мы не можем оставаться здесь, хоть нам у вас очень понравилось, — мягко перебил его Исса. — Мы должны уйти. Пока мы будем в городе, а если соберемся уехать, сообщим тебе. Идет?

Патрик подавленно пожал протянутую ему крепкую ладонь. Потом робко протянул руку Тиму.

— Я позабочусь о маме. Если придет папа, я не позволю ему ее сгоряча обидеть. А если этот придурок опять станет ее доставать... я сам с ним разберусь.

— Самому не надо. Позвони мне, — наклонившись, Тим сжал маленькую кисть мальчика в ладони. — Если кто-то вас обидит, просто позвони.

— Жаль, что у вас так и не получилось вернуть вашу дружбу. Она очень хотела. Она говорила, что ты был настоящим другом. Я помню, что ты мне сказал тогда, в спальне, и сегодня, когда смотрел, как вы били этого ублюдка, я понял, что ты не солгал, когда сказал, что готов защитить ее, даже если она не будет просить. И если я не справлюсь сам, я тебе позвоню, обещаю. Только ты не исчезай.

Кэрол, уложив малышей, стояла у окна, провожая взглядом мужчин. Патрик не отходил от них ни на шаг, и она видела, как огорчал его их уход. Своим одиноким сердцем ребенка, мальчишки, лишённого отцовского тепла, нуждающегося в общении с мужчинами, он успел к ним привязаться. Они сумели понравиться этому непростому мальчику, заинтересовать и завоевать его уважение. И, покидая его, причиняли ему боль. Патрик старался этого не показывать, но Кэрол знала, что это так. Она сама чувствовала тяжесть на сердце и щемящую тоску. Чувство бесконечного одиночества снова подступало к ней, наполняя ее душу мраком и пустотой.

Она не отрывала взгляда от Тима, пока он шел к машине и грузил сумки в багажник. На нем были черные джинсы, высокие ботинки и новая куртка, которую купил для него Исса. Высокий, стройный, молодой и вместе с тем суровый, он казался ей невообразимо привлекательным. Его пепельные волосы трепал ветер, они сверкали на солнце серебром и золотом одновременно, напомнив о прекрасных волосах Даяны, таких же, только длинных. Впервые за это время Кэрол почувствовала тоску по подруге, смерть которой не оставила в ее сердце ненависти. Теперь Кэрол воспринимала Даяну не как соперницу и врага, а как жертву. Да, Даяну было в чем упрекнуть, но Кэрол считала, что подруга была слишком

жестоко наказана за предательство и эгоизм. И все чаще грустила о ней, вспоминая годы дружбы, еще не омраченной их обоюдной любовью к Джеку, заставившей обеих забыть обо всем, что их связывало. Ради чего? Ведь в результате Джек не принадлежит ни одной из них. Ни подруги, ни любимого мужчины.

Воспоминание о Даяне, Джеке, о том, как безжалостно он с ней расправился, снова наполнило сердце Кэрол страхом. Не отрываясь, смотрела она на собирающегося уезжать Тима, снова чувствуя себя незащищенной. В какой-то момент в ней поднялся порыв остановить его, но она не сдвинулась с места. Слова, которые он сказал своему другу, не подозревая о том, что она их услышит, все еще звучали в ее ушах, и сердце отзывалось на них ноющей болью.

Она видела, что он расстроен и подавлен, но это не утешило ее уязвленное самолюбие.

Исса сел за руль, а Тим обернулся и посмотрел на дом. Кэрол не отступила от окна, позволив ему себя увидеть, и даже не отвела взгляд. И он застыл на месте, как пригвожденный, смотря на нее своими большими синими глазами. Кэрол внезапно стало не по себе. Ей показалось, что никогда еще мужчина не смотрел на нее так. Было в его взгляде что-то такое, что заставило ее почувствовать к нему одновременно и жалость и страх. Безотчетная тоска смертельно раненного и злобный упрек, как к тому, кто его губил.

Исса, заметив ее в окне, нажал на клаксон, прощаясь. Даже на таком расстоянии Кэрол заметила, как крупно вздрогнул Тим от резкого громкого звука, вырвавшего его из глубокой задумчивости. Нервно обернувшись на друга, он снова посмотрел на Кэрол. С нежной улыбкой она помахала рукой, не догадываясь, что Исса и Тим долго еще будут гадать над тем, кому из них предназначалась эта улыбка и приветствие.

С сожалением Кэрол проводила взглядом их машину и с чувством задернула штору, зажмурившись, чтобы сдержать слезы горького разочарования. Может, Тим и был благословенным, но и с ним ей не повезло, как не везло раньше ни с одним мужчиной. Он сумел ей понравиться, но причинил только лишнюю боль, добавив каплю горечи в ее и без того горькое существование. И ее зародившаяся было надежда на спасение от уготованной ей смерти угасла, когда она поняла, что не сможет удержать этого своенравного дикого бродягу, который бежал от нее, как от чумы, страшась ее и чувств к ней больше самой смерти. Как странно. В жизни — отважный и сильный парень, а в любви такой трус, каких она еще не встречала. Кэрол никогда бы не подумала, что так бывает. И никак не ожидала, что он струсит уже после того, как она сама пришла к нему ночью, открыв ему свои чувства и желания.

Кэрол не поддавалась страху и очередному порыву удариться в бегство. И хоть у нее хранились в банке в сейфе еще одни документы на новые имена для себя и детей, которые ей еще пол года назад сделал Касевес на случай, если придется снова поспешно скрываться, она к ним не притронулась, надеясь, что такой момент еще не наступил. Присутствие Тима и Иссы в городе и оставленный ими телефон придавали ей немного уверенности. Надеюсь, что и на этот раз все обойдется, что Кевину духу не хватит связаться с Джеком, которого он боялся больше всего на свете, Кэрол нашла новую няню для детей и вышла на работу. И выхлопотала для себя разрешение на маленький пистолет на случай самообороны, который теперь всегда и везде был при ней. Перед мысленным взором у нее постоянно стоял разгневанный Джек, она видела его почерневшие глаза, и страх заставлял ее брать с собой оружие даже в ванную комнату. Она записалась на курсы по стрельбе и, каждый раз, целясь в мишень, подготавливала себя скорее больше морально, чем физически к встрече с мужем. Дважды она целилась в человека и не смогла заставить себя выстрелить. В Мэтта, потом в Джека. Но теперь она была полна решимости подготовиться к тому, чтобы суметь нажать на курок, если другого выхода не будет, забыть о любви, о слабости, которые ей помешали раньше. Но теперь у нее был более мощный стимул, который заставит ее сделать то, что казалось раньше ей неприемлемым и невероятным — это безопасность ее малышей. Она знала, что если ей придется выбирать между Джеком и ее лисятами, если он станет для них реальной угрозой, она будет защищать их, не задумываясь. При одной только мысли, что он захочет навредить ее беззащитным мальчикам, она ощущала в себе решительность и отвагу, которые придавали ей уверенности. Жизни ее детей — это было то, чему она готова была принести любую жертву. Даже жизнь того, без которого она не представляла этот мир. И если бы тогда, много лет назад, жертвой безумия Мэтта могла стать не только она, но и ее дети, она бы убила его. Задаваясь этим вопросом теперь, она была в этом уверена, как и в том, что убьет Джека, если он попытается навредить ее близнецам. Она училась стрелять, держала пистолет всегда при себе, но всем сердцем надеялась, что ей не придется проходить через это ужасное испытание.

Новой няне она строго наказала не открывать дверь никому, кроме нее. Патрика перестала отпускать одного из дома, чем невероятно раздражала мальчика. Но он, видя напряжение и страх матери, пожалел ее и принял новые правила, но ненадолго, пока она не успокоится. Вместе они навешали Дженни, и делали это все чаще, пока Патрик не стал настаивать на том, чтобы мать каждый вечер, придя с работы, возила его в больницу. И они стали видеться с девочкой каждый день. Кэрол не возражала, зная, что если откажет Патрику, он будет сам сбегать в больницу. С все возрастающим удивлением наблюдала она, как крепнет симпатия и тяга Патрика к девочке, с каким нетерпением ждет он встречи с ней и как радуется, увидев ее. Дженни стала единственной интересующей его темой для разговоров, он стал говорить только о ней, всегда и везде. С трепетным старанием он мастерил ей подарки, хвастая своим умением, которое на самом деле восхищало девочку. Она всегда улыбалась ему, с охотой с ним общалась, а Кэрол молча радовалась этой дружбе, тому, что Патрик, так нетерпящий девочек и все-таки перенявший от отца негативное и

презрительное отношение к слабому полу, подружился с Дженни. Кэрол должна была признать, что девочка обладала чарующим обаянием и не могла не нравиться. Все в больнице знали ее и любили. За столь короткий срок и Кэрол успела привязаться к ней. Более того, она чувствовала, что уже любит девочку всем сердцем, и причиной тому было не только обаяние Дженни. Главным стимулом, так сильно влекущим ее к девочке, было то, что она являлась дочерью Мэтта, и то, что так походила на него, и внешне, и по характеру. Дженни была такой же мягкой, доброй, отзывчивой, ласковой, каким был Мэтт на самом деле, когда болезнь не преобразовала его, каким в детстве запомнила его Кэрол. Медленно, но верно Дженни шла на поправку, набиралась сил. Лицо ее приняло здоровый и прекрасный цвет, зацвело нежным румянцем, утратив смертельную бледность, так поразившую Кэрол в момент их первой встречи. Красивые бархатные темные глаза теперь искрились огоньками жизни и радости, не было в них больше пугающего выражения безнадежности и тоски. Дженни поверила в свое выздоровление, и вера ее крепла по мере того, как она чувствовала себя все лучше и лучше, медленно возвращаясь к едва не покинувшей ее жизни. И невозможно было описать улыбку и взгляд, которыми она каждый раз встречала Кэрол, окончательно покорив ими сердце женщины. Дженни была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, кому она обязана своим чудесным спасением, чтобы оценить то, что сделала для нее эта совсем чужая и посторонняя женщина, появившаяся в ее жизни в самый последний момент из ниоткуда и вырвавшая ее из объятий смерти. Девочка поверила в то, что Кэрол на самом деле была кузиной отца, и робко называла ее тетей. Кэрол не возражала, Патрик тоже молчал, и оба они понимали, что никогда не скажут правду. Кэрол рассказывала ей о Мэтте, а девочка слушала ее с сияющими глазами, затаив дыхание. Благодаря Кэрол, Дженни стала обожать своего отца, о котором раньше ничего не знала, прониклась уверенностью, что он был самым лучшим человеком на земле. Кэрол сказала, что не знает, почему ее родители расстались, но заверила девочку, что Мэтт не знал о ее существовании. Покосившись на фотографию Кэт, Кэрол без колебаний обвинила ее в том, что она скрыла от Мэтта рождение дочери, что он умер, так и не узнав об этом. Тогда Дженни с упреком и обидой посмотрела на изображение матери, разлучившей ее с отцом, обманувшей их обоих. Но даже такой взгляд девочки на покойную мать не заставил Кэрол раскаяться в своих словах. Она сказала только правду. Пусть Дженни знает, кто на самом деле виноват в том, что она росла без отца, пусть не думает, что он не захотел ее знать. Пусть улыбнется на небесах Мэтт, и перевернется в гробу ненавистная Кэт, проклиная Кэрол. Но последнюю проклятиями уже не напугаешь.

— Может быть, он так сильно ее обидел, раз она так поступила? — предположила Дженни, устремив на Кэрол прекрасные глаза. Взгляд ее был преисполнен таким доверием, которым девочка прониклась к ней после того, что она для нее сделала, что Кэрол поняла, что Дженни поверит всему, что она скажет. У Кэрол зачесался язык, но она сдержала себя. Нежно улыбнувшись девочке, она взяла ее за руку.

— Нет, Дженни. За все свою жизнь я не видела, чтобы мужчина любил так, как Мэтт любил твою мать, — голос ее невольно дрогнул, когда она произносила эти слова. — Любил так, что никогда бы не обидел. Он делал все, чтобы сохранить семью. Но для этого желания одного человека мало.

— Вы хотите сказать, что мама сама его бросила? Но почему, если он был таким хорошим и так ее любил? Неужели она его не любила? Такого красивого... не может быть, — взяв в руки фотографию отца, Дженни стала снова его разглядывать, наверное, уже

в тысячный раз. Потом подняла взгляд на Кэрол.

— Вы знаете. Расскажите мне. Пожалуйста.

Кэрол погладила ее руку, опустив взгляд.

— Когда-нибудь я расскажу тебе, но не сейчас. Ты не должна тревожить свое новое сердце, позволь ему окрепнуть, набраться сил. Прошлое никуда не денется. Их больше нет в этом мире, и ты должна думать о себе, о своей жизни и здоровье, а их хранить в своем сердце.

— Но вы мне расскажите? Обещаете?

— Если это для тебя так важно. Но не сейчас.

— Хорошо, — девочка кивнула, улыбаясь.

Патрик, с нетерпением ожидающий окончания их серьезного разговора, не позволяющего ему вмешаться, поспешил занять внимание Дженни, страдая оттого, что оказался вне него. А Кэрол задумчиво посмотрела на фотографию Кэт.

«Месть моя еще не окончена, Кэт. Придет время, и твоя дочь узнает о том, какая ты была на самом деле, о том, что ты делала с Мэттом, как издевалась над его любовью. Как бросила его в беде, оставив погибать в тюрьме. Дженни узнает о том, как он попал в тюрьму, но не узнает, что на самом деле совершил те преступления, в которых был обвинен. И, естественно, я не скажу твоей дочери, что это я тебя убила. Твоя дочь будет любить меня и Мэтта, а тебя, возможно, возненавидит. Вот такой будет моя месть. И ты это заслужила, дрянью!».

Кэрол отвернулась от фотографии, чтобы Дженни не заметила ее ненависти, которая не угасла даже после смерти Кэт. И в этой ненависти не последнее место занимала чисто женская ревность к той безграничной любви, которая свела Мэтта с ума. И в этой своей ненависти Кэрол была жестока, настолько, что даже не раскаивалась в том, что отняла жизнь у соперницы, считая себя правой на все сто процентов.

В один из таких вечеров, которые они проводили в палате с Дженни, Кэрол познакомилась с настоящей тетей девочки, сестрой Кэт, которая, судя по всему, сама мало что знала о Мэтте, потому что поверила в то, что Кэрол его родственница. Встретила она Кэрол весьма приветливо, поблагодарила за помощь, оказанную девочке. Но Кэрол сразу почувствовала ее напряжение, и поняла, что что-то не так. Оставив Патрика и Дженни в палате, они вышли, чтобы поговорить наедине. И тогда сестра Кэт, Бетти, устремила на Кэрол тяжелый взгляд, так похожий на взгляд той, которую так непримиримо ненавидела Кэрол.

— А теперь объясните мне, что скрывается за вашим благородным поступком? — в упор спросила Бетти.

— Не понимаю вас, — Кэрол спокойно смотрела ей в глаза.

— Хотите уверить меня, что помогли просто так, выложив такую огромную сумму? Этаким красивым бескорыстным жестом милосердия?

— Дженни моя племянница. Почему вы удивляетесь тому, что я помогла?

— Дженни и моя племянница, однако... — женщина не договорила, жестко поджав губы. — Вы так богаты, что с такой легкостью отдаете такую сумму без гарантии на то, что операция спасет жизнь девочки?

— Нет, я не богата.

— Тогда откуда такие деньги?

Кэрол ответила холодной улыбкой, давая понять, что женщина лезет уже не в свое дело.

— Вы чем-то недовольны? — спросила она так же спокойно.

— Вы просто не понимаете. Вы оплатили операцию, но что дальше? Это не сделало Дженни здоровым полноценным ребенком. Ее жизнь теперь зависит от лекарств, которые ей придется пить до конца своих дней! Это постоянное наблюдение врачей, регулярные обследования!

— Вы предпочли бы этому смерть Дженни? — голос Кэрол наполнился льдом.

— Нет, я люблю ее и хочу, чтобы она жила. Но лекарства, врачи — это все деньги! Деньги, которых у меня нет! Я работаю официанткой, у меня нет мужа, зато трое детей, да еще Дженни на моей шее. Я люблю ее, но ведь у меня есть и свои дети, о которых я должна заботиться. Я не могу работать только на лекарства и врачей для Дженни. Я старалась для нее, старалась изо всех сил с тех пор, как умерла ее мать, и никто не сможет меня упрекнуть — я сделала для нее все, что могла. Я взяла ее к себе, слабую, больную, заботилась о ней и об ее здоровье, отдавая ей сил больше, чем собственным детям! А ведь я могла всего этого не делать, а отправить ее в учреждение для сирот. А я свой кусок отдавала ей, работала в две смены, выбивалась из сил, чтобы купить ей лекарства и оплатить врачей. Если бы я могла сделать больше, я бы сделала. Но, к сожалению, я не могу. Я позволила ее доктору записать ее в очередь на донор, но знала, что даже если сдохну на работе, я все равно не заработаю столько, чтобы оплатить операцию. Я люблю Дженни, но я смирилась. И Дженни смирилась. Она знала, что я сделала для нее все, что было в моих силах. А тут вмешались вы. Когда я узнала, что Дженни прооперировали, я плакала от радости, но потом...

Женщина отошла от Кэрол и опустилась на кушетку. Кэрол присела рядом.

— Я устала. Я так устала, что вы даже представить себе не можете, — прошептала сдавленно Бетти. — Может, мои слова покажутся вам отвратительными и ужасными, но после стольких лет мучений я уже ждала, когда все это закончится. У меня просто не осталось сил. Это ужасно, и знаю, что Бог меня за это накажет, но я действительно ждала ее смерти, ждала, как избавления... — она прикрыла лицо ладонью, стыдясь своего признания. Кэрол увидела, как на подбородок ее из-под ладони скатились слезы.

— Я понимаю вас, — тихо сказала Кэрол.

— Я человек верующий, верю в бога, в судьбу... Подобные операции я считаю противоестественными всему этому. Это идти против природы, против судьбы, вмешиваться туда, куда человеку нет доступа, понимаете? Тот, кому предначертано умереть, должен умереть. Человечество переступило рамки дозволенного, и природа этого не простит. Не мы решаем, кому и когда умереть, но осмелились взять на себя это право. Каждому существу, даже букашке, с появлением в этот мир отводится свой срок. Срок Дженни истек. Ей больше нет места в этом мире, но она все еще здесь. Вы не позволили ей уйти и освободить свое место для другой жизни. Вам не страшно? Лично мне не по себе. И мне страшно за Дженни. Нельзя так. Нельзя идти против природы, против самой смерти, ни во что их не ставить. Нельзя думать, что мы, люди, сильнее. Природа и смерть все равно возьмут свое, а за неповиновение накажут. Поэтому мне страшно за Дженни — такое природа не прощает.

— Никто не отнимал права бороться за свою жизнь, даже у букашки оно есть, — мягко возразила Кэрол. — Если сумел отстоять свою жизнь, то тебе дается право жить дальше, не смог — увы. Это тоже законы природы, разве вы не согласны? Заяц, убегающий от волка, тоже идет против природы и судьбы, не позволяя себя поймать и убить? Он сопротивляется смерти, все сопротивляются, в этом нет ничего противоестественного, наоборот. Смерть привыкла к тому, чтобы ей сопротивлялись, наоборот, она любит отважных и сильных и

часто их шадит, разве нет?

— Но есть те, кто уже обречен, кому не дается шанс на спасение. И Дженни была в этой категории.

— Но ведь она избежала смерти, значит, и ей был предоставлен такой шанс. Если бы Дженни была так категорично приговорена судьбой, как вы утверждаете, она могла бы умереть во время операции или после, как случается со многими. Вы верите в бога, в судьбу, значит, вы должны знать, что нельзя обвести вокруг пальца ни бога, ни судьбу, как какогонибудь простофилю на улице обводит мошенник, и они все равно возьмут свое. Если Дженни должна была умереть, она бы умерла, умерла в ту секунду, в какую ей было положено, и не прожила бы ни мгновением больше. Просто ее срок еще не вышел.

— У нас с вами разные взгляды, не будем спорить. Я вижу, что вы из тех, кто привык давать отпор, кто считает, что может бороться с силами, о которых нам мало что известно, такими, как судьба и смерть, например. А я из смиренных, которые не противятся и уважают эти силы и их решения. И вы меня не переубедите. На месте Дженни я бы никогда не согласилась на эту операцию. Говорят, что душа человека в сердце. Взяв у человека его сердце, она украла и его душу. А что случилось с ее душой? Ее извлекли у нее вместе с сердцем? Это значит, что в теле Дженни теперь чужая душа. Она дала жизнь тому, у кого взяла сердце, бьется сердце другого человека, а не ее. Значит, Дженни все-таки умерла, а этот человек, кому принадлежит сердце, продлил свою жизнь в ее теле.

Кэрол покосилась на женщину, задавшись вопросом, все ли у нее в порядке с головой.

— Это всего лишь орган, часть тела. Ведь меняют же на машине сломавшуюся деталь, и при этом машина остается той же. Почему нельзя то же самое сделать и с человеком?

— Человек не машина.

— Хорошо, не будем об этом. Давайте подведем итог нашему разговору. Скажите, наконец, к чему вы завели со мной весь этот разговор?

— Я хочу сказать вам, что не могу больше заботиться о Дженни. К тому же без уверенности, что это Дженни, а не кто-то другой после операции... Мне нужно поднимать на ноги своих детей. И, как мать, вы должны меня понять.

— Я вас понимаю. Но как же Дженни? Вы не можете ее бросить. Ведь кроме вас, как я понимаю, у нее никого больше нет.

— Почему нет? А вы? Вы тоже ее тетя. Я заботилась о ней столько лет, не щадя себя, и считаю, что свой долг я выполнила и перед ней и перед ее матерью. Теперь ваша очередь. Вы сохранили ей жизнь, взяли на себя такую ответственность, сами. А раз взяли, вот и несите ее дальше. Теперь вы ее покровитель. Если хотите, можем переоформить опеку, а если для вас это не важно, то пусть все остается, как есть, а пособие на нее я вам сама буду отдавать. Она уже взрослая девочка, и вам будет легче, чем мне, потому что мне она досталась совсем ребенком. Она самостоятельная, послушная, по дому делать все умеет. Единственные хлопоты, которые она вам доставит — это ее здоровье. Нагружать работой ее, конечно, нельзя. Пока могла, она мне помогала по дому, потом я ей запретила. Но теперь, если все дальше пойдет нормально, она окрепнет, и всегда сможет присмотреть за детьми или приготовить обед, пока вы на работе. Я, как никто другой, понимаю, какая обуза больной ребенок, но вам нужно продержаться всего несколько лет, пока она не выйдет замуж. Она красивая, я не сомневаюсь, что найдется мужчина, который согласится взять заботу о ней на себя. Но к тому времени она уже сможет вести нормальную полноценную жизнь, если сердце приживется. Так мне сказал ее доктор.

Женщина испытующе разглядывала шокированную Кэрол.

— Ну, что вы на это скажите? Вы согласны?

— А у меня есть выбор, если вы от нее отказываетесь?

— Я не отказываюсь, я просто не могу больше о ней заботиться. Но вы можете отказаться.

— И что тогда?

— Я вынуждена буду отказаться от опекуинства.

— Приют? Но с таким здоровьем ей нельзя в приют.

— Я знаю. Поэтому и прошу вас взять ее к себе.

— Но у меня крайне ненадежное и сложное жизненное положение, я не уверена в завтрашнем дне...

— А кто уверен? Как бы вы не жили, и какая бы жизнь у вас не была, я вижу, что вы человек сердечный, и Дженни с вами будет лучше, чем в приюте. С вами у нее есть шанс выжить с новым сердцем, без вас — нет. Я считаю, что теперь, дав ей новую жизнь, вы не можете отказаться от нее. Не имеете права. Тогда вообще не надо было вмешиваться, и дать ей спокойно умереть.

Кэрол молчала. Бетти деликатно ждала, давая ей возможность все обдумать.

— А если она не захочет жить со мной? — наконец, прервала молчание Кэрол.

Бетти торжествующе улыбнулась.

— У нее нет выбора.

Кэрол снова подавленно помолчала, потом тихо произнесла:

— Сами поговорите с ней. Я согласна, но только если вы мне кое-что пообещаете.

— Говорите! — Бетти с решительным видом сбросившего тяжелую ношу человека поднялась с кушетки.

— Пообещайте мне, что если со мной что-нибудь случится, вы заберете Дженни к себе. Пообещайте, что она никогда не попадет ни в приют, ни к чужим людям.

— Хорошо, я даю вам слово, — с готовностью кивнула Бетти.

Узнав о том, что Дженни станет членом их семьи, Патрик визжал от восторга, целуя Кэрол так, как не целовал никогда в жизни. Сама девочка смиренно приняла решение тети Бетти, но в глазах ее снова появилась печаль. Кэрол могла себе представить, что чувствует девочка, от которой отказалась ее тетя, единственный близкий для нее человек, заменившая маму, ставшая для нее семьей, спихнув, как надоевшую обузу, человеку, о котором ничего не знала, кроме того, что Кэрол имела родственную связь с Мэттом, и то, этот факт был только с ее слов, а на самом деле, не известно было, что она за женщина, откуда появилась и зачем. Не возможно было определить по реакции Дженни, осуждает ли она тетю за это. Ничем она не показала своих чувств. Но то, что Бетти причинила ей сильную душевную боль, Кэрол не сомневалась. Если Дженни и обидел поступок тети, она ничем ей этого не показала, облегчив тем самым ей задачу и позволив беспрепятственно от себя избавиться. Может быть, она понимала тетю и на самом деле не осуждала. Никто, кроме самой девочки, не знал, что она думала об этом. А делиться своими мыслями она не собиралась. Зато Кэрол почувствовала, как сразу изменилось отношение девочки к ней. Дженни напряглась, в ней появилась настороженность, которой раньше не было. И она стала прятать глаза от Кэрол, стесняясь и стыдясь того, что тетя вынудила ее взять заботу о ней на себя. Казалось, что новая жизнь больше уже не радовала Дженни, как после операции. Она стала замкнутой и

грустной. Взгляд ее снова потух.

Кэрол была с ней мягка и приветлива, с каждым днем все больше свыкаясь с мыслью, что забота об этой девочке теперь лежит на ней. Это ее озадачивало и тревожило, но уже не пугало так, как в первый момент. Доктор порекомендовал направить Дженни в специальный пансионат для пациентов после операции по пересадке сердца. Пансионат был платным и не дешевым, и Кэрол снова ломала голову над тем, где взять денег, уже ощутив на себе всю тяжесть взятой на себя ответственности. После мучительных колебаний, она позвонила из телефонного аппарата на улице Рэю, вынужденная признать, что без его помощи ей не справиться с ситуацией. После их последнего разговора она ощущала себя крайне неловко, понимала, что после всего просить его о чем-либо — неслыханная наглость. Радость, которой он отреагировал на звук ее голоса, заставила ее немного расслабиться. Она улыбнулась, почему-то уверенная, что, услышав ее, он подскочил с места. Кэрол нарисовала себе его в воображении, и почувствовала прилив острой тоски.

— Кэрол!

— Тише, Рэй, не кричи так. Услышит кто-нибудь, — улыбнулась она.

— Привет, мое солнышко. Как дела?

— Ничего. А у тебя?

— Уже то, что тебя это все еще интересуется, делает меня счастливым. Как Рик?

— Прекрасно. Весь в делах — школа, спорт, искусство. И девочка, оттеснившая все это на задний план.

— Да ну! — вскричал в восторге Рэй. — Неужели он влюбился?

Улыбка медленно растаяла на губах Кэрол, которая растерянно застыла на месте.

— А что, уже может? Но он же еще ребенок.

— В таком возрасте сильную симпатию к девочке уже можно считать любовью, — рассмеялся Рэй. — И что это за красавица, давай, рассказывай.

— Я не думаю, что это то, о чем ты говоришь. Эта девочка ему понравилась, но не так, как ты думаешь. Ее зовут Дженни. Это та самая девочка, на операцию которой я просила у тебя денег.

— И как все прошло?

— Замечательно. Дженни медленно идет на поправку. И теперь она член нашей семьи.

— Как это? — не понял он.

— Ее тетя не может о ней заботиться, и я заберу ее к себе. Патрик в восторге.

Рэй вздохнул в трубку.

— Кэрол, я, конечно, все понимаю, но неужели тебе забот мало? Зачем?

— Мне пришлось. Я назвалась ее тетей, и теперь у меня нет пути назад. Я не все тебе рассказала, Рэй. Дженни — дочь Мэтта. Думаю, теперь тебе не нужно объяснять, почему я помогаю этой девочке.

— Но как ты о ней узнала? — поразился Рэй. — И уверена ли ты в том, что она на самом деле его дочь?

— Уверена. Это маленькая копия Мэтта. Но дело не только в Мэтте. Я лишила ее матери, поэтому я просто обязана о ней позаботиться.

Рэй снова вздохнул.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать. Это уже почти взрослая девушка, настоящая красавица. Она покорила сердце Патрика с первого взгляда. И мое тоже. Тихая, кроткая и печальная девочка. И мне

кажется, что я ее уже люблю.

— Наверное, нужно много всяких лекарств. Открой счет, я анонимно буду присылать тебе деньги. Не переживай, Рэндэл не просечет. Я буду отсылать тебе наличку, не со своих счетов.

— Спасибо, Рэй.

— Я рад, что все-таки нужен тебе, хоть это тебе и не нравится. Я помогу тебе, моя красавица. Это моя обязанность. И я этого хочу. В общем, сама знаешь, чего объяснять?

— Положи от меня цветы Куртни. Я так переживаю из-за того, что даже не могу прийти к ней на могилу.

— Куртни бы тебя поняла. Тебе не надо просить меня, я каждый раз приношу ей цветы не только от себя, но и от тебя и Патрика. Три огромных букета.

Они напряженно помолчали.

— А как у тебя с твоим парнем? — все-таки не выдержал он.

Кэрол очень надеялась, что он не спросит.

— Не хочешь рассказать мне о нем? Или это тайна?

— Мне не хотелось бы говорить с тобой об этом.

— Почему? Интимные отношения нас больше не связывают. Расскажи, что собой представляет твой парень, что в этом такого?

— Не спрашивай меня об этом, Рэй. Я же не спрашиваю тебя.

— Потому что тебе не интересно, я думаю. А мне любопытно. В конце концов, я должен знать, что за человек рядом с тобой. Как я понял, в роскоши ты с ним не купаешься, раз принимаешь помощь от меня.

— Рэй, прекрати. Я положу трубку и не возьму от тебя ни цента.

— Да ладно, не гонорись... передо мной-то! Ты всегда любила окружать себя таинственностью. Пусть будет так.

— Мне нужно идти, Рэй. Спасибо, что терпишь меня, да еще помогаешь.

— Не говори глупостей! Кому мне еще помогать? У меня больше никого нет.

— Почему не заведешь семью?

Он помолчал.

— Не хочу. Ладно, беги, мое солнышко. Звони хоть иногда, не забывай. Целую тебя.

Кэрол чмокнула губами, отвечая на звонкий поцелуй, прозвучавший в трубке.

— Пока, Рэй. Я тебя люблю.

Она осеклась, усомнившись в том, воспримет ли он ее слова о любви так, как она хотела, поймет ли, о какой любви она ему сказала. Но, конечно, он все понял. Понял, что это были слова девочки, которую он воспитал, а не женщины, с которой он когда-то был в одной постели. И постарался ответить так же невинно, словно между ними никогда и не было интимных отношений.

— Я тоже тебя люблю, малыш.

Но так, как у нее, у него не получилось, потому что для него она теперь была только женщиной. И оба слишком хорошо помнили, как были в постели, и отношения, которые были у них до этого, уже невозможно было вернуть, а их попытка выглядела пафосной и нелепой в их же собственных глазах. И теперь, говоря друг другу о любви, они уже сами не знали, о чем именно они говорят. Рэй, может быть, и знал. Но не Кэрол, которая совершенно запуталась в своих чувствах к нему после того, как он побывал у нее в любовниках. Но разбираться в этом она не пыталась, считая, что теперь, когда жизнь разделила их, это не

важно. И эту неясность и неопределенность в своем отношении к нему она так и оставила неразрешенной, даже радуясь тому, что нет необходимости это делать и, она может оставить все так, как есть.

Вскоре Дженни уехала в пансионат проходить реабилитацию после операции. Кэрол тем временем готовилась к тому, чтобы принять ее в своем доме, в свою семью. Теперь, когда Рэй стал регулярно присылать деньги, Кэрол приободрилась. Рэй не скупился, но Кэрол не возражала, зная, что спорить с ним об этом бесполезно. Он присылал ей деньги от всего сердца, с искренним желанием облегчить ей жизнь. Кэрол знала, что ему доставляло удовольствие то, что он стал принимать участие в ее жизни, что он все-таки ей нужен и необходим, что без него ей не обойтись, что она все-таки поняла это и смирилась. Да, видимо, это действительно было так. Без Рэя никак. И ей пришлось принять этот факт. Он был первым и единственным, о ком она вспоминала, когда ей нужна была помощь. Вернее, деньги. Она его использовала. Кэрол это понимала, ощущала себя гадко, но закрыла на это глаза. Он тоже это понимал, но принимал, как всегда и все от нее принимал, как, например, роль отвергнутого. Кэрол оставалось только удивляться, почему, чтобы она ни делала, он все ей позволяет и прощает. Было ли вообще что-нибудь, что заставило бы его послать ее к черту и изменить своей мягкости и нежности, с которой он всегда с ней обращался, не смотря ни на что. Она разбила ему сердце, предала, выкинула из своей жизни, и все равно слышит ласковое «солнышко» и «мальш», слышит неизменную нежность и тепло в его голосе, хоть и чувствовалось за ними обида и горечь, которую он не хотел ей показывать. Кэрол лелеяла в душе надежду, что когда-нибудь наступит момент, когда она сможет отблагодарить его за его терпение и преданность.

Благодаря его щедрости Кэрол сменила жилище, сняв домик попросторнее, чтобы у Дженни была своя комната. Кэрол купила для нее новую мебель, стараясь, чтобы девочке здесь понравилось. Бетти перевезла вещи племянницы, которые Кэрол занесла в комнату девочки. Бетти сама разобрала сумки, разместив вещи по комнате, развесив одежду. Кэрол позволила ей похозяйничать, про себя приняв решение обновить весь гардероб Дженни, который оставлял желать лучшего. Нет, он был ужасен. Невероятно, чтобы такая красивая девочка и носила такие обноски, уже протертые до дыр. И в памяти Кэрол вдруг всплыл свой собственный гардероб, который был у нее, когда она жила с Элен. Вспомнила куртку, из которой выросла, сапоги, жмущие ноги, и отвратительный хохот матери.

«Посмотрите на эту Золушку!».

Кэрол помнила этот момент, помнила дырявые колготки, короткие выцветшие тапочки, потертые и изношенные кофточки и джинсы. Она помнила все свои вещи, которые могла пересчитать по пальцам, и которые так редко заменялись новыми. И все эти воспоминания заставляли ее теперь выглядеть всегда превосходно. Образ «золушки» жил в ее памяти, заставляя ее каждое утро превращать себя в принцессу. И она с волнением и радостью предвкушала момент, когда то же самое сделает и с Дженни. Сделает то, что когда-то сделала для нее, Кэрол, Куртни — раз и навсегда уничтожит в ней золушку.

Патрик, принимающий во всем, что касалось Дженни, активное участие, с гримасой недоумения и презрения разбалованного ребенка, большую часть жизни проведенного в роскоши, наблюдал за Бетти, раскладывающей вещи племянницы. Кэрол опасалась, как бы он чего не ляпнул, но мальчик промолчал.

— Мам, надо купить ей другие вещи, — только и сказал он с невообразимым

возмущением, когда они остались наедине. — А это все давай выкинем. Эта ведьма специально заставляла ее надевать эти ужасные вещи, завидуя ее красоте.

— Я куплю ей кое-что пока сама, на свой вкус, а когда Дженни придет, мы вместе поедem по магазинам, чтобы она сама выбрала все, что нужно.

— Сомневаюсь, чтобы она выбрала то, что нужно, привыкшая к этому бараклу! — фыркнул Патрик. — Я бы предпочел, чтобы ты сама ее одела. Ты знаешь в этом толк.

— Я помогу ей с выбором. Будь уверен, мы сделаем из нее принцессу.

Патрик поднял на нее засверкавшие глаза, рот его растянулся в веселой улыбке.

— Она уже принцесса, мам, потому что такая красивая! Ты волнуешься? Не переживай, мам, ей будет хорошо у нас. Я буду любить ее, защищать. И ты у меня хорошая. Вот увидишь, очень скоро она даже будет рада, что тетка отдала ее нам. И Мэтт доволен. Он успокоился. Он очень благодарен тебе за то, что спасла его дочь, и уверен, что теперь, с тобой, она в безопасности и будет счастлива.

Кэрол отвернулась.

— Ты так и не поверила в то, что он здесь? — серьезно спросил Патрик. — Но ведь он рассказал мне о Дженни. Как иначе, по-твоему, я мог узнать о ней?

— Я не знаю, сынок. Наверное, так же, как ты узнал о Тиме и Иссе.

— Ты веришь в мой дар, но не можешь поверить в присутствие Мэтта. Или не хочешь.

— Ты хочешь сказать, что он здесь, видит и слышит, что с нами происходит... что он рядом со мной... всегда?

— Да.

— Со дня своей смерти?

— Ну... об этом я у него не спрашивал. Наверное.

Кэрол неожиданно для себя почувствовала, что краснеет.

— Это ужасно! — вырвалось у нее. — Если ты говоришь правду, это ужасно. Я чувствую себя так, будто за мной все эти годы подглядывали. Скажи ему, что я возмущена. Как он смел?

Патрик вдруг расхохотался. Но Кэрол было вовсе не смешно, когда она представляла, что Мэтт все видел, все знает! Ее покорило, когда она представила, как он наблюдал за тем, как она занимается любовью с другими мужчинами. Она всегда утешалась мыслью, что он умер, не зная, что Джек станет ей мужем, что она предаст его, Мэтта, выйдя за него замуж. А выходит, он все видел, все знал, что происходило после того, как его не стало? Интересно, когда она занималась сексом с Тимом, он сидел в кресле и наблюдал за этим? Кэрол это категорично не нравилось. Она поняла, что как только поверит в то, что Мэтт на самом деле рядом, что был рядом все эти годы, когда она жила, не догадываясь об этом, то жизнь ее станет еще более невыносимой. Она знала, что отныне не сделает ни одного движения без мысли, что он за ней наблюдает. Что, даже уединившись в своей комнате, ванне, туалете, она все равно не будет одна. Даже если он и не ходит за ней каждую минуту по пятам, она-то этого не узнает, и всегда будет напряжена, гадая, одна ли она в эту минуту или нет. И вряд ли сможет теперь расслабиться в объятиях мужчины, представляя, что Мэтт смотрит.

— Он сейчас здесь? Слышит нас? — напряженно спросила она у Патрика.

Тот с улыбкой кивнул.

— И где он?

— Стоит у окна.

Кэрол повернулась к окну, краснея все сильнее.

— Мэтт, так не честно! — выкрикнула она, задыхаясь. — Я думала, что ты умер, что покинул меня! Если бы я знала... — она взглянула на Патрика заблестевшими от слез глазами. — Он меня ненавидит?

Патрик пожал плечами.

— Не знаю. Говорит, что нет. Обидно, говорит, что ты уступила папе, но он сам в этом виноват. Мэтт виноват, то есть. Единственное, что его огорчает, так это то, что ты на самом деле любишь папу, — последние слова Патрик произнес с явным удовольствием. — И он не поймет, почему.

Кэрол отвернулась, не ответив. Говорить о Джеке при Патрике она не могла.

— Он очень благодарен тебе за то, что ты помнишь о нем, — небрежным тоном продолжил Патрик. — Что грустишь о нем, что так дорожишь тем, что между вами было. Мам, я что, должен передавать между вами эти телячьи нежности? Между прочим, папе бы это не понравилось. И если бы Мэтт не был всего лишь призраком — то мне тоже!

— Сынок, не сердись. Никогда я не думала, что мне представится возможность поговорить с Мэттом. Мы расстались так... ужасно. Так неожиданно, не успев друг другу ничего сказать. Даже попрощаться.

— Да знаю я! — Патрик раздраженно фыркнул. — Ладно. В общем, он говорит спасибо за то, что ты осталась ему по-настоящему преданной.

— Как преданной? Я вышла замуж, я...

— Это не важно. Он говорит, что преданность мертвым не в том, чтобы отказаться от нормальной жизни во всех ее проявлениях, запереться в келье и до конца жизни не видеть белого света. Он говорит, что после его смерти ты не раз доказала свою любовь и свою преданность ему. И что только после смерти он понял, сколько он для тебя значил и как был дорог. Он знает, что ты никогда его не забудешь. И то, что после смерти ты видишь себя только с ним, сказало ему о том, что он любовь и мужчина всей твоей жизни. Мам! Это правда? А как же папа?

— Мне думается, папа будет жить вечно. Я не могу представить его мертвым, потому мне всегда казалось, что, умерев, я окажусь рядом с Мэттом.

— А-а, ну тогда ладно. Я тоже не представляю, чтобы папа когда-нибудь умер. Мэтт еще говорит, что папа все равно его не победил, потому что ты, мам, так и не отказалась от него, Мэтта, как бы папа не старался заставить тебя его забыть. Ну, все, хватит. Вы меня загрузили уже своей бывшей любовью. Иногда Мэтт меня ужасно раздражает. Как сейчас, когда ведет себя так, будто ты принадлежишь ему.

— Спасибо, сынок, что ты помог нам поговорить.

— Значит, ты все-таки поверила?

— Наверное. Трудно не поверить... после всего.

— Тогда пришло время тебе сказать. Теперь, когда Дженни спасена и под твоим покровительством, Мэтт не тревожится о ней и может уйти. Ты понимаешь, о чем я?

— Значит, это Дженни держала его здесь?

— Дженни и ты. В основном, ты. Ты не отпускаешь его. Все эти годы ты не хотела его отпустить.

— А я думала, что он здесь, потому что проклят.

— Даже проклятым отведено свое место после смерти. Там будем и мы с тобой, мам. Так что ты была права, когда говорила, что после смерти будешь рядом с Мэттом, а не с

папой. Мэтт хочет уйти. Особенно теперь, когда ты знаешь о его присутствии. Он не хочет мешать тебе жить. Но для этого ты должна его отпустить.

— Хорошо, я его отпускаю.

— И простить.

— Я простила его. Я всегда знала, что то, что тогда произошло... не по его вине. Он был болен и не понимал, что хочет расправиться со мной...

— Нет, не это ты должна ему простить. Прости то, что не могла простить все эти годы.

— Я не понимаю...

— То, что он убил себя. Ведь ты не можешь ему этого простить. Так?

Кэрол почувствовала, как в груди поднялась горечь.

— Я прощаю тебя Мэтт. И отпускаю. И я позабочусь о твоей дочери, обещаю.

Патрик вздохнул.

— Нет, мам. О прощении и о том, что отпускаешь — это только слова. Слов мало. Ты должна отпустить его *на самом деле*, сердцем. Понимаешь? А ты не хочешь. И простить не можешь. Ты хочешь, чтобы он был с тобой, особенно теперь, когда знаешь, что он рядом. Ты должна постараться, мам. Мы должны отпускать умерших, как бы сильно их не любили.

— Я понимаю. Но как мне сделать это? Мне кажется, что я прощаю и отпускаю, а вы говорите, что нет.

— Потому что тебе это на самом деле только кажется. Ты говоришь, что отпускаешь, а сама цепляешься за него всем сердцем. И не смиряешься с тем, что он оставил тебя, что отнял у себя жизнь, за которую ты так боролась. Считаешь, что, убив себя, он предал тебя и вашу любовь. Это его слова, я только пересказываю.

— Тогда пусть он поможет мне, скажет, как мне сделать то, что он хочет. Как простить, как отпустить.

— Только ты можешь управлять своими чувствами и подсознанием. И только тебе теперь решать, жить с Мэттом дальше или нет. Ну, все, ты подумай над этим, а пока поехали по магазинам выбирать Дженни обновки.

Магазины немного отвлекли Кэрол от мыслей о Мэтте. Патрик, который терпеть не мог делать покупки, теперь отдавался этому занятию со странными удовольствиями и радостью. Кэрол хотела, чтобы, когда Дженни пришла в свой новый дом, у нее уже было все необходимое. Она купила для девочки туалетные принадлежности и кое-что из одежды и, нагрузив Патрика пакетами, хотела отправить в машину, чтобы он подождал ее там, пока она наведается в отдел нижнего белья. Но не тут-то было. Своенравный мальчишка увязался за ней. Видя в нем всего лишь ребенка, Кэрол вздохнула и позволила пойти вместе с ней. Но вскоре усомнилась в правильности своего поступка, заметив, какими горящими глазами разглядывает он витрины. Кэрол чувствовала себя сконфуженно, выбирая для Дженни белье. Еще большую неловкость она ощутила, когда Патрик захотел принять участие в выборе деликатных вещей.

— Мам, купи вот это! Смотри, какие трусики! О, и вон ту ночную рубашку!

Кэрол ошеломленно смотрела на него. Ее мальчика привлекало только сексуальное женское белье, и он с яростью отшвыривал в сторону вещи поскромнее, которые выбирала Кэрол.

— Сынок, эти вещи для взрослых девушек и женщин. Дженни ни к чему такое откровенное белье, она еще девочка, — серьезно сказала она мальчику.

— Какая она девочка? Она девушка, мам! А девушки, тем более такие красивые, как она,

должны носить только такое белье! Оно же такое... красивое, — Кэрол, внимательно наблюдающей за ним, показалось, что по телу его прошла крупная дрожь. И если бы перед ней был не мальчик, она бы приняла это за самое, что ни есть, настоящее сладострастие. С раздражением она вырвала из рук сына великолепную шелковую ночную рубашку.

— Позволь *эту* часть гардероба для Дженни мне выбрать самой. Я в этом разбираюсь лучше тебя!

Патрик побагровел от обиды и возмущения.

— Думаешь? Что ж, выбирай! Только здесь ты ошиблась размером, — он швырнул ей бюстгальтер, который она отложила для девочки. — У Дженни сиськи побольше, чем ты думаешь!

— Ты откуда знаешь? — задохнулась Кэрол.

— Потому что, в отличие от тебя, я обратил на это внимание.

— Ты разглядывал ее грудь?

— Я видел, а не разглядывал. Подглядел, когда ей делали перевязку, — дерзко заявил мальчишка. — Что здесь такого? Подумаешь!

— Это некрасиво! Пообещай мне, что никогда больше не будешь подглядывать за Дженни, иначе я не возьму ее к нам!

Ее слова мгновенно присмирили юного хулигана. Вздохнув так, словно его придавило тяжелой плитой, он раздраженно кивнул.

— Обещаю. Я не хотел ничего плохого, просто не вовремя заглянул в палату и случайно увидел.

— Ты ездил в больницу без меня?

— Только один раз!

— Я спрошу у Дженни, — сердито сказала Кэрол, не поверив. — А теперь иди в машину и жди меня там.

Зло поджав губы, Патрик подчинился. А Кэрол проводила его взглядом, озадаченная и удивленная.

Все-таки она выбрала для Дженни белье для взрослых девушек, красивое и элегантное, но не такое сексуальное, как хотел Патрик. Она понимала, что любой юной девушке придется по душе то, что она купила для Дженни. Весьма довольная покупками, Кэрол покинула магазин.

Ночью Кэрол не сомкнула глаз. Мысли ее занимал Мэтт. Покопавшись в своих чувствах, она поняла, что Патрик был прав. Она действительно не хотела отпускать Мэтта, особенно теперь, будучи такой одинокой. И она не знала, как заставить себя это сделать. Она знала, что должна, но не знала, как ослабить хватку, которой цеплялась за свою звездочку с самого детства. Она шептала в темноте «Уходи, я отпускаю тебя», но все ее существо упрямо кричало, не желая ничего признавать «Не покидай меня! Если ты рядом, хоть ты меня не покидай! Я мечтала о тебе с детства, ты не имел права оставить меня, когда я так к тебе привязалась, когда добилась того, чтобы ты стал моим! И я не хочу смириться с тем, что тебя нет! Ты должен быть в этом мире, со мной, потому что ты нужен мне, всегда был нужен! Потому что я так тебя любила!».

Всю ночь она мучилась душевными терзаниями. Утром поднялась измученная и подавленная тем, что не может найти в себе сил для того, о чем просил ее Мэтт.

— Прости меня... Ты слишком глубоко в моем сердце, и я не могу простить тебя... Ты

мог бы жить, ты должен был жить. Ты лишил себя шанса... нас лишил. Мы могли бы побороться. Ты заслуживал счастья, любви, после всех твоих страданий смерть была высшей несправедливостью. Поэтому мне тяжело ее принять, смириться с ней. Я поняла — поэтому я не могу. Я считаю, что ты был не прав, что сделал ужасную ошибку. Как я не стараюсь, но я не могу заставить себя думать иначе. Прости, Мэтт, но это, очевидно, выше моих сил.

Вечером, вернувшись с работы, Кэрол сняла трубку звонившего телефона, не ожидая, что ее ждет новое потрясение.

— Кэрол! Кэрол... Ты знаешь его! Ты должна мне помочь! — услышала она задыхающийся, переполненный ужасом голос Кевина.

— Что случилось? — она нахмурилась, крепче прижав трубку к уху, встревоженная откровенным страхом, если не сказать, истерикой Кевина. Но отсутствие злобы и неприязни в его голосе взволновали ее сильнее, чем его страх. Он говорил с ней, как со старым другом, словно забыл обо всем плохом, что между ними произошло. И для этого должна была быть очень веская причина, если вспомнить о его ярости во время последней их встречи.

— Моя жена погибла. Час назад, в автокатастрофе.

Кэрол застыла, как громом пораженная.

— Ты была права! Это Рэндэл, будь он проклят! — простонал Кевин, всхлипывая.

— Не обязательно. Просто случайность...

— Ты сама веришь в то, что говоришь? Это он, он убил ее, чтобы заставить меня оказаться в его шкуре! Помнишь о нашем разговоре на приеме у губернатора? Ты была права — он просек мое злорадство. Моя жена погибла в аварии, так же как и ты... как он думает. И после той встречи с ним это уже не похоже на совпадение.

Кэрол подавленно помолчала.

— Я предупреждала тебя, Кевин. Напрасно ты думал, что можешь посмеяться над ним. А тем более, над его горем. Вот он и устроил тебе свое собственное горе, точь-в-точь такое, как у него.

— Не совсем. У меня не было детей, и, в отличие от него, мне не придется хоронить помимо жены еще и ребенка! — зло хмыкнул Кевин.

— Слава богу, что у тебя не было ребенка, — печально отозвалась Кэрол, думая о ни в чем не повинной молодой женщине, ставшей жертвой глупости Кевина и безграничной злобы Джека. Сердце ее сжалось. Джек обезумел. Или окончательно утратил все человеческое. Убить невинную женщину только ради того, чтобы наказать ее мужа за то, что тот порадовался постигнутому его несчастью. Настолько ли сильна его боль, что он не смог этого стерпеть, или это наполнившая его до отказа злоба, которую он уже не мог контролировать? Кэрол вспомнила слова Касевеса. «В конец он обозлился. Сидит в нем демон. Сидит и молчит». Судя по всему, этому демону молчать надоело.

Кэрол охватила дрожь. Зверская жестокость Джека отозвалась в ней не только страхом, но и болью. Как мучительно было знать, какие ужасные поступки он совершает, он, мужчина, которого она так любила. Она задавалась вопросом, был ли он таким всегда, скрывая свою сущность, или жестокость его просто растет, заставляя его совершать все более отвратительные и ужасные поступки?

— Как ты думаешь, он на этом остановится, или он жаждет и моей крови? — дрожащим голосом спросил Кевин.

— Не знаю. Это зависит от того, насколько сильно ты его задел, — холодно ответила

Кэрол, чувствуя к нему отвращения и неприязнь.

— Он хотел причинить мне боль, и если поймет, что я не любил жену, что он оказал мне услугу, позволив завладеть ее состоянием, которое отписал ей ее папочка, он может захотеть исправить свой промах. Ведь единственное, чего он добился, так это испугать меня до смерти, но никак не ввергнуть в безутешное горе.

Кевин гнусно рассмеялся, видимо, приходя в себя от потрясения, осознав, что все не так ужасно, как показалось ему в первое мгновение. Кэрол затрясло от ярости.

— Гад! Какой же ты гад! Из-за тебя погибла эта несчастная девушка, а ты смеешься, скотина! Джек действительно промахнулся — надо было убить тебя, а не эту бедняжку! Но не радуйся, урод, если Джек допускает ошибки, то он всегда их исправляет. И обещаю тебе, что я посмеюсь, когда следующий несчастный случай произойдет с тобой!

Она швырнула трубку, и опустилась в кресло, вытирая слезы.

— Что же ты делаешь, Джек? Что делаешь... Неужели это никогда не закончится?

И она вдруг неожиданно для себя расплакалась, оплакивая погибшую, которую никогда не видела, не знала, какой она была. Но нельзя было не заплакать об этой невинной молодой жертве, которая умерла, не зная почему и за что. Зато знала она, Кэрол, и тихо рыдала в подушку.

— Ты заплатишься, Джек. Когда-нибудь обязательно заплатишься. И я не пролью ни одной слезы, если доживу до этого момента. И только снова скажу — так тебе и надо, Джек! Предел, который ты никогда не видел, есть, Джек, и когда-нибудь ты на него наткнешься.

Выждав пару недель, Кевин пришел к выводу, что Джек ограничил свое наказание смертью его жены, и оставил его в покое. Кевин старательно и успешно изображал, что убит горем. Впрочем, ему на самом деле было жаль жену, которая ему нравилась и вполне устраивала. Он даже чувствовал себя виноватым в ее смерти. И перед закрытым гробом, в котором она лежала, или, если быть точнее, то, что от нее осталось после ужасной аварии, перед большой фотографией, на которой она улыбалась, молоденькая, веселая, Кевин искренне пустил слезу. Но позже, вступив в наследство, завладев ее счетами и половиной долей акций в компании ее отца, он приободрился. Он продолжал носить траур, решив не снимать его, по крайней мере, полгода, дабы продемонстрировать тестю и Рэндэлу глубину своей скорби и безутешности, не улыбался и не позволял себе смех на людях, нацепив маску печали. И, когда страх перед Рэндэлом отпустил его, Кевин почувствовал себя весьма довольным жизнью. Он был богат, независим и свободен. Строительная компания, которой он управлял, теперь на половину принадлежала ему, а после смерти старика-тестя полностью станет его. Со временем он сможет жениться, теперь не по расчету, а на той, которую полюбит. А там семья, дети... Можно считать, что он добился от жизни того, чего хотел. Теперь, когда есть то, к чему он стремился, он может расслабиться и жить в свое удовольствие. И только одно не давало ему покоя. Женщина, которая всегда казалась ему слабой, но которую он никак не мог сделать своей. Она выскользнула у него из рук тогда, когда из-за нее он потерял работу, разрушив все его планы и заставив потерпеть фиаско и в любви, и в работе. И теперь, когда, как ему казалось, он посадил ее на крепкий крючок, она снова сорвалась. Но ему слишком нравилась ее беспомощность перед ним после того унижения, через которое он из-за нее когда-то прошел, и он не желал терять обретенную над ней власть, построенную на ее страхе перед Джеком. Не желал терять свою рабыню. Ему так нравилось наблюдать, как ломает ее. Как горят яростью и ненавистью ее глаза, как хочется

ей оттолкнуть его, но она не делает этого. Даже будучи директором строительной компании, а теперь и одним из ее владельцев, он не испытывал такого пьянящего сладостного ощущения власти, которая доставляла ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Ко всему, эта женщина ему нравилась. Очень нравилась. Он желал ее. И не мог простить ей ее неприязни и того, что отвергает его. Он не мог понять, почему не может ей понравиться. Ему нравилось свое отражение в зеркале, он находил себя привлекательным, был в прекрасной форме, стройным, хорошо одевался и тщательно следил за собой. У него были деньги и власть, в конце концов. Он мог быть нежным, любить ее, если бы она перестала его оскорблять своим презрением и отвращением. Что еще нужно женщине? Кевин не мог понять. Неужели этот урод со шрамами лучше него? Чем же? Своим обезображенным бандитским лицом? Своей грубостью и дикостью, способностью убивать, не моргнув глазом? Что же, наверное, все дело в том, что ей просто нравятся именно такие мужчины, а он, Кевин, не такой. Он не мог смириться со своим поражением, с тем, что его прекрасную рабыню снова отобрал какой-то подонок. С тем, что она снова предала его, превратила в посмешище, с тем, как обошлись с ним ее дружки. Кровь в нем кипела при одном только воспоминании об этом. Он две недели провел в больнице, они сломали ему три ребра, нос, выбили плечо, не говоря уже о сильном ушибе, который только благодаря стараниям врачей не сделал его импотентом. Ему пришлось попотеть, придумывая историю своего избиения для жены и тестя. Он жаждал мести, и это желание было настолько сильным, что почти заглушало в нем все остальное, даже страх перед Рэндэлом. Он хотел наказать Кэрол и этих молодых отморожков. И уже написал анонимное письмо Рэндэлу, в котором сообщал местонахождение его жены и детей, а также сообщил о двух ее любовниках, но внезапная смерть жены мгновенно сбила в нем решительности, и письмо так и осталось лежать в его сейфе. Но и оставлять все, как есть, Кевин не хотел. Он нанял детектива, чтобы тот следил за Кэрол. К его удивлению, за месяц наблюдения, детектив, составляя подробный отчет каждый день, ни разу не упомянул ни о парне со шрамами, ни о его друге. Она не встречалась с ними, не созванивалась. Они словно испарились, как будто их никогда и не было. Детектив, установив незаконное прослушивание на ее домашний телефон, следующий за ней везде по пятам, подглядывающий в окна, не видел рядом с ней никаких мужчин. Кэрол работала и занималась детьми. Правда, сменила жилье, сняв домик попросторнее и получше. Кевин теперь гадал, откуда у нее появились деньги, и куда делись ее два приятеля. Может, после его визита, у нее разладились отношения с любовником, этим подпорченным красавчиком, и он кинул ее? Поразмышляв, Кевин пришел к выводу, что хахалем ее был именно парень со шрамами, а еврей, скорее всего, только его друг. Приободренный мыслью, что сумел своим вмешательством разбить эту парочку, Кевин решил еще немного подождать, чтобы убедиться в правильности своих выводов, и пока только наблюдал, уже лелея планы о том, как наказать строптивую красавицу, снова оказавшуюся без защиты. С ней одной он справится, Кевин в этом не сомневался, как справлялся до появления этих двух громил. Он снова сделает ее своей рабыней, но непременно накажет. Как, он еще не придумал, но хотел, чтобы наказание было таким жестким, чтобы ей больше мысли в голову не пришло выкинуть нечто подобное. И, конечно, она должна ответить за то, что все-таки спуталась с другим, не смотря на его предупреждения.

В один тихий и спокойный вечер, Кэрол, забрав Патрика со школы и отвезя в спортивную школу, вернулась после рабочего дня домой. Отпустив няню, молоденькую

шуструю студентку, которая ей очень нравилась своими добродушием и непосредственностью, а еще больше — умением не совать нос не в свои дела и выполнять поручения, не задавая вопросов, Кэрол занялась приготовлением ужина. Близнецы тихо играли в большом манеже.

Зазвонил телефон. Поспешно сполоснув руки, Кэрол взяла трубку.

— Алло!

Ей никто не ответил.

— Алло? Рик, это ты хулиганишь?

На том проводе молчали, но она вдруг расслышала чье-то дыхание. Душа ее стала наполняться холодом. Бросив трубку, Кэрол бросила встревоженный взгляд в окно. Подойдя к дверям, проверила, не забыла ли запереть ее. Потом вздохнула и улыбнулась. Возвращаясь к овощам, которые чистила, Кэрол думала о том, что слишком запугана и так нельзя. Кто-то ошибся номером, а она уже испугалась.

Телефон снова зазвонил. На этот раз звук этот показался Кэрол пронзительным и полоснул по нервам. Взяв трубку, она поднесла ее к уху и прислушалась.

— Да?

— Добрый вечер.

Едва сдержав вопль ужаса, Кэрол отшвырнула трубку, словно та обожгла ей руку.

— Нет, нет... не может быть... Боже, он нашел меня!

Застонав от отчаяния, Кэрол опустилась на диван. По лицу ее побежали слезы. Это был он. Как любила и ненавидела она этот голос, как мечтала и как боялась услышать! Это был Джек.

В оцепенении она сидела на месте, не двигаясь. Она была уверена, что бежать слишком поздно. Если он знает, где она, ей уже не спрятаться. Смех малышей привел ее в чувства. Повернув голову, она посмотрела на них. И в следующую секунду подскочила. Разве не готовилась она к этому мгновению? Почему же она так растерялась?

Схватив свою сумочку, она достала пистолет, прикрутила глушитель и, проверив патроны, старательно засунула за пояс. План, который она уже давно обдумала, был прост. Она берет деньги, новые документы и детей, садится в машину и уезжает из города. Потом из какого-нибудь города улетает на самолете за границу. И пусть попробует найти. Для этого ему потребуется перевернуть весь мир. Главное — успеть смыться.

Кэрол потребовалось десять минут на то, чтобы собраться в путь. В ее спальне в гардеробе уже стояла большая дорожная сумка со всем необходимым, которую она приготовила заранее. В ней были вещи для нее и детей.

Схватив сумку, Кэрол вытащила ее из дома и поволокла к машине, выскочив на мороз в тапочках и тонкой шерстяной блузке. Не замечая холода, она распахнула багажник и, не без труда подняв сумку, впихнула внутрь. Не успела она выпрямиться, как сзади ей вдруг набросили на голову какой-то мешок, мужская рука обхватила за горло и резко рванула назад, заставив Кэрол выпрямиться. Полузадушенная, она даже не смогла закричать. Прижав ее к себе, мужчина потащил ее назад к дому. Хрипя под безжалостно сдавившей горло рукой, Кэрол пыталась сопротивляться. Мускулы вокруг ее шеи напряглись сильнее, перекрыв ей дыхание, а спустя несколько секунд слегка расслабилась, позволив немного вдохнуть. Поняв угрозу, Кэрол, почти лишившись сознания, перестала вырываться. Плотно прижатая к мужчине, она поняла, что он невысокого роста и не имеет лишнего веса. Ударивший в ноздри резкий запах дорогого мужского парфюма лишил ее последних сомнений и

последней надежды. Она хорошо знала этот аромат, потому что он был любимым у Джека. Смутная мысль, что чего-то в этом аромате не хватает, промелькнула и исчезла в ее голове.

Затащив ее в дом, он слегка ослабил хватку, но тут же, не снимая мешка, прямо поверх него крепко перевязал ей рот. Какой-то леской, больно врезавшейся в кожу, он стянул ей за спиной запястья. Сильный толчок заставил Кэрол упасть на диван, но она тут же попыталась сесть. Откинувшись на спинку дивана, она замерла, прислушиваясь к его шагам. Сердце ее остановилось, когда она услышала, что он подошел к манежу и остановился.

По тому, как закричал Крис, Кэрол поняла, что он взял малыша. Мальчик всегда вот так странно кричал, когда его брали на руки. Представив, что Джек разглядывает его, что, без сомнений, заметит сходство с Рэем, Кэрол почувствовала, как зашевелились на затылке волосы. Жалобно и умоляюще она замычала под мешком, из груди ее вырвались рыдания. Почему он молчит? Пусть скажет хоть слово, чтобы она могла понять, что он намерен делать дальше.

Крис вдруг резко и пронзительно закричал, и это был крик боли, Кэрол сразу поняла своим сердцем матери. Дико она завопила в кляп, но вопль ее под мешком прозвучал всего лишь как стон. Вскочи на ноги, она с рычанием бросилась на голос малыша, забыв, что у нее связаны руки. Но сильный удар в грудь резко опрокинул ее на пол.

Малыш, уже в манеже, продолжал истошно надрываться криком. Кэрол попыталась подняться, но сильные пальцы вдруг сдавили ей голо и вжали в пол. Кэрол снова почувствовала запах туалетной воды Джека, и подсознательно удивилась тому, что он вылил на себя парфюма больше, чем следовало, что говорило о дурном вкусе. Странно, Джек любил, чтобы от него приятно пахло, но всегда соблюдал меру. И тут ее осенило. Она поняла, чего не хватало. Она не чувствовала запаха сигарет, который всегда сопровождал Джека. Он бросил курить? Или это не Джек?

Она расслабилась, почувствовав невероятное облегчение. И, не смотря на схватившую ее за горло руку, тихо засмеялась в мешке. Мужчина сразу отпустил ее. Развязал рот и сдернул с головы мешок.

Кэрол увидела перед собой Кевина.

— Раскусила! Как догадалась?

Кэрол приподнялась, усаживаясь на полу.

— Ты переборщил с одеколоном, и от тебя не пахнет сигаретами!

Кевин озадачено поскреб затылок.

— Но ведь все равно струхнула, — он расплылся в довольной улыбке. — Испугалась. Поверила.

Вынув из кармана диктофон, он нажал кнопку.

— Добрый вечер, — произнес голос Джека, записанный на пленку.

Облегчение Кэрол было настолько велико, что в первый момент она даже не чувствовала гнева на эту жестокую шутку. Взгляд ее с беспокойством разглядывал плачущего малыша, пытаясь найти причину его боли.

— Что ты ему сделал? — прошипела она, начиная закипать.

— Всего лишь ущипнул. Легонько.

— Легонько? Он чуть голос не надорвал от боли! Ты скотина! Развяжи меня, немедленно!

— Полегче, полегче, милая. Увидела, что нет рядом муженька, и сразу расхрабрилась? Так мы можем его пригласить. Считай, что это была репетиция. Но даже она произвела на

тебя шокирующее впечатление, не так ли? Кстати, я тут обнаружил одну прелюбопытную вещь...

Подойдя к манежу, он подхватил на руки Криса, который при этом разорался еще сильнее, отталкивая его ручонками и жалобно смотря на мать. Кэрол поднялась на ноги, в бешенстве поджав губы.

— Ты не замечала, что этот малыш, и его братец тоже, как-то очень странно похожи на Рэя Мэтчисона? А ведь у тебя с мужем Куртни нет никакого родства, насколько я помню?

— Отдай мне ребенка!

— Возьми, — он с ухмылкой протянул ей малыша, который, перестав плакать, потянулся к ней, вытянув ручки.

Кэрол стояла со связанными за спиной руками, багровая от ярости. Крис, видя, что мама не берет его, обиженно расплакался.

— Ай-ай-ай, мамочка не хочет брать тебя на ручки! Тогда отправляйся обратно в свою камеру временного заключения, — Кевин спустил ребенка в манеж, оставив его там заливать слезами. Второй малыш вторил братику, помогая оглашать весь дом жалобными криками.

— Развяжи руки, я успокою детей. Или хочешь, чтобы сбежались соседи узнать, что происходит?

— Хорошо, заткни своих ублюдков. Только учти, я очень на тебя зол. Так что без глупостей.

Помрачнев лицом, Кэрол одновременно подхватила двумя руками малышкой и подняла из манежа. Опустившись в кресло, она прижала мальчиков к груди и стала целовать розовые, залитые слезами щечки. Обхватив ее шею руками, близнецы постепенно успокоились.

Кевин, устроившись в другом кресле, наблюдал за ней тяжелым злым взглядом.

— Где же твои дружки?

— Если не уберешься сейчас же отсюда, ты их увидишь, — Кэрол прикоснулась к шее, которая болела после грубого обращения. Наверняка останутся синяки. Придется прятать их под шарфом или высоким воротником.

— Угрожаешь? А я пришел дать тебе шанс образумиться и попробовать исправить свою ошибку. Может быть, я прощу тебя. А с дружками снова связываться не советую. Я написал Джеку сентиментальное письмо, анонимное, которое хранится у одного надежного человека. Если со мной произойдет опять какая-нибудь неприятность, он отправит его адресату. Хотя, думаю, теперь мне нужно кое-что добавить в свое послание... об этих малышах, — он кивнул в сторону близнецов. — Джек будет в восторге, когда узнает, что у вас с Рэем есть дети. Да ты просто шлюшка, Кэрол! Когда это ты успела побаловаться с мужем Куртни? Не стыдно? И это после всего того, что для тебя сделала эта женщина!

Он удрученно покачал головой, демонстрируя, как опечален и возмущен ее поступком.

Кэрол отвернулась, пряча запыхавшее мучительным стыдом лицо. Кевин ударил ее по больному.

— Зачем ты пришел? Разве мало ты меня помучил? Что еще тебе надо?

— А ты думала, я спокойно уйду после того, что произошло? Забыла, что сделали твои дружки? Как сама со мной обошлась, а?

— А как обошелся со мной ты? — устало парировала Кэрол. — Кевин, умоляю тебя, оставь меня в покое. Мне и без тебя не сладко.

— Потому-то и не сладко, что без меня! Я теперь свободен, может, даже женюсь на

тебе, когда до муженька твоего доберется все-таки чья-нибудь пуля. Или ты все-таки предпочитаешь больших парней со шрамами и пистолетом под рубашкой?

Кэрол не ответила. Поднявшись с дивана, она усадила обратно в манеж успокоившихся детей и повернулась к Кевину. Скрестив руки на груди, она вперила в него холодный решительный взгляд.

— Убирайся. Я устала от тебя, Кевин. Отстань от меня, или пожалеешь.

— Это эти два верзилы с пистолетами сделали тебя такой храброй? Где же они? Эй, парни, привет! Отзовитесь! Смотрите, что я сейчас сделаю с вашей подружкой? — он расстегнул молнию на штанах. — Вы, как я понимаю, не против?

Схватив Кэрол за волосы, он рванул их вниз.

— На колени, потаскуха!

Не устояв на ногах, Кэрол упала на колени. Задрав блузку, она выхватила из-за пояса пистолет и засунула дуло в расстегнутую ширинку Кевина. Опустив взгляд, он вскрикнул, и выпустил из рук ее волосы. Кэрол поднялась с колен и отступила назад, не отводя пистолета от штанов Кевина.

— Ох, ты не представляешь, как велико искушение, — улыбнулась она.

— Перестань. Ты чего, детка? В тюрьму захотела? А о детях своих подумала? Ну же, будь благоразумной. Мы можем еще договориться, если опомнишься. Неужели ты не понимаешь, почему я пришел сюда, наплевав на угрозы твоих жестких парней? Я люблю тебя. И я не хочу тебя обижать.

— Пошел к черту! Вон из моего дома!

— А о письме ты забыла? Вспомни. Хочешь, чтобы Джек его получил?

— Ты лжешь! Нет никакого письма!

— Проверь, — Кевин улыбнулся, разглядывая близнецов. — Интересно, что сделает с ними Джек, когда увидит? С Рэем? Неужели они все погибнут из-за твоей глупости и упрямства? И все, что от тебя требуется за их безопасность — всего лишь немного уважения и ласки молодому симпатичному мужчине. Не пойму, что в этом такого ужасного? Другим ты давала просто так, а теперь не хочешь сделать это ради детей. Никогда я вас, женщин, не понимал.

Он развел руками и уселся в кресло.

— Я не уйду. Стреляй, если хочешь, и отправляйся в тюрьму. Что тогда будет с твоими детьми?

Кэрол стиснула зубы, заскрежетав ими от бессильной ярости. И вздрогнула от неожиданности, увидев в окне лицо Патрика. Поспешно опустив пистолет, она спрятала его за спину. Кевин обернулся как раз в тот момент, когда отворилась дверь, и на пороге появился Патрик. Кэрол взволнованно смотрела на него. К ее удивлению, на лице мальчика ничего не отражалось. Совсем ничего. Он был очень бледен, и на фоне этой бледности глаза его показались ей темнее, чем обычно. Что-то случилось, или он заболел, раз отреагировал на присутствие Кевина таким равнодушием. И тут обратила внимание, что мальчик держится за предплечье.

— Глупо, мам, из-за этого говна садиться в тюрьму. Да еще собралась стрелять из зарегистрированного оружия! Убери пистолет, — с шокирующим безразличием проговорил он бесцветным голосом. — Я ушиб руку.

— Сильно, сынок? — с тревогой спросила она.

— Тренер сказал, чтобы я немедленно показался врачу. Возможно, трещина в кости.

Иди, мам, одевай лисят и сама, поедем.

Бросив угрожающий взгляд на Кевина, Кэрол подхватила детей и вышла из комнаты.

— Ты самый мерзкий мальчишка, которого я когда-либо встречал, — Кевин фыркнул и отвернулся. Закинув ногу на ногу, он вздохнул.

— Ты прав, — все тем же тоном отозвался Патрик, спуская с плеча спортивную сумку.

Кевин засмеялся.

— Ладно, ты всего лишь ребенок, поэтому я прощаю тебя. Я отвезу вас в больницу. Твоей маме, наверное, нелегко таскаться с тремя детьми. Чего молчишь? Присмирел от боли?

Присев, мальчик расстегнул боковой карман сумки и достал вложенный в кожаные ножны тяжелый охотничий нож.

«Когда я вырасту, я буду носить тебя на ноге, под штанами», — подумал он, с любовью погладив холодное лезвие. У него уже были ножны для голени, как у Тима и Иссы, но на его детской ноге они не держались. Он всегда носил этот нож с собой, тщательно за ним ухаживал. Именно его метнул он в Тима, разбив голову и заставив потерять сознание.

Выпрямившись, он сзади подошел к развалившемуся в кресле мужчине.

— Я еще маленький. Максимум, что мне грозит — это психиатры.

— Что? — не понял Кевин, поворачивая голову, но в этот момент Патрик схватил его за волосы, а другой, якобы ушибленной рукой, со всех сил всадил нож ему в шею. Лезвие вошло по самую рукоятку. Патрик тут же выдернул нож и снова ударил. Горячая кровь фонтаном брызнула ему в лицо. Продолжая сжимать в руке нож, он отступил назад, наблюдая, как мужчина бьется в страшных судорогах. Тогда он обошел кресло и остановился перед ним, чтобы лучше видеть, что происходит с Кевином. Но тот обмяк и застыл в кресле. Только из ран на шее все еще хлестала кровь, заливая неподвижное тело и светлое кресло.

— Слишком быстро, — разочарованно вздохнул мальчик и набросил на мужчину покрывало. Отправившись в ванную, он снял забрызганную кровью рубашку, и тщательно умылся. Потом так же тщательно вымыл нож, вытер полотенцем и вложил в ножны.

В гостиную он вышел в одних джинсах, на которые не попала кровь, и деловито присел перед телефоном.

— Привет, Нол. Это я. Узнал? Исса с тобой? Нам нужна помощь. Приезжайте немедленно.

— Рик... что происходит? — Кэрол застыла в дверях с расширившимися от ужаса глазами.

Взгляд ее замер на покрасневшем от крови покрывале, брошенном на неподвижного Кевина, руки которого безвольно свисали с кресла. Она заметила, как по руке его сбегает кровь и капает на пол.

— Что с ним?

— Мам, только успокойся.

Кэрол рванулась через комнату и сорвала с кресла покрывало. Сдавленно вскрикнув, она отшатнулась назад.

— Что это? Что это? — застонала она, как безумная. — Рик...

Она опустила взгляд на мальчика и увидела, что он спокоен и даже не напуган.

— Теперь все будет хорошо, мам. Он больше не обидит тебя, — Патрик сжал ее руку и улыбнулся.

А Кэрол, осознав, наконец, что произошло, со стоном безумной боли упала на пол,

ЛИШИВШИСЬ СОЗНАНИЯ.

В чувство ее привела резкая боль в носу. Открыв глаза, она увидела перед собой Тима, который держал в руке ватку, пропитанную нашатырным спиртом. На какое-то мгновение ей показалось, что ей приснился кошмарный сон. Поверить в то, что произошло, было невозможно. Потому что этого не может быть.

— Ты в порядке? — Тим заглянул ей в глаза, ловя взгляд.

— Да... Нет. Нет! — лицо ее исказила гримаса, она потянулась к нему и разразилась рыданиями.

Тим обнял ее, прижав к груди.

— Ведь это не он? Не Рик, правда? Это ужасно, что я могла подумать, что это сделал он! Мой маленький мальчик! Это ты, да? Или Исса? Вы пришли, пока я одевала малышкой. И вы его убили.

— Да... да, это я, — прочистив горло, проговорил Тим хрипло.

— Почему же я вас не видела, когда вышла туда?

— Я был в ванной... руки мыл. А Исса вышел к машине.

— Но почему... таким ужасным образом? Столько крови! А его шея... — Кэрол икнула и зажала рот рукой, подавляя приступ тошноты. — Это же настоящая резня.

— Извини. Так получилось.

— Ты чудовище.

Тим напряженно промолчал.

— И ты мне врешь, — Кэрол тихо завывала. — Не было тебя. И Иссы не было. Там был только Рик. Разве возможно, чтобы мальчик такое сделал?

— Мам, прекрати истерику! — раздался раздраженный голос Патрика. — Вот уж не ожидал от тебя!

Кэрол отстранилась от Тима и посмотрела в сторону двери, на своего сына.

— Рик! Ты убил человека, Рик!

— Он был для нас опасен, потому что мог выдать отцу. К тому же, он был настоящим говном, и сам напросился.

— Ты его убил!

— Вот заладила! Ну и что?

— Как что? Нельзя убивать людей!

— Всем можно, а мне нет? Тебе можно, отцу можно, им, — мальчик кивнул в сторону Тима, — тоже можно. Моя бабка была маньячкой, твой первый муж был убийцей, твои друзья — киллеры. И не тебя ли выгнали из тюрьмы отец? А за что ты туда попала — забыла? Я уже не говорю о других смертях на твоей совести. Ты забыла, кто мы такие, мам? Мы — это смерть для других. Вспомни, скольких ты погубила, всех вспомни! А потом посмотрим, повернется ли у тебя язык упрекать меня.

Жестокие слова отозвались мукой в сердце Кэрол. Какая кровь течет в жилах этого мальчика, с кем жил он, зная их грехи? Какой пример ему подали родители, Джек со своей холодной жестокостью, она, дочь убийцы-шизофренички, влюбившаяся в сумасшедшего убийцу, сама совершившая убийство? Что после всего этого она теперь, в этой ситуации,

могла сказать сыну?

Спрятав лицо в ладонях, она безутешно расплакалась, сжавшись на постели. Маленькая рука Патрика легла ей на затылок и погладила. Он вдруг обнял ее, нежно, с любовью.

— Прости меня, мам. Я не хотел говорить то, что сказал. Это само как-то вырвалось. Я преклоняюсь перед папой, я люблю тебя. Я не хотел сказать о вас ничего плохого. И о твоих друзьях — тоже, — он покосился на Тима. — Я знаю, что нельзя убивать. Но ведь мы должны думать о себе. Мы просто защитились от врага, а он был нашим врагом. Нельзя допускать, что бы кто-то ненадежный знал о нас и мог рассказать папе. Ты сама начала это, мама, так имей мужество довести до конца. Это наша война, и если мы будем размазней, она нас раздавит. Ты забыла, о чем мы с тобой говорили? Забыла о нашей тайне, о том, какие мы, что нам можно, а что нельзя, что нужно делать?

— Проклятая жизнь, — слабо простонала Кэрол.

— Да, мама. Но ведь другой у нас с тобой нет. Когда-нибудь все изменится.

— Не изменится, пока люди будут умирать. Так нельзя, Рик. Или это никогда не закончится.

Тим не вмешивался, не совсем понимая о чем они говорят. Его больше заботил труп в гостиной, чем разборки между матерью и сыном. Исса уже там работал, пока он приводил в чувства Кэрол.

— Мам, прости меня! Я просто испугался! Испугался, что он расскажет все папе! И тогда папа придет и заберет нас к себе, и мы не объясним ему, что нельзя этого делать. Он не поверит. И погибнет, как остальные. И все из-за этого подонка! Разве жизнь папы тебе не дороже, чем жизнь этого ничтожества?

— Нельзя вот так, Рик... Это ужасно, отвратительно, бесчеловечно! Ты понимаешь это?

— Я знаю. Прости, мам. Я испугался.

Он всхлипнул, виновато сжав плечи, утратив свою надменность и злобу. И показался Кэрол таким маленьким, растерянным и напуганным, что сердце ее не выдержало, и она прижала его к груди, целуя в густые темные волосы. Слезы катились по ее щекам.

— Что же мне делать, Господи? Что же мне с тобой делать, Рик?

Мальчик покорно лежал в ее объятиях, как провинившийся хулиган. Только проделки его стали пугать настолько, что по спине у Кэрол ходил холодок. Она все еще не могла представить, что это он зарезал Кевина. Ее сознание отказывалось это принять, а материнское сердце разрывалось. Ужас, доселе неведомый, сжал ее душу.

Взгляд ее остановился на Тиме, молчаливо сидевшем на краю кровати.

— Что теперь делать? — выдавила она с отчаянием.

Тим опустил глаза, чтобы не видеть ее залитого слезами лица и все еще шокированного взгляда. Потрясение женщины было настолько сильным, что, казалось, она все еще не понимает до конца, что происходит. Протянув руку, Тим робко пожал ее пальцы.

— Прежде всего, успокойся. Покорми детей и уложи спать. Мы с Иссой сделаем все остальное. Никто не узнает, что произошло. Насколько мне известно, Кевин этот только что похоронил жену, так что вряд ли он сообщал кому-то о том, что собирается к тебе. Думаю, он был осторожен, и никто из твоих соседей его не видел. Если стало известно о том, что он навещает гостя к молодой красивой женщине, это могло бы сильно ему повредить.

— Да, могло, — согласилась Кэрол. — Но он говорил о письме, которое якобы оставил своему приятелю, чтобы в случае чего он отправил его Джеку.

— Думаю, он блефовал.

— А если нет?

— Блефовал, — уверенно сказал Исса, появляясь в дверях.

— Откуда ты знаешь? — Кэрол повернулась к нему.

— Привет, ясноглазая. Вижу, у вас тут не скучно. Нет у него никакого загадочного приятеля. Я наблюдал за ним, на всякий случай. Вернее, на тот случай, если он решится все-таки связаться с Рэндэлом. Нам с Тимом не хочется, чтобы через тебя Рэндэл вышел на нас.

— Так вы знали, что он здесь? Поэтому и приехали?

— Э-э, нет. Мы перестали за ним наблюдать пару недель назад, убедившись, что он не собирается выполнять свои угрозы. Если бы хотел, не стал бы затягивать. А приехали мы потому, что нам позвонил Рик.

— И что теперь?

— Мы избавимся от тела, и сделаем вид, что ничего не произошло. Тело не найдут. Кевин исчезнет без вести. Все подумают, что он забрал свое наследство и сбежал. Такой вариант тебя устроит?

— А как это сделать?

— Предоставь это мне. Я ловкий парень.

Исса самодовольно улыбнулся. Тим согласно кивнул, подтверждая его слова.

— Пошли, братишка, — Исса повернулся к двери. Тим поднялся и опустил взгляд на Кэрол.

— Не бойся. Забудь об этом, как о страшном сне. И доверься нам. Хорошо?

Кэрол чуть кивнула, смотря на него тоскливыми глазами, в которых отразилась какая-то странная безысходность. Она выглядела такой незащищенной и напуганной, что Тим наклонился и невольно коснулся пальцами ее щеки.

— Мы скоро вернемся, — голос его прозвучал так мягко и ласково, что Кэрол немного успокоилась и даже попыталась улыбнуться. Только улыбка получилась жалкой и неуверенной.

Светящиеся неоновым светом цифры на часах показали полночь.

Кэрол неподвижно сидела в глубоком кресле, в темной комнате, и не отрывала глаз от сына. Здесь, в новом доме, она выделила ему отдельную комнату, и мальчик был этим очень доволен. Он привык к этому, живя в особняке в Сан-Франциско, и делить комнату с малышами ему не нравилось, хоть он с этим и мирился. Близнецы теперь имели свою собственную маленькую детскую, в которой спокойно спали в этот час.

Вот уже два часа Кэрол наблюдала за беспечным умиротворенным сном старшего сына. В темноте глаза ее хорошо различали черты его лица. Он казался ей таким красивым, самым красивым мальчиком, которого она видела в своей жизни. Слабый лунный свет, проникающий в комнату, падая на его лицо, придавал ему неестественную бледность, а тени обостряли правильные черты, делая их резче. И Кэрол изучала эти черты так, будто видела в первый раз. С удивлением она обратила внимание на то, какое не по-детски серьезное выражение у его лица, даже во время сна. Можно сказать, суровое. Только сейчас она заметила, что в сложении его рта есть что-то жесткое, даже жестокое. В чертах этого тонкого детского личика чувствовалась какая-то скрытая неведомая сила, какая-то непреклонность, словно то, что заложено уже в этом мальчике, невозможно изменить. А вот что заложено, Кэрол и хотела знать. Или не хотела. Она сама не знала. Габриэла предсказала

ей муку, кошмар, страшнее смерти, которая ее так пугала. Что же это за мука? Что-то новое, смутное и пока непонятное зародилась сегодня у нее внутри. И это было похоже на боль, ранее ей неведомую, пока еще едва уловимую, как у новой, только начавшей появляться болезни, коррозию, коснувшуюся ее души, но пока еще не дающей о себе знать, проявляя лишь непонятные туманные признаки недомогания и дискомфорта.

Одно лишь ясно различала Кэрол в своем сердце сейчас — тревогу и страх, но совсем не те, что она испытывала ранее. Это было что-то совершенно иное. Это был холодный, какой-то черный страх. Только так она могла его описать. Как бесконечная тьма, преследующая ее во снах. Она что-то почувствовала, что-то ужасное, самое страшное в ее жизни, чего не было ранее и что ждало ее впереди. И этому сопротивлялось все внутри нее, пугая своей неизбежностью. Это было наказание, кара за все то зло, которое она несла в этот мир своим проклятием. Не газовая камера была ее наказанием, как она думала. Нет. Было что-то намного ужаснее. В газовой камере она могла бы всего лишь избежать настоящей кары.

Она смотрела на Патрика, а в ушах ее звучали слова Габриэлы.

«Умри, чтобы не знать, не видеть того, что будет дальше... Ты не узнаешь страшной муки, которая все равно убьет тебя... Тьма вокруг тебя, а у Патрика она внутри. В нем растет страшная сила и страшное зло...».

И Кэрол начинала смутно понимать, что именно она почувствовала, что вдруг перевернуло все внутри. Это была ее интуиция, которой наделил ее необычный дар. Она почувствовала то, о чем говорила Габриэла. Тьму, зло, таившиеся в ее мальчике. Она даже разглядела их в чертах его лица.

Ее пугал его безмятежный сон. Он спал так, будто не произошло ничего необычного и заслуживающего каких-либо волнений и переживаний. С поразившим Кэрол спокойствием и невозмутимостью он помогал ей оттирать с пола кровь, со снисходительной улыбкой, как показалось Кэрол, поглядывал на бледную мать, которая боролась с тошнотой от вида и запаха человеческой крови.

Кэрол чувствовала, что все еще пребывает в шоке, хоть и успокоилась внешне. Она не думала о Кевине, о полиции. Все ее мысли занимал только Патрик. Своим любящим материнским сердцем она надеялась на то, что все произошедшее — случайность. Что нет в чертах лица ее мальчика того, что она сейчас видела, что это просто игра теней и зловеще — бледного лунного света.

Тихий стук в окно заставил ее вздрогнуть и оторвать взгляд от сына. В темноте за стеклом она разглядела Тима, который махнул ей рукой, приветствуя. Поднявшись с кресла, Кэрол бросила последний взгляд на Патрика и бесшумно вышла из комнаты. Заглянув в детскую, она убедилась, что малыши спят и, оставив дверь приоткрытой, пошла открывать Тиму.

Он уже ждал за дверью, открыв которую, Кэрол сразу встретилась с его внимательным взглядом. На улице снова шел снег. Тим был без шапки, отчего волосы его, присыпанные снегом, казались совсем белыми. Кэрол даже разглядела в свете фонаря, как сверкают на его ресницах снежинки.

— Я пришел... хотел узнать... убедиться, что ты в порядке, — он приподнял широкие, присыпанные снегом плечи, втянув голову, как будто замерз или пытался спрятать шею от снега. Но в этом движении было слишком много смущения, а виновато опущенный взгляд открыл Кэрол, что он испытывает перед ней стыд и неловкость. Не трудно было понять, из-за чего. Она отступила назад.

— Заходи. Ты что, пешком?

— Не хотел привлекать внимание соседей. Будет лучше, чтобы никто не знал, что мы с Иссой были здесь сегодня, — он отряхнулся, сбрасывая снег, и переступил порог. Кэрол тщательно закрыла за ним дверь. Обернувшись, она подняла на него большие встревоженные глаза.

— Ну, что? У вас все получилось?

Он сдержанно кивнул, смотря на нее сверху вниз и засунув кончики пальцев в карманы джинсов, выдавая этой позой свою скованность и напряженность. В черной кожаной куртке, подбитой мехом, которая зрительно увеличивала его плечи, он показался Кэрол просто огромным. Даже слишком. Это неожиданно заставило Кэрол ощутить дискомфорт.

— Что вы сделали с... ним? — у Кэрол язык не повернулся назвать залитый кровью труп, при одном воспоминании о котором у нее шевелились волосы на затылке, Кевином. И, так как Тим не ответил, продолжила уже более взволнованно. — Куда вы его дели?

— Зачем тебе это знать? Его просто больше нет. Никто и никогда его не найдет. Как говорит Исса, нет тела — нет убийства.

Кэрол опустила голову. Ей больше не хотелось узнать, что они сделали с Кевином. Вернее, с тем, что было Кевином. Кевином, который был бы сейчас жив, если бы не Патрик. Новая боль, поселившаяся в ее сердце, снова уколола, более ощутимо. Кэрол произвольным движением прижала к груди скрещенные руки, словно пытаясь загнать эту боль обратно вглубь души и не позволить ей больше всплывать наружу, волнами накатывая на сердце.

— Спасибо, Тим. Спасибо, что пришли и... помогли, — глухо проговорила она, не глядя на него.

Он снова кивнул. Кэрол задумчиво помолчала.

— Можно тебя спросить? — не поднимая головы, сказала она дрожащим голосом.

— Спроси.

— Когда ты в первый раз убил человека... что ты чувствовал?

Ее вопрос был для него неожиданностью. И, наверное, мало приятной.

Кэрол посмотрела на него. Смущенно кашлянув, он хрипло ответил, пытаясь скрыть свое удивление:

— Это было на войне. Я... я очень переживал. Этот человек все время стоял у меня перед глазами, я видел его даже во сне... просыпался в холодном поту. Первые два дня мне казалось, что я сойду с ума.

— А потом? — взволнованно спросила Кэрол, широко раскрытыми глазами смотря ему в лицо.

— А потом я застрелил еще одного. Потом еще. И рядом был Исса, перед которым никогда нельзя показывать слабости, ни в чем, чтобы не потерять его уважение. Потом я попал в плен. Там я забыл о том, что такое чувство вины. А когда меня вели на расстрел, я смеялся сам над собой и над своими страданиями из-за того, что оборвал чью-то жизнь. Я думаю, именно в тот момент меня навсегда покинуло чувство раскаяния. И я считаю, что после этого вполне имею право не раскаиваться, убивая.

— Да... может быть. Я не знаю, не мне судить. Но ведь тогда, первый раз, ты все равно страдал. У тебя была естественная реакция, как у нормального, психически здорового человека, — она не стала продолжать, не желая обсуждать с ним поступок и поведение Патрика. Она не то, чтобы говорить, даже думать об этом боялась. И не хотела открываться

другим. Она не знала, что думали обо всем этом Тим и Исса, и не хотела знать. По крайней мере, сейчас. Никто лучше нее не сможет понять, что происходит с ее ребенком. Только она знает о его даре и проклятии. И Габриэла. Габриэла все ей сказала. Ее кошмар в будущем — это Патрик. И Кэрол начала понимать, что старуха имела ввиду. «Попытайся спасти себя и своего сына», — сказала Габриэла. Свет благословенного рассеет тьму вокруг и не позволит ей вырваться наружу из тайных недр в душе Патрика, где она притаилась.

Кэрол подняла глаза и улыбнулась уголком рта.

— Ты голодный? Пойдем, я тебя покормлю.

Тим что-то смущенно пробормотал, но она уже направилась на кухню. Он догнал ее и придержал за руку.

— Не надо, я пойду. Поздно уже. А ты... ложись, отдыхай. Ты выглядишь измученной.

Кэрол смерила его холодным взглядом.

— Ничего, кроме тарелки супа и чашки горячего чая, я тебе не предлагаю. Даже после того, что ты для меня сегодня сделал. Я подумала, что ты голоден и замерз. Если нет, пойдем, я провожу тебя.

— А я ничего такого и не думал... — чуть слышно проговорил он, но скрытая обида в его голосе заставила Кэрол усомниться в его словах. — Просто не хотел тебя затруднять. Тебе сейчас не до того.

— Покормить тебя в благодарность за то, что избавил меня от трупа, для меня не обременительно. А вот спорить из-за такой ерунды у меня нет сил. И предлагать дважды — тоже.

Она прошла мимо него к двери, не показывая смущения из-за того, что слова ее можно расценить иначе, но они уже сказаны, их не исправишь, поэтому она осталась невозмутимой, демонстрируя, что речь шла только о еде. Хотя на самом деле — не только.

Пожелав спокойной ночи, Тим переступил порог, и Кэрол тут же закрыла дверь, заперев на все замки. Потом украдкой выглянула в окно.

Он стоял под дверью и смотрел на нее так, словно продолжал видеть комнату, а самой двери, захлопнувшейся у него за спиной так быстро, что едва не ударила по пяткам, не было. На застывшем лице его Кэрол разглядела печаль.

Он намеривался остаться. Он пришел потому, что надеялся — оказанная ей помощь сгладит конфликт, что этот поступок извинит предыдущий, позволит вернуть ее расположение, которое он потерял. Но, вопреки его ожиданиям, она не простила.

Вздыхнув, он опустил голову, отвернулся и уныло побрел по улице, не подозревая, что Кэрол наблюдает за ним.

И улыбается.

Она не удивилась, когда следующим вечером, выйдя на улицу из высотного здания, в котором находился центральный офис строительной компании, в которой она работала, она увидела Тима. Он стоял, запрокинув голову и разглядывая возвышающееся над ним здание, словно хотел угадать, какие окна принадлежат интересующему его офису, поэтому Кэрол первая заметила его. Подавив самодовольную усмешку, Кэрол подошла к нему.

— Что-то ищешь там, наверху? — с легкой иронией поинтересовалась она.

Вдрогнув, он опустил взгляд. Кэрол заметила, что он побледнел и сразу напрягся, как будто оказался перед противником, от которого мог получить удар.

— Привет, — смущенно пробормотал он, отводя глаза.

Кэрол продолжала пристально смотреть ему в лицо, наслаждаясь его смущением и нерешительностью. Ее пронзительный взгляд заставил его сквозь бледность залиться нежным румянцем.

— Меня ждешь? — решила немного помочь ему Кэрол, подумав о том, как бы он, чего доброго, не испугался и не сбежал, утратив остатки невиданной храбрости, которой набрался, придя сюда.

— Да, — кивнул он, разглядывая тротуарную плитку под ногами.

— Какие-то проблемы... из-за вчерашнего? — шепотом спросила она.

— Нет. С этим все в порядке, — поспешил успокоить он, бледнея все сильнее под ее взглядом.

Кэрол отвернулась в сторону, безучастно разглядывая прохожих, каждый из которых бросал взгляд на Тима, невольно привлекающего всеобщее внимание своим ростом и шрамами на красивом лице. Взгляды эти были разными — любопытными, сочувствующими, настороженными, ошеломленными — и с Тима переходили на нее, становясь недоуменными и вопросительными. Она понимала их вопрос. И ей хотелось ответить «Не смотрите на него так, он такой же как вы». Но это было не так. И люди это инстинктивно чувствовали. Он потому и выделялся, привлекая внимание, что был не из этой толпы, такой пестрой и разной, но в которой он себя чувствовал чужим, не сливаясь и не становясь с ней одним целым, как другие. Как чужак, попавший не в свое племя, привыкший к иной жизни и другим законам. Как дикий опасный хищник, с изодранной шкурой и враждебным взглядом, затесавшийся в стаю к своим одомашненным сородичам. Кэрол невольно улыбнулась своим мыслям и сравнениям. Но, как бы там ни было, люди неизменно обходили Тима стороной, сохраняя дистанцию как минимум на расстояние вытянутой руки, тогда как между собой толкались, не замечая друг друга. Он был не такой, как они, относился к другой категории людей. Жизнь его наложила свой отпечаток на лицо и взгляд, «бандитское», как выразился Кевин, и выразился довольно точно. Отщепенец человеческого общества, беспризорник и бродяга, малолетний преступник, вор, знающий и признающий только себе подобных, а ныне профессиональный убийца, зарабатывающий человеческой кровью. Сверху вниз смотрел он на окружающих его людей, других, которые боялись и не признавали таких, как он, худшей и грязной половины человечества, называли подонками и сволочами, смотрел с вызовом и дерзостью, с пренебрежением и не без тени горькой неприязни в холодных глазах, подо льдом которых тщательно скрывалась искалеченная душа. Ее не видели другие, но чувствовала Кэрол. Проходящие мимо люди и их любопытные взгляды стали вдруг раздражать ее. Она понимала, что, придя сюда, стоя сейчас рядом с ней, он бросает вызов всем этим людям, шагнув в их мир, где не находил себе места, предпочитая оставаться с такими, как он, живя той жизнью и по тем законам, к которым привык. Ее, Кэрол, он считал представительницей этого общества, из которого сам был выброшен в начале своей жизни, и куда ему не было возврата. Они все были для него врагами.

И он бледнел от мысли, что будет отброшен назад, не будет принят, что ему продемонстрируют, что его место не здесь, не среди добропорядочных и мирных, не рядом с этой женщиной, такой прекрасной и такой чистой на фоне его уродливой, запятнанной грязью и кровью жизни. Его руки, нечестные и жестокие, которыми он воровал, убивал, держал насилуемых им женщин, ласкал дешевых истасканных шлюх, смеют ли они после всего этого прикасаться к этой женщине, на которую он мог смотреть только затаив дыхание?

Наблюдая, как она ловит взгляды прохожих, он почувствовал горечь и бесконечное уныние. И невыносимое, болезненное унижение. Но решил пойти до конца, чтобы раз и навсегда умертвить в себе надежду на любовь и вернуться восвояси, смирившись с тем, что нормальная женщина никогда не подпустит к себе такого, как он, и ему придется довольствоваться потаскухами.

— Я пришел, чтобы пригласить тебя поужинать... со мной, — с вызовом и надменностью произнес он, впившись взглядом в ее лицо. Кэрол повернулась. Он не отвел больше глаз, холодно и почти враждебно смотря на нее.

— Зачем?

Ее вопрос заставил его растеряться, он, видимо, не был к нему готов.

— Я... я хотел бы поговорить.

— Я услышала достаточно, когда ты откровенничал с Иссой. Хочешь добавить к сказанному что-то еще?

Он молчал, не отводя неподвижного взгляда от красивых прозрачных глаз, сердитых и обиженных.

— Ну, так что? Ты согласна? — после долгого напряженного молчания хрипло спросил он.

Кэрол нервно постукивала длинными ногтями по сумочке, не пытаясь скрыть своей ярости и обиды.

— Где и когда?

Когда он назвал выбранный ресторан, она не удержалась от удивленного взгляда. Она не бывала в Нью-йоркских ресторанах, но об этом слышала — он отличался изысканностью и утонченностью, почти аристократизмом, в нем собиралась почтенная, преисполненная достоинства, состоятельная публика. Кэрол поняла, что это был вызов с его стороны, но не показала этого.

— Хорошо.

— Я закажу столик на завтра, на десять. Устоит?

— Устроит. До завтра.

— До завтра.

Отвернувшись, Кэрол смешалась с толпой, направляясь на стоянку, где оставляла машину. Она чувствовала, что он смотрит ей вслед, и знала, что он гадает, придет ли она завтра на это так холодно, почти враждебно назначенное свидание. Демонстративное свидание среди людей, которые обязательно обратят на них свое внимание и осудят своими взглядами за ее выбор, за общество мужчины, с которым она не стесняется показаться в приличном месте. И который не стыдится показаться в прекрасном изысканном ресторане со своим обезображенным лицом, шокируя окружающих и вводя их в смятение.

Она пришла на десять минут позже назначенного времени. Эта была ее месть. Она представляла, какого ему сидеть одному за накрытым на двоих столиком, под удивленными, насмешливыми или сочувствующими взглядами окружающих, наблюдающими за его ожиданием, напрасным, как наверняка посчитали многие. Ведь какая женщина так унижит себя, появившись в таком месте с таким парнем.

Кэрол вошла неторопливой, преисполненной уверенности и достоинства походкой, притянув на себя все взгляды. И как когда-то, когда она была воспитанницей Куртни Мэтчисон и женой знаменитого адвоката, находясь в центре всеобщего внимания, купаясь в

восторженных, восхищенных, завистливых взглядах, она почувствовала себя на высоте, самой красивой из присутствующих, заставляющей мужчин трепетать, а женщин кипеть от ревности. И впервые с тех пор, как она потеряла свою королеву-Куртни, превратившую ее в красавицу, и своего принца-Джека, рядом с которым она почувствовала себя принцессой, ее посетило это позабытое ощущение.

Словно скинув тяжесть своей ноши, она, легкая, расслабленная, непринужденная, с гордо поднятой головой и сверкающим, слегка высокомерным взглядом прошла через зал, мимо столиков, как будто она снова была Кэрол Рэндэл, женщиной, носящей легендарную, прославленную на весь мир фамилию.

Длинное платье цвета бархатного вечернего неба мягко обволакивало ее фигуру, прохладным шелком приятно лаская ее кожу. Декольте на груди выгодно подчеркивало ее красоту, великолепное тело под тонкой тканью выглядело настолько соблазнительным, что взгляды мужчин, провожая ее, загорелись. И вместе с тем, в ее туалете не было ничего вызывающего и дерзкого. Этому научила ее Куртни — быть обжигающе соблазнительной без намека на вульгарность и излишнюю нескромность.

Тим, по-видимому, уже уверившийся в том, что она не придет, с позабавившим ее изумлением уставился на нее. Нижняя челюсть его медленно отвисла, и, как замороженный, он разглядывал ее восхищенным взглядом. Кэрол окатило волной почти физического удовольствия. Губы ее тронула улыбка.

Когда она остановилась рядом со столиком, за которым он сидел, он опомнился и подскочил с места, что-то смущенно бормоча. Кэрол не расслышала, но улыбнулась ему, догадавшись, что его несвязная речь была приветствием. Она заметила, как он бросил взгляд на другие столики и порозовел от удовольствия, упиваясь всеобщим удивлением из-за того, что его дама пришла, да еще оказалась такой роскошной женщиной. Кэрол поняла, что этот момент сделал его счастливым, он чувствовал себя победителем, утерев нос всем, кто оскорблял его своей снисходительной жалостью, а теперь взглянули другими глазами, с любопытством, заинтригованно, без сочувствия и презрения. Люди сразу взглянули на него по-другому, как на более достойного и привлекательного человека, чем показалось вначале, раз его одарила своим расположением такая женщина. И всем за столиками, по крайней мере, женской половине, стало любопытно, что в этом мужчине есть такого, что заставило такую красивую женщину закрыть глаза на его пусть и привлекательное, но обезображенное шрамами лицо.

Тим степенно, удачно скрыв свое ликование под самоуверенной невозмутимой маской, отодвинул перед Кэрол стул и помог присесть. Кэрол помогла ему сделать заказ, сообразив, что он не бывал в таких местах раньше и мало разбирается в меню. Она ждала, когда он заведет волнующий ее разговор об их отношениях и о своем отвратительном поведении, но вскоре поняла, что он категорично не хочет касаться этой темы, скорее из страха испортить самый чудесный вечер с самой прекрасной женщиной в своей жизни. Сама Кэрол не стала заводить неприятный разговор, но про себя подумала, что он все равно его не избежит, как бы не выкручивался. Ему придется ответить перед ней за свое поведение, раз он не смог на этом оборвать их отношения. И ее негодования не смягчит даже пылкая томная любовь, которую она, наконец-то, видела в его сверкающих глазах.

«Он мой», — думала она, наблюдая за ним. Это она поняла еще позавчера, выставляя его за дверь и зная, что он опять придет. Она понимала, что он хочет не только секса. Это ее немного тревожило, потому что ничего больше она дать ему не могла. Она никогда не

примет его в свой дом, в свою семью, как мужчину, более того, будет скрывать их любовную связь, чтобы Патрик не узнал. Вряд ли ему это понравится. Но иначе быть не может. Или так, или вообще никак. Это он уже пусть сам решает. Она скажет ему об этом, когда подойдет время. Но если он не ждал ее сегодня на это свидание, уверенный, что она не придет, то вряд ли он сейчас думает о том, чтобы она вышла за него замуж. В его взгляде Кэрол видела лишь мучительную страсть и лихорадочное желание оказаться с ней в постели. Она тоже этого хотела.

«Не раньше, мой строптивый колючий дикарь, чем ты будешь вымалывать у меня прощения. Такое так легко не прощается. Теперь я буду тебе мстить, — думала она, улыбаясь про себя. Не скрываясь, она его разглядывала, заставляя смущаться, ловя на себе ее оценивающий взгляд, он прятал глаза, внутренне весь сжимаясь. Он ненавидел пристальные взгляды, не переносил, когда его разглядывали. И не понимал, зачем это делает она. Разве что назло, видя, что ему это не нравится. Ему нравилась темнота, в ней он обретал уверенность, словно его шрамы, веревками стягивающие его при свете, сковывающие крепкими путами, которые ему никогда не хватало сил порвать, исчезали, он обретал свободу, становился самим собой, теряя свою неуверенность. Он бы предпочел оказаться с Кэрол в темной комнате, чем здесь, при ярком свете, прямо напротив, так близко, незащищенный и не имеющий возможности избежать ее внимательного взгляда. Темная комната, Кэрол... И он снова оказался во власти воспоминаний, которые преследовали его и днем и ночью, измучив уже настолько, что даже его страх быть отвергнутым не остановил его от попытки вернуть те волшебные мгновения. Его тело отозвалось на эти воспоминание болезненным возбуждением. Он поспешно отогнал прочь эти мысли, боясь, что она заметит. Но даже без этих воспоминаний о проведенной в постели с ней ночи, он не мог избавиться от этого возбуждения. Ее присутствие, ее аромат, который он улавливал, так сильно на него действовали, что ни о чем, кроме секса, он не мог думать. Когда он смотрел на нее, его окутывало жаром, он представлял ее тело под этим красивым платьем, вспоминал, какое оно на ощупь, как оно к нему прижимается, как с ним сливается... И прятал глаза, чтобы она не догадалась о его мыслях.

Он наведалься к шлюхам, ища облегчения, но вернулся оттуда злой и раздосадованный. Исса с удивлением на него тогда покосился.

— Что за кислая мина? Не нашлось свободной девицы?

— Нашлось, — буркнул тот, не расположенный к обсуждению этой темы. Тим пытался скрыть от друга то, что с ним происходит. С тех пор, как они ушли из дома Кэрол, Исса смотрел на него, как на идиота, впервые не одобряя и не понимая. Но от комментариев воздерживался. Смысл мусолить произошедшее, если все уже испорчено. Они об этом больше ни разу не заговорили. Страдания друга Иссе теперь стали раздражать после всего. И его поведение — тоже. Ему все преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, даже в рот запихнули почти насильно такой сладенький кусочек, какого тот в жизни не пробовал, а он после этого стал плевать и кривиться. Нельзя было сказать, что Исса благоволил к женщинам, воспринимая только как объект для удовлетворения своих потребностей, но даже он осудил друга за то, как тот себя повел с Кэрол. И теперь его раздражала кислая мина Нола.

— Что такое? — не смог он тогда сдержаться. — Не стоит теперь на шлюх? Ба, какие мы стали разборчивые теперь, привередливые! С чего бы это? У нее что, три сиськи, или между ног не как у всех?

Тим промолчал, только губы зло поджал.

— Сам не захотел, хера теперь нить? — в голосе Иссы прозвучало презрение, впервые в жизни, больно уколов Тима. — Иди подрочи, мазохист хренов, раз все бабы тебе не такие. Может, парни тебе больше по нраву придутся?

Подскочив, Тим саданул ему по скуле. Исса двинул в ответ.

— Знал бы, что она тебе не нужна, сам бы ее взял! — прорычал Исса. — А ты... ни себе, ни другим! Не по-дружески, брат!

Его слова еще больше взбесили Тима, он накинулся на друга, сбивая с ног.

Им случалось драться между собой, это никогда не отражалось отрицательно на их дружбе. Наоборот, выпустив пар и недовольство, они успокаивались, и отношения между ними сразу выравнивались.

— Ты теряешь мое уважение, киснув по бабе, — откровенно высказался Исса, вытирая кровь с разбитой губы. — Ты в своем уме? Хочешь ее — иди и возьми. Это всего лишь женщина. Нечего было влюбляться, я тебе всегда это говорил. А раз не удержался, то нечего страдать, как нежная девица. Ты мужик. Пошел и взял.

— Легко сказать! — горько отозвался Тим, сидя рядом на полу.

— Легко! В том-то и дело, что легко! Ты сам, что ли, не видишь? Раньше, может, и нет, но сейчас — да! Она одна. И ты ей нравишься!

И впервые тогда Тим с робкой надеждой поверил словам друга, хоть и не понимал, что ей в нем может нравиться. Что такой женщине в нем может нравиться? Он не мог найти ответ на этот вопрос, а потому и не верилось ему в это. Но ничего с собой поделатъ он уже не мог. Нравится или не нравится, но он хотел ее так, что померкли все его страхи. Никогда раньше у него не было такого чувственного и страстного секса, настоящего, искреннего. За исключением его интрижки в госпитале с медсестрой, все его общение с женщинами ограничивалось проститутками, которым он платил за то, чтобы они занимались с ним сексом. Раньше ему было все равно, он над этим не задумывался, как Исса. Но теперь что-то изменилось в нем, после той ночи. После того, как он чувствовал трепет охваченного искренним, непритворным желанием женского тела, его сладострастную дрожь, едва слышные, но *настоящие* стоны удовольствия, впервые почувствовал женский оргазм, содрогающееся и судорожно сокращающееся, сжимая его плоть, лоно. Он не мог этого забыть. И холодное, не отзывчивое тело проститутки, ее фальшивое желание, оттолкнуло его. Он больше так не хотел. Он хотел по-настоящему.словно уличный пес, всю жизнь пьющий из первой попавшейся лужи, утоляя свою жажду, который вдруг напился чистой свежей воды из настоящего родника, и после этого собрался опять попить из привычной лужи, и не смог, ощутив смрад, разглядев грязь, которые раньше не замечал. Поджал хвост и поплелся к роднику, из которого била живая сверкающая, прекрасная в своей чистоте вода. Он не мог объяснить свои чувства Иссе, тот бы не понял его. Он сам себя с трудом понимал.

Вспоминая их ночь, видя, как она его разглядывает, он все больше начинал верить, что нравится ей. Она смотрела на его шрамы, изучала их, и не было в ее взгляде ничего, что говорило бы о том, что они ей не нравятся. Они не отталкивали ее. Он начинал привыкать к ее прямому открытому взгляду. Он чувствовал, что перестает его бояться. Когда он вышел в туалет и шел обратно, ему даже показалось, что она им любит. Ее взгляд словно ласкал его. Никогда на него так не смотрела женщина.

А Кэрол на самом деле любовалась. И ей действительно все в нем нравилось. Все, без исключения.

Сегодня он был одет иначе, чем обычно, и, видимо, поначалу ощущал себя скованно и неуверенно в непривычном облике. Но одобрителный взгляд Кэрол придал ему уверенности. Ей понравилось, как он оделся на их свидание, в этот ресторан. Вместо предпочитаемых им водолазок с высоким горлом и джинсов или военного покроя штанов, кроссовок или высоких ботинок, также похожих на военные, сегодня он надел рубашку красивого голубого цвета, которая невероятно шла ему, оттеняя большие синие глаза, и черные брюки. Но ногах красовались шикарные туфли. Одежда и обувь были дорогими, брендовыми, и с грустью Кэрол подумала о том, что эту одежду для него выбирала Даяна. Сам бы он никогда так не оделся. У Даяны был превосходный вкус. И она знала толк не только в женской привлекательности.

Высокий, сильный, стройный, он шел через зал, привлекая внимание окружающих своей внешностью, столь шокирующей и необычной. Он не стал прятать сегодня свою шею, как старался делать это всегда, наоборот, расстегнутые верхние пуговицы рубашки вызывающе выставляли напоказ его шрамы. Даже в этом Кэрол видела его сегодняшней вызов всем окружающим, и ей в первую очередь. Он словно демонстрировал ей свои недостатки, приведя именно в это место, где особо остро не вписывался в обстановку и окружение. Он даже не догадывался, что ни так уж он и не вписался. Надменный вид, которым он прикрыл свою неуверенность, дорогая одежда, шикарная женщина — и окружающие приняли его за человека своего круга. Поглядывали с опаской, потому что даже элегантность в его сегодняшнем облике не смягчила суровости в его внешности, а шрамы эту суровость еще больше подчеркивали. Он все равно не походил на законопослушного и добропорядочного гражданина. Но пренебрежения или неуважения он во взглядах на себе больше не замечал, даже наоборот. Наверное, эти снобы из ресторана приняли его за какого-нибудь авторитета из мира преступности. Кэрол, например, поймала себя на мысли, что так бы и подумала, не знай его и увидев здесь. И ни за что бы не догадалась, какая неуверенность и ранимость скрывается под этой вызывающе бандитской внешностью, под этой мощностью и силой, под нежеланием прятать свои шрамы, демонстрировать их, как доказательство ничем не сокрушаемой самоуверенности в себе и своей привлекательности. О, если бы это все было на самом деле так! Если бы его поведение было таким всегда. Дерзким и непробиваемо самоуверенным. Не было бы больше взглядов, которых от так ненавидел, на него бы смотрели только так, как сейчас — с уважением и почтением, как на сильного человека, которому все ни по чем, который носит свои шрамы, как трофеи, оставаясь уверенным в себе и своей привлекательности мужчиной, мужеством и силой которого можно только восхищаться, и ни у кого бы ни возникло к такому человеку чувства жалости или превосходства.

И Кэрол заметила, как провожают его взглядом женщины. Заметил ли это и он, заметил ли восхищение в их глазах? А ей хотелось на него смотреть и смотреть, любуясь его великолепной фигурой. Как можно быть таким не уверенным в себе, считать, что обделен привлекательностью, имея такую внешность? Он что, никогда в зеркало не смотрел? Или разглядывал одни только шрамы, не видя ничего остального?

Сердце ее колотилось в груди, она чувствовала, что млеет рядом с ним. И удивлялась. Она была уверена, что такого с ней уже никак не может случиться. Что не найдется больше такого мужчины. Что после Джека и Рэя она не сможет никогда никем увлечься. Этого парня, она, конечно, встретила не сейчас, она признавалась себе, что нашла его очень привлекательным и сексуальным при первой же встрече. И чего греха таить, уже тогда

облизнулась, поглядывая так, как не должна была, на его тело. А теперь она одна, изголодавшаяся и истосковавшаяся по мужской любви, и вдруг ОН! Да еще такой не похожий на других, строптивый. Ей никогда раньше не приходилось завоевывать мужчину, намеренно соблазнять. Она давно уже привыкла к тому, что мужчины ее добиваются, и никак не думала, что может быть наоборот. Но с эти покончено. Она жалела, что так открыто ему навязывалась, особенно после его слов, сказанных Иссе. И горькая обида теперь отравляла ее воспоминания о проведенной с ним ночи, заставляя ее пожалеть и устыдиться. Однажды с ней такое уже было, когда Джек выгнал ее после их первой ночи. Даже прожив с ним столько лет, она не могла забыть о том унижении и боли, хоть и простила ему это. Теперь она пережила это снова, правда, теперь это не вызывало в ней таких оглушительных страданий, как тогда, потому что не было сейчас такой безумной любви, какую питала она тогда к Джеку. Но все равно, это было очень болезненно и не менее унижительно, чем тогда. И тоже ее ранило.

Тим чувствовал ее обиду и разочарование, хоть она и не демонстрировала это открыто. Он бы хотел ей что-нибудь сказать, что-то вроде того, что не хотел ее обидеть, но не знал, как это сделать. Он не мог ей сказать, что просто струсил после этой ночи, которая так его поразила, что он пришел в отчаяние, почувствовав, что провалился в омут, из которого не сможет выбраться, и это был рывок, попытка вырваться, спастись от той боли, которую он так боялся, если она, наигравшись с ним, выкинет его из своей жизни, как это уже сделала одна девушка. Он прекрасно помнил ее слова о том, что с ним можно хорошо потрахаться, но не пройтись по улице. Он никогда о них не забывал. И он никак уж не думал, что Кэрол может услышать то, что он говорил Иссе. А она взяла и услышала. И их связь оборвалась, не успев начаться. Он расстроился, потому что на самом деле думал не то, что говорил, и рассчитывал на продолжение. И такой облом. И самое досадно было то, что сам-то все и обломал.

Но она пришла сегодня, она сидела с ним за столиком, затаив обиду, которую он видел в ее глазах. Почему?

Неужели потому, что он ей действительно нравился? А может, она пришла, чтобы отомстить, наказать, унижить в ответ?

У него никогда прежде не было свиданий. Он не умел общаться с женщинами. Не знал, как себя вести, о чем с ними разговаривать, как делать комплименты. А ему так хотелось сказать Кэрол что-нибудь приятное, высказать как-то свое восхищение ее красотой, дать понять, как она ему нравится. И что он совсем не думает о ней так, как говорил Иссе. Вот друг его был мастер в таких делах, он никогда не робел перед девушками, с успехом пудрил им мозги и без труда укладывал в постель, имея богатый опыт общения не только с проститутками. Он нравился женщинам. И Тим всегда ему горько и беззлобно завидовал. Это было единственным, чему так и не смог научить его друг, хотя он прилагал много усилий, но все его старания разбивались вдребезги о комплекс неполноценности Тима, глубоко укоренившимся в нем еще в детстве. То, что Кэрол предпочла его, а не Иссу, искренне удивило Тима, повергло в замешательство и недоумение. Сегодня, перед тем, как прийти сюда, он долго и тщательно разглядывал свое отражение в зеркале. Возможно, ей понравилось его телосложение, оно ему самому нравилось. Уж этим он обделен не был. Ему даже казалось, что он сложен лучше, чем Исса. И Тим был физически сильнее, это уж он знал наверняка, но это не мешало Иссе быть лидером в их отношениях. Тим не знал, доволен ли он своим ростом, когда он был среди людей, ему хотелось быть поменьше, чтобы не

выделяться и не привлекать внимание. Но его рост и физическая сила вызывали уважение, мало кто из представителей сильного пола проявлял желание померяться с ним силами, хотя сам он был бы не против, не без удовольствия вспоминая юность, когда им с Иссой частенько приходилось драться во времена уличной жизни. Те времена прошли, они стали взрослыми, и теперь мало кто на них зарывался. А ему иногда хотелось. Он любил драться. Он не знал иного способа выпустить пар. Потому так тосковал по тем временам, когда служил в армии. Вот где были в почете и рост, и сила, и даже его шрамы. Его уважали. Там он был свободен от своих комплексов. Там он нашел свое место. Но и оттуда его выкинули, когда в голову ему прилетел осколок. Ему даже не дали шанса доказать, что он все еще способен стрелять не хуже, чем раньше, даже если не стрелять, а остаться просто солдатом. Его травма была несовместима со службой в армии, даже если она давала о себе знать изредка. Исса ушел из армии вместе с ним, не бросив его. Он всегда был с ним. Чтобы ни случилось. Он не позволял ему отчаяться. Он нашел применение его талантам и в этой жизни, и они зарабатывали хорошие деньги на заказных убийствах. Инкогнито Тима было раскрыто, когда он угодил за решетку, все узнали, кто был успешным завоевать популярность киллером. И хоть все обвинения вдруг исчезли таким же чудесным образом, как и появились, весь город и весь бандитский мир знал, кто он. Исса не находил в этом ничего такого, и вообще не понимал, зачем он прячется. Но Тим уехал из штата. И Исса опять поплелся с ним, хоть и был недоволен. Но работать они могли везде, хоть у черта на куличках. А Тим от работы отказываться не стал. Арест его не запугал. Они стали только более осторожными.

Кэрол знала, кто он такой. И видимо, ее это не пугало. Странная женщина. Или просто есть кто-то, кто пугает ее гораздо сильнее. И она потянулась к нему именно потому, что он был не обычным парнем, а тем, кем был. Кто способен был ее защитить. Если так, то он действительно готов был ее защищать. И даже ее детей. Даже просто так, если бы она просто попросила. Хотя просто так ему отчаянно не хотелось.

Смотря на нее сейчас, он понял, что одного секса, ради которого он сюда пришел, ему мало. Он хотел, чтобы она стала его женщиной, раз и навсегда. Он первый, кто разглядел ее красоту, первый, которому она дала обещание, и пусть они тогда были детьми, ну и что? Он был влюблен своим мальчишеским сердцем, и уже тогда считал ее своей.

Жизнь их разбросала, но снова свела, и его давно забытая мальчишеская любовь вдруг всплыла в его памяти, обрушившись на него взрослыми чувствами, к которым он был не готов. Возможно, этого бы не случилось, если бы она не стала такой красивой и сексуальной женщиной, и, не порази она его своей красотой, он бы и не вспомнил о своей мальчишеской привязанности. Но она его поразила. И теперь он стал думать, что любил ее всегда, еще с детства, и любовь эта никуда не девалась. Но свое место в ее жизни он потерял, и не нашел снова, у нее были другая жизнь, другие мужчины. Раненный в самое сердце, одолеваемый досадой и ревностью, он исчез из ее жизни, не собираясь никогда возвращаться. И ее смерть стала для него не меньшим горем, чем смерть сестры. Он терзался, что не смог уберечь ни одну, ни другую, самых дорогих для него женщин.

И теперь она сидит напротив него, еще более прекрасная, чем была, и нет больше той жизни, которая у нее была, нет мужа, нет любовника, жаждущего прикончить ее мужа. Она одна. Сбежавшая от той жизни, от тех мужчин. Исса прав. Тим только теперь осознал, что ничего между ними теперь не стоит. Судьба вернула ему его девочку, которую он любил еще мальчишкой, превратив ее в принцессу, словно вознаграждая его за все несчастья и лишения.

А он чуть все не испортил, не разглядев этот подарок судьбы. Впервые в жизни он почувствовал, как в нем поднимается уверенность рядом с женщиной. К черту. Это была его девушка, еще с самого начала, когда никто из мальчишек и внимания на нее не обращал, он оценил и полюбил ее еще в той жизни, когда она была замухрышкой и изгоем, он защищал ее уже тогда, когда остальные обижали, он единственный, кто разглядел, как она прекрасна. Ее муж, этот Рэй, и все остальные, которые возможно еще были, обратили на нее внимание, когда она была уже холеной красавицей, из состоятельной семьи. Обратил бы кто-нибудь из них на нее внимание тогда, когда обратил он, Тим? Вряд ли. Уж точно не эти двое, которые грызлись за нее. Такие замечают только красавиц. А их красавица теперь сидела с ним, в этом роскошном ресторане, придя к нему на свидание. Неужели в жизни бывает все-таки справедливость?

Кэрол удивилась, когда он вдруг неожиданно улыбнулся, так радостно, так искренне, сразу напомнив Тимми из детства.

— О чем ты думаешь? — не удержалась от вопроса она.

Он пожал плечами, продолжая улыбаться. Первый шок от того, что она все-таки пришла, что он оказался в таком непривычном месте, в таком виде, выставив напоказ свои шрамы, начал проходить, уступая место ликованию. Растерянность отступала, он начал получать удовольствие от происходящего, вдруг почувствовав себя победителем. Как забавно. Почему именно воспоминание о Джеке и Рэе и их любви к Кэрол так приободрили его, заставили воспрянуть духом?

«О том, что ты теперь моя, — про себя ответил ей он. — И хрен я тебя кому отдам!».

Как ему захотелось сказать это вслух, но он этого не сделал.

Озадаченная резкой переменой в его настроении и поведении, Кэрол удивилась еще больше, когда он вдруг взял ее за руку и встал.

— Давай потанцуем.

Она неуверенно поднялась с места.

— А здесь танцуют?

— Раз музыка играет, значит, танцуют, — простодушно заверил он.

Кэрол улыбнулась и позволила ему обнять себя за талию, гадая, куда так внезапно пропала его застенчивость и робость. Он боялся привлекать внимание, боялся посторонних взглядов, и вдруг танцует с ней, когда на них все смотрят. Это выходка скорее в стиле Иссы, но никак не Тима. Но ей понравилась его дерзость.

Они медленно двигались под красивую музыку, не обращая ни на кого внимания. Большие ладони почти полностью обхватили ее тонкую талию, постепенно все ближе привлекая к нему. Кэрол не поднимала взгляд, чтобы он не увидел томившее ее желание. В их танце не было ничего вызывающего, они даже почти не соприкасались телами, но почему-то на Кэрол это подействовало так возбуждающе, что она готова была схватить его за руку и спрятаться в туалете, чтобы отдаться ему немедленно.

— Ваш заказ, — раздался рядом голос официанта, заставив ее вздрогнуть.

Подняв голову, она взглянула на Тима, и залилась румянцем. Отстранившись, она вернулась на место.

Тим бросил на официанта злой взгляд, но молча уселся за стол.

Кэрол принесли вина, Тим заказал себе сока.

Наблюдая, как он попивает свой сок, она вспомнила, какой он смешной был, когда выпил на Рождество, и у него появились проблемы с координацией. Он заметил ее улыбку, и

озадчено нахмурился.

— Должно быть, это ужасно, пить только сок и воду, — заметила она.

Он удивленно смотрел на нее.

— Да нет. Еще я пью молоко.

— Правда? Ничего себе, разнообразие.

— Зато алкоголизм мне не грозит.

Кэрол пожала плечом. Это молчаливое свидание начинало ее напрягать. Он извиняться не собирался, как она понимала. Интересно, на что он рассчитывает? Что они вот так посидят и преспокойненько, как ни в чем не бывало, отправятся в постель? Сейчас. Ее, конечно, такой вариант бы устроил, но только после искренних извинений и раскаяния. Но, похоже, никто ни в чем не раскаивался. Кэрол стало обидно, и она замолчала, сосредоточив свое внимание на тарелке. Она чувствовала, что он за ней наблюдает, но делала вид, что не замечает.

— Какие у вас планы? Вы собираетесь покинуть город? — серьезно спросила она, поднимая на него взгляд.

— Э... нет. Пока, — он растерялся от ее неожиданного вопроса. — А что?

Кэрол помолчала.

— Когда вы рядом, мне спокойнее.

— Мы будем рядом, Кэрол. Ты не должна больше бояться.

На его лице она уловила тень радости от ее слов. Господи, какой он еще мальчик, этот суровый на вид молодой мужчина! На фоне Джека и Рэя он казался ей почти ребенком, совсем еще зеленым юношей. Она была уверена, что это первое свидание в его жизни. Он никогда раньше не встречался с девушкой. Ей предстояло многому его научить. Она была взволнована этой мыслью. Роль учителя ей еще не доводилось на себя пробовать, всегда было наоборот. Из этого неотесанного дикаря ей предстояло еще вылепить себе любовника. Он знал, что нужно делать с женщиной в постели, но этого было не достаточно. Он умел только брать. Нужно было научить его и давать. Он был молодым, страстным, с превосходными физическими данными, что уже было многообещающим. Теперь дело было только за его желанием. Захочет ли он. Или ему будет достаточно и того, что есть. Кэрол казалось, что захочет.

— Ты сказал, что хочешь поговорить, — холодно напомнила она.

Он смущенно спрятал глаза.

— Да. Я хотел сказать... что мне жаль, что я так тогда сказал.

— Ну, наверное, что думал, то и сказал.

— Да. То есть, нет. Я так не думал.

Кэрол с притворным недоумением смотрела на него.

— Тогда зачем говорил так?

— Не знаю...

Она пожала плечом и спокойно отпила из бокала.

— Не стоит извиняться. Ты был прав. Я действительно сама на тебя залезла. Подумаешь, потрахались — это действительно ни к чему тебя не обязывает, и здесь ты прав. А с Иссой я не спала. Но этот так, к заметке. Даже если бы и спала, это не твое дело при таком раскладе. Потому что я тоже тебе ничем не обязана. Проехали и забыли. И о том, что ты сказал, и вообще о том, что было.

— Но я не хочу об этом забывать, — едва слышно прошептал Тим.

— А я хочу. Если совершаешь ошибку, которую уже не можешь исправить, то о ней лучше вообще забыть.

Он подавлено промолчал, не поднимая головы. Кэрол сверлила его взглядом, в котором горела неприкрытая обида.

— Спасибо, что решил извиниться. Но не стоило. Перед шлюхой-то!

Он залился краской. Допив вино, Кэрол поставила бокал и улыбнулась.

— Спасибо за ужин. Но мне пора. Патрик один дома с лисятами, — она взяла сумочку и поднялась. Он тоже встал, и вдруг устремил на нее взгляд, в котором Кэрол с удивлением заметила упрямство.

— Я тебя провожу.

— Не надо, я не маленькая.

— Подожди меня, пожалуйста, — он махнул официанту и знаком велел принести счет.

— Я пока в дамскую комнату, — Кэрол отвернулась и пошла в туалет.

Стоя перед зеркалом, она припудрилась и подкрасила губы. Когда она вышла, Тим уже ждал ее с пальто в руках. Он помог ей одеться, накинул свою куртку и услужливо открыл перед ней дверь.

Выйдя на улицу, Кэрол поежилась от холода.

У ресторана всегда стояло такси и, подойдя к ближайшей машине, они сели в нее. Тим сел рядом с Кэрол на заднем сидении, хотя ему с его ростом гораздо удобнее было бы отодвинуть сидение и сесть впереди. Он взял было ее за руку, но она вытащила свою кисть из его большой ладони и отвернулась к окну. Она была разочарована. Его робкая попытка извиниться ничуть не уменьшила ее обиды. Он даже извиняться толком не умел. Конечно, она могла принять и такие извинения, она так и собиралась сделать, и сама не понимала, зачем вместо этого размазала его вместе с его с извинениями. Он тоже был расстроен, это было заметно. Да, она могла бы ему помочь все исправить, потому что у самого него не очень получалось, но она не хотела. Хватит. Она и так слишком заискивала перед ним все это время. Если он хочет быть с ней, пусть хоть что-то для этого сделает. А она «залезать на него» больше не собиралась.

Когда она вышла из такси, он, быстро сунув деньги водителю, выскочил следом. Остановившись перед дверью, Кэрол нацепила улыбку и обернулась к нему.

— Спасибо за вечер.

— Можно я зайду?

Ого, похоже, он сегодня настроен решительно. Надо же, и откуда столько храбрости взялось?

— Чтобы ты там не думал, но здесь не бордель. Всего хорошего!

— Да нет же... не в том смысле... Просто зайти. Поздороваясь с Патриком.

— Уже поздно, он спит. В другой раз.

— Кэрол, — он вдруг сжал пальцами ее предплечье. — Я же сказал, что сожалею, что был не прав. Не сердись, пожалуйста.

— Хорошо, я нее буду сердиться. Тим, я замерзла, спокойной ночи.

— А мы можем еще увидеться?

— Нет. Мы больше не друзья, ты сам так сказал.

— Но мне и не нужна твоя дружба.

— Да? А что тогда нужно?

Он замялся, но этого было достаточно, чтобы Кэрол успела высвободить свою руку и

открыть дверь.

— Пока, Тим!

Закрыв перед его носом дверь, Кэрол проверила детей и, убедившись, что все в порядке и они крепко спят, пошла к себе. Там, раздевшись, отправилась в душ. Стоя под горячими струями, она пыталась подавить в себе досаду и разочарование. Конечно, ей очень хотелось, чтобы это свидание закончилось иначе, все ее тело жаждало этого «иначе», но ничего... она потерпит. Этот парень у нее в руках. Он придет еще. Она победила.

Она и радовалась, и грустила одновременно. Грустила оттого, что опять сейчас ляжет в холодную постель, одна, и будет томиться в своих неудовлетворенных плотских желаниях. О, когда же закончится эта мука? Как наивна она была, решив, что мужчины ей больше не нужны, что она обойдется без них... Ее молодое тело с этим решением не соглашалось, мучая ее своими требованиями, сжигая огнем, который она не могла погасить... Нет. Она больше так не могла. И не хотела. Поломается еще немного, дабы отомстить и наказать этого болвана и грубияна, а потом... потом оторвется с ним за все эти полтора года воздержания. Стараясь об этом не думать и не представлять, она накинула на влажное обнаженное тело полотенце и вышла из ванной.

И вскрикнула от неожиданности, увидев развалившегося в кресле в ленивой позе Тима.

Она застыла на месте, изумленно уставившись на него. Его куртка лежала тут же на стуле.

— Как ты... — выдавила она. — Я что, забыла запереть дверь?

— Не забыла, — чуть слышно отозвался он, не отрывая от нее взгляда. — Я умею проходить сквозь стены, меня Исса этому научил, когда я еще был мальчишкой.

— М-да... я смотрю, он многому тебя научил, — справившись с удивлением, Кэрол изобразила негодование, стараясь скрыть охватившее ее волнение. Руки ее задрожали, сердце бешено заколотилось в груди. — Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

— Тебе придется уйти, извини, — Кэрол решительно кивнула на дверь.

Он поднялся. Кэрол отвела взгляд, чтобы он не заметил ее волнения.

— Прости меня, — шепнул он.

Она потупила голову, отступая назад, невольно обиженно поджав губы.

— Нет. Уходи, — голос ее задрожал. «Не прощу. Но не уходи, не слушай меня!» — взмолилась она про себя, смотря себе под ноги.

Она с трудом сдержала крик радости, когда он шагнул к ней и подхватил на руки. Она попыталась воспротивиться, притворившись возмущенной, но когда он опустил ее на постель и стал целовать, забыла обо всем на свете. Сорвав с нее полотенце, он со стонами осыпал ее тело жадными поцелуями, лаская дрожащими руками. Под его ласками Кэрол затрясло. Слегка отстранив его, она приподнялась, торопливо расстегивая на нем рубашку. Он тем временем поспешно избавлялся от брюк.

Притянув его к себе, Кэрол неистово впиалась ему в губы, чтобы приглушить стоны, которые не могла сдержать. Он тоже хрипло стонал, хотя во время предыдущей близости был более сдержан, даже скован, словно боялся открыться, показать свои чувства. А теперь что-то изменилось, Кэрол это сразу поняла.

— Дети... Патрик... надо тише, — шептала она и накрывала губами его рот, чтобы приглушить их стоны.

Он вдруг подхватил ее ладонями под ягодицы и, оторвав от постели, поднялся и, занеся

ее в ванную, закрыл дверь. Кэрол, с силой обхватив его бедра ногами, продолжала его жадно целовать. Прижав ее спиной к стене, поддерживая под ягодицы, он позволил себе потерять голову, забыв обо всем на свете, отдавшись этой безумной всепоглощающей страсти... Настоящей страсти, о которой так мечтал.

На следующий день Кэрол ушла с работы пораньше, и с Тимом поехала в номер, который они снимали вдвоем с Иссой. Последнего там не было, и они смогли, наконец, полностью расслабиться, не боясь быть услышанными и обнаруженными Патриком.

Кэрол позвонила няне, чтобы предупредить, что задерживается на работе, не находя в себе сил покинуть мужские объятия, по которым так истомилась. Она все никак не могла утолить свой голод, к тому же ей нравилось заниматься любовью с Тимом. И сам он ей очень нравился. Впервые она почувствовала превосходство в сексуальном опыте над мужчиной, и ей это нравилось. Он тоже это почувствовал, смутился, растерялся, опять зажался, и в какой-то момент ей показалось, что он снова собрался сделать ноги после этого свидания в его номере. Но она пока выпускать его из своей постели не собиралась. И она очень постаралась, чтобы мысли сбежать от нее ему больше даже в голову не пришло.

И наконец-то, в этом номере, оставшись с ним один на один, она «оторвалась», как хотела, утоляя свой дикий голод. Его удивленные взгляды ее только забавляли. Она ясно дала понять, что сегодня она «правит бал», а он только подчиняется. И этот двухметровый здоровяк подчинился, превратившись в мальчишку в ее руках, с которым она делала, что хотела и как хотела. Он был растерян, явно к такому не привыкший, но он был в восторге, она это видела, был поражен. Да, она могла запросто поразить непривыкшего к настоящей женской ласке и страсти парня. У нее были превосходные учителя, с грустью подумала она, но тут же выкинула их из головы, наслаждаясь удовольствием ошеломленного мальчика, которое она ему щедро дарила, заставляя вновь и вновь испытывать оргазм, собираясь выжать его, как лимон, пока он не потеряет все силы.

Или пока не потеряет их сама.

И, прежде чем силы их покинули, она смогла, наконец, насытиться, даже пресытиться, притупив свой мучительный голод. Потом она еле смогла встать, сходив в душ и одеться. Тим спал, вырубившись, и даже не заметил, как она ушла.

Следующий день был выходным. Кэрол готовила завтрак, когда раздался настойчивый звонок в дверь.

Открыв дверь, она с удивлением уставилась на Тима.

— Привет!

— Привет, — не скрывая своего изумления, ответила она. — Что-то случилось?

— Нет... просто...

— Мам, кто там? — раздался у нее за спиной голос Патрика.

— Это Тим. Проходи, ты как раз к завтраку, — Кэрол отступила, пропуская его в дом.

Он вошел и остановился рядом с ней, заглядывая в лицо.

— Ты вчера ушла... меня даже не разбудила, — тихо прошептал он. — Почему? Что-то... не так?

— Нет, все хорошо. Просто не хотела тебя будить, ты так крепко спал, — она нежно ему улыбнулась.

— Не делай так больше... пожалуйста.

Кэрол кивнула и повела его к столу.

— Тим! Привет! — обрадовался Патрик, вскакивая со стула и протягивая ему руку. —

Что так рано-то?

Тим пожал плечами, смущенно улыбнувшись.

— Шел мимо, решил зайти, узнать, как ваши дела.

— А Исса?

— Исса еще дрыхнет, он не любитель рано вставать. К тому же, всю ночь где-то шлялся...

— У шлюх, наверное, как обычно, где еще? — деловито сказал Патрик.

— Рик! — задохнулась Кэрол и, не выдержав, засмеялась, ощущая легкость и что-то, похожее на счастье.

— А ты с ним не ходил? — бесцеремонно поинтересовался мальчик, бросив на Тима внимательный взгляд.

— Нет...

— Почему? Разве тебе не нужны женщины? Тебе же должно хотеться... У тебя же там все нормально? Собака ничего не отгрызла?

— Рик! — снова вскрикнула Кэрол.

— А что? Я просто спросил! Рик да Рик, и рта не дают открыть! — пробурчал мальчик возмущенно и выскочил из-за стола. — Все, я побежал, мне на тренировку! Слушай, бери Иссу и приходите к нам вечером на ужин. Хорошо, мам? Приготовишь?

Кэрол лишь кивнула.

Довольно улыбнувшись, мальчик схватил спортивную сумку и умчался.

Закрыв за ним дверь, Кэрол плотно задернула шторы и вернулась к столу. Тим тут же притянул ее к себе и усадил на колени. Запустив пальцы в волосы, он поцеловал ее долгим жадным поцелуем.

— Тим... ты не должен вот так приходить. Я не хочу, чтобы Рик догадался или начал подозревать.

— Почему? По-моему, я ему нравлюсь.

— Да, нравишься, пока он думает, что ты просто наш друг. Но он... он очень любит своего отца, и он не поймет... не простит мне...

Тим нахмурился.

— Но ведь ты не собираешься возвращаться к мужу. Он что, хочет, чтобы ты всю жизнь была одна?

— Да... пока да. Прошло слишком мало времени, и он еще маленький... Потом, возможно, все изменится.

Тим смотрел на нее потяжелевшим взглядом.

— И что тогда, в таком случае, делать нам? Скрывать от всех наши отношения? Прятаться?

— Тим, он мой сын! Я хочу с тобой встречаться, но он не должен об этом узнать. Ты можешь быть нашим другом, он не против, но ему совсем не обязательно знать, что я с тобой сплю.

— Я нужен тебе только для этого? — едва слышно прошептал он.

— Нет, конечно нет! Зачем ты так говоришь?

Он отвернулся, и Кэрол медленно поднялась с его колен.

— Ты любишь своего мужа? — вдруг спросил он, не глядя на нее.

— Нет, Тимми, не люблю. Я сбежала от него, рискуя своей жизнью.

— А Рэя?

Кэрол вдруг бросило в жар, она почувствовала, как загорелось лицо. Тим повернул голову и впился взглядом в ее лицо.

— Нет. Я и от него сбежала, — спокойно ответила она.

— А как же дети? Он их не навещает?

— Нет. Тим, я же говорила тебе, у меня теперь другая жизнь.

— Но ты с ним общаешься?

— Нет.

Он замолчал, гневно играя желваками. Кэрол неподвижно стояла рядом и смотрела на него погрузневшим взглядом.

— Я ни к чему тебя не принуждаю, — глухо сказала она после продолжительного молчания. — Если тебя это не устраивает... мне жаль.

Она отвернулась и, присев около малышей на стул, взяла ложечку и стала кормить их яблочным пюре.

Она не обернулась, когда Тим встал и ушел. Что ж, она предполагала, что так может быть. Тяжело опустив голову на руку, она горестно вздохнула. Ну что он от нее хочет? Чтобы она привела его в свой дом и официально объявила, что встречается с ним, спит? Зачем ему это? Да многих мужчин бы устроил просто секс.

Она приготовила ужин, не зная, придут ли они с Иссой.

Но они пришли.

Тим вел себя, как ни в чем не бывало, был приветлив с ней. Исса тоже был в хорошем настроении.

После ужина они расположились на ковре у дивана, общаясь с Патриком. Вернее, общался, в основном, Исса, а Тимми, как обычно, больше молчал. Кэрол мыла посуду, чувствуя на себе его взгляд. За ужином они едва парой слов обменялись. Кэрол свое общение ему не навязывала, пытаясь скрыть свою печаль под маской равнодушия.

Исса о чем-то пошептался с Патриком и увел его в детскую, оставив Тима и Кэрол наедине. Тот сразу поднялся и подошел к ней. Развернув ее лицом к себе, он наклонился и с жаром поцеловал ее в губы. Кэрол мягко его отстранила.

— Тим, не надо... не здесь, пожалуйста. Патрик может увидеть.

В глазах его вспыхнула ярость, но он медленно ее отпустил.

— Хорошо, — согласился он, к великому удивлению Кэрол. — Я тебя понимаю. Извини, что я разозлился утром. Я только еще хотел спросить... не обижайся... Патрик, он не знает о Рэе?

— Нет! — голос Кэрол наполнился ужасом. — Конечно, нет!

— Значит, он думает, что близнецы...

— Да, Тим, он так думает.

— Но они очень на него похожи. Когда-нибудь он заметит...

— Тим, пожалуйста, давай не будем об этом! Рэй — моя самая большая ошибка, о которой я всегда жалела. И я не хочу об этом говорить, хорошо? Я сбежала от той жизни, и от своих ошибок в ней, и не хочу вспоминать. Никогда.

— Но тогда зачем ты родила от него детей? — не удержался Тим.

— Мне нельзя делать аборты, — отрезала Кэрол. — По медицинским показаниям.

Ясно?

— Да...

— Тим, я забыла о той жизни... пытаюсь забыть, я не хочу о ней говорить. Я понимаю, что у тебя есть вопросы, но все, что было тогда уже не имеет значения. Всего этого больше нет. Из той жизни я забрала только детей. И Касевеса, который помог мне начать новую жизнь. Единственный, кого я еще готова забрать из той жизни в эту... ты.

— Почему?

Кэрол подняла глаза, встретив его взгляд.

— Ты всегда был мне дорог. А теперь... ты мне очень нравишься... как мужчина.

Он вдруг улыбнулся.

— Я вчера... э-э... это понял.

Кэрол рассмеялась и, обняв его, прижалась щекой к крепкой груди.

— Только вчера? Какой же ты недогадливый!

— Мы будем скрывать наши отношения от Патрика, но... я хочу понять. Какие отношения? Это просто секс, или мы... на самом деле вместе? Мы встречаемся, и ты моя женщина... только моя... Я могу так считать?

— Да, Тимми. Мы вместе, и я твоя женщина. Если тебя, конечно, не смущает тот факт, что я все еще замужем... как бы.

— Но ты же теперь не Кэрол Рэндэл, ты Сандра Эванс. Ведь в твоём новом паспорте нет штампа о браке? — он засмеялся, счастливый и довольный.

— Нет, нету! — Кэрол тоже расплылась в широкой улыбке.

— Значит, ты больше не его жена, — он не выдержал и снова ее поцеловал.

— Ты должен знать, он все еще меня ищет. Я прячусь, скрываюсь. Кевин вывел его на меня, я чудом не попала, когда лежала в больнице с Джимми. Зак, его друг и правая рука, пришел прямо к нам в палату! Хорошо, что я оставила в тот момент вместо себя няню и предупредила ее...

— Так давай я его пристрелю, в чем проблема? И живи себе спокойно, прятаться больше не нужно будет.

— Нет! С ума сошел? Ты же мне обещал! Патрик только немного успокоился. Он узнает, у него дар видеть. Особенно опасность, угрожающую Джеку. Он очень его любит. Пожалуйста, Тим, ради меня, ради Патрика, оставь Джека в покое, забудь о нем. Когда-нибудь он успокоится и перестанет меня искать. А пока я просто буду так же осторожна, вот и все.

— А может, ты просто все еще его любишь?

— Тим, ты начинаешь меня злить. Я уже ответила тебе на этот вопрос. Я не собираюсь тебе ничего доказывать. Только сам подумай, зачем женщине убегать от мужчины, разлучать с ребенком, если она любит?

— Ладно, не сердись. Я верю тебе, — он ласково погладил ее по щеке. — Тебе не нужно больше бояться. Мы с Иссой не дадим тебя в обиду. Если он только сунется...

— Вы тогда поможете мне скрыться, спрятаться. И все! Ты понял меня? Если ты ему навредишь, я тебя не прошу. Никогда.

— Хорошо. Прятаться мы тоже умеем, и тебя научим, — он засмеялся. — Расслабься, не нервничай так. Я же дал слово, что не трону его. Пусть себе живет. Только к нам не лезет. К тебе. И тогда мне будет на него глубоко наплевать. А все же... этот Кевин... у вас что-то было?

— Тим, чего тебя так пробрало? Ты решил меня замучить вопросами? Или хочешь, чтобы я от тебя сбежала?

— Почему сразу — сбежала? Мне просто интересно. Почему я не могу спросить?

— Ты слишком много спрашиваешь.

— Потому что я ничего о тебе не знаю.

— А тебе и не надо. Что тебе это даст?

— Нет, это меня не устраивает. Я что же, теперь ни о чем и спросить не могу? Ведь ты теперь моя женщина. Я имею право знать и спрашивать.

— Да, имеешь, но с того момента, как мы стали встречаться. То есть, начиная с позавчерашнего дня. Все, что было до этого дня — тебя не касается.

Лицо его окаменело, взгляд похолодел.

— Нет, Кэрол... вот так не надо.

В Кэрол начала подниматься тихая ярость.

— Он меня изнасиловал. Потом запугивал, шантажировал, что расскажет обо мне Джеку, если я не уступлю. Еще вопросы?

Он молчал, стиснув челюсти, медленно заливаясь краской гнева.

Оттолкнув его, Кэрол прошла мимо. К ее облегчению, вернулись Исса и Патрик, о чем-то оживленно болтая. Исса метнул пристальный взгляд на застывшего на месте друга.

— Эй, приятель, ты что, кусок дерьма проглотил? Что за выражение лица? Кэрол, что ты с ним сделала?

— Ничего. Просто ответила на его вопрос, — Кэрол пожала плечами.

— Судя по всему, ответ ему не очень понравился, — усмехнулся Исса.

— Не все понимают, что если человек не хочет отвечать на вопрос, значит, на то есть причины, — Кэрол с усмешкой посмотрела на Тима. — Может, есть еще вопросы? Спрашивай, не стесняйся.

— Нет, — сухо ответил он. — Извини.

— А что он спросил? — любопытствовал Патрик.

— Эй, ты что, тоже хочешь проглотить какашку, как Тим? — засмеялся Исса. — Лучше нам не знать, что это был за вопрос, а тем более — какой ответ. Это что-то ужасно неприятное. Бе-е!

— Бе-е! — подхватил Патрик, скривившись.

Уже позже, сидя рядом с Кэрол прямо на полу, на ковре, где они всей компанией играли в карты, Тим тихо ей шепнул:

— Жаль, что он уже сдох.

Кэрол покосилась на него, но ничего не ответила.

А Исса был поражен, когда она с Патриком вновь и вновь обыгрывали их с Тимом в карты.

— Не может быть! Да вы самые настоящие жулики! Чтобы меня обыграла какая-то крашеная блондинка с пацаном малолетним — такого оскорбления я еще не получал! Да я вас за это зарезу, чтобы никто не узнал о моем позоре!

Патрик весело засмеялся, не обратив никакого внимания на угрозу.

— Нас Рэй научил! Он тот еще прохвост! Его никто не мог в карты обыграть!

— Как никто? Я его обыгрывала! — возмущилась Кэрол.

— Ну, да... про тебя я как-то забыл. Обыгрывала. И еще вы с ним вечно дрались за выигрыш! Такие смешные, взрослые, а как дети себя вели! — мальчик рассмеялся. — Вот бы

его сейчас сюда, к нам. Весело бы было. С ним всегда было весело, — уже грустно добавил он, перестав смеяться. — Жаль, что он не может к нам приехать.

— А он знает о том, что вы живы? — тихо поинтересовался Тим, не поднимая глаз от своих карт.

— Ага, знает.

— И что, ни разу и не приехал за все это время?

— Нет.

— Почему? — продолжал Тим, игнорируя недовольный взгляд Кэрол.

— Потому что нельзя.

— Почему нельзя?

— Папа за ним следит. Если он к нам приедет, папа узнает.

— А ты не хочешь, чтобы папа узнал, что вы живы?

— Нет, не хочу.

— А когда папа перестанет за ним следить, тогда он наверняка захочет приехать?

— Он и сейчас хочет. Только мама ему не разрешила. И никогда не разрешит, даже если папа не будет за ним следить.

— Но ведь ты хочешь, чтобы он приехал.

— Да, хочу. Я его люблю, он хороший и любит нас. Он хочет о нас заботиться, помогать. Он дал нам хренову кучу денег для Дженни. Он хотел к нам приехать, но мама не разрешила. Он обиделся. А мама плакала. Но он уже не сердится. Он не умеет долго сердиться, особенно на маму. Он всегда ей все прощает. Он ее очень любит, она ему как сестра родная.

— Но ведь они на самом деле не родные, — заметил Тим, не обратив внимания на то, как Кэрол пнула его по коленке.

— Ну и что? Он мне сам так сказал, когда я у него спросил, трахает он ее или нет.

— Что?! — Кэрол подскочила, уронив карты, которые рассыпались по ковру.

— Прости, мам... Он тоже очень рассердился тогда. Но я так боялся, что он захочет тебя отбить у папы... мне показалось... папа и дедушка что-то такое говорили, а я подслушал. Но он мне поклялся. И я ему верю. Не сердись, мам. Прости, что я так мог подумать о тебе и Рэе.

Патрик не часто извинялся. Кэрол растерянно застыла на месте.

— Хорошо, Рик... Я... пойду укладывать лисят, пора уже. Продолжайте без меня.

— Мам, уложи и приходи к нам.

— Нет. Я прилягу, устала.

Она подхватила на руки Криса, достав из манежа. Тим поднялся.

— Я помогу, — наклонившись, он осторожно и неуверенно взял большими руками другого крохотного малыша и, подняв, прижал к груди.

— Спасибо, я сама, не отвлекайся, — холодно сказала Кэрол, ловко одной рукой обхватила малыша и, оторвав от Тима, понесла обоих детей в детскую. — Спокойной всем ночи!

— Все-таки обиделась, — заметил Патрик. — Зря я так сказал.

— Определенно, — подал голос Исса, который до того не вмешивался. — Вообще-то, пацан, нужно подбирать выражение, когда о матери говоришь. Тебя этому не учили? У меня мамы никогда не было, но даже я это знаю.

Патрик подавлено промолчал. Исса перевел взгляд на Тима.

— А тебе лучше и дальше следовать своим привычкам и поменьше открывать рот. Я не хочу, чтобы из-за тебя нам дали под зад и перестали подкармливать. Меня, видишь ли, домашней жрачкой никогда не баловали, так что если я ее лишусь по твоей милости, я надену на тебя фартук и поставлю к плите, будешь сам мне готовить, понял?

Тим тоже огорченно опустил взгляд, понимая, что Кэрол на него рассердилась. А Исса, раздав всем по заслугам, собрал карты и принялся ловко тасовать.

— Ну что ж, раз наш главный шулер пошел спать, сейчас я тебе, пацан, задам жару.

Кэрол долго сердилась на Тима, высказав ему свое сомнение по поводу правильности ее решения впустить в свою новую жизнь кого-то из прошлого. Тим, испугавшись, что она передумает и «даст ему под зад», как выразился Исса, больше не задавал никаких вопросов, хоть их и было у него великое множество. Он терпеливо ждал, когда она остынет и перестанет злиться. Они с Иссой чуть ли не каждый день стали навещать в гости, сам он приходить пока не решался, боясь вызвать неудовольствие Кэрол и подозрения Патрика. Он ломал голову, как встречаться с Кэрол, чтобы об этом не догадался Патрик. Это было затруднительно, она работала, после работы ей нужно было домой к детям. И он все никак не мог найти лазейку, в которую бы мог вклиниться. И поделился своей проблемой с Иссой.

Патрик обрадовался, а Кэрол очень удивилась, когда они объявили, что теперь стали их соседями, сняв домик рядом.

— Мы все равно пока залегли на дно, никуда не собираемся, и подыскивали себе жилье. Вот и подумали, почему бы не поселиться поближе к вам? Кроме вас мы здесь никого не знаем.

— Это же здорово! — радовался Патрик. — И я могу приходить к вам в гости?

— Конечно. И мама твоя может, особенно если ей вдруг захочется помочь одиноким мужчинам по хозяйству. И мы ей будем помогать по хозяйству по мужской части. Например, я бы поменял кран в ванной, он подтекает. И вообще, здесь есть, к чему руку приложить. Что скажешь, ясноглазая?

— Хорошо, я согласна, — рассмеялась Кэрол.

Она тоже осталась довольна тем, что они теперь будут жить рядом.

Что ж, наглости этим двоим было не занимать, потому что вскоре уже стало восприниматься, как должное, что они приходили завтракать и ужинать, а в выходные, когда Кэрол была дома — и обедать. Патрик тоже к этому привык. Он искренне привязался к этим мужчинам, считая их настоящими друзьями. Когда он понял, что Исса не собирается соблазнять мать, Патрик расслабился и полностью принял их в свою жизнь. То, что Тим может заинтересовать ее, как мужчина, мальчику даже в голову не приходило. Они вели себя осторожно, и ребенок ни о чем не догадывался. Кэрол мучило то, что она обманывает его, и удивлялась, как он до сих пор этого не понял, ему не сказал об этом ни его дар, ни Мэтт, с которым он якобы общался и который все знал. Она видела, что Тим очень старается, выстраивая отношения с Патриком, лелея надежду, что завоюет его сердце настолько, что мальчик не будет против того, чтобы мать с ним встречалась. Кэрол не мешала и не вмешивалась, но в душе была почти уверена, что все усилия Тима напрасны. Патрик жалел его и постоянно искал для него невесту. И однажды на воскресный ужин, за которым они все собрались, как делали уже всегда, он пришел с молодой женщиной. Кэрол узнала ее — это работала учительницей в школе Патрика, но не была его учительницей. Тим и Исса на тот

момент еще не пришли, и Кэрол растерянно пригласила гостью войти.

— Мам, как ты думаешь, она понравится Тиму? — спросил мальчик у опешившей Кэрол. — Я ей о нем рассказывал, она согласилась с ним познакомиться. Я показал его фотографию, его шрамы ее не напугали, он ей понравился. Она тоже симпатичная. Она должна ему понравиться. Как думаешь?

— Да, наверное... Честно говоря, я не знаю, Рик. Я никогда не спрашивала, какие девушки ему нравятся.

— Какая разница, какие ему нравятся? Он должен выбирать из тех, кому он понравился, и кто согласился встречаться с ним, не смотря на его шрамы.

— Ты не прав, Рик. Тим красивый парень, и шрамы, между прочим, мужчине не портят. И он вполне может выбирать тех девушек, которые ему нравятся. А он всем понравится.

— Но он же так не делает. И не думает так. Поэтому он и один. Ему, наверное, очень плохо без девушки. Мы должны ему помочь. Разве ты не хочешь ему помочь, ведь он твой друг! Настоящий друг! Он из-за тебя таким стал.

— Конечно, я хочу ему помочь.

— Тогда уговори его встречаться с Тори. Она хорошая.

— Э-э, хорошо, я попробую. Но если она ему не понравится, вряд ли мы сможем его заставить. Не надо было вот так поступать, Рик. Приводить ее без его согласия, ему это может не понравиться, он может рассердиться. Ты же знаешь, какой он.

— Он не будет сердиться, когда увидит, какая она красивая и хорошая. А еще и умная!

И Кэрол в полном замешательстве ждала, когда откроется дверь и войдут Тим и Исса, и увидят, какой их сюрприз ожидает. Вернее, Тима. Интересно, как он будет выкручиваться. Что ж, Кэрол всегда знала, что ложь до добра не доводит. Украдкой она разглядывала девушку, и сердце ее неприятно сжалось. Да, чтобы ни говорил, Патрик привел Тиму не абы кого. Девушка действительно была прехорошенькая. Она легко могла понравиться любому парню, а такому, как Тим, не разбалованному женским вниманием — и подавно. И бросит он тогда Кэрол с ее детьми и всеми проблемами. Кэрол стало грустно. Мир вокруг вдруг снова потемнел.

— Мам, ты чего такая печальная? Что-то не так? — заметил Патрик. — Ты думаешь, что если у Тима появится девушка, он перестанет с тобой дружить? Не бойся, я спрашивал у Тори, рассказал, что вы друзья еще с детства, она не будет ему запрещать дружить с тобой.

— Хорошо, — Кэрол выдавила улыбку. — Если у них все получится, будет хорошо. Когда человек один, ему плохо.

Патрик внимательно изучал ее взглядом.

— Поэтому ты все время такая печальная, мам? Тебе плохо? Одиноко? Но ведь у тебя есть мы.

— Да, сынок. Нет, мне не плохо. Все нормально.

На лице мальчика она вдруг увидела жалость. Он погладил ее по руке и убежал к своей гостье. А Кэрол, вздохнув, продолжила накрывать на стол.

Сказать, что Тим растерялся — ничего не сказать. К тому же он пришел один, без Иссы, у которого были какие-то дела. Исса наверняка бы не растерялся и помог ему в этой щекотливой ситуации, в которую его поставил наглый мальчишка. Но он не мог показать, что рассердился, потому что ребенок искренне желал ему помочь, к тому же ссориться с Патриком ему вовсе не хотелось. Он растерянно смотрел на девушку, которую ему представлял мальчик, не зная, что говорить и как себя вести. Кэрол поймала на себе его

ошеломленный взгляд, и лишь пожала плечом. Тим девушке понравился, она сразу это поняла. Кэрол заметила, с каким затаенным восторгом она разглядывает его фигуру, а уже за столом — сильные мускулистые руки и мощные плечи. Тори пыталась поймать его взгляд, но он, встречаясь с ней глазами, упрямо их отводил. А сам пытался поймать взгляд Кэрол, надеясь, что она ему поможет и подскажет, как вести себя в этой ситуации, но ни подсказки, ни помощи от Кэрол он так и не дождался. Он пытался не показать, но Кэрол поняла, что он злится, сердится, крайне недовольный выходкой Патрика. Тори тоже это почувствовала и приуныла. Тим был с ней вежлив, приветлив, но от него веяло холодом, который он слишком хорошо умел напускать. Кэрол хорошо было знакомо это явление, она на себе его испытала. Ужин прошел в напряжении. Патрик хмурился, сердито косясь на Тима.

— Ты проводишь Тори домой? Уж темно, — настойчиво спросил он, все еще не теряя надежду.

Тим молча кивнул. Кэрол ни во что не вмешивалась.

Когда Тим и Тори ушли, Патрик взорвался.

— Он охреневший сукин сын! Что ему не так? Она даже мне нравится!

— Я не знаю, Рик. Мне кажется, дело не в ней. Она действительно очень милая девушка. Он рассердился, что ты ему устроил ловушку. Он не был готов, растерялся. Ты же сам видел. А еще он очень замкнутый, не умеет общаться с девушками. А ты его взял и вот так сразу к стенке припер! Вот он и рассердился.

— Но я же хотел, как лучше. Если бы я ему сказал, он ни за что бы не согласился. Сколько раз я ему предлагал, он все время отказывается.

— Все равно ты не должен так поступать, Рик. Он взрослый парень, пусть сам разбирается со своей жизнью, не хорошо вот так бесцеремонно и нагло вмешиваться.

— Ну и ладно! Кому он нужен такой, не парень а бука, самая настоящая! Пусть и дальше ходит один, раз такой, — обиделся Патрик.

Кэрол промолчала, убирая со стола. Патрик задумчиво наблюдал за ней.

— Но ведь он все-таки пошел ее провожать, — в его голосе вдруг опять появилась надежда. — Если он рассердился на меня, она-то ни при чем, ни в чем не виновата. Значит, понравилась, раз не отказался ее проводить. Может, еще все получится, как считаешь, мам?

— Надеюсь, — улыбнулась Кэрол.

Узнав обо всем, Исса только расхохотался. И услужливо предложил другу свою помощь, пообещав вытащить из щекотливой ситуации. Проводив Тори домой, Тим не решился ее отвергнуть, не найдя для того веских причин и понимая, что тем самым поставит Патрика в неудобную ситуацию, посрамив перед учительницей и, возможно, всей школой. И расположение Патрика ему терять не хотелось. Он договорился с учительницей о свидании, но на него пошел Исса под предлогом того, чтобы предупредить, что Тим заболел и не сможет прийти. И пока Тим «болел», Исса благополучно увел у него девушку, приняв на себя весь гнев Патрика. Учительница тоже потеряла его расположение. А Тим вздохнул с облегчением. Патрик просил его не расстраиваться, послать к чертям своего друга-предателя, и пообещал найти ему другую девушку, еще лучше. Тиму пришлось сказать, чтобы мальчик от него отстал, что уже есть девушка, которая ему очень нравится. Тогда мальчишка стал приставать с просьбой привести ее к ним и познакомить. Тим на время отвязался от него, сказав, что он пока еще не предложил ей встречаться, что пока еще приглядывается к ней.

— Вот настырный твой пацан, кого хочешь достанет, — пожаловался он Кэрол.

— Он хочет тебе помочь.

— Его об этом никто не просит.

— Но девушку он хорошую тебе нашел, с этим не поспоришь.

— Да, Исса доволен.

— А разве тебе самому она не понравилась? Почему не захотел? Ты ей понравился.

Он удивленно повернулся к ней.

— Не понял... ты что, хочешь от меня избавиться?

— Нет, но... она свободна, у нее нет детей и кучи всяких проблем... Ты мог бы с ней встречаться, как положено, по нормальному. Не как со мной, украдкой, прячась. Ведь тебе же это не нравится.

— Не нравится. Но мне нравишься ты. Нравишься больше чем все, что мне не нравится. И я терпеть не могу, когда меня пытаются с кем-нибудь свести. Меня это бесит. Даже Исса уже этого не делает, хотя когда-то тоже пытался. Я не маленький, нечего за меня решать.

Кэрол этого не показала, но она была очень рада, что он все-таки предпочел ее. А Тиму даже в голову не пришло, что она могла подумать, что он может ее бросить ради этой девушки. Самой обыкновенной, ничем не примечательной девушки, тогда как Кэрол в его глазах была самой прекрасной и роскошной женщиной в его жизни, его давняя мечта, в осуществление которой он до сих пор боялся поверить. Она приняла его таким, какой он есть, он видел, чувствовал, что действительно нравится ей, по-настоящему, что она находит его привлекательным и не лукавит в этом. Никогда ни с одной девушкой у него не было таких отношений, как с ней. Он ощущал ее искренность. Она была с ним очень нежной, ласковой, внимательной, если, конечно, не сердилась. Хоть она и не впускала его в свою семью в статусе своего мужчины, но все равно, не смотря на это, их отношения были настоящими, каких у него ни с кем еще не было. И в постели тоже. Она дала ему то, что ему не хватало, о чем он мечтал — настоящие чувства, настоящую страсть. Любовь. И он был счастлив, как никогда еще не был. И против воли он ей все-таки раскрылся, даже в постели. Привыкший к холодному равнодушному сексу с проститутками, он пьянел от ощущения того, что женщина охвачена страстью и удовольствием, безумно от этого возбуждаясь, даже не догадываясь раньше, что охваченное наслаждением женское тело может доставлять ему такое удовольствие, такую радость, делать его таким счастливым. Ему это нравилось. Нравилось доставлять женщине удовольствие. Вернее, ей. Потому что раньше в нем таких стремлений не было. Он ненавидел женщин, и его всегда интересовали только собственные ощущения, а на все остальное было глубоко наплевать. И уж тем более, он не собирался заморачиваться тем, чтобы доставлять кому-то удовольствие. Да и не кому было. У него никогда не было девушки. Не проституткам же. Но теперь все было иначе. Теперь у него была женщина. Его женщина, только его. И ему очень хотелось ей нравиться, во всем. И особенно в постели. Он понял, что она намного более искушена в сексе, чем он, сначала его это смутило, испугало, но она никак не давала почувствовать, что чем-то недовольна, что ей что-то не нравится. И постепенно он начал расслабляться, подчинившись и позволив ей себя учить, тем более, делала она это ненавязчиво, мягко, деликатно, ничем не задевая его мужского самолюбия. И Тим хотел стать ей таким любовником, как ей требовалось, чтобы она не сбежала от него к другому. Такому, как Рэй. Почему-то к нему Тим ревновал ее намного больше, чем к мужу. Может, потому что не мог понять, что она испытывает к этому человеку, не знал, что за отношения между ними были и есть сейчас. Она открыто заявляла о

своей неприязни к мужу, и в нее легко можно было поверить после всего, что между ними произошло. Но тема о Рэе была почему-то под запретом, она категорично отказывалась об этом говорить. И никакой неприязни к нему Тим в ней не видел. Даже негатива не видел. Она хорошо к нему относилась. Слишком хорошо, Тим это чувствовал. И это ему категорично не нравилось. Как и то, что Рэй знал о том, что она жива, что делал попытки влезть в ее жизнь. Что у них были дети. Что его так любил Патрик. Ох, чувствовал он, что этот плейбой так просто от нее не отвяжется. Но Тим успокаивал себя тем, что если он только сунется, он сразу устранил эту проблему, не позволив ей даже появиться. Это он умел. Так что лучше этому красавчику оставаться там, где он есть сейчас. Тим готов был разорвать любого, кто покусится на его долгожданную любовь, на его женщину. Но все это были всего лишь его страхи, возможно, не обоснованные, он и сам это понимал. Чего бы там не хотел этот Рэй, это не важно, главное, что хотела Кэрол. А если бы она хотела с ним поддерживать любовную связь, она бы ее поддерживала, хотя бы пока по телефону, если они так уж боятся, что их выследит Рэндэл. Но она ясно сказала, что оставила Рэя в той жизни, и в эту его пускать не собиралась. Значит, она не любит его, он ей не нужен, не смотря на общих детей. Успокоившись таким образом, Тим почувствовал себя уверенней и еще более счастливым. Никакой угрозы не было, Кэрол была с ним, потому что сама этого хотела, он ей нравился, и из всех только его одного она впустила в свою новую жизнь. Наверное, это что-то да значит.

Он перестал лезть к ней с расспросами, и они больше не ссорились.

Они жили рядом, виделись каждый день. Они почти жили у нее, она смирилась с этим, готовила теперь всегда и на них, кормила их, как членов своей семьи. Все расходы на продукты они взяли на себя. Каждый день Кэрол оставляла на холодильнике список того, что нужно купить, и один из них ездил и все покупал. Постепенно этим стал заниматься только Тим. И помощь Кэрол по дому тоже постепенно перешла на него. Он незаметно и постепенно все больше вклинивался в их семью. Он пытался во всем помогать не только Кэрол, но и Патрику. Единственное, на что не распространялась его помощь — это малыши. Он боялся их как огня, не умел с ними управляться, да и не проявлял такого желания. Кэрол могла его попросить о чем угодно, кроме того, чтобы присмотреть за близнецами или в чем-то ей с ними помочь. Здесь Тим был совершенно беспомощен. Но Кэрол и не просила его, сразу поняв, что он не может и не хочет. Она не навязывала ему своих малышей, тем более видя, что он к ним так и не потеплел. Ему нравился Патрик, он с удовольствием с ним общался, чему-то учил, но к малышам проявлял неприятную для Кэрол холодность. Она старалась на это не обижаться и не обращать внимания, видя за таким отношением к близнецам самую обыкновенную ревность. Ревность и неприязнь к их отцу. И к тому, что у нее с ним было. Бедные ее лисята. Никто не хочет их любить, потому что они были детьми Рэя. Даже Патрик, наверное, перестал бы их любить, узнай он об этом. Она даст Тиму время. Если он планирует и дальше быть с ней, ему все равно придется поменять свое отношение к мальчикам. Никто не требует, чтобы он их любил, но обижать их своей холодностью и пренебрежением Кэрол ему не позволит.

Втайне от Кэрол Тим начал учить Патрика стрелять. А так же обращаться с холодным оружием. И еще много чему такому, что не понравилось бы Кэрол, но о чем его просил мальчик. Таким образом Тим пытался еще больше завоевать его расположение. Патрик им восхищался, уважал, считал другом, возможно, даже полюбил своим одиноким мальчишеским сердцем. Но готовности и желания принять его в качестве кого-то большего,

чем друга, никогда не проявлял. Но Тима больше не угнетало это, как поначалу. Кэрол была рядом, он был принят в ее семью, пусть под видом друга, но на отношения между ними это никак не влияло. Да, они не жили под одной крышей, не спали в одной постели, не просыпались вместе, вели себя по-дружески в присутствии Патрика, но он все равно практически жил с ними, постоянно ошиваясь у них дома, став чуть ли ни членом семьи. Исса тоже не обделял их своим вниманием, чувствуя себя в их доме так же, как и в своем.

Он мог прийти на обед, а потом спокойно развалиться на диване в гостиной и до вечера глазеть в телевизор, будто тут и жил. Кэрол привыкла, и ничего не имела против. С Иссой у нее были хорошие отношения. Она к нему привыкла и уже не находила таким невыносимым и неприятным. С тех пор, как они поселились рядом, и можно даже сказать, не по соседству, а почти в ее доме, она чувствовала себя в безопасности. И они по-своему облегчали ей жизнь, помогали. Возились с Патриком, снабжали продуктами, устраняли всякие неполадки в доме, и хоть ей теперь и приходилось с готовкой напрягаться больше, чем раньше, но они это сторицей окупали. А Исса за ее стряпню на руках готов был ее носить. Кэрол нравилось, что ее старания у плиты так высоко ими ценились, и она готовила для них с удовольствием, любила их побаловать. А они денег на еду не жалели, потому ей ничего не стоило готовить им роскошные ужины и обеды, когда была выходная. К тому же они никогда не отказывались помочь ей на кухне, когда она приходила с работы, чистили, резали, покорно выполняя ее команды, и таким образом ужин готовился намного быстрее. Так же дружно потом убрали и мыли. Видимо понимали, что если взвалит все на нее одну, ее надолго не хватит, любая женщина взвоят, если помимо трех детей ей на шею еще двое взрослых мужиков сядут, которые едят в три раза больше, чем обычные люди. А так как им нравилось, как она их кормила, они вовсе не хотели, чтобы эта лавочка прикрылась, поэтому всячески старались сделать так, чтобы желания их кормить у нее не пропало.

Дженни благополучно набиралась сил в пансионате. Раз в неделю, по субботам, Кэрол и Патрик к ней ездили. С каждым их визитом девушка выглядела все прекраснее и здоровее. Один раз с ними напросился и Тим. Он захотел познакомиться с девочкой, узнав о том, что она теперь член семьи Кэрол. Последняя рассказала ему, не утаивая, кто такая Дженни и почему она взяла над ней опеку. Каждый раз они привозили Дженни подарки, которые вручал Патрик. Мальчик с нетерпением ждал, когда Дженни уже придет жить к ним. Он рассказывал девочке об их доме, и ее комнате, о том, какие вещи они для нее накупили. Кэрол тоже ждала момента, когда Дженни сможет покинуть пансионат и станет жить с ними. Она уже свыклась с этой мыслью и была к этому моменту готова. Разве что волновалась, будет ли счастлива девочка в их семье и сможет ли она, Кэрол, позаботиться о ней должным образом. Ответственность была велика. Слишком велика. Но Кэрол взяла ее на себя и была полна решимости сделать эту милую девочку счастливой. Дженни тоже постепенно свыкалась с тем, что у нее теперь новая семья, которой стали эти совершенно чужие для нее люди. Пребывание в пансионате дало время и ей, и им свыкнуться с этим, принять, подготовиться к тому, чтобы начать вместе жить. Они узнавали друг друга все лучше, привыкали. Дженни все еще побаивалась жить с чужими людьми, в чужой семье, но уже ждала этого, и даже хотела. Ей нравилась Кэрол, Дженни украдкой всегда ее разглядывала, восхищаясь ее красотой и безупречностью, тем, как она выглядела, как одевалась, красилась, укладывала великолепные сияющие темные волосы, роскошными локонами струящиеся до самой талии. Дженни видела и чувствовала, что Кэрол хорошо к ней относится, что искренне хочет о ней позаботиться и помочь. Она подарила ей жизнь.

Если бы не эта женщина, взявшаяся неизвестно откуда, ее бы уже наверняка не было на этом свете. Девочку переполняла благодарность. Она знала, что у нее есть еще двое малышей, и ей не терпелось на них посмотреть. Дженни любила детей, особенно совсем маленьких. И ее радовало, что в новой семье есть малыши. Она будет их нянчить, как нянчила своего братика и сестренку в семье своей тети, пока у нее были на это силы.

Друга их семьи, который пришел с ними ее навестить, она восприняла, как парня Кэрол. Сначала ее шокировало то, что он был со шрамами и что такая красавица, как Кэрол, с ним встречалась, но потом, когда первый шок прошел, Дженни нашла его даже красивым. Он тоже ей понравился. Он был не очень общительным, но приветливым. А еще ее удивило, как долго и внимательно он разглядывал фото ее папы, которое стояло у кровати на тумбочке, совершенно не проявив интереса к фотографии ее матери. Взяв рамку в руки, он изучал лицо на снимке, пока остальные, не обращая на него внимания, разговаривали между собой. Но это не ускользнуло от внимания и Дженни, и Кэрол.

— Вы знали моего папу?

Тим оторвал взгляд от фотографии и поднял голову.

— Нет, — он поставил рамку на место и, поймав взгляд Кэрол, пожал плечами. — Лицо показалось знакомым. Вот... пытался вспомнить.

Выкрутившись таким образом, он пытался больше не обращать внимание на фотографию. Он сразу понял, что это Мэтт. Он никогда раньше не видел его фото, у Кэрол дома их не было. По крайней мере, на видном месте. Может, и были, но напоказ она их не выставляла. Вот кого по-настоящему любила Кэрол, единственный мужчина, которого она любила всю жизнь, как говорила ему Даяна, и всегда будет любить. Сестра говорила, что он был красивый, но все равно Тим был неприятно удивлен, увидев его. Как же выглядит он в глазах Кэрол со своим уродством на фоне такого, как Мэтт, или как Рэй? Он никогда не говорил с Кэрол о Мэтте, он особо его не интересовал, потому что был уже покойником, но сейчас он вдруг почувствовал ревность к нему. Он вдруг вспомнил слова Даяны, и они отозвались болью в его ревнивом израненном сердце. Видимо, Даяна все-таки была права, Мэтт действительно очень много значил для Кэрол, раз она спасла его дочь и забрала ее себе, чужую и больную, собираясь о ней заботиться, как о своем ребенке, когда своих было трое. Это как надо любить мужчину, чтобы это сделать ради него.

Дженни ему понравилась. А вот то, что она была дочерью Мэтта — нет. Кэрол окружила себя детьми трех мужчин из своей жизни. Двух мужей и любовника. Пусть Дженни была не ее, но она была дочерью ее первого мужа. Тим не понимал, зачем ей это нужно. Зачем родила от Рэя, зачем заботилась о дочери Мэтта. Но он держал все это при себе, потому что не хотел сердить Кэрол. Ей не нравилось, когда ей задавали вопросы, а еще больше — когда пытались вмешаться в ее жизнь. Тим чувствовал в ней какую-то непреклонную твердость, которая его немного удивляла. «Или так, как нужно мне, или никак» — вот какая у нее теперь была логика. Она жила только по своим каким-то правилам, уже привыкшая сама распоряжаться своей жизнью и принимать решения. Она встречалась с ним, хорошо к нему относилась, но права влиять на ее решения или вообще на что-то в ее жизни он за собой пока не ощущал. Она ему их не давала. Впрочем, они еще слишком мало были вместе, только начали встречаться, поэтому его это не очень пока задевало. Она была осторожна. Она впустила его в свою постель, но было заметно, что в свою жизнь впускать опять мужчину она опасается. Он не давил. Ему некуда было спешить. Она многое пережила. Смерть одного мужа, предательство другого. Про Рэя он ничего не

знал, но был уверен, что и эти воспоминания для нее не из приятных. Она просто боится. Боли, разочарования. Боится не меньше него, он это понял. Оба они боялись.

— Ты очень любила Мэтта? — не удержался он после визита к Дженни.

Кэрол устремила на него спокойный взгляд, и он понял, что вопрос о Мэтте ей не неприятен, он не напрягает ее, как вопросы о других мужчинах в ее жизни.

— Да, очень, — кивнула она.

— Поэтому ты заботишься о его дочери?

— Конечно. А еще потому, что я убила ее мать.

Тим не стал больше спрашивать. Он знал о том, что она когда-то убила какую-то женщину, Даяна рассказывала, знал, что это была первая жена Мэтта. О причинах, заставивших Кэрол совершить этот поступок, он не знал, Даяна толком не смогла объяснить, потому что сама не знала. Сказала, что та пришла к Кэрол зачем-то, и они поссорились, в результате чего Кэрол проломила ей голову. Как Тим ни старался, он не мог себе представить, чтобы Кэрол могла это сделать. Она казалась такой нежной, беззащитной женщиной. Он знал, что от тюрьмы ее спас Рэндэл, что она отделалась всего лишь лечением в психиатрическом госпитале. Он надеялся, что со временем получит ответы на все свои вопросы, что Кэрол ему расскажет. Все. Только нельзя на нее давить, он это понял. И он не давил больше. Ничего он так еще не боялся в своей жизни, как сейчас боялся ее потерять. Их отношения, любовь, стали для него самым важным. Потому что они позволяли ему ощущать себя полноценным мужчиной, таким, как все, потому что рядом с ней он забывал о своих шрамах, он их больше не стеснялся. Потому что он был счастлив, как никогда.

Если он и задавал вопросы, то делал это теперь осторожно, ненавязчиво, как бы между прочим. Например, после визита в пансионат, он вдруг задумался, откуда Кэрол берет деньги на оплату пребывания в этом месте Дженни. На новый дом, намного просторней и лучше того, в котором она жила раньше. На новые вещи для Дженни. Неужели она столько зарабатывает? Когда он спросил у нее о зарплате, она не ответила ничего определенного, типа «хватает на жизнь». Тогда он попросил Иссу узнать. И Исса узнал.

— Где ты берешь деньги? — прямо спросил после этого у нее Тим, сердце которого ныло от неприятной догадки.

— У меня доля в компании Куртни. Рэй мне пересылает немного от ее прибыли.

Тим побледнел.

— Ты берешь у него деньги?

— Я беру свои деньги. То, что завещала мне Куртни. У Патрика там тоже доля, но его капитал Рэй копит по моей просьбе. А в чем дело? — Кэрол смерила его ледяным взглядом.

— Это правда? То, что это не его деньги, что они принадлежат тебе, а он их просто тебе отсылает?

— Конечно. Спроси у Патрика, если не веришь, он в курсе.

— Хорошо. Я верю, — Тим кивнул и улыбнулся, видя, что она сердится на его недоверчивость. На его ревность и подозрительность. На этом разговор был окончен.

Как-то вечером, когда они после ужина сидели все в гостиной и смотрели фильм, зазвонил телефон.

Исса с упаковкой пива, которую достал из холодильника, как раз походил мимо телефона. Протянув руку, он на ходу подхватил трубку и поднес к уху.

— Слушаю! — несколько секунд помолчав, он устремил взгляд на Кэрол, которая

повернулась к нему. — Ясноглазая, тебя. Мужик какой-то. А ты кто? — бесцеремонно сказал он в трубку, перехватив взгляд Тима.

— Я сама разберусь, Исса, дай трубку, — Кэрол подскочила.

— Уверена? А то я могу послать его...

— Я сама могу, если надо, — Кэрол отобрала у него трубку. — Алло!

— Привет, малыш. Прости, кажется, я не вовремя, — услышала она в трубке, и сердце ее подскочило, тяжело забившись в груди.

— Привет! — отозвалась она охрипшим голосом, невольно улыбнувшись. — Ничего, все в порядке.

— Я просто хотел узнать, как вы. Я с улицы звоню, не бойся, не отследят, если что.

— У нас все хорошо. Как ты?

— Рэй! — догадался Патрик, радостно подскочив, и закричал. — Рэй, привет!

Он подбежал к Кэрол и протянул руки к трубке, которую та ему передала.

— Ты чего так давно нам не звонил? Сердишься? Или из-за того, что мама не разрешает? Так с улицы же можно, папа не просечет. Звони, хотя бы мне! Мне так много надо тебе рассказать! Дженни скоро к нам уже приедет. Представляешь? Мы ей такую комнату забабахали классную! И купили много всяких вещей... Ладно, поговори с мамой, только потом не клади трубку, я с тобой буду разговаривать, — мальчик отдал трубку Кэрол. — Не запрещай ему звонить, мам. С улицы папа не отследит.

Кэрол ничего ему не ответила и пошла с трубкой в соседнюю комнату.

— Только не клади трубку, не забудь! — сказал ей вслед Патрик и вернулся к телевизору. Тим проводил Кэрол тяжелым взглядом.

— Ясноглазая? — ухмыльнулся Рэй в трубку. — Это твой парень? Кто он по национальности? Почему имя такое — Исса?

— Нет, это не мой парень. Это его друг, — ответила Кэрол.

— Почему его друг берет трубку в твоём доме? Что у тебя там происходит? У вас что, любовный треугольник?

— Сам ты треугольник, Рэй! Мы просто все вместе смотрим фильм.

— Он приходит к тебе со своим другом? У него с головой нет проблем? В постель он друга тоже тащит?

— Рэй, прекрати! Я не буду с тобой разговаривать!

— Ладно, уже прекратил.

— Кстати, Рик считает, что он просто наш друг, и Исса — тоже. Так что не проболтайся, пожалуйста.

— Понятно. Не беспокойся. Рассказывай, как ваши дела? Как ты? Как Патрик? Не хулиганит?

— Так... немного, — у Кэрол перед глазами всплыл окровавленный труп в гостиной, но она тут же отогнала страшное видение прочь.

— Неприятности с ним есть? Бьет кого-нибудь?

— Нет, уж не бьет.

«Уже не бьет. Убивает».

— Что-то не нравится мне, как ты это говоришь. Я беспокоюсь о нем. Рассказывай, я хочу все знать. Что он вытворяет?

— Рэй, он ничего такого не вытворяет. Прости, я не могу сейчас долго разговаривать.

— Ладно, в другой раз поговорим. Не можешь со мной говорить, — голос его

наполнился горечью. — Из-за какого-то парня... Ладно, чего я обижаюсь, я всегда был для тебя пустым местом. А сейчас — так тем более.

— Рэй... это не так.

— Ладно, малыш. Я все понимаю. Зови Рика, у него всегда для меня минутка найдется. Пока! — он чмокнул губами в трубку, а Кэрол, выйдя из комнаты, позвала Патрика. Тот подскочил и, выхватив у нее трубку, умчался делиться своими секретами со старым другом.

Кэрол растерянно остановилась под прицелом глаз Тима и Иссы.

— Проверю лисят, — сказала она и спряталась от них в детской, чтобы взять себя в руки и не выдать того, как она расстроена. Присев у кровати, она подавлено опустила голову на руки. Ей не хотелось возвращаться сейчас в гостиную. Хотелось побыть одной. Но она встала и, нацепив маску равнодушия, вышла из комнаты.

— Все в порядке? — первый спросил Исса, пристально ее разглядывая.

— Да, — кивнула Кэрол, и, открыв банку с пивом, отхлебнула.

— Что он хотел? — как мог непринужденно поинтересовался Тим, пытаясь скрыть свою ревность и ярость.

— Просто спросить, как наши дела. Он волнуется.

— А послать на хрен ты его не пробовала? — Исса не отрывал от нее взгляда.

Кэрол перехватила его, лицо ее резко ожесточилось.

— Он этого ничем не заслужил.

— Он твой бывший любовник. Этого не достаточно? — прохрипел Тим.

— Моим любовником он был всего несколько дней. Все остальное время он был моей семьей. Он спас меня от матери. Если бы он меня не забрал, меня бы уже не было. Он дал мне другую жизнь, он заботился обо мне с тех пор, как мне было тринадцать. Мы совершили ошибку. Но эта ошибка не может перечеркнуть все годы, что нас связывали.

— Еще как может, ясноглазая. Не надо перед нами дурочку наивную разыгрывать. Ты с ним спала, у вас дети. Все остальное уже не важно.

— Это не вам решать, что важно, а что нет, — жестко отрезала Кэрол. — И вашего мнения я не спрашивала. Вы ничего не знаете ни обо мне, ни о моей жизни. Так что не лезьте. Он звонит очень редко и только затем, чтобы узнать, все ли у нас в порядке. И все. Можете думать, что хотите, но сейчас он только человек, который меня вырастил, которому я благодарна, и который мне дорог только поэтому. И звонит он только как этот человек, а не как бывший любовник. Ясно?

Она перевела угрожающий взгляд на Тима.

— Ясно?

Тот молча кивнул.

— Вот и хорошо. Тогда давайте смотреть кино. Я ценю вас и нашу дружбу, но, пожалуйста, не делайте так, чтобы она начинала меня напрягать, и мне захотелось бы от нее избавиться.

— Да, избавляться от того, что тебя напрягает, ты умеешь, — усмехнулся Исса. — От мужа, от любовника, даже от всей жизни. Нет, ясноглазая, от нас тебе избавляться не придется. Мы будем паиньками, обещаю. Без домашнего питания я уже не проживу.

— Так женись, в чем проблема? И будет тебе домашнее питание, и все остальное, — улыбнулась Кэрол, немного расслабившись.

— Как раз-таки «все остальное» меня и не устраивает. Я свободный парень, а жены любят командовать, загонять в какие-то рамки, что-то постоянно требовать. Нет, я так не

хочу. Поэтому я буду холить и лелеять тебя, чтобы ты меня кормила, а мозги выносила моему другу, а не мне.

Кэрол засмеялась. Исса приобнял ее за плечи и вдруг поцеловал в густые волосы.

— Бог с ним, с этим твоим папочкой, лишь бы к тебе не лез. Если он иногда звонит и просто спрашивает, как дела, это еще можно стерпеть. Да, дружище? Да? — он пнул Тима в плечо кулаком.

— Да, — глухо отозвался он.

— Мама, ну что ты решила с Мэттом? Он хочет уйти. Долго ты его еще мучить будешь? Отпусти его.

Кэрол устремила на сына мученический взгляд.

— Я пытаюсь. У меня не получается.

— Потому что ты думаешь о себе и о своих обидах. Подумай о нем. Ведь ты же любишь его. Сделай это ради него. Забудь о своих чувствах, о себе. Думай только о нем, и том, что этим ты делаешь лучше ему. Вы еще будете вместе, в другом мире, а сейчас отпусти его.

Кэрол подавленно промолчала.

Патрик выбежал из комнаты и вернулся с урной в руках. Протянув руки, он вручил ее Кэрол.

— Я присмотрю за лисятами. А ты поезжай. На набережную. И отпусти его.

Кэрол прижала урну к сердцу. Опустив голову, она коснулась щекой холодной поверхности. Она так привыкла, чтобы эта урна всегда была с ней. Словно сам Мэтт. На глаза ее выступили слезы.

— Ты должна это сделать, мам. Для него.

— Хорошо.

Поставив урну, она оделась. Уже у двери она столкнулась с Тимом.

— Ты куда? — поинтересовался он и с изумлением уставился на урну в ее руках. — Что это?

— Это... это Мэтт. Мне нужно уехать. Я скоро вернусь.

— Ты плакала? Что-то случилось? Я с тобой поеду.

— Нет, Тим. Побудь с детьми, раз пришел, я не хочу оставлять их одних. Патрик сам присмотрит за лисятами, просто побудь тут, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ну, ладно...

Тим проводил ее недоуменным взглядом, наблюдая, как она села в машину и, осторожно поставив свою странную ношу на сиденье рядом, завела мотор, прогревая. Когда она уехала, он закрыл дверь и, скинув ботинки, прошел в гостиную.

— Куда это она? — спросил он у Патрика.

— На набережную.

— Зачем?

— Отпустить Мэтта, — мальчик отвернулся, но Тим успел заметить слезы в его глазах. Это его поразило. Это был не мальчишка, а настоящий дьяволенок. Что же могло его заставить заплакать?

— А почему вы плачете? Я ничего не понимаю.

— Я так привык к нему, мне будет его не хватать. И маме тоже. Но мы должны его отпустить. Так надо.

— Но это всего лишь пепел. Его давно нет.

— Нет, он здесь. Он с нами был все время. Мама не может его видеть, а я могу. Я с ним общаюсь. И мне его будет не хватать. Он стал моим другом. Он мне всегда подсказывал, предупреждал об опасности, если я сам ее не видел. Без него будет плохо.

Тим не отрывал от него неподвижного взгляда, пытаясь понять, прикалывается над ним этот хулиган или говорит серьезно.

— Он больше не хочет быть с нами. Ему нужно уйти.

— Какой он, этот Мэтт? — осторожно спросил Тим.

— Он хороший. Добрый. В нем нет совсем никакого зла, ничего плохого. После смерти он очистился, от своей болезни, от безумия. От крови. Он больше не сумасшедший.

— Он был сумасшедшим?

— Да. Но его душа чиста. Она такая светлая. Я вижу. Это несправедливо, что он здесь застрял. Не справедливо, что не может попасть на небеса. Он проклят. Проклят людьми, и родственниками убитых девочек. Проклят сам собой. И, ко всему, еще и самоубийца. Те убийства он совершал в безумии, он не виноват, но себя он убил в здравом рассудке. Этот грех ему не простят. Как не может простить моя мама.

— Разве он не погиб в аварии?

— Нет. Он застрелился после того, как напал на маму. Думал, что убил ее. То, что он с ней сделал... было ужасно, конечно. Он любил ее, и не смог себе этого простить. Он обещал ей, что убьет любого, кто причинит ей вред. Вот и сдержал слово. Только мама не сердилась на него, она его простила. А вот того, что он себя убил — не может простить. Она не понимает, что у него все равно не было выбора. Мой папа любил ее, он бы все равно ее отобрал. А его бы отправил в психушку.

— Вот как. Я этого не знал. Даяна мне не рассказывала.

— Потому что она сама ничего не знала. Мама не захотела ей ничего рассказывать, и правильно сделала. Она была плохой подругой. Предательницей, — Патрик зло поджал губы. — Мама ее любила.

— Не надо винить ее одну. Да, она плохо поступила. Я ее не оправдываю. Но твой папа поступил еще хуже. Даяна в него влюбилась. Когда человек сильно кого-то любит, он может терять голову. Я понимаю, это плохое оправдание, но все-таки оно есть, это любовь. Любовь может быть сильнее самого человека. Может заставлять его совершать плохие поступки, которые он бы не хотел совершать. А вот какое оправдание у твоего отца? Он-то Даяну не любил. Она ничего для него не значила. Он любил твою маму, как я понимаю. Каково было твоей маме, когда она узнала, что он изменяет ей с единственной подругой? Он ее предал, сделал очень больно. Просто так, забавы ради.

— Знаю! — резко ответил Патрик, зло поджав губы. — Я... сердит на него за это. Но он мой папа, и я все равно его люблю. И мама его любит. И она простила бы его, мы бы могли жить дальше все вместе.

— Но ведь вы сбежали от него. И не хотите к нему возвращаться.

— Да, но не поэтому! Не из-за тети Даяны, конечно! Мы бы его простили, потому что он нас все равно любит.

— Тогда почему?

— Так надо. Мы не можем жить с ним. Нам нельзя.

— Почему?

— Это наша тайна. Я не могу тебе ее открыть, извини. Хоть ты и наш друг. Я могу тебе рассказать обо всем, что попросишь. Но не об этом. Никогда не спрашивай. Ни у меня, ни у

мамы. Да ты и не хочешь об этом знать. Потому что если узнаешь, ты захочешь от нас уйти. Бросишь нас. И мы опять останемся одни.

В голосе мальчика послышалась такая печаль, что Тим расчувствовался.

— Нет, Рик. Я не брошу вас, никогда.

— Тебе придется. Чтобы сохранить свою жизнь.

Тим ничего не понял, в замешательстве смотря на него.

— Мы с мамой всегда будем одни. Мы обречены на это.

— Что за ерунду ты говоришь? Объясни мне. Я ничего не понимаю.

— Я не могу. Я не хочу, чтобы ты ушел. И Исса. Я скажу потом, когда придет время.

Когда оно начнет к вам подбираться. А пока еще вы можете быть с нами. Не переживай. Я обязательно скажу, когда придет время. Я не хочу, чтобы вы умерли. Может, к тому времени я разберусь, как вас защитить, как с этим справиться. И вам не придется от нас бежать.

Кэрол стояла у воды и с тоской разглядывала спокойную гладь океана, прижимая урну к груди. Холодный ветер трепал ее волосы, и она дрожала от холода. Сердце ее болело, но она заставила себя открыть урну дрожащими руками и медленно перевернуть ее вверх дном. Ветер мгновенно подхватил легкий пепел, унеся его прочь от берега, куда-то в море.

— Я отпускаю тебя, — прошептала она. — Я прощаю тебя. Иди, Мэтт, мой любимый ты свободен. Я позабочусь о твоей Дженни.

— Не грусти обо мне, котенок. Мы еще свидимся. И будем вместе. Прости меня. Прости за боль, которую тебе причинил.

Ошеломленная, Кэрол повернула голову. И увидела его. Он стоял рядом, молодой и красивый, такой, каким она увидела его впервые.

— Мэ-этт, — тихо завывала она.

— Не плачь, не надо больше. Отпусти свою боль. Отпусти ее вместе со мной. Позволь мне ее забрать. Помни обо мне, но без слез, без боли. Помни только о том, как мы были счастливы, как любили друг друга. Только о хорошем. Мы не вместе, но это только в этом мире. Когда-нибудь ты придешь ко мне снова. Я буду тебя ждать. Я люблю тебя, мой котенок. До встречи.

— Я приду. Я обязательно приду. До встречи, любимый. Я тоже тебя люблю. Всегда буду любить.

— Я знаю. Всегда знал.

Он исчез. А Кэрол, опустившись на корточки, уткнулась лицом в урну и безутешно рыдалась.

— Это в последний раз. Обещаю, последний, — шептала она. — Я больше не буду плакать. Я отпускаю тебя. Отпускаю.

Домой она вернулась опустошенная и обессиленная.

— Mam, получилось? — подскочив к ней, Патик взял ее за руку и заглянул в покрасневшие от слез глаза.

— Да. Я думаю, что да, — присев, она обняла его, прижав к груди. — Я увидела его. Я говорила с ним. Он ушел.

— Это хорошо. Все теперь хорошо, мам. Не грусти. Так надо было. Ему так лучше.

Кэрол кивнула и подняла взгляд на подошедшего Тима.

— Все в порядке? — спросил он, разглядывая ее заплаканное лицо.

— Да. Все хорошо, — она улыбнулась ему. — Пойдемте, я вас покормлю. Вы, наверное, проголодались. А Исса придет на ужин?

— Нет, у него сегодня свидание.

— Тогда пошли, — взяв за руку Патрика, она другой ладонью стиснула кисть Тима и повела их на кухню.

— Я не буду есть, мне на тренировку. Я принесу лисят! — мальчик вырвался и побежал в детскую, где малыши играли в манеже.

— Я могу отвезти его, — предложил Тим. — А потом приду и поужинаем.

— Хорошо, спасибо, — Кэрол нежно ему улыбнулась. — Тогда я пока покормлю лисят.

Тим отвез Патрика на тренировку и вернулся. Малыши сидели в манеже, смотря мультики на экране телевизора, пока Кэрол накрывала на стол. Тим задумчиво наблюдал за ней, расположившись на диване. Близнецы вдруг задрались, не поделив игрушку. Кэрол подбежала к манежу и наклонилась.

— А ну-ка, нельзя драться! Вам что, игрушек мало? Вот, на тебе, эту — тебе. Вот так играйте.

Она выпрямилась. Тим вдруг схватил ее за талию и притянул к себе, заставляя упасть к нему на колени.

Кэрол, увернувшись от его страстных поцелуев, попыталась встать.

— Тим, ты же знаешь, что дома нельзя... Мы должны быть осторожны.

— Он на тренировке. Я заберу его оттуда только через два часа. Почему нет? — он не выпустил ее, наоборот, опрокинул на спину, уложив на диван. — Нам и так редко удается побыть вместе...

Он распахнул ее блузку и стал целовать грудь. Кэрол закрыла глаза и выгнулась. Задрав юбку, Тим погладил ее бедро. И вдруг комнату пронзил громкий яростный вопль. Дернувшись, Кэрол распахнула глаза и застыла от ужаса, увидев Патрика. Тим, оторвавшись от нее, быстро выпрямился и обернулся. Кэрол, покраснев до корней волос, одной рукой стиснула на груди полочки блузки, прикрыв грудь, другой быстро одернула юбку.

— Шлюха! — завопил мальчик. — А ты... ты предатель! Я считал тебя другом! Пошел вон!

Лицо его, искаженное яростью, было страшным. Кэрол и Тим не пошевелились, растерявшись от неожиданности, не зная, как себя вести.

— Предатели! Я все расскажу папе, он тебя убьет! — Патрик ткнул пальцем в Тима, потом в мать. — И тебя пусть убьет! Я хочу, чтобы ты сдохла!

Прежде чем они успели что-нибудь сказать, он развернулся и выскочил на улицу.

— Рик! — закричала Кэрол, отталкивая Тима и вскакивая на ноги. Выскочив на улицу, она растерянно огляделась. — Рик!!! Вернись!

Но его уже и след простыл.

Вернувшись в дом, она устремила на Тима наполненные ужасом глаза.

— Боже мой... он убежал...

— Он вернется. Не переживай, — Тим поднялся и подошел к ней.

— Ты что, не запер дверь?

— Не помню... Прости, наверное, я забыл.

— Забыл?!

— Он не должен был вернуться. Мы договорились, что я приеду за ним через два

часа, — оправдывался Тим.

Кэрол упала на стул и, закрыв лицо ладонями, согнулась пополам. Тим присел рядом и погладил ее по голове.

— Прости меня... я сейчас поеду и найду его. Я все объясню... Я привезу его домой...

— Уходи, — слабым голосом выдавила Кэрол. — Найди его. Верни его. А потом... потом между нами все кончено.

— Но, Кэрол... почему?

— Потому что он теперь знает. А это значит, что я больше не могу с тобой встречаться.

— Мы ему все объясним. Что мы любим друг друга.

— Бесполезно, ничего ты ему не объяснишь. Он признает только одну любовь — любовь к его отцу.

— Его отец тебе изменял! А ты должна теперь всю жизнь быть одна, чтобы хранить ему верность? Этого он от тебя требует?

— Да. Именно этого.

— Но он не имеет право. Даже то, что он твой сын, не дает ему такое право. Он не может решать за тебя, распоряжаться твоей жизнью. Ты взрослый человек, а он всего лишь ребенок. И ты не должна ему позволять.

— Я просила тебя об одном, только об одном — чтобы мой сын об этом не узнал! Просила быть осторожным! Теперь он ненавидит меня. Презирает. Уходи! Я и так опозорилась перед своим сыном, и больше позориться не собираюсь!

— Позор? Вот что для тебя наши отношения — позор?

— Позор — это когда сын застал тебя в объятиях другого мужчины, когда ты клялась ему в любви к его отцу! Позор, когда сын видит, как его матери задирают юбку, а она позволяет! Да, это позор! Для меня! Потому что мне так стыдно... мне никогда не было так стыдно...

Она снова спрятала лицо, уткнувшись в колени.

— Все будет хорошо. Я с ним поговорю. Только не плачь. Пожалуйста. Я не могу видеть твои слезы.

— Так не смотри!

Резко встав, Кэрол подхватила детей и ушла в детскую. Тим проводил ее встревоженным взглядом. Потом накинул куртку, обулся и, подозвав коротким свистом Спайка, побежал по поиски несносного мальчишки.

Но Спайк потерял его след уже через два квартала, у дороги, где мальчишка сел в такси и уехал в неизвестном направлении.

Они искали его два дня, и пока безуспешно. Кэрол порывалась позвонить в полицию, но Исса каждый раз отговаривал ее, обещая, что найдет его.

— Нам не нужна здесь полиция, ясноглазая. Ни нам, ни тебе. Не паникуй. Никуда он не денется. Я найду его, слово даю. Я и не таких из под земли доставал, а он всего лишь мальчишка. Никуда он от меня не денется. Я переверну верх дном весь город, но найду его. Дай мне время.

— А если он поехал к Джеку?

— Он ребенок. Он убежал с одной спортивной сумкой. Он не сможет покинуть город. Ни на самолете, ни на каком другом виде транспорта.

— О, вы его не знаете! Он уже это делал и не раз! Как, думаете, он помешал вам в

покушениях на Джека? Он сбегал из дома, оставляя мне записки, чтобы не волновалась, а сам ездил спасать отца. Ему кто-то помогал. Кто — я так и не узнала!

— А я узнаю. Даже не сомневайся. Сиди дома и просто жди. Я все улажу.

— Проверьте Джека. Рик очень разозлился. Он действительно может быть там.

— Я этим займусь. Слетаю и посмотрю, — сказал Тим.

— Хорошо, — Исса кивнул. — Вылетай ближайшим рейсом. Сразу же позвони, как узнаешь. Да осторожнее, не засветись перед Рэндэлом, у этого говнюка глаза на затылке и чутье, как у собаки.

Тим улетел, Исса тоже ушел продолжать поиски, Кэрол осталась одна дома с детьми. Сообщив на работу, что у нее пропал ребенок, она взяла за свой счет отпуск, и, сходя с ума от волнения, ждала новостей от Иссы или Тима. Она не боялась, что с Патриком может случиться беда. Он не пропадет. Она боялась, что они не найдут его, и он не вернется сам. А еще то, что он сделает, как грозился — пойдет к отцу. В своей обиде Патрик был так же беспощаден, как и Джек.

Тим два дня провел в Сан-Франциско, разнюхивая, там ли мальчишка. Но он его не нашел. Ни у Рэндэла, ни у Рэя, ни даже у деда, Джорджа Рэндэла. Все спокойно занимались своими делами. Рэндэл тоже не производил впечатления человека, к которому с того света вдруг вернулся сын.

Позвонив Кэрол, а потом Иссе, Тим полетел обратно.

Первым делом он решил зайти к Кэрол. Он очень переживал из-за того, что она решила порвать их отношения, из-за ее холодности и отстраненности, которая росла с каждым днем вместе с ее отчаянием. Она сердилась на него. Но он совсем не готов был ее потерять, да еще так глупо, из-за какого-то своенравного мальчишки. Он любил ее, любил всем своим израненным сердцем, и признал эту любовь перед самим собой, хоть никогда не говорил о ней Кэрол, не находя пока в себе достаточно мужества, чтобы произнести слова об этой любви вслух. Страх быть отвергнутым никуда не делся, он все еще жил в нем. И теперь он был еще сильнее.

Он подошел к двери ее дома и поднял руку, чтобы постучать, но вдруг расслышал надрывный детский плач. Оба малыша плакали так, как он никогда еще не слышал, и он сразу понял, что что-то не так. Он рванул дверь и удивился тому, что она не заперта. Кэрол всегда запирала двери. Влетев в дом, он, не разуваясь, бросился вперед, на голоса детей в детской.

— Кэрол!

Забежав в детскую, он увидел рыдающих в своих кроватках малышей. В нос ударил резкий запах мочи и испражнений. Окинув взглядом малышей, он увидел, что они оба мокрые и измазанные собственным говном.

Он отшатнулся. Малыши, узнав его, завопили пуще прежнего и, поднявшись на маленькие ножки, стали тянуть к нему руки.

— Сейчас... подождите... — растерянно пробормотал Тим. — Кэрол!!!

Он выскочил из комнаты и оббежал весь дом, как мог громко звал ее, напрягая свои поврежденные голосовые связки. Напрасно. Кэрол нигде не было. Она пропала.

Они нашли няню, которая присматривала за детьми Кэрол. Но это не решило проблему. Девушка вымыла детей, надела им подгузники, покормила, но заявила, что не может все время присматривать за ними. Вечером она должна возвращаться домой, выходные она занята. За дополнительное вознаграждение она согласилась побыть с детьми пару дней и ночей, пока растерявшиеся друзья пропавшей Кэрол не найдут ей замену. Или не вернуть мать.

После недолгих размышлений, они приняли решение. Исса узнал номер телефона. Тим позвонил сам.

Трубку взяла женщина, пожилая, судя по голосу.

— Здравствуйте. Мне нужен Рэй.

— Его нет дома. Что передать?

— Скажите ему, чтобы перезвонил, срочно, тому, кому он звонит только с телефонной будки на улице. Он поймет. Только скажите, это очень важно и очень срочно. Если вы можете с ним связаться сейчас, свяжитесь и скажите ему это.

— Он звонит с телефонной будки только... — женщина поколебалась, потом не выдержала и прошептала. — Что-то случилось с Кэрол?

— Да.

— Что случилось? Что с моей девочкой? — испугалась старуха.

— Пусть Рэй позвонит, — Тим положил трубку, не собираясь объясняться с этой женщиной. Наверное, это Дороти, его домработница.

Пока ждали звонка, они обсуждали свои дальнейшие действия после того, как избавятся от малышек, которые связывали им руки, но которых они не могли бросить.

Телефон зазвонил через полчаса. Тим взял трубку.

— Да?

— Добрый вечер. Сандру позовите, пожалуйста.

— Я бы с удовольствием, но не могу. Рэй?

— Да, это я. Она просила меня позвонить.

— Не она. Это я.

На мгновение в трубке воцарилась тишина. Тим терпеливо ждал.

— Что случилось? — голос на том конце провода прозвучал глухо и испуганно. — Кто вы?

— Я Нол, ее парень. Дело в том, что Кэрол пропала.

— Как пропала? Когда?

— Сегодня.

— Ты уверен?

— Да, черт возьми, я уверен! Ее похитили прямо из дома!

— Откуда ты знаешь? Ты видел?

— Нет, меня не было. Но я знаю. Я говорил с ней утром, она еще была дома, а когда приехал вечером, она пропала.

— А Патрик? С ним все в порядке?

— Патрик сбежал четыре дня назад. Я как раз занимался его поисками.

— Сбежал? Почему?

— Рассердился, когда узнал... что мы с Кэрол не просто друзья.

— Так может она отправилась на его поиски?

— Нет. Ее похитили.

— Почему ты так уверен?

— Потому что, когда я пришел, ее дети орали, как резанные, все в говне и моче, голодные и напуганные, одни. По-твоему, она могла бросить детей на целый день и уйти, даже не заперев за собой дверь?

— Не могла... Каких детей?

— Которых ты должен приехать и немедленно забрать. Сам с ними нянчись, я понятия не имею, что с ними делать, а няня отказывается за ними смотреть, я уломал ее только на пару дней. Так что давай, поднимай свою задницу и дуй сюда. Я должен искать Кэрол, а не подгузники им менять! Ты слышишь меня?

— Да.

— Так что? Ты заберешь своих пацанов? Ты что там, оглох? Кэрол нужна помощь, ты что, не понимаешь? Это ненадолго, не умрешь. Я найду ее, и тогда она их заберет.

— Хорошо. Я вылетаю ближайшим рейсом. Говори адрес.

Вздыхнув с облегчением, Тим назвал ему адрес.

— Смотри, осторожнее, чтобы Рэндэл не увязался! Хотя, я предполагаю, что исчезновение Кэрол — его рук дело. Патрик грозился рассказать все отцу.

— Да, скорее всего.

— Ты знаешь еще кого-то, кто мог иметь отношение к ее исчезновению?

— Нет. Хотя я мало что знаю о ее теперешней жизни. Оказывается, вообще ничего не знаю. Мы только недавно начали общаться, изредка. Но она ничего мне не рассказывает. Я поговорю с Касевесом. Она всегда с ним поддерживала связь. Я узнаю, что смогу. А ты сам? Вы же встречаетесь? Ты должен быть больше в курсе, чем я.

— Я не знаю никого, кроме Рэндэла, кто мог бы ее похитить.

— Я тоже.

— Ладно, я сам разберусь.

— Но я хочу помочь. Кэрол... очень много для меня значит.

— Я в курсе. Ты поможешь, если заберешь своих детей, чтобы я мог заняться делом. В остальном без тебя справлюсь. Поторопись. Я тебя жду!

Тим бросил трубку.

А Рэй, положив трубку, застыл в кресле, слишком пораженный, чтобы вот так сразу осознать то, что только что узнал. Дороти мялась у двери, встревожено смотря на него.

— Что? Что случилось? — не выдержала она.

Он устремил на нее ошеломленный взгляд.

— Собирайся, Дороти. Мы летим в Нью-Йорк. Сейчас. Кэрол пропала.

— Мы летим ее искать? Но, наверное, это Рэндэл...

— Да, больше некому.

— Но, не понимаю... зачем мы летим в Нью-Йорк?

— За детьми.

— Какими детьми?

— Моими детьми. У меня есть дети, Дороти. Оказывается.

— Как дети? Откуда?

— Это дети Кэрол. И, как я только что узнал, мои.

— Боже мой!

— Собирайся, Дороти, нужно лететь. Я пока закажу билеты. И позвоню Касевесу, задам ему пару вопросов. Вот старый негодяй! Сейчас он получит! — Рэй снова схватил трубку, все еще не придя в себя от удивления и затрудняясь поверить в то, что только что узнал. Может, этот парень над ним прикололся? Или решил устроить какую-то ловушку? Его голос показался Рэю странно знакомым. Он ломал голову, но не мог вспомнить, где уже его слышал и кому он принадлежал.

Стук в дверь разбудил Тима. Он спал на диване в гостиной, Исса со Спайком уже улетел в Сан-Франциско на поиски Кэрол, уверенный, что она у Рэндэла. Протирая глаза, Тим поднялся и пошел открывать. Выглянув в глазок, он включил свет, так как было еще темно, хотя комната уже светлела в предрассветных сумерках. Открыв дверь, он отступил назад, пропуская гостей.

— Ты! — выдохнул Рэй пораженно.

— Ага. Я. Привет. Спасибо, что так быстро приехал. А это кто? Няньку захватил? Правильно.

— Это Дороти.

— Здравствуйте, — приветливо кивнул Тим. — Ваша помощь нам не помешает. Спасибо, что приехали. Вы умеете управляться с детьми?

— Разберусь, — деловито отозвалась женщина. — Уж лучше вас, мужчин, справлюсь.

— Ну и слава богу. А то я тут чуть с ума не сошел.

— Где они? — взволнованно спросил Рэй.

— Спят еще. В детской. С няней, — Тим кивнул в сторону детской комнаты. — Раздевайтесь.

Рэй торопливо стащил куртку и ботинки, не отрывая глаз от двери, на которую показал Тим.

— Можно мне взглянуть на них?

— Да, только тихо, не разбуди. Всю ночь плакали. Чувствуют, что мамы нет, — Тим грустно вздохнул, отводя наполнившееся болью и тревогой глаза. — Я поставлю чайник. Потом мне нужно будет уйти. Мой друг уже занимается поисками Кэрол, а я вынужден торчать здесь.

Тим отправился на кухню, зевая, а Рэй подошел к детской и осторожно приоткрыл дверь. В комнате горел ночник, освещая все вокруг мягким светом. Увидев две кровати, он застыл на месте. Дороти нетерпеливо подтолкнула его в спину. На цыпочках подойдя к кроваткам, он остановился между ними и заглянул сначала в одну, потом в другую.

— Боже мой... — прошептал он чуть слышно и, обернувшись к Дороти, расплылся в широкой счастливой улыбке. Та подошла к нему и тоже заглянула в кровати.

— Какие хорошенькие! Какие маленькие! — она прижала ладонь к сердцу и тоже улыбнулась.

Они замерли, разглядывая малышей, мирно спящих в своих кроватках.

На диване у окна спала молодая девушка.

— Они такие... одинаковые! — прошептал Рэй изумленно.

— Пресвятая Дева... как они на тебя похожи!

— Правда? — Рэй устремил на нее горящие восторгом глаза, потом наклонился ниже, разглядывая маленькие личики. — Да... кажется, похожи... Они мои... Дороти, ущипни меня. Поверить не могу. Это мои сыновья! Вчера я был совсем один... а сегодня у меня уже есть дети... Даже не один, а два сына! Мне кажется, я сплю...

— Не спишь.

— Ах, Кэрол! — он обескуражено покачал головой.

— Пойдем, пусть спят, — Дороти отвернулась и направилась к двери.

— Нет, я еще посмотрю... побуду с ними. Ты иди, отдохни. Я тут побуду.

Дороти кивнула, ласково посмотрев на него.

— Поздравляю, Рэй. — она коснулась его плеча. — У тебя прекрасные малыши!

Он кинул. Губы его снова растянулись в счастливой улыбке, и он переключил внимание на детей, не в силах от них оторваться. Он так и стоял, любуясь ими, пока в комнату не заглянул Тим, сделав знак выйти. С трудом оторвав взгляд от малышей, Рэй вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь.

— Здесь вам лучше не задерживаться. Забирай детей и поскорее сваливай. И лучше держи их подальше от Рэндэла. Кэрол очень боялась, что он может им навредить, если узнает.

— Поэтому она мне ничего о них не сказала? — со скрытой обидой предположил Рэй.

Тим удивленно уставился на него.

— Что? — не понял Рэй.

— Разве ты о них не знал?

— Нет, конечно.

— Черт... похоже, мне хорошо влетит от Кэрол, — Тим в замешательстве потрепал волосы на затылке. — Я был уверен, что ты в курсе. Вы же, как вроде, общались.

— Немного. Она ничего мне не сказала.

— Значит, на то были причины. Мне жаль, что пришлось раскрыть тебе ее тайну, но у меня все равно не было другого выхода. Я не могу оставить их на чужих людей. Надеюсь, она это поймет и простит меня.

— А я надеюсь, что не нет, — усмехнулся Рэй, не отрывая взгляда от его лица.

Тим сразу поменялся в лице и резко схватил его за рубашку одной рукой.

— Послушай, ты... заруби себе на носу, она теперь моя женщина. Только сунешься, я убью тебя. Ты ей не нужен. Ты — всего лишь ошибка, о которой она очень жалеет. Она сама так говорит. А детей этих она родила только потому, что ей нельзя делать аборты. Так что не обольщайся! Она сбежала от тебя, скрыла этих детей, и Рэндэл тут ни при чем. Она просто хотела, чтобы ты от нее отстал. Вот в чем причина! Ты ей не нужен.

— Убери руки, — спокойно проговорил Рэй, не отводя вызывающего взгляда.

— Смотри, я предупредил. Повторять не буду. Забирай своих детей и вали отсюда.

— Ладно, не кипятись. Я пошутил. Вспыльчивый какой! — Рэй хмыкнул. — Для меня главное, чтобы Кэрол была счастлива.

Он вздохнул.

— Так и знал, что она опять куда-нибудь вляпается! Вот непутевая! Опять спуталась с убийцей!

— А сам-то ты кто? Забыл, как собирался пришить ее мужа?

— Собирался, — Рэй внимательно изучал его взглядом. — И как же так получилось, что вы теперь вместе? Ты знал, что она не погибла? Она с тобой сбежала?

— Нет. Не знал. Мы случайно встретились.

— Когда?

— Какая тебе разница? Это не важно. Важно то, что теперь она моя. И я никому ее не отдам. Понял?

— Любишь ее?

Тим напряженно замер, потом вдруг смутился и отвел взгляд, слегка кивнув в ответ.

— Ты уверен, что сможешь ее найти? Может, стоит обратиться в полицию?

— Нет, в полицию точно не стоит. Она наверняка у Рэндэла. Мы найдем ее, пришьем этого ублюдка, и больше ей не придется бояться и прятаться. Как ты считаешь... он может ей навредить? Ты же его знаешь.

Рэй поймал его взгляд, в котором разглядел страдание и страх.

— Боюсь, может. Хотя, если Патрик все-таки у него... может, и нет. Я не знаю. Он ее любил. Я не знаю, как он поступит, если она окажется у него в руках, если узнает, что она жива. Может, он настолько ее любит, что обрадуется и простит. А может, расправится и не пожалеет, как с Даяной.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что если он смог убить Даяну, то сможет и Кэрол.

— Что ты знаешь о смерти Даяны? Это он ее убил?

Рэй всмотрелся в его напряженное лицо.

— А ты еще в этом сомневаешься? — он усмехнулся. — Люди, которых он приставил следить за мной, разбили мне нос, и заставили какую-то шлюху мне отсосать и собрать мою сперму... а потом и моя кровь, и сперма были обнаружены на теле Даяны. Сами они туда по воздуху долетели, что ли? Он убил ее, свалил все на меня, чтобы, когда меня обвинили, Кэрол вернулась к нему, чтобы меня спасти.

— Кэрол убедила меня, что это не он. Значит, она мне соврала? Зачем?

— Его защищала. Она всегда его защищала, не смотря ни на что. Никогда не мог понять, почему, — Рэй пожал плечами. — Этот мерзавец как будто заколдовал ее, мне всегда так казалось. У него над ней какая-то странная власть всегда была... А может, она просто его любит.

— Но ведь она от него сбежала.

— Ну и что? Сбежала, не значит, что разлюбила. Ты, приятель, похоже, совсем не разбираешься в женщинах.

Рэй отвернулся, чтобы приунывший парень не заметил его злорадную улыбку, которую он не смог сдержать.

— Так что, если она все-таки у Рэндэла, прежде чем убивать его, убедись, что они не помирились. Если Патрик у него, если он забрал Кэрол... кто знает? Она сбежала от него, потому что боялась. Если он ее простит, возможно, она передумает и не захочет больше от него уходить, — Рэй еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, видя, как бледнеет от его слов этот громила, не догадываясь, что он просто над ним издевается. — Ты тут с ума сходишь от переживаний, а она, возможно, уже и думать о тебе забыла. Одно из двух — либо он ее сейчас убивает, либо делает с ней кое-что другое. Какой вариант тебя бы больше устроил?

Тим схватил его за рубашку и с рычанием оттолкнул. Наткнувшись на кресло, Рэй в него упал и, не выдержав, рассмеялся.

— Похоже, никакой! Так надо было лучше приглядывать за своей девушкой, прошляпил — чего теперь беситься?

На самом деле исчезновение Кэрол Рэй вовсе не находил смешным, его сердце сжималось от ужаса и муки, и он уже подключил Касевеса, а тот — свои связи, чтобы начать поиски. Он не верил в то, что говорил этому парню, про Рэндэла и его примирение с Кэрол, если она в его руках. Он был уверен, что Кэрол в беде, что ей нужна помощь. Но искушение позлить этого парня было слишком велико... Когда Рэй смотрел на него, у него в глазах темнело от ревности и гнева. Он и без того страдал, узнав, что у нее появился парень. А увидев, что ее парнем был этот влюбленный киллер, о котором он уже и не вспоминал, подумал, что с ним удар случится. Ох, недаром тогда этот парень его так беспокоил, чувствовало его сердце... И этот наглый мальчишка еще смел с ним так разговаривать, хватать руками, угрожать! Интересно, что сказала бы на это сама Кэрол, услышь она угрозы и слова этого парня. Рэй сжал зубы, испепеляя его взглядом, охваченный порывом наброситься на него и разорвать на куски...

— Эй, вы чего это тут? — в комнату вбежала Дороти. — А ну-ка, успокойтесь, оба! Детей разбудите, напугаете! Такая беда, Кэрол пропала, а вы драки устраиваете, как не стыдно!

— Все в порядке, Дороти, ничего мы не устраиваем, — успокоил ее Рэй, поднимаясь с кресла.

— Ключи в дверях. Запрете дом, оставьте под крыльцом. Документы на детей я положил в гостиной на журнальном столике, — отвернувшись, Тим вышел, все еще тяжело дыша от ярости. Рэй проводил его неприязненным взглядом.

— Чего сцепились? — упрекнула Дороти. — Он здоровый какой, отлупил бы тебя, как бы детей домой повезли?

— Это еще не известно, кто кого бы отлупил!

— Известно! Да он тебя один пальцем зашибет! Забыл, что он сделал с Джеком Рэндэлом? Живого места на нем не оставил! Успокойся, Рэй! Хватит! Ты теперь отец, и в первую очередь должен думать о своих детях, а не о том, что тебе хочется кому-то морду набить! Не надрался еще за всю жизнь, что ли?

— Ладно, Дороти, не бурчи, — примирительно отозвался Рэй, остывая. — Просто этот... Квазимодо хренов меня ужасно бесит.

— Да ну? Даже спрашивать не буду, почему. Пора тебе уже успокоиться и смириться. Кэрол не твоя.

— Моя. Только сама этого не понимает.

— Это ты не понимаешь, что до добра тебя это не доведет. Отступишься.

— Знаешь, кто этот парень? Наемный убийца. Я же говорил ей не связываться с ним. Опять она меня не послушала!

— Так тем более! Куда ты тогда лезешь? Нашел, с кем сцепиться! С ума сошел, что ли?

— Да уж, своей смертью я точно не умру, — невесело усмехнулся Рэй.

— Если не образумишься — то да. А у тебя дети! Теперь ты о них должен думать! И, прежде чем в следующий раз затевать драки с наемными убийцами, подумай сначала о них.

Рэй промолчал.

— Ладно, я пойду в спальню, прилягу. Ты тоже вздремни, пока дети не проснулись.

Рэй послушно расположился на диване в гостиной, но спать не собирался. И сам не заметил, как все-таки уснул. Его разбудили детские голоса. Подскочив, он протер глаза. В комнату вошла девушка и, увидев его, удивленно остановилась.

— Здравствуйте! — Рэй поднялся с дивана и улыбнулся.

— Здравствуйте! Вы, должно быть, папа? Нол мне говорил, что вы должны приехать за детьми.

— Да... папа, — с трепетом в груди проговорил он, словно пробуя на вкус это слово. Он папа. С ума сойти.

— Я Гвен, — девушка протянула руку, пристально изучая его взглядом. — Ну да, они на вас похожи. А то, знаете, Сандра никогда не говорила об их отце, я думала, он умер, вообще-то. Она говорила, что вдова. Когда Нол сказал, что приедет их отец, я... засомневалась... Знаете, я все-таки няня, а Сандра потом вернется, что я ей скажу? Что отдала детей какому-то мужику, которого первый раз видела?

— Я понимаю, — Рэй взял ее за руку и пожал. — Рэй Мэтчисон.

— Но теперь я вижу, что вы и вправду их отец. Вы очень похожи. А вы не знаете, что могло случиться с Сандрой? Ее правда кто-то похитил? Полиция уже ищет?

— Да, конечно.

— Но ведь с ней все будет в порядке? Она мне нравилась.

— Я думаю, все будет хорошо.

— А Нол?...

— Он уехал.

— Хорошо. Я покормлю детей, потом соберу их вещи...

— А можно я посмотрю? Ну... как и что нужно делать. Я... совершенно не умею обращаться с такими малышами. Я привез с собой помощницу, Дороти. Мы очень будем вам благодарны, если вы нам все покажете и расскажете.

— Вообще-то, у меня мало времени...

— Прошу вас, — Рэй вытащил из кармана пятьсот долларов и положил на столик. Взгляд девушки задержался на банкноте, потом поднялся на него.

— Конечно! — она расплылась в улыбке. — Пойдемте. Я их уже передела, теперь будем их кормить.

Рэй кивнул и пошел за ней. Подхватив малыша, Гвен вручила его Рэю. Тот осторожно его взял неуверенными дрожащими руками и замер, когда малыш недоуменно уставился на него огромными синими глазами.

— Привет, — тихо и ласково сказал ему Рэй и улыбнулся. — Я папа.

Мальчик настороженно разглядывал его лицо, нахмурившись. Сердце Рэя сжалось, когда он подумал, что ребенок сейчас испугается его и заплачет. Но тот вдруг улыбнулся и взмахнул ручкой, стукнув его по плечу погремушкой, зажатой в крохотном кулачке. Рэй расслабился, почувствовав себя невероятно счастливым.

Гвен тем временем взяла на руки второго малыша и поднесла к Рэю.

— Смотри, это твой папа! — сказала она мальчику, который тоже разглядывал его.

— А кто из них Крис, а кто Джеймс? — Рэй тоже изучал малышей, переводя взгляд с одного на другого.

— Вы держите Джейми.

— А как вы их различаете?

— У Криса на ножке есть родинка. А у Джейми нет.

— Что же, мне все время заглядывать им в штаны, чтобы понять, кто из них кто? — растерялся Рэй.

Гвен засмеялась.

— Вы привыкните. На самом деле они различаются, вы сами потом увидите, и уже не

будете путать.

— Различаются? — Рэй беспомощно переводил взгляд с одного на другого. — Боже... я не вижу. Я буду их все время путать!

Бережно прижимая ребенка к груди, он пошел следом за няней на кухню. Там они посадили детей на стульчики.

— Обязательно их пристегивайте, они могут упасть, — напутствовала Гвен.

— Чем вы их кормите?

В этот момент на кухню вошла Дороти и, увидев малышкой, умиленно сложила руки у груди.

— Ой, это кто здесь такой пухленький и сладкий? — наклонившись, она одновременно погладила малышкой по головкам. — Мои маленькие, мои хорошие. Я бабушка Дороти.

Один из малышкой застучал ложкой по столу. Второй, повторяя за ним, тоже.

— Дороти... ты уверена, что мы с тобой справимся? — с затаенным ужасом прошептал ей Рэй, поддавшись панике. — Гвен, а вы можете полететь с нами? Я вам хорошо заплачу. Сколько скажете. Хотя бы на несколько дней, умоляю вас!

— Куда? — опешила девушка.

— Я живу в Сан-Франциско.

— О, это так далеко...

— Я понимаю. Тысяча долларов. Плюс расходы на дорогу и питание. Всего несколько дней, и я вас отпущу.

— Две тысячи.

— Договорились! — Рэй вздохнул с облегчением.

Девушка радостно подпрыгнула, захлопав в ладоши.

— Я никогда не была в Калифорнии! Там сейчас тепло, да?

— Да уже теплее, чем здесь, у вас, — Рэй засмеялся.

— О, мои подруги лопнут от зависти! Калифорния плюс две тысячи баксов в придачу!

Дороти недовольно поджала губы, но промолчала. Она понимала, что Рэй принял правильное решение, позвав девушку с ними, дети ее знали, и она прекрасно умела с ними управляться. Но она уже представляла, как они будут подбирать для детей другую няню, и уже составляла в уме список требований к ней. А эту вертихвостку отправят домой. Такая няня не нужна. Тем более, Дороти совсем не понравилось, как она разглядывала Рэя, пока он с улыбкой кормил с ложечки детей, с нескрываемым удовольствием предаваясь этому новому для него занятию. Наблюдая за ним, девушка не удержалась от любопытства.

— Первый раз вижу, чтобы мужчина так радовался, возясь с детьми. Почему же вы не приезжали к ним раньше, если так любите?

— До вчерашнего дня я о них не знал.

Девушка пораженно присвистнула.

— Ого! Видать, крепко вы поссорились с Сандрой, раз она вам о них не сказала!

Рэй промолчал, не имея никакого желания обсуждать это с ней. Не дождавшись ответа, та продолжила:

— А, наверное, у вас есть жена?

— Нет.

— Тогда ничего не понимаю... — нахмурилась девушка. — Вы бросили Сандру, получается?

— Нет, наоборот, — с неохотой ответил Рэй, скрывая свое раздражение.

— Но почему? Вы такой... в общем, неплохой. Сразу видно. Она что, бросила вас из-за Нола?

Терпение Рэя лопнуло. Он готов был потерпеть эту девицу, ради детей, но, похоже, лучше сразу поставить ее на место.

— Гвен, — спокойно, не выдавая своего раздражения, сказал он, посмотрев ей в глаза, — вы можете начать собираться. Я докормлю мальчиков, у меня, вроде, неплохо получается. Как считаете?

— У вас отлично получается! — девушка ободряюще хлопнула его по плечу. — Вы будете супер-папой, зуб даю!

— Спасибо, — улыбнулся Рэй.

— Мы найдем другую няню, — процедила сквозь зубы Дороти, когда она ушла.

Рэй усмехнулся и молча кивнул.

Позже, когда Гвен убежала за своими вещами, уложив малышкой спать, а Дороти тоже прилегла в детской, охраняя их сон, Рэй прошелся по дому, разглядывая все. Вокруг был небольшой беспорядок, Гвен объяснила, что это Нол и Исса все перерыли, пытаясь найти среди вещей Кэрол хоть какую-нибудь зацепку о том, куда она могла пропасть, узнать побольше о ней и ее жизни. Они даже привели какого-то парня, который вскрыл сейф. Но нашли там лишь какие-то старые журналы и фотографии ее первого мужа, которые она прятала, пару тысяч наличными, да новые документы на другие имена для нее и детей. В кладовой нашли упакованные чемоданы с вещами. Но Тим о них знал, поэтому особого интереса они у него не вызвали. Эти чемоданы были собраны на случай, если придется быстро бежать. У нее все к этому было подготовлено. Включая новые документы и наличные деньги. А Рэю это сказало о том, в каком страхе жила Кэрол все это время. Фигурки Патрика привели его в восторг, особенно когда в одной из них он узнал себя, хоть у той и не было лица. Он снял ее с полки и положил в свою сумку. Патрик сделает себе еще, а эту он возьмет себе. Долго разглядывал он фотографии Кэрол и детей, с удивлением обнаружив, что она теперь красила волосы в темный цвет. Не меньшее удивление у него вызвал Патрик, слишком уж сильно повзрослев с тех пор, как он видел его в последний раз. Мальчишка рос не по дням, а по часам. И явно не выглядел на свой возраст, намного обгоняя.

Он решил взять себе несколько фотографий, Патрика, малышкой и одну, где они были все вместе с Кэрол. А потом вытащил из рамки фото Кэрол, где она была одна. И с удивлением заметил, как из рамки выпала еще одна фотография, которая была спрятана под ее фото. Наклонившись, он подобрал ее с пола и перевернул, чтобы посмотреть, что такого там прятала Кэрол. И замер от изумления, увидев на снимке себя, голого, с мыльной пеной вокруг бедер...

Рэй переживал, что в аэропорту при регистрации могут возникнуть проблемы, не смотря на то, что у него были на руках свидетельства о рождении детей. Хоть дети и были похожи на него, но не было ни одного документа, подтверждающего то, что он их отец. Не пожелав рисковать, он арендовал частный самолет. Путь был неблизкий, в самолете им предстояло провести не менее шести часов, преодолеть расстояние более четырех тысяч километров, к тому же Рэй не знал, как перенесут полет малышки. Вопреки его опасениям, полет прошел нормально, дети расплакались только во время взлета и посадки, а все остальное время спокойно спали. Вот так, в комфорте и спокойствии, без посторонних они прилетели в Сан-Франциско.

Их няня, шокированная тем, что они летели в частном самолете, пришла еще в больший восторг, когда они приехали домой. Большой красивый дом с бассейном и теннисным кортом произвел на нее впечатление. Рэй попросил ее составить список того, что необходимо купить, после чего оставил ее дома с детьми и, взяв с собой Дороти, поехал за покупками. У них не было времени подготовиться к приезду малышек. В первую очередь они купили кровати, коляски, стульчики, манеж... Рэй никогда не представлял, сколько, оказывается, всего нужно таким крохотным детям. Он с радостью и восторгом выбирал все это для своих малышек, ему столько всего хотелось им купить, и только эти приятные заботы и хлопоты могли хоть немного отвлечь его от мыслей о Кэрол. Если бы не эти малыши, он бы уже сошел с ума от страха за нее, не зная, где она и что с ней.

Он ждал новостей от Касевеса, но тот пока не звонил. Рэй с трудом подавлял в себе порыв броситься к Рэндэлу и встряхнуть из него, где Кэрол. Но, во-первых, встряхнуть из Рэндэла вряд ли что-то получится, во-вторых, Рэй не настолько был уверен, что он имеет отношение к исчезновению Кэрол, чтобы так рисковать, отрыв ему то, что она жива. А если это не он, а он, Рэй, заявится к нему с требованиями сказать, где Кэрол и что с ней? Нет. Так действовать нельзя. Он решил держать себя в руках и дожидаться, что выяснит Касевес. А чтобы ожидание не было таким невыносимым, он пока займется обустройством своих сыновей. Нужно выделить для них комнату, сделать детскую, обставить ее. Его дети должны чувствовать себя комфортно и ни в чем не нуждаться. А еще заняться поиском няни. В общем, дел по горло.

Дождавшись, когда Рэндэл уедет на работу, а его домработница отправится за продуктами, Исса решил обыскать дом. Рэндэл выстроил высокую ограду и нанял охрану, видимо, все-таки опасаясь за свою жизнь, но эти предосторожности не помешали Иссе проникнуть внутрь. Он прекрасно это умел. В свое время он обчистил не один такой вот богатенький дом, и с оградами, и с сигнализациями и даже с охраной. Обычно, если была охрана, он ее вырубал и связывал, но сейчас не стал этого делать. Он должен был остаться незамеченным, чтобы не встревожить Рэндэла. Со Спайком он тщательно обыскал весь дом, но не нашел никаких следов пребывания ни Патрика, ни Кэрол. Их здесь не было, пес ничего не учуял. Ничего, что могло бы указывать на них и на то, что Рэндэл о них знает.

Это повергло Исса в замешательство. Ладно, совсем не обязательно, что Рэндэл, похитив Кэрол, привез ее прямо в свой дом, он мог держать ее в другом месте. Но вряд ли он стал бы так поступать с сыном. Если бы мальчишка был у него, у Рэндэла не было никаких причин его прятать. От кого и зачем? От них? Если Патрик все ему рассказал, и о них тоже, включая то, что это они за ним охотились и пытались убить... Что ж, вполне возможно, что он мог спрятать и пацана, чтобы они его не похитили. Но ведь выкрасть мальчишку они могли только, чтобы вернуть его Кэрол. А если самой Кэрол нет, то он им на хрен не нужен. Хотя... можно было бы все-таки украсть мальчишку, чтобы заставить Рэндэла отдать им Кэрол. Думая так, Рэндэл вполне мог спрятать и его в безопасное место. В таком случае, остается только следить за ним. Рэндэл не оставит надолго сына, которого так любил, он обязательно поедет к нему, чтобы увидеться.

Исса был на девяносто девять процентов уверен, что Кэрол у Рэндэла. Но оставшийся один процент того, что это не он, тревожил его и не давал покоя. А если все-таки нет? Но тогда кто? Грабители? Кто-то из их с Тимом врагов? Но никто не знал, где они, с тех пор, как начали охоту на Рэндэла, они тщательно скрывались. Даже если так, то зачем им Кэрол?

Исса обыскал весь ее дом и все вокруг него. Ни следов взлома, ни борьбы, никаких записок с угрозами или требованиями. Ничего. Деньги, вещи на месте. Они с Тимом достаточно времени уже провели в ее доме, чтобы понять, пропало из него что-нибудь или нет. Если Кэрол похитили в целях выкупа, то это было странно. Она была одинокой женщиной с тремя детьми, обычной зарплатой, не владела капиталом, если не считать акции в компании Куртни, то есть, теперь уже Мэтчисона. Но Рэй пересылал ей только наличку и анонимно, и от нее почти ничего не оставалось после оплаты счетов из пансионата, где была Дженни, дома и прочих расходов. Если Кэрол что-то и откладывала, то пока это вряд ли были какие-то значительные суммы. Пансионат обходился слишком дорого. Исса вообще не понимал, как можно отваливать столько бабла для абсолютно постороннего человека. Дочь ее первого мужа — ну и что? Это совсем не причина тратить на нее целое состояние, взвалить на свою шею. Кэрол казалась ему немного странной, но он не вмешивался. Смерть ее матери — тоже не причина. Если бы Исса взвалил на себя отпрысков всех, кого убил... Это такая глупость. Он так считал, но свое мнение держал при себе, высказывая его только Тиму. Кэрол не терпела, когда они пытались во что-то вмешаться, и каждый раз жестко ставила их на место, даже Тима. Им это не очень было приятно, но пока они закрывали на это глаза. Девчонка был с характером и далеко не такая покладистая, как могло показаться с первого взгляда. Она не робела перед ними и больше не боялась. Когда Исса задал ей вопрос, почему она их не боится, она устремила на него удивленный спокойный взгляд и ответила, что видала и пострашнее. Казалось, она вообще ничего не боялась в этом мире, кроме своего мужа. То, что они убийцы и преступники, ее, казалось, совсем не смущало. Ни ее, ни ее еще более странного сына. Пацан — это вообще отдельная тема. Возможно, Кэрол еще не поняла, или не хотела понимать, что ее сын — садист и убийца, что рядом с ней растет самый настоящий маньяк, который еще наведет шороху в этом мире. Исса был шокирован убийством Кевина. Все они были шокированы. Он всякое повидал, но чтобы ребенок сделал такое — даже его это потрясло. И это было не первое его убийство. Мальчишка поведал им с Тимом по секрету, что он расправился с их няней, которая узнала, что они — якобы погибшие жена и сын Джека Рэндэла. Мальчик сказал, что у него не было выбора, что он просто защищал их. Но Исса ему не верил. Узнав о том, как умерла няня, он еще больше утвердился в том, что пацан псих и самое настоящее чудовище. Он искромсал свою няню ножом, выпустил ей кишки. А шутка с пультом от телевизора, засунутым в горло — это вообще дикость. Мальчишку следовало бы запереть в психушке, пока не поздно. Но Исса сомневался, что его можно исправить. Когда такое проявляется в таком возрасте, да еще с таким размахом, это врожденное, и это уже не исправишь. Он таким не стал, он таким родился. Он сдохнет в психушке, но не изменится. А лично Иссе пацана было жалко. Он ему нравился, не смотря ни на что. Мальчишка был уникальным. Исса чувствовал в нем такую силу, странную, непонятную, какую никогда не чувствовал ни в одном человеке. И он, и Тим поверили в необычные способности мальчика. Патрик действительно мог видеть то, что не дано было видеть другим. Они не могли это объяснить, но знали, что в мальчишке это есть. Мальчишка рассказывал им, забавляясь, о том, как и кого они убивали когда-то, объясняя это тем, что может общаться с мертвыми. Они его слушали, и Исса впервые ощущал, как на голове его шевелятся волосы. Патрик вызывал в нем смутный необъяснимый страх. Не было никого среди людей, кто мог бы заставить его бояться, а этот мальчишка, такой маленький, которого он мог убить одним ударом кулака, заставлял. Но это был не совсем тот страх. Он боялся не его, а того, что было в нем, того, чего не понимал. Этот ребенок был

необыкновенным, самым настоящим чудом. Может, и чудовищным, плохим, злым, но чудом. Исса никогда не верил в чудо. Да, он ужасался, но почему-то этот мальчик не отталкивал его, не вызывал отвращения или неприязни. Нет. Может быть, потому что он сам был убийцей, «плохим» в понимании людей. Да, они были не совсем одного поля ягоды, он был из той категории, кого называли бандитами, а мальчик попадет в категорию маньяков. Иссе было жаль мальчика. Он видел в нем огромный потенциал, ум, силу, характер. Может, мальчишку еще можно спасти? Направить, например, его склонность к насилию в нужное русло? Сделать из него наемного убийцу? Но наемный убийца должен быть хладнокровен. А хладнокровные чистые убийства вряд ли удовлетворят того, кто находит удовольствие в боли и крови своих жертв. Исса и Тим уже начали внушать мальчику, что такие убийства очень быстро отправят его в камеру смертников. Исса даже принес как-то видеокассету с записями казней и украдкой от Кэрол показал мальчику. На того это произвело сильное впечатление, в глазах Патрика он тогда увидел самый настоящий ужас и страх. По глазам Кэрол они поняли, что она понимала, что происходит с ее сыном, во что он превращается, но, похоже, была растерянна и пока не знала, что с этим делать и как исправлять. В основном Патрик производил впечатление обычного мальчишки, ничем не выдавая своих наклонностей. Если бы не труп Кевина, Исса никогда бы не догадался, что мальчик способен на что-либо подобное. Да, он покушался на них, когда они пытались убить его отца, но это можно было принять только, как за попытку защитить отца. Впрочем, убийство Кевина тоже можно было воспринять, как попытку защитить мать, но почему-то так уже не воспринималось. Не воспринималось, даже если захотеть. Да, пусть он защищал мать, но какой ребенок, защищая мать, так уверенно и спокойно забьет ее обидчика, как скотину на бойне? Он мог позвонить им, и они бы сами расправились с их обидчиком, они, взрослые и умеющие это делать. Но он так не захотел.

Насколько Исса понимал, Тим с Кэрол расставаться не планировал, лишь бы она сама ему не дала под зад, а это значит, что и Кэрол, и Патрик теперь как бы их семья, что ли. У них еще есть время подумать, что делать с пацаном, как помочь. Нельзя допустить, чтобы такой мальчишка пропал и кончил жизнь в тюремной психбольнице или был казнен, как животное. Когда Исса узнал об Элен, он стал воспринимать склонность мальчика к такого рода насилию просто как наследственность и перестал этому удивляться. Тем более, мальчишка не виноват, что его этим наградили. Они с Тимом решили поговорить об этом с Кэрол, чтобы всем вместе заняться этой проблемой, но пока еще медлили с этим, чувствуя, что она еще не готова настолько перед ними открыться и впустить в свою жизнь, к своему ребенку, доверить им эту проблему и его самого. А теперь она пропала. И мальчишка как сквозь землю провалился.

Исса переживал. Он не разобрался еще, нравится ему или нет то, что его это так волнует. Ранее Тим был единственный, к кому он был не равнодушен. Он сам не догадывался, что Кэрол и этот пацан стали для него что-то значить, пока они не пропали. Они ему нравились. Такой чести мало кто удостоивался. И он к ним как вроде уже привык. Поэтому он был полон решимости найти Кэрол. И ее несносного своенравного мальчишку, который почему-то все равно ему нравился, не смотря ни на что.

Он покинул дом Рэндэла также незаметно, как пришел, не оставив никаких следов своего визита.

И продолжал думать. Если это было похищение с целью выкупа, то где тогда какие-либо требования? Если похитители каким-то образом пронюхали, что ее снабжает деньгами Рэй,

значит, они обратятся к нему за выкупом. Был вариант, что кто-то мог узнать, что она жена Джека Рэндэла и похитить ее с целью потребовать что-то от него. У Рэндэла было много врагов. Были ли враги у самой Кэрол, кроме Рэндэла, Исса не знал. Единственный, кто мог что-то об этом рассказать, был Патрик, но, как назло, тот тоже пропал. Связано ли бегство мальчика с исчезновением Кэрол? Если да, то как? Мог ли он сам пожелать отомстить своей матери? Что если он вернулся и просто куда-то ее увел, или позвонил и попросил срочно куда-то прийти, обмануть, сказав, что попал в беду, чтобы она бежала его спасать, и она побежала... но при этом бросила детей, даже не позвонив няне, и не заперла входную дверь? Не логично. Мог ли пацан навредить своей матери? Может быть, она лежит где-то, искромсанная его ножом? Исса не знал, что можно ожидать от этого мальчишки. И есть ли у него жестокости какие-либо границы и пределы. Если окажется, что он убил собственную мать, Исса принял решение, что убьет его собственными руками. Из-под земли достанет и убьет. А Тим этому вряд ли воспротивится.

Тим вскоре присоединился к нему, и Исса поделился с ним всеми своими соображениями. Когда он сказал ему о Патрике, Тим долго молчал.

— Он сказал, что хочет, чтобы она сдохла, — тихо поделился он. — Думаешь, он мог?...

Исса передернул плечами.

— Хрен его знает. От этого пацана у меня всегда мурашки по коже бегали. Если он так разозлился... Я не могу понять, на что он способен.

— Я тоже.

— Свяжись с Мэтчисоном, спроси, не узнал ли он чего, — распорядился Исса. — А пока с Рэндэла глаз спускать не буду.

Тим кивнул.

Слежка за Рэндэлом ничего не дала. Они ничего не выяснили, не продвинулись в своих поисках ни на шаг. Они поддерживали связь с Рэем, обмениваясь информацией, который со своим другом, а также другом Кэрол Касевесом смогли выяснить только одно — что Рэндэл к исчезновению Кэрол и Патрика никакого отношения не имеет. Когда Рэндэл уехал по делам в другой город, люди Касевеса последовали за ним, а Тим с Иссой вернулись в Нью-Йорк, чтобы начать поиски сначала, признав, что пошли по ложному следу. И потеряли время. Тим был в отчаянии, Исса злился. Возвращаясь домой, они оба лелеяли слабую надежду, что найдут там Кэрол, живую и невредимую. Но ее там не было.

Перед отъездом они встретились с Рэем и Касевесом и общими усилиями пытались найти хоть какую-нибудь ниточку, зацепку, кто мог похитить Кэрол. Рэндэл об этом знать не знал, на Рэя тоже никто не вышел из похитителей с какими-либо требованиями. Еще в тот день, когда пропала Кэрол, Исса обошел всех соседей и расспросил. Но никто ничего не видел. Она просто исчезла. Как сквозь землю провалилась. Как и Патрик.

Вернувшись, Исса стал перерывать местный преступный мир, пытаясь что-либо узнать там. Обратился к местным верхушкам. Но и там ничего не знали. Тим тем временем изучал сводки о пропавших женщинах, не исключая возможность, что Кэрол могла стать жертвой какого-нибудь маньяка, никакого отношения к ее прошлой и нынешней жизни не имеющего. Просто маньяка. Она была красивой женщиной, может, привлекла внимание какого-нибудь уроды. Думая об этом, Тим приходил в еще большее отчаяние, еле находя в себе силы, чтобы не впасть в панику, слепую, безумную, которая пыталась его одолеть, и сопротивляться которой становилось все труднее.

Шли дни, но как они не бились, чтобы не делали, они так ничего и не смогли выяснить. Касевес и Рэй тоже ничего не добились. Даже лучшие детективы, нанятые Касевесом и Рэем, не смогли ничего узнать. Мэтчисон впал в отчаяние, и даже дети не могли его теперь утешить в его горе. Детективы продолжали работу, Тим и Исса тоже не сдавались, ломая головы над тем, что делать и где искать. Рэй, не в силах справиться со своим горем, звонил каждый день, чтобы узнать, не выяснили ли они что-нибудь, и однажды не выдержал:

— Давайте подключим Рэндэла. Если он узнает, что она и Патрик живы, он их найдет. Если кто и способен на это, так это он. Даже если он не захочет искать Кэрол, он хотя бы Патрика найдет. Чего мы ждем? Хуже, чем сейчас уже не будет!

— Мы подумаем над этим. Не горячись, Рэй, — ответил ему Тим. — Рэндэл — это крайний вариант.

— Это *единственный* вариант! Мы ничего не смогли! А он сможет! Мы должны их найти, любым способом!

— Хорошо. Мы обдумаем. Только сам ничего не предпринимай. Подумай о своих детях, если на себя самого тебе наплевать. Что будет, когда Рэндэл узнает, что это дети твои и Кэрол?

— Ничего хорошего, думаю, — подавлено отозвался Рэй.

— Да, лучшее, что может быть — они просто останутся без папы. Про худшее я даже думать не хочу. Так что прежде чем привлечь эту акулу, подумай о том, что она всех

растерзает, сколько крови польется, и твоей, и нашей, и Касевеса... и, возможно, Кэрол, если она еще жива...

Произнеся последние слова, он резко замолчал, вдруг испугавшись того, что сейчас сказал. Если она еще жива. Рэй тоже молчал.

— Ради Кэрол я готов рискнуть. Всем.

— Даже своими детьми?

— Он не тронет детей. Они невинны. У него рука не поднимется. Да и зачем?

— Кэрол так не считала.

— Мы должны что-то сделать. Рэндэл — последний шанс.

— Я сказал, мы это обмозгуем. Завтра созвонимся и решим.

— Хорошо, — согласился Рэй.

Напряжение в их отношениях немного спало, объединенные одной целью и общей тревогой, они почти забыли о своей ревности, думая только о том, как найти Кэрол. Сейчас было не до распрей.

Исса был категорично против того, чтобы привлечь к поискам Рэндэла.

— Вы спятили? Да ни за что! С чего вы вообще взяли, что он кинется ее искать? Она его надула, заставила их похоронить — да на его месте я бы убил ее за это. И он убьет. Тогда зачем ему говорить? Даже если он станет ее искать... это все равно, что пустить волка за зайцем, да он, может и найдет, но тут же сожрет. В чем тогда смысл?

— А если не сожрет? Мэтчисон говорит, он ее очень любил.

— Тогда, если она еще жива, и он на самом деле любит ее так, что простит, он заберет ее себе, а тебя убьет. Мне кажется, такой вариант тебя бы не устроил, или я ошибаюсь?

Тим грустно молчал. Потом повернулся к Спайку, который, подскочив с места, подбежал к двери и тявкнул.

Тяжело поднявшись, Тим открыл дверь и выглянул. Пес проскользнул мимо на улицу. Закрыв дверь, Тим вернулся на место.

— Меня не так просто убить, — сказал он. — Пусть сначала попробует. Я ждать не буду. Если он найдет Кэрол, сам его пришью, тут же. Она будет свободна, и мы снова сможем быть вместе.

Исса фыркнул, но задумался.

— Что ж... это можно попробовать. Чтобы он стопроцентно стал искать Кэрол, можно сказать, что Патрик пропал вместе с ней. Тогда он будет ее искать, чтобы найти его. А когда найдет, живую или мертвую, его сразу нужно убрать. Сразу же!

Тим кивнул.

— Хорошо, тогда я согласен. Звони Рэю, пусть свяжется с ним и все расскажет. Не будем терять время.

— Нет, не надо ничего рассказывать папе! И убивать его не надо... пожалуйста... вы же обещали!

Исса и Тим пораженно обернулись на голос Патрика и увидели, что он стоит на пороге комнаты и смотрит на них. Они совершенно не слышали, как он вошел! Рядом с ним, виляя хвостом, стоял Спайк.

— Рик, где ты был? — Тим подскочил.

Мальчик неопределенно пожал плечом.

— Ты знаешь, что мама пропала?

— Да. Я потому и пришел.

— Знаешь? Откуда? — недоверчиво спросил Исса, подозрительно сузив черные глаза. — Ты имеешь к этому отношение? Это твои проделки?

Патрик с удивлением на лице посмотрел на него.

— Нет. Я просто увидел. Ну, как я это умею...

— Она жива? — нетерпеливо перебил Тим.

— Да. Она в плену. У какой-то женщины.

— Почему мы должны тебе верить? — резко и враждебно сказал Исса, поднимаясь с кресла. — Может, ты сговорился со своим папочкой и хочешь заманить нас в ловушку, для него? Может, это ты ее убил, звереныш! А теперь вернулся, чтобы поквитаться с Нолом! Только мы тебя пальцем раздавим, червяк, мы тебе не слабые женщины и не лохи, как Кевин!

Патрик продолжал стоять на пороге комнаты, не решаясь войти и с испугом смотря на Исса.

— Я просто хочу спасти маму. Если не верите... не надо. Тогда я сам...

— Ты же сказал, что расскажешь все отцу, — напомнил Тим, тоже не доверяя мальчику. — Said, что хочешь, чтобы она умерла!

— Нет, я не хочу. Я просто разозлился. Я люблю маму.

— Это все из-за тебя! Если бы мы были здесь, как всегда, с твоей мамой ничего бы не случилось! Пока мы тебя искали, ее похитили! — напал на него Исса.

— Я не знал, что так случится. Почему-то я не увидел... не увидел опасности. Я не знаю, почему. У меня еще не всегда получается... Плохо получается. Еще Мэтт ушел... он мне всегда говорил, если я сам не увидел...

— Что ты знаешь? Рассказывай! — Тим подошел к нему и, взяв за руку, завел в комнату и посадил на диван.

— Это женщина... очень страшная... У нее лицо... — мальчик скривился и передернул плечами от отвращения. — Только в фильмах ужасов с таким лицом сниматься.

— Что у нее с лицом?

— Я не знаю. Оно повреждено, сильно... — Патрик устремил внимательный взгляд на Тима. — Намного сильнее, чем у тебя. И она... очень злая. Я чувствую... какая она злая. Мне страшно, я ее боюсь. Она похожа на монстра из фильмов ужасов. Я таких людей страшных в жизни не видел.

Тим нахмурился.

— Хочешь сказать, что эта женщина и похитила Кэрол?

— Да, это она.

— Ты знаешь, что это за женщина и почему она похитила маму?

— Нет, этого я не знаю. Но я знаю, что она ненавидит маму. Она хочет ее убить.

— Где мама находится?

— Это какое-то темное помещение... небольшое... похоже на подвал... но я не уверен. Там я видел маму.

— Где конкретно, ты можешь сказать? — вмешался Исса, все еще сердито и неприветливо смотря на мальчика.

— Пока нет... я пытаюсь увидеть... О, зря мыпустили Мэтта! Если бы я увидел, где именно, я бы сам ее нашел. А так... вы должны мне помочь!

— Мы тебе, пацан, ничего не должны! — фыркнул Исса.

— Но вы же наши друзья!

— Мы тоже так думали. Но ты собрался награвить на Нола своего отца, чтобы он его убил. Это значит, что никакой ты нам не друг. Даже враг.

— Но он первый начал. Первый предал нашу дружбу. Он притворился, что мамин друг, а сам... сам...

— Но он же не виноват, что влюбился в твою маму. Он не хотел. И мама не виновата, что он тоже ей понравился. У взрослых так бывает, пацан.

— Но она любит папу.

— Конечно, любит. Никто и не спорит. Но вы же сами говорили, что никогда не сможете к нему вернуться. Неужели ты совсем не любишь свою маму? Разве ты не видишь, что ей плохо одной, тяжело? Когда женщина одна, она несчастна. Она плачет. Ей страшно одной, без мужчины. Ее начинают обижать другие мужчины, такие, как Кевин, и никто ее не может от них защитить. Да, ты можешь ее защитить, но ведь ты сам видел, что она не хочет тебе о таком рассказывать, она стесняется. А когда у женщины есть мужчина, то другие мужчины уже к ней не лезут. И ты не всегда будешь с ней рядом, ты вырастишь и уйдешь, у тебя будет своя жизнь, своя женщина, а твоя мама останется одна. Разве ты этого хочешь? А еще ведь всякое может случиться, как сейчас, например. Твоя мама попала в беду. Что бы ты сейчас делал, если бы не было нас? Как бы ты смог ее спасти? Ты очень храбрый и умный, но ведь ты пока еще маленький. Если ты не хочешь, чтобы в вашей семье был мужчина, решай свои проблемы сам. Иди, спасай свою маму. Беги к отцу, пусть он ее спасает. Нол очень любит твою маму, ты сделаешь его несчастным, он будет страдать. И все из-за тебя. Он любит твою маму всю жизнь, с самого детства, поэтому он за нее тогда и заступился в парке.

— Но он говорил, что заступился, потому что был ей другом.

— Нет, Рик. Только ради любимой женщины можно такое сделать, пожертвовать собой ради нее. Простой дружбы для этого мало. Он мечтал о ней всю жизнь, даже не надеялся, что когда-нибудь сможет быть с ней, а теперь, когда у него появился шанс, ты его этого лишаешь, отбираешь у него его мечту... его единственную любовь. Это тоже не по-дружески, Рик, так поступать со своим другом. Мне, например, тоже очень понравилась твоя мама, ты сам это видел, я бы тоже мог в нее влюбиться, но ради своего друга я не стал этого делать. Вот так поступают настоящие друзья. Твоя мама все равно не сможет быть всегда одна, возможно, она будет терпеть, ради тебя, но потом, когда ты вырастишь и уйдешь, у нее все равно появится друг. Только не известно, что это будет за друг и как он будет относиться к твоей маме и братишкам... будет ли это хороший человек, или какой-нибудь говнюк... Ты же не сможешь убивать всех придурков, цепляющихся к ней. А Нол разве плохой? Разве будет он обижать ее, тебя или лисят? Наоборот, разве ты не заметил, как он ей помогает, как старается? У него нет семьи, никого нет, кроме меня... И я знаю, он очень хочет, чтобы вы приняли его в свою семью, только боялся об этом сказать, боялся, что ты не захочешь, прогонишь его. Разве тебе бы не хотелось, чтобы он жил с вами, чтобы я был рядом? Он бы всегда был с вами, помогал, защищал. И я тоже. Он бы тебя всему учил, и я бы учил.

— Вы научите меня всему, что умеете? Всему-всему?

— Всему. Чему захочешь.

— А нельзя просто быть всем вместе, семьей, без всякой любви?

— Мне — можно. Нол так не сможет. Когда мужчина любит женщину, он не может с ней дружить.

— Это плохо, — сердито буркнул мальчик.

Тим не вмешивался, с удивлением поглядывая на Иссу. Он заметил, как Патрик пристально изучает его взглядом.

— Я не скажу папе. И не собирался.

— Ну, это понятно. Ты же умный парень, понимаешь, что Нол не побежит прятаться от твоего папы, не бросит Кэрол. Ты бы просто их стравил, и Нолу пришлось бы его убить.

— Это папа бы его убил.

— Нет, Рик. Сам бы твой папа его убить не смог. Нол сильнее. Он мог бы убить Нола но не своими руками, а руками того, кто оказался бы сильнее и быстрее него, — Исса кивнул на Тима, молчаливо разглядывающего свои руки. — Но на этот раз он бы не стал бить твоего папу, как однажды, а сразу бы застрелил. Ты же знаешь, наше оружие всегда при нас. Стоит им столкнуться, и твой папа умрет в ту же секунду. Нол очень быстрый. И меткий.

— Ты побил папу? — поразился Патрик. — Вы врете! Когда это?

— А когда твой папа попал в больницу избитый, разве не помнишь? — ответил за друга Исса.

— Так это ты! Но за что? И почему так сильно?

— Я разозлился. Мы с ним поссорились.

— И папа тебя после этого не убил?

— Как видишь, нет, — ответил Тим с легкой улыбкой.

— Но почему? — удивился мальчик. — Папа не мог такого простить, я знаю.

— Я же говорю, таких, как мы, убить не просто. К тому же нас двое. Это значит, что убирать надо сразу обоих. Почему, понимаешь?

— Да. Если убить одного, второй отомстит.

— Правильно.

— Все равно. Если бы папа захотел, он бы с вами обоими расправился.

— Может, и так. Но, Рик, твой папа далеко не дурак. Каждое преступление, каждое убийство — это риск. Он человек публичный, он заботится о своей репутации, карьере. Даже тень подозрения может отравить ему жизнь. К тому же его не любит пресса. Им только дай повод его растерзать. Нельзя вот так тупо мочить всех направо и налево, каждого, кто тебе не угодил. Это глупо, неосторожно и погубит тебя. Запомни это. Твой папа всегда был осторожным, и прежде чем что-то сделать, все обдумывал и планировал. Поэтому его до сих пор никто и не взял за жопу. Если бы ты общался с ним сейчас, я уверен, что он бы тебе сказал то же самое. Если ты идешь на преступление, то должен делать это только с холодной головой. И желательно все тщательно обдумав. До мельчайших деталей.

Глаза мальчика горели живым интересом, он с почтением внимал каждому слову Иссы.

— Вы такие же, как папа. Вы меня этому научите?

— Мы можем научить только тому, что знаем и умеем сами. Но мы не такие, как твой папа. Мы другие. Твой папа мозг, понимаешь, это когда человек убивает, не прикасаясь к жертвам. Чужими руками. Мы не такие. Мы все всегда делаем сами. Наши руки замараны кровью по самые локти.

— Это же круто!

— Вряд ли ты так будешь считать, когда тебя поведут на смертную казнь, звереньш.

Улыбка растаяла на лице мальчика. Сметная казнь благодаря стараниям Иссы внушала ему самый настоящий ужас. Но этого Исса и добивался.

— Мы не сможем тебя ничему научить. Нам с Нолом придется уехать. Навсегда.

— Вы нас бросите? — упавшим голосом прошептал мальчик, вмиг поникнув.

— Но тебе же не нужна наша защита, наша поддержка и помощь. Твоя мама больше не хочет встречаться с Нолом. Из-за тебя. Нолу больно, он уедет. А я с ним, естественно. А ты оставайся один, с матерью и двумя малышами, и делай, что хочешь. Мы навязываться не привыкли и не собираемся — не нужны, не надо. Тебе же на всех наплевать. Ты глупый и упрямый. И ведешь себя, как капризный ребенок, а не как мужчина. Ну и пусть, что сердце Нола будет разбито, и он навсегда так и останется один. Пусть страдает твоя мама. Зато твой эгоизм будет удовлетворен. Ты так жесток и несправедлив к своей маме, а ведь ты ее сын, ты должен о ней позаботиться, утешить. А ты что делаешь? Заставляешь ее всю жизнь хранить верность предателю и изменнику, который этого ничем не заслужил. Он разве хранил ей верность? Да он встречался с другими женщинами, когда вы жили все вместе, обманывал и маму, и тебя! Что же ты с него не спросил? Почему не потребовал быть верным вам? Твоей маме, которая так его любила? А теперь требуешь, чтобы она была верна ему, когда они уже не вместе и никогда не будут. Зачем? Ты думаешь, твой папа хранит ей верность? Молчишь? Нет, конечно. Он не делал этого, когда она была рядом, с ним, а теперь — и подавно не будет делать. Так зачем же ты требуешь этого от мамы? Разве мало она горя вытерпела, боли из-за твоего отца? Ты заставляешь ее страдать дальше. Зачем? Ты садист, я знаю, но издеваться над собственной матерью, которая любит тебя больше жизни — это низко. Мы не будем уважать такого человека. Никто не будет. И смотреть на это тоже не хотим. Помешать мы, конечно, не можем, если сама мама тебе это позволяет, но и смотреть на это не хотим. Поэтому мы уезжаем.

— Это правда? Вы уезжаете? — Патрик посмотрел на Тима. Тот кивнул.

— Но... как же мама?

— Так ты ж у нас такой крутой, лучше всех все знаешь — вот и разберись. Или ты только мучить мать можешь, а помочь ей — нет?

— И ты ее бросишь? — мальчик теперь смотрел только на Тима. — Бросишь в беде?

— Конечно, не бросит. Он побежит ее спасать, — снова не дал и рта раскрыть другу Исса. — А я — нет. Я не спасатель. Я помогаю только своим. Она и ты — мне никто. Вот если бы она была его девушкой — тогда другое дело. А если бы вы были его семьей, вы бы были и моей семьей. Тогда за вас я бы порвал весь мир. Но ты этого не хочешь. Поэтому я пас. Ну, давайте, идите, спасайте, а я посмотрю, что у вас получится. А без меня у вас ни хрена не получится. Правда, Нол?

Тим только снова кивнул.

Мальчик в отчаянии переводил взгляд с одного на другого.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали.

Исса только развел руками.

— Ничего не поделаешь.

— А если я разрешу Нолу жить с нами и быть парнем моей мамы... вы останетесь?

— Ну, не знаю. Дело в том, что твоя мама его уже бросила. И она не хочет с ним быть. Потому что она думает, что ты этого не хочешь.

— Но почему не хочу? Я хочу, — Патрик посмотрел на Тима. — Ты мне нравишься. Ты хороший. Я не против того, чтобы ты с нами жил... чтобы вы стали нашей семьей. Просто я... не хочу, чтобы у мамы был новый муж.

— А он и не будет мужем. Он будет просто ее парнем. Будет ее любить. Заботиться, защищать. Разве это плохо?

— Ну... в общем, нет. Наверное.

— Он же не собирается занять место твоего папы, если ты этого боишься. Он будет для твоей мамы только парнем, а тебе — другом. Он не собирается становиться тебе папой, командовать, воспитывать и поучать — нет! Он не будет к тебе лезть без твоего на то желания. Воспитывать детей он не умеет, поучать у него тоже не очень получается. Я вот могу. Так что за поучениями обращайся ко мне, — Исса засмеялся.

— Твои поучения мне пока нравятся, — улыбнулся мальчик, тоже немного расслабившись.

— Вот и хорошо. Значит, вправлять мозги будет моя обязанность. А в обязанности Нола будет входить только помощь и забота. И чтобы вас любил.

— Ты вправду любишь маму?

— Люблю.

— Прямо по-настоящему? Всю жизнь? И что, правда не сможешь больше никого полюбить и будешь всегда один?

— Наверное. До сих пор же так и не смог.

— Вот почему ты ни с кем не встречаешься и не хочешь завести себе девушку, — мальчик пораженно разглядывал его. — Потому что тебе никто не нужен, кроме моей мамы? Поэтому?

— Да.

Патрик отвел взгляд и вдруг поник в кресле. Некоторое время он сидел молча, печально о чем-то размышляя. Тим и Исса в его размышления не вмешивались, переглядываясь между собой.

— Папа бы мне этого никогда не простил, — едва слышно выдавил Патрик с отчаянием в голосе.

— Папа думает, что вы умерли. Он никогда об этом не узнает. А вам надо жить дальше. И не забывай, Нол только ради тебя и твоей мамы отказался от мести за свою сестру. Видишь, как он вас любит, на что идет ради вас? Если бы убили твоего единственного родного человека, которого ты очень любишь... отца, например, смог бы ты простить того, кто его убил?

— Нет, конечно.

— Вот видишь. Ты понимаешь, как это тяжело, практически невозможно, а Нол готов это сделать, ради вас. Но если вы его прогоните... зачем ему тогда отказываться от мести, ради чего? Тогда он может и передумать.

Патрик побледнел, смотря на Тима. С тех пор, как Тим был рядом с ними, его перестали преследовать кошмары, в которых он убивал отца. Они исчезли. И он почти уж о них не думал. Им удалось приручить его убийцу. Вернее, матери удалось.

«Держи своих друзей близко, а врагов еще ближе».

Патрику вовсе не хотелось терять его из вида и снова переживать за жизнь отца. Действительно, зачем ему отказываться от мести, если они его прогонят? Наоборот, он может еще больше разозлиться. И будет преследовать отца, пока не отомстит за свою сестру. Терять ему нечего. Нет, отпускать его нельзя. Нужно держать его при себе, на коротком поводке. Это не просто парень — это смерть его отца. И эта смерть влюбилась в мать. И удержать его можно только с ее помощью, воспользовавшись этой любовью. Если это цена за жизнь отца — то Патрик готов был ее заплатить. Он готов был на что угодно, чтобы спасти папу. Да, тот бы его не простил, если бы узнал, что он впусти в дом мужчину, подпустил к матери. Но узнай, что они сделали это ради него — возможно, тогда бы

простил. А вдруг мама тоже делает это только ради отца? Готова отдать себя его убийце, чтобы удержать его от мести, спасти папу? Пусть смерть папы лучше будет рядом с ними, чем рядом с ним. Даже если ради того придется впустить его в свой дом, в семью и в мамину постель.

Патрик почувствовал, как немного отлегло от сердца. Конечно, как же он сразу не сообразил, не догадался, почему мама это сделала! Она вовсе не любит этого парня, она так же любит отца, как и любила, и всегда будет любить. Она опутала его убийцу так, что он готов ради нее отказаться от мести. Она сделала это ради папы. А он набросился на нее, даже не позволив ничего объяснить. Если эти путы были так крепки, то пусть этот убийца и дальше в них остается. Они должны сделать так, чтобы он никогда не смог из них выпутаться. И чтобы не догадался, что его провели. Это очень даже ловко получилось, круто. Они смогли приручить убийцу отца, заморочить ему голову, взять как бы в плен, и он сам хочет в этот плен, в их семью, не догадываясь, что это западня, которая за ним захлопнется, клетка для опасного хищника, охотящегося за отцом, в которую его заманили. Мама молодец. Как она смогла? Он такой колючий, даже Исса не смог свести его ни с одной девушкой, а она сделала из него такого покорного и послушного. Конечно, она не могла в него влюбиться, он всегда это знал, он весь в шрамах, он не мог ей понравиться. Вот Исса бы смог. А Нол — нет. Он такой глупый, если думает, что мама в него влюбилась. Пусть думает. И не лезет к отцу. Конечно, такой способ, какой выбрала мама, чтобы спасти отца, не нравился Патрику, был неприятен, но если он был единственным, кроме того, чтобы убить Нола, то Патрик решил это принять. Нол ему нравился. Он его уважал, восхищался. Он был нужен Патрику в своих личных целях. И он, и Исса. Он мечтал, чтобы они научили его всему, что умели сами. Убивать, выживать, прятаться. Владеть оружием, выковыривать пули, уметь терпеть боль, чистить карманы, вскрывать замки, заметать следы, избавляться от трупов так, чтобы никто никогда не нашел. Драться, в конце концов. Да, он занимался боксом, но этого ему было мало. Слишком мало. Они были обучены не только улицей, у них была военная подготовка, они служили в спецназе, были на войне. Они могли научить тому, чему не мог научить его никто другой. Глупо было бы потерять таких людей только ради того, чтобы один из них не спал с его мамой. Черт с ним, пусть трахает, за это Патрик с него возьмет сторицей. Нолу придется заплатить ему за эту возможность, и эта цена — обучить его. До того, как он их встретил единственный человек, на которого он хотел быть похож, его пример для подражания был отец. Он им и остался. Но теперь Патрик хотел быть еще и таким, как эти двое. Они казались ему невероятно крутыми парнями. И он мечтал быть таким же.

— Хорошо, я согласен, чтобы ты был с моей мамой. Ты можешь жить с нами... с ней. Можешь спать в ее комнате, с ней... Но только если мы заключим соглашение. Во-первых, ты никогда — и ты тоже, — он метнул взгляд на Иссу, — не навредите моему отцу. Во-вторых, вы будете меня учить всему, что я захочу. Не зависимо от того, будет ли это нравиться маме или нет.

Тим обменялся с Иссой изумленными взглядами, не веря ушам своим. Тот озарился победной улыбкой.

— Ну вот, это уже другой разговор! Мужской и взрослый. А то строил из себя маменькиного сынка, сопливого и глупого. Я согласен. По рукам, — он протянул ладонь и стиснул кисть мальчика своими сильными пальцами. — А ты, Нол, что скажешь?

— Я тоже согласен, — тот улыбнулся, не сумев скрыть своей радости, и тоже пожал

мальчику руку, закрепляя их договор.

— Только теперь остается вернуть маму, — вздохнул Исса, возвращаясь к насущному. — Это, конечно, хорошо, что мы тут между собой решили проблемы, но проблема поважнее остается. Где она?

— Мы теперь будем ее искать все вместе? — обрадовался Патрик.

— Конечно. Ведь теперь мы свои, семья. У нас с Нолом никогда не было семьи. Поэтому мы вас теперь будем холить и лелеять, — Исса вдруг схватил мальчишку за шиворот и притянул к себе. Обхватив его за шею, он ласково потрепал его по темным волосам. Патрик засмеялся.

— Фу, звереныш, от тебя воняет. Где ты шлялся все это время?

— С мальчишками бездомными.

— Ого, и они тебя приняли в свою компанию?

— Конечно, я давно с ними дружу. Помогаю, деньги даю, подкармливаю. Вещи отдаю, которые малы стали. В общем, я у них в авторитете, — не без гордости объявил мальчик.

— Это хорошо. А теперь пойдика, помойся, да переоденься. Мама бы сердечный приступ схлопотала, если бы тебя увидела в таком виде.

— Я есть хочу. Есть что?

— Нет, конечно. Спросишь тоже! Нет мамы — нет еды. Иди, купайся, я пока пиццу закажу.

— Хорошо. А где лисята?

— Няня отказалась за ними присматривать. Их пока Рэй с Дороти забрал.

— Они приезжали? — поразился Патрик.

— Да.

— О, как же я пропустил! — расстроился мальчик. — Я так соскучился по Рэю! И по Дороти!

— Будешь знать, как из дома сбегать.

— А папа за ним не проследил?

— Не знаю. Мы, вообще-то были уверены, что это папа утащил твою маму, поэтому подумали, что это уже не важно. Но теперь, когда поняли, что не он, мы приняли кое-какие меры предосторожности на случай, если твой отец проявит любопытство. Убрали все ваши фотографии, у себя спрятали. Так что, если он заявится к вам или кого пришлет, ничего не найдет.

— А мои фигурки? Мою коллекцию вы убрали?

— Нет.

— Надо убрать. Если он увидит, он сразу поймет. Сходите, уберите их оттуда, сейчас же!

— Хорошо, я сейчас схожу, — Тим достал из шкафа спортивную сумку. — Есть что-то еще, что может вас выдать?

— Если фотографии вы все забрали, то нет. Больше ничего нет. Мама всегда была очень осторожна, и не хранила ничего, что могло нас выдать. Только урну и фото Мэтта, журналы о нем. Но это все всегда было в сейфе спрятано.

— Да, мы видели. Это мы тоже забрали. Вообще-то, от этого нужно избавиться.

— Я знаю. Но я не мог сказать об этом маме. Эти вещи ей очень нужны. Это все, что осталось у нее от Мэтта. Пусть хранит. Значит, сейчас я побуду с вами здесь?

— Конечно, — кивнул Исса. — В ваш дом пока лучше не соваться. А когда найдем маму

сразу переждем. Здесь оставаться теперь нельзя.

— Я пойду с тобой, заберу свои вещи. А то мне и переодеться не во что.

Позже, уже за пиццей, они продолжили разговор о поисках Кэрол. Патрик, поглощая пиццу, делился тем, что ему удалось увидеть в своих видениях. Он подробно описал внешность женщины с изуродованным лицом, но это ничего не дало ни Тиму, ни Иссе. Патрик видел помещение, в котором находилась мама, но где было это помещение и как его найти, он не знал.

— Рик этого мало, ты должен попытаться узнать что-нибудь еще — сказал Тим. — Что еще ты видел?

— Я видел мертвую девочку. Она как-то связана с этой женщиной. У нее светлые волосы, они собраны вот здесь, на макушке, в хвост, длинный и прямой. А еще я вижу вокруг нее огонь. Что? — он перестал жевать, уставившись на Тима, который вдруг выпрямился, широко раскрытыми глазами смотря на него.

— Нол? — Исса тоже перестал жевать.

— Я понял. Я знаю эту девочку. И знаю, кто эта женщина, — взволнованно ответил тот. — Это Кейт Блейз. А мертвая девочка — ее сестра, которая еще в детстве погибла в пожаре вместе с Эмми. Мег. Это и есть те сестры, который натравили на меня собаку. Это Кейт!

Тим взволнованно подскочил, бросив свою пиццу на стол.

— Она опасна! Мы должны найти Кэрол, немедленно!

— Для начала успокойся, — оборвал его Исса. — Сядь и расскажи.

Тим скользнул обратно на стул.

— Кэрол мне рассказывала, что они с Джеком решили отомстить Кейт. За меня, за Эмми. За все, что она сделала. Джек организовал нападение собаки, которая сильно ее покусала, но не убила. Кэрол говорила, что собака ее изуродовала. Потом они устроили пожар, но Кейт удалось спастись, и она скрылась. Рэндэл не смог ее найти.

— Значит, у Кэрол все-таки имеется смертельный враг, опасный враг. Естественно, это женщина ее ненавидит и хочет отомстить. Почему ты сразу о ней не вспомнил?

— Не знаю. Я о ней вообще как-то забыл, — Тим виновато пожал плечами.

— О таких врагах нельзя забывать, никогда, — покачал головой Исса. — Потому что они никогда не забудут о тебе.

— Согласен. Но как она узнала, что Кэрол жива, как нашла ее?

— Хороший вопрос. Но на данный момент не самый важный.

— Мама мне ничего об этом не рассказывала, — встрял Патрик. — Расскажи, Нол. Прс эту Кейт, ее сестру, про пожар...

— Я, твоя мама, тетя Даяна и еще одна девочка Эмми дружили. Кейт и Мег Блейз не любили твою маму, все время ее задирала. И нас они не любили, потому что мы с ней дружили. Они делали нам все время всякие гадости, а Кэрол и Эмми за это их били. У них был пес, Убийца. Они натравили его на Спайка... другого Спайка, собаку Эмми, который спас мне жизнь, когда я чуть не утонул. Спайк погиб. Потом натравили на меня... А позже они заперли Кэрол, Эмми и Даяну в нашем сарайчике и подожгли. Но Мег вернулась, она испугалась и захотела помочь. Но не могла открыть дверь, потому что ключ был у Кейт. А Кейт жалости не знала, уже тогда. Даяне и Кэрол удалось выбраться через дырку в крыше. Кэрол успела спрыгнуть, а Даяна нет. Крыша обвалилась прямо под ней. Даяна сломала

позвоночник, а Эмми и Мег погибли.

Патрик слушал с открытым ртом.

— Ничего себе! Мама никогда мне не рассказывала! И что, они с папой потом ей отомстили?

— Да. Так мне сказала твоя мама.

Мальчик пораженно молчал. Потом поднял на своих взрослых друзей испуганный взгляд, который увидеть у него было редкостью.

— Мы должны поторопиться, — прошептал он с севшим от ужаса голосом.

Схватив трубку, Тим позвонил Рэю и выложил все, что стало известно.

— Ищите женщину, одного возраста с Кэрол, с изуродованным лицом. Это Кейт Блейз, но скорее всего, сейчас она скрывается под другим именем. В каком году Кэрол реставрировала мотель, помнишь? Ищите сведения о том, как Кейт подверглась нападению собаки, об этом печаталось в газетах. Возможно, получится найти ее фото после нападения. Имея фото на руках, будет легче ее искать.

Рэй пораженно его выслушал, не перебивая.

— Но если ее не смог вычислить тогда даже Рэндэл, думаешь, сможем мы? — усомнился он.

— Тогда она залегла на дно, пряталась. А теперь она вылезла. Рэй, у нас мало времени! Ты понимаешь, что отпустить Кэрол живой она не собирается? Мы можем не успеть...

— Но откуда ты знаешь, что она еще жива? Как вообще ты все это узнал?

— Это не важно. Узнал. И Кэрол еще жива. У нас есть шанс ее спасти.

— Что насчет Рэндэла? Тем более его надо подключить, раз жизнь Кэрол висит на волоске. Эта ненормальная может убить ее в любой момент. Если она ее не убивает, то, наверное, чтобы вволю поиздеваться сначала, — голос Рэя задрожал. — Господи... моя бедная девочка...

— Она не твоя девочка, опомнись! — огрызнулся Тим. — Рэндэла не вмешивай. Обойдемся без него.

— Я не согласен! Слишком большой риск! Мы можем опоздать.

— Мы найдем ее. Не паникуй.

— А, по-моему, паниковать как раз-таки самое время. — горько ухмыльнулся Рэй.

— Нет. Мы ее найдем. До того, как она что-нибудь с ней сделает.

— Да она уже делает, разве ты не понимаешь! — сорвался Рэй. — Или она просто так ее в подвале держит, потому что соскучилась? Да она же там над ней издевается... я даже представить боюсь, что она может с ней там делать!

— А ты и не представляй. Лучше представь, что сделает Рэндэл с ней, когда найдет. С тобой и с вашими детьми. Не будь дураком, не вмешивай Рэндэла. Спасти Кэрол от него будет гораздо труднее. Да ты и не сможешь, потому что на тот свет отправишься. Думаешь, он простит тебе то, что ты был любовником его жены, детей ей наделал?

— Не запугивай меня, парень, я не из пугливых.

— Ну, это понятно, раз спал с ней у него под носом. Но речь сейчас не только о тебе. Поэтому держи язык за зубами, или я тебе его отрежу... Кстати, с тобой тут хотят поговорить.

— Кто?

— Патрик.

— Он вернулся? Слава богу! С ним все в порядке? Где он пропадал?

— С мальчишками бездомными шляется. Он сам тебе все расскажет, сейчас я его позову. Только не забудь, что о тебе и Кэрол он не знает, и думает, что у него и лисят один отец.

— Лисят?

— Кэрол их так странно называет.

— Не странно, если учесть, что меня она называла лисом, — усмехнулся Рэй.

— А, теперь понятно, откуда такие странные прозвища. Это не осторожно с ее стороны, так явно называть их твоими детьми.

— О том, что она так меня называла, знала только Куртни.

Тим ничего ему не ответил, а через минуту Рэй с радостью услышал в трубке голос Патрика.

— Рэй, привет!

— Привет, негодник! Ты что это там вытворяешь? Ты зачем сбежал и маму одну бросил? Ты же должен ее защищать!

— Прости, Рэй, — виновато отозвался мальчик. — Я просто разозлился... очень разозлился. Из-за Нола. Но я вернулся, и теперь мы ее найдем.

— Ты хочешь оставаться с ними? Мне это не нравится. Давай, мы с Касевесом тебя спрячем, пока мама не найдет. Я бы забрал тебя к себе, да не могу, из-за твоего папы.

— Да, нельзя, я знаю. Все в порядке, Рэй. Я буду с Нолом и Иссой, я нужен им, без меня им маму не найти. Мы будем ее вместе искать.

— Но, Рик... эти люди опасны.

— Да, но не для нас. Мы подружились. Они нам с мамой помогают. Знал бы ты, от какой проблемы они нас недавно избавили, если бы не они, у нас бы были очень большие неприятности! Они нас спасли, — Патрик улыбнулся, вспоминая окровавленный труп Кевина. — И сейчас спасут. Маму спасут. С Нолом я помирился. Я разрешил ему встречаться с мамой.

— Разрешил? Но почему? Ты знаешь, кто он такой? Маме не нужно с ним встречаться!

— Я все знаю. Он киллер. Но он любит маму. И он неплохой. И Исса тоже. Они мне нравятся. И маме тоже.

— Ну, насчет мамы я не сомневаюсь. Ей всегда нравились плохие парни. От того и все ее несчастья.

— Ты имеешь в виду папу и Мэтта? Но они вовсе не плохие парни. И Нол с Иссой — тоже. Наоборот, они отличные парни.

— От таких вот отличных парней твоя мама всегда потом бегством спасалась.

— Рэй, не волнуйся, все будет хорошо. Они нам нужны. Особенно Нол. Он хотел убить папу, охотился на него, из-за тети Даяны. А теперь перестал, он отказался от мести, ради мамы. Чтобы быть с ней. Поэтому мама с ним. И я тоже его приму поэтому. Чтобы он был с нами и не убил папу.

— Твой папа сам может за себя постоять. Вам ни к чему жить с убийцей, чтобы его защитить.

— На этот раз папа не сможет. Нол его убьет, если мы его не остановим. Я это знаю. И мама знает. Понимаешь, у нас дар, мы можем видеть смерть... Я знаю, ты не веришь, мама мне рассказывала, что ни ты, ни Куртни не верили в ее сны. Только папа более-менее верил, но считал это просто интуицией, какая развита у животных, позволяя им чувствовать смерть. Но это правда, все, что она вам говорила — правда. Только мой дар намного сильнее. Когда-нибудь я тебе докажу. И ты сам убедишься. Как Нол и Исса. Они верят. Потому что видели,

на что я способен. Ты поверишь, когда мы найдем маму. Ведь это я увидел эту женщину, увидел подвал и маму в нем. Увидел мертвую девочку и описал ее Нолу, и он сразу ее узнал. Это Мег Блейз, она умерла еще когда мама была маленькая. Я не мог никак узнать, как она выглядела, ведь так? Мама мне никогда не рассказывала о них.

— Я ничего не понимаю, Рик. Как ты видишь? Что это за дар? Ты уверен, что тебе просто не приснилось?

— Конечно, мне приснилось, но не просто. Я, как и мама, вижу во сне. Ты мне не веришь. Я не обижаюсь, в это трудно поверить. Но даже Исса и Нол поверили. Ты же сам видишь, как они мне верят. Нол ведь тебе уже рассказал о том, кто маму похитил и зачем? Думаешь, это мои выдумки? Но задумайся, такие как Нол и Исса стали бы воспринимать выдумки ребенка за чистую правду, даже не сомневаясь в моих словах? Тебе не кажется, что для этого они должны были увидеть такие доказательства, которые бы заставили их поверить?

— Да, думаю, что так. Я верю тебе Рик. Ты мне все потом расскажешь, да? И объяснишь? Я хочу знать это, хочу понять.

— Конечно, Рэй. Но сначала мы найдем маму. Это будет лучшим доказательством моих способностей. Ведь так?

— Да.

— Как там лисята? Справляешься?

— С ними все хорошо. Только вот по маме скучают. Все время ее зовут.

— Скажи им, что скоро мама придет. И поцелуй их за меня. И, Рэй... ни в коем случае не говори ничего папе. Я слышал, что ты хочешь ему сказать, чтобы он помог найти маму. Не надо. Мы сами ее найдем, я тебе обещаю. Хорошо?

— Хорошо.

— Ты мне обещаешь, что не скажешь ему? Обещай!

— Обещаю, Рик.

— Эй, звереныш, хватит трепаться, давай ложись спать и включай свой третий глаз, у нас нет времени. Ты должен нам сказать, где мама, пока эта ведьма из прошлого ее не замочила, — вмешался Исса, заходя в комнату.

— Звереныш? Почему он тебя так называет? — взвился Рэй. — А ну-ка, дай трубку этому сукиному сыну, я ему покажу звереныша!

Патрик рассмеялся.

— Это шутка, Рэй. Не злись так.

— Передай ему, что если он еще раз тебя так назовет, я разобью его наглуую еврейскую морду!

Патрик расхохотался.

— Хорошо, передам!

— Что передашь? — хмыкнул Исса, когда он положил трубку.

— Что у тебя наглая морда.

— И что? Я в курсе.

Мальчик снова рассмеялся и, присев на корточки, погладил подошедшего к нему Спайка.

— Теперь ты тоже будешь жить с нами. И будешь моей собакой. Мои друзья обзавидуются тому, что у меня такой умный пес, когда я тебя им покажу.

— Боюсь, показывать его тебе придется уже новым друзьям. Потому что когда мы

найдем маму, мы уедем. Здесь был Рэй, и я уверен, что твой папа сюда заявится, чтобы узнать, что он здесь забыл. Мы убрали все улики из дома, но ему будет достаточно показать ваши фотографии соседям, чтобы узнать, что здесь живете вы. А всех соседей мы убить не можем.

— Почему не можем?

— Иди уже, спи. Звереньш!

— Наглая еврейская морда, — пробурчал сердито Патрик себе поднос, выходя из комнаты.

Памела, новая няня, которую выбрала лично Дороти, по ее мнению была намного лучше той, которую они отправили назад в Нью-Йорк. Надо заметить, с трудом. Девиде так понравилось пребывание в их доме, что она не хотела уезжать. Даже согласилась на меньший гонорар, лишь бы ей позволили остаться. Но и Рэй, и Дороти были непреклонны. Во-первых, держать ее здесь было опасно. Она могла рассказать Рэндэлу, если он полюбопытствует — а он полюбопытствует — о том, чего не следовало. Рэндэлу много не понадобится, чтобы понять, что к чему, стоит ей открыть рот. Он мог просто показать фотографии Кэрол и Патрика, и спросить, знает ли она их. Во-вторых, девица стала выказывать явный интерес к Рэю. Но от подобного интереса за последнее время Рэй уже устал. Красивый, богатый и неженатый, он вызывал этот интерес у слишком многих женщин, и это его порядком утомило. Время, когда он охотился за женской любовью, прошло. Он просто потух. Не было больше прежнего огня. Секс, конечно, в его жизни был, без него он не мог, но он предпочитал для этого прежних из своих некоторых любовниц, которые давно уже были его надежными друзьями и с которыми его связывали теплые отношения. Женщин, которых все устраивало, ненавязчивых и умных. Заводить новые отношения он избегал. С тех пор, как он стал свободным, женщины не хотели с ним легких, ни к чему не обязывающих отношений, которые он всегда предпочитал. А отношения с претензиями и требованиями его неизменно отталкивали. Поэтому, обнаружив няню в своей постели, ожидающую его в неглиже, он деликатно ее выпроводил и на следующий же день купил ей билеты на самолет. И с грустью подумал о том, что раньше он никогда бы так не поступил, отказавшись от щедрого предложения симпатичной молодой девушки. Еще пару лет назад он и сам бы не поверил, если бы ему сказали, что он будет выпроваживать голых девушек, обнаруженных в его постели. Он не знал, что с ним происходит, и почему он так поступал теперь. Может, он начал уже стареть? Но физические сексуальные потребности его не уменьшились. Жар в теле никуда не ушел. Пропал огонь внутри. И впервые с тех пор, как Кэрол и Патрик исчезли из его жизни, в его душе затеплился огонек, когда он увидел своих детей. Они вернули ему радость и тепло. Он вдруг почувствовал, что начал оживать. В его жизни появился смысл. Он до сих пор не мог поверить в то, что это его дети. Не мог на них насмотреться, нарадоваться. Он не ходил на работу, забросив все дела, и все время проводил с детьми. Он никому о них не говорил, в офисе сказал, что заболел. Когда Дебора Свон пришла к нему домой узнать, что случилось и не нужна ли ему помощь, она была шокирована представшей ее взору картиной. Она увидела лежащего на толстом новом ковре среди игрушек Рэя, по которому со смехом и повизгиванием ползали два абсолютно одинаковых малыша. Они различались лишь шерстяными ниточками, повязанными на крохотных запястьях — у одного ребенка были синяя, у другого зеленая. Он не сразу ее заметил, что позволило Деборе несколько минут понаблюдать за тем, как он играет с близнецами. Дебора сразу поняла, что это его дети, они были очень на него похожи. Но от кого? Откуда они взялись?

Заметив ее, Рэй сел, заключив в объятия ползающего по его широкой груди малыша.

— Деб... привет.

— На болеющего ты не похож, — она заставила себя улыбнуться. — А это кто?

Подойдя ближе, она присела, осторожно коснувшись мягкого ковра коленями.

— Так... сейчас, — Рэй взял за ручку малыша, которого прижимал к себе, и посмотрел на его запястье. — С зеленой ниточкой — это Джеймс. А вон тот уползающий хулиган с синей ниточкой — Кристофер.

Посадив Джейми на ковер, Рэй подскочил и поймал быстро улепетывающего на четвереньках малыша.

— Ты куда собрался? Как начинают разбегаться, не знаю, кого ловить, — засмеялся Рэй и, весело подкинув ребенка над головой, поймал и посадил на ковер рядом с братиком.

— Они такие одинаковые, — в замешательстве пробормотала Дебора, разглядывая детей.

— Ага. Я еще не научился их различать, поэтому повязал им эти ниточки, — Рэй улыбался, с любовью лаская взглядом малышей.

— Ты не говорил, что у тебя есть дети, — с улыбкой она смотрела на него, изо всех сил пытаясь не показать своей боли и ревности.

— Я сам не знал.

— А где же их мама?

Рэй пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Как это? Кто она?

— Не знаю. У меня всегда было много женщин, — Рэй легкомысленно рассмеялся.

— Но как они у тебя оказались? Разве не она тебе их принесла?

— Наверное. Их под дверь подкинули, — Рэй продолжал улыбаться, и не понятно было, шутит он или говорит серьезно.

— Ты шутишь?

— Нет.

— И что ты собираешься делать? Ты же должен выяснить, кто их мать.

— Я пытаюсь вспомнить. Но всех и не упомнишь, — он весело поморщился, забавляясь с малышами.

— Рэй, но это серьезные вещи. А ты все шутишь.

— Почему шучу? Вовсе не шучу.

— Но ты же собираешься все выяснить?

— А зачем? Жениться я не собираюсь, дети теперь у меня есть. Зачем мне выяснять, кто их мать и искать ее? Она меня не интересует. Я ее, судя по всему, тоже.

Дебора изумленно его разглядывала.

— Странно это все, — только и сказала она. А про себя подумала, что сама все выяснит.

— На работе все в порядке? — он повернулся к ней, обратив, наконец, на нее свое внимание.

— Да, конечно.

— Я пока побуду дома. С детьми. Ты там пока без меня управляйся, хорошо? И никому пока не говори о них, — он снова переключил свое внимание на детей. Дебора не отрывала от него взгляда.

— Поздравляю тебя. Они замечательные. И очень на тебя похожи.

— Спасибо, — он кивнул, с улыбкой бросив на нее быстрый взгляд.

— Тебе нужна помощь? Я с удовольствием тебе помогу. Для тебя, наверное, это такая

неожиданность, сразу двое таких малышей на голову свалилось. Они еще такие маленькие...

— Да нет, я уже освоился. Дороти мне помогает, и я нанял хорошую няню. Мы справляемся.

— Ну, смотри... Если что...

— Спасибо, Деб. Ты настоящий друг, — он подмигнул ей.

Она кивнула. Он лег на живот, повернувшись к детям, и стал собирать из кубиков пирамидку. Малыши с интересом наблюдали за его движениями, а потом один из них замахал руками и с веселым смехом раскидал кубики в сторону, разрушив пирамиду. Второму это не понравилась, и он неожиданно заплакал.

— Эй, не реви, ты чего? — протянул Рэй и погладил его по головке. — Я построю тебе еще...

Дебора медленно поднялась с пола.

— Ладно, мне пора, — сказала она.

— Угу, пока, Деб. Извини, что не провожаю, но этих сорванцов ни на минуту нельзя одних оставить.

— Ничего, я дорогу знаю, — улыбнулась она и, отвернувшись, вышла из комнаты с налившимися слезами глазами.

На следующий день ему все-таки пришлось съездить в офис на давно запланированную важную деловую встречу, которую забыл отменить. Поэтому Памела отправилась на прогулку с детьми одна, впервые без его сопровождения. Мистер Мэтчисон не выходил с детьми за ворота, и няне сказал этого не делать, но та не выдержала, не понимая, что страшного может случиться, если покатай детей в коляске по улице возле дома.

Она неторопливо прохаживалась туда и обратно, везя перед собой коляску с уснувшими детьми, не отходя от дома больше чем на квартал. Заметив у ворот мужчину, она подошла к нему.

— Здравствуйте. Если вы к мистеру Мэтчисону, то его сейчас нет дома.

Мужчина обернулся к ней и посмотрел внимательными серыми глазами.

— Правда? Какая жалость! Надо было позвонить, — сказал он красивым хорошо поставленным голосом.

«Где я его уже видела?» — задумалась Памела, разглядывая его.

Хорошо и со вкусом одетый, он был хорошо сложен и привлекателен. Очень аккуратный, ухоженный. На вид не более тридцати пяти лет. Непростой, сразу видно. Наверное, какой-то бизнесмен.

— Простите... но вы кажетесь мне знакомым, — не удержалась она.

— Я Джек Рэндэл, — вежливо представился он.

— Точно! Как же я сразу не узнала! Приятно познакомиться, мистер Рэндэл. Может быть, я смогу вам помочь? Что передать мистеру Мэтчисону?

— Передайте от меня привет, — губы его тронула улыбка, а в глазах промелькнула насмешка.

Опустив взгляд, он остановил его на коляске с малышами.

— Ух ты, какие они одинаковые! Рэй говорил мне, что они похожи, но я не думал, что до такой степени. Как их зовут?

— Кристофер и Джеймс.

— И сколько им?

Памела смутилась.

— Я точно не знаю... Я работаю только третий день. Но думаю, около года.

Присев перед коляской, Джек Рэндэл стал внимательно разглядывать лица спящих малышей.

— Они очень похожи на Рэя, — заметил он. — Видать, очень старался.

Памела смущенно рассмеялась над его шуткой.

— Он ничего мне толком не объяснил... откуда они взялись? У него же не было ни детей, ни женщины, с которой бы его связывали более-менее серьезные отношения! И вдруг — бах! — и он отец двух годовалых малышей. Вот это неожиданность!

— Я ничего об этом не знаю. Я работаю всего три дня, — снова повторила она.

— А их мама? Вы видели ее?

— Нет.

— Что-нибудь о ней знаете? Может, что слышали?

— Нет.

Вздыхнув, он поднялся и устремил на нее потяжелевший взгляд. Памеле вдруг стало не по себе. Сунув руку в карман брюк, он что-то достал и положил перед ней на козырек коляски. Опустив взгляд, Памела с удивлением увидела, что это тысяча долларов.

— Что это? — растерялась она.

— Мне нужна информация. Вы будете слушать, смотреть и докладывать обо всем мне. Эта сумма для начала, просто аванс. Еще столько же вы получите за копии свидетельств о рождении этих детей.

— Мистер Рэндэл...

— Тихо! Я не закончил, — оборвал он таким тоном, что она испуганно замолчала. — Я дам вам десять тысяч, если вы соберете для меня нужную информацию, а именно, меня интересует, кто мать этих детей, хотя бы имя, любая информация о ней. В общем, меня интересует все, абсолютно все, что касается этих детей. Вам ясно? Вопросы есть?

— Но я не могу...

— Не советую отказываться. Это очень для меня важно. Если вы мне поможете, я не останусь в долгу. Я умею быть благодарным. Не отказывайте мне в помощи, и я не откажу в помощи вам. Я не забуду того, кто мне помог... как не забываю и тех, кто отказал... Вот мой телефон. Я буду ждать вашего звонка.

Развернувшись, он пошел прочь. Памела взяла купюру и спрятала в карман, растерянно смотря ему вслед.

Едва она успела спрятать деньги, как из ворот выскочила Дороти.

— Ты зачем вышла? Сказано же было, во дворе гулять! — набросилась она на Памелу.

— Так я здесь, рядом...

— Быстро в дом! — оттолкнув ее, Дороти схватила коляску и закатила во двор, а потом, когда няня зашла за ней, заперла их.

— Что он хотел? — Дороти впиалась в няню встревоженным взглядом.

— Ничего. Спрашивал мистера Мэтчисона.

— Мистер Мэтчисон с ним не общается. И тебе запрещено даже с ним разговаривать.

— Хорошо.

— На детей пялился? Расспрашивал?

— Да. Но я сказала, что только устроилась на работу, и ничего не знаю.

— Ты не послушалась, ты вышла на улицу, не смотря на запрет. Ты разговаривала с

Джеком Рэндэлом. Ты уволена. Мистер Мэтчисон поддержит мое решение в том, что такая няня нам не подходит.

— Но...

— Свободна. Мистер Мэтчисон пришлет тебе чек за эти три дня.

Дороти отвернулась и покатила коляску в дом.

— Ну что, ты их видел?

Джек, едва переступив порог дома, поднял взгляд на Шона, который, увидев в окно, что он приехал, вышел его встретить. Прошло всего несколько дней с тех пор, как Джек забрал своего брата из больницы, где тот находился после того, как невольно принял на себя пулю, предназначенную для него, Джека. Это несчастье еще больше сблизило их. Джек так и не помирился с отцом. Он не ожидал, что так будет, но одиночество стало сводить его с ума. Большой пустой дом угнетал. И работа не могла его больше спасти от этого одиночества, от тоски. Никогда в жизни Джек так не страдал. Не было дня, чтобы он не перебирал коллекцию из фигурок своего сына. И каждый раз, возвращаясь из поездок, он ставил на полочки новую фигурку, продолжая пополнять коллекцию.

— Когда Рик вернется, он обрадуется, увидев, как выросла его коллекция, — сказал он как-то раз Норе. Та лишь отвела взгляд, чтобы он не успел уловить в ее взгляде сомнение в здравости его рассудка.

Он ни разу не был на могилах его якобы жены и сына со дня похорон. А когда кто-то говорил ему о том, что они умерли, он выходил из себя. Нора стала бояться его, как огня. Он и раньше был вспыльчив, а теперь стал просто бешеным. Если бы не ее привязанность к нему, она бы уже давно ушла. Но она не уходила, а терпела, видя за его злобой скрытую боль. Она жалела его и не могла его бросить.

Через полгода с момента, как потерял семью, он привел в свой дом Шона, приняв своего брата и забрав жить к себе, не выдержав одиночества. Они жили мирно и никогда не ссорились, благодаря Шону, конечно, который любил своего старшего брата, подчинялся и никогда не спорил. Не известно, как смогли ужиться и так сблизиться эти два таких разных человека, но, тем не менее, они сдружились. Джек устроил брата на юридический факультет и взял на работу в свою юридическую компанию. Шон был предан ему и уже заслужил его доверие настолько, что Джек почти всем с ним делился. Шон был в курсе всех его дел, в некоторых принимая активное участие, изо всех сил стараясь подражать брату и быть ему полезным. Он не рассчитывал на такую неожиданную благосклонность с его стороны, особенно после того, как Джек так с ним обошелся при первой встрече, и был очень благодарен за то, что тот не только признал его, как брата, но и взял под свое покровительство и опеку. О матери они никогда не говорили, эта тема была закрытой. Шон ее любил, Джек ненавидел, поэтому оба понимали, что такое разное отношение к одному человеку может стать причиной раздора. Каждый принял чувства другого, понимал и, не разделяя, держал при себе свои. Шон часто ездил на ее могилу, но никогда не звал с собой Джека, более не обижаясь и не возмущаясь его неприятием матери даже после ее смерти. Поначалу Шон относился к старшему брату с настороженностью и даже недоверием, но со временем эти чувства сменились искренней привязанностью, Шон научился ему доверять и больше в нем не сомневался.

Шон знал, что Джек не желал поверить и смириться со смертью своей семьи и помогал ему в поисках, даже когда Зак, потеряв терпение, отказался. Шон верил брату, когда тот говорил, что его семья не погибла, единственный, кто верил.

Подхватив почту, лежащую на столике, Джек пошел в кабинет, сделав знак Шону следовать за ним.

— Видел, — ответил он на ходу.

— И что думаешь?

— Это точно его дети. Как на заказ сделаны — еще два маленьких Рэя. Даже ДНК проверять не нужно.

— А мама кто?

— Пока не знаю. Но выясню.

Джек скинул пиджак и, опустившись в кресло, прикурил. Потом устало откинулся на спинку и, зажав в зубах дымящуюся сигарету, стал посматривать почту. Шон сел напротив и тоже закурил. Эту вредную привычку, как и остальные, он перенял от брата с тех пор, как тот впустил его в свою жизнь. Он наблюдал за Джеком, пока тот отбрасывал письма, едва на них взглянув, в ожидании, когда тот закончит, и они смогут продолжать разговор.

— Нью-Йорк? — Джек задержал взгляд на очередном письме, разглядывая штамп. — Без обратного адреса, без имени...

— Анонимное?

— Ох, не люблю я эти анонимные письма, — Джек вздохнул и распечатал конверт. В нем была одна фотография, на обратной стороне которой было что-то написано от руки некрасивым корявым почерком.

— Там что-то написано, — сказал Шон, наклоняясь и пытаясь разглядеть каракули.

Но Джек не услышал его, впившись немигающим взглядом в снимок. Шон всмотрелся в его вдруг окаменевшее лицо, с которого, казалось, схлынули все краски.

— Джек... что там? — почему-то шепотом спросил Шон, удивленный его реакцией. — Джек! Да что с тобой?

Крупно вздрогнув, тот бросил на него ошеломленный взгляд.

— Я знал... — прохрипел он.

— Что знал?

— Я знал. Знал, черт возьми! — он вдруг резко подскочил и с чувством грохнул кулаками по столу.

Шон невольно отодвинулся, недоуменно и испуганно смотря на него. Схватив фотографию, Джек неожиданно рассмеялся и протянул ему.

— Вот она! Смотри!

— Кто?

— Моя жена!

Шон осторожно взял фотографию и взглянул. На снимке была женщина, сидящая на полу в каком-то темном помещении, прижимаясь спиной к стене и обхватив колени руками. Темные спутанные волосы ее были взлохмачены, одежда была грязной, порванной и в пятнах крови. Она казалась израненной, под окровавленными пятнами на одежде угадывались раны. Странные, порванные. Как будто это были укусы животного. Большие прекрасные глаза ярко выделялись на грязном лице, они были очень печальными. В них застыла боль. Но страха он не увидел. Только холод и ненависть.

— Ты уверен? — усомнился Шон, пораженно разглядывая фотографию. — Я хочу

сказать... Ты говорил, твоя жена была блондинкой.

— Моя жена была седой до последнего волоска. А сейчас предпочитает быть брюнеткой. Как будто это может помешать ее узнать, — Джек злорадно усмехнулся и выхватил фотографию из рук Шона.

— Но... что с ней? Выглядит она... можно сказать... не очень...

— Еще бы! Из могилы же вылезла! Как ты хотел? — как-то нервно хмыкнув, Джек развернув снимок и пробежал глазами по каракулям.

«Откопали твоих покойничков — оказались живехоньки! Что ж ты их живьем похоронил? Если не хочешь, чтобы мы их закопали на самом деле, приезжай по указанному нижу адресу в назначенное время. Один».

Джек нахмурился. Но тут же снова улыбнулся, подняв на Шона сияющие глаза.

— Они живы! Мой сын жив!

Опустившись обратно в кресло, он стал жадно разглядывать фотографию.

— Ну, привет, любовь моя, — тихо проговорил он, обращаясь к женщине на снимке так, будто она могла его слышать. — Вот ты и попалась! Вот сучка... Как она это провернула?

Он пораженно покачал головой.

— Ты посмотри, какая ловкая оказалась... Молодец, ничего не скажешь. Интересно, как она все объяснила Рiku? — он взглянул на Шона, который в ответ только пожал плечами.

— А Рик? Почему они не прислали фотографию Рика? — Джек взволнованно заглянул в конверт, проверяя, что там действительно ничего больше нет. Шон заметил, что руки его дрожат от волнения. Джек все еще был потрясен, хоть и пытался владеть собой. Глаза его лихорадочно горели, а бледность на лице сменилась возбужденным румянцем, который Шон никогда раньше у него не замечал.

Хотя Джек и не верил в их гибель, но воскрешение жены и сына все равно стали для него настоящим потрясением. В нем смешались два чувства — дикая радость и слепая ярость, и он не знал, какому из них дать волю, чтобы дать выход эмоциям.

— Может, посчитали, что ее фото достаточно? — предположил Шон.

— А может, его у них просто нет? Посмотри, как дерзко она смотрит. Никого страха. Если бы Рик тоже был у них, она бы боялась, — Джек внимательно разглядывал фотографию. — Странно. Почему она не боится? Не пойму... она что, покусана? Похоже, что ее кто-то покусал. Собака? Посмотри, какая ненависть у нее на лице, в глазах. Она не боится того, кто ее фотографировал. Она его ненавидит.

— Если бы со мной так обращались, я бы тоже их ненавидел.

— Нет. В первую очередь, ты бы боялся. В таких ситуациях страх всегда преобладает. На мою жену это не похоже. Она не из тех, в ком может быть столько ненависти, что она пересилила даже страх.

— Ты не знаешь, что с ней было все это время. А если она у них уже давно?

— Нет, недавно.

— Почему ты так думаешь?

— Из-за волос. Я же говорил, она абсолютно седая. Посмотри, волосы идеально прокрашены. Чтобы носить такие темные волосы, ей нужно регулярно подкрашивать свои седые корни. Седины не видно. Значит, она у них совсем недавно, даже волосы не успели еще отрасти. Не думаю, чтобы они ей приносили краску, чтобы она подкрашивала их, — он ухмыльнулся.

— А почему она седая? Разве такие молодые женщины бывают седыми?

— Как видишь, бывают. Она поседела, когда в последний раз была в психушке. Это наследственно и связано с ее болезнью. Ее мать тоже рано поседела. И тоже в психбольнице. Обе они якобы умерли во сне, и после этого проснулись седыми.

— Ничего себе, — пробормотал Шон удивленно. — Разве так бывает?

— У психов все бывает. На то они и психи.

— Но на фотографии... она совсем не похожа на сумасшедшую.

— Не все сумасшедшие похожи на сумасшедших. Она тоже не была похожа, когда не кидалась на меня с ножом или не стреляла в меня из моего же пистолета.

— Ничего себе, — снова повторил Шон. — А на вид такая... беззащитная, что ли. Нежная.

— Да. Она такая и есть. Кэрол такая и была, — в его голосе вдруг прозвучала тоска и глубокая печаль, он опустил взгляд на фотографию, на свою жену. — Послушная, добрая, любящая... А потом она стала превращаться в Элен, свою мать, психопатку чертову. Я пытался ей помочь, но она мне не поверила. Она перестала мне доверять. Не верила, что я люблю ее... что хочу помочь. Может, потому и сбежала, что думала, что я опять запру ее в психушку и оставлю там навсегда.

— Что ты намерен делать?

— Полечу в Нью-Йорк на назначенную встречу.

— Но это же ловушка. Ведь наверняка, они нашли их и похитили, чтобы до тебя добраться.

— Это понятно.

— Как думаешь, что им от тебя нужно?

— Понятия не имею. Одно из двух — либо будут что-то требовать, либо хотят убить.

— Но... это же опасно, идти туда, как они требуют. Надо что-то придумать.

— А что тут думать? Вариантов у нас немного. Сами найти мы их не сможем. Значит, мне остается только одно — прийти туда. Только я один не пойду, естественно. Схватим того, кто явится за мной, а уже он нас приведет и к моей семье.

— А если не захочет?

— Заставим.

Шон поерзал на стуле, встревоженно смотря на брата, который не отрывал взгляда от фотографии.

— А если никто не придет? Если там будет в засаде киллер? Он просто убьет тебя, и мы ничего не успеем сделать.

— Придется рискнуть. У них все-таки может быть мой сын.

— Но ты же сам сказал, что его там нет.

— Я могу ошибаться. Речь идет о жизни моего сына. Я не буду рисковать, даже если вероятность того, что он у них — всего один процент из ста. Если этот процент может стать роковым, я никогда не иду на риск. Я не люблю сомнения и неуверенность.

— Мне все это не нравится. Очень не нравится. Особенно в свете последних событий. А что, если это как раз те, кто пытается тебя убить?

— Может быть. И, поверь, мне это тоже не нравится. Но выбора у меня нет. Я должен забрать своего сына.

— А ее?

Джек снова посмотрел на фотографию, и на лице его отразилась гнев и неприязнь.

— А эту дрянь я, пожалуй, верну обратно в могилу. Только сначала расспрошу, как

следует. Уж очень мне любопытно узнать, что к чему. А так же имена тех, кто ей помогал.

Шон промолчал, видя, что радость его от такого внезапного воскрешения семьи была все-таки подавлена яростью и негодованием, всю силу которых он обратил на свою жену.

Джек тщательно подготовился к встрече.

Заранее место встречи было, как можно незаметно, тщательно изучено и обыскано, но ничего подозрительного они не нашли. В одном из зданий, у окна, выходящего на место встречи, Джек посадил снайпера. Еще несколько человек спрятались в засаде.

В назначенное время Джек бы на месте.

Он долго прождал, но никто так и не пришел.

В бешенстве, напуганный, он вернулся в отель, в котором остановился, и где его ждал Шон, которого он отказался взять с собой на встречу.

— Что? — парень встревоженно всматривался в его лицо. — Что случилось?

— Ничего не случилось! Никто не пришел! — прорычал Джек в ответ. — Наверное, поняли, что я не один.

— Но как же так? Твои парни прокололись? Но ты говорил, они профессионалы.

— Да, так и есть. Но, тем не менее, они прокололись. Иначе, зачем назначить встречу, и не прийти на нее?

— И что теперь делать?

Джек снял куртку и в досаде швырнул в кресло.

— Теперь — не знаю. Ждать и надеяться, что мне дадут еще один шанс. Организуй-ка мне пресс-конференцию, скажи, что я готов дать интервью и ответить на какие-нибудь вопросы. Я прессу этим не балую, думаю, они не упустят возможности забросать меня какими-нибудь гадкими вопросами.

— Но зачем это? — не понял Шон.

— В интервью я как бы невзначай обмолвлюсь, в каком отеле остановился. Конечно, похитители и сами могут это узнать, но на всякий случай. Если им что-то от меня нужно, они так просто не отступят, я думаю. Они еще свяжутся со мной.

— Но это опасно. Особенно, если учесть, что на тебя кто-то охотится. Если это не эти люди, а кто-то другой...

— А! — Джек раздраженно отмахнулся, не дав ему закончить. — Кому надо, тот все равно узнает, где я и что делаю. Особенно тот, кто на меня охотится. Сейчас не он меня беспокоит, а те, у кого может быть мой сын.

Шон не стал спорить, видя, что Джек взвинчен и раздосадован. Парень давно уже понял, что когда брат в плохом настроении, его лучше не трогать, и, вообще, желательно оставить одного. Поэтому он сказал, что прогуляется по улицам и ушел, предоставив Джеку время на то, чтобы совладать с собой и подумать.

Джек не ошибся. Похитители не заставили себя долго ждать. Уже на следующий день под дверь номера подбросили толстый конверт из плотной бумаги. На этот раз на конверте не было никаких опознавательных знаков, даже кому он предназначался, указано не было.

Почувствовав под пальцами что-то твердое, Джек торопливо распечатал конверт и перевернул его, вытряхнув содержимое на стол. Выпала записка на картонке и маленький пластиковый пакетик. Бросив взгляд на его содержимое, Джек отшатнулся. Спотыкаясь, он отступил назад и, наткнувшись на кушетку, в бессилии на нее упал, сев.

Отведя взгляд от пакетика, в котором лежал маленький детский палец, Шон схватил записку и прочитал вслух:

— Мы дадим тебе еще один шанс увидеть своего сына живым... но, к сожалению, уже не совсем целым. Приходи один. Больше уговаривать не будем, а пришлем тебе твоего мальчишку по кусочкам. Через полчаса, на том же месте.

— Убью... всех убью! — порычал Джек.

Подскочив, он выхватил картонку из рук Шона и в бешенстве разорвал на кусочки. Потом в ярости пнул ногой столик, на котором лежал конверт. Столик перевернулся. Взгляд Джека замер на пакетике, упавшем на пол. Медленно опустившись на колени, он наклонился и осторожно взял пакетик пальцами. И вдруг застонал.

— О, сыночек... прости меня!

Шон, ошеломленный, наблюдал за ним.

Джек резко поднялся, сжав пакетик в ладони, и сунул его в карман брюк. Потом подхватил куртку и торопливо надел.

— Что ты собираешься делать? — Шон испуганно смотрел на него.

— Спасать своего сына, — рявкнул Джек зло.

— Но как? Ты же не пойдешь туда один, как они хотят?

— Пойду.

— Но это глупо.

— Предлагаешь сидеть здесь, пока они режут на куски моего ребенка?

— Но... надо что-то придумать.

— Я узнаю, что им нужно. Да и придумывать уже времени нет.

— На то и рассчитано, разве ты не понимаешь?

— Понимаю, Шон, я все прекрасно понимаю, я никогда не был дураком! Я пойду. А ты сиди здесь и ничего не предпринимай, не лезь. Если ты сунешься, и из-за этого умрет мой сын, я сам разрежу тебя по кусочкам, понял?

— Но если они просто хотят тебя убить? Если это просто ловушка?

— Все равно пойду.

— Но, Джек...

— Шон, прекрати истерику. Успокойся. Будь на телефоне. Если они потребуют деньги или что-то еще, я свяжусь с тобой, чтобы выполнить их требования. Будь готов.

— А если... не свяжешься? Если они тебя убьют?

— Тогда позаботься о моем сыне. Я сделаю все, чтобы они его отпустили. Он ребенок, если им нужен я, убивать его им незачем. Если мою жену они отпустят, а меня убьют, позаботься о том, чтобы отправить ее ко мне на тот свет, там я уже сам с ней разберусь. У меня есть завещание, Патрик является моим наследником. Все мое имущество, включая компанию, переходит к нему. До его совершеннолетия компанией будет управлять Зак. Ты назначаешься его официальным опекуном. Тебе я тоже отвел долю в компании, и некоторую сумму, которая позволит тебе закончить учебу и прожить. Но это так, на всякий случай. Умирать я пока не планирую.

— Ты составил завещание на Патрика, зная, что он погиб... вернее, не зная наверняка, что он жив? — удивился Шон.

Джек кивнул.

— Потому что я знал, что он жив. Я чувствовал. Моя интуиция меня никогда не подводила.

— А что она говорит тебе сейчас?

— Ничего! — Джек раздраженно фыркнул. — Мне некогда к ней прислушиваться, Патрик страдает, ему страшно, я должен начать действовать, мне некогда размышлять. Пока я буду думать, они будут резать его. И так из-за меня... — глаза его вдруг заблестели от слез, которых Шон никогда раньше у него не замечал.

— Ты не виноват.

— А кто виноват? — Джек фыркнул и решительно вышел из номера, закрыв за собой дверь.

Шон выскочил следом и проводил его взглядом, наполненным ужасом. Сердце его больно заныло.

— Только вернись, Джек... Пожалуйста, вернись, — сдавленно прошептал он ему вслед.

Но тот не услышал его и, зайдя в лифт, спустился вниз. Тут же в отеле, в баре, он нашел Хока, который попивал свой любимый черный кофе, сидя за стойкой. Джек подозвал его легким движением головы и пошел в туалет. Когда его телохранитель зашел за ним, Джек, убедившись, что в туалете никого нет, протянул к нему руку с раскрытой ладонью.

— Хок, мне нужен твой пистолет.

Чернокожий гигант молча распахнул куртку и достал из кобуры под мышкой тяжелый пистолет.

Джек проверил его и, засунув за пояс, прикрыл курткой. Потом поднял взгляд на Хока, который молча наблюдал за ним.

— Вы не хотите, чтобы я вас сопровождал, я правильно понял?

Джек кивнул.

— Что я должен делать?

— Ничего, Хок. Иди, допивай свой кофе. Скоро увидимся.

Джек больше ничего не сказал ему, лишь кивнул и вышел.

Через пятнадцать минут он бы уже на месте.

Припарковавшись на взятой на прокат машине, он вышел и, отойдя шагов на десять, остановился.

Место встречи оставляло желать лучшего, но, надо сказать, для таких встреч было идеально. Грязные трущобы, очень даже подходящее для совершения всяких гадких делишек, включая убийство. Джек как-то отстраненно подумал о том, что не хотел бы умирать в подобном месте. Почему-то ему всегда представлялась своя смерть иначе. Ему казалось, что он будет убит у всех на виду, каким-нибудь киллером. Ему хотелось бы дожить до глубокой старости и умереть стариком, мирно и тихо, от старости и болезней. Но почему-то у него было ощущение, что до старости ему дожить не дадут. Слишком много он нажил себе врагов. И то, что он стоял сейчас здесь, было кричащим тому доказательством. Сколько раз его уже пытались убить, но впервые Джек задумался о том, что пора что-то поменять в своей жизни, что так больше жить нельзя. Он понял это только сегодня, когда увидел крохотный пальчик в целлофановом пакетике. Никогда раньше он не позволял страху брать над собой верх, но сегодня страх его одолел. Он готов был рисковать своей жизнью ради своих принципов, упрямства и всего того, что заставляло его все годы плевать в лицо врагам с их угрозами и попытками его раздавить. Но не жизнью Патрика. Не было ничего важнее жизни его сына. Это — его слабое место, которого никогда раньше у него не было. Именно таким сейчас и ощущал себя Джек, стоя на грязной улице в ожидании, беспомощным и слабым. Он не мог

думать ни о чем, кроме маленького пальчика, лежащего в кармане его брюк. Пальчика, который там оказался только по его вине. Потому что он это допустил. Эта была боль, с которой он справиться не мог. Боль, мучающая его с того момента, когда ему сказали, что его сын погиб. Да, он не верил, но от этого боль его почему-то не становилась слабее. Она сидела в нем незаживающей раной, превратив всю его жизнь в муку. Да, он продолжал жить, работать, и держал эту муку в себе, никому не показывая. Бывали моменты, когда ему казалось, что терпеть это он больше не может, и тогда он доставал свой пистолет.

«Не можешь выдержать — у тебя есть пистолет» — вспоминал он слова своего отца.

Но что-то так и не позволило ему нажать на курок. Может, это был просто страх, трусость, а может, надежда, что его сын жив. Патрик часто ему снился. Он видел его здоровым и веселым, словно он где-то жил и приходил его навещать во снах. Обнимал, целовал, утешал.

«Не переживай, пап, я с тобой, я за тобой приглядываю. Я твой ангел-хранитель. Ты не плачь, у меня все хорошо. Мы увидимся, когда я вырасту. Тогда ты не сможешь меня забрать, заставить жить с тобой. Мы будем общаться, иногда встречаться, ровно столько, чтобы я не смог тебе навредить. А может, я смогу во всем разобраться, победить проклятие, и тогда мы снова сможем быть все вместе, я, ты и мама».

Во сне Патрик говорил ему что-то, чего Джек не мог понять, но он не больно и пытался. Это всего лишь сны. Мало ли что выдавал его обезумевший от боли и тоски рассудок. Иногда Джек даже мечтал о том, чтобы сойти с ума или потерять память, чтобы вырваться из кошмара, в которой превратилась его жизнь. Кошмара, на который его обрекла Кэрол, как теперь оказалось. Он старался пока о ней не думать, поглощенный мыслями о сыне, но когда мысли о ней все-таки пробирались в его голову, он начинал задыхаться от ненависти и ярости, подобно которым никогда еще не испытывал ранее, ни к кому. Даже к своей матери. Он не мог понять, как она могла с ним так поступить. И за что? За то, что любил ее, пытался всеми силами сохранить их семью? Он не почувствовал жалости, когда увидел ее на фотографии, измученную, истерзанную. Лишь в первое мгновение что-то, похожее на радость, вспыхнуло в его сердце, когда он понял, что она все-таки жива. Прежние чувства, которые он к ней испытывал, ожили в нем, но уже в следующее мгновение он напрочь о них забыл, охваченный только лишь негодованием, обидой, ненавистью и яростью. А радость предпочел отнести не к ее воскрешению, а к воскрешению сына. Типа, раз она не погибла тогда, значит, и Патрик — тоже. Потому и обрадовался. А не потому, что она, эта мерзавка, жива. Джек не задумывался над тем, что с ней сделать, как поступить. Он не хотел сейчас об этом думать. Вообще не хотел думать о ней. Все, что его сейчас заботило — это его сын. Если бы не Патрик, Джека бы сейчас здесь не было. Пусть бы ее растерзали на кусочки, он бы и пальцем не пошевелил. Он так думал. И сейчас его интересовал только сын. Он пришел сюда только ради него. А эта дрянь пусть выкручивается сама, как хочет. Для нее он больше и пальцем не пошевелит, никогда, даже если ее убьют. Прошли те времена, когда он рвался ей помогать, когда на все был готов ради нее. Когда любил.

Джек бросил нетерпеливый взгляд на часы, нервничая все больше.

Что опять не так? Он один, как и требовалось. Почему опять никого нет?

Он окинул внимательным взглядом все вокруг.

Из-за угла неторопливо выехала какая-то невообразимо грязная развалюха и остановилась напротив через дорогу. Джек замер на месте, не отрывая от нее взгляда. За рулем сидел мужчина в маске, который повернулся и посмотрел ему прямо в глаза. Потом

слегка двинул головой, призывая подойти. Джек без колебаний перешел дорогу и, обойдя машину, распахнул приоткрывшуюся ему навстречу дверь. Опустившись в кресло рядом с водителем, он повернулся к нему. Он не ощущал никакого страха, наоборот, в нем снова поднялась страшная ярость. Он с трудом подавил порыв выхватить пистолет и прострелить голову этому отморозку, но он взял себя в руки. Сначала он освободит сына, а потом найдет их, и будет отрезать от них по кусочку, своими руками, за то, что посмели прикоснуться к Патрику.

Мужчина, поймав его взгляд, невольно отодвинулся от него и бросил взгляд через плечо назад.

Джек тоже обернулся, но в этот момент в его шею вонзилась игла, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Он успел увидеть прямо перед собой обезображенное уродливое лицо, которое склонилось к нему так близко, что он невольно отшатнулся от ужаса и отвращения. Но цепкие пальцы крепко вцепились в его воротник, не отпуская, а зеленые, горящие смертельной ненавистью, глаза приблизились еще ближе.

— Ты... — выдохнул Джек.

— Вот и свиделись, Рэндэл, — уродливое лицо скривилось, что означало, видимо, улыбку.

Сознание у Джека помутилось, в глазах потемнело, и он обмяк на сидении, потеряв сознание.

Поговорив с Тимом, Кэрол сварила себе кофе и, кутаясь в шерстяной кофте, присела за стол. Рассеянно она пригубила горячий напиток, погруженная в невеселые мысли. То, что Патрика нет у Джека, это, конечно, хорошо. Очень хорошо. Но тогда где же он?

Близнецы еще не проснулись, и Кэрол решила тоже прилечь, пока они спят. Она почти не спала с тех пор, как Патрик сбежал, переживая из-за произошедшего, и теперь чувствовала себя разбитой и уставшей. Помыв чашечку из-под кофе, она почти дошла до спальни, когда раздался стук в дверь. Сердце ее неприятно всколыхнулось.

Кто мог прийти к ней в такую рань?

Подойдя к входной двери, она заглянула в глазок. Перед дверью стоял полицейский.

— Кто там? — спросила она через дверь.

— Полиция, мэм. Откройте.

Надев цепочку, Кэрол осторожно приоткрыла дверь.

— Да?

— Мы хотели бы войти, мэм.

— А что случилось?

— Это касается вашего сына. Боюсь, произошло несчастье.

— Какое несчастье? — тихо выдавила Кэрол, у которой горло сдавило от ужаса.

— Разрешите войти, мэм.

— Могу я взглянуть на ваше удостоверение?

— Конечно, — кивнув, полицейский сунул ей в лицо значок.

Медленно Кэрол сняла цепочку и приоткрыла дверь, но в дом полицейского пропускать не собиралась. Но настаивать тот не стал.

— Где мой сын? И что с ним произошло?

— Его сбила машина. Он в больнице. Мы отвезем вас к нему.

Кэрол окинула взглядом улицу, но, к удивлению, полицейской машины не увидела. Зато шагах в пяти от ее дома припарковалась незнакомая машина. Кэрол точно знала, что ни у кого из соседей такой нет.

— А где ваша машина? — подозрительно спросила она.

— Вот, — полицейский кивнул на ту самую незнакомую машину. — Служебная в ремонте, так что я пока на своей. Патрик ждет, поторопитесь.

Он замер, увидев на лице Кэрол удивление.

— Что? — он нахмурился, не понимая, чему она так удивилась.

— Он сказал, что его зовут Патрик?

— Да. А что?

Патрик ни за что бы не назвал полицейским свое настоящее имя. Она была в этом уверена. Он никогда и не при каких обстоятельствах не представлялся этим именем, не забывая о том, что он теперь Ричард Эванс.

Полицейский вдруг поменялся в лице, приветливое выражение с которого словно стерли, поняв по глазам женщины, что допустил оплошность.

— Сильно умная, да? — прошипел он и подставил ногу в дверь, которую та попыталась

захлопнуть. Быстро протянув руку, он схватил Кэрол за волосы и молниеносно всадил ей в шею шприц.

— Но тебе это все равно не поможет, — продолжил он и подхватил обмякшую женщину на руки.

За спиной у него заработал двигатель, он услышал, как зашуршали колеса подъезжающей машины.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, мужчина сбежал по ступенькам.

Его сообщница к тому времени уже выскочила из машины и распахнула багажник.

— Быстрее! — поторопила она взволнованно.

Полицейский положил свою ношу в багажник и захлопнул крышку.

Почти одновременно они вскочили в машину, и через мгновение уже исчезли за поворотом, никем не замеченные в этот ранний час.

Кэрол очнулась в каком-то темном помещении, со связанными за спиной руками. Тонкая леска больно впивалась в запястья и, после нескольких попыток освободиться, Кэрол поняла, что это бесполезно. Сев, она напрягала зрение, пытаясь что-нибудь разглядеть, но вокруг нее была непроглядная тьма. Сюда не проникал ни один лучик света. Как будто она была в подвале.

Поднявшись на ноги, она осторожно, маленькими шагами, пошла вперед. Уже через четыре шага она наткнулась на стену. Касаясь холодной поверхности, она медленно пошла вдоль стены, считая шаги.

В помещении было холодно. Одетая в джемпер, шерстяную кофту, джинсы и домашние текстильные туфли, она почувствовала, как тело забило в мелкой дрожи. Дрожала ли она от холода или от страха, она не могла понять.

Кто этот человек? Что ему нужно, зачем она здесь? Он знал настоящее имя Патрика. Значит ли это, что он в курсе, кто они на самом деле, или мальчик сейчас находится у них и просто из страха назвал свое настоящее имя?

Задаваясь всеми этими вопросами, она обошла помещение, нашла железную запертую дверь, на которой даже ручки не оказалось. Так же она с удивлением наткнулась в темноте на что-то мягкое. Ощупав ногой, она поняла, что это матрас и с облегчением на него села. Хоть на ледяном полу сидеть не придется. Посидев немного, она легла и закрыла глаза. Кэрол все еще ощущала себя одурманенной после препарата, который ей вкололи. Подтянув ноги и сжавшись, она сама не заметила, как задремала.

Ее разбудил лязг засова и скрип открываемой двери. Над головой загорелась лампочка, прямо в лицо ударил свет, заставив Кэрол зажмуриться.

— Ну, привет, шлюшка!

Дыхание у Кэрол перехватило, а сердце, казалось, остановилось. Не может быть!

Щурясь, она приоткрыла глаза и подняла голову, посмотрев на возвышающуюся над ней женщину.

— Ох, мать твою... — невольно вырвалось у нее, когда она разглядела обезображенное лицо.

Она не знала, что потрясло ее больше — то, что передней стояла Кейт Блейз, или то, как выглядело теперь ее лицо. Один глаз, которого, видимо не было, был прикрыт черной повязкой, кончик носа отсутствовал, рот был обезображен, напоминая порванный шрам,

щеки изрыты страшными бороздами.

Не выдержав, Кэрол отвела взгляд. Смотреть на это было невыносимо.

Присев рядом с ней, Кейт схватила ее за волосы и больно дернула, поворачивая к себе ее лицо.

— Смотри, тварь! Смотри, что вы со мной сделали!

Кэрол вызывающе вперила в нее свой взгляд.

— А что сделала ты с Тимми? С Эмми? Мег? Даяной, в конце концов, которая по твоей милости потеряла свою семью и столько лет провела в инвалидной кресле? Забыла?

Отпустив ее, Кейт поднялась и ударила ее тяжелым ботинком.

— Кто из вас это придумал? Ты или твой муж?

— Я, конечно, — Кэрол скривилась от ненависти, не отрывая от нее горящего взгляда. — И как ощущения, Кейт? Какого, когда тебя рвет собака? А гореть в запертом доме?

— Скоро ты на себе это узнаешь, дрянь! Ты пожалеешь... ох, как ты пожалеешь!

— Никогда! Никогда я не пожалею, слышишь, ты, образина! Вот это морда! От женихов, наверное, отбоя нет? — Кэрол расхохоталась. — А что... в постели газеткой можно прикрыть тебя — и ничего, сойдет! Главное, чтобы газетка не сползла.

Разъяренная Кейт набросилась на нее, пиная ногами.

Кэрол сжалась, вскрикивая от ударов и смеясь одновременно, почти истерично, до слез, не в силах остановиться. Наверное, она должна была бояться. Конечно, должна, потому что живой она уже не выберется отсюда, и перед тем, как умереть, будет страдать. Кейт не подарит ей легкую смерть, в этом сомневаться не приходилось. Но выказывать перед ней страх, бояться ее — нет. Ни за что.

«Эмми, я не хочу ее бояться, дай мне силы, Эмми. Помоги мне держаться достойно. Дай мне мужества, Эмми!» — мысленно взывала она к своей подруге, пытаясь отвлечься от боли и ужаса, наполнявшего ее изнутри.

Когда Кейт ушла, она доползла до матраса и свернулась на нем клубочком. Все тело болело от побоев, сотрясаясь нервной дрожью, но она старалась не обращать на это внимания. Кейт ее не ломает. Только не Кейт. Эта вражда, оказавшаяся длинной в жизнь, так и должна была закончиться — смертью одной из них.

Кэрол любопытно было узнать, как Кейт ее нашла.

Но не это сейчас ее занимало и беспокоило. Кэрол думала о своих детях. О пропавшем Патрике, об оставленных одними близнецах. Они проснулись, а мамы нет. Наверное, они зовут ее и плачут, голодные и напуганные. Тим скоро придет. Он позаботится о них. Позвонит Рэю, и тот их заберет. Он будет хорошим папой. Он воспитает их, а Джек никогда так и не узнает, что это ее дети. А Патрик... он не пропадет. Вернется к Джеку или Джорджу Рэндэлу. А может, останется с Иссой и Тимом, если они позволят.

Оставшись одна, в темноте, Кэрол беззвучно плакала, даже не замечая, как слезы бегут по ее щекам.

А Дженни? Что же будет с Дженни? Сдержит ли слово ее тетя, заберет ли ее к себе, или девочка попадет в приют?

Слезы медленно высохли, а отчаяние в груди Кэрол сменилось досадой и яростью.

Да что б она провалилась, эта гадина! Вылезла со своей уродливой мордой, чтобы опять сеять боль и зло.

Прав был Джек, когда говорил, что врагов нужно уничтожать.

Она через столько прошла, столько преодолела — и ради чего? Чтобы умереть от руки этой гадины? Позволить ей себя победить? Нет, она не хотела так умирать. А как же смертная казнь? Уж лучше пусть она. Только не Кейт. Страшная ненависть и злость росли в Кэрол, вытесняя страх. Внутри все кипело и бурлило, отчего она даже согрелась.

Когда Кейт вернулась, Кэрол ее встретила бесстрашным взглядом, полным неприязни.

Но, увидев, с кем пришла Кейт, Кэрол почувствовала, как все внутри заледенело от ужаса. На поводке она держала какую-то дворнягу.

— Что это? — усмехнулась Кэрол, не показывая своего страха. — Ротвейлеры тебе больше не нравятся после того, как один из них подпортил тебе личико?

— Нет. Просто челюсти ротвейлера принесут тебе больший вред, чем мне сейчас нужно. А эта псина лучше подойдет, чтобы над тобой поиздеваться, — Кейт ослабила поводок, но из рук не выпустила. — Взять!

Собака с рычанием набросилась на Кэрол. Вскрикнув, та сжалась, спрятав лицо в коленях. Связанные за спиной руки не позволяли защититься. До нее донесся издевательский хохот Кейт. Сцепив челюсти, Кэрол старалась не кричать, лишь вскрикивала каждый раз, когда острые зубы впивались в ее тело. Крепко держа поводок, Кейт контролировала собаку, то отгаскивая ее от жертвы, то снова позволяя укусить.

Натешившись, она подтянула поводок и окинула Кэрол внимательным взглядом.

— На сегодня, пожалуй, хватит. Завтра продолжим развлечение.

Та не ответила, неподвижно сидя на матрасе и продолжая прятать лицо на коленях.

Когда дверь за Кейт закрылась, Кэрол осторожно опустилась на матрас и беззвучно зарыдала.

— Пошла к черту, мразь! Я не боюсь тебя. Не боюсь.

Кэрол потеряла счет времени, находясь в темном подвале.

Измученная и истерзанная, она не знала, сколько прошло дней и ночей с тех пор, как она здесь оказалась.

Руки ей освободили, и теперь она была за ногу прикована цепью к кольцу в полу. Длина цепи составляла всего метра полтора. Как у собаки, рядом с ее матрасом стояли две миски, для воды и еды. Так же ей любезно предоставили ведро. Ей даже дали одеяло, чтобы она не околела.

Кэрол послушно съедала все до крошки из того, что ей давали, чтобы не потерять силы. Теперь, когда руки у нее были свободны, она лелеяла мечту дотянуться до Кейт. И побороться за свою жизнь. Ее сообщник, который переоделся в полицейского, чтобы ее похитить, показывался только один раз в день, чтобы принести еду, воду и опорожнить ведро. Кэрол не пыталась на него напасть, понимая, что с цепью на ноге, израненная, она не имеет шансов против мужчины. Вот Кейт — другое дело. Как дикий зверь, посаженный на цепь, она зорко выжидала момент, когда Кейт оказалась бы в ее досягаемости. Кэрол была полна решимости. И плевать, если ее сообщник после этого ее убьет, но она утянет Кейт за собой. Пусть ее убьет этот человек, только не она, не эта мразь. Кэрол готова была на все, вплоть на то, чтобы перегрызть ей горло зубами.

Издевательства Кейт только разжигали в Кэрол злобу и ненависть, подобно которым она никогда еще не испытывала, вытесняя всякий страх. В своей ненависти она пыталась найти забвение, упрямо игнорируя страх и боль.

Как-то Кейт зашла, чтобы сфотографировать ее.

— Что ты делаешь? — спросила Кэрол почти равнодушно, когда та, нацелившись на нее фотоаппаратом, без предупреждения щелкнула.

— На память, — Кейт неприятно усмехнулась и ушла, снова оставив Кэрол в крошечной темноте.

Вспышка яркого света разбудила Кэрол, заставив зажмуриться и спрятать лицо в матрас. Скрипнула дверь, раздались тяжелые шаги и натужное дыхание.

Кэрол, шурясь, приоткрыла глаза, чтобы посмотреть, что происходит.

Кейт и ее сообщник, пытая и спотыкаясь, втоптали кого-то в комнату и бросили на матрас у противоположной от Кэрол стены. Мужчина — а это был мужчина — никак не отреагировал на столь грубое обращение, будучи либо мертвым, либо без сознания.

Кэрол приподнялась, все еще шурясь от непривычно яркого света, который после темноты больно слепил глаза, и попыталась разглядеть лицо мужчины. Ей это не удалось, потому что безжизненно упавшая на матрас голова было повернута к стене. Сердце Кэрол вдруг встрепенулось и тяжело забило о грудную клетку в непонятном и неожиданном волнении.

— Давай, подтащим его к стене и сразу пристегнем, пока не очухался, — обратилась Кейт к своему помощнику. Тот молча кивнул. Подхватив мужчину под мышки, они приподняли его и подтащили к стене, прислонив его к ней спиной. Потом одну за другой пристегнули его руки к вбитым в стену кольцам. Потом защелкнули кольцо на цепи и на его щиколотке, как у Кэрол.

Кэрол не двигалась, уставившись немигающим взглядом на мужчину.

Присев перед прикованным мужчиной, Кейт взяла его за подбородок и приподняла, заглядывая в лицо. Обезображенный рот ее растянулся и скривился, что могло обозначать улыбку... если бы это было похоже на улыбку. Но это было слишком страшным и безобразным, чтобы назвать улыбкой.

— Так, дай-ка я тебя рассмотрю поближе, пока ты не очухался, — проговорила Кейт, разглядывая неподвижное лицо. Другой рукой она погладила его по щеке. — Надо же, вот так и не скажешь, по лицу, какая он на самом деле сволочь, такой симпатичный мужчина... пока не откроет свои холодные жестокие глаза, не состроит эту мерзкую надменную гримасу. Мог бы быть милашкой, запросто, если бы захотел.

Она замолчала, внимательно изучая его взглядом. Потом, словно вспомнив про Кэрол, обернулась и посмотрела на нее.

— Как тебе удалось женить его на себе? Я до сих пор в это не могу поверить, — она замолчала, увидев выражение лица Кэрол, и расхохоталась. — Что с тобой? Мне, наконец-то, удалось тебя напугать? Разве ты не рада видеть своего мужа? А я думала, ты обрадуешься. Так давно не виделись с ним, разве не соскучилась? Встреча двух влюбленных, после такой длительной разлуки — как это трогательно! А как он будет рад, когда очнется! Пресса до сих пор смакует его горе, почему-то уверенная в его любви и безутешности, и заставляя всех остальных в это верить. Неужели это правда — он на самом деле тебя так любит? Тогда почему же ты от него сбежала?

Все дни, что Кэрол находилась здесь, Кейт пыталась ее вопросами, пытаясь дознаться о причинах, побудивших ее проверить такую ошеломительную аферу с собственной смертью.

Смеялась и глумилась над Кэрол из-за Даяны, допытываясь, правда ли писали и говорили в прессе, что она была его любовницей.

— Так тебе и надо, нечего было дружить с этой принцесской! Я ее сразу разглядела, еще в детстве, такая вся из себя невинная, а внутри та еще стерва! Она увела у меня Тома! И к твоему мужу в постель забралась. Ты никогда не умела выбирать подруг! Эта черномазая... хорошо, что удалось на тот свет отправить, а то еще та стерва бы выросла. Похлеще бы Даяны была. Таких гнид, как они... и ты, надо еще в детстве давить.

Кэрол никак не реагировала на ее слова, слушая с безразличием. Лишь упоминание об Эмми заставляло ее поднимать на Кейт горящие ненавистью и яростью глаза. Не раз она вскакивала и бросалась на Кейт при этом, пытаясь дотянуться, то та никогда не подходила настолько близко и только хохотала над ее попытками. И в ответ била кнутом. Этот кнут и зубы собаки были ее орудиями пыток, которым она ежедневно подвергала Кэрол. На ее теле не осталось живого места, но Кэрол страдала молча, покрытая ссадинами, гематомами и кровавыми рваными ранами. Сообщник Кейт, имени которого Кэрол до сих пор не знала, каждый вечер приходил и обрабатывал спиртом ее раны, на наиболее глубокие и кровоточащие даже накладывая повязки. Ни разу при этом он не сказал ни слова, но Кэрол замечала, что его взгляд с интересом каждый раз скользит по ней, и сердце ее замирало от ужаса. И настал момент, когда ночью открылась дверь, и он появился на пороге... Об остальном Кэрол запретила себе вспоминать. Она думала о детях, представляла, какими они вырастут, думала о Мэтте, о том, что он ее ждет, что смерть — это не конец. Наоборот, это избавление. Она попадет в тот мир, в котором была, когда находилась в коме после травмы головы, мир, который ей так не хотелось покидать. Мир с Эмми, Мэттом, Мадлен... Теперь там будут и Куртни, и Даяна. Она помирится с подружкой, и все будет как раньше. Она будет так же счастлива там, как тогда. Единственное, что заставляло ее страдать — это мысли о детях. Она отчаянно не хотела их покидать, материнское сердце цеплялось за них со всей силой своей любви. Она даже плакать больше не могла. В ней просто не было слез. Ни боль, ни страх, который она так старательно подавляла, ни отчаяние не могли выдавить у нее ни одной слезы. Она была спокойна, даже безразлична, если не считать ее ненависти. Кейт это выводило из себя, она жаждала ее слез, боли, отчаяния. Она хотела слышать мольбы и стенания. Хотела видеть униженную, раздавленную, уничтоженную Кэрол. И была крайне удивлена стойкостью и неожиданным мужеством той, которую всегда считала слабой. Кейт так же хотела получить ответы на свои вопросы.

Но ее любопытство Кэрол так и не удовлетворила, упрямо молча. Промолчала она и теперь, с непримиримой ненавистью прожигая Кейт взглядом.

А Кейт так явно наслаждалась ситуацией, что злорадство из нее так и перло.

— А он и правда думал, что ты и ваш сын погибли? Вот обрадуется! Я его на всякий случай пока подальше от тебя подержу, чтобы от радости не придушил тебя в своих объятиях.

Она зло ухмыльнулась. Кэрол, наконец, перевела на нее свой взгляд.

— Как тебе удалось? — не удержалась от вопроса она.

В отместку Кэрол за то, что та не хочет отвечать на вопросы, Кейт делала то же самое, не отвечая на вопросы Кэрол, когда та спросила, как ей удалось ее отыскать, как узнала, что она жива. У Кэрол тоже было много вопросов, в частности и о том, как она смогла спастись тогда из горящего дома и спрятаться от Джека так, что он не смог ее найти. Кейт согласна была отвечать на вопросы только если Кэрол сама ответит на ее.

— Ха, запросто! Даже сама не ожидала, что так легко получится, — только и ответила она. — Хочешь подробностей — сначала ответь на мои вопросы.

Кэрол промолчала, отводя от нее взгляд и остановив его снова на Джеке. Какая разница, как он оказался у нее в руках? Это было странно, удивило Кэрол. Джек не из тех, кого можно вот так взять голыми руками, тем более так легко, как уверяла Кейт. Как же он так попался?

Она не в силах была оторвать от него глаз, жадно разглядывая.

Этот момент она видела в своих самых жутких кошмарах, момент их встречи. Со дня аварии, в которой она якобы погибла, Кэрол ничего так не боялась, как именно этого момента. Она молилась, чтобы никогда этого не произошло.

И вот появилась из ниоткуда Кейт, о которой она уже и думать забыла.

Появилась, чтобы снова разрушить ее жизнь. Чтобы отомстить. Отомстить им обоим.

Что она задумала, что будет дальше? Неужели их жизнь закончится здесь, в этом подвале? Неужели им суждено умереть вместе, умереть от ее руки, за то, что когда-то с ней сделали? Неужели Джек допустит, чтобы с ним расправилась какая-то девчонка, он, который пережил столько покушений на свою жизнь, которого никто и ничто не сломило? Все внутри Кэрол вдруг воспротивилось этому, будто волна протеста и возмущения поднялась в ней, заполнив собой все. Да, она может так умереть, она может умереть, как угодно. Но не Джек. Слишком унижительной была бы подобная смерть для такого человека. Его не могла одолеть какая-то девчонка, пусть даже такая злобная фурия, как Кейт. Как же он допустил? Как мог оказаться в ее руках, в ее власти? В том, что Кейт его ненавидела не меньше, чем ненавидела Кэрол, сомнений не возникало. Как и в том, что, вволю поиздевавшись, она их убьет.

Кэрол всегда была уверена, что умрет от разрыва сердца, если снова с ним встретится, но сейчас почти не испытывала страха. Разве что в первые мгновения, когда узнала его. Но сейчас, прикованный к стене, он не вызывал в ней страха. Почти. Если ему не суждено отсюда выйти, он не несет больше никакой угрозы ни ее лисятам, ни Рэю. А за себя ей больше не было страшно. Наоборот, было бы даже лучше умереть от его руки, чем от руки Кейт. Она почти возжелала этого. Да, пусть он ее убьет. Только не она. Может, это и входит в планы Кейт, для этого она его сюда притащила — чтобы он в своей ярости и ненависти убил ее, а она, Кейт, бы порадовалась этому? А потом расправилась и с ним.

Кейт внимательно наблюдала за ней, и с удовлетворением заметила, как глаза Кэрол вдруг влажно заблестели, не отрываясь от бесчувственного мужчины. Заметив взгляд Кейт, Кэрол отвернулась от Джека и легла обратно на матрас, уткнувшись лицом в стену.

Неприятно ухмыльнувшись, Кейт кивнула своему молчаливому помощнику, который не отрывал взгляда от Кэрол, ни на что больше не обращая внимания, и они оба вышли. Свет погас.

Тогда Кэрол перевернулась на другой бок и устремила взгляд туда, где последний раз видела Джека, в темноту. Она жадно вглядывалась, пытаясь его разглядеть, хоть чуть-чуть, но ничего не видела. Глазами. Зато видела мысленно, так, как врезалось в ее память, все, до мельчайших деталей, пока она смотрела на него при свете.

Когда же он очнется? И что тогда будет?

Вроде бы она его не боялась больше, он был прикован к стене и ничего не мог сделать, но почему-то сердце ее все равно выпрыгивало из груди, а руки дрожали. Она не думала, что когда-нибудь окажется с ним рядом. А пришла эта гребанная Кейт, будь она проклята, и заперла ее с ним в одной комнате. Столько времени прятаться, скрываться, столько усилий,

слез, страха — и все впустую!

По расчетам Кэрол прошло часа два.

И вдруг, наконец, она услышала, как звякнули звенья цепи. Он пошевелил ногой, догадалась она.

Следом резко дернулись кольца, вбитые в стену, тоже зазвенев.

Тишину пронзили яростные ругательства, которые вырвались у него сквозь стиснутые от злости зубы, судя по звуку. Кэрол крупно вздрогнула, но не пошевелилась, едва дыша, как можно тише, чтобы он не услышал. Зато сама расслышала его тяжелое дыхание.

Несколько минут он отчаянно звенел своими оковами, пытаясь вырваться, сопровождая свои попытки таким матом, какого Кэрол от него не слышала никогда в жизни. Потом он как-то резко замер, перестав дергаться. Кэрол расслышала тяжелый протяжный вздох.

— Вот дьявол... — прошептал он чуть слышно, уже без ярости, с досадой и огорчением.

Некоторое время он не двигался. Кэрол показалось, что он прислушивается.

— Есть здесь кто? — тихо спросил он.

Кэрол сжалась, едва дыша.

Джек снова вздохнул. Он больше не дергался, тихо сидя в ожидании, когда появятся те, кто его сюда посадил. Кэрол продолжала лежать неподвижно, стараясь дышать как можно тише.

Прошел еще как минимум час, прежде чем за дверью послышались шаги.

Джек пошевелился, зазвенев своими оковами.

Кэрол, понимая, что прятаться уже нет смысла, и он все равно ее сейчас увидит, отвернулась к стене и натянула по самую макушку одеяло.

— Кто здесь? — сразу же окликнул он, услышав ее. — Кэрол? Рик?

Кэрол тяжело задышала под одеялом. Он знал! Вот почему он оказался здесь. Эта мразь сообщила ему, что они живы. И, наверно, заманила в ловушку.

А мгновение спустя снова вспыхнул свет. Скрипнула дверь.

— А-а, очнулся, — раздался насмешливый голос Кейт.

Джек ничего не ответил.

— А ты чего спряталась? Поздороваться с мужем любимым разве не хочешь?

В ту же секунду одеяло было сорвано с нее и отброшено в сторону. Но Кэрол осталась лежать в том же положении, даже не пошевелившись, почти физически ощущая на себе взгляд Джека.

— Гляди-ка, не хочет, — хохотнула Кейт. — Не очень-то она рада вашей встрече, Джек.

Кэрол невольно вскрикнула от неожиданности, когда кнут вдруг стеганул ее по плечу.

— А ну, встала и повернулась сюда! — гаркнула Кейт.

Прикрыв голову ладонью, Кэрол упрямо поджала губы, стиснув челюсти.

Разъяренная Кейт снова ударила ее, потом еще и еще. Сжавшись, Кэрол дергалась от каждого удара, но больше не издала ни звука. Дверь вдруг снова скрипнула.

— Хватит! — раздался резкий голос ее сообщника.

— Не лезь! Отпусти мою руку! Ты что? — задохнулась Кейт. — Заступаешься за нее? Жалко стало? С чего это вдруг?

— Она встанет, — спокойно ответил он.

Кэрол подхватили сильные руки и оторвали от матраса, заставляя встать.

Кэрол выпрямилась, вызывающе вздернув подбородок, устремив на Кейт горящий ненавистью взгляд. Мужчина стоял рядом, крепко стиснув пальцами ее локоть. Кэрол

отступила от него на шаг в сторону, с отвращением выдернув руку. Она чувствовала и даже видела боковым зрением, как смотрит на нее Джек, но сама к нему не поворачивалась, упрямо не желая смотреть в его сторону.

— Она меня не интересуется, — резко сказал Джек, подав, наконец-то, голос. — Можете отпустить, пусть забьется в свой угол и сидит там дальше. Где мой сын?

Кейт удивленно и даже разочарованно посмотрела на него.

— Вот те на! И ты тоже не рад вашей встрече? Надо же, и зачем я тогда так старалась ее устроить? — с наигранным огорчением сказала она, но в глазах ее была насмешка. — А как же ваша любовь? Пресса до сих пор говорит о твоей любви к погибшей жене, о том, как ты по ней убиваешься. Врут? Я вернула тебе ее с того света, а ты даже не рад?

— Излишние хлопоты. Можешь отправить ее обратно. Я уже как-то привык ходить к жене на могилку. А я не люблю менять свои привычки.

Кейт удивленно, с недоверием смотрела на него, потом резко рассмеялась.

— Ну и козел же ты, Рэндэл! Наверное, не зря она от тебя сбежала, — она повернулась к Кэрол и издевательски изогнула единственную сохранившуюся бровь. — Мне даже как-то обидно за тебя, Кэрол. Слышала? Он предпочитает, чтобы ты и дальше оставалась мертвой. Не против, если я тебя убью. Обидно? Каково это, а? А ты, небось, воображала, что он и вправду по тебе убивается? Думала, он тебя любил? Такую, как ты? Да я еще тогда в это не поверила. Тебя-то? — в голосе ее прозвучало невообразимое презрение и отвращение.

— Нет, я так не думала, — тихо и спокойно отозвалась Кэрол. — Поэтому сейчас мне совсем не обидно. Это тебя он удивил сейчас. А меня нет. Он еще может попросить тебя об одолжении самому меня прикончить.

— Правда? — изумилась Кейт, оборачиваясь к Джеку.

— Я сказал, меня она не интересуется! Тебе что, собака и уши отгрызла? — прорычал Джек, вдруг впад в ярость. — Где мой сын?

— Какой сын? У меня нет твоего сына. Я тебя обманула. Конечно, я хотела и его схватить вместе с твоей женой, но мальчишка сбежал из дома до того, как я смогла выкрасть Кэрол. Хотя ему на том спасибо. Благодаря тому, что он удрал, я смогла, наконец, подобраться к ней, когда ее гребанные бульдоги разбежались на его поиски, оставив ее, наконец-то, одну.

Кэрол прекрасно поняла, кого имела она в виду под «бульдогами», но Джек не понял, нахмурившись и не отрывая почерневшего взгляда от Кейт.

— Сбежал? Но... как же палец?

Кейт издевательски расхохоталась.

— А-а, повелся, как последний лох повелся! И с чего это все считают тебя таким умным? Этот милый пальчик достал мне мой приятель, — она кивнула на стоявшего рядом с Кэрол мужчину, который, как обычно, снова молчал, ни во что больше не вмешиваясь. — Он работает в морге уборщиком. Вот, стащил у какого-то малолетнего трупа палец.

Она насмешливо смотрела на Джека, ожидая его ярости и негодования, желая насладиться ими, но он вдруг откинулся на стенку и, закрыв глаза, облегченно вздохнул. И, наоборот, вместо того чтобы взбеситься, сразу как-то успокоился.

Лицо Кейт скривилось от досады. Она явно пожалела о том, что поспешила сказать ему, что Патрика здесь нет. Надо было молчать и поиздеваться сначала, заставить его попереживать, помучиться. Но она была уверена, что узнав о том, что она его облапошила, он будет в бешенстве, ей так хотелось его унижить, выставить идиотом, и ей и в голову не

пришло, что он может обрадоваться, а не разозлиться.

— Но я найду его, не сомневайся, это не трудно. Ведь теперь у него не будет ни мамы, ни папы. И заступиться за него будет не кому, когда я начну разрезать его на кусочки.

Джек открыл глаза и исподлобья взглянул на нее тяжелым холодным взглядом. Страшным, угрожающим взглядом.

— Есть, кому, — твердо возразила Кэрол, не отрывая от нее спокойного взгляда. — И это тебя разрежут на кусочки. Из-под земли достанут и разрежут, поняла? Даже не сомневайся.

— Да что ты! Ой, как я боюсь! А что до сих пор не разрезали, чего ждут? Когда я тебя убью? Да они даже мальчишку найти не смогли, а меня и давно не найдут. Даже он не смог найти, — Кейт кивнула на Джека. — Так что даже не сомневайтесь, мальчишку вашего я следом за вами отправлю. А, может, найду его раньше, и убью на ваших глазах, а потом уже и с вами расправлюсь.

— Смотри, как бы он сам с тобой не расправился, — чуть слышно пробормотала Кэрол, отворачиваясь и опускаясь на свой матрас.

— Что ты там сказала? — скривилась Кейт, словно не расслышала.

— Прочисть свои огрызки, если плохо слышишь, — огрызнулась Кэрол, за что получила немедленный удар кнутом. Вскинув руки, она успела прикрыть лицо, в которое целилась Кейт.

— Прячься-прячься, никуда все равно не денешься. Скоро я займусь твоим смазливym личиком... И ушами тоже. Даже огрызков тебе не оставлю, поняла?

Кэрол промолчала, спрятав лицо на коленях.

— Поздно уже, пошли, — подал неожиданно голос ее приятель. — Не заводись. На ней уже и так живого места не осталось, ты же не хотела ее быстро убивать, а с такими темпами она долго не протянет.

— Нет уж, легкой смерти ей не видать, — прошипела Кейт с ненавистью. — Она будет мучиться, долго будет, и сама взмолится о смерти! И ты тоже, слышал? Сволочь, мразь, как я тебя ненавижу!

Подскочив к Джеку, она размахнулась и ударила его кнутом по груди, раз, другой. В отличие от Кэрол, он не мог защититься, открытый для ее ударов. Он невольно вскрикнул от боли, когда кнут ужалил его по лицу, хоть он и попытался отвернуться. Кровавая полоса, протянувшаяся от корней волос по виску, скуле и до подбородка, которую оставил ее кнут, казалось, охладила ее пыл. Она отступила назад, удовлетворенно хмыкнув. Джек не двигался, застыв в одной позе, с отвернутым в сторону лицом и закрытыми глазами, и лишь его ноздри раздулись, да заиграли на скулах желваки, выдавая его ярость.

— Завтра продолжим нашу милую беседу, а пока поворкуйте тут, пока есть возможность. Можете даже помириться, все равно скоро подыхать. Обсудите, кто будет из вас первым. Пари заключите, в конце концов. В общем, не скучайте, — она хмыкнула, весьма довольная собой, разглядывая побелевшего от бешенства Джека и получая от этого ни с чем не сравнимое удовольствие. Даже большее, чем она получала, издеваясь и унижая Кэрол. О, унижать его было намного приятнее, прямо захватывающе, у нее даже дух перехватило от восторга. О, она и не подозревала, какое это доставит ей удовольствие.

Она даже до сих пор поверить не могла, что это все-таки случилось, что он, такой надменный, сильный, опасный — и в ее власти. Беспомощный, задыхающийся от ярости и бессилия, и она может делать с ним, что хочет, унижать, бить, издеваться, оскорблять. И

больше не бояться, как боялась все эти годы. Теперь он пусть ее боится. Теперь ее черед вершить расправу. И пощады ему не будет. Она будет так же безжалостна с ним, как и он с ней. Она заставит его пожалеть о том, что он с ней сделал. Горько пожалеть. Оба они будут жалеть. Она сломает их. Интересно, кто из них сломается первым? Кэрол оказалась твердым орешком и до сих пор держалась молодцом, удивляя своим мужеством, стойчески вынося издевательства и страдания. Но на сколько еще ее хватит?

А чего ждать от него? Действительно ли в нем столько силы и бесстрашия, которые он всегда демонстрировал на весь мир? Или это все показуха?

— Вот и узнаем, — сказала вслух Кейт, отвечая на заданный про себя вопрос, и, отвернувшись, направилась на выход.

Повернув голову, Джек впился в нее потемневшим взглядом, провожая.

— Образина! Мразь уродливая... — процедил он с отвращением и в сердцах сплюнул.

Кейт резко остановилась, будто на стену наткнулась, но не обернулась и спустя мгновение перешагнула порог и захлопнула за собой дверь. Шаги их затихли, а свет так и не потух, что удивило Кэрол. Впервые они ушли и оставили свет включенным. Забыли или специально?

Тогда задыхающийся от ярости Джек обратил свое внимание на сидящую на своем матрасе Кэрол.

— Ты-ы, — прорычал он, потеряв над собой контроль, чуть ли не брызжа слюной. — Дрянь! Сука! А ну, посмотри на меня! Смотри сюда, я сказал!

Он напрягся, сжимая кулаки, подался корпусом вперед, словно пытался до нее дотянуться.

Но Кэрол осталась совершенно равнодушна к его ярости и даже не пошевелилась, продолжая прижиматься лбом к коленям. Это его еще больше взбесило. Он разразился громкими ругательствами, осыпая ее такими оскорблениями, что сердце Кэрол тяжело застучало от гнева, а лицо запекло от охватившего его жара. Но даже тогда она не подняла к нему лица, внешне оставшись безразличной к его оскорблениям.

Он бесился, вырываясь из оков, пытаясь выплеснуть на нее свою ярость, и не мог, потому что она оставалась глуха и нема, отказываясь хоть как-то отреагировать.

М-да, думала она, с самообладанием у него стало еще хуже, чем было. Таких приступов бешенства, когда они жили вместе, она у него никогда не замечала. Она была уверена, дотянись он сейчас до нее, он бы разорвал ее на кусочки, как дикий зверь. И то, что он не может это сделать, приводило его в непередаваемую ярость.

Постепенно он успокоился, перестал дергаться и замолчал. Только долго еще тяжело дышал.

Так и не взглянув на него, Кэрол дотянулась до одеяла, которое отбросила в сторону Кейт и, подтянув его к себе, спокойно легла и, отвернувшись к стене, накрыла голову, оставив открытым лишь лицо. Закрыв глаза, она притворялась, что уснула, но на самом деле уснуть не могла, невольно прислушиваясь к каждому его движению.

Она так и не смогла уснуть до утра. Джек тоже не спал, всю ночь просидев, подперев стенку, с задранными прикованными руками. Он постоянно ими двигал, пытаясь разминать, но все равно они начали у него болеть, причиняя неудобство и страдания.

Кэрол постоянно ощущала на себе его взгляд. Он не пытался с ней больше заговорить, но, казалось, смотрел, не отрываясь. Его взгляд жег ее, как струя горячего воздуха. Бок у Кэрол затек, она долго терпела, потом, спустя несколько часов все-таки не выдержала и

перевернулась на другую сторону, лицом к нему. Она не пыталась больше спрятать от него свое лицо, и тут же почувствовала, как его взгляд впился в него. Стараясь не обращать на это внимания, она лежала с закрытыми глазами, подложив под голову локоть и старалась уснуть, забыться в спасительном сне, хоть ненадолго.

Потом, осознав тщетность своих попыток, она слезла с матраса и сдвинула его в сторону. Присев на его край, она зацепила пальцами шляпку большого гвоздя, выступающую из доски пола, и стала раскачивать ее из стороны в сторону. Она обнаружила этот гвоздь два дня назад, и с тех пор почти все время проводила, пытаясь его вытащить. Ногти давно были обломаны под корень, пальцы изранены, но она все равно не оставляла этот гвоздь в покое, тем более, когда он начал постепенно поддаваться.

Как одержимая, она впивалась в него пальцами, пытаясь расшатать и вытащить, представляя в своих мечтах, как вонзит его в единственный глаз Кейт. Или ее сообщника, если он попытается снова к ней прикоснуться. Или в собаку, которая ее кусала. Только бы его достать, а уж воспользоваться она им сумеет, в этом она не сомневалась.

— Что ты делаешь? — не выдержал Джек, наблюдая за ней, так как не мог разглядеть, зачем она ковыряется в полу.

Кэрол снова не обратила на него никакого внимания, сосредоточенно возясь с гвоздем.

— Что, так и будешь молчать и делать вид, что меня нет? — снова начал злиться Джек. — А объясниться не желаешь? Как, зачем и почему?

Кэрол прекрасно поняла, что он имеет в виду и о чем спрашивает. Но снова промолчала. У нее не было никакого желания отвечать на его вопросы, что-то объяснить, доказывать, оправдываться. Даже разговаривать с ним. Ей нечего было ему сказать.

— Где ты была все это время? — не в силах больше сдерживать любопытство, допытывался Джек. — Я искал тебя... Как тебе удалось повернуть этот фокус с аварией? Скрываться так, что я не смог тебя найти? Кто тебе помогал? Кто сейчас помогает? Что еще за бульдоги? О чем говорила эта тварь? Где Патрик? Почему он сбежал? Отвечай мне! Я все равно все узнаю! Все!

Кэрол буквально кожей ощущала волны исходящей от него ярости, но не отвлекалась от своего занятия, пропуская его вопросы мимо ушей. Она даже почувствовала что-то, смутно напоминающее удовольствие от происходящего. Она всегда испытывала перед ним страх, когда он впадал в ярость или злился, а сейчас ей больше не было страшно, впервые. И это было приятно. Вот бы так всегда и было — как разозлился и начал буйствовать, сразу на цепь и к стене. Как дикого зверя. Хотя... почему как? Сейчас, на цепи, в оковах, он как никогда на него и походил. Даже бесился и рычал так же.

— Моя жена не воскресла, а превратилась в зомби — ничего не видит и ничего не слышит, — с неожиданно горькой ухмылкой проговорил он. — А может, у тебя просто окончательно уже крыша съехала? Потому Рик и сбежал от тебя? Потому что ты стала такая же, как твоя гребанная мамаша! Чертова психопатка! Ты Элен, а не Кэрол! Даже взгляд такой же, как у нее! Я пытался спасти Кэрол, защитить ее, но не смог... Кэрол больше нет. Эй, Элен! Я знаю, что теперь ты там. Элен! Элен!

Кэрол вдруг резко обернулась с посеревшим лицом и пронзила его полыхающим взглядом сквозь зло прищуренные веки.

— Заткнись! — прохрипела она.

— Даже голос таким же становится, как у нее — низким и хриплым, ты заметила? — он удрученно покачал головой, разглядывая ее. — Вот почему на меня не реагировала —

потому что ты теперь Элен. А на Элен сразу отозвалась. Ну что ж, тогда привет, Элен.

— Не смей! Не называй меня так! — Кэрол прекрасно понимала, что он специально это делает, зная о самом большом страхе всей ее жизни — стать похожей на мать, и не только внешне. И сейчас он просто воспользовался этим ее подсознательным страхом. Да, она понимала. Но вынести этого не смогла.

Хитрый мерзавец, все-таки нашел, чем ее пронять, заставить отреагировать!

Забыв о гвозде, она с неприязнью смотрела на него, встретившись, наконец-то, с ним взглядом.

— Надо же, сколько ненависти, сколько злобы! И откуда только столько взялось? — он усмехнулся, не отрывая от нее пристального изучающего взгляда. — А где же та трогательная затаенная печаль, пробирающая до костей, способная растопить все льды в Арктике? Тебе надоело печалиться, теперь ты предпочитаешь злиться? Нравится быть злобной ненавистной фурией, как Элен? Зря. Тебе это не идет. Как и твой новый цвет волос. Думаешь, темные волосы делают тебя на нее менее похожей? Нет, дорогая. Ты — это она, и никакие твои попытки изменить это не помогут. А ведь я хотел тебе помочь, не подпустить ее к тебе. Я мог тебе помочь. Но ты сбежала.

— Помочь? Ты запер меня в психушке! Ты считал меня сумасшедшей! Они меня мучили, превращали меня в овощ... Я так просила тебя... а ты им позволил. Ты хотел меня там сгноить! И, если бы я не сбежала, я бы там уже сдохла... как моя мать, — поддалась на провокацию Кэрол, не замечая, как ловко он вывел ее на контакт, которого она так не хотела.

— Нет, ты бы подлечилась, как тогда, после убийства Френсис, и тогда бы я забрал тебя. И мы бы жили дальше, как раньше, и все бы было снова хорошо, — уже спокойно возразил он. — Значит, потому ты сбежала? Потому что думала, что я хочу запереть тебя навсегда в психушку?

Кэрол некоторое время молчала, не отводя больше глаз. Ярость ее вдруг как-то резко испарилась, а сердце больно заныло. Она смотрела в его глаза, скользила взглядом по лицу, и вся душа ее наполнялась той мукой, тем страданием, которые она всегда гнала от себя прочь, не позволяя им завладеть собой, которые, спрятанные глубоко внутри, отравляли своим ядом, разрушали изнутри, разъедали... И сейчас они вдруг поднялись из этих глубин, откуда ей до сих пор удавалось их не выпускать. Сейчас, смотря на их источник, она не смогла с ними совладать. Вот он, ее боль, ее мука, яд, страдание, ее болезнь, от которой она не могла излечиться никакими способами, от которой бежала, пыталась вырвать из своего сердца, и не могла. И сейчас, смотря на него, она остро почувствовала, что ее сердце все еще зажато в его когтистой лапе, израненное, истекающее кровью, а его когти снова впиваются в него, причиняя еще большую боль, она так ясно это почувствовала, что невольно прижала ладонь к груди и сжалась, с трудом сдержав стон.

— Не поэтому, — тихо прошептала она, тоже уже без злости.

— Тогда почему? — так же тихо спросил он, и в его голосе послышалась неприкрытая боль, которую он не смог скрыть, и которая очень удивила Кэрол. И тогда она решила сказать ему правду, и не важно, что он об этом подумает.

— Потому что, если я буду рядом с тобой, ты умрешь, — уверенно и решительно ответила она.

На лице его отразилось удивление, брови недоуменно приподнялись.

— Что? — в замешательстве переспросил он. — О, Боже...

Он горестно поджал губы и, опустив глаза, покачал головой. Когда он снова посмотрел на нее, Кэрол отвела взгляд, горько усмехнувшись, потому что, как и следовало ожидать, он посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Даже что-то, похожее на презрительную жалость, с какой всегда смотрят на умалишенных, слыша их бред, отразилось в его глазах. Сердце Кэрол тяжело забилося, а лицо неприятно запекло, но она не пошевелилась, вновь обретя самообладание, которое потеряла, когда она стала называть ее Элен.

Теперь он считает ее сумасшедшей еще больше, чем раньше. Ну и пусть. Может, так даже лучше. Пусть так и думает. Может, это облегчит его обиду, поубавит в нем ненависти и ярости. Ведь он всегда считал, что винить сумасшедших и в их сумасшествии нельзя. Ведь даже Мэтта он не осуждал за то, что тот творил в приступах своего безумия. Пусть считает, что все, что она совершила, делалось не в здравом уме, что она просто больная, одержимая своими бредовыми страхами и фантазиями. Про смерть, про черный туман и проклятие. Что она убежала, чтобы его спасти, из благих побуждений в ее больной голове. Хотя ведь все так и есть на самом деле, кроме больной головы. И страхи ее не бредовые. Но пытаться в этом переубедить Кэрол даже не пыталась, и смысла в этом не видела. Ведь чем больше она пыталась что-то доказать и объяснить, тем большее ее воспринимали, как ненормальную.

— Кэрол, тебе нужна помощь, — сказал Джек почти уже без былой неприязни, которая переполняла его несколько минут назад.

— Ты о том, чтобы снова запереть меня в дурдоме? — Кэрол горько ухмыльнулась. — Думаю, у Кейт другие планы.

— На планы Кейт мне наплевать, они все равно не осуществятся.

— Сказал тот, кто сидит в подвале прикованным к стене.

— Это ненадолго.

Кэрол с любопытством взглянула на него.

— Почему? — настороженно спросила она.

— Это мой маленький секрет, и пока я его оставлю при себе.

Уверенность в его голосе заставила Кэрол невольно улыбнуться. Джек явно не собирался умирать. И слишком уверенно себя вел для человека, оказавшегося в руках смертельного врага, обрекшего его на гибель. Что за этим скрывается? Откуда такая уверенность? Он блефует, или правда есть что-то, что позволяет ему быть уверенным в том, что Кейт не удастся осуществить свою месть? О, вот это уже больше было похоже на Джека, чем то, что он, как ягненок, попался на заклятие так легко, позволив себя одурачить и победить.

— Расскажи-ка мне поподробнее о том, почему я должен умереть, если ты рядом?

— Зачем? — насторожилась Кэрол. — Ты же все равно мне не веришь.

— Ну... мне интересно. А вдруг поверю, — он пристально наблюдал за ней своими внимательными умными глазами.

Кэрол пожалала плечами. Все равно терять уже нечего, почему бы и нет?

— Это проклятие, которое было наслано на мой род по маминой линии очень давно. Это проклятие в виде нечто, которое я вижу, как черный туман, который меня окружает. Это что-то... этот черный туман поглощает людей из моей жизни, особенно тех, кого я люблю, питается ими. После смерти они находятся там и не могут вырваться. Он передается от матери или от отца, не важно от кого, к ребенку. Когда ребенок набирает достаточно сил, чтобы питать его, от его родителя он избавляется за ненадобностью, так же его пожирает.

— И как это остановить? — с неподдельным интересом спросил Джек.

— Оборвать ниточку... прервать род.

— То есть... ты передала это уже Патрику, так получается? — глаза Джека сузились. —

Ты так думаешь?

— Да. И в нем это во сто крат сильнее... В нем растет страшное зло. И я не знаю, как этому помешать.

— Значит, он тоже не может быть со мной, если и в нем это проклятие? Тоже должен сторониться всех, иначе все умрут?

Кэрол кивнула.

— И ты ему все это рассказала?

— Нет, я не рассказывала. Он сам это знает.

— Сам? Но откуда он сам это может знать?

— У него дар, как у меня... только намного сильнее. Он может видеть смерть. И не только. Он даже... общается с мертвыми. Видит их, разговаривает. Представляешь, оказывается, Мэтт не ушел, он все время был со мной со дня своей смерти, а я и не знала. А Патрик с ним подружился.

— Ничего себе, — спокойно сказал Джек, не отрывая от нее неподвижного взгляда. — Еще. Расскажи мне о нем еще.

— Он очень умный мальчик. Быстро растет. Выглядит намного старше своего возраста. Такой талантливый! Занимается профессиональным боксом, вырезает фигурки, учится легко, играючи...

— А вернуться ко мне... к деду он тебя не просил? Как вообще он смотрел на то, что вы вот так сбежали?

— Он страдал, конечно, и скучал. Но он не просил. Он знает, что нельзя. Он любит тебя больше всего на свете, и не хочет тебе навредить.

— Так, а почему он сбежал?

Кэрол отвела глаза.

— Он... он разозлился на меня. С ним непросто. Он очень требовательный мальчик, вспыльчивый, с таким характером... да ты и сам знаешь.

— И где он может быть, по-твоему?

— Не знаю. Я была почти уверена, что он сбежал к тебе.

— Ко мне? Почему? Ты же сказала, что он понимал, что нельзя, и не хотел мне навредить? И с чего вдруг передумал?

— Обиделся. Рассердился.

— А раньше он пытался ко мне сбежать?

— Нет. Это первый раз.

— Что же его на это побудило?

Кэрол промолчала. Джек тоже помолчал, продолжая изучать ее цепким взглядом. Кэрол заметила, что он тяжело дышит, а глаза его снова горят, как будто он опять был охвачен яростью, только теперь пытался этого не показать.

— Значит, на моем сыне тоже проклятие, он должен быть всегда один, как ты, иначе все умрут, я правильно понял? А еще он разговаривает с мертвыми, как с живыми, так? И что-то еще видит? И в нем растет какое-то страшное зло, так?

— Так, — едва слышно отозвалась Кэрол.

— И он сам в это поверил, думает, что это на самом деле?

— Да.

— А как же, по-твоему, можно это остановить, исправить, не дать этому злу... расти?

— Габриэла требовала, чтобы я его убила. И Элен тоже так говорила. Он вырастет чудовищем, монстром. Я видела его в своих видениях... он станет ужасным человеком, будет делать страшные вещи... Уже начал делать, а я не знаю, как это остановить, как помочь ему...

— Что ты несешь?! — вдруг взревел Джек, рванувшись в своих оковах, заставив Кэрол вздрогнуть от неожиданности. Подняв на него глаза, она увидела, что он побелел от бешенства, его спокойствие как рукой сняло, лицо его перекосило от ярости, а в глазах снова горела ненависть.

— Ты, чертова психопатка, сука больная, что ты сделала с моим сыном? Что ты ему внушила? Я убью тебя! Убью! Ты сама хоть соображаешь, что ты делаешь? Ты издеваешься над собственным ребенком, запугала его своими бреднями, ты чокнутая дура! Хочешь сделать из него такого же ненормального, как сама? Как твоя мамаша? Вы обе чокнутые! Тебя надо запереть в дурке, как и ее! Тебя действительно нельзя подпускать к людям, ты опасна! Ты переняла от нее все ее бредни, все до единого, даже то, что нужно убить собственного ребенка, чтобы уничтожить это ваше проклятие! Но сделать Рика таким же я тебе не позволю! Я не смог спасти от этого тебя, но к нему я эту болезнь не подпущу!

— Ты не веришь. Я знала, что ты не поверишь. И Рик знал. Он говорил, что, если мы к тебе вернемся, ты запрешь нас в психушку.

— Он так говорил? Нет, это ты ему так говорила! Ты ему все это внушила, дрянь ненормальная! Да, тебя я запру в психушке, ты права, и никогда оттуда не выпущу, а мой сын забудет обо всем, что ты ему наговорила. Он вырастет нормальным, я об этом позабочусь. Я не допущу, чтобы он стал таким, как ты... как Элен. Боже, Кэрол, неужели ты на самом деле веришь в то, что говоришь? Неужели не понимаешь, что с тобой происходит? Что происходило с Элен? На вашем роде действительно проклятие, которое передается по наследству — это ваша болезнь, сумасшествие, шизофрения! Этот черный туман, это проклятие, этот ваш дар и все остальное, во что ты так веришь, во что верила она — это всего лишь болезнь, только болезнь, и ничего больше! Почему ты меня не послушала тогда, почему не позволила тебе помочь? Ты сама не замечала этого, но я же видел, как ты становишься такая же, как Элен. А теперь это уже завладело тобой полностью, как ей когда-то, ты стала такой же... И теперь поздно что-то пытаться исправить. Этот процесс необратим, его можно было только замедлить, не дать развиваться... но повернуть его вспять уже нельзя, ведь Элен — тому доказательство. Ничто уже не смогло ее излечить. Ты, Кэрол, ты пропала, ты безнадежна теперь, как и она была, я вижу это, я понял это сейчас, когда слушал тебя, смотрел на тебя. Но мой сын — нет. Я сделаю все, чтобы спасти его от этого вашего проклятия сходить с ума.

— Я не сумасшедшая, Джек. И Рик тоже.

— Он — нет. Но ты пытаешься ему это передать, впихнуть в него это, как впихнула в тебя это твоя мать. Только я не позволю. Его нужно оградить от тебя, полностью и навсегда. Нужно, чтобы он забыл все, что ты ему внушала, чтобы никогда об этом и не вспомнил. Он еще маленький, это возможно сделать. Ты стала такая же, как Элен, ты ломаешь жизнь своему ребенку, обрекаешь его на тот же кошмар, на который обрекла тебя твоя мать. Ты этого не понимаешь, да? Ты хочешь ему такой же участи, как у Элен и у тебя?

— Нет, не хочу.

— Тогда зачем ты это делаешь? Как ты можешь?

— Но я ничего не делаю, — прошептала в отчаянии Кэрол. — Он сам...

— Хватит! Заткнись! Я не могу больше это слушать! Это невыносимо! — он зажмурился, словно видеть ее и слышать для него стало нестерпимо. — Я не могу видеть тебя такой... Лучше бы никогда не увидел! Лучше бы ты и вправду умерла в той аварии, чем превратилась в Элен!

Кэрол ничего на это не ответила. Молча отвернувшись, она снова начала выковыривать из доски гвоздь, возобновив прерванное занятие.

— О, моя нежная, добрая девочка, моя Кэрол, — вдруг прошептал он с отчаянием.

Обернувшись, Кэрол увидела, что он обращается не к ней, а как будто к кому-то, кого здесь не было. Как к тому, кого больше не существовало, как к умершему.

— Я не смог тебя спасти... прости меня... Но нашего сына я спасу, я обещаю тебе.

Кэрол хмыкнула и отвернулась, подумав о том, что он сейчас сам похож на ненормального.

Хотя, в чем-то он все-таки был прав — в том, что нежной и доброй девочки на самом деле больше не существовало. И той, прежней Кэрол — тоже. Надо же, он до сих пор страдает о той Кэрол, жалеет о ней, о наивной дурочке, которая слепо его любила, возносила его, доверяла, терпела его характер, слушалась его и позволяла собой командовать. Конечно, такому, как он, нравилась такая Кэрол, она его устраивала, была удобной. И он до последнего, как наивный дурачок, так на себя не похожий, надеялся и верил в то, что она снова станет такой с ним. И он снова сможет водить ее за нос, обманывать, пользоваться ее доверием и любовью. Но она изменилась, и это он ее изменил, и процесс этот был необратим, как он выразился, хотя изменения эти не имели никакого отношения к Элен и наследственной болезни. И она не была сумасшедшей. Не превратилась в Элен. Ее рассудок был как никогда крепок. И ему больше ничего не грозило. Она не сойдет с ума, как мать. Хотя, теперь она не верила в то, что Элен действительно сошла с ума. Она просто потеряла контроль над собой и этим проклятием. Чтобы выжить, с этим нужно научиться жить. Элен не смогла. Это проклятие одолело ее, превратив в убийцу, полностью подчинило ее рассудок, в результате чего ее, естественно, посчитали сумасшедшей. С этим нужно бороться, контролировать, не позволять собой управлять, завладеть, превратить в убийцу, чудовище, дабы ее руками этот проклятый черный туман добывал себе жертв, как он делал с Элен и, возможно, с другими до нее. И молчать. Скрывать. Она рассказала Джеку — и что? Он не поверил, разозлился. Собрался до конца дней отправить ее в психушку, как Элен. Запретить видеть Патрика.

Сам прикован к стене и на волосок от смерти, а ведет себя так, словно Кейт и не существует вовсе. Как будто он уже на свободе, и опять может распоряжаться ее, Кэрол, жизнью. Как это понимать? Он не осознает ситуацию, в которой сейчас находится или просто отказывается ее признавать? Или по привычке забыл, что он больше не вершитель человеческих судеб, что теперь Кейт вершит его судьбу, да и Кэрол тоже, а не он. Да, он, как всегда, непробиваем. Даже сейчас мнит, что он здесь все решает, что все ему подвластно, как и прежде.

Только скоро откроется эта железная дверь, придет Кейт и продолжит свои издевательства. Что тогда он сделает? Кэрол знала, что Кейт будет его ломать. Сомневалась, что у той получится, но в том, что она сделает для этого все — была уверена.

Его самомнение и непробиваемая самоуверенность, отказ принять ситуацию и свое теперешнее реальное положение раздражало Кэрол. Да, можно оставаться сильным и

мужественным, но к чему так демонстрировать, что не происходит ничего страшного, игнорировать угрозу и опасность, показывать свою уверенность в том, что он будет свободен и будет жить дальше, ее, Кэрол, спрятав в психушке, и воспитывая сына? Может, он бессмертный, а она, Кэрол, просто об этом не знает? Да, точно, он ведет себя именно так. Будто он бессмертный и ничего с ним случится не может.

Но УЖЕ случилось. Он здесь, в подвале, беззащитный, с кровавой полосой через все лицо, оставленной кнутом, как кричащее доказательство того, что он не может себя защитить. Так может хотя бы сейчас пора прекратить строить из себя всемогущего Джека? Но нет, он не хотел меняться, изменять себе, даже теперь, продолжая на все смотреть свысока. Джек есть Джек. Упрямый и негибачаемый.

Кэрол не хотела видеть то, что будет делать с ним Кейт. Не хотела видеть его униженным, страдающим. Одна только мысль об этом уже причиняла ей невыносимую боль, наполняя ее сердце ужасом. И Кэрол поняла, что на самом деле совсем его не ненавидит, как считала. И подозревала, что его боль окажется для нее не менее мучительна, чем своя собственная. А издевательства над ним обернутся в ее душе еще большими страданиями. Если бы была возможность, она бы взяла это на себя, чтобы избавить его от этого.

Она была привыкшей к унижению, издевательствам, моральным страданиям, еще с детства научившись их стойко переносить. А вот он вряд ли. К унижениям он не привык. Наоборот, он не выносил ничего подобного. Ни обид, ни оскорблений, ни тем более унижений. Не выносил, потому всегда за них мстил.

Что с ним стало, когда Кейт отхлестала его кнутом! Как он взъярился, с каким трудом успокоился потом, и то, скорее, это было показное спокойствие, а внутри у него все кипело и бурлило, Кэрол была в этом уверена, зная его. О, он просто не мог вот так легко и запросто успокоиться после такого обращения.

А ведь Кейт еще ничего и не сделала, даже еще не начинала свои издевательства.

Все начнется только завтра.

Что она придумает? Будет плумиться над ними обоими. Мучить. Одного мучить, а другого заставлять на это смотреть. И это будет невыносимо, для Кэрол, по крайней мере, она это знала. Ему-то, может, будет и все равно до того, что Кейт с ней будет делать, ведь он никак не отреагировал, когда та ее лупила кнутом у него на глазах. Даже сообщник Кейт не выдержал и заступился, а он просто спокойно на это смотрел. Сказал, что не против, если Кейт отправит ее в могилу. Кэрол говорила, что ей все равно, и Кейт, и себе, но на самом деле это было далеко не так. Это причинило ей боль. Но она никогда этого не покажет ни Кейт, ни, тем более, ему. Ни Кейт, ни ему знать об ее чувствах ни к чему. Пусть думают, что ей все равно. Было бы хорошо, если бы и саму себя удалось в этом убедить. Тогда стало бы намного легче все это перенести.

А сейчас ей оставалось только сражаться с упрямым гвоздем, не желающим ей поддаваться, да набираться мужества перед тем, что предстоит завтра.

- Ну что, голубки, наворковались?

Кейт с любопытством разглядывала своих пленников.

Кэрол никак на нее не отреагировала, но она сейчас и не интересовала Кейт. Ей сейчас был интересен ее новый пленник, который с таким видом на нее смотрел, будто собрался встать и убить ее прямо сейчас. Она не сомневалась, что он бы так и сделал... если бы мог. Но он не мог. Зато могла она. Могла делать все, что захочется.

— Что ты так на меня смотришь, Рэндэл? Любуешься тем, что со мной сделал? Тебе нравится мое лицо?

— Оно тебе идет. Как раз подходит для такого чудовища, как ты, — Джек изогнул губы в презрительной ухмылке, не пытаясь скрыть свое отвращение. — Мерзкая уродливая морда для мерзкой уродливой твари.

Кейт побагровела, глаза ее загорелись яростью. Присев перед ним, она схватила его за подбородок, не позволяя отвернуться, и приблизилась настолько близко, что почти коснулась изуродованным носом его носа. Джек напрягся, пытаясь отстраниться, скривившись от отвращения.

— Нет, не отворачивайся, ублюдок, смотри! Смотри, во что ты меня превратил! За что? Что я лично тебе сделала? Кэрол — понятно, у нас давняя вражда. Но ты какого хрена ко мне полез, удумал вершить надо мной расправу? Что тебе я сделала?

— Ничего. Мне достаточно того, что ты сделала Кэрол.

— Она попросила тебя помочь мне отомстить?

— Нет, я сам ей предложил. Сам все придумал и устроил. Она даже просила меня потом остановиться, после собаки, но я не захотел.

— Но почему? Ты меня так ненавидишь, что ли? Но за что? Только за то, что мы враждовали в детстве с Кэрол?

— Нет, тогда я тебя не ненавидел. А что тебя так возмущает, я не пойму? Ты еще с детства считала себя вправе расправляться с тем, с кем хочется. Думала, ты одна такая? Нет. Я вот тоже такой. Люблю чинить расправу. Тебе просто не повезло попасться мне на глаза. Не все безобидны, детка. Когда-нибудь можно не на того напасть, нарваться. Вот и ты нарвалась.

— Но я тебе ничего не сделала!

— Вот заладила! Ну и что? Мне — нет, зато моей жене. Я вполне имею право наказывать ее обидчиков, если она сама не может. На то я и муж, разве нет? Но ты и меня лично задела. Мне не понравилось, как ты смотрела на мою жену тогда, на открытии мотеля, с презрением, высокомерием. С чего ты взяла, что можешь так на нее смотреть, так с ней себя вести? С чего возомнила себя чем-то лучше, выше?

— Да потому что так всегда и было! Она всегда была грязью, отбросом, ничтожеством. Мразью.

Кэрол посмотрела на нее, продолжая лежать на своем матрасе. Она ничего не сказала, но губы ее поджались от неприязни. Кейт не видела, но Джек заметил.

— Ты могла так говорить о Кэрол Мэтчисон, но о Кэрол Рэндэл — нет. Вот за то и поплатилась, поняла?

— Поняла. Тогда у меня еще один вопрос, который не давал мне покоя с того самого

дня... как такой, как ты, мог на ней жениться?

Джек закатил глаза и так вздохнул, словно его придавило бетонной плитой.

— О, как я уже устал от этого вопроса! Почему меня все время об этом спрашивают? И почему я должен отвечать, что-то кому-то объяснять? Пошла ты в жопу, ясно? Еще я перед обезьяной какой-то не отчитывался!

— Урод! — вскричала Кейт и ударила его кулаком по лицу.

Джек резко взбрыкнулся и умудрился пнуть ее ногой. Тяжелый зимний ботинок попал прямо в живот, и девушка со стоном опрокинулась на спину, отлетев от него. Резкий звон цепи насторожил ее. Схватившись за живот, она приподнялась и вскрикнула, когда вокруг ее шеи вдруг обвилась рука и с силой сдавила.

Кэрол, безучастно наблюдающая за ними, отреагировала мгновенно, когда увидела, что Кейт оказалась в зоне досягаемости. С быстротой, достойной зверя, поджидавшего в засаде, она набросилась на Кейт. Ни измученное истерзанное тело, ни начинающие ее покидать силы из-за скудного питания и малой неподвижности, не помешали ей в этом рывке. Наоборот, никогда она не ощущала в себе такой прилив сил.

Застигнутая врасплох, не ожидающая такого быстрого и решительного нападения, Кейт растерялась.

Вскинув руки, она пыталась дотянуться до Кэрол, но та лишь с еще большей решимостью сдавила ей горло, поразив своей силой. Поняв, что не может вырваться, Кейт пронзительно, из всех сил закричала, зовя на помощь своего сообщника, имя которого, наконец-то, Кэрол узнала.

— Фрэнк! — завопила Кейт.

Стиснув зубы от напряжения, Кэрол напрягла мускулы со всех сил, и крик Кейт оборвался.

Джек широко раскрытыми глазами наблюдал за происходящим, удивленно смотря на Кэрол.

— Дави ее, Кэрол! Давай! — прохрипел он. — Молодец!

Но Кэрол его не слышала, с безумной злобой вцепившись в Кейт, напоминая ему снова Элен, яростную, ненавистную, сильную. Элен, которая когда-то кидалась на него с ножом, дралась с ним, поражая своей силой и жестокостью... Элен, вытеснившую из его жены Кэрол, мягкую, робкую, нежную, беззащитную. И сейчас он окончательно убедился, что напуганная, не уверенная в себе девочка навсегда исчезла. Его жена на самом деле была теперь совсем другой. Даже голос у нее действительно менялся, он не лукавил, когда сказал ей об этом. Он сразу на это обратил внимание. Тембр стал ниже, появилась легкая хрипотца. Как у Элен. Настанет момент, скорее всего, и ее голос с возрастом, станет точь-в-точь, как у матери — хриплым и низким. И не останется ничего, чем бы она от нее отличалась.

Посиневшая Кейт закатила глаза, и на губах Кэрол вдруг появилась улыбка. Страшная, жестокая, торжествующая. Она с еще большей решимостью напряглась, лишая ее остатков жизни, убивая с такой непоколебимостью, что у Джека внезапно холодок прошел по спине. Не потому, что он испугался убийства, а потому что это делала она. И потому, как она это делала. Он не мог поверить, что Кэрол способна вот так хладнокровно и без колебаний лишить человека жизни, хоть она и убила когда-то уже. Но убийство Кэтрин Френсис, как он привык считать, было совершено в состоянии аффекта, в результате нервного срыва и слабеющего от наследственной шизофрении рассудка, к которому та медленно подбиралась. Но сейчас Джек вдруг усомнился в том, что его выводы тогда были верными. Нет, в Кэрол

просто живет убийца, как в ее матери, вот и все. И никакие нервные срывы, и состояния аффекта ни при чем.

Но, чтобы ее к этому не побуждало и какой бы она не была, в этот момент Джек ее полностью поддерживал, и, если бы мог, даже помог бы.

Но дверь вдруг со скрежетом распахнулась, в комнату вбежал тот самый Фрэнк и, увидев, что происходит, схватил Кэрол за волосы и резко дернул. Та закричала, но Кейт не выпустила, вцепившись, как одержимая. Тогда он размахнулся и опустил кулак ей на затылок. Руки Кэрол разжались, и она без чувств повалилась на бок. Уткнувшись лицом в пол, она больше не двигалась.

Фрэнк поднял на ноги Кейт и, не давая ей времени на то, чтобы прийти в себя, вывел за дверь.

Джек заметил, как он бросил на Кэрол встревоженный взгляд, как будто боялся того, что теперь с ней сделает Кейт. Похоже, сообщник Кейт проникся симпатией к пленнице.

— Кэрол! Кэрол! — позвал Джек, когда за ними закрылась дверь.

Свет вдруг погас. Джек продолжал звать Кэрол, пытаясь привести ее в чувства, но она не слышала его.

Лишь спустя примерно десять минут он расслышал движение в темноте.

— Эй... ты как? — спросил он.

Она не ответила. Он расслышал, как она сдвигает свой матрас, и догадался, что она снова принялась за гвоздь, на ощупь найдя его в темноте.

Не прошло и двадцати минут, как вернулась Кейт в сопровождении своего помощника.

Кэрол сжалась на матрасе, подобрав ноги и обхватив колени.

Увидев собаку, которую держала на поводке Кейт, она поджала задрожавшие губы, пытаясь не выдавать страха. Лицо Кейт было перекошено от гнева, когда она наклонилась и отстегнула поводок.

— Сама напросилась, дура. Сегодня я планировала заниматься твоим муженьком, но, похоже, тебе не нравится оставаться без внимания, — процедила она сквозь зубы. — Взять! Порви эту дрянь на куски!

Кэрол успела подскочить, прежде чем собака на нее набросилась и впилась зубами ей в ногу. Вскрикнув от боли, Кэрол попыталась вырваться, но собака, подпрыгнув, вцепилась ей в предплечье, заставляя наклониться.

И тогда произошло неожиданное.

Кэрол вдруг протянула вторую руку и схватила собаку за ошейник. Рывком подтянув ее к себе, она прыгнула на нее сверху, даже не прыгнула, а упала, придавив своим весом. Собака очутилась под ней. Что произошло дальше никто не разглядел, потому что Кэрол лежала головой к стене, а собаку под ней вообще не было видно. Злобное рычание вдруг сменилось пронзительным визгом.

— Эй, ты что делаешь? — вскричала Кейт, вытягивая шею, чтобы увидеть, что происходит, но подойти ближе к Кэрол опасаясь. — Отпусти пса, быстро! Я тебя убью!

Кэрол выдернула гвоздь из глазницы собаки и, спрятав его быстро в вырез джемпера в бюстгальтер, засунула большие пальцы в оба глаза уже не сопротивляющейся, подрагивающей в смертельной агонии мучительницы, и со всех сил надавила. Она хотела, чтобы Кейт подумала, что она изначально пальцами выдавила глаза собаки, убив ее таким образом, и скрыть наличие гвоздя, который ей, наконец-то удалось, вынуть из доски.

В наступившей гробовой тишине она встала на ноги и обернулась.

Тяжело дыша, она пронзила Кейт вызывающим взглядом.

— Ну? Теперь самой придется меня кусать! — она вдруг резко рассмеялась, громко, звонко.

Кейт с сообщником застыли на своих местах, в замешательстве смотря на нее. Джек тоже не отрывал от нее взгляда.

— Да ты ненормальная! — с удивлением воскликнула Кейт, разглядывая ее. — Чертова психопатка, как твоя мамаша!

Кэрол, продолжая хохотать, пожала плечами.

— Может и так! И что, ты теперь тоже захочешь отправить меня в психушку? Тогда обсуди это с ним, это как раз входит в его планы, может, договоритесь, — она кивнула на Джека.

Подняв окровавленные руки с растопыренными пальцами, Кэрол шагнула вперед, к ней.

— Ну, подойти, дай мне добраться до твоего единственного глаза... я вдавлю его тебе в мозги... как твоей собаке...

Кейт невольно шагнула назад.

— Точно чокнугая, — буркнула она своему помощнику. — А я еще думаю, как-то странно она себя ведет, сама на себя не похожа. Не боится, а только злится. Или вообще не реагирует. Выходит, она просто больная на голову.

— Ну почему сразу больная? Подумаешь, пару раз лечилась в дурдоме — это же не значит, что меня можно в сумасшедшие записать. С каждым может случиться.

— Это правда? Что она лежала два раза в дурдоме? — поразилась Кейт, обратившись к Джеку.

— А ты не знала? Разве не нужно знать все о своем враге, с которым собралась расправиться? Лежала. И первый раз она туда попала после того, как убила бывшую жену своего первого мужа.

— Ты врешь! — не поверила Кейт. — Вы оба врете!

Джек пожал плечами.

— Нет. Понимаешь, это больше не Кэрол. Разве ты сама не видишь? Это Элен.

— Не смей меня так называть! — прорычала Кэрол. — Я вырву твой паршивый язык, если ты еще раз так скажешь! Моя мать мертва! Я Кэрол! Была и всегда буду! Я не изменилась, я всегда такая была, с самого детства, просто вы этого не видели. Вы понятия не имеете, какой была моя мать, так что не можете судить и сравнивать. Я ничем на нее не похожа. Понятно?

Кейт настороженно изучала ее взглядом.

— Да нет... в чем-то он прав. Ты не похожа на Кэрол. Я хорошо знаю, какой она была. Ты на самом деле больше похожа на свою мать-стерву. Я всегда знала, что ничего путного из тебя не выйдет, что ты кончишь, как твоя мамаша. Вернее, так было бы, если бы не я. Теперь ты сдохнешь в этом подвале, поняла?

Достав из-за пояса кнут, она ударила Кэрол, заставив отступить.

— Сдохнешь, как собака! А ну, пошла, на свое место, тварь! Сидеть! И помалкивай, не высывайся, потому что терпения у меня не осталось. Еще одна выходка — и ты труп! А оторвусь я тогда на нем одном, за вас обоих!

Кэрол, защищаясь от ударов руками, споткнулась и упала. Силы вдруг разом покинули ее, как будто всплеск небывалой энергии и силы иссяк. Ее тело охватила боль и непреодолимая усталость, руки затряслись от слабости. Она не смола больше встать и уже ползком добралась до своего матраса, дергаясь от ударов. Сжавшись в клубок на матрасе,

она больше не двигалась.

Она не пошевелилась, когда Фрэнк присел рядом с ней со своей аптечкой и аккуратно закатал ее штанину, чтобы осмотреть свежий укус. Обработав его, он приступил к покусанной руке. Потом занялся остальными, ранее полученными ранами. Кэрол не сопротивлялась.

Кейт не обращала больше на них внимания, усевшись прямо на пол напротив Джека. Она молча наблюдала за ним, изучая внимательным взглядом. Его это раздражало, она была ему явно неприятна, он даже смотреть на нее без отвращения не мог, отворачиваясь от ее обезображенного лица. Но она хотела, чтобы он смотрел. Из красивой женщины он превратил ее в *это*. Все эти годы она пряталась не только от него, но и от всех остальных. От людских взглядов, которые не могла выносить. Она сама не могла смотреть на себя в зеркало, что уж о других говорить. Она бы очень хотела заставить этих двоих пережить все то, что переживала она все эти долгие мучительные годы. Изуродовать их, нагнать на них смертельного страха, заставить жить так, как жила она с тех пор, как они решили вершить над ней расправу. Может, она смогла бы сделать это с Кэрол, но не с Джеком. Она могла его изуродовать, но затравить его, заставить в страхе заползти в щель и не показываться из нее, как делала она все эти годы — это вряд ли. Выпускать его живым нельзя. Да и Кэрол тоже. Потому что с ней действительно что-то не так. Затравить, как в детстве, ее уже не получится. Все, что ей оставалось — это вволю поиздеваться, а потом убить. Обоих. Под конец она отрежет им носы, уши, губы. Вырежет глаза. Она будет их резать, пока они не сдохнут. Она мечтала об этом, рисовала в воображении долгие годы. Они будут кричать и умолять, плакать и просить о пощаде.

Изначально Кейт не планировала похищать Кэрол вместе с детьми. Вернее, с малышами. Ей нужна была только Кэрол и Патрик. Патрик, чтобы заманить Рэндэла, потому что Кейт не была уверена, что Кэрол окажется достаточной приманкой. И не ошиблась, судя по его отношению к жене. Он бы ее спасать не кинулся, потеряв голову. А вот сын — другое дело. Фокус с пальцем подействовал на Рэндэла так, что Кейт до сих пор не могла поверить в свой успех и то, как легко получилось взять Рэндэла. Но сейчас Кейт пожалела, что не похитила Кэрол вместе с детьми. Для приманки Рэндэла они бы не подошли, потому что Кейт с первого взгляда поняла, что это не его дети. Она была уверена, что это дети ее нового парня, этого огромного беловолосого бандита, который, как и его друг, всегда носил под рубашкой пистолет, а под штаниной — нож.

Она наткнулась на Кэрол случайно, сама судьба сделала ей этот подарок. Она сразу ее узнала, увидев на улице, несмотря на то, что как и все считала ее мертвой. О, ее ликование и радости не было предела! Ей не хватило терпения на то, чтобы долго наблюдать и следить за Кэрол, хоть Фрэнк и советовал ей не торопиться. Парень Кэрол и его друг были опасны, они оба это поняли. Кейт пришла к выводу, что Кэрол сбежала от мужа с любовником. Он с ними не жил, вернее, не ночевал, а так он и его друг целыми днями околачивались у нее дома. Подобраться к Кэрол, пока они рядом, было невозможно. А Кейт не терпелось до нее добраться. И до Рэндэла, о чем раньше она даже не мечтала. План был простым — похитить Кэрол и ее сына, потом заманить в ловушку Рэндэла. Ее малышня, брошенная в доме одна, должна была сдохнуть. Любовник Кэрол, этот Ноэль, был в Сан-Франциско, его друг-еврей тоже не показывался, пропав куда-то, скорее всего, в поисках пацана. Правда, потом Кейт передумала, когда Кэрол не выказала никакого страха перед ней, и решила все-таки вернуться за малышкой, чтобы, мучая их, пронять упрямую Кэрол, но опоздала — там уже

был этот Ноэль. Кейт была раздосадована тем, что он так быстро вернулся. Этого она не ожидала. Ей и Фрэнку пришлось отступить, они не решились попытаться забрать детей у этого парня. Можно было, конечно, попробовать уколоть его и усыпить, но риск был слишком велик. Препарат действовал лишь спустя несколько секунд, которых вполне могло хватить на то, чтобы парень успел выхватить свой пистолет и пристрелить их обоих. И вряд ли у них двоих хватило бы сил, чтобы ему помешать. Он мог отшвырнуть их от себя, как котят. Сила этого верзилы не вызывала сомнений. Где только эта тихоня откопала этих двоих? Этот Ноэль смутно кого-то ей напоминал, но кого она так и не смогла понять. А Кэрол отвечать на ее вопросы отказывалась. Вот если бы здесь были ее дети, она была бы более сговорчивая. Но кто мог подумать, что она так себя будет вести, что у нее проблемы с головой, оказывается? Со стороны и не скажешь, кажется вполне нормальной. Но, судя по тому, как смотрел на нее Рэндэл, она и вправду была больной.

Как она жалела, что не смогла украсть Патрика! С его помощью она сразу бы поломала этих двоих. Если один только палец, якобы принадлежащий мальчишке, заставил Рэндэла потерять голову, то что было бы, если бы мальчишка был в ее руках! Но проверить, вернулся ли пацан домой, она уже не решалась. Наверняка эти двое бандитов землю роют зубами, разыскивая свою подружку, и Кейт совсем не хотелось, чтобы они на нее вышли. Даже если пацан вернулся, или эти бульдоги сами смогли его найти, то он наверняка сейчас с ними. А это значит, что добраться до мальчишки все равно возможности нет. Поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть. Но и то, что было, уже много, больше, чем она надеялась получить. Особенно это касалось Рэндэла.

За все эти годы она не осмеливалась приблизиться к нему, наблюдая за ним через прессу. Она собирала все статьи о нем, видеозаписи его появления на экране, и все это время ее сжигала страшная ненависть. Сколько его фотографий она порезала, изорвала, сожгла. Она выкалывала ему глаза, резала его лицо ножом, представляя, что делает это с живым человеком, с ним. Она страдала от бессильной ярости, понимая, что никогда у нее не хватит решимости попытаться ему отомстить. Возможно, он уже забыл о ее существовании, и ей совсем не хотелось ему о себе напоминать. Но мечтать о возмездии и строить планы никто ей не мешал.

И вот он здесь, в ее власти! И она не знала, с чего начать.

Он не раскаивался и отказывался ее бояться. Конечно, он слишком надменен для того, чтобы бояться ее, женщину. И первое, что ей хотелось сделать — сбить эту его ужасно раздражающую спесь. Наказать за то, что обзывал, оскорблял, смотрел с таким отвращением.

— Я тебе так противна? — схватив его за скулы, она сжала ладонями его голову, не позволяя отворачиваться.

— Ты еще спрашиваешь? Ты давно в зеркало смотрела? — фыркнул Джек, скривившись.

— Давно. Видишь ли, мне не очень нравится то, что я там вижу. Я хочу это исправить. Ты дашь мне денег, очень много денег, все, что у тебя есть, чтобы я смогла вернуть себе лицо.

— Не дам. Будешь ходить с такой мордой до конца дней, — отрезал Джек, наблюдая за Фрэнком, который сидел рядом с Кэрол, бережно обрабатывая ее раны.

— Не дашь? — удивилась Кейт. — Но тогда я тебя убью. У тебя нет выбора.

— А если я дам тебе денег — не убьешь?

— Ну... тогда я подумаю.

— Ты убьешь меня в любом случае. Зачем мне отдавать тебе свои деньги? Нет уж,

милочка. Ты будешь и дальше ходить с этой безобразной мордой, чтобы мужчины блевали от одного взгляда на тебя, — Джек, несмотря на то, что она крепко держала его за лицо, все равно косился в сторону, и увидел, как Фрэнк положил Кэрол в рот какую-то таблетку и дал запить водой. Потом приобнял за плечи, опуская на матрас, но та его оттолкнула, брезгливо скривившись, и без его помощи легла. Мужчина обиженно поджал губы, разглядывая ее.

Кейт обернулась, проследив за взглядом Джека.

— Да что там такого интересного, что ты глаз не отводишь, а? Ну, Фрэнк возится с твоей женой. Жалко ему ее вдруг стало, с чего бы, а, Фрэнк? Приглянулась, что ли?

Тот угрюмо промолчал. Собрав свою аптечку, он поднялся и вышел.

— А ну, признавайся, шлюшка, навещал он тебя без меня, а? — Кейт пристально разглядывала Кэрол, но та даже голову не подняла, проигнорировав вопрос. — Молчишь? Молчи. И так знаю, что навещал. Я видела, как он на тебя смотрел. Вот шлюха! Как тебе удается? Вся оборванная, грязная, лохматая, в крови и ранах, и все равно умудрилась охмурить мужика! Тебя этому мамаша твоя научила еще там, в мотеле? Как ты это делаешь? Научи меня. Если научишь, я, может, даже отпущу тебя, не стану убивать.

— Зачем тебе это? — встрял Джек, и, повернувшись к нему, Кейт увидела, что он, наконец, смотрит ей в лицо, прямо, не отводя больше взгляд. — С такой мордой тебе ничего не поможет. Это я тебе как мужик говорю.

— Как мужик, говоришь? — Кейт наклонилась к нему и коснулась щекой его щеки. Закрыв глаза, она втянула воздух изуродованными ноздрями.

— М-м, как ты приятно пахнешь, — голос ее сел, в нем послышалось волнение. — Я так давно не была с мужчиной. Ни разу с тех пор, как стала такой... Я почти забыла уже, как это...

— И не вспоминай, — усмехнулся Джек. — Потому что вряд ли это возможно. Вообще забудь.

— Забыть? Я не могу. Мое тело требует... оно хочет. Мне нужен мужчина... А из-за тебя теперь я одна.

Джек поморщился и склонил голову набок, отстранившись, когда кончик ее языка коснулся его кожи.

— А что Фрэнк? Разве он не твой... приятель?

— Фрэнк мой брат по отцу. Незаконнорожденный, от любовницы. Ты не знал о нем, а ведь это именно он мне помог тогда спрятаться от тебя. И все эти годы он заботился обо мне. Так что я совсем не против того, что он балуется с твоей женой, пусть, он это заслужил. Только бы не влюблялся, а то потом будет грустить, когда я ее убью. А я совсем не хочу, чтобы он огорчался, — Кейт заглянула в серые глаза своего пленника. — А действительно... почему бы и мне так не сделать?

— Что сделать? — Джек насмешливо и удивленно приподнял бровь. Кейт перекинула через него ногу и уселась на его бедра.

— Ты меня этого лишил, ты мне это теперь и дашь, — прошипела она.

Джек засмеялся, искренне, весело.

— Прости, но это вряд ли.

Кейт провела ладонями по его рукам, пристегнутым к стене.

— Болят? Я отстегну тебя, если ты сделаешь то, что я хочу.

— Ты хочешь, чтобы я тебя... трахнул?

— Да. И чтобы она это видела. Весело будет, да? Тебя же это не смутит? Тебе не

впервой изменять жене. Да и ей не привыкать к тому, что ты других трахаешь.

Ухмылка растаяла на лице Джека, взгляд потяжелел.

— Боюсь, веселья не получится. Если, конечно, тебе не покажется веселым то, что я заблую тебя всю при одной только попытке тебя поцеловать. Другой реакции ты у меня вызвать не сможешь.

— Стало быть, отказываешься, — Кейт ухмыльнулась, пытаясь не показать того, как ранят ее такие слова. — Что же, ладно. Тогда я сама.

— Что сама? Детка, я не баба, которой достаточно ноги раздвинуть, чтобы изнасиловать. Я мужчина. Ты собралась меня насиловать? Это даже смешно.

— Мужчину можно заставить. Сейчас ты сам в этом убедишься.

— Не позорься, имей гордость. Ты же девушка.

— Гордость? Ты уничтожил мою гордость вместе с моим лицом... с моей жизнью, которую ты разрушил. Ты не хочешь, чтобы она смотрела? Хорошо, я позову Фрэнка, он уведет ее отсюда, — Кейт подвигала бедрами в мучительной истоме и обняла его, прижавшись. — Ну же... чего тебе стоит... Пожалуйста. Тебя женщина просит... мужик ты или нет, в конце концов...

— Быть мужиком рядом с такой уродиной затруднительно, уж извини.

— Ах ты, сволочь...

— Сволочь? Ты приковала меня к стене в подвале, собираешься убить, и еще обижаешься, что я не хочу с тобой спать? Ты вообще нормальная, а?

Отстранившись, Кейт смерила его неприязненным взглядом с чисто женской обидой.

— Тогда, может, тебе больше понравится смотреть, как трахают твою жену? А вдруг это тебя возбудит? — Кейт поднялась и рассмеялась. Обернувшись, она увидела, что Кэрол смотрит на них, приподнявшись на локте на своем матрасе.

— Я же говорил, мне все равно, — процедил сквозь зубы Джек. — Я не люблю ее! Ты можешь делать с ней, что угодно — мне наплевать! Я пришел сюда ради сына, а не ради нее!

Хмыкнув, Кейт вышла. Кэрол проводила ее встревоженным взглядом. Сев, она сунула руку под джемпер и, достав гвоздь, сжала в ладони. Поджав ноги, она спрятала руку с гвоздем, прижав к животу, и больше не двигалась, не отрывая взгляда от двери. На бледном осунувшемся лице ее застыло страдание, но она об этом не догадывалась, напряженно ожидая новой схватки, собираясь защищаться до последнего, хоть и чувствовала, что сил в ней для этого совсем не осталось. Она дрожала от отчаяния, даже боясь представить, что может сейчас случиться. На глазах у Джека. О, может вонзить этот гвоздь себе в шею и избавиться себя от этих издевательств?

Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась, впуская Кейт, которая вела за собой своего брата.

— Трахни ее. Прямо сейчас, — велела ему Кейт, остановившись.

Фрэнк уставился на нее удивленным взглядом.

— Что? Я знаю, ты уже это делал. Я не сержусь. Я тебе разрешаю. И я хочу, чтобы ты сделал это прямо сейчас.

— Зачем? — недоуменно спросил он.

— Так надо. Давай, не стесняйся. Я отвернусь, не буду смотреть, если тебе при мне неловко.

Мужчина перевел растерянный взгляд на Кэрол. Та в ужасе смотрела на него, не в силах на этот раз скрыть свой страх.

— Нет, я не буду, — Фрэнк качнул головой, отступив к двери.

— Почему? Ты же ее хочешь, я вижу. Так возьми. Мы можем делать с ними, что хотим.

И ты можешь.

— Но зачем... это? Он же ее муж, — Фрэнк кивнул на молчаливо наблюдающего за ним исподлобья пленника. — Ни к чему это.

— Не будь тряпкой! Он сказал, что ему все равно! Давай проверим, так ли это? Давай собьем с них их спесь! А то посмотри, строят тут из себя!

— Так не надо... это... неправильно. Это уже слишком, Кейт.

— Неправильно? А то, что они со мной сделали — правильно?

— Нет. Ты же можешь делать с ними все, что хочешь. Бить, морить голодом. Убить. Но вот это делать не надо. Жену... на глазах у мужа. Нет, я этого делать не буду.

Кейт не стала больше спорить. Подойдя к Кэрол, она наклонилась и, схватив ее под локоть, заставила подняться. Потом вынула из кармана перочинный нож, который захватила с собой на этот раз, и, открыв, схватила за горловину джемпер Кэрол и стала с остервенением резать.

— Только дернись, я тебя порежу, поняла? — угрожающе рявкнула она Кэрол, специально или случайно задев острием ее кожу. Кэрол дернулась, вскрикнув сквозь сжатые зубы.

Сорвав с нее джемпер, Кейт просунула лезвие ножа между ее полными грудями и резко дернула, разрезав бюстгальтер. Бросив его на пол, Кейт схватила Кэрол за плечи и развернула лицом к Фрэнку.

— Опустила руки! — прорычала она, когда Кэрол прикрыла ими грудь, и больно ткнула ее ножом в бок.

Вздрогнув, Кэрол опустила руки.

— Фрэнк, ну же! — подбодрила Кейт, видя, как застыл брат, уставившись на обнаженную грудь. — Это всего лишь шлюха. Возьми ее.

Но тот на негнущихся шагах снова отступил к двери и, развернувшись, бросился прочь.

— Вот осел! — раздосадованно воскликнула Кейт и ударила Кэрол по затылку, влепив затрепину. — Кажется, я тебя переоценила. Мой братец сбежал от тебя, а не потерял голову от вида твоих прелестей. Никакого от тебя толку! Даже мужика соблазнить не можешь! Вали обратно на свой матрас!

Развернув Кэрол, она толкнула ее в спину так, что та упала.

Потеряв к ней интерес, Кейт посмотрела на Джека, который молча наблюдал за происходящим, не вмешиваясь. И замерла, увидев, как он смотрит на Кэрол, которая, приподнявшись на руках, оторвалась от пола, сев. Потом стала на колени и потянулась к тому, что раньше было ее джемпером. Прижав его к обнаженной груди, она, как была на коленях, направилась к матрасу, когда ее остановил резкий голос Кейт.

— А ну стой!

Остановившись, Кэрол недоуменно взглянула на нее, не понимая, что еще ей надо. Выставив перед собой нож, Кейт осторожно приблизилась к ней.

— Встань! Раздевайся!

— Что?

— Живо! Снимай джинсы! Или я отрежу тебе сейчас твои сиськи! И не вздумай на меня кинуться, сразу всажу в тебя нож, поняла?

Недоуменно пожав плечами, Кэрол устало вздохнула и расстегнула штаны. Очень

осторожно, боясь, чтобы спрятанный в карман джинсов гвоздь не выпал, Кэрол стащила вниз по бедрам пояс. Вытащила из штанины одну ногу, потом другую и, прижав джинсы к груди, выпрямилась.

— Брось все на пол! — приказала Кейт.

Наклонившись, Кэрол положила вещи на пол.

— А теперь повернись к нему, — Кейт кивнула в сторону Джека.

— Что за представление? — усмехнулся тот. — К твоему сведению, я уже видел ее голой, она была моей женой, смею напомнить, и не один год. Успела приесться.

— Да? — Кейт подошла к нему и вдруг скользнула на колени, быстро прижав ладонь ему между ног.

Джек дернулся, пытаясь сбросить ее руку. А она рассмеялась. Обернувшись к Кэрол, она сказала:

— Он врет! Или просто очень соскучился. Это хорошо. Вот так и стой.

Растерянно застыв, удивленная Кэрол смотрела, как Кейт вдруг набросилась на Джека, поспешно расстегивая ему штаны. Зажмурившись, Кэрол отвернулась и метнулась к своему матрасу. Упав на него, она уткнулась в него лицом, зажав уши. Расслышав ругательства Кейт, она приподняла голову.

Кейт с досадой хлестала Джека по лицу. Тот, зажмурившись, смеялся.

— Скотина! — она обернулась на Кэрол. — Я сказала тебе, стоять на месте! А ну-ка, быстро встала! Чтобы он тебя видел!

— Это не поможет, — сквозь издевательский смех проговорил Джек. — Только если ты с меня слезешь, и посадишь на меня ее, тогда, может быть... Но как только я снова увижу твою морду... — он обескураженно покачал головой, насмешливо смотря на Кейт. Та, вне себя от ярости, торопливо расстегнула на груди блузку.

— Смейся-смейся, я все равно заставлю тебя! — прохрипела она.

Джек насмешливо наблюдал за ней.

— Можешь не раздеваться. Это не поможет. Бесполезно. Красоту твоего личика ничем не затмишь!

— Поможет! — Кейт накинула блузку ему на голову, закрыв лицо, и завязала под подбородком.

— Эй, я задохнусь! Спятила, что ли?

— Не задохнешься! — Кейт привстала на колени, всматриваясь в его лицо под рубашкой. — Ну, что, теперь не видно? Можешь представлять себе теперь кого угодно, я не против. Даже ее, если она тебе так нравится. Я освобожу тебя на ночь, оставлю только цепь на ноге, а она подлиннее, чем у Кэрол, сможешь до нее дотянуться, если постарайся. И тогда делай с ней, что хочешь. Хоть шею сверни, мне все равно. А сейчас будь паинькой, и дай то, о чем тебя просят. Не строй из себя недотрогу. Мужики это не к лицу.

Увидев, как Кейт стащила с него штаны, Кэрол снова уткнулась в матрас и закрыла уши.

Она слишком хорошо представляла, что сейчас делала Кейт, чтобы поднять Джеку «настроение».

Как не зажимала Кэрол уши, она вскоре расслышала громкие стоны Кейт, и поняла, что у той все-таки получилось добиться того, чего хотела. Да, «мешок» на голове Джека действительно помог...

Кэрол стискивала челюсти, чтобы не закричать, не замечая, как по щекам бегут слезы, которые ранее уже ничто не могло вызвать. Никакие издевательства. В голове странно

мутилось, сознание как будто стало ускользать от нее. Странно, но ее вдруг стал одолевать сон. Что за таблетку дал ей Фрэнк? Снотворное? Так и не открыв глаза и не убрав руки от ушей, Кэрол провалилась в забытье, даже этого не заметив.

Она не знала, что проспала всю оставшуюся часть дня.

Не знала, что приходил Фрэнк, положил рядом с ней чистую одежду, свою рубашку, свитер и старые джинсы Кейт. А ее одежду забрал. Даже не почувствовала, как он заботливо укрыл ее обнаженное, заледеневшее от холода тело одеялом. Потом ушел и вернулся еще с двумя одеялами и закутал в них ее.

Джек, освобожденный от оков в стене, на одной цепи, тянувшейся от ноги до кола в полу, наблюдал за ним мрачным взглядом.

— Она тебе нравится? — спросил он спокойно.

Фрэнк не ответил ему. Оставив возле Кэрол миску с едой, он положил рядом плитку шоколада и, погладив бесчувственную пленницу по голове, вздохнул и ушел, так и не повернувшись к Джеку. Свет он не стал выключать.

Кэрол проснулась, почувствовав, как кто-то, больно стиснув ее щиколотку, рванул ее, стаскивая с матраса. Сонно приоткрыв глаза, она подняла голову, пытаясь понять, что происходит. И тут же вскрикнула, мгновенно проснувшись.

Лежа на животе, Джек вытянулся на полу, натянув свою цепь, умудрившись дотянуться до нее и схватить за ногу. Кэрол отчаянно дернулась, пытаясь вырваться, но он схватил ее второй рукой, поймав за другую ногу, и потащил к себе. Одеяла соскользнули, Кэрол оказалась на ледяном полу. Все тело забило в крупной дрожи, но Кэрол не смогла бы сейчас понять, от холода, или от охватившего ее панического страха. Она отчаянно сопротивлялась, но он все равно подтащил ее к себе.

Кэрол вспомнила слова Кейт, которая обещала ему, что прикует его так, что он сможет ее достать. И кол, к которому была прикреплена ее цепь, тоже был перемещен в другое место, ближе к нему.

Кэрол рванулась, пытаясь вскочить, но он подмял ее под себя, вдавив в холодный пол и стиснув ладонью ее шею. Встретившись с серыми глазами, Кэрол перестала дергаться и замерла.

— Ну, давай! Души, убивай! Я все равно тебя не боюсь! — чуть слышно прошептала она и с чувством плюнула ему в лицо.

— Ах, ты, сука! — он отпустил ее горло и вlepил пощечину.

Откинув голову, Кэрол закрыла глаза, не пытаясь больше воспротивиться. Пусть убивает. Так лучше. Она сама решила, что лучше умереть от его руки, чем от руки Кейт. К тому же последняя вряд ли готовит ей легкую смерть.

Но он вдруг слегка отстранился и, опустив руки, рванул на ней трусики.

Кэрол удивленно повернула голову и тут же хрипло вскрикнула, когда он сильным толчком пригвоздил ее к полу, резко войдя в ее тело. Снова стиснув ее горло, не сильно, но угрожающе, он другой рукой больно и грубо стал мять ее грудь. Кэрол тихо застонала от боли в израненном теле. Но выражение боли на ее лице лишь разозлило его, он опустил голову, с силой впиваясь ртом в ее грудь, зная, что оставит ей синяки, но этого он и хотел. Оставить на ее теле свои следы, как самец, вновь помечающий свою территорию...

Когда Кейт с Фрэнком утром вошли в освещенную светом комнатку, они оба изумленно застыли на пороге, пораженные открывшейся их взорам картине. На сдвинутых вместе

матрасах, закутавшись в одеяла, их пленники безмятежно спали, прижимаясь друг к другу в крепких объятиях.

— Вот так сюрприз! — воскликнула Кейт и, подойдя к ним, пнула Джека ногой. — А кто это кричал «ненавижу, убью»? По-твоему, Джек, это похоже на убийство? Или ненависть? Вот мужчины! И как после этого вас можно понять? Или поверить? Я что, для этого дала тебе возможность до нее достать?

— Сама сказала, что я могу делать с ней, что захочу! — проворчал Джек, щурясь и сонно взглянув на нее.

— Я, конечно, подозревала, что ты *этого* захочешь, после того, как ты на нее вчера смотрел... но с чего это ты вдруг так растаял, разомлел? Что, вот так запросто все простил? А говорил, не люблю, наплевать, все равно, приелась! Вот брехун! Как же легко всю твою ненависть сдуло...

— Ничего не сдуло. Не люблю... а при чем тут любовь вообще? Я просто замерз, — он сел, кутаясь в одеяло. — Твой братец укутал ее в кучу одеял, как хренову капусту, а мне ни одного не дал.

— У тебя куртка на меху, а на ней ничего, кроме трусиков, не было! — прорычал Фрэнк, испепеляя его ненавистным взглядом. Кейт покосилась на него и скривилась в ехидной улыбке, отметив про себя, что никогда еще не видела брата в такой ярости. Похоже, ему очень не понравилось то, что он увидел свою ненаглядную пленницу в объятиях мужа. Нахмурившись, он всмотрелся в лицо Кэрол, которая продолжала лежать с закрытыми глазами, никак не реагируя на происходящее.

— Почему она не просыпается?

Наклонившись, Джек слегка потрепал ее за плечо.

— Эй, Кэрол!

Но она никак не отреагировала.

— Что с ней? — Кейт присела, заглядывая в неподвижное лицо. — Ты что, все-таки убил ее?

Джек на ответил, перевернув Кэрол на спину и похлопал ее по щекам.

— Кэрол! Что с тобой? Очнись, ну же! Она... она очень горячая. Она не спит, она без сознания!

Кейт вскрикнула от неожиданности, когда Фрэнк вдруг оттолкнул ее в сторону и упал на колени рядом с бесчувственной женщиной. Бросив на Джека переполненный яростью взгляд, он ударил его в плечо, отталкивая от нее.

— Что ты с ней сделал, ублюдок?

Поспешно засунув пальцы в карман, Фрэнк вытащил оттуда ключ и, подняв одеяло, отстегнул цепь от щиколотки пленницы.

— Что ты делаешь? — насторожилась Кейт.

Он не ответил и, завернув Кэрол в одеяло, взял на руки и поднялся на ноги.

— Нет! Даже не думай! Не смей выносить ее отсюда, — Кейт вскочила и попыталась преградить ему дорогу. Но он толкнул ее плечом и прошел мимо, вынося пленницу из комнаты.

— Вот дьявол, — растерянно прошептала Кейт, смотря на захлопнувшуюся дверь. Потом повернулась к Джеку, который, откинув одеяла, расправлял свои штаны, болтавшиеся на одной ноге, к которой была прикована цепь, из-за которой он не смог снять их совсем.

— Что здесь произошло? Что ты с ней сделал?

— Ничего, — огрызнулся Джек зло.

— Как это ничего? Еще вчера она была полна сил, чуть меня не придушила, убила собаку голыми руками, а сегодня без сознания! Я издевалась, била ее, травила собакой столько дней, и она держалась, а тебе стоило только до нее добраться, и она стала похожа на труп!

Джек, расправив, наконец-то, штаны, стал раздраженно их натягивать. Кейт наблюдала за ним. Подойдя ближе, но вне его досягаемости, она осторожно присела на корточки.

— Ладно, бог с ней. Но... ты доволен? Я сдержала свое слово, разве нет? А теперь... может... мы можем...

— Нет, отстань от меня.

На глазах ее выступили слезы.

— Это только из-за моего лица? Но ведь его можно исправить. Я уже нашла клинику, где занимаются такими операциями. Нужны только деньги. Дай мне их, я не убью тебя, обещаю. Но почему ты такой жестокий? За что? Ведь я тебе ничего не сделала. Если ты исправишь мне лицо, я прощу тебя. Клянусь! Мы разойдемся по-хорошему. Мне не нужны все твои деньги, оплати только операции и лечение... И забудем обо всем.

Подобрав рубашку, Джек надел ее и, опустив голову, стал застегивать пуговицы.

— Почему ты молчишь? Ты согласен?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что я тебе не верю. Я что, похож на дурака?

— У тебя нет выбора. Я разрежу на кусочки твою жену у тебя на глазах.

— Я устал повторять, ты можешь делать с ней, что хочешь. Ты что, тупая? Сколько можно говорить одно и то же?

— Говори, сколько угодно. Только теперь я тебе не верю, после того, что видела.

— А что же такого ты видела? Что я с ней спал? Обнимал? И что? Сразу вообразила себе любовь? Только потому что я ее вые...л? А почему нет?

— Но меня же ты не хочешь. А на нее сразу накинулся, стоило дать возможность.

— Ты мне не нравишься. А она всегда нравилась. В отличие от тебя, у нее для этого все имеется. К тому же я действительно замерз, хоть ты и не веришь.

— И как, согрелся?

— Ага. Никогда не думал, что женское тело может так согревать, — он хмыкнул. — Я даже вспотел.

— А еще попотеть нет желания?

— Нет. От души согрелся. До сих пор жарко.

— Оно и видно, едва дух из нее не вышиб. Это что надо делать с женщиной, чтобы довести ее до такого состояния?

— Это не я довел ее, а ты. Я ничего такого с ней не сделал. Это твои издевательства довели ее до такого состояния. Она крепилась, но у каждого есть свой предел. Ее организм не выдержал больше. Вот и все. И я тут ни при чем. От простого секса женщина не впадает в беспамятство. Так что нечего меня виноватым делать.

— Ладно, пойду посмотрю, что он там с ней делает. Может, уже все, не очнется больше? Было бы жаль, я еще с ней не наигралась. А тебе же что, совсем ее не жалко?

Джек только передернул плечами, даже не взглянув на нее.

Смерив его внимательным взглядом, Кейт развернулась и ушла.

Уже через пару часов Фрэнк вернулся, втащив в комнату толстый надувной матрас. Бросив его на пол подальше от Джека, он положил на него матрас Кэрол и ушел. Потом вернулся, неся обогреватель, который подключил к розетке в стене и пододвинул поближе к ложу, которое готовил. Снова ушел и вернулся с чистым постельным бельем и подушкой. Аккуратно расстелив простынь, он надел пододеяльник на толстое стеганное одеяло и наволочку на подушку.

Джек хмуро следил за ним взглядом, но молчал. Тот тоже ни слова не проронил.

Фрэнк снова ушел и вернулся уже с Кэрол, неся ее на руках. Она была в сознании, но без сил. Со свежими бинтами на ранах, в чистой мужской толстовке, мягких шерстяных штанах, тоже, скорее всего мужских, так как были подкатаны на щиколотках, в вязанных пушистых носках, она больше не походила на пленницу, чистая и ухоженная. Он даже волосы ей вымыл и, высушив феном, расчесал.

Осторожно опустив ее на приготовленную постель, Фрэнк поправил подушку и заботливо укрыл ее одеялами.

— Отдыхай, — мягко проговорил он, прикоснувшись ладонью к ее щеке.

Подняв на него глаза, Кэрол ослабевшей рукой отвела его ладонь от своего лица. Губы ее горестно поджались, слегка скривились выдавая ее обиду и неприязнь. Чтобы он ни делал, это не могло заставить ее забыть о том, что он сделал с ней той ночью, когда пришел сюда один. Во всей его заботе она видела только вождление, поэтому боялась его и ненавидела не меньше, чем Кейт. Пока он обтирал ее тело мокрым полотенцем, смывая грязь и кровь, он все ощупал и облапал. Его ладони скользили по ее телу чаще, чем полотенце. Он даже залез ей между ног, якобы подмывая, и если бы не появилась Кейт, неизвестно, чем бы все закончилось. Кэрол боялась, что он захочет повторить то, что уже однажды с ней сделал, и даже присутствие Джека не сможет этому помешать.

Поэтому она отвернулась от него к стене и закрыла глаза, даже не поблагодарив за проявленную заботу. Обессиленная, она тут же провалилась в тяжелый глубокий сон без сновидений. Она даже не услышала, как звал ее Джек.

Позже Фрэнк разбудил ее, чтобы покормить и напоить лекарствами. Кэрол не противилась, послушно съев горячее рагу с мясом и овощами, запила все обжигающим чаем.

— А меня вы кормить не собираетесь? — донесся до нее голос Джека, и, повернувшись, она посмотрела на него. Он сидел на своем матрасе, скрестив по-турецки ноги.

— Кейт сказала, что ты сможешь утолить свой голод и жажду только после того, как она утолит свой, — бесстрастно отозвался Фрэнк, даже не взглянув в его сторону. — Вечером она зайдет узнать, не решил ли ты стать сговорчивее.

Джек промолчал, в ярости поджав губы.

Кэрол, не вмешиваясь, опустила на подушку и закрыла глаза. А уже через мгновение снова уснула.

— Чем ты ее пичкаешь, что она все время спит? — Джек сверлил Фрэнка злым взглядом.

Тот не ответил, собрал тарелки и ушел.

Вечером он пришел еще, покормил Кэрол, опять запихнул ей в рот какие-то таблетки, после чего она мгновенно уснула. Потом вытащил из-за пазухи пластиковую бутылку с водой и, подойдя к Джеку, протянул ему.

— Держи. Только спрячь, чтобы Кейт не увидела.

— С чего это ты ко мне такой добрый? — подозрительно сощурился Джек, беря

бутылку.

Но тот отвернулся и вышел, не ответив. Проводив его внимательным взглядом, Джек долго задумчиво смотрел на бутылку, потом открутил крышку, понюхал и осторожно набрал в рот воды. Потом выплюнул на пол, закрыл бутылку, засунул ее под свой матрас, не отпив ни глотка. Вкус воды ему не понравился. Что-то в нем было не так. Да и в доброту этого малого ему не верилось.

Вскоре заглянула и Кейт любопытствовать, не передумал ли Джек. Но он, закутавшись в свою куртку, даже не повернулся, лежа на матрасе.

— Ладно, посмотрим, на сколько тебя еще хватит. Без воды долго не протянешь, подчинишься, как миленький. Еще и умолять меня будешь. Держи, не хочу, чтобы ты заболел и превратился в полутруп, как она, — Кейт бросила ему одеяло. — Толку тогда от тебя никакого не будет.

Когда она ушла, Джек оторвался от матраса и подобрал одеяло. Укрывшись, он снова лег и устремил на спящую Кэрол взгляд. Потом постепенно задремал.

Что-то разбудило его. Открыв глаза, он с удивлением сел. Комната погрузилась в непроницаемый мрак. Зачем они выключили свет?

— Кэрол! Ты слышишь меня? — позвал он.

Она не отозвалась. Поправив одеяло, Джек снова лег и закрыл глаза. Но уснуть не мог. Смутное чувство тревоги не давало ему покоя. Отшвырнув одеяло, он встал и, осторожно ступая в темноте, пошел по направлению к Кэрол, пока цепь не остановила его. Тогда он опустился на колени, потом лег на живот и пополз вперед, вытягивая перед собой руку. Как не старался, он не смог дотянуться до матрасов Кэрол.

— Кэрол! Кэрол, проснись!

Он настойчиво звал ее, с каждым разом все громче, пока она, наконец-то не отозвалась из темноты слабым сонным голосом.

— Джек? Почему опять так темно?

— Я не знаю. Кэрол, ты должна встать и пододвинуть ко мне свою постель. Я не могу до тебя дотянуться.

— Зачем?

— На всякий случай. Мне не нравится этот тип. Я не пойму, зачем он постоянно дает тебе снотворное или что-то, отчего ты все время спишь. Давай, Кэрол. Не бойся, я не трону тебя. Просто пододвинься ко мне ближе.

— Но я не могу. Мне так плохо... я не смогу встать.

— Ты можешь. Давай, Кэрол!

— Хорошо... — простонала она.

— Встала?

— Да... почти...

— Толкай постель сюда, на мой голос. Матрас надувной, легкий. Двигаешь?

— Да.

Джек вытянул руку в темноту.

— Еще! Еще! Есть! — воскликнул он, когда что-то мягкое уткнулось в его ладонь. — Давай, еще немного.

Кэрол подтолкнула, и он сумел схватить матрас двумя руками и уже сам подтянул его к себе.

— Все, вот так, хорошо, — он быстро оттащил его в свой угол и вернулся.

— Где ты? Иди сюда, — он снова вытянул в темноту руку. — Держи меня за руку.

Через несколько мгновений дрожащие пальцы Кэрол нашли в темноте его руку. Сжав ее ладонь, Джек подтянул ее к себе и, почувствовав, что она падает, подхватил на руки и, донеся до ее постели, положил на нее. К его удивлению, к тому моменту она снова крепко спала.

На ощупь найдя в темноте свое одеяло, он положил его поверх одеял Кэрол. Потом снял куртку и ботинки и осторожно прилег рядом с ней, пододвинув ее к краю, чтобы поместиться. Обняв, он прижался ее к себе и, зарывшись лицом в ее волосы, закрыл глаза.

Он уснул и не знал сколько прошло времени, когда сквозь сон услышал скрип открываемой двери.

Открыв глаза, он увидел, как в комнату проник свет из дверного проема. Не двигаясь, он продолжал смотреть. Сердце его заколотилось быстрее, когда свет заслонила мужская фигура. Луч фонарика скользнул туда, где раньше стояла постель Кэрол, потом метнулся в сторону Джека. Тот поспешно закрыл глаза, расслышав, как мужчина тихо выругался сквозь зубы.

Осторожно подойдя ближе, он некоторое время не двигался, всматриваясь в спящих пленников.

— Эй, ты... придурок! — позвал он.

Джек не пошевелился. Довольно ухмыльнувшись, Фрэнк взял его за запястье и убрал его руку с Кэрол. Потом откинул одеяла и, подхватив женщину на руки, оторвал от постели.

— Что? — сонно пробормотала Кэрол, и вдруг ее голос резко прорезал тишину. — Нет! Нет! Джек!

— Не кричи, твоего мужа сейчас пушкой не разбудишь. Не бойся, я не сделаю тебе больно. Только не противься.

Но Кэрол яростно вырывалась, продолжая кричать, пока он нес ее к другому матрасу, на котором до этого спал Джек.

— Твои крики может услышать только Кейт, но ей нет до этого дела, она не против, чтобы я был с тобой. Так что не надрывайся, — он опустился на колени и положил свою голову на матрас. — Надо же, какая ты неблагодарная! Я так о тебе забочусь, а ты даже не хочешь меня отблагодарить... Ты мне так нравишься, ты красивая. Я могу спасти тебя. Только согласись. И завтра же ночью я увезу тебя отсюда, далеко-далеко, где она тебя никогда не найдет! И мы будем вместе, будем любить друг друга... у тебя нет выхода, соглашайся, потому что она убьет тебя. И ты даже не представляешь, как она задумала это сделать. Но я не хочу, чтобы ты погибла. Такая красивая женщина не должна вот так умирать.

Но Кэрол не слушала его, отчаянно сопротивляясь из последних сил, которых у нее уже не было. Он стащил с нее толстовку и зарылся лицом в ее грудь, сжимая ее ладонями.

— О, как я этого ждал! — простонал он. — Мне никогда еще не было так хорошо, как тогда, когда я был с тобой...

Кэрол вдруг увидела Джека, который осторожно подкрадывался сзади, подобрав свою цепь, медленно переставляя закованную ногу, стараясь на звякнуть цепью. Поймав ее взгляд, он поднял руку и прижал палец к губам. Переведя взгляд на жадно целующего ее грудь мужчину, Кэрол запустила дрожащие пальцы в его волосы.

— Хорошо, я согласна. Только спаси меня, — проговорила она.

Он вскинул голову, устремив на нее радостный взгляд.

— О, конечно, моя красавица! Конечно, спасу! — он порывисто сжал ее в объятиях и прижался к ее губам в жарком поцелуе. Кэрол обняла его, отвечая на поцелуй и призывно подвигала под ним бедрами.

Подняв глаза, она увидела наклонившегося над ними Джека, сжимающего в руках цепь. Встретившись с ней взглядом, он кивнул. И тогда Кэрол резко схватила мужчину за голову и толкнула ее вверх, а Джек в то же мгновение накинул на его шею цепь, сжал и с силой рванул вверх. Не ожидавший нападения мужчина рванулся, пытаясь вырваться, и они оба упали на пол.

Кэрол вскочила. Джек, наполовину придавленный Фрэнком, продолжал сжимать цепь, сдавливая ею горло противника, но тот отчаянно крутился из стороны в сторону, пытаясь вырваться, перебирая ногами. Кэрол испугалась, что Джек не сможет его удержать, и вскочила сверху, придавив его ноги. Встретившись в глазами мужчины, она зажмурилась и отвернулась, со всех сил пытаясь вдавить его в пол.

Вскоре мужчина затих, перестал дергаться и обмяк.

Тогда Кэрол открыла глаза и посмотрела на него. Снова отвернувшись, она сползла с него и поднялась на трясущиеся ноги. Джек, перекинув цепь через его голову, спихнул с себя тело.

— А муж-то не спал, — прохрипел он, задыхаясь, и толкнул тело ногой. — Сам придурок!

Кэрол тем временем, подхватив свою толстовку, поспешно надела ее и, поправив волосы, посмотрела на Джека. Тот шарил у трупа по карманам, ища ключи от своей цепи. И не нашел.

— Вот дьявол! — он с досадой пнул тело, потом еще раз. — Почему у него были ключи от твоей цепи, а от моей нет?

Кэрол недоуменно пожала плечами.

— Наверное, они у Кейт. Я принесу.

— Постой! Кэрол!

Джек присел, поправляя штанину на закованной ноге, потом выпрямился и, протянув руку, притянул Кэрол к себе. Обняв ее одной рукой за талию, он поцеловал ее в губы.

— Будь осторожна. Пожалуйста.

Кэрол кивнула, отвернулась и решительно вышла в приоткрытую дверь.

Увидев перед собой лестницу наверх, она осторожно стала подниматься, бесшумно опуская ступни в толстых носках на холодные деревянные ступени. Крышка в подвал была открыта, и она беспрепятственно выбралась наверх. Остановившись, она огляделась, оказавшись в темной комнате.

Сердце Кэрол с силой билось о грудную клетку, она чувствовала, как с каждым шагом в ней прибавляется сил. Сонливость ее отступила, в крови играл адреналин, она дрожала от возбуждения, с трудом веря в произошедшее. Она свободна, и у нее появилась возможность добраться до Кейт и наказать за все, что она заставила ее пережить. И сейчас, и тогда... в далеком прошлом.

Выглянув из комнаты, Кэрол увидела залитую лунным светом кухню.

Оказывается, они находились в обычном доме, в обычном подвале... А ей казалось, что в логове самого дьявола. Подойдя к окну, Кэрол бросила взгляд наружу. За исключением света от стоявшей высоко в небе луны, освещения за окном не было. С трудом Кэрол разглядела деревья и кусты, а за ними высокий забор. Больше она ничего не увидела.

Бросив взгляд в сторону, Кэрол протянула руку и вытащила из подставки для ножей самый большой нож. Сжав его пальцами, она развернулась и, осторожно ступая в темноте, двинулась дальше.

Дом оказался немаленький. Обойдя его, Кэрол обнаружила лестницу на второй этаж и поднялась туда. Неторопливо она обходила комнату за комнатой, пока не нашла то, что искала.

Замерев на пороге, она мгновение смотрела на фигуру на кровати.

Кейт спокойно спала, не подозревая об опасности.

Медленно Кэрол подошла к ней и, остановившись, подняла руку с ножом. Пальцы судорожно сжали рукоять. Сцепив зубы, Кэрол решительно замахнулась, но в этот момент Кейт вдруг открыла глаза, словно почувствовала опасность. Вскрикнув от ужаса, она молниеносно откатилась в сторону, и нож с размаху вонзился во вмятину на постели, где она только что лежала.

Вопя от ужаса, Кейт скатилась на пол и вскочила на ноги.

Кэрол выпрямилась и снова подняла нож, не отрывая от Кейт горящего взгляда.

— Не подходи! — не своим голосом закричала Кейт. — Господи, как ты вышла?

— Ну, иди сюда, тварь! — прорычала Кэрол низким хриплым голосом. — Иди!

— Брось нож, Кэрол! Просто уходи, хорошо? Будем считать, что мы в расчете. Я тебе отомстила, я удовлетворена.

— А я нет!

— Ты не сможешь! Ты же не убийца, Кэрол! Ты же не такая, как твоя мать! Ты сама говорила! Ты не убийца! Просто уходи, пожалуйста! Фрэнк!

— Фрэнка больше нет, — прохрипела Кэрол, подходя все ближе.

— Что? Как нет? А куда же он делся?

— Он умер.

— Нет! Нет! Ты врешь! Фрэнк!

— Теперь твой черед.

— Ты, психопатка чертова!

Кэрол бросилась на нее, замахнувшись ножом, но Кейт успела перехватить ее руку, вцепившись обоими руками в ее запястье, и с силой оттолкнула от себя. Схватив с тумбочки лампу, Кейт ударила ей по руке Кэрол, выбив нож.

С пронзительными воплями они набросились друг на друга, сцепившись, как разъяренные кошки.

Кэрол сразу почувствовала, что слабее Кейт, что всплеска сил, которые каким-то чудесным образом к ней вернулись, надолго не хватит, и они могут снова покинуть ее в любой момент. У нее было мало времени и сил, чтобы бороться с Кейт. Поэтому, с трудом оторвав ее от себя, Кэрол отскочила и, размахнувшись, наотмашь врезала ей кулаком по лицу. И тут же — второй рукой. Кейт пошатнулась.

Вскинув ногу, Кэрол с силой ударила ее в солнечное сплетение, жалея, что на ней нет обуви.

Задохнувшись от боли, Кейт согнулась пополам.

Время повернулось для Кэрол вспять.

Она вдруг увидела перед собой белокурую девчонку с длинным хвостом, болтающимся на макушке, и снова они дрались, сцепившись в который раз.

Схватив Кейт за волосы, Кэрол протащила ее по комнате и ударила головой о стол. И

еще раз.

— Ты что, забыла, как мы с Эмми вас лупили? — подняв ее голову, Кэрол заглянула Кейт в лицо. — Ты с тех пор так и не научилась драться! А следовало, прежде чем на меня опять зарываться! Потому что теперь я опять надеру тебе задницу, как было всегда!

Швырнув Кейт на пол, Кэрол села сверху и стала с безумными воплями бить ее кулаками по лицу.

Что-то блеснуло рядом, привлекая ее внимание.

Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, Кейт дотянулась до лампы, валявшейся на полу, и, схватив ее за ножку, вскинула руку и ударила Кэрол лампой по лицу. Столкнув ее с себя, Кейт вскочила на нее сверху и сама ударила кулаком по лицу, еще и еще. Когда она замахнулась в четвертый раз, ее рука вдруг напоролась на неожиданное появившееся лезвие ножа, которое Кэрол выставила перед собой, встретив им очередной удар. Кейт закричала от боли, схватившись за порезанную руку, и подскочила, но Кэрол успела схватить ее за пиджаму и с силой дернула назад. Не устояв, Кейт потеряла равновесие и упала на пол.

Пальцы Кэрол вцепились ей в плечо, переворачивая на спину, Кейт увидела ее над собой и даже вскрикнуть не успела, как та опустила руку, без колебаний вонзив ей в живот длинное лезвие. Из горла Кейт вырвался удивленный сдавленный звук, она ошеломленно вытаращила на Кэрол свой единственный глаз, не веря в то, что происходит.

— А ведь Тимми не умер, Кейт, — прошипела Кэрол, наклоняясь к ней. — Ноэль, мой парень, один из бульдогов, как ты их называешь — это он и есть. Это Тимми. И это тебе за него. А это за Эмми!

Подняв руку, Кэрол снова ударила Кейт ножом.

— И за Даяну! И за Мег! И за бабушку Тимми! А это за меня! За мои слезы, за мою боль И еще раз за Эмми! За Эмми! За Эмми!

Кэрол не замечала, что кричит, захлебываясь в рыданиях.

— Кэрол, остановись!

Кэрол застыла с поднятой рукой, продолжая сжимать окровавленный нож судорожно сведенными пальцами, и подняла голову. Перед ней стояла Эмми.

— Хватит, Кэрол. Остановись. Ее больше нет. Успокойся, — ласково сказала Эмми и, присев напротив, положила ладонь на ее кисть с зажатой в ней рукояткой ножа. — Дай его мне.

Пальцы Кэрол разжались, и нож упал на пол.

— Эмми! — выдохнула она.

— Да, Кэрол, это я, — Эмми улыбнулась, сверкнув в темноте белыми зубами, и, протянув руку, погладила ее по щеке. — Привет, подружка.

— Ты пришла! Наконец-то, ты пришла ко мне! Почему же ты не приходила? И Патрик тебя не видел. Почему?

— Потому что я не в мире духов, Кэрол. Я живу.

— Как это?

— Как? Разве ты сама не знаешь? Ты же сама меня видела, ты меня узнала. И Тимми узнал.

— Эмми, пожалуйста... я не понимаю, — простонала Кэрол.

— Ты же теперь моя крестная мама! Ну, теперь дошло?

Кэрол опустилась на пол, прижав окровавленные пальцы к губам, не открывая от нее широко раскрытых глаз.

— О, Боже! Эрни? Ты теперь Эрни?

— Здорово, правда? — Эмми весело рассмеялась своим звонким заливистым смехом.

— О, Эмми! Почему же ты мне раньше не сказала?

— Так я откуда знала? Думаешь, я помнила? Я теперь мальчишка, живу себе припеваючи, и вообще не в курсе, что во мне душа сестренки, погибшей до моего рождения.

— Но как же ты сейчас оказалась здесь? Да еще в образе Эмми?

Девочка пожала плечами.

— Понятия не имею. Наверное, это ты меня сюда выдернула в своем былом облике, заставила вспомнить. Наверное, это из-за нее, — Эмми кивнула на Кейт. — Жестко ты с ней, подружка. Ничего себе, ты буйствуешь!

— О, Эмми, ты меня осуждаешь? — из глаз Кэрол полились слезы, и она вытерла из окровавленными пальцами, не замечая, что размазывает кровь по лицу.

— Нет, Кэрол, — серьезно сказала Эмми, смотря ей прямо в глаза. Став на колени, Эмми потянулась к ней и обняла. — Нет, Кэрол. Не плачь. Я знаю, ты сделала это за меня. Спасибо. Спасибо тебе. Я бы тоже за тебя отомстила. Теперь тебе станет легче, вот увидишь. Ты вскрыла этот гнойник, который причинял тебе боль столько лет, почти всю жизнь. Он вытечет из твоей души вместе с этими слезами и кровью Кейт. И заживет. И меня теперь ты сможешь отпустить из своего сердца. Ты не будешь больше страдать, думая обо мне. Я снова в этом мире, с тобой. И когда-нибудь мы увидимся. Когда ты снова станешь навещать своего крестника.

Эмми отстранилась и лукаво заглянула в ее глаза.

— О, да! Я... прости меня, но я не могла. Я скрывалась от Джека, пряталась, никто не знал, что я жива, кроме Рэя и Касевеса. Я очень хотела, скучала... но я не могла навестить Эрни.

— Я знаю. И не обижаюсь. Эрни, как и все, думает, что ты мертва. Но когда ты решишь все свои проблемы, приходи, Кэрол, хорошо? Я буду тебя ждать. Эрни любит тебя. Потому что в Эрни Эмми, которая очень тебя любила.

— Да, конечно, Эмми, я приду, я обязательно приду! О, спасибо тебе, спасибо за то, что я теперь знаю! Я так счастлива! Словно я очнулась от кошмара... кошмара, в котором ты погибла. Это был просто кошмар, сон. А теперь я проснулась и оказалось, что ты жива, что ты есть! О, я даже не могу в это поверить! А можно я расскажу Тимми? Он будет рад. Он помнит о тебе. И скорбит.

— Я знаю. Ну, скажи, если не боишься, что он примет тебя за сумасшедшую, — Эмми снова засмеялась, такая же хохотушка, какой была при жизни.

— Нет, Тимми не примет. Он верит в такие вещи. Верит в дар Патрика.

— Мне пора, Кэрол. Мне нужно вернуться. Больше не призывай меня, будь осторожна со своей силой.

— Прости, Эмми, я не специально. Я даже не знала, что так могу.

— Ты можешь, Кэрол. Можешь призывать мертвых, общаться с ними, как и твой сын. Даже если их души уже живут в новых телах. Поэтому осторожнее с этим.

— Хорошо, Эмми. Но, Эмми... как ты смогла вырваться из черного тумана? Разве это возможно? Разве не держит он души своих жертв в вечном заточении, не пуская никуда?

— Держит. Но ведь ты сама меня оттуда вытащила. Ты спасла мою душу и позволила возродиться вновь. Разве ты об этом не знаешь?

— Я?! Нет, я ничего не знаю об этом! Но как? Разве я так могу?

— Конечно, можешь. Это же твой дар.

— Но как я смогла это сделать?

— Ты слишком сильно хотела, чтобы я жила. Ты можешь вырвать души из этого тумана и вернуть их в этот мир, которые они покинули, как вернула меня. Твой дар силен, Кэрол. Он не слабее твоего проклятия. Ты просто должна верить в него и в себя. Как я тебя всегда учила, помнишь? Ты можешь все. Можешь помочь тем, кого любишь и кого поглотило твое проклятие, можешь вернуть им жизнь, вырвать из этого дьявольского плена. Они возродятся в новом теле, и их души будут спасены. Спаси их, Кэрол, как спасла меня. А теперь прощай... вернее, до встречи. Эрни будет тебя ждать.

— До встречи! — едва успела сказать Кэрол, прежде чем Эмми исчезла.

Присев на пятки, она долго не двигалась, уставившись в никуда остекленевшим отсутствующим взглядом, пытаюсь осознать, что сейчас произошло. Потом пришла в себя, встрепенулась и, вспомнив о закованном в цепь Джеке, ожидающем ее в подвале, торопливо обшарила одежду Кейт, ища ключи. Но та была в пижаме, и в ее карманах ключей Кэрол не нашла.

Поднявшись на ноги, Кэрол подошла к окну и задернула шторы. Потом нашла выключатель и зажгла в комнате свет. Окинув все вокруг внимательным взглядом, она бросилась к прикроватной тумбочке и обшарила ее сверху до низу. Потом письменный стол, не замечая оставленные на нем следы крови Кейт.

Но и там ключей не было. Остановившись посреди комнаты, Кэрол еще раз осмотрелась, скользя взглядом по предметам и мебели.

— Где? Где ключи, Кейт?

— Пошла на хрен, шлюшка!

Вскрикнув, Кэрол подпрыгнула на месте и обернулась. И пораженно застыла, увидев сидящую на кровати Кейт.

— Не может быть! Я же убила тебя! Я всадила в тебя нож...

— Хренову кучу раз! — закончила за нее Кейт. — Да уж, у тебя точно с головой проблемы. Ты просто маньяк-убийца, ты в курсе?

— Кейт... твое лицо... — Кэрол невольно подняла руки, коснувшись своего лица.

— Что?

Встав с кровати, Кейт подошла к шкафу-купе с зеркалом посередине и взглянула на свое отражение.

Из горла ее вырвался радостный крик.

— О, поверить не могу! Я снова красива! Мой глаз... он видит! О, ради этого стоило умереть!

Она счастливо засмеялась. Потом повернулась к Кэрол, которая боязливо попятилась от нее назад.

— Что? Теперь ты меня боишься? — Кейт расхохоталась. — Я и не знала, какая ты! Да ты у нас типа медиума, что ли? Я видела и слышала Эмми. Значит, я тоже попаду в этот самый черный туман? Но я не хочу. Мало того, что ты меня замочила, так еще меня засосет какое-то твое долбаное проклятие? Ты же можешь вернуть меня к жизни. Чтобы я заново родилась в новом теле. Мы же теперь в расчете, так? Ты меня убила, отомстила. Эмми жива. Тимми жив. Так что, у тебя ко мне нет больше претензий? Я искупила всю свою вину кровью. Мы в расчете? Отвечай!

— Ну... да, наверное.

— Наверное? Да ты офигела, что ли? Посмотри сюда! — Кейт указала пальцем на свое неподвижное тело, залитое кровью. — Тебе этого не достаточно, что ли?

— Э-э, да нет, достаточно, — Кэрол виновато потупила голову, втянув в плечи.

— Я скажу тебе, где ключи, а ты вернешь меня к жизни. Пожалуйста! Я больше не буду такой стервой, я все поняла и осознала! Я буду хорошей, клянусь! — Кейт умоляюще сложила руки.

— Кейт, я понятие пока не имею, как это делать. Я только что узнала, что я вообще так могу... что я уже это сделала много лет назад. Я не знала об этом.

— Но ведь теперь ты знаешь. Значит, остается только пораскинуть мозгами и понять, как ты это сделала с Эмми.

— Я постараюсь. Но я даже не понимаю, что произошло сейчас, почему вдруг все изменилось... почему я увидела Эмми? Почему я вижу сейчас тебя?

— Так ты сама меня призвала.

— Но раньше такого не было! Ко мне не приходили вот так мертвые, стоило мне к ним обратиться! Почему же сейчас это изменилось?

— Да мне откуда знать? Это твой дар, сама с ним разбирайся. Может, он в тебе вдруг типа активировался, что ли? Раньше спал, а теперь вдруг проснулся. Что-то его спровоцировало, может быть. Может, я? Мои издевательства, угрозы? Знаешь, я когда-то слышала, что стрессовые ситуации или смертельная опасность может пробуждать в человеке силу и способности, которых раньше он в себе не замечал. Может, и с тобой так?

— У меня и раньше были стрессовые ситуации... и смертельные опасности. Почему только теперь?

— Ну... хрен его знает, почему. Может, и не из-за этого. Тогда я не знаю, других вариантов у меня нет. Я тебе предложила объяснение, если тебя оно не устраивает, ищи ответы сама. Для меня главное, чтобы ты меня вытщила. Мы же больше не враги, да, Кэрол? Ты же вытщишь меня?

— Я не знаю, Кейт. Если я разберусь, как это делать, вытщю, конечно. Даже ты не заслуживаешь вечно томиться в этом непонятном странном плену... этом тумане. Но только при условии, что ты станешь теперь самой милой и доброй девочкой или мальчиком на свете. Иначе я отправлю тебя обратно в этот туман и больше оттуда не вытщю.

— Клянусь! Клянусь своей новой жизнью! Ключи под подушкой, — Кейт указала на свою постель.

Наблюдая, как Кэрол, откинув подушку, радостно схватила ключи, Кейт продолжила:

— На твоём месте я бы этого не делала, Кэрол. Не освобождай его, просто уходи. Беги, пока есть возможность.

— О чем ты, Кейт? Я не могу его здесь бросить! Его никто не найдет, он погибнет!

— Зато избавишься от него раз и навсегда, и вздохнешь свободно. Он же как самый настоящий кровопийца, впился в тебя замертво, и будет пить из тебя кровь, пока всю не высосет.

Кэрол, сжав ключи в кулаке, решительно вышла из спальни. Кейт не отставала.

— Ну, если не хочешь, чтобы он умер, заведи у него жучок, вынеси из подвала, и быстро вали. За ним придут через полчаса, максимум.

Кэрол удивленно приостановилась.

— Какой жучок? О чем ты говоришь?

— У него есть жучок, в носке. Думаешь, этот хитрый мерзавец вот так запросто пошел

бы в расставленную ловушку, как ягненок на заклатие? Нет, он всегда ходит с этим жучком. Его телохранитель Хок знает об этом. А вот я, дура, не знала. За ним не пришли только потому, что в подвале слишком слабый сигнал, и они не смогли вычислить, где он. Он планировал сунуть этот жучок незаметно мне или Фрэнку, чтобы мы вынесли его из подвала, и его люди смогли бы получить сигнал. Поэтому он и был так уверен в себе, поняла? Он знал, что за ним придут и освободят, а меня с Фрэнком убьют. Так что советую и тебе делать ноги, пока не поздно.

— Хорошо. Я отдам ему ключи, чтобы он смог подняться из подвала и подать сигнал Хоку, который за ним приедет. А я к тому времени буду уже далеко.

— На заднем дворе машина Фрэнка. Ключи и документы в бардачке. Только ведь ты все равно от него не сбежишь. Два раза вряд ли получится.

— Спасибо, Кейт. Спасибо за помощь. И за совет. Я вытащу тебя, как только разберусь с тем, как это делать. И Фрэнка тоже. А теперь можешь идти.

Кейт улыбнулась и кивнула. А Кэрол устало спустилась по лестнице на первый этаж, чувствуя, как силы покидают ее. Все тело ломало, раны нестерпимо болели.

Пройдя через кухню, она захватила бутылку с минеральной водой, которую нашла в холодильнике, кусок ветчины и булку.

Спускаясь в подвал, она едва не упала, споткнувшись и чуть не скатившись с лестницы. Держась за стены, она дошла до открытой двери своей темницы и, заметив выключатель, нажала на него. Войдя в уже освещенную комнату, где ее с нетерпением и тревогой ждал Джек, она остановилась, в бессилии прижавшись плечом к двери. Посмотрев на Джека, она увидела, что он уставился на нее широко раскрытыми глазами.

— Кэрол... я слышал крики. Где Кейт?

— Кейт больше нет, — еле слышно прошептала Кэрол, потому что даже на это у нее больше не было сил.

— Ты не ранена? Ты вся в крови. У тебя все лицо разбито.

— Нет, это не моя кровь, — Кэрол протянула ему бутылку с водой и еду. — Вот, держи...

Схватив бутылку, он открыл ее и жадно прильнул к горлышку.

— Спасибо! — вырвал у нее из рук хлеб и мясо, он откусил и того, и другого.

Кэрол устало кивнула.

Мгновение Джек молчал, не отводя от нее неподвижного взгляда и пережевывая.

— А ключи? Ты нашла ключи?

— Да, вот они, — Кэрол шагнула к нему и протянула ключи.

Схватив их, Джек сунул ей обратно еду и бутылку, присел и нетерпеливо отстегнул цепь. С отвращением отбросив ее прочь, он выпрямился. Подойдя к Кэрол, он взял ее за руку.

— Пойдем, — он потянул ее за собой. Кэрол послушно развернулась и пошла за ним. Снова забрав у нее еду, он ел на ходу. Кэрол продолжала держать бутылку с водой, не задумываясь, зачем, ведь наверху было воды сколько угодно. Он помог ей подняться по лестнице, буквально втащив наверх. Кэрол спотыкалась и падала, утратив последние силы.

О том, чтобы сбежать от Джека, и речи быть уже не могло. Сил на это у нее не осталось. Ни физических, ни моральных. Она лишь крепче сжала его руку, ощущая в себе только одно желание — никогда больше ее не отпускать.

— Срань господня... — вырвалось у Джека, когда он увидел Кейт, распластанную на полу спальни. — Сколько раз ты ее ударила ножом?

Поймав на себе его ошеломленный взгляд, Кэрол только пожала плечами.

— Не знаю. Разве надо было считать? Я разозлилась. Не нравится — не смотри.

Ей не понравилось, как он снова на нее смотрел. Она уловила в его взгляде даже что-то, похожее на страх. Он посмотрел на нее, как на что-то опасное и ужасное.

— Сэр! — вдруг радостно прогремел мощный бас. — Слава богу, я вас нашел!

В проеме двери, едва помещаясь, как по мановению волшебной палочки, появилась огромная черная фигура, заставив их вздрогнуть от неожиданности. Чернокожий гигант, сжимая в руке пистолет, озарился широкой белоснежной улыбкой, неожиданно обаятельной.

— Хок, что б ты провалился! Где тебя черти носят? Я два дня проторчал в этом сранном подвале!

— Так сигнала не было, сэр! Только-только появился, и я сразу сюда, сломя голову! С вами все в порядке? — чернокожий гигант остановил свой взгляд на Кэрол и почтительно склонил голову. — Миссис Рэндэл... мэм, я так рад вас снова видеть.

— Привет, Хок, — Кэрол слегка улыбнулась, затем недоуменно нахмурилась. — Но как ты смог так быстро?.. Мы же поднялись из подвала всего несколько минут назад.

Хок удивленно поднял брови.

— Да нет, мэм, сигнал появился полчаса назад, не меньше.

Кэрол вопросительно повернулась к Джеку. Тот изумленно смотрел на нее.

— Ты знала, что у меня есть жучок? Откуда?

— Тебе лучше не знать. Но как Хок поймал сигнал, если ты был в подвале?

Смотря ей в глаза, Джек протянул руку и засунул пальцы в карман ее толстовки. Опустив голову, Кэрол увидела, как он достает оттуда маленький круглый приборчик.

— Ты подсунул его мне! Тайком! Но почему?

— А вдруг бы ты не вернулась? Кейт могла тебя убить или ты бы сама сбежала, бросив меня в этом подвале.

— Я бы не бросила.

— Ты уже однажды меня бросила. Я тебе больше не доверяю.

— Но это совсем другое, — возразила Кэрол, не согласившись.

— Это одно и то же.

Он пожал плечами и отвернулся.

Хок тем временем молчал, уставившись неподвижным взглядом на окровавленный труп на полу. Потом поднял глаза на Джека.

— В доме еще кто-нибудь есть?

— Спасибо за беспокойство, Хок. Но мы уже сами о себе позаботились. Ты все пропустил.

— Простите, сэр.

— Хок, обыщи дом. Ты связался с Шоном, сообщил ему адрес?

— Да. Он будет здесь с минуты на минуту.

— Хорошо, надо избавиться от трупов. И привезите врача. Моей жене нужен врач. Выясните, кому принадлежит этот дом. Я хочу знать, может ли сюда кто-нибудь еще

заявиться.

— Хорошо. Но зачем? Разве мы не собираемся отсюда уйти? — поинтересовался Хок.

— Собираемся. Но вот миссис Рэндэл пока побудет тут. Забей все окна, приставь охрану. Если она сбежит, головой ответишь, понял?

Он усмехнулся, заметив, как смотрит на него Кэрол.

— Извини, дорогая, но тебе придется остаться здесь. Я пока займусь поисками нашего сына, а ты напруги память и вспомни тех, кто тебе помогал облапошить меня и весь мир. Желательно, тебе об этом вспомнить к моему возвращению, иначе мне придется вернуть тебя в подвал. Я знаю, ты не любишь закрытых дверей... или уже нет? Твои страхи тебя покинули? Не хотелось бы тебя мучить.

— В подвал? — сдавлено прошептала Кэрол, не поверив своим ушам.

— Да, любовь моя, в подвал. И ты не выйдешь оттуда, пока не назовешь мне нужные имена. Видишь ли... твоё воскрешение было для меня полной неожиданностью, и я еще не успел решить, что теперь мне с тобой делать. Стоит ли вообще возвращать мою жену из мира мертвых... не знаю.

— Просто отпусти меня...

— Просто отпустить? Ты смеешься надо мной? Не надо, ты же знаешь, что я этого не люблю. Есть только два варианта — либо вернуть тебя из могилы, либо отправить обратно, только уже по-настоящему. А пока я буду принимать решение, ты побудешь здесь. Или в подвале... зависит от того, насколько покладистой ты будешь. Советую к моему возвращению освежить свою память.

Он отвернулся, с удовлетворением заметив, какой болью наполнились ее глаза. Она больше ничего не сказала. В бессилии опустилась в кресло у окна и склонила голову на руки, уткнувшись лбом в предплечья, которые положила на подлокотник. Смерив ее насмешливым взглядом, Джек вышел из комнаты. Хок пошел за ним.

— Вы что, правда собираетесь ее убить? Но... мистер Рэндэл...

— Не лезь не в свое дело, Хок, — отрезал Джек. — Нет, конечно. Она мать моего сына. Я не могу причинить ему такую боль. Но за то, что она сделала, она должна заплатить сполна. Видел ее глаза? Она все такая же наивная и доверчивая, жизнь ее ничему не учит! Возомнила, что я вот так запросто обо всем забуду, прощу то, как она со мной поступила! Нет, ей придется с троицей заплатить за каждую минуту нечеловеческой боли, которую она мне причинила, за все мои муки, когда я думал, что мой сын мертв! Я ненавижу ее!

— Это неправда, сэр. Вы сердитесь, злитесь. Это не ненависть, это обида. Боль. И чем сильнее любовь, тем и они больше. Не надо так. Простите ее. Не наказывайте. Она любит вас. Примиритесь со своей женой, тогда все будет хорошо. Не ради нее... ради себя.

— Не умничай, Хок, я не за это тебе плачу.

— Простите, сэр. Я думал... Что я не только ваш слуга... Что я вам друг.

— Ты друг, Хок. Конечно, друг. Извини меня. Я знаю, ты хочешь мне добра, — Джек тяжело вздохнул. — Дай сигарету. Я бы умер в этом подвале скорее от нехватки никотина, чем от жажды и голода. Найди мне что-нибудь пожрать, я пока покурю. Я выйду на улицу, мне нужен свежий воздух.

— Хорошо, сэр.

Джек с удовольствием курил, чувствуя, что постепенно успокаивается. Свежий морозный воздух подействовал на него умиротворенно. Он вдруг почувствовал себя усталым и разбитым. Вокруг было тихо. Они находились за городом, где, Джек еще не знал, не успел

спросить у Хока, но недалеко, судя по тому, сколько времени ему понадобилось, чтобы сюда добраться. Сердце его наполнялось горечью. Он вдруг осознал, что почти жалеет о том, что приключение в подвале закончилось. Там было все так просто. Он и Кэрол, против тех, кто хотел их убить. И больше ничего. Ничего, что стояло между ними. словно этот подвал блокировал не только сигнал жучка, который он прятал в носке, но и все остальное в этом мире. Включая его ненависть, боль, обиды... Там он словно очистился от всего, и никогда он не ощущал себя так легко... словно давившее его бремя вдруг исчезло, и как было хорошо скинуть всю эту тяжесть, весь этот невыносимо тяжелый болезненный нарост, который, как какая-то зараза, копился в нем, нарастал все эти годы, давя все сильнее. Когда он видел, как ее мучили, причиняли боль, издевались, он пытался заставить себя думать, что ему все равно. Но, несмотря на всю его уверенность в том, что ничего, кроме ненависти и неприязни у него по отношению к ней не осталось, в нем словно какой-то инстинкт сработал. Инстинкт защитить. Как свою женщину, свою жену. И ему не было все равно, он испытывал ярость, негодование и боль, видя ее страдания, которые она так стойко переносила. Да, она сумасшедшая, упрямая, своенравная, растоптавшая и его, и всю его жизнь, заставившая его жить в аду... да, и за это он ее ненавидел. Но, несмотря на все это, она была его женой. Его женщиной. Это крепко сидело в его мозгу, в его сердце. И никто не смел так с ней обращаться. Решать, жить ей или нет. Он — да, он может, он имеет на это все права, он муж, и она принадлежит ему. Но никто более.

Никогда ранее Джек не убивал собственными руками, если не брать в расчет смерть Куртни. Он никогда не испытывал физической тяги к убийству. Наоборот, физически это его скорее отталкивало. И, сейчас, вспоминая, какое удовольствие и радость он испытывал, душа этого Фрэнка, Джек ощущал смятение. Замечая вожделение в каждом его взгляде на Кэрол, каждом движении, Джек буквально чувствовал, как в нем закипала кровь. Хоть та так и не призналась, но он понял, что этот тип все-таки ее изнасиловал еще до того, как сам об этом от него услышал. Это можно было понять даже по тому, как он на нее смотрел. Когда этот тип пришел ночью и вытащил его жену из его постели, из его объятий, Джек с трудом сумел совладать с собой. Такой наглости ему видеть еще не доводилось. И он не знал, что больше им руководило в тот момент, когда он душил этого мерзавца — стремление защитить Кэрол, или желание наказать за нанесенное ему оскорбление.

Он вырвался из этого проклятого подвала, и не понимал, почему не испытывает радости. Почему там он чувствовал себя счастливее, чем здесь, наверху. Когда обнимал Кэрол, не оглядываясь назад и не заглядывая вперед, впервые в жизни живя только настоящим моментом. И только теперь прочувствовал, как это было хорошо, вот так просто обнимать ее, прижимать к себе, и ни о чем не думать. И как хотелось сделать так снова. Подойти, обнять, пожалеть, забыть обо всем, что отравляло его душу. Простить. Примириться, как выразился Хок. И Джек грустил, зная, что не сможет так. Никогда не мог. Не мог переступить через себя, как всю жизнь переступал через других. Не мог стерпеть и не дать сдачи. И сейчас, когда вместе с освобождением на него вновь нахлынули все его отрицательные чувства и эмоции, он не мог подавить в себе эту потребность — дать ей сдачи. Не обнять и простить, а вцепиться ей по полной, испытывая от этого какое-то извращенное удовольствие, которое он всегда ощущал, расправляясь со своими обидчиками и теми, кто его задел. Он никогда не умел стерпеть, а тем более простить. И никогда ранее ему не хотелось это сделать, как сейчас.

Он устал. Устал сам от себя. От своей злости и неутомимой жажды расправы. От своей

душевной боли. Захотелось от всего этого избавиться. Пойти и «просто» обнять женщину, которую ему так хотелось растерзать. Не мучить ее, не причинять боль в отместку за свою, а сказать о своей любви, о том, что сожалеет, и забрать ее домой. И снова стать счастливым. Это было так просто. Все, что нужно было сделать — это простить. Так просто. И невозможно.

Хотя... она же сумасшедшая. Напридумывала сама себе всякие страсти, верит в них и боится. Она сбежала от него не с целью причинить боль и зло, а думая, что тем самым спасает его. Если это было действительно так, тогда он мог бы попытаться простить. Это простить у него могло бы получиться. Придется положить ее в психиатрическую клинику. Ее бред страшно было слушать, а то, что она сделала с Кейт — это вообще жуть. Так искромсать человека ножом, пусть даже борясь за свою жизнь, даже мстя — ненормально. Здоровый человек бы этого не сделал. Убить из самозащиты или мести — Джек не видел в этом ничего предосудительного. Но ведь и убить можно по-разному. А то, как она убила Кейт, ему не понравилось. И еще больше ему не нравилось смотреть, как она спокойна, не замечает того, что вся перемазана в крови, что у нее разбито лицо, словно не ощущала этого. Она то падала, не в силах устоять на ногах, то вдруг обретала какую-то странную силу, забывая о боли и слабости. Еще недавно она не могла встать с постели, а потом в схватке одолела Кейт, здоровую сильную женщину, она, измученная, истерзанная и обессилившая. Как это объяснить? Джек находил этому только одно объяснение — психически нездоровый человек, и сильно нездоровый. Настоящая психопатка, на самом деле. Только они в приступах своего безумия могут забывать о боли, усталости и всем остальном, черпая силы из одного им, психам, ведомого скрытого источника. Или не ведомого.

Она больная. Зря он с ней так. Какой с нее может быть спрос? Даже закон не наказывает признанных сумасшедшими обвиняемых. Их изолируют, лечат. Но не спрашивают, как с остальных, психически вменяемых преступников. Потому что наказывать невменяемых бесполезно.

Успокоив себя таким образом, Джек выбросил окурок уже второй выкуренной подряд сигареты и вернулся в дом. Он попробует это сделать. Сейчас пойдет и обнимет ее. Она так доверчиво держала его за руку, когда он выводил ее из подвала, что на какой-то момент он даже устыдился того, как повел себя с ней сейчас.

Он резко остановился, расслышав на улице шум двигателя.

Метнувшись назад, он выскочил на улицу и увидел, как открываются ворота перед выезжающим с заднего двора автомобилем.

— Кэрол! Стой!

Спрыгнув на снег, Джек со всех ног бросился к воротам и без колебаний остановился на пути выезжающей машины. Кэрол резко затормозила, едва его не сбив, и он, не давая ей опомниться, кинулся к двери и распахнул ее. Схватив Кэрол, он попытался ее вытащить из машины, но она, закричав от ярости, стала бешено сопротивляться. И надавила на газ.

Машина рванулась вперед, но Джек успел выдернуть ее из машины, и они оба упали в снег. Кэрол молниеносно вскочила, словно ее отпружинило от земли, но тут же снова упала, забившись в руках Джека, который успел ее схватить.

— Отпусти меня! — вопила она. — Я хочу уйти!

— Ты никуда не уйдешь! — прорычал Джек, борясь с ней, снова поражаясь ее силе.

— Ненавижу тебя! Я убью тебя! Убью, если не отпустишь!

— Угомонись, чокнутая! Или сейчас я тебя убью!

Он с силой ее встряхнул, отчего Кэрол больно ударилась затылком о присыпанный снегом асфальт. Разжав пальцы, она ударила ими его по щеке, целясь обломанными ногтями в незащищенную кожу. Он вскрикнул и с размаху вlepил ей пощечину.

— Сэр! Сэр, позвольте мне! — задыхающегося от гнева Джека схватили сильные руки и оторвали от Кэрол, подняв на ноги. Хок опустился на колени рядом с распластанной на снегу женщиной и обхватил ее своими длинными мускулистыми руками, поднимая, как ребенка.

— Миссис, все хорошо... все хорошо...

— В подвал! — закричал Джек, потеряв над собой контроль. — В подвал ее, и не выпускать, пока я не скажу!

— Но, сэр...

— Молчать! В подвал эту суку, я сказал! Или я сейчас возьму твой пистолет и пристрелю ее! Слышишь меня, ты?

— Слышу, сэр, я не глухой, — невозмутимо отозвался Хок и, развернувшись, направился в дом.

Джек пошел следом, чтобы проконтролировать, как тот выполнит приказ.

Кэрол больше не сопротивлялась, понимая, что мериться силами с Хоком бесполезно.

Он нес ее бережно, почти с нежностью, и Кэрол чувствовала плечом, как мощно бьется о грудную клетку его сердце. Он явно не был согласен с Джеком, даже разгневан, но все равно подчинился и сделал так, как тот ему велел. Занеся женщину в подвал, он аккуратно посадил ее на постель.

— Все будет хорошо, миссис. Он успокоится, — прошептал он. — С тех пор, как вы... ушли, он стал очень злой. Очень. Вам лучше его не злить, и тогда все будет хорошо.

— Спасибо, Хок, — подавлено шепнула Кэрол и, подняв ноги, сунула их под одеяла и спокойно опустилась на подушку. Укрывшись, она свернулась калачиком, спрятав лицо, и больше не двигалась.

— Выходи, чего застрял? — окликнул Джек.

Хок ушел, и Кэрол слышала, как проскрежетал засов на железной двери.

Они ушли, оставив свет включенным.

Тогда Кэрол уткнулась лицом в подушку и тихо заплакала.

Вскоре ее навестил доктор, который внимательно осмотрел ее, обработал ее раны, оставил лекарства и инструкцию, как и что принимать, и ушел, не проявив никакого интереса к тому, почему его пациентка избитая и израненная находится под замком в подвале.

Труп отсюда убрали, цепи тоже.

Ни Джек, ни Хок больше не приходили.

В стражниках у нее был какой-то незнакомый молчаливый мужчина, который время от времени заглядывал к ней, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и каждый раз услужливо осведомлялся, не нужно ли ей чего, и, не дождаввшись ответа, уходил, тщательно запирая дверь.

Джек приехал на следующий день, но сам к ней не пошел, отправив Хока узнать, не вспомнила ли она имена, которые он от нее требовал. Хок вернулся ни с чем.

— Она сказала, что ей никто не помогал. Она все сделала сама, — сказал он Джеку.

— Ну да, конечно, — фыркнул тот.

— Думаете, она скажет вам, если вы будете ее держать там?

— Сомневаюсь. Она всегда была упрямой, а теперь еще в ней и страха нет. Но все равно пусть посидит еще до завтра, для профилактики, успокоится.

— Доктор сказал, ей надо в больницу.

— Знаю. Ничего, до завтра потерпит. А то, смотри, какая стала, прямо неуправляемая. Дерется, угрожает! Совсем озверела. А зверей укрощают. Вот и ее я укрощу. Подлечат в больнице, потом отправлю в психушку, чтобы подлечили и шелковую опять из нее сделали.

— А если не сделают?

— Тогда она оттуда никогда не выйдет, — Джек посмотрел на охранника. — Рассказывай, что она делает там?

— Ничего. Лежит, — он помялся и сконфужено добавил. — И разговаривает.

— Разговаривает? С кем? — не понял Джек.

— Не знаю. С кем-то.

— Ты уверен? Может, она с тобой разговаривала? — вмешался Хок.

— Нет. С какой-то Куртни. Разговаривала, даже смеялась. Это правда, клянусь, я слышал. Мне кажется... она не в себе...

— Да уж определенно, раз с мертвыми разговаривает, — раздраженно отрезал Джек, расстроенный услышанным.

— Сэр, мне кажется, лучше ее из этого подвала все-таки выпустить. Тем более, если такое дело, — проговорил Хок. — То, что происходит с ней — нехорошо. И мертвые — тоже. Не к добру это. К беде.

— Дело не в беде, а в больной голове. Хорошо, Хок. Я поеду договорюсь в больнице, отвезем ее туда, но так, чтобы никто не узнал. Не дай бог, пресса пронюхает. Но до того пусть сидит в подвале, чтобы не сбежала. Слишком пряткая. Не хочу опять бегать с высунутым языком и искать ее. Хватит, надоело. Поехали. Найдем частную клинику, где подлечат ее раны и синяки, тихо и так, чтобы никто не узнал. И подбери толковую охрану. Сбежит — с тебя спрошу, понял? Оторву тебе твою лысую башку.

— Понял, сэр.

Кэрол по больше части спала и вставала только, когда надо было в туалет.

Она плохо себя чувствовала, силы покинули ее и больше не возвращались. Раны и синяки на теле причиняли страдания, лицо болело, налившись гематомой. К тому же она заболела еще сильнее, простыв в этом холодном подвале. Горло болело, голова раскалывалась, тело ломало от жара. Она послушно пила все лекарства, оставленные ей доктором, но пока не ощущала, чтобы они помогали.

Сколько он намерен ее тут держать? И зачем? Ждет, пока она умрет сама, чтобы не брать грех на душу?

Ничего не изменилось, она в той же темнице, снова в плену, только тюремщики стали другие. Но она не хотела думать о том, что сейчас происходит. Она думала об открывшихся способностях, которые ее так обрадовали. О, она смогла призвать Куртни, она видела ее, говорила. Давно Кэрол не испытывала столько радости. Куртни совсем на нее не сердилась из-за Рэя, не осуждала. И чувство вины и стыда, наконец, отпустило Кэрол. Узнав о том, что у нее есть возможность все исправить, вернуть жизнь тем, кого она погубила, она чувствовала себя так, словно в нее саму вдохнули вторую жизнь. Она вернет их, вернет их всех. Даже маму.

Она не удержалась и призвала Мэтта. Он пришел к ней. Он тоже был во власти ее проклятия, во власти этого тумана. Но он не захотел, чтобы она его возвращала. Он сказал, что будет ждать ее там, потому что, когда придет ее время, она тоже там окажется. И никто ее не вытащит. Разве что ее сын, которому она передала свой дар, такой же, как у нее, только намного сильнее.

Кэрол была счастлива, счастлива так, как никогда еще не была. Она могла в любой момент увидеть свою Куртни, Мэтта. О, почему она не могла делать этого раньше, почему это вдруг открылось в ней только сейчас? Теперь она могла делать это, как Патрик. Интересно, а он знал о том, что они могут возвращать попавшие в черный туман души? А что еще они могут? Кэрол хотела знать, знать все. Если они могут вырывать из плена своего проклятия его жертвы, если у них для этого достаточно сил, может, они могут как-то и помешать ему убивать?

А потом она очень испугалась. Испугалась, когда смогла увидеть этот туман и разглядела, сколько там душ. Сотни. Возможно тысячи. Души, которые это проклятие собирало веками, из поколения в поколения в ее роду. И самое страшное — это то, что они вдруг увидели ее и потянулись к ней. Кэрол расслышала гул голосов, который стал приближаться, нарастать.

— Вытащи нас! Вытащи!

Никогда в жизни Кэрол еще не охватывал такой ужас.

Зажмурив глаза, заткнув уши, она спряталась под одеялами, но это не помогло — она все равно их видела и слышала. Они приближались, окружали, и тогда она закричала. Истошно, страшно. Кричала и кричала.

— Прочь! Пошли все прочь! Мам, не бойся, все хорошо!

Она подумала, что ослышалась, узнав голос Патрика. Но его руки вдруг обхватили ее, и она со стоном прижала его к себе.

— Не бойся их, мам. Просто прогони. Ты можешь их прогнать. Они ничего не сделают тебе, они ничего не могут.

Открыв глаза, Кэрол, посмотрела ему в лицо, не понимая, настоящий он или нет. Он погладил ее по щеке.

— Я нашел тебя, мам. Теперь все хорошо.

Подняв глаза, Кэрол увидела застывшего на пороге Тима. Он смотрел на нее большими встревоженными глазами. И радостно улыбнулся, встретившись с ней взглядом.

— Жива, ясноглазая? — в двери вдруг появилась кудрявая черноволосая голова. — Сами тогда давайте здесь, я пока осмотрюсь.

Тим кивнул и нерешительно подошел к Кэрол и прижавшемуся к ней мальчику. Кэрол улыбнулась ему.

— Мам, я видел эту... Кейт. Здорово ты с ней расправилась! Молодчина! Вставай, мам, надо уходить, — Патрик отстранился и откинул ее одеяла. — Нол, помоги ей.

Мальчик отступил в сторону, пропуская Тима. Тот опустился на одно колено и робко взял руки Кэрол в свои ладони.

— Привет, — взволнованно прошептал он, не отрывая от нее горящих счастьем глаз. — Я так... переживал...

— Да, мам, он не врет. Я разрешил ему с тобой встречаться. Можешь обнять его, он заслужил, — разрешил Патрик деловито.

Улыбнувшись, Кэрол потянулась к Тиму, который тут же порывисто ее обнял.

— Я люблю тебя... — шепнул он чуть слышно ей на ухо и горячо поцеловал в висок. Потом не выдержал и прижался к ее губам в переполненном чувствами поцелуе. И вдруг почувствовал, как выдернули у него из-за пояса пистолет, и с недоумением обернулся на Патрика.

— Что ты делаешь?

Но тот вместо ответа выхватил большой нож из ножен на его голени, на этот раз надетых прямо поверх штанов, и отскочил назад с перекошенным от ужаса лицом, прижимая оружие к груди. Кэрол вскрикнула, и, подняв взгляд, Тим все понял, увидев застывшего у двери Джека Рэндэла, бледного, с окаменевшим лицом смотрящего на них.

— Папа! — воскликнул Патрик, переключая на себя его внимание. Тот перевел на него взгляд, и словно только теперь увидел. Лицо его вдруг расслабилось, осветившись радостью.

— Рик! — воскликнул он и раскинул руки, подсакивая к мальчику и заключая его в объятия.

Продолжая крепко прижимать к груди оружие, Патрик самозабвенно прильнул к груди отца. Джек прижал его к сердцу и закрыл глаза от избытка эмоций, чувствуя, как в них защипало от слез.

Тим тем временем поднялся и выпрямился во весь свой рост, не отрывая от него взгляда.

Схватив его за руку, Кэрол поспешно встала и, обойдя его, остановилась перед ним.

Сердце ее, сжавшись от ужаса, почти перестало биться, зато все тело забилося в нервной дрожи. Тим решительно сдвинул ее в сторону. Вскинув голову, она попыталась ему помешать и вернуться на место. Как будто, став между этими двумя, она могла предотвратить стычку.

— Пожалуйста... ты обещал, — прошептала она, умоляюще смотря ему в глаза сквозь выступившие слезы.

— Пап, пойдем, — Патрик взял отца за руку и потянул к выходу, бросив встревоженный взгляд на Тима. Тот стоял на месте, не отрывая тяжелого взгляда от Джека, который тот поймал, снова обратив на него внимание.

— Подожди, — сказал Джек.

Патрик обхватил рукой его за талию, прижавшись к нему, то ли защищая, то ли пытаясь удержать. Покосившись на Тима, он угрожающе нахмурился, сверля его взглядом. Бледное лицо Джека медленно налилось краской ярости, глаза почернели, он тяжело задышал, непроизвольно положив руку Патрику на плечи.

— Ах ты, гнида! — выдавил он, не отрывая глаз от Тима. — Я же тебя из-за решетки вытащил, а ты теперь жену мою трахаешь?

Тим побагровел, ноздри его раздулись.

— Вытащил? А не ты ли меня туда отправил, чтобы с моей сестрой расправиться?

— Пап, он не трахает... он просто наш друг! Он хороший, он нам помогал! Они с мамой только друзья, как в детстве! Мама тебя любит, только тебя, у нее никого не было! — встрял Патрик, и в голосе его слышался страх. — Не злись, папочка! Пожалуйста, не ссорьтесь!

Но Джек не обратил на него внимания. Казалось, что он даже не услышал его.

— С дороги, Рэндэл! Я обещал им не трогать тебя, и если ты сейчас уберешься с моего пути, я сдержу обещание.

— Иди, — Джек кивнул на выход.

Тим взял Кэрол за руку.

— Стоять! Без нее, — жестко сказал Джек. — Ты совсем охренел, пацан? Это вообще-то моя жена!

— Нет. Теперь это моя жена. И я ее забираю. А если ты к нам полезешь, я тебя убью.

Брови Джека поползли вверх, наглость этого мальчишки поразила его настолько, что на мгновение удивление даже пересилило его ярость. Что вообще происходит, откуда взялись такие наглые, потерявшие всякий страх отморозки? Один прямо у него из постели вытащил жену, преспокойно убрав с нее его руки, как будто он был не мужем, а одеялом — откинул в сторону и забрал. Другой в глаза ему заявляет, что теперь она его жена и держит ее за руку, как будто так и есть на самом деле. А он, муж, стало быть даже возразить не смеет?

— Кэрол, — Джек посмотрел в ее испуганные глаза и протянул руку. — Иди ко мне. Не бойся. Я не обижу тебя, обещаю.

Но Кэрол попятилась назад и, судорожно вцепившись в руку Тима, спряталась за его плечо. Джек стиснул челюсти, с трудом сохраняя самообладание.

— Я люблю тебя. Он тебе не нужен. Я причинил тебе боль, ты мне отомстила — будем считать, что мы в расчете. Теперь все будет хорошо. Пойдем со мной. Мы же семья.

Тим опустил на Кэрол встревоженный взгляд. Джек тоже сверлил ее режущим как бритва взглядом, все еще протягивая к ней руку. Мгновение Кэрол смотрела Джеку в глаза, потом отвернулась и спрятала лицо, уткнувшись в Тима. На губах последнего промелькнула счастливая улыбка, он обнял ее за плечи и прижал к себе, бросив на Джека торжествующий взгляд.

— Это ты не нужен, Рэндэл. Она выбрала меня. Так что брысь с дороги, а то наступлю.

Джек медленно опустил руку, которую протягивал к Кэрол. Та украдкой бросила на него взгляд. Первые мгновения он выглядел растерянным, словно не ожидал того, что сейчас произошло. Его замешательство заставило испытать Кэрол какое-то смутное удовольствие. Его уверенность, с которой он всегда утверждал, что она никогда его не забудет, будет вечно любить, ее раздражала. Только он ошибался. Она не его рабыня, не его собственность, которую он может держать в подвале. Она его освободила, а он после этого снова запер ее в этом подвале, и он был уверен, что после всего она снова побежит к нему, стоило ему только позвать, протянуть руку, как будто подавал команду собаке, призывая к ноге.

Джек опустил взгляд на Патрика.

— Сынок, отдай мне пистолет.

Но мальчик, сжав в руках оружие, отскочил от него.

— Не надо, пап. Пожалуйста. Пусть он уйдет. Не мешай ему. Он убьет тебя.

Тим крепче сжал дрожащие плечи Кэрол и повел ее к выходу.

Но Джек без колебаний шагнул навстречу, преграждая ему дорогу. Тим резко вскинул руку, и Джек отлетел в сторону от сильного удара в челюсть. Патрик вскрикнул. Сняв пистолет с предохранителя, он поднял руки, целясь в Тима.

— Не смей трогать моего папу! Я убью тебя! — завопил он в бешенстве.

— Он сам полез, — спокойно отозвался Тим, обернувшись в мальчику. — Я всего лишь... оттолкнул его с дороги. Я легонько. Смотри, он даже сознание не потерял. А ведь я мог свернуть вместо этого ему шею. Так что не заводись. Пошли. Целехонек твой папа, ничего с ним не случилось.

Тим перешагнул порог и вдруг столкнулся с чернокожим гигантом, который удивленно остановил на нем свой взгляд. Тим мгновенно его узнал. Реакция его была поразительной. Не успел Хок сообразить, что к чему, как Тим схватил его за руку, которой тот потянулся к

кобуре под мышкой, и нанес ему быстрый удар лбом в переносицу. Хок пошатнулся, удивленно вскинув руку к лицу.

— Хок, убей его! — завопил Джек, поднимаясь на ноги с разбитым лицом.

Кэрол, отскочившая в сторону, застыла на месте, увидев, как сцепились Тим и Хок. Патрик тоже стоял с открытым ртом, опустив перед собой руки, которыми все еще сжимал пистолет Тима.

Продолжая крепко держать Хока за руку и не позволяя дотянуться до кобуры с пистолетом, Тим ловко увернулся от удара, который ему попытался нанести свободной рукой Хок, и, выпрямившись, схватил противника за куртку, прижав предплечье к его горлу, и толкнув назад, втиснул его в стену. Хок захрипел и свободной рукой уперся Тиму в лицо, пытаясь оттолкнуть. Но парень лишь напряг шею и с еще большей силой вдавил предплечье ему в горло. Тогда Хок сжал огромный кулак и ударил его в бок. Тим лишь слегка согнулся. Хок ударил еще, ошеломленный силой этого парня. Давно он не сталкивался с кем-то, кто способен был дать ему отпор. Его рост и мощь действовали настолько устрашающе, что никому даже в голову не приходило, что с ним можно подраться. Этот парень не уступал ему ни в росте, ни в силе, к тому же, оказался намного проворнее его. Хок замер, встретившись с холодными синими глазами, когда дуло его собственного пистолета уперлось ему в подбородок. Хок закрыл глаза, готовясь принять смерть, все еще не в силах поверить в то, как легко его одолели. Он не успел удивиться, когда вместо того, чтобы выстрелить, Тим ударил его рукояткой пистолета по голове.

Подскочив к Патрику, Джек вырвал у него из рук пистолет и без колебаний выстрелил в спину Тима, разряжая обойму. Тот задергался, когда пули поочередно вонзились в его тело. Джек успел выстрелить всего три раза, прежде чем обезумевшая Кэрол повисла у него на руке, и очередная пуля вошла в деревянный пол. Джек взвыл от боли, когда ее зубы с силой впились в его запястье, и выронил пистолет. Стряхнув с себя Кэрол, которая упала на пол, он поднял взгляд на Тима. Кэрол тоже быстро обернулась и успела увидеть, как тот, не издав ни звука, повалился на пол одновременно с Хоком.

Кэрол замерла на полу, не отрывая взгляда от неподвижного Тима. Из горла ее вырвался протяжный мучительный стон, который окончился рыданием. Поднявшись на четвереньки, она поползла к нему, тихо воя от отчаяния и боли.

— Нет, нет, — стонала она, вцепившись в него и безуспешно пытаясь перевернуть на спину. — Тимми!

— Бежим! Скорее! — вскричал Патрик, хватая Джека за руку. — Здесь его друг, он сейчас придет! Он убьет тебя! Он убьет нас всех за него!

Джек метнулся к Хоку и, присев, с силой стал бить ладонями по лицу, пытаясь привести в чувства. С трудом приходя в себя, великан коснулся пальцами кровоточащей ссадины на лбу.

— Хок, поднимайся! Быстрее! Уходим!

Кэрол закричала, когда ее оторвали от Тима, поднимая на ноги. Она отчаянно забилась в руках Джека.

— Будь ты проклят! Не трогай меня! Отпусти! Тимми! Тимми, вставай!!! Ты не можешь умереть! Ты благословенный!

Не обращая внимания на ее истерику, Джек наклонился и, подхватив сопротивляющуюся женщину за талию, закинул себе на плечо. Выпрямившись, он сжал ее бедра, не позволяя соскользнуть на пол, и поспешно вышел из подвала. Не удержался и снова

покосился на труп охранника, валявшегося в углу с перерезанным горлом. Не без труда он вскарабкался по лестнице вверх и почти бегом выскочил на улицу. Патрик бежал впереди, встревоженно оглядываясь по сторонам, опять сжимая в руках пистолет. Хок, шатаясь и все еще не придя окончательно в себя, полуоглушенный плелся следом, стараясь не отстать.

Закинув Кэрол во внедорожник Хока, Джек вскочил за руль и повернул ключи в замке зажигания. Патрик уже сидел на сидении рядом.

— Поехали, быстрее! Пап! — в панике закричал он, когда Хок практически упал на сидение рядом с Кэрол.

Джек рванул с места, не испытывая никакого желания столкнуться с разъяренным евреем.

— Мам, успокойся, сейчас же! — Патрик обернулся, опасаясь, как бы она снова не вздумала броситься на Джека. Но она, уткнувшись в сиденье, горько плакала, навзрыд, сотрясаясь всем телом.

— Заткнись! — бросил ей через плечо Джек. — Хоть бы сына постеснялась, если при муже уже не стыдно рыдать о своем любовнике, потаскуха!

— Нет, пап! — Патрик возмущенно посмотрел на него. — Не надо так! Она не такая. Ты просто ничего не знаешь. Я тебе все объясню.

— Что ты мне объяснишь? Что сбежал от меня вместе с ней, сдружился с ее любовником, пока я вас оплакивал, страдал... — не сдержался Джек. — Что объяснить, я и так все понял, не дурак.

— Пап, это все только ради тебя, — прошептал мальчик, и глаза его наполнились слезами. — Чтобы тебя спасти. И мама тоже. Мы любим тебя.

— Да уж! Вижу, — Джек горько фыркнул, но, взяв себя в руки, замолчал, смотря на дорогу перед собой.

Патрик подавил желание расплакаться, только носом шмыгнул. Потом покосился на отца.

Глаза его снова наполнились слезами, когда он увидел, каким печальным было его лицо. Никогда еще он не видел отца таким грустным, таким расстроенным. Таким несчастным. Он больше не злился. Казалось, что эта печаль подавила в нем все остальное, даже гнев и злобу. И Патрику вдруг стало его непомерно жаль.

— Нол — твоя смерть. Он убьет тебя, пап. Это он на тебя охотился. Мы с мамой его остановили. Мама остановила. Она заставила его отказаться от мести. Он бросил свою охоту, дал слово, что не навредит тебе. И он его держал.

Джек покосился на него.

— И за мою жизнь он потребовал... маму?

— Ну... не то, чтобы вот так взял и потребовал... Нет. Он притворялся ее другом. И я ему верил, пока не увидел, как он целовал маму. Я рассердился, убежал из дома. И тогда мама пропала. Я вернулся. И мы долго разговаривали. Они сказали, что мама не хочет встречаться с Нолом, из-за меня, что они уедут, бросят нас... что Нол отказался от мести ради нас, но если мы его прогоним, то тогда ему незачем отказываться от того, чтобы расквитаться с тобой. И тогда я согласился. Прости, пап. Но я не мог допустить, чтобы он убил тебя. А он бы убил. А так он был при нас, на виду, и ничего, кроме мамы, его больше не интересовало, даже ты... Пап, он тебя ненавидит. И его друг, Исса — тоже. Исса любил тетю Даяну, он тоже хочет отомстить. Нол влюбился в маму, так влюбился, что его любовь пересилила его ненависть к тебе. Ради нее он пообещал не убивать тебя. А мама его не

любила, ты даже не думай. Разве она могла его любить, он же весь в шрамах! Она согласилась быть с ним только ради того, чтобы он от тебя отстал.

— Ой ли? — Джек бросил взгляд в зеркало заднего вида на Кэрол. — По тому, как она по нему рыдает, я бы так не сказал. Рик, они оба тебе лапши на уши навешали, вот и все. А ты и повелся.

Мальчик оскорбленно покраснел.

— Нет. Это все правда. А мама плачет просто потому, что ей его жалко. Просто жалко. А не потому, что она его любит. Не сердись на нее, пап. Я все тебе расскажу. Ты все поймешь, и тогда простишь нас.

— Я не сержусь на тебя, сынок. Я просто вспылал. Мы обо все поговорим, ты мне все расскажешь. Я тебя выслушаю. Чуть позже. Сейчас мне нужно позаботиться о безопасности. Этот Исса наверняка захочет отомстить.

— Да. Но не сейчас. У него другая забота — Нол.

— Ну, это ненадолго. Похоронит своего дружка и примчится мстить.

— Нол еще не умер. И вряд ли умрет. Я этого не видел. Он поправится, пап, и тогда они придут вдвоем.

Джек устремил на сына недоуменный взгляд.

— Рик, я всадил ему в спину три пули, он упал замертво. Он мертв.

— Нет, он жив, — упрямо возразил мальчик.

Джек вдруг заметил, что рыдания на заднем сидении прекратились. Бросив взгляд в зеркало, он увидел, как Кэрол с радостным выражением на лице смотрит на Патрика.

— Правда, сынок? Жив? И не умрет?

— Думаю, нет, мам. Не должен. Я не видел его смерть. Хотя... я не уверен. Я могу и не увидеть. Я же не увидел, как тебя похитили, — мальчик грустно вздохнул. — Я знаю точно — он еще не умер. Как умрет, я сразу узнаю. Мертвых я чувствую лучше, чем живых.

— Я не понимаю, что сейчас происходит, и о чем вы вообще говорите, — раздраженно встрял Джек. — Я не знаю, Рик, чем она забила тебе голову... вернее, я догадываюсь. Об этом мы тоже поговорим. Обо всех этих проклятиях, супер-способностях всяких... я тебе все объясню. Что это такое и откуда взялось. И как ты должен к этому относиться. И к тому, что говорит тебе мама.

— Но откуда ты знаешь? Ты не можешь знать, — насторожился Патрик, недоверчиво нахмурившись.

— Знаю, сынок. Больше, чем ты думаешь. И я тебе все объясню, вот увидишь. Сейчас мы отвезем маму в больницу, где ее ждут. Там о ней позаботятся. И Исса ее там не найдет. И нас с тобой не найдет, не бойся. Мы подождем, когда маме станет легче, ее вылечат, и тогда мы заберем ее и поедem домой. А там уже никакой Исса нам не страшен. Я сам найду его и прикончу.

Патрик с сомнением покачал головой.

— Если Нол выживет, ты должен будешь отпустить маму к нему. Только она может его остановить и не позволить тебя убить.

— Рик, ты говоришь сейчас глупости, — голос Джека наполнился гневом и возмущением, он посмотрел на Патрика удивленно-злым взглядом. — Ты вообще соображаешь, что говоришь? Даже если он и выживет, я, по-твоему, должен отдать ему маму только ради того, чтобы он от меня отстал?

— Да, пап. Иначе ты умрешь.

— Да ты знаешь, сколько в мире людей, которые хотят со мной расквитаться? И что же, мне теперь каждому отдавать свою жену, чтобы они передумали?

— Не каждому. А ему — да. Потому что из всех твоих врагов убьет тебя именно он.

— Да что ты заладил одно и то же — убьет да убьет! Не убьет! Кишка тонка!

— Не тонка.

— Хватит, Рик. Я не хочу об этом больше слышать. Я вижу, он тебя достаточно запугал, может, и маму тоже, вполне допускаю и такое. Но теперь вы со мной, я вас защищу, в обиду не дам. Забудь о нем. Я сам со всем этим разберусь.

На лице Патрика отразилось отчаяние.

— Пап, пожалуйста... умоляю тебя, поверь мне! Ты должен мне поверить!

— На твоём месте, я бы к нему прислушалась, — раздался с заднего сидения хриплый голос Кэрол.

— А на твоём месте я бы вообще помалкивал, — грубо отрезал Джек, метнув взгляд на нее в зеркало. — Я тебе не пацан, меня твои бредни не интересуют. И угрозы твоего хахаля меня не пугают. Если он не сдох, я это исправлю, так что не радуйся. Реви дальше. Приключения твои закончились, и любовные — в том числе. Продолжишь свои похождения уже в другом месте, куда тебе скоро предстоит отправиться.

— Где это? — не понял Патрик.

— В сумасшедшем доме, сынок. Он хочет отправить меня в психушку, — не сумев скрыть своей горечи, ответила вместо Джека Кэрол.

— Как это в психушку? Почему? Мама не сумасшедшая!

— Сынок, ни в какую психушку я ее не собираюсь отправлять. Это просто больница. Маме там просто подправят здоровье, ей это необходимо, вон она сколько пережила.

— Ничего маме подправлять не нужно, с ней все в порядке. Она и не такое переживала. Она сильная. И с ее здоровьем все в порядке.

— Пусть об этом судят те, кто в этом разбирается — доктора.

— Они в этом не разбираются.

— Рик, я не хочу с тобой спорить. Я устал и... очень расстроен. Мы все обсудим чуть позже. Отвезем маму в больницу, а потом обо все поговорим, только вдвоем, наедине. Хорошо?

Патрик кивнул. Встав на колени, он перегнулся через сидение и протянул руку к Кэрол.

— Не плачь, мам. Все будет хорошо. Не бойся. Папа не обидит тебя. Он перестанет на тебя сердиться, когда я все ему объясню. И ни в какую психушку ты не попадешь, ты же не сумасшедшая какая-нибудь. Это папа просто пугает тебя, чтобы ты его слушалась.

Кэрол взяла его кисть в свои ладони и с нежностью поцеловала. Потом привстала и заглянула в лицо неподвижному Хоку, который тихо полулежал, едва помещаясь, на сидении рядом, закрыв глаза. По лицу его струилась кровь.

— Хок, как ты? — Кэрол коснулась его щеки.

Мужчина приоткрыл веки и взглянул на нее. Полные черные губы его тронула нежная улыбка.

— Все хорошо, мэм. Не беспокойтесь.

Джек привез их в частную клинику, в которой заранее договорился и где их уже ждали. С удивлением доктор и медсестра приняли не одну пациентку, а еще двух — Хока и самого

Джека. Скула у последнего была разбита, опухла и наливалась страшной гематомой, поэтому врачи настояли на рентгене, чтобы убедиться, что кость цела. Хоку тоже оказали помощь, обработали и перевязали рану на голове. От дальнейшего обследования Хок отказался, хотя врачи с уверенностью заявили, что у него сотрясение мозга и нужно сделать томографию.

С Кэрол повозиться пришлось подольше. Осмотрев ее, ей наложили несколько швов на наиболее глубокие рваные раны, оставленные зубами собаки. После всех процедур, ее отправили в палату. Помимо многочисленных телесных повреждений, у нее была сильная простуда. В больницу приехал Шон. Джек связался с ним, как только они приехали в больницу, поручил срочно найти гостиницу без строгих правил регистрации, где они могли бы остановиться под вымышленными именами. Шон без труда и быстро выполнил поручение и примчался сюда. В палату к Кэрол Джек поместил Хока, потребовав, чтобы он все время находился при ней, не обращая внимания на попытки медперсонала ему возразить.

В конце концов их спор окончился тем, что Кэрол перевели в другую палату, смежную, где Хок находился в основной комнате, а Кэрол — в прилегающей. Чтобы добраться до нее, нужно было пройти мимо Хока. Вооруженный и хмурый, он снова был готов к выполнению своих обязанностей, виновато отводя взгляд, когда встречался с взглядом Джека, стыдясь того, что подвел его, потерпев поражение и не справившись с мальчишкой. Но Джек ничего не сказал по этому поводу, а если и разочаровался в своем телохранителе, но никак этого не показал.

Патрик сидел у постели матери, держа ее за руку, соскучившись. Оставшись наедине с ней, он рассказал, как они смогли ее найти, а Кэрол поделилась с ним тем, что произошло с ней, упуская некоторые детали. Узнав, что она теперь может призывать мертвых и общаться с ними, как он, Патрик пришел в восторг. Когда Кэрол спросила, знал ли он о том, что можно возвращать души из тумана в этот мир. Патрик кивнул.

— Почему же ты мне не рассказал? Что еще ты знаешь? Я хочу знать все. Абсолютно все. И как возвращать души в первую очередь.

— Зачем? Кого ты собралась возвращать?

— Как кого? Ну, для начала Куртни... и всех, кого знаю. А потом...

— Ты спятила? Ты видела, сколько их там? Ты что, собралась всех их оттуда вытащить?

— А почему нет, если мы можем?

— Но этого нельзя делать. Думаешь, этот туман вот так запросто позволит отобрать все его жертвы? Он убьет тебя, как только ты попытаешься это сделать. И ты сама там окажешься.

— Но он же не убил меня, когда я отобрала у него Эмми.

— Как... ты уже это делала? — поразился Патрик.

— Да. Эмми переродилась, она теперь мой крестник Эрни. И сама Эмми мне сказала что это я сделала, я ее освободила и вернула в этот мир.

— Хорошо, мам. Только больше не надо так делать. Это опасно. Ты погибнешь. Думаешь, ты первая, кто из нашего рода узнал о возможности возвращать оттуда души? Нет. И что-то я не вижу, чтобы у кого-то получилось их всех освободить. Ты выжила после того, как вернула Эмми, потому что у тебя еще не было детей. Туман не мог тебя убить. А теперь ситуация изменилась.

— Мне все равно скоро умирать, я ничего не теряю. Я освобожу хотя бы тех, кто попал туда по моей вине, я должна это сделать.

— Ладно, мам, только не торопись. Надо все это обдумать. Мам, я хочу тебе рассказать

что-то очень важное. Когда я искал тебя, я встретил одного человека. Не здесь... там, в этом тумане. Его зовут Луи. Он живет во Франции. И он такой, как мы, мам. Мы не одни. И этот туман прицепился не только к нам. Луи мне все рассказал. Видишь ли, это проклятие передается ко всем детям нашего рода, а потом к детям этих детей. Так он расплзается и разветвляется вместе с нашим родом. Это происходит уже пять — пять! — веков! Этот Луи все знает. Он ищет и собирает всех из нашего рода по всему свету. Он организовал что-то вроде родового клана, где он самый главный. Он говорил, что наблюдал за тобой с рождения. До четырнадцати лет. Он призывал твою маму, но она не захотела идти с ним на контакт, испугалась. Помнишь, ты говорила, что тебя преследовали чьи-то глаза во снах? Так вот это был он. Не какое-то там чудовище непонятное, а он. В нем страшная сила, мам, он самый сильный из всех нас, потому что давно уже живет, ему уже сто пятьдесят лет. Туман не позволяет ему умереть, потому что у него нет потомства и некому передать проклятие. Он сказал, что еще в детстве получил какую-то травму, из-за которой не смог иметь детей.

Кэрол недоверчиво слушала.

— Не понимаю... если так, почему он объявился только сейчас? И что ему от нас нужно?

— Он сказал, что не мог тебя видеть с тех пор, как ты уехала из мотеля. Что-то тебя словно заблокировало. Каждый раз, как он пытался тебя увидеть, его слепил какой-то яркий свет. И он ничего не видел, словно был слеп. И не мог через этот свет пробиться, несмотря на всю свою силу и могущество.

— Свет? Какой свет?

— Я не знаю. Этот свет исчез только недавно. Несколько дней назад, и он сразу смог увидеть и тебя, и меня. Это он мне показал, где ты. Сам я так и не смог увидеть. Мой дар еще слаб. Но Луи сказал, что я очень сильный. Я смогу стать таким, как он. Даже сильнее. Сказал, что много лет ждал приемника, и наконец-то родился я. Он хочет, чтобы я стал его приемником, представляешь? Он меня всему научит, все нам расскажет! И я возглавлю наш клан! Представляешь, я стану самым главным! Это так круто!

— Подожди, Рик! Но что это все значит? Нет, мне почему-то это все очень не нравится. Не спеши. Сначала надо все понять и разобраться, что к чему.

— Ну так и разберемся! Для этого он нас и зовет!

— Зовет? Куда?

— К себе! Во Францию!

Некоторое время Кэрол озадаченно молчала. Слишком всего много и неожиданно на нее навалилось за последние дни.

— Было бы неплохо, конечно, съездить и получить, наконец-то, ответы на все вопросы, — нерешительно проговорила она. — Но не забывай, сынок, мы теперь в папиной власти. Он нас не отпустит. А если мы попытаемся все рассказать, он отправит нас не во Францию, а в психушку. Меня — точно!

— Отпустит! Я ему докажу! Как доказал Нолу и Иссе. Они же поверили в мой дар. И он поверит. И он больше не будет думать, что ты сумасшедшая. Он может поехать с нами, и сам встретится с Луи. Мам, Луи сказал, что знает, как защитит от проклятия наших близких, чтобы мы могли быть рядом с ними и не убивать их при этом. Сказал, что так не все могут из нас, для этого должно быть очень много сил. Но во мне они есть, и их достаточно для этого. Это же здорово, правда? Мы тогда сможем жить с папой!

Кэрол только озадаченно пожала плечами.

— Значит, это проклятие передается всем детям?

— Он так сказал.

Кэрол расстроено сникла.

— Значит, и мои лисята тоже... о, боже!

— Нет, в них этого нет. Ты передала им дар, но не проклятие. Луи так сказал. Сказал, что с этими детьми что-то не так. Проклятие не смогло к ним подступиться.

— Что значит — «что-то не так»? — еще больше встревожилась Кэрол, приподнимаясь на подушках. — Что он имел в виду?

— Я не знаю. Он сказал, что их привозить к нему нельзя. Они его слепят. Жгут. Ему было очень больно, когда он пытался пробиться сквозь их свет, чтобы добраться до нас. Это именно в них этот свет, который блокирует его, слепит, жжет. Как только они оказались далеко от нас, он только тогда смог нас увидеть.

Глаза Кэрол шокировано раскрылись.

— Свет? В моих лисятах? Но откуда?

И сердце ее вдруг перестало биться.

«Только не ошибись!» — словно наяву услышала она предостережение Габриэлы. Человек, в котором столько света, что он способен разогнать ее тьму.

«Скажи спасибо Рэю, только его присутствие разгоняет вокруг тебя тьму... но это недолго будет, не надейся! О, если бы он не оставил меня, я бы спаслась! Он мог меня спасти! В нем столько света... без его света эта тьма сразу поглотила меня... Почему он забрал тебя, а меня бросил на погибель?» — вдруг всплыли в ее памяти и слова Элен, сказанные при последней их встрече. Тогда Кэрол не поняла их, не придала значения. Когда она уехала из мотеля, словно что-то заблокировало ее, Луи перестал ее видеть. Все эти годы его слепил какой-то свет при попытке ее увидеть. Кто был рядом с ней все эти годы? Рэй. А потом его дети, которым передан его свет.

— Не может быть! — выдавила Кэрол почти беззвучно, потеряв голос от потрясения. — Это невозможно!

— Что невозможно, мам? Ты чего?

Но она не ответила ему. В бессилии упав на подушки, она закрыла глаза.

— Сынок, мне нужно тебе кое-что сказать, — не открывая глаз, прошептала она. — Ты не должен говорить папе о лисятах.

— Разве ты ему еще не сказала? Почему? Он же так обрадуется, когда узнает, что у него есть еще два сына!

— Не обрадуется, Рик. Потому что это не его дети. Они сейчас у Рэя. И Джек не догадался, как я понимаю, что это мои дети.

Мальчик смотрел на нее, открыв рот.

— Как это не его... А чьи? — пискляво воскликнул он, не совладав с эмоциями.

— Это дети Рэя. Прости, сынок.

Патрик ошеломленно смотрел на нее, не веря своим ушам.

— Как Рэя? Но ведь он мне поклялся... Он мне наврал? И ты тоже? Как же так? Как вы могли?

Из закрытых глаз Кэрол медленно покатались слезы.

— Если папа об этом узнает, он очень разозлится. Он убьет Рэя...

— Пусть убьет! И правильно сделает!

— И меня. И лисят. Пожалуйста, Рик. Ты можешь нас ненавидеть, но ведь они не при

чем. Они такие маленькие, они ни в чем не виноваты. Ради них, только ради них — молчи.

— Их я тоже теперь ненавижу! Пусть папа вас всех убьет! Предатели! Вруны! А ты..
Правильно папа тебя тогда в машине так назвал! Потаскуха!

— Да? — Кэрол открыла глаза, которые вдруг загорелись злостью. — А твой папа кто? Это он меня предал, он мне изменял! Всегда изменял, много раз! Почему же его ты не ненавидишь? Я сожалею о том, что сделала. Это было моей ошибкой. Я все время раскаивалась. Но мне было так плохо... так одиноко, я была очень обижена и зла на твоего папу... мне было так больно. Я просто захотела ему отомстить. Я тоже человек, живой человек. Почему ты готов простить отцу все, а ко мне всегда так строг? Значит, ему можно и дозволено все, а я всего лишь его рабыня, которая не имеет право на чувства, на обиду и боль, на свое мнение, волю, желания? Меня надо наказывать, за все и постоянно, я не заслуживаю ни прощения, ни понимания, ни снисхождения. Как собака. А он мой хозяин, которому можно все, вплоть до того, что распоряжаться мною и моей жизнью, все за меня решать, заставлять, принуждать, наказывать? Я любила его! О, как я его любила! А он вытер ноги об мою любовь! Если ты ненавидишь меня, тогда ненавидь и его. Так будет честно и справедливо. Он надругался над моей любовью — я над его. Если, конечно, он меня любил. Хотя я в это больше не верю. А Рэй... он любил меня. По-настоящему любил. И он в этом не виноват. Нельзя обвинять человека в том, что он влюбился, это происходит против воли, хочешь ты того или нет. Да, он не сказал тебе, и что? Как он мог сказать, ты хоть сам это представляешь? Как я могла сказать? Он любит тебя. Он знал, что ты не поймешь его и не простишь. А он не хотел потерять тебя, твою любовь, потому и не сказал. Конечно, ты можешь пойти и рассказать сейчас все отцу. Иди. Только прежде все-таки подумай, зачем и к чему это приведет. Действительно ли ты ненавидишь меня, Рэя и лисят настолько, чтобы приговорить нас к смерти?

Патрик выскочил из палаты с перекошенным лицом, а Кэрол долго еще смотрела на закрывшуюся дверь. Потом вздохнула и отвернулась к стене.

Как же она сама не догадалась? Рэй не старел, никогда не болел, с ним никогда не случалось ничего плохого, он был настоящим баловнем судьбы, жизнь все ему преподносила на блюдечке. За что бы он не брался, все у него получалось, слишком легко для простого человека. Так не бывает. Пол жизни бил баклуши, а потом вдруг сел в кресло Куртни и стал управлять ее империей. Разве такое возможно? Когда Джек попытался с ним расправиться, словно какая-то сила отвела от него удар, переводя на другого. На Куртни. И потом, когда Джек его похитил и мучил, он тоже выжил, что вообще казалось невероятным. Он был таким красивым, теплым, светлым. Люди любили его, тянулись к нему. Силу его необыкновенного обаяния было трудно объяснить. Разве сама она не чувствовала его свет, его тепло? Чувствовала. И нуждалась в нем, и тянулась к нему. Он всегда помогал и был единственным, кто мог ее утешить, в любой ситуации, поддержать, поднять настроение, как бы сильно она не была расстроена. Он всегда ее согревал. Предостерегал, подсказывал, только она никогда к нему не прислушивалась, а он всегда оказывался прав. И когда она уехала, она остро чувствовала, как не хватает ей его тепла, его присутствия. Даже мысли о нем ее согревали. Она же сама воспринимала его, как лучик в ее темном мире, который он освещал, согревал ее заледеневшую душу, как лекарство, которым она могла заглушить свою боль. Почему же она над этим не задумалась? Вот, оказывается, почему ее всегда к нему тянуло. Он благословенный. Не Тимми. Рэй. А теперь и его дети.

Может, потому и он так тянулся к ее матери, а потом и к ней?

Она ошиблась. Как могла она так ошибиться? Ведь ей самой с трудом верилось в то, что Тимми может быть благословенным. Он убийца. Темный, как назвал его когда-то Рэй. Темный, как Джек. Почему Рэй так их называл? Он чувствовал это или видел? Она выбрала Тимми, потому что то, что благословенным может быть Рэй вообще казалось ей нелепостью. Раньше. Но если подумать... В Рэе никогда не было никакого зла. Все его грехи — это его лень, чрезмерная сексуальность, лукавство и эгоизм. Можно и дальше перечислять его недостатки, но видимо всех их вместе взятых было недостаточно для того, чтобы сделать его недостойным того света, которым он был одарен. Или дара. Может, это можно называть так? Теперь, когда она на все взглянула по-другому — это уже не казалось таким невероятным и нелепым.

Но даже если бы она не ошиблась, все равно быть с Рэем у нее не было никакой возможности. Джек бы никогда этого не допустил. Это было бы возможным только если убить Джека. Но убивать Джека нельзя, он должен жить. Так говорила Габриэла.

Что же теперь делать?

Отчаяние начало заползать в ее душу. Вот это она запуталась! Запуталась во всем, как муха в паутине, из которой теперь не могла вырваться. Как теперь выпутаться из всего этого?

Она соблазнила Тима и привязала его к себе, чем спасла Джеку жизнь, заставив его убийцу отказаться от убийства. Это правильно. Но при этом она еще была уверена, что он и благословенный! Что она не только отводит смерть от Джека, но и от себя тоже. Оказалось, что нет. Хотя... ведь в лисятах тоже был свет, выходит, они тоже благословенные? Может, теперь они могут ее защитить и спасти? И их присутствия будет достаточно? И ей не обязательно присутствие Рэя? Но как теперь забрать у него детей? Как причинить ему такую боль, дать, а потом отобрать? Как ей найти в себе силы так с ним поступить? Так жестоко и безжалостно. Джек теперь знал об этих детях, знал, что они сыновья Рэя. Но не знал, что ее. Как же сохранить эту тайну? Украдкой забрать детей и опять уехать, спрятаться? Но если она пропадет одновременно с детьми Рэя, у Джека могут возникнуть вопросы по поводу этого совпадения. Ее похитили, и у Рэя вдруг в тоже время объявились дети, не известно откуда и от кого. Она сбежала, и дети снова пропали в никуда. Джек не дурак, он поймет. Но и оставить детей она не могла. Она уже соскучилась по ним так, что сердце ее разрывалось. Был вариант оставить их Рэю, он бы воспитывал их, а Джек бы так и не узнал, что они ее дети. Но даже сама мысль об этом была для Кэрол невыносима. Она так не сможет. Ее материнское сердце ей не позволит.

Тимми не благословенный, никакие силы его не охраняют, как она думала. Значит, он может умереть, как обычный человек. В любую секунду, если еще не умер. Если Исса его не спасет. А если не умрет, он придет убивать Джека. И она должна будет его остановить. Опять. А для этого был только один способ — уйти с ним. Но ведь Тимми, как и Джек, не может быть с ними, с ней и Патриком, он не благословенный, у него нет защиты от их проклятия. Оно его убьет. Не сейчас, так потом. А если она бросит Тимми, он убьет Джека. Какой-то замкнуты круг. Как из него выбраться? Был еще вариант — просто убить Тимми, и тогда он не сможет убить Джека. Но и этот вариант был для Кэрол неприемлем. Даже Патрик от него отказался, привязавшись к новому другу, каковым стал считать Тима.

Кэрол сжала голову руками и застонала.

Что же делать?! Что теперь делать?

Луи. Вот, кто может помочь во всем разобраться. И, возможно, подскажет, что им с

Патриком делать дальше. Как жить. И как разгрести всю ту кучу, которая их придавила.

Кэрол провела в больнице неделю.

За это время ни Патрик, ни Джек ни разу ее не навестили.

Кэрол страдала, боясь, что потеряла сына, его любовь и уважение. Боялась, что он все-таки рассказал Джеку и Рэю о лисятах. Она пыталась утешиться мыслью, что они благословенные и неведомая сила в них не позволит, чтобы с ними случилось что-нибудь плохое. Не позволит Джеку им навредить. Но это было никчемным утешением. Какие бы они ни были, они не бессмертные.

Она понимала, что Джек не может в открытую с ней расправиться, из-за Патрика. Иначе он бы ее уже убил, Кэрол в этом даже не сомневалась, уверенная, что он ненавидит ее пуще прежнего из-за Тима. Она даже боялась представить, что думает Джек и что у него внутри. Он всегда ей говорил, что не потерпит измену, что убьет ее, если к ней прикоснется другой мужчина. И теперь узнал, что у нее есть этот другой. Да еще и не кто-то, а Тим. Более того, она отвергла его, Джека, на глазах у него и Патрика, унизила. Он говорил ей о своей любви, примирении, семье, просил пойти с ним, а она выбрала Тима. Но на самом деле дело было не в Тиме. Она не выбирала между Тимом и Джеком, как они подумали и как это выглядело. Она просто не хотела пойти с ним, Джеком, а у Тима искала защиты от него. Не поверила ни единому его слову. Ни о любви, ни о семье, ни о том, что все будет хорошо. В последний раз, когда она поверила, взяла его протянутую руку и пошла за ним, забыв обо всем на свете, поддавшись своей любви, он снова запер ее в подвале, угрожая расправой и смертью, не говоря уже о его намерении отправить ее до конца дней в дурдом, если он все-таки бы смилостивился и решил сохранить ей жизнь. Он считал ее сумасшедшей и опасной, она даже не сомневалась в этом.

Ее не огорчало то, что он не приходит. Наоборот, она со страхом ждала их встречи. Чтобы она не говорила, она его боялась, а теперь — как никогда. И старалась не вспоминать о том, что было в подвале. Об этом нелепом и странном забвении, которое почему-то их накрыло, где они перестали вдруг быть врагами и словно вернулись в прошлое, когда любили друг друга и были самыми близкими людьми... Когда занимались любовью, когда спали в объятиях друг друга... Она старалась забыть, с какой нежностью и любовью он снова прижимал ее к себе, как когда-то давно, казалось, целую вечность назад. Словно время вдруг повернулось вспять. Исчезло все, что было после того, как она обнаружила его ручку в спальне Даяны. И она лежала, прижималась к нему и беззвучно плакала от счастья, представляя, что это все на самом деле так, что это был всего лишь кошмар, страшный сон, от которого она пробудилась, оказавшись в его объятиях, рядом с ним, ее Джеком, только ее... И никогда они не расставались, никогда не становились врагами. Все это ей только приснилось.

Но все оказалось наоборот. Ее кошмар был реальностью, а эти мгновения в его объятиях, их любовь — наваждением, которое быстро развеялось. Они снова враги и ненавидят друг друга. И оказалось, что эти мгновения ничего не значили. Ничего, что она себе вообразила. Не было в нем никакой любви, а тем более нежности по отношению к ней, была только неприязнь и желание с ней расквитаться. И это не удивляло. Таков Джек. Он всегда таким был. И она никогда об этом не забывала.

В общем, об этом Кэрол старалась не думать, не желая причинять себя лишнюю

бессмысленную боль. Она думала о Тимми и молилась о том, чтобы он выжил. С улыбкой и нежностью она вспоминала, как он, наконец-то, решился сказать ей о своей любви, как обрадовался, когда она выбрала, как он посчитал, его, а не Джека. Ее переполняло восхищение, когда она вспоминала его схватку с Хоком. Хок всегда казался несокрушимым, Кэрол помнила, с какой легкостью он справлялся с Рэем, тоже сильным и немаленьким мужчиной, как с ребенком. Но Тим словно и не заметил мощности ставшего на его пути великана, напав на него с такой быстротой и решимостью, что самого Хока этим шокировал. Не только напал, но и одолел, с легкостью, как показалось со стороны. Он мог его убить, но почему-то не захотел и просто вырубил. И тут же получил пули в спину. Его не смог остановить Хок, но остановил Джек. Подло, исподтишка, выстрелив в спину. Но когда подлость останавливала Джека? Для него все способы хороши, единственное, что его интересовало — это результат. Все вышло, как он хотел, он забрал жену и сына, одолев своего соперника, а как — уже не важно. Бедный Тимми! Джек не обладал внушительными ростом и силой, как он, Тим, или как Хок, но был опаснее их двоих вместе взятых, он привык побеждать, при любых обстоятельствах. И уж точно к нему не следовало поворачиваться спиной и оставлять без внимания, думая, что от него не может исходить угрозы, потому что он физически слабее. В нем была другая сила, и пока с этой силой никто еще не смог справиться. Но ничто не вечно. Непобедимых не бывает. И ее с Патриком видения о его смерти — тому доказательство.

Но пока еще Джек ходил в победителях, ни на миг не уронив свой статус, а Тим в очередной раз боролся со смертью, потерпев поражение.

Кэрол навещал Шон, каждый день, чему она была немного удивлена. Она не знала, делает ли он это по велению Джека, или по собственной инициативе, и не задавала ему этот вопрос. Она познакомилась с братом Джека, и была с ним приветлива. Он ей понравился. Это был приятный и доброжелательный парень, искренний и открытый. Он пытался скрыть от Кэрол любопытство, которое она в нем вызывала, но его попытки были тщетными. Он не умел притворяться, у него все чувства и мысли на лице были написаны. Он стеснялся и робел перед ней, еще не избавившись от своей чисто юношеской застенчивости перед женщинами. У Кэрол было много вопросов, но она не задала ему ни одного. Она узнала — Шон сам ей рассказал — что он живет у Джека, работает в его фирме и учится в университете.

Хок был внимателен к ней, но свое общество не навязывал, не беспокоил понапрасну, только когда она его звала, или когда сам хотел узнать, не нужно ли ей чего.

Кэрол смотрела телевизор или спала, набираясь сил для предстоящих испытаний, не легких, в чем она была уверена. Ничего хорошего за стенами этой больницы ее не ждало. Тем более во власти Джека.

Настал день, когда ее выписали.

За ней приехал Шон, и вместе с Хоком они поехали в аэропорт. Только тогда она узнала, что Джек и Патрик уже были в Сан-Франциско, поручив ее заботам Шона. Такое демонстративное пренебрежение с их стороны не предвещало ничего хорошего. К поступку Джека Кэрол осталась равнодушна, но то, что ее бросил Патрик, уехав с отцом, расстроило ее настолько, что она не проронила ни слова до того момента, как ее ввели в дом, в который она не думала когда-либо вернуться. Там ее никто не встретил, кроме Норы, которая даже не попыталась скрыть своей неприязни.

— Скройся, швабра, если не хочешь, чтобы я вырвала тебе твои наглые глаза! — скривив губы, бросила ей Кэрол с пугающей злостью.

Женщина в ужасе метнулась прочь. Шон шокировано уставился на Кэрол. Он успел проникнуться мнением, что она самая милая и безобидная из всех виденных им женщин, она была с ним мягкой и приветливой. Столь резкая перемена в ней его поразила. Словно сейчас перед ним появилась совершенно другая женщина. Женщина, способная привести в ужас и заставить удариться в бегство одними только словами и взглядом. Было очевидно, что Нора ее боялась. Познакомившись с Кэрол, пообщавшись с ней, Шон стал считать, что Джек слишком уж преувеличил, когда говорил, что она опасна, что психопатка. Ничего такого Шон в ней не заметил. Наоборот, она была тихая, спокойная и очень печальная. И он был очарован ею, ее красотой и нежностью, ее проникновенным взглядом, которым она заставляла его сердце замирать каждый раз, когда он смотрел в ее глаза. Глаз прекрасней и печальней он еще не видел. Теперь он понимал, почему его брат не мог ее забыть, искал, как одержимый, хотя сам Джек этого не признавал, утверждая, что ищет ее только ради сына, чтобы его найти, а она ему больше не нужна. Но это было не так, вранье, Шон это видел. Джек любил ее. И Шон не понимал, почему теперь, когда его семья все-таки нашлась, Джек был таким расстроенным. Понятно, что он сердился на жену, но к чему печалиться теперь? Брат пытался это скрыть, но Шон знал, что случилось еще что-то, о чем Джек не захотел ему рассказывать, и, наверное, именно это и являлось причиной, по которой его брат вдруг загрустил, что так на него было не похоже. Шон пытался спросить у Хока, но тот ничего ему не сказал. Это озадачило Шона. Он уже привык к тому, что Джек всем с ним делился. Что же такого произошло, что Джек не захотел сказать об этом ему?

Кэрол окинула взглядом холл, разглядывая все вокруг.

— Ничего не изменилось, — заметила она тихо и подошла к стеллажу с коллекцией Патрика, с удивлением отметив, как она увеличилась. Минуту она стояла неподвижно, изучая задумчивым взглядом новые фигурки, потом обернулась к Шону.

— Куда мне идти? Где моя новая камера заключения?

— Э-э... это должна была нам сказать Нора. Я сейчас узнаю. Хок, — Шон бросил взгляд на стоящего тут же великана, отдавая молчаливый приказ не спускать с Кэрол глаз. Тот только молча кивнул в ответ.

Кэрол терпеливо ждала, так и не сдвинувшись больше с места, не смотря больше по сторонам, опустив голову и уткнувшись взглядом в пол. Потом, когда вернулся Шон, покорно пошла за ним.

Он отвел ее в комнату для гостей, которая уже была подготовлена к ее приезду.

— Нора сказала, ужин будет через полчаса, — сказал Шон.

— Спасибо, Шон. Я не голодна. Я бы отдохнула, если можно.

— Конечно, как хотите, — кивнул Шон.

— Не называй меня на «вы». Не такая уже между нами большая разница в возрасте.

— Хорошо.

— А Патрик? Ты не знаешь, где Патрик?

Шон недоуменно и как-то виновато пожал плечами.

— Их нет. Они улетели. Отдыхать.

— Куда? — ошеломленно спросила Кэрол.

— Я... Джек не сказал, — Шон отчаянно покраснел.

Кэрол вздохнула, не став настаивать, сделав вид, что поверила.

— А когда вернутся тоже не сказал?

— Нет. Видишь ли, Джек сделал официальное заявление, что вы живы. Вы были

похищены и со дня аварии находились в плену у Кейт Блейз. Такова версия. Он просил вас... тебя ее придерживаться. Вся шумиха, поднявшаяся вокруг этой истории, его страшно раздражала, и он решил уехать, пока все не уляжется, и пресса переключится на какую-нибудь другую сенсацию. Никто не знает, что ты здесь. Все считают, что ты улетела отдыхать с ними.

— Понятно. Значит, он решил меня все-таки не убивать. Какая неожиданность! — Кэрол горько усмехнулась и опустилась на постель. Она все еще ощущала слабость после болезни.

— Сегодня отдыхай, а завтра Джек велел тебе съездить к Жоржу, чтобы он привел тебя в порядок. И еще... — Шон замялся. — Он сказал, чтобы ты перекрасила волосы. Как раньше было. Ему не нравится твой цвет волос, он хочет, чтобы ты снова стала блондинкой.

Кэрол подняла на него возмущенный взгляд.

— А еще что он хочет? Я сама буду решать, как мне выглядеть и в какой цвет красить волосы.

— Тебе лучше подчиниться. Он сказал, что если к его приезду ты все еще будешь брюнеткой, он вообще тебя обреет. Его раздражают твои темные волосы. Если ты от них не избавишься, он сам это сделает.

Кэрол поджала губы, краснея от гнева.

— А какие труссы мне теперь себе покупать он не оставил распоряжение? Какой помадой губы красить, какой маникюр делать? Может, были указания по поводу тампонов? Говори, не стесняйся.

Шон побагровел и смущенно сжался.

— Не сердись, Кэрол. Я понимаю... Но он так сказал. Сама с ним разбирайся. Но мой тебе совет... не зли его. Он итак злой, как черт. Мне кажется, он потому и уехал...

— Чтобы меня не прибить — это ты хотел сказать?

— Да.

— Ладно, будет ему блондинка. Но с одним условием. Завтра на обратном пути ты позволишь мне заехать к Рэю.

— Но... я спрошу у Джека.

— Нет смысла у него спрашивать. Он не разрешит. Пожалуйста, Шон. Я очень люблю Рэя, он меня вырастил. Я по нему так соскучилась. Нет ничего плохого, если мы увидимся. Ты можешь меня сопровождать. Или Хок. К тому же, я слышала, что у Рэя появились дети. Мне любопытно на них взглянуть! А Джеку об этом знать не обязательно. Пожалуйста, Шон, сделай это для меня, и я буду послушной, не доставлю тебе никаких проблем. Буду тихой, как мышка.

— Я подумаю, — пробормотал Шон и ушел.

На следующий день, выйдя из салона красоты, она шокировала своих спутников, которые едва ее узнали.

Шон и Хок с открытыми ртами уставились на ее белые волосы, вьющиеся роскошными волнами до самой талии.

— Что такое? Что-то не так? — насмешливо осведомилась Кэрол, остановившись напротив них.

— Но они белые, — растерянно выдавил Шон. — По-моему, раньше у тебя были другие.

— Седые. Джек хотел, чтобы было, как раньше.

— Думаю, он не это имел в виду.

— Правда? Ой. Значит, я не правильно поняла. Но он же хотел блондинку. Я теперь блондинка. Только платиновая. Это модный и красивый цвет, разве нет? Жемчужный блонд, называется. Мне не идет? Вам не нравится?

— Нет, нравится. Тебе идет. Очень красиво... — Шон протянул руку и коснулся ее волос. — Они такие блестящие, так переливаются... и правда, как жемчуг.

— Хок, а ты что скажешь? — Кэрол тепло посмотрела на молчаливого телохранителя. Тот расплылся в обаятельной белозубой улыбке.

— Вы прекрасны, миссис. Мне так больше нравится, чем черные. Вы сияете теперь, как луна.

— Вот и хорошо. Тогда поехали, — Кэрол решительно направилась к машине. Хок поспешил ее обогнать, чтобы услужливо открыть дверцу. Кэрол, весьма довольная собой, изящно опустилась в кресло. Она была уверена, что Джеку не понравится то, что она сделала с волосами. Она прекрасно поняла, что он от нее хотел.

После встречи со старым другом, Жоржем, который встретил ее с распростертыми объятиями и слезами, настроение ее значительно улучшилось. Он охал и всплескивал руками, когда разглядывал ее синяки на лице, пришел в ужас от ее ногтей и, засучив рукава, принялся за работу. Когда она заявила, что хочет, чтобы он покрасил ее волосы так, чтобы она стала седой, он пришел в ужас.

— Я не знаю, что ты пережила в этом плену, но никогда не поверю, что ты там сошла с ума настолько, что сознательно решила себя изуродовать. Ты же моя принцесса, красавица! Бедная Куртни в гробу перевернется, если ты себя обезобразишь.

— Я уже седая, Жорж. До последнего волоска белая. И, честно говоря, ужасно устала уже постоянно подкрашивать свои седые корни.

— Еще бы, с таким темным цветом волос! Я понимаю тебя. Но это не значит, что надо плюнуть на свои волосы и их обезобразить.

— Это не все. Видишь ли, мой муж говорит, что я очень стала похожа на маму. Он видел ее всего один раз, и при этом она была белая, как молоко. Тоже рано поседела. Так вот, я хочу сделать ему сюрприз и стать на нее похожей еще больше. Он будет в восторге.

— Ну, хорошо, уговорила. Только я сделаю так, как посчитаю нужным, хорошо? Ты мне доверяешь?

— Конечно, дорогой. Я полностью в твоих гениальных руках.

Жорж долго выбирал краски, смешивал, что-то бормоча себе под нос, пока, наконец, не остался доволен.

— У тебя будут самые красивые волосы в мире, моя принцесса! Это будет шедевр!

— Надо же, — заметил он с лукавой улыбкой уже позже, возясь с ее волосами. — Я вижу, когда ты была в плену, тебе разрешали посещать парикмахера. Волосы покрашены профессионально. Смешаны четыре краски, и это марка, которую на витринах супермаркета не найдешь. Эта краска есть только в салонах.

— Да, Жорж, Кейт Блейз очень трепетно относилась к моему внешнему виду! — Кэрол рассмеялась, не удивляясь тому, что провести Жоржа не так-то просто. Он тоже посмеялся, но с расспросами лезть не стал. Он всегда отличался деликатностью и не совал нос, куда не надо.

В комнате, которую для нее выделили, Кэрол в шкафу нашла всю свою одежду, которую оставила, сбегая из дома в последний раз. Джек ничего не выкинул, сохранив все до нитки.

Надо же, как трогательно — хранить вещи погибшей жены! Даже ее косметику, которую Кэрол отправила в корзину для мусора. От Жоржа она вышла с большим пакетом новой. Гардероб тоже нужно было обновить. Раз она теперь снова Кэрол Рэндэл, то не пристало ходить в одежде, почти два года пролежавшей в шкафу. Хотя оставаться Кэрол Рэндэл долго она не планировала.

Полный восхищения взгляд Шона, которым он на нее смотрел после того, как она вышла из салона красоты, приободрил ее. Сердце ее взволнованно трепетало в груди в предвкушении встречи с Рэем, от радости перехватывало дыхание. А при мысли, что она увидит, наконец-то, своих малышей, у нее на глаза наворачивались слезы.

Дверь ей открыла Дороти.

Издав радостный вопль, та с громкими рыданиями стиснула Кэрол в объятиях.

— Моя девочка! Моя девочка! — повторяла она, как заведенная. Кэрол, обняв ее за плечи, зашла в дом. Следом за ней бесшумной тенью шел Хок. За ним Шон.

— Дороти, это ты кричала? Что случилось? — раздался сверху встревоженный голос Рэя, сбегавшего по лестнице. Увидев Кэрол, он резко остановился.

— Кэрол! — выдохнул он ошеломленно, не поверив своим глазам.

Но уже в следующее мгновение он слетел вниз по лестнице и, подхватив девушку, со стоном прижал к груди. Кэрол уткнулась лицом ему в шею, обхватив ее руками.

— Я не одна, — предостерегающе шепнула она ему на ухо, опасаясь, как бы он в порыве радости не вздумал ее поцеловать. Он поднял взгляд.

— Вижу.

Взяв в ладони ее лицо, он заглянул ей в глаза и широко улыбнулся. Потом наклонился и горячо поцеловал в щеку.

— Рад, что с тобой все в порядке. Я чуть с ума не сошел, когда ты пропала. Когда я последний раз разговаривал с Тимом, он сказал, что Патрик знает, где ты, и они едут за тобой. А потом они пропали. Они нашли тебя? Что случилось? Почему ты опять у Рэндэла? Он первый тебя нашел? Но как он узнал? Когда по телевизору объявили, что ты жива...

— Я все расскажу, подожди, — прервала его Кэрол, отстраняясь. Но он снова притянул ее к себе, обхватив за талию рукой.

— Джентльмены, — Рэй кивком поприветствовал наблюдающих за ними мужчин. — Проходите, прошу вас. Мы как раз собирались обедать, присоединитесь?

— Можно, — кивнул Шон.

— Через пять минут все будет готово, — улыбнулась Дороти и умчалась.

— До меня дошли слухи, что ты теперь папа, — пытаюсь не показать своего волнения, с улыбкой проговорила Кэрол, разглядывая Рэя, и чувствуя, как же сильно она по нему соскучилась. Он совсем не изменился. Разве что чуть-чуть. Стал выглядеть старше. Но даже теперь до своих годов ему было далеко. Он выглядел так, будто был одного возраста с Джеком. Но теперь Кэрол этому не удивлялась. Перед ней был все тот же молодой, пышущий здоровьем и энергией мужчина.

Он тоже не отрывал от нее взгляд, жадно разглядывая. Кэрол смутилась и отвела глаза, заметив в его взгляде знакомый томный огонь. По телу ее вдруг прошла дрожь. Кэрол снова отстранилась от него, даже на шаг отступила.

— Да, я теперь папа. Хочешь познакомится с моими мальчиками? — он лукаво улыбнулся.

— Конечно! Можно?

— Они в детской. Няня как раз собралась укладывать их спать. Пошли, я покажу. Джентльмены, располагайтесь, мы спустимся через пару минут, и пойдём обедать. Бар в вашем распоряжении.

— Спасибо, — Шон кивнул и подошел к бару. — Хок пойдет с вами.

Рэй нахмурился, но Кэрол вздохнула с облегчением, вовсе не возражая против присутствия Хока. Она боялась остаться с Рэем наедине.

— А где ты сделал детскую? — с любопытством спросила она, поднимаясь по лестнице. Рэй шел следом, и она, обернувшись, поймала его взгляд на своих ягодицах. Смущенно отвернувшись, она порозовела. Господи, ничего не изменилось. И он не изменился.

— Я переделал нашу с Куртни спальню. Эта комната, не считая твоей — самая светлая в доме. Твоя комната для меня неприкосновенна. А вот наша спальня подошла идеально. Я в ней больше не живу, а Куртни не была бы против. Я сам там все сделал, пойдём, скажешь свое мнение, — он поравнялся с ней, перепрыгнув сразу через три ступеньки, и взял ее за руку. Кэрол не воспротивилась. Пусть лучше идет рядом и держит ее за руку, чем сзади пялится на ее задницу и распалается, думая о чем не надо.

Рэй распахнул перед ними дверь и повернулся к Хоку.

— Прошу!

Кэрол вошла в комнату, но Хок остановился.

— Я здесь подожду.

Войдя следом за Кэрол, Рэй закрыл дверь. А она уже держала малышей на руках и осыпала горячими поцелуями сквозь слезы под ошеломленный взгляд застывшей няни.

— Все в порядке, Прис. Это... их тетя. Можешь пока сходить пообедать.

Няня вышла. Кэрол, прижимая к себе детей, опустилась в кресло.

— Ну, давай, рассказывай! — нетерпеливо бросил Рэй, присев рядом на корточки и не отрывая от нее пытливого горящего взгляда. Кэрол вкратце ему все рассказала с того момента, как ее похитили, упуская некоторые детали. Рэй ни разу не перебил, слушая ее с широко раскрытыми глазами.

— Значит, Тим... погиб? — глаза его сузились, радостно заблестев.

— Нет, — решительно ответила Кэрол, тряхнув волосами.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— Ладно. Бог с ним. А что Рэндэл? Сейчас он меня больше интересует. Раз объявил на весь мир, что ты жива, стало быть, убивать тебя не планирует?

Кэрол пожала плечами.

— Нет, не планирует. Если бы хотел, избавился бы по-тихому, никто бы и не узнал. Ничего он тебе не сделает. Я так и думал, — он положил ладонь ей на коленку и погладил. — Кэрол...

— Рэй, не надо. Пожалуйста.

— Когда ты собиралась сказать мне о детях? Или вообще не собиралась?

Она не ответила, отвернувшись, и заговорила с детьми, сидящими у нее на коленях. Рэй наблюдал за ней, не отводя глаз.

— Как они? Плачут по мне? — не смотря на него, спросила она.

— Поначалу плакали. Теперь привыкли. Что ты собираешься делать, Кэрол?

— Я пока не знаю. Но нельзя, чтобы Джек узнал, что лисята мои. Пока они побудут у тебя.

— Пока? Что это значит? Кэрол, давай уедем. Я готов бросить все. Заберем детей и уедем куда-нибудь на край земли. Касевес нам поможет. Рэндэл нас не найдет. Я люблю тебя, к тому же у нас теперь дети...

— Тихо, Рэй, Хок может услышать!

— О, Кэрол, я так скучал... Без тебя мне свет не мил. Нет жизни без тебя. Только боль и пустота... и больше ничего, — приподнявшись, он стал на колени и, схватив ее за шею, наклонил и прижался к ее губам в голодном поцелуе. Кэрол, руки которой были заняты малышами, не смогла его отстранить.

Стук в дверь прервал его жадным поцелуем.

— Прошу прощения. Зовут к обеду, — раздался за дверью вежливый голос Хока.

— Ага, идем, — отозвался Рэй и сорвал еще один поспешный поцелуй, не в силах оторваться от девушки.

— Рэй, пожалуйста, займи их, я хочу побыть с детьми еще, — взмолилась Кэрол.

— Хорошо, — он кивнул. — А Патрик? Почему он не пришел? Я так по нему соскучился.

Кэрол отвела взгляд.

— Мне пришлось рассказать ему о нас... о детях, чтобы он не сказал о них Джеку. Прости, Рэй.

Он присел на пятки, сразу поникнув.

— Он теперь меня ненавидит? — подавлено шепнул он.

— Не больше, чем меня. Он сердится. Они с Джеком уехали куда-то отдыхать. Я не говорила с ним больше после того, как сказала. Я боюсь, что он все-таки скажет Джеку.

— Скажет, значит скажет. Тут уж мы ничего поделать не можем. Не бойся, солнышко. Детей он не тронет, а я... ну и что... все равно я никому не нужен.

— Как не нужен? Не говори так.

— Если ты собираешься забрать детей и опять сбежать, а меня оставить одного... лучше пусть он меня убьет. Хоть мучиться перестану.

Глаза Кэрол медленно наполнились слезами. А он встал и подошел к двери. Обернувшись, посмотрел на нее с детьми на руках, пристально, долго, словно пытался запомнить.

— Тебе идет этот цвет волос. Необычно, но очень красиво. Ты похожа на Снежную королеву. Лыдинки в глазах, снег на голове... И такая же холодная. Снова. Я вижу, ты боишься меня. Потому что однажды уже растаяла, и боишься, что это случится снова. И случится. Потому что мой огонь сильнее твоего льда.

Отвернувшись, он вышел, оставив ее одну с детьми.

С тревогой Кэрол ожидала возвращения Джека и Патрика.

Но возвращаться они не спешили. Прошло семь дней, прежде чем она вдруг расслышала их голоса. Она вскочила и бросилась к двери, забыв о том, что она заперта. Шон продолжал держать ее взаперти. Прижавшись к двери, она прислушалась. Голоса стихли. Но к ней они так и не пришли. Патрик не пришел.

Сидя в кресле у приоткрытого окна, она беззвучно плакала, смотря на небо, когда ключ в замке вдруг повернулся, после чего раздался тихий стук в дверь. Это был Шон или Хок, они всегда стучали и не входили, пока не получали разрешения. Джек бы вряд ли постучался. Да и Патрик к этому не был приучен.

— Да?

Дверь приоткрылась и на пороге показался Шон.

— В семь будет ужин. Придут гости. Джек сказал тебе привести себя в порядок, красиво одеться и спуститься к тому времени.

— Понятно. Еще приказы от господина будут или это все?

Шон покраснел.

— Кэрол, не надо так. Не зли его.

— Ой, прямо трясусь от страха, — Кэрол фыркнула. — А Патрик будет на ужине?

— Конечно.

— Тогда передай этому рабовладельцу, что я спущусь. Только не забудьте отпереть мою дверь. А что хоть за гости? С каких это пор он собирает дома гостей? Раньше за ним такой привычки не было.

— Теперь есть. Разные гости. Политики, юристы. Журналисты. Он сенатор. Все эти люди придут выразить тебе свое почтение. Он устраивает этот прием в честь вашего с Патриком возвращения. Так что ты должна вести себя соответственно. Ты теперь жена сенатора, помни об этом.

— Надо же, какая честь. А он не боится, что я скажу или сделаю что-то не так? Например, скажу, что он держит меня взаперти?

— Не знаю. Может, и боится. Но у него нет выбора. Он публичный человек. Он должен представить свою жену обществу. Многие до сих пор не верят в твое воскрешение. Он объявил, что ты жива, но тебя до сих пор никто не видел. Он не может прятать тебя вечно.

— Это хорошо. Кроме того, что я не жена сенатора, а его рабыня. По-моему, много для меня чести. Тогда передай ему, что для такого вечера у меня нет подходящего наряда. Я не могу надеть то, что два года пылилось в шкафу.

На лице Шона отразилась растерянность.

— Хорошо, передам.

— Мне нужно платье, туфли, украшения. Соответствующие статусу.

Шон ушел, но уже через десять минут вернулся и сказал ей собираться. Джек разрешил ей выйти и вместе с Хоком поехать и купить все, что ей нужно. Кэрол не нужно было уговаривать.

Снежная королева. Кэрол понравилось, как назвал ее Рэй. Смотря на себя в зеркало, она согласилась, что и вправду могла бы сейчас сойти за этого сказочного персонажа. Ее внешность и раньше была холодного типа, а теперь, с такими волосами стала просто «ледяной». Кэрол улыбнулась сама себе в зеркало, забавляясь таким сравнением. Синяки уже сошли, на лице не осталось никаких следов побоев. Она хотела досадить Джеку, но ее новый образ неожиданно понравился ей самой.

К нему она подобрала платье холодного бледно-голубого оттенка, точнее это была ткань-хамелеон, серебристо — белая, но отливающая отчетливой голубизной. К нему она купила дорогий бриллиантовый гарнитур, не поспешила и на платье, туфлях, со злорадным удовольствием тратя деньги Джека. Хок с невозмутимым видом расплачивался его кредиткой, казалось, что он вообще не видел сумм, которые она тратила. Воспользовавшись предоставленной возможностью, она накупила себе еще и новых вещей и обуви. Сумочек, украшений.

Хок с трудом все дотащил до ее комнаты, с ног до головы увешанный пакетами, которые

чуть ли не в зубах тащил. Ни Джека, ни Патрика Кэрол за целый день так и не увидела.

Стараясь не замечать ноющую боль в груди, вызванную нежеланием сына ее увидеть, Кэрол приступила к приготовлениям. Приняла ароматную ванну. Потом долго наносила макияж, укладывала волосы.

И теперь, любуясь на себя в зеркало, она осталась полностью довольна тем, что видела. Ключ в замке повернулся.

— Входи, Шон, я уже готова. — сказала она, и, набрызгав облако новых духов, стала под него, с наслаждением впитывая в себя восхитительный аромат. И замерла, увидев в зеркале не Шона, а Джека.

Он застыл на пороге, изумленно смотря на нее.

— Что это? Что ты сделала с волосами?

— А что? — Кэрол обернулась, вызываясь встретив его взгляд. — Ты хотел, чтобы я стала блондинкой. Я блондинка. Что опять не так?

— Но я имел в виду, чтобы ты вернула себе прежний цвет волос, какой у тебя всегда был раньше.

— Правда? Ну, извини, надо было уточнить. Сказал, блондинка. А блондинки разные бывают. Если не разбираешься, нечего командовать.

— Издеваешься? Мне не нравится. Ты... так ты стала еще больше похожа на Элен. Завтра же перекрасься.

— Еще чего! И не подумаю. Мне нравится. Это мои волосы, я не собираюсь тебе угождать. Плевала я на то, что тебе нравится, а что нет, понял? И не надо грозиться, что обреешь меня. Брей. Не смертельно. Мать уже меня брила... я от этого не умерла. А что дс Элен... так я не похожа. Я и так Элен, разве ты забыл? А Кэрол больше нет.

Джек побагровел, сверля ее потемневшим взглядом.

— Ладно, потом поговорим. А сейчас пойдем, нас уже ждут. И пеняй на себя, если ты меня опозоришь.

— Так может, мне лучше остаться здесь?

— Пошли, я сказал, — он грубо взял ее под руку и вывел из комнаты.

Только тогда Кэрол увидела, что за спиной у него стоит Патрик.

— Сыночек! — она потянулась к нему, наклоняясь. — Привет!

— Привет, — холодно ответил он и взял Джека за руку, не пожелав к ней подойти. Руки Кэрол огорченно повисли. Джек снова взял ее под руку, сжав плечо пальцами, и повел к гостям. Парик, держа его за руку, шел по другую сторону, нарядный и красивый. На Джеке был великолепный черный костюм, прекрасно сидевший на его стройной фигуре, галстук, на манжетах белой рубашки из под рукавов пиджака поблескивали драгоценные запонки. Кэрол уловила запах его любимого парфюма, смешанного с табаком. Такой хорошо знакомый ей запах, его запах... Она вспомнила, как разыграл ее Кевин, надушившись таким же ароматом, пытаясь ее напугать, прикинувшись Джеком. И как она его разоблачила, не почувствовав в этом запахе табака. Вот теперь это был именно тот запах, который она знала и помнила. Который ей так нравился.

Когда они появились перед гостями, Джек ослабил хватку и почти с нежностью приобнял ее за талию. Кэрол не воспротивилась.

Она была вежлива и приветлива с гостями, смеялась и принимала многочисленные комплименты, чувствуя на себе настороженный взгляд мужа, который за ней наблюдал, не выпуская из вида, опасаясь, что она что-нибудь выкинет. Но он напрасно беспокоился.

Кэрол не собиралась выставлять на показ то, что происходило между ними. Она вела себя так, как от нее ожидали. Изображала счастливую женщину, вернувшуюся домой после тяжелого и страшного испытания. О том, что с ней произошло, никто не осмелился задать ей ни одного вопроса, даже журналисты. А еще она замечала, что Джек не просто за ней наблюдает, но еще и разглядывает, и сердце ее при этом взволнованно колотилось. Она поняла, что он остался доволен ее видом, несмотря на то, что говорил о ее волосах. И что ему нравится, что на его жену смотрят с восхищением и восторгом, что находят ее такой красивой. И пытался не замечать, как скользят мужские взгляды по ее роскошному телу, не показать своей ревности и душившей его ярости от того, что не мог ни на минуту забыть о том, что она была с другим мужчиной... с этим наглым молокососом, возомнившим из себя невесту что, которого, как он надеялся, он отправил на тот свет.

Вечер прошел безупречно.

Около одиннадцати гости разошлись.

Провожая взглядами последнего гостя, они стояли у входной двери на улице, все еще демонстрируя идеальную семью — Кэрол, Джек, Патрик и Шон.

— Почему все так быстро ушли? Еще же совсем рано! — досадовал Патрик. — Что мы теперь будем делать — спать? Но я не хочу!

— Хорошо, Рик, никто тебя не заставляет спать. Можете сходить с Шоном в игровой клуб.

— Правда? Здорово! Шон, пойдем, папа разрешил!

— Но уже поздно, — попыталась возразить Кэрол. — Рик, завтра сходите.

Но на нее никто не обратил внимание, словно ее вообще не существовало и никто ее даже не услышал. Взяв Шона за руку, Патрик стащил его по ступенькам.

— Хок, проводи мою жену к себе, — даже не взглянув на нее, приказал Джек стоявшему тут же телохранителю. Тот кивнул и вежливо распахнул перед Кэрол дверь.

Больше ничего не сказав, Кэрол ушла. Но не успела она оказаться в своей комнате, как почти следом за ней зашел Джек.

Кэрол присохла к полу, настороженно смотря на него. В мысли ее закралось смутное неприятное подозрение — не отправил ли Джек Патрика из дому намеренно, чтобы... Чтобы что?

Сердце ее в страхе забило, она невольно отступила, пятясь назад.

Джек молчал, откровенно ее разглядывая.

— Раздевайся, — сухо велел он.

— Что?

— Что слышала.

Кэрол вытянулась, напряглась, стиснув челюсти. Но не подчинилась, продолжая стоять на месте.

— Раздевайся, — повторил он с такой ненавистью в голосе и взгляде, что Кэрол задрожала.

— Нет.

Не двигаясь, она наблюдала, как он неторопливо снял пиджак и бросил его на стул. Дыхание ее перехватило, когда он расстегнул ремень и медленно вытащил его из брюк. Сжав его концы в кулаке, он снова посмотрел на нее.

— Раздевайся, шлюха.

— Я не шлюха!

— А кто же ты?

— А ты?

— Я мужчина!

— А я женщина! — Кэрол подавила в себе страх, вызывающе смотря на него.

— Ты не женщина, ты — моя жена! — он медленно наступал, бледный от ярости. — Изменила мне, рога наставила... с этим мальчишкой! Или не только с ним? Может, еще были? Потаскуха! Снимай свой тряпки, я сказал, дрянь!

Кэрол отпрыгнула назад, когда он взмахнул рукой и ударил ее ремнем. Стиснув зубы, она даже не вскрикнула, несмотря на резкую боль, которая обожгла ее тело. Она видела, что он потерял над собой контроль. С рычанием он загнал ее в угол, продолжая бить. Закрываясь руками, Кэрол сползла по стене на пол, и, прижавшись к ней спиной, подобрала ноги, сжавшись. Закрыв лицо руками, она поначалу терпела, но это еще больше его разозлило. А потом боль стала невыносимой. Она стала стонать, потом вскрикивать. И испугалась, увидев его лицо, почерневшее, перекошенное от боли и ярости.

— Понравилось, шваль? Понравилось с ним трахаться? Я отобью в тебе охоту, похотливая сучка... Воет она по нему, скулит, рыдает... тварь... Его жена она теперь, видите ли... Я покажу тебе, чья ты жена, напомню, раз забыла! Забыла меня... я тебе напомню...

Кэрол закричала, не в силах больше терпеть боль, поняла, что он ее сейчас убьет. Убьет до смерти. Даже Кейт не била ее с такой жестокостью, с такой беспощадностью.

— Джек! — взмолилась она, не выдержав.

— Не любишь меня больше, да? Не хочешь? Строптивая какая стала, дерзкая, посмотрите на нее! Я выбью из тебя спесь! Напомню, перед кем ты должна раздвигать свои ноги, раз забыла! И мне плевать, хочешь ты или нет!

Кэрол расслышала в его голосе боль, уловила в нем дрожь, и бросила на него удивленный взгляд.

— Убью тебя! Сдохни, тварь! — кричал он, не замечая, как по щеке его медленно катится слеза.

— Папа! Папа! Не надо! Остановись! — вдруг раздался рядом испуганный голос Патрика. Мальчик бросился между ними и обхватил его руками, сжав со всех сил.

— Пожалуйста, папа!

Джек попытался его оттолкнуть, но мальчик вцепился в него мертвой хваткой. Кэрол тем временем распласталась на полу, тихо постанывая. Бросив на нее взгляд, Патрик оторвался от Джека и, упав на колени, обнял ее.

— Мам... мамочка! — он вдруг расплакался, порывисто сжимая руки вокруг нее. Потом повернул перекошенное лицо к отцу.

— Не смей ее трогать! Не смей! — прорычал он не своим голосом, низким, хриплым, злым. — Или я убью тебя!

Джек ошеломленно застыл на месте, смотря на него.

— Рик... я не хотел... я просто разозлился... сильно разозлился...

— Уходи! Уходи! — Патрик вдруг вскочил и, наклонившись вперед, стал наступать на него, угрожающе, решительно, стиснув кулаки и оскалившись от ярости. Казалось, еще мгновение, и он набросится на него и начнет рвать зубами, как дикий зверь.

Джек непроизвольно отступил, изумленно смотря на него. А Патрик протянул руку и, схватив ремень, дернул, пытаясь у него его вырвать. Джек разжал пальцы, позволив ему это. Тогда мальчик с отвращением отшвырнул ремень в сторону и, отвернувшись, наклонился к

Кэрол.

— Вставай, мам, не бойся, — он снова обнял ее, пытаясь поднять с пола. — Что ты сделал... что ты сделал, посмотри! Она вся в крови, у нее же еще те раны не зажили... Мамочка, тебе очень больно?

Кэрол почти удалось встать, но в глазах потемнело, и она почувствовала, что падает. Патрик закричал, судорожно вцепившись в нее в попытке удержать. Потом она почувствовала удар о пол, и сознание ее окончательно покинуло.

Доктора не звали. Хок сам обработал ее раны и перевязал.

Патрик не отходил от нее, держал за руку, с жалостью смотря влажными глазами.

— Не бойся, мам. Он больше не тронет. Я не позволю ему. Я сказал, что если он еще раз поднимет на тебя руку, мы опять от него сбежим.

— Ничего, сыночек, все нормально, — Кэрол улыбалась, счастливая от того, что он снова с ней и больше не сердится. — Ты все еще любишь меня? Не ненавидишь?

— Нет, конечно, скажешь тоже! Не переживай. Я люблю тебя. Ты же моя мама. Лучшая мама в мире, — он погладил ее по голове. — Я подумал... и решил, что папа сам виноват, он же первый начал. А кто первый начал, тот и виноват. Если бы мне изменила жена, я бы тоже ей изменил, в отместку. Я ничего ему не сказал. И не скажу, не бойся. Но на Рэя я все-таки сержусь.

— Он так расстроился...

— А как он хотел? Я могу понять тебя, почему ты так поступила. А его понять не могу. Он не должен был.

— Сынок...

— Мам, я не хочу сейчас говорить об этом. Давай не будем, — он ласково гладил ее волосы. — Мне нравятся твои новые волосы. Они такие красивые.

— Папа сказал перекрасить. Ему не понравилось.

— Врет! Все ему понравилось, я видел, как он на тебя смотрел весь вечер. Ты все еще ему нравишься, очень. Я бы понял, если бы ты ему не нравилась больше... а так я не понимаю, зачем ему нужна была тетя Даяна. Я у него спросил, но он что-то пробубнил себе под нос, я так и не понял. В общем, он не захотел со мной об этом говорить. Прости его, мам... он просто взбесился. Он мне пообещал, что больше так не будет. Я наблюдал за ним. Он все время такой грустный. Наверное, потому что думает, что ты его больше не любишь. Это все из-за Нола. Скажи ему, мам, скажи, что ты его любишь, что тебе, кроме него, никто не нужен. Что ты была с Нолом только ради того, чтобы спасти ему жизнь. Я ему говорил, но он мне не верит. И злится. Очень злится. Мне даже страшно. Я никогда его таким не видел.

— Я тоже. Но он не поверит нам, сынок. Не надо тебе пытаться ему что-то объяснить. Он уверен, что я сумасшедшая и просто забила тебе голову своими бредовыми идеями. Не дай бог, еще подумает, что и с тобой что-то не так. Бросится тебя лечить, как меня. Не надо, сынок. Молчи. Мы сами разберемся. Мы съездим к Луи... Я что-нибудь придумаю. Давай скажем, что тебе просто захотелось во Францию, что тебе понравилось там, когда ездил с дедушкой. Возьмем с собой Хока, и Шона, чтобы он не боялся, что мы сбежим.

— Ну... можно попробовать так. Только надо, чтобы он успокоился. Пока он такой, он никуда нас не отпустит.

— Тогда подождем.

— У нас не так много времени, мам. Нол жив. Как только сможет, он придет. Оба они

придут. И тогда мы не сможем спасти папу. Лучше бы Нол умер, — добавил мальчик с горечью. — И почему он такой живучий?

— Рик, не надо так говорить, пожалуйста. Он же стал твоим другом.

— Какой он мне друг, он же хочет убить папу. Нет, мам, он наш враг. И Исса тоже. Хоть они мне и нравятся, — мальчик грустно помолчал.

— Рик, на этой неделе истекает срок пребывания Дженни в пансионате. Мы должны оплатить счета и забрать ее. Иначе ее вернут тете вместе со счетом из пансионата, а та наверняка отправит ее в приют.

— Я помню, мам. Когда ты пропала, мы с Тимом ездили к ней один раз, все рассказали, объяснили. Я уже отсюда ей звонил, рассказал, что ты нашлась, что мы теперь здесь... Я обещал ей, что мы ее заберем. Но... я говорил с папой. Он отказался, — в голосе мальчика послышалась неприкрытая обида. — Наотрез. Я так просил его. Умолял. Говорил, какая она хорошая, красивая, даже показал ему ее фотографию. И знаешь, что он сказал мне? Что в моей жизни будет еще много красивых девочек. А с дочерью маньяков и психопатов лучше не связываться. Что это он из своего личного опыта знает. Это он тебя имел в виду, да, мама? То, что Элен была маньячкой и психопаткой, а ты ее дочь?

— Да, наверное. Кого же еще? — Кэрол пожала плечом. — Не проси его, Рик. Это бесполезно. Он никогда не согласится взять в свой дом, в свою семью дочь Мэтта. Он его ненавидел.

— Я обиделся на него. Очень. Я думал, он не будет против. Что ему жалко, что ли? Чем она ему помешала бы? У нас такой большой дом. Он даже не захотел с ней познакомиться. А ведь если бы он только ее увидел, она бы ему сразу понравилась, обязательно бы понравилась, несмотря на то, что она дочь Мэтта. Он бы увидел, какая она хорошая и согласился.

— Не думаю, сынок. Не рассчитывай на это.

— Но что же нам тогда делать?

— Сходи к Рэю. Он знает о Дженни, он уже ей помог. Если бы не он, ее бы уже не было в этом мире. Он не откажет. Попроси, чтобы он ее забрал, чтобы пока она побыла у него.

Патрик нахмурился, явно недовольный ее предложением.

— Не хочу я к нему идти... а тем более просить, — процедил он сквозь зубы.

— Даже ради Дженни? Позволишь, чтобы ее забрали в приют? После того, как мы ей обещали, что будем о ней заботиться? Ей нельзя в приют с таким сердцем...

— Ладно, я схожу к Рэю. Ради Дженни.

Кэрол улыбнулась.

— Тогда мне нужно будет позвонить ее тете и договориться, чтобы она отпустила Дженни с Рэем. И Рэю позвонить. Надо будет, чтобы ты выпустил меня или принес телефон сюда.

— Это без проблем.

— Но как ты достанешь ключ от моей двери? Вряд ли его оставляют в дверях.

— Стащу. Если понадобится, даже из кармана папы. Что же, Исса зря меня учил воровать и чистить карманы? — мальчишка озорно засмеялся. — Я знал, что такие навыки никогда не помешают!

Кэрол тоже рассмеялась и с любовью потрепала его по густым темным волосам.

— М-да, бедный Рэй, — вздохнула Кэрол. — Сделали мы из него няньку. Спихнули на него лисят, теперь еще и Дженни приправим.

— Ну, он же всегда ныл, что ему одиноко, тоскливо, вот пусть теперь развлекается, — Патрик усмехнулся. — Это же на время. У нас просто другого выхода сейчас нет. Не переживай по этому поводу, мам.

— Я так тоскую по лисятам.

— Потерпи, мам. Мы что-нибудь обязательно придумаем. Все разрулим, вот увидишь. И я поговорю еще с Луи. Может, он сам сможет сюда приехать, раз у нас не получается. Он поможет нам, вот увидишь.

Они долго еще разговаривали, потом Патрик ушел, а Кэрол осторожно повернулась на бок, морщась от боли в избитом теле, и уснула.

Ее разбудил щелчок замка.

Открыв глаза, она приподняла голову, сонно смотря на дверь.

Увидев Джека, она с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Сердце ее заколотилось от страха. С досадой она ощутила, что с момента их последней встречи храбрости в ней значительно поубавилось. Невольно взгляд ее скользнул на его руки, проверяя, нет ли в них ремня. Нет, ремня не было, но был какой-то пакет.

— Что? Что тебе опять нужно? — прошипела она, не сумев сдержать ненависти.

— Как это что? — с притворным удивлением отозвался он. — Что еще может быть нужно мужу от жены ночью?

— Что? Ты издеваешься? Да на мне живого места нет!

— Сама виновата. Надо быть с мужем ласковее. И сейчас ты же самую ошибку допускаешь. Урок не подействовал?

— Ошибку я допустила, когда замуж за тебя вышла.

— Вышла, значит терпи.

— Опять издеваться пришел? Только я тебя все равно не боюсь! Хоть убей!

— Убил бы, с удовольствием, да не могу. Сына жалко. А вот поиздеваться я не против.

Кэрол сидела на кровати, подтянув ноги к груди и встревоженно смотря на него большими глазами.

— Да ладно, расслабься, — он улыбнулся в темноте, но Кэрол совсем не понравилась эта улыбка. — Не бойся, я мириться пришел.

Кэрол не поверила ему, ни на миг.

— Ты врешь, — отрезала она.

Он засмеялся.

— Нет. Правда пришел. Видишь ли, мне совсем не нравится, как на меня смотрят Шон и Хок, с таким осуждением, обидел, видите ли, бедную незащитную женщину. Патрик вообще надулся и не разговаривает. Не нравится мне, что ты у нас жертва несчастная, а я монстр этакий. А еще не нравится, как ты себя ведешь, нагло, демонстративно меня ненавидя. Ты меня унизила, оскорбила, и продолжаешь это делать таким своим поведением. Я твой муж, ты должна меня уважать. И обожать.

Кэрол вдруг рассмеялась.

— Разве у кого-то есть сомнения, что я тебя обожаю? Как не обожать, особенно после того, что ты со мной сегодня сделал! Да любовь и счастье из меня так и плещут, разве не видно?

— Вот и хорошо, — он кивнул и подойдя к кровати, сорвал с нее одеяло. — Тогда сделай своему обожаемому мужу приятно.

Кэрол метнулась в сторону, попытавшись соскочить с постели, но он поймал ее с силой

швырнул на спину.

— Не смей, слышишь, потаскуха, не смей! — прорычал он, запрыгивая сверху.

— Я не потаскуха!

— Потаскуха! И трахать я тебя буду, как последнюю шваль! И только попробуй рот свой открыть, дрянь!

Кэрол отчаянно сопротивлялась, а потом, обессилев, застонала.

— Мне больно... пожалуйста... Джек... ты делаешь мне больно!

— А мне какое дело? Мне тоже больно, дрянь, еще как больно и сейчас, и до этого.

Терпи, не скули!

— Уйди! Не трогай меня! Рик!

Его ладонь тут же зажала ей рот, а другая стиснула шею.

— Заткнись, а то придушу... Не выводи меня, Кэрол, я серьезно, я итак с трудом держусь.

— Лучше придуши, чем так издеваться!

— С каких это пор секс со мной стал для тебя издевательством?

— С тех пор, как перестал быть сексом и стал издевательством!

— А ты не дергайся, тогда и больно не будет. Сама себе боль причиняешь, не я.

— Ты же так меня избил, мне даже от легкого прикосновения больно... правда... сам посмотри... даже кровь опять пошла из ран...

Отстранившись, он, к ее удивлению, и правда окинул ее взглядом.

— Пожалуйста, Джек, давай не сейчас... в другой раз.

— С какой это стати я должен терпеть? Мне сейчас надо, — он сел, и Кэрол с ужасом увидела, как он расстегнул ремень и снова выдернул из штанов. — Баба под боком, а я терпеть должен?

— Ну... у тебя же есть какие-то там любовницы... ты же не сидел на воздержании, пока меня не было... пойди к ним. Меня зачем мучить?

Лицо его вытянулось, он на мгновение замер, смотря на нее.

— Вот даже как? Раньше ты меня из-за этого бросила, а теперь сама отправляешь к другим женщинам, так спокойно об этом говоришь? Тебе настолько стало все равно?

— А ты хочешь, чтобы я продолжала из-за этого страдать? Нет уж, спасибо. Бессмысленные переживания я теперь гоню прочь. Живи, как тебе нравится, делай, что хочешь, я потому и сбежала, чтобы не мешать. И себя от этого избавить. Так что все нормально, иди. И строить из себя мужа ни к чему. Я давно уже отвыкла от мысли, что у меня есть муж...

— Ну... это я уже увидел. Но я, пожалуй, останусь, — он встряхнул ремень и сложил пополам, тяжело дыша от гнева.

Вскрикнув, она попыталась вскочить, но он снова уложил ее на место и, придавив коленом, схватил за запястья и стиснул их ремнем. От удивления Кэрол даже перестала вырываться.

— Что ты делаешь?

Он задрал ее руки над головой и крепко прикрепил к изголовью кровати.

— Хочу, чтобы все, перед кем ты меня унизила, слышали, как ты на самом деле меня любишь.

Он отодвинулся. Кэрол подняла голову, наблюдая за ним встревоженным взглядом.

Он спокойно встал и включил свет. Кэрол зажмурилась. Джек подхватил пакет,

который принес с собой и что-то из него достал. С изумлением Кэрол увидела, что это видеочамера. Поставив ее на комод, он повернул ее объективом на кровать.

— Это еще зачем? — осипшим голосом выдавила Кэрол, пытаясь понять, что он задумал.

— Для семейного архива. А еще, если твой любовничек все-таки не сдохнет, покажу ему, когда найду. Пусть парень порадует. А может, и Рэю покажу. Ему тоже приятно будет увидеть, как ты меня любишь.

— У тебя что, крыша поехала? Да ты ненормальный! Убери это, немедленно! Ничего они там не увидят, понял, кроме того, как ты надо мной издеваешься!

— О, нет, они увидят, как тебе со мной хорошо! — он ухмыльнулся, раздеваясь.

Аккуратно сложив одежду на стул, он присел рядом с Кэрол и снова заглянул в пакет.

— Знаешь, я тут решил немного разнообразить нашу интимную жизнь. Тебе понравится. А ну-ка, раздвинь ноги.

— Что? — Кэрол стиснула коленки.

— Ноги врозь, шваль!

Раскинув длинные ноги в стороны, он сел между ними, чтобы она не смогла снова их сдвинуть. Кэрол дернулась, почувствовав, как он что-то засовывает в нее. Наклонившись, он с выражением любопытства на лице, нажал на невидимую кнопку и пристроил вторую вибрирующую часть устройства снаружи.

Потом выпрямился и стал наблюдать.

Сначала Кэрол ошеломленно замерла, но уже через пару секунд зажмурилась и застонала. Выгнувшись, стала извиваться и, к удивлению Джека, не прошло и двух минут, как она забилась и задергалась, сипло вскрикивая.

— Гляди-ка, работает. Какая хорошая штучка! Тебе понравилось? — он насмешливо заглянул Кэрол в лицо, выключая приборчик. — Только слишком быстро, по-моему. Не против, если я переключу режим на самый шадящий?

Кэрол не ответила, слишком ошеломленная происходящим.

Джек подскочил и подошел к камере.

— Ну вот, теперь можно и включить. Улыбнись, любовь моя. И помаши ручкой.

Вернувшись, он нетерпеливо упал на нее и, снова включив волшебный приборчик, осторожно проник в ее тело, чувствуя инородный предмет и с непривычки замер.

— Не больно? Маловато так места...

Но она не ответила, запрокинув голову и жалобно постанывая.

— Ох! Черт, — задохнулся Джек, ощущая вибрацию. — И вправду приятно...

И уже через мгновение забыл и о камере, и вообще обо всем на свете, с силой сжимая дергающееся и содрогающееся под ним тело, с упоением слыша ее крики и с трудом сдерживая собственные. Во время ошеломительного оргазма он не смог сдержаться. Упав ей на грудь, он задышался, но не спешил покидать ее тело, продолжающее извиваться и изгибаться, грозясь скинуть его.

— Пожалуйста... хватит! Выключи, — почти прорыдала Кэрол, но у нее получился только беззвучный стон.

— Нет, кричи, вой, пусть все слышат! — прохрипел он, с удивлением чувствуя, как ее трепещущее тело и вибрация вновь наполняют его силой. — Хотела удовольствий, шалава — получай! Теперь ты не забудешь...

А на следующий день он с трудом сдерживал улыбку, ловя на себе удивленно-ошеломленные взгляды Шона, Хока и даже Норы. Патрик, увидев его, покраснел до ушей и потом, набравшись храбрости, робко и смущенно спросил:

— Вы с мамой помирились?

Джек неопределенно пожал плечами. Мальчик помолчал, разглядывая его.

— Я же говорил, что она тебя любит.

— А я и не сомневался. Конечно, любит. Просто женщины любят повыпендриваться.

— Я тоже хочу, чтобы женщины меня так любили. Ты меня научишь?

На этот раз Джек не выдержал и улыбнулся, уловив во взгляде сына неприкрытое восхищение. Потрепав его по волосам, он рассмеялся.

— Только маме не говори о том, что ты слышал... как она меня любит, а то она будет стесняться.

— Конечно, не скажу. Я же не маленький. Все понимаю. Сделаю вид, что крепко спал и ничего такого не слышал.

— Вот и хорошо. Мне надо смотаться на работу, туда и назад. Ты из дома не выходи. Здесь ты в безопасности.

— Если ты беспокоишься об Иссе, то пока ему не до нас. Он с Нолом, выхаживает его. Он не бросит его, даже ради мести.

— Он мертв.

— Пап, нет! Если не веришь мне, подумай сам — если бы он умер, Исса был бы уже здесь. Он не из тех, для кого месть — блюдо, подающееся холодным. Он слишком сам горячий, чтобы ждать.

— Я уже занимаюсь этим, сынок, не переживай. Я найду и этого Иссу, и... Нола, если он еще жив, и расправлюсь с ними обоими.

— В больницах не ищи, Нола там нет.

— Почему? Чтобы спасти ему жизнь после таких ранений его дружок должен был отправить его в больницу. Хотя бы пули вытащить.

— Нет. Он сам ему их вытащит. И ни в какую больницу они не поедут, никогда. Они боятся столкнуться с полицией. Ты мне не веришь? Но я сам видел, как Исса это делал, когда выстрелил в Нола из его винтовки!

— Как это выстрелил?

— Ну... я стащил у него его винтовку, когда он стрелял в тебя в Нью-Йорке. Он промазал, потому что я помешал. Я бросил в него нож. Он потерял сознание, и я утащил его винтовку. И тогда они с Иссой пришли к нам домой за мной. Но мы оттуда уже с мамой сбежали, она нас спрятала, а сама пошла туда, чтобы с ними встретиться. Она поняла по описаниям, что это Нол, и пошла, чтобы его уговорить не убивать нас и тебя. Она очень храбрая, пап. Было так страшно, потому что мы не знали, действительно этот убийца ее друг из детства, и даже если и он, это не значило, что он вот так возьмет и послушается ее.

— Ты сказал «она нас спрятала». Кого это нас? — Джек недоуменно взглянул на него.

— Меня и нашу няню, — невозмутимо ответил мальчик, даже глазом не моргнув, хотя сердце его встрепенулось от того, что так неосторожно проболтался. Но Джек удовлетворился ответом, ничего не заподозрив.

— И что было дальше?

— Она оказалась права — это был Нол. И он ее не тронул. И нас не тронул. А потом он

пришел, чтобы забрать свою винтовку. Ну, я его увидел, испугался и выстрелил. Прострелил ему легкое. Тогда пришел Исса, прямо у нас дома на диване, вытащил ему пулю, прижег... И все на живую, представляешь? Только спиртом Нола напоил. И тот терпел! Мама убежала, а я смотрел, и все видел!

— И что дальше? — голос Джека наполнился холодом, ему стало неприятно с каким восхищением мальчик об этом рассказывал.

— А потом они остались у нас. Долго жили, пока Нол не поправился. Сначала мы были вроде как заложники, потому что Исса говорил, что если Нол умрет, он нас убьет. Или если мы позвоним в полицию. Сначала было страшно, но потом мы подружились. Нол поправлялся, и Исса подобрел. Мы даже вместе отмечали Рождество, устроили настоящий праздник! А как они отделали этого придурка, когда тот приперся, ты бы видел! Швыряли его по двору, как мячик, вот весело было! А потом мама рассердилась и выгнала их. Но Нол оставил мне номер, и я позвонил, когда замочил этого придурка, и они помогли нам избавиться от трупа...

— Подожди-подожди! — Джек вскинул руки, пораженно смотря на него. — Какой придурок? Какой труп?

— Ну, этот Кевин. Он маму доставал, и мы никак не могли от него избавиться. Такой наглый тип. Все звонил, маму требовал. А потом вообще приперся, и напоролся на Нола и Иссу. Они заступились за маму. Еле ноги унес. А потом опять начал доставать, узнал, наверное, что мама с ними поссорилась и они ушли. Прихожу я домой и вижу, как мама в него пистолетом целится. Собралась застрелить. Я ее отговорил. Притворился, что руку сломал, что в больницу мне надо. Мама побежала одеваться... а я его убил.

— Как убил? — не поверил Джек.

— Да очень просто. Он в кресло уселся, нагло так, как у себя дома, я сзади подошел и нож в шею. Бедную маму потом еле откачали. А Нол и Исса сразу приехали нам на помощь. После этого мама с ними вроде как помирилась. Но ты не думай, я не псих какой, я маму защищал! Ты бы разве его не убил, если бы увидел, как он маму хватает, лапает...

— Убил бы. Но, может, мама сама хотела... чтобы он ее хватал?

— Нет, что ты! Она вырывалась. И очень злилась. И ненавидела его. Даже убить хотела, я же говорил. Только ее бы в тюрьму посадили. Поэтому я сам с ним разобрался.

— А дальше что?

— А дальше все было хорошо. Исса с Нолом сняли соседний домик. Помогали нам. А Нол пообещал тебя не трогать. И не трогал. Он учил меня стрелять. И драться. А потом... потом отменили тренировку, я пришел домой, а там...

— Что там? — настойчиво спросил Джек, уже зная ответ, но почему-то все равно желая это услышать.

— Ну... они...

— Сексом занимались?

— Нет! — вспыхнул мальчик. — Он просто ее целовал. Я не думаю, что у них было... это...

Губы Джека дрогнули и скривились от ярости.

— В губы целовал?

— Нет, — мальчик еще больше покраснел. — Пап, я не хочу...

— А я хочу! Я имею право знать. Расскажи мне, что ты видел.

— Он целовал ее грудь. И все.

— И мама ему позволяла?

— Ну, я не знаю. Я как увидел, закричал, он сразу перестал. А я убежал. Исса сказал, что мама после этого отказалась с ним встречаться. У них ничего не было, пап, она бы ему не позволила. Он просто... пытался ее соблазнить. Мама бы не стала. У нее никого не было все это время, она говорила, что ей никто не нужен, что она тебя любит и никогда не забудет.

— Ты же сам сказал, что разрешил им встречаться.

— Ну так это же уже было после этого, когда ее похитили. Так что они и не успели. Ни повстречаться и ничего другого. Ты мне веришь? Ты же сам убедился ночью... как она тебя любит.

— Верю, сынок. Конечно, мама бы ничего ему не позволила. Он ей никогда не нравился. Она его просто боялась. Потому и не оттолкнула тогда... когда он целовал ее. А там, в подвале... она не пошла со мной, когда я позвал, потому что испугалась, что я рассержусь, что обижу ее. А когда он сказал, что теперь она его жена — это назло, чтобы меня зацепить. Только не видать ему нашей мамы, как своих ушей. Я поставил этого наглеца на место. А если он не сдох еще, то добыю. Его нужно убить только за то, что он из себя возомнил.

Патрик кивнул, с тревогой смотря на отца, видя, как тот снова закипел, хоть и пытался этого не показать, и жалел, что заговорил о Ноле. Хорошее настроение Джека испарилось. Он говорил так, потому что хотел, чтобы Патрик так думал. Его сын не должен думать, что мама променяла его на другого мужчину, что разлюбила. И никто не должен так думать. Потому Джек и устроил это представление ночью. Чтобы унижить Кэрол и поднять свой статус. Шон ничего не знал о Ноле, по крайней мере, Джек хотел на это надеяться. Знал Хок, он не дурак, догадался, столкнувшись с парнем в подвале. Хок умел держать язык за зубами, но это все равно слабо утешало Джека. Никогда еще он не ощущал себя настолько униженным. И не мог переносить это чувство. Он поднял на уши всех, кого мог, в поисках Иссы и Нола, если тот все-таки жив, но пока поиски не принесли результат. Эти двое как сквозь землю провалились. Эти бродяги умели скрываться, он уже давно в этом убедился. Он сразу догадался, кто пытается его прикончить, кто объявил на него охоту. Но найти этих двоих тогда не смог. Они перестали брать заказы и исчезли. Даже в преступных кругах не знали, куда они делись. Исса только недавно высунулся, пытаясь разыскать какую-то пропавшую женщину, о чем Джеку сразу же сообщили. Но Джек не успел ничего сделать, потому что пришло письмо от похитителей Кэрол, и он тут же забыл и об Иссе, и о его дружке. К тому же он допускал возможность, что они и были теми самыми похитителями. О Кейт Блейз он даже и не вспомнил.

Рассказ Патрика озадачил его, особенно то, что он кого-то убил. Джек не поверил. Мальчишка наверняка выдумывал, пытаясь произвести на него впечатление. Если бы он сказал, что убила Кэрол — в это бы он поверил теперь легко. Надо будет поговорить с ней об этом, расспросить. Кевин Дорован ошивался в Нью-Йорке, еще при встрече на приеме у губернатора его поведение показалось Джеку подозрительным. И он пропал без вести. Был ли Кевин Дорован тем самым Кевином, о котором рассказал Патрик? Джек был в этом почти уверен, не веря в совпадения, и ему теперь хотелось узнать, что же с ним произошло на самом деле? Расспрашивать Кэрол сейчас смысла не было, он не думал, что она будет с ним откровенничать. Она бунтовала, отказываясь бояться и подчиняться, окончательно превратившись в настоящую фурию, как Элен. Еще эти белые волосы... Джек знал, что она сделала это ему назло. Ее дерзость и бесстрашие бесили его... и страшно заводили. Он сам

не ожидал, но ему так понравилось ее связывать и делать все, что хотелось, и чтобы она при этом сопротивлялась... Раньше в себе он таких увлечений не замечал. Но эта новая забава пришла ему по душе. И эта новая женщина, сильная, опасная, яростная, эта убийца и психопатка, которую Нора боялась так, что ему с трудом удалось уговорить ее не увольняться, от которой у него самого холодок по коже пробежал, заставляла закипать его кровь. После этой ночи ему больше не хотелось, чтобы она ему покорялась в постели. Пусть дерется, сопротивляется. А потом бесится от того, что он все равно ее поломал... И забава с игрушкой ему понравилась. И почему раньше он игнорировал такие вещи? Ему не терпелось снова заглянуть в интересный магазинчик. Ох, и развлечется он теперь со своей новой игрушкой... которая раньше была его женой. И он хотел, чтобы она это поняла, почувствовала, что теперь она всего лишь его игрушка. Не жена, не любимая... а просто шлюха, игрушка, которая не заслужила другого отношения.

Он настолько негодовал по поводу ее измены, что поначалу даже хотел подать на развод и вышвырнуть ее вон. И пусть катится на все четыре стороны. Патрик, естественно остался бы с ним. Но сын его остановил. Он видел, что мальчик привязан к матери, что любит ее. Джек не был уверен в том, что сам Патрик предпочтет остаться с ним, а не с Кэрол. Мальчик был глубоко обижен на него из-за этой девчонки, которую Кэрол пригрела, он молчал, но Джек видел, какую обиду он затаил. Джека это огорчало, но потакать прихоти сына он не собирался. Это было уже слишком, то, что мальчик от него потребовал. Может, девчонка и неплохая, но это все равно не повод делать ее членом его семьи. Если бы она не была дочерью Мэтта, он, может быть, и подумал над этим... А вдруг ей перейдет от папочки безумие? Ему и одной психопатки с головой хватало. Но его семья — для него это святое, его дом — не проходное место и не приют, и в его семье не было место посторонним. Мальчишка влюблен, Джек это сразу понял, сегодня ему эта девочка нравится, завтра понравится другая — и что, Джек теперь всех должен опекать? Пока мальчик дуется, нет никаких шансов, что он останется с ним, а не уйдет с Кэрол, которая сразу же заберет девчонку к себе, оказавшись свободной. А запереть сына, как ее, он не мог. И Джек передумал. К тому же развод сейчас явно не поспособствовал бы его политической карьере. Помимо этого он не ощущал в себе никакого желания ее отпускать. Ведь ей того и надо. Только обрадуется и побежит к своему любовнику. Но другие причины, почему он раздумал разводиться, он сам перед собой категорично отрицал, отказываясь признавать. То, что все еще не равнодушен к ней, что соскучился и хочет, чтобы она была рядом. Он злился, но его жизнь снова наполнилась, даже забурлила через край с их возвращением. Все это время он ощущал себя опустошенным, не живым, он не мог ощущать ничего, кроме боли, его существование было наполнено тоской и безысходностью, и ни в чем он не мог найти себе утешения. Теперь он безумно счастлив оттого, что его сын снова с ним, живой и невредимый, и одновременно несчастен из-за того, что Кэрол его забыла, что у нее был другой, к которому она явно была неравнодушна. Стоило только вспомнить, как она рыдала по этому мальчишке, как жалась к нему там, в подвале, прячась от него, Джека. Конечно, молодой — насколько Джек помнил был даже младше Кэрол года на два, это лет двадцать шесть получается — высокий, сильный, крутого из себя строит, даже Патрик проникся восхищением к нему, что еще больше взбесило Джека. И Кэрол разомлела перед ним. Он еще тогда ей понравился, Джек нутром это почувствовал. И Патрику он нравился, мальчик явно был к нему привязан, как и к его дружку, хоть старательно это скрывал, страдая от всей этой ситуации. Но от Джека тяжело было что-то скрыть. Он даже подумать никогда не мог, что

может быть кто-то, кто его «подвинет» в глазах его жены, а тем более — сына. Свой авторитет перед ними ему казался непоколебимым. Так и было... раньше. Он привык быть для них самым-самым. Возможно, для Патрика он таким и остался, несмотря на его чисто мальчишеский восторг от этих бродяг и убийц, которые казались ему такими крутыми. Но не для Кэрол. Он это чувствовал. Чувствовал разницу между тем, что было раньше и тем, что сейчас. Он слетел со своего пьедестала, на который она его когда-то возвела и где ему так нравилось. Он не думал, что такое возможно. Ее любовь, ее восхищение им, ее слабость перед ним, в которых он был так уверен, к которым привык, вдруг исчезли. Он всегда ощущал над ней свою власть, теперь — нет. Да, он держал ее под замком, но власти своей над ней больше не чувствовал. Она очень изменилась. Он был шокирован этими изменениями, и пытался утешиться тем, что эти изменения только последствия ее болезни, унаследованной от матери. Он не находил в ней больше ранимости, беззащитности, желая, чтобы ее защищали. Теперь она предпочитала сама себя защищать. И у нее это неплохо получалось, он до сих пор не мог прийти в себя после того, какой она была в подвале. Она научилась подавлять в себе страх. И больше не сгибаться. Не подчиняться. Не позволять собой командовать и что-то от себя требовать. Джек чувствовал в ней силу, упрямство и волю. Волю такую, что так, как раньше, никогда уже не будет. Не будет она его больше слушаться и подчиняться, склоняя голову перед его умом, силой и властью. И терпеть ничего не будет. Научилась сама о себе заботиться, привыкла сама распоряжаться своей жизнью, пока жила одна, и, видимо, понравилось, судя по тому, какое негодование и протест в ней теперь вызывало то, как он себя с ней вел. Привыкла командовать, понравилось, небось вертела этим мальчишкой, как хотела. Забыла, кто ее муж, какой он и что с ним такие фокусы не пройдут. И он теперь с удовольствием освежал ей память. Что с ней делать, если она так и не успокоится, не покорится, Джек пока не знал. Он не мог ее вечно держать под замком. Но и отпустить не мог. Значит, выход был только один — поломать и все-таки заставить подчиниться и смириться. Поставить на место, сделать так, чтобы она против него снова даже голову поднять не могла. И не решалась. А если они и разойдутся все-таки, то только когда он так решит, когда он ее выкинет, как ненужную надоевшую вещь. А не она его. И пока он размышлял над тем, как ее наказать и снова сделать послушной. А если не получится, то избавится, после того, как натешится, как поутихнет его вспыхнувшая страсть, избавится так, чтобы обойтись без развода и чтобы Патрик не мог уйти с ней. Например, на самом деле отправить ее в психушку. Если после этого она не покорится, то пусть там и сидит. А если ему вдруг захочется ее увидеть или он снова ощутит потребность в ее роскошном теле — он всегда сможет ее навестить и остаться с ней наедине.

Рэй глазам своим не поверил, увидев на пороге комнаты Патрика. Рядом с ним радостно топталась Дороти, сдерживая порыв стиснуть мальчика в объятиях. Он уже позволил себя обнять, и даже поцеловать, когда она открыла ему дверь, и это уже было много и говорило о его расположении и привязанности к старушке. Этот холодный и сдержанный в проявлении чувств, как истинный Рэндэл, мальчик с презрением относился к так называемым «телячьим нежностям».

Рэй был шокирован тем, как вырос мальчик. Высокий для своего возраста, крепко сложенный, он вполне мог сойти уже за двенадцатилетнего. Красивый.

Рэй полулежал на полу, на тостом ковре, подперев спиной диван, смотрел телевизор в то время, как малыши ползали вокруг него. Увидев Патрика, он отложил пульт от телевизора и поднялся.

— Рик! — он не сдержал радостной улыбки. — Привет!

— Привет, — сухо отозвался мальчик, и Рэй сразу понял, что, в отличие от Дороти, ему потискать мальчика не удастся. Патрик смотрел на него сердитым взглядом, демонстрируя всем своим видом обиду и негодование. Но он все-таки пришел, и это так обрадовало Рэя, что он не обратил внимание на надутый вид мальчика.

— Я пришел к лисятам, — холодно сказал Патрик так, что Рэй ясно услышал «Не к тебе».

— Хорошо, проходи, — кивнул Рэй, делая вид, что не замечает произошедшие изменения в отношении к нему мальчика.

— Я приготовлю что-нибудь вкусненькое, — Дороти вопросительно заглянула мальчику в лицо.

— Я не голодный, — буркнул тот.

— Может быть, пирог с клубникой? Как раз уже подходит, — не сдавалась Дороти.

— Ну, ладно, твой пирог буду, — не выдержал мальчик.

— Я подам прямо сюда, — Дороти поспешно вышла, бросив на Рэя заговорщицкий взгляд. Тот подмигнул ей и опустил снова на ковер.

Патрик тоже уселся на ковер и не сдержал улыбки, когда малыши, узнав его, радостно поспешили к нему.

— Эй, привет, банда! — ласково проговорил Патрик, наклоняясь в Джеймсу, который первый до него дополз. Держась за него, малыш поднялся на ножки и с улыбкой потянулся к его лицу. Крис уже карабкался по нему с другой стороны. Обхватив обоих руками, Патрик поочередно их поцеловал в пухлые щечки.

— Как вы тут без меня и мамы? Не обижает вас этот чужой дядька?

Рэй не отреагировал, не вмешиваясь и молча наблюдая. Заняв свое место у дивана, он грустно уставился в телевизор. Патрик покосился на него.

— Как они? Плачут?

Рэй пожал плечами.

— Плакали, когда мама ушла. Потом перестали. Только Кэрол не говори, она расстроится.

— Знаю, — буркнул Патрик. — Ничего страшного, мы их скоро заберем.

— Как мама?

— Не твое дело. Она не твоя жена.

Рэй не стал настаивать, промолчал и снова отвернулся к экрану. Патрик продолжал косо смотреть на него.

— Ты мне соврал. Поклялся и соврал.

— Да, — спокойно ответил Рэй. — Соврал.

— А я тебе верил! Считал своим другом!

— Прости, Рик.

— Нет, я не прощу! Почему вы, взрослые, такие лживые? Почему притворяетесь моими друзьями, а сами оказываетесь предателями? Я ведь вам верил!

— Кому это «вам»?

— Тебе! Нолу!

— Я люблю твою маму, Рик. Я полюбил ее еще до того, как она вышла за твоего отца.

— Значит, ты все время притворялся! Это так подло!

— Я никогда не притворялся и не скрывал свои чувства, поэтому твой папа меня так и ненавидит. Мне было плевать кто и что об этом думает. Плевать на всех. Кроме тебя. Что думаешь обо мне ты для меня было важно. И сейчас важно. Я люблю Кэрол. И я люблю тебя. Вы моя семья, самые близкие и дорогие, единственные во всем мире. Я не мог тебе сказать о своих чувствах... тогда, ты еще был слишком мал, чтобы понять. Ты бы осудил и возненавидел меня. А я этого не хотел.

— А по-твоему, став старше, я бы отнесся спокойно к тому, что ты соблазнил маму, что хочешь разрушить нашу семью, увести от папы? Плевал я на твою любовь, понял? И на любовь всех остальных — тоже! Моя мама выбрала не тебя, она вышла замуж за папу, и никто не имеет право лезть к ней со своей любовью, даже ты, понял? Раз она вышла замуж, ты должен был ее забыть, оставить в покое, и найти себе другую. Ради нас, если ты действительно нас так любишь, как говоришь.

— Я бы так и сделал, если бы твоя мама и дальше была с ним счастлива. Но он сделал ее несчастной. Она не хотела больше быть с ним, хотела уйти, но он ее не отпустил, стал принуждать, а так поступать нельзя. Любой человек вправе сам решать, как ему жить и с кем.

— Моя мама любит его, а он просто хотел, как лучше. И не хотел отпускать, потому что тоже ее любит, хотел сохранить семью. Он думал, что мама сердится на него из-за тети Даяны, что поэтому хотела от него уйти. Но это не так. Дело не в тете Даяне. Мама могла бы его простить.

— Видимо, все-таки не могла. Так бывает, Рик. Иногда мы не можем чего-то простить, даже если сами этого хотим.

— Ты ничего не знаешь!

— Ну так расскажи, — мягко сказал Рэй, не желая спорить.

— Ты не поверишь, подумаешь, что мы чокнутые.

— Нет, Рик, я так никогда не подумаю. Это что-то, связанное с твоим даром? Ты же сам собирался мне все рассказать, помнишь?

— Собирался. Только ситуация изменилась. Теперь не хочу. Ты потерял мое доверие. Ты мне больше не друг. Ты враг. Тот, кто мне врет, кто хочет разбить мою семью.

— Вот как? А как же Нол?

— Здесь совсем другое дело. Нол мне не друг, он тоже враг. Но он — папина смерть, которую удалось приручить с маминой помощью, потому что он в нее влюбился. Если бы

мама не охмурила его, папа был бы уже мертв.

— А сам папа что думает по этому поводу?

— Он не верит мне. Думает, что мама его разлюбила. Вернее, поначалу думал. Теперь уже нет. Они с мамой вроде как помирились.

Рэй недоверчиво приподнял бровь.

— Что ты так смотришь? — разозлился Патрик. — Помирились, еще как, я сам слышал!

По тому, как покраснел мальчик, Рэй понял, о чем он, и с трудом сохранил невозмутимый вид.

— Папа даже переселил ее в их спальню, как раньше, до ссоры. А ведь до этого держал ее в комнате для гостей!

— А что мама? Она сама сказала, что они помирились? Что хочет остаться с ним?

— Что она хочет не имеет значения. Конечно, она этого хочет. Но пока это невозможно. Мы не можем пока быть с папой. Но это ненадолго. Есть один человек... который научит меня кое-чему, и тогда мы сможем вернуться к папе и жить с ним.

— А они? — Рэй кивнул на малышек.

Патрик озадаченно нахмурился и почесал затылок.

— Пока не знаю. Разберемся, не все сразу. По очереди все разгребем с мамой.

Рэй печально помолчал.

— Как мама? Папа ее не обижает?

— Нет.

— А почему она не пришла? Он не пускает?

— Она приболела. Но она попросила меня с тобой поговорить.

— Ну, говори.

— Это о Дженни. До конца этой недели ее нужно забрать из пансионата. А папа отказался ее принять. Он не хочет. Как я не просил...

— Кэррол хочет, чтобы я ее забрал оттуда? Хорошо. Мне не трудно. Только нужно, чтобы она договорилась о том, чтобы мне ее отдали. А куда я должен ее отвезти?

— Сюда.

— В смысле... сюда? Но ведь ты сам сказал, что отец не разрешил.

— Мама просила, чтобы пока она побыла у тебя, — мальчик устремил на Рэя умоляющий взгляд, на мгновение забыв про все свои обиды.

— Как у меня? — поразился тот. — Но это невозможно! Ведь я совершенно посторонний для нее человек. Мне никто не позволит... Я мужчина, одинокий, а она девочка, уже девушка...

— Но ведь ты же забрал маму, а она была еще младше Дженни тогда!

— Да, но, во-первых, мы думали, что она моя дочь, а во-вторых, я был женат, у меня была Куртни!

— Рэй, ну, пожалуйста! Мама обо все договорится, ты только согласишься! Тетя Дженни не будет против, ей лишь бы избавиться от нее, лишь бы Дженни снова ей не приправили! Она не примет ее, у нее с головой не в порядке, она считает, что Дженни больше не Дженни, потому что в ней теперь сердце кого-то другого. Ее отправят в приют. А ей нельзя в приют, она погибнет! Она очень хорошая, она будет помогать тебе с лисятами! Мы потом ее заберем, сразу, как только сможем! Это только на время, Рэй! Мы ей обещали, мы не можем ее бросить!

Рэй в полной растерянности смотрел на него.

— Рик, но это не так просто. Это такая ответственность... Тем более, с такими проблемами со здоровьем, как у нее... Это же не обычный ребенок. Она после серьезной операции. Ей же нужно лечение, забота... Я ничего не знаю и не умею. К тому же, мне нужно заботиться о мальчиках... Я просто не смогу.

— Нет, ты сможешь! Дженни уже взрослая. Она сама будет знать, какие ей нужны лекарства, что с ними делать, тебе нужно будет лишь их покупать. А с лисятами она тебе даже поможет, она умеет управляться с детьми, у нее есть младшие братик и сестренка. Она не доставит тебе никаких хлопот, наоборот, поможет. Она не разбалованная, тихая, неприхотливая. Тебе даже не придется тратить на нее свои деньги, ты можешь брать мои, мою долю в компании.

— Да причем тут деньги, не в них дело. Зачем ты так говоришь?

— Ну, прости. Я знаю. Ты ведь уже дал нам деньги для нее, я знаю, что тебе не жалко. Рэй, умоляю! Ты единственный, кто может нам помочь! Мама очень тебя просит! Мы вместе просим! Я прошу!

Рэй потер пальцами подбородок, потом с тяжелым вздохом провел ладонями по лицу.

— А что сама Дженни? Она согласилась?

— Я с ней об этом еще не говорил. Сначала же у тебя надо было спросить.

— Уверен, ей это не понравится.

— Не понравится. Но другого выхода нет. Мы все объясним. К тому же, это временно.

— Временно? Ты же сам сказал, что вы потом вернетесь к отцу и будете с ним жить. А он не согласился взять Дженни. Куда же тогда вы ее денете?

— Согласится. Иначе мы к нему не вернемся. У него выбора не будет. Или мы вернемся все, или никто. Ему придется ее принять.

— А если все-таки не примет? Ты же знаешь, какой он.

— Тогда мы к нему не вернемся.

Рэй обескураженно покачал головой.

— Мне нужно поговорить об этом с Кэрл. Почему она сама мне об этом не сказала, зачем прислала тебя? Это серьезные вещи, серьезный разговор.

— Я же говорю, она болеет. Но она тебе позвонит, ты только согласишься.

— Что с ней?

— Ну... у нее воспалились раны.

— Воспалились? Но почему? Когда я ее видел, она выглядела уже вполне здоровой.

— Ну, я откуда знаю? Воспалились и воспалились!

Рэй внимательно всмотрелся в его лицо, подозрительно прищурил глаза.

— А твой отец этому воспалению не поспособствовал, случайно? Он ее бьет?

— Нет! Я бы не позволил! Говорю, они помирились. У них любовь... каждую ночь...

На этот раз Рэй не выдержал, побагровев.

— Любовь? Но ведь ты говоришь, она болеет, раны воспаленные... какая может быть тогда любовь?

— Ну, не знаю... Значит, одно другому не мешает.

— Выходит, со мной поговорить она не может, потому что болеет, а... все остальное может, так получается?

— Нет, Рэй, ей правда плохо, она даже не встает.

— Значит, твой отец ее заставляет!

— Нет, что ты, он бы не стал...

Рэй фыркнул.

— Я должен ее увидеть. Ты сообщишь мне, когда Джек уедет из дома, и я приеду.

— Папа рассердится, — Патрик насупился. — А скрыть не получится, ему скажет Шон. Хок или Нора.

— Мне плевать. Пусть сердится. Я Кэрол не чужой, я имею право. Я беспокоюсь о ней. Я уверен, что твой отец ее обижает. Не тот он человек, чтобы вот так взять и про все забыть. Я его знаю. Они не могли помириться после всего, это невозможно. По крайней мере, не вот так сразу. Особенно, если он узнал о том, что у нее другой парень. Убить он ее не убьет, в этом я уверен, как и в том, что и не простит. Ты должен приглядывать за мамой, защитить ее. Кроме тебя некому. Меня на порог не пускают, ее не выпускают.

— Так ты согласишься забрать Дженни?

— Возможно. Но только после того, как увижу Кэрол и сам с ней об этом поговорю.

— Хорошо. Я все устрою. Тогда возьми с собой и лисят. Я притворюсь дурачком и скажу, что сам тебя пригласил в гости. Ведь по сути, причин, почему ты не можешь прийти нет. О вашей с папой неприязни мне ничего не известно, он раньше никогда не запрещал мне с тобой общаться. Думаю, на этот раз прокатит. А папе придется постараться, чтобы объяснить мне, почему тебе закрыт вход в наш дом. И почему он не пускает к тебе маму. Хотя я теперь лучше него самого знаю причину!

Рэй улыбнулся и ласково потрепал мальчика по волосам.

— Ах, ты хитрый маленький проныра!

В комнату вошла Дороти с большим подносом в руках, на котором несла чашки с чаем и горячий ароматный пирог.

Но Кэрол категорично воспротивилась тому, чтобы увидеться с Рэем, когда Патрик ей все рассказал.

— Не сейчас. Он увидит, что я побита. Нельзя ему это видеть. Он вспыльчивый. Они опять сцепятся с Джеком. Нет, Рик. Ни в коем случае.

— Но что тогда делать?

— Я поговорю с ним по телефону. Принеси мне трубку. Заодно позвоню сразу тете Дженни и самой Дженни.

Джек больше не запирал ее в комнате, но сам дом теперь был с такой охраной и окружен такой оградой, что сбежать отсюда было не так просто, как раньше. Выпускать Кэрол за ворота без разрешения Джека или Шона было запрещено. Патрика Джек тоже пытался не выпускать, опасаясь Иссы, но мальчишку удержать было непросто. Он каждый день ездил к дедушке и проводил с ним большую часть дня. Дома ему было скучно. Джек работал, Кэрол болела и не выходила из спальни. Джек приставил к мальчику телохранителя, который не отходил от него за пределами дома и отвечал за него головой. Патрика тянуло к Рэю, он хотел бы съездить с ним на пляж или поиграть с теннис, и вообще, чтобы все было как раньше. Он очень соскучился по дяде, но обида и упрямство брали верх.

Когда Кэрол после разговора с Рэем сообщила, что он согласен, Патрик так обрадовался, что почти был готов простить его. Тетя Дженни ничего не имела против, а вот сама Дженни так расстроилась, что даже расплакалась. Узнав об этом, Патрик огорчился и поспешил сам позвонить в пансионат, чтобы с ней поговорить.

— Дженни, это на время, клянусь! Мы тебя заберем, как только сможем! Рэй очень хороший, ты не бойся. Он маму вырастил, забрал ее, когда она еще младше тебя была. У него

сейчас и лисята. Прости, Дженни. Так обстоятельства сложились. Я все тебе расскажу. Я приеду за тобой с Рэем. Ты сама увидишь, какой он хороший. Он тебя никогда не обидит. Я сам, знаешь, как его люблю, как второго папу! Вот увидишь, ты тоже его полюбишь! К тому же мы с мамой будем рядом. Я буду каждый день приходить. И мама, как выздоровеет. Все будет хорошо, вот увидишь. А потом мы тебя заберем, и лисят, как только сможем. И мы будем жить все вместе, как и собирались.

Дженни не спорила, соглашалась, но после разговора отчаянно рыдала в подушку.

Она не понимала и не знала, что произошло, почему Кэрол не может ее забрать, как обещала. Девочка звонила тете и просила ее снова взять к себе. Но та наотрез отказалась, объяснив тем, что такой возможности у нее теперь нет. Что у Дженни есть еще одна тетя, и та тоже обязана о ней позаботиться. И Дженни плакала, жалея, что ей не позволили умереть. Она ощущала себя обузой, никому не нужной. От нее все пытались избавиться. Мысль о новой семье, о том, что будет жить с Кэрол, Патриком и малышами уже почти не пугала ее, наоборот, даже радовала. Она видела, что и тетя, и братик любят ее, ждут, когда она к ним приедет, готовятся к этому. И Дженни тоже стала этого ждать. И вдруг что-то случилось. Кэрол кто-то похитил, почему-то она с Патриком теперь оказалась на другом конце страны, в Калифорнии. Дженни не понимала, что происходит. Не понимала, почему лисята, как они называли малышей, теперь у дяди Патрика, почему она сама теперь будет у этого дяди. Почему Кэрол не может ее забрать, как обещала? Может, она передумала? Но тогда она просто могла отказаться, а не спихивать ее какому-то совершенно чужому для Дженни человеку. Тем более, мужчине. Как она, молодая девушка, будет жить в одном доме с чужим мужчиной? Дженни это не просто не нравилось, ее это безумно напугало, несмотря на то, что и Кэрол, и Патрик заверяли ее, что он хороший, не обидит, что именно он дал денег ей на операцию. Дженни готова была отправиться в приют, это казалось ей безопасней, чем быть отданной во власть постороннему мужчине. Она сказала об этом Кэрол, но та и слушать о приюте не захотела.

С тревогой и отчаянием ждала Дженни выписки из пансионата, смирившись и покоровшись своей нелегкой судьбе. Кэрол пообещала, что не бросит ее, никогда, пока жива, что никому не даст в обиду. Сказала, что Дженни теперь член ее семьи, и ничто этого теперь не изменит. Что, как и лисята, ее пребывание с дядей Рэем временное.

В день выписки Дженни собрала свои немногочисленные вещи, и к приезду Рэя и Патрика уже была готова. Патрик ворвался в ее палату, забыв постучать, с охапкой роскошный чайных роз, которые с гордостью вручил удивленной девочке. Потом обнял ее со всех сил, как родную, даже в щеку поцеловал, не в силах сдержать своей радости. А Дженни боязливо посмотрела на остановившегося на пороге высокого мужчину, который ей слегка улыбнулся, приветливо кивнув.

— Дженни, это Рэй! Познакомься, — схватив Рэя за руку, Патрик втолкнул его в палату.

— Здравствуйте, — Дженни робко протянула ему руку, улыбнувшись.

— Привет!

— А вы знали моего папу?

— Да, конечно.

Этот факт, казалось, немного успокоил девочку, и она смущенно отвернулась.

— У нас для тебя подарок! — Патрик вытащил из кармана куртки маленькую бархатную коробочку. — Вот. В честь твоего нового здорового сердца, с которым ты теперь проживешь до самой старости.

Пораженная, Дженни взяла коробочку и взволнованно открыла. Там оказался кулон в виде сердечка на золотой цепочке.

— Тебе нравится? — Патрик нетерпеливо мялся на месте, переглядываясь с Рэем. Тот ему ободряюще подмигнул.

— Да... Но это же дорого... зачем? — пролепетала девочка растерянно.

— Совсем и недорого, правда, Рэй? Так, безделушка. Наденем?

Дженни кивнула, не сдержав радостной улыбки. Присев на кровать, она откинула вперед роскошные черные волосы, придерживая кулон дрожащими пальцами, пока мальчик застегивал цепочку на ее шею. Потом встала и повернулась, чтобы продемонстрировать подарок. До того потухшие глаза ее блестели.

— Красиво, — Патрик удовлетворенно кивнул, бросив взгляд на Рэя. Тот тоже кивнул, соглашаясь.

— Спасибо, — прошептала девочка. — Мне никогда никто не делал таких дорогих подарков.

— Привыкай. Это начало. Ты теперь принцесса, поняла? Самая настоящая. Ты готова? Поехали. Такси нас ждет. Сначала заедем к нам домой, там вещи, которые мы с мамой для тебя купили, посмотришь, что понравится, все заберем. Еще мама просила кое-что привезти. Самолет завтра утром. Ты голодна? Заедем куда-нибудь поедим, да, Рэй?

Не умолкая, Патрик повел Дженни за собой, взяв за руку. Рэй, захватив ее вещи, шел следом, украдкой изучая девочку взглядом. Он был поражен тем, как она была похожа на Мэтта. Но сама девочка действительно вроде была неплохая, застенчивая, скромная, не разбалованная. Чем-то напомнила ему Кэрол много лет назад, когда он только забрал ее от матери. И с таким же затаенным страхом в глазах, с таким же печальным взглядом. Рэй тяжело вздохнул. Это плохо и неправильно, когда у ребенка такой вот взгляд, когда жизнь только начиналась, а детская душа была уже покалечена страданиями, страхами, болью. В Кэрол это осталось навсегда, время ничего не исправило. С Дженни будет так же?

Задаваясь этими вопросами, Рэй молча следовал за детьми, не вмешиваясь в их разговор. Он думал о своих мальчиках, о том, что будет дальше. Он хотел их защитить от всего, чтобы никогда у них в глазах ни на миг не появилось ничего даже напоминающего то, что он видел в глазах Кэрол и Дженни. Чтобы у его детей было обычное, нормальное детство, беззаботное и веселое, какое и должно быть, а если и были какие горести и огорчения, то только детские и безобидные, не способные оставить даже малейшего следа в их детской душе. Чтобы они смотрели на мир уверенно и с радостью, а не как Кэрол и Дженни, затравленно, забито, со страхом и неуверенностью, взрослым, пропитанным страданиями взглядом, где не было даже намека на детскую непосредственность, наивность и жизнерадостность. Увидев Дженни, Рэй понял почему Кэрол решила взять на себя заботу об этой девочке. Дело было не только в том, что она была дочерью Мэтта, что убила ее мать. Дженни напомнила Кэрол саму себя. Несчастную, никому не нужную девочку, обреченную на гибель, какой когда-то была и она. Рэй понимал, что если бы не забрал Кэрол, она бы погибла. И радовался тому, что Пегги тогда набралась решимости и позвонила ему, что Куртни не воспротивилась, что он сам принял правильное решение, поверив Пегги и немедленно забрав девочку. И теперь Кэрол пыталась то же самое сделать для Дженни. Рэй сильно сомневался, когда ехал сюда, но теперь его неуверенность исчезла. Теперь он понял до конца, зачем Кэрол это делала и почему, и готов был ей помочь. Помочь спасти эту девочку, как когда-то спас ее, Кэрол. Как всегда помогал.

Дженни боялась его, но это понятно. Он чужой ей, она его не знает. Это пройдет, и этому Рэй значения не придавал. Он помнил, что Кэрол тоже сначала испугалась, но очень быстро прониклась к нему доверием, перестала опасаться, еще до того, как они приехали в Сан-Франциско. Они легко подружились. С Дженни будет также, он был уверен. Даже малыши его сразу приняли, как родного, словно знали, что он им не чужой. А теперь называли его папой. И Рэй успокоился, перестал тревожиться из-за того, что теперь ему придется заботиться еще и о чужом ребенке. Дженни ему понравилась, с ней проблем не будет, он сразу это понял. К тому же она оказалась почти уже взрослой девушкой, а не ребенком. Уж возиться с ней точно не придется. Рэй выбрал для нее комнату и поручил Дороти ее приготовить. Старушка, конечно, немного опешила, что у них появится еще один жилец, но, узнав, что эта девочка протеже Кэрол, с готовностью и даже радостью принялась за работу, счастливая от того, как ожил их дом, до того такой пустой, тихий, словно безжизненный. Детский смех и крики вмиг разогнали всю тоску и безрадостность их дома. И Дороти только порадовалась тому, что здесь появится еще один ребенок. Ничто не могло так оживить и наполнить этот огромный пустой дом, как дети. А вместе с домом — и их с Рэем сердца.

По дороге заехав в первый попавшийся ресторанчик, они плотно поужинали и, захватив с собой торт, поехали домой. Пока Рэй доставал спрятанный ключ и отпирал дверь, Патрик подбежал к соседнему дому, потарабанил в дверь, в окна.

— Нол! Исса! Вы здесь? Это я! Рик!

Ему никто не открыл. Огорченный и поникший, мальчик вернулся и вошел в дом, где его ждали Рэй и Дженни.

— А где Нол? — спросила последняя. — Разве он не с вами? Не с Кэрол?

— Нет, — буркнул Патрик. — Он... тоже заболел.

— Ты его знаешь? — полюбопытствовал Рэй, взглянув на девочку. Та кивнула.

— Он приезжал ко мне в пансионат. Два раза. Сначала с Кэрол и Патриком, потом только с Патриком, когда Кэрол пропала. Что с ним случилось, Рик? — Дженни пытливо смотрела на мальчика. — Расскажи. Он не похож на парня, который может заболеть.

— Заболел... его ранили. Когда мы освобождали маму.

— И где же он сейчас?

— Я не знаю.

— Как это? Почему?

— Он пропал. Его забрал Исса, его друг. Я надеялся, что они здесь. Но их нет.

— А где же они могут быть?

— Я не знаю. Они прячутся.

— От кого?

— От моего папы.

— Но... я думала, что у тебя нет папы.

— Он есть, всегда был, только мы с ним не жили... последние два года. Так получилось. Дженни замолчала, смотря на него растерянным, ничего не понимающим взглядом.

— Так, давайте, раздевайтесь, будем пить чай с тортом. У вас будет целый вечер, чтобы все обсудить, — Рэй снял куртку, обувь и отправился на кухню поставить чайник. — Бр-р, ну и холодина тут! Как здесь люди живут?

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату и вещи, — Патрик взял Дженни за руку и повел за собой. — Мы с мамой так старались, готовили для тебя эту комнату... и все псу под хвост.

Все с ног на голову перевернулось, и все из-за этой чертовой Кейт Блейз. Разнесла все к чертовой матери почище атомного взрыва. Теперь не знаем с мамой, как назад собрать всю нашу разлетевшуюся жизнь. Но ничего, не переживай, мы справимся, мама справится, ей не впервой.

Дженни понравилось все, что для нее купила Кэрол, и она не захотела ничего здесь оставлять. Патрик собрал все свои фигурки в большую коробку. Рэй по поручению Кэрол упаковал все фотографии, журналы с Мэттом, кое-что из ее вещей, забрал наличные деньги из сейфа и новые фальшивые документы, которые могли еще пригодиться, как была уверена Кэрол.

Патрик все-таки еще раз наведалься в соседний дом, на этот раз войдя внутрь. Ключ от дверей он не нашел на том месте, где его всегда оставляли Нол и Исса, но сумел вскрыть замок, как научил его Исса. Комнаты были в беспорядке. Патрик понял, что Исса в спешке собирал вещи. Вокруг дивана в гостиной валялись окровавленные простыни и полотенца. Значит, он все-таки привез Нола сюда, вытащил пули, а потом увез его, не потрудившись за собой прибраться. Видно было, что он очень торопился. Сюда они больше не вернуться. Никогда.

Несколько минут Патрик стоял посреди этого хаоса, разглядывая все сквозь застилавшие глаза слезы, вспоминая этих двоих и все то время, что они провели вместе. Никогда этого больше не будет. Не вернуться они сюда, в эти дома, ни он с мамой, ни они, не будут снова все вместе, как одна семья.

Тяжело вздохнув, Патрик отвернулся и ушел, тщательно прикрыв входную дверь. Сердце его щемило такой тоской, что только теперь он осознал, как привязался к этим двоим, как привык к тому, что они рядом. Он задавался вопросом, почему у взрослых все так сложно? Зачем мужчины влюбляются в чужих жен, как Рэй и Нол? Как было бы хорошо, если бы Рэй оставался просто Рэем, как раньше, а не влюбленным в мать отцом лисят, а Нол был бы дальше ей просто другом. Тогда не было бы крови, вражды, лжи и тайн. Мама могла бы быть с папой (когда Луи научит, как защитить его от проклятия), дружить с Нолом и Иссой, а папа бы не враждовал с Рэем, не ревновал бы к нему. И все было бы просто и хорошо. Но нет, этим взрослым надо все испортить, усложнить, перессориться, запутать так, что потом не распутать. Мама тоже молодец, натворила дел, папа, Рэй, Нол... сама теперь запуталась среди них и что делать не знает. Понятно, что с Нолом она связалась ради того, чтобы папу спасти. Понятно, что захотелось отомстить папе — но зачем с Рэем? Тем более, если знала, что он ее любит! Не могла отомстить с кем-нибудь посторонним, что ли! И как-нибудь поосторожнее, не забеременев при этом!

В общем, Патрик был крайне зол, на всех. И на каждого. Даже на отца. За то, что сделал из мамы пленницу, за то, что так побил и, естественно, из-за того, что отказался взять Дженни. Что не верил тому, что говорил ему Патрик, что считал маму сумасшедшей.

Патрик пытался увидеть Нола и Иссу, узнать, где они. Но у него не получалось. Он не видел *ничего*! И даже не мог связаться с Луи. Хотя до того, как вернулся в Сан-Франциско, он мог без труда с ним связаться в любой момент. Он не видел ничего, только какой-то странный свет. Все его видения происходили в окружении тьмы, но сейчас словно кто-то включил яркий прожектор, который ослепил его, разогнав всю тьму, ослепив и оглушив его. Мальчик понял, что это то, о чем говорил Луи. Но он говорил о лисятах, что это от них исходит этот странный свет. А лисята сейчас были далеко. Патрик надеялся, что приехав в Нью-Йорк, он избавится от этого света и сможет связаться с Луи, узнать что-то о Ноле и

Иссе. Он теперь не был уверен в том, что Нол жив. Он был уверен в том, что он жив, потому что не почувствовал его смерть, не увидел его среди мертвых, не мог призвать его. Но теперь Патрик понял, что это могло происходить не потому, что Нол не умер, а потому что он теперь не видел и не чувствовал с тех пор, как оказался в Сан-Франциско. До того Нол был жив, в этом Патрик был уверен, но с тех пор, как появился этот свет — уже нет. Нет, лисята его так не блокировали. Он мог видеть, когда они были рядом. Нет так хорошо, когда рядом их не было, он почувствовал разницу, но все же он мог. Их свет не был таким сильным, как теперь тот, что слепил его сейчас. Когда Рэй увез лисят, Патрик вдруг почувствовал себя сильнее, тьма сгустилась, видения и ощущения стали ярче, четче. Лисята делали его слабее, теперь он это понял. Но окончательно силы его не лишали, как происходило теперь. Мама тоже жаловалась, что с тех пор, как оказалась в Сан-Франциско, не может призывать мертвых. Ей могли только сниться какие-то смутные сны, как было раньше, в которых она почти не могла разобраться. И Патрик напрягался, пытаясь понять, где источник, увидеть.

И увидел.

Они сидели за столом и ужинали заказанной пиццей. Пока Рэй и Дженни и чем-то тихих разговаривали, Патрик прикрыл глаза, сосредоточившись. Зажмурившись от яркого света, словно сквозь веки ему светило солнце, он пытался его отогнать. Свет не жег его, как Луи, но больно слепил, и чем больше он напрягался, пытаясь пробиться сквозь него, тем ослепительнее он становился, словно с усилиями мальчика прибавлял мощности, чтобы подавить его силу.

— Рик, что с тобой? Что ты делаешь? — услышал он удивленный голос Рэя.

— Этот свет... я не могу его прогнать... — процедил Патрик со злостью сквозь стиснутые зубы. — Он слепит меня...

— О чем ты? Да открой же ты глаза, наконец, ты меня пугаешь! — Рэй больно сжал пальцами его запястье.

Патрик открыл глаза, повернувшись к нему. И вдруг вскрикнул, закрыв лицо руками, с такой силой отпрянув назад, что стул под ним опрокинулся, и мальчик упал на пол. Рэй подскочил, бросившись к нему. Дженни изумленно застыла на месте, не понимая, что происходит, не отрывая глаз от мальчика.

— Ты! Это ты! — завопил он, продолжая прятать лицо под ладонями. — Зачем ты это делаешь? Прекрати!

Рэй, опустившись на колени, приподнял его с пола.

— Рик, что происходит? — испуганно спросил он. — Посмотри на меня! Что с тобой!

— Я не могу! Убери это! Убери этот свет!

— Какой свет?

— Ты не знаешь? — прошептал Патрик, продолжая прятать лицо.

— Вообще не пойму, о чем ты!

— Ты не знаешь, — прошептал мальчик как будто сам себе. — Но что же это такое? Откуда это в тебе?

Рэй недоуменно смотрел на него, пытаясь понять, о чем он говорит, потом привлек его к себе и обнял.

— Иди ко мне, дружок, все хорошо, — прижимая мальчика к груди, он встал с колен. — Уже поздно, пойдем в твою комнату.

Кивнув встревоженной девочке, он вынес Патрика из комнаты. Мальчик прижимался к нему, уткнувшись ему в плечо.

— О, Рэй, я так тебя люблю... я так скучал... — совсем по-детски всхлипнул мальчик. — Нам с мамой было так плохо... так одиноко...

— Мне тоже было плохо без вас, очень плохо, — Рэй вздохнул и поцеловал его в висок.

— Ты такой теплый. Как я раньше не замечал? Почему не замечал? Мне внутри все время как будто холодно... и темно-темно. А ты теплый. Горячий. Я ничего не вижу, но мне хорошо... внутри хорошо... так спокойно, тепло... Мне всегда было рядом с тобой хорошо... Наверное, ты ангел? Настоящий ангел?

Рэй рассмеялся.

— Ну это вряд ли, малыш! Таких, как я, в ангелы не берут.

— Тогда откуда все это?

— Что — это?

— Этот свет, это тепло? Нет, ты точно ангел. Только без крыльев.

Рэй занес его в комнату и хотел включить свет, но Патрик схватил его за руку.

— Не надо, не включай!

Тогда Рэй опустил его на кровать и увидел, что тот все еще с закрытыми глазами.

— Открой глаза, посмотри на меня, — сказал Рэй, заглядывая ему в лицо.

— Я боюсь. Вдруг меня опять ударит... этот свет...

— Не ударит, Рик. Нет никакого света. Тебе привиделось. Открывай глаза, не бойся.

Патрик отвернулся от него и осторожно приоткрыл глаза. Потом, не поворачивая головы, с опаской скосил глаза в сторону Рэя, боязливо щурясь. И расслабился, медленно поворачиваясь к нему.

— Ну, все нормально? — спросил Рэй, заглядывая ему в лицо.

— Да... теперь да. Когда просто смотрю — нормально. Мне нельзя смотреть на тебя... через свой дар, как я попытался... поэтому это и произошло, наверное. Рэй... — глаза мальчика в восторге раскрылись еще шире. — Ты светишься в темноте! Ух ты, как здорово! Вокруг тебя свет! А почему я раньше этого не видел?

— Свечусь в темноте? — у Рэя на лице появилось такое выражение, что Патрик расхохотался.

— Думаешь, что я чокнутый? Нет, Рэй. Я же говорил, у меня дар. Как у мамы, только сильнее. Интересно, а она видит твой свет? Она никогда мне об этом не говорила. Рэй, ты всю жизнь прожил и не знал, что в тебе это есть?

— Что — это?

— Ну... я не знаю. Свет. Тепло. А вдруг ты и вправду ангел? Вот было бы круто! Может, потому ты и не стареешь? Может, ты бессмертный?

— Наверное, — Рэй усмехнулся. — А ангельские крылышки почему-то отвалились. Еще в детстве, наверное. Надо будет их поискать.

— Смеешься. Зря. Ну, может, ты и не ангел, конечно, возможно, я слегка загнул, но все равно что-то такое в тебе есть. Теперь надо понять, что это и как оно работает.

— Как разберешься, расскажешь.

— Я сам должен разбираться? Один? А ты? Неужели тебе самому не интересно?

— Интересно, Рик. Только, если честно, я вообще не пойму, о чем ты говоришь.

— Рэй, в тебе какой-то свет. И в твоих лисьях — тоже. И это даже сильнее нашего проклятия, сильнее нашего дара... Этот свет все подавляет. Даже Луи не знает, что это такое.

— Кто такой Луи?

— Это наш родственник. Мамин и мой.

— Какой еще родственник? Откуда он взялся?

— Он сам нас нашел. У нас есть еще родственники, помимо него. Только он как бы самый главный. Он очень старый. Он разыскивает всех из нашего рода.

— Но Элен была детдомовской. Она ничего не знала о своей родне. Мы вместе росли, я знаю.

— Она, может, и не знала, но Луи о ней знал. Он нашел ее, правда, не сразу. Он говорил, что ее кто-то блокировал, тот же свет... Теперь ясно, кто. Это был ты. Он смог с ней связаться только после того, как ты ее бросил... уехал... Но она не захотела с ним общаться, испугалась. Луи говорит, она не смогла справиться с проклятием, с этой тьмой, что вокруг нас... Она была слабой, а слабых оно сжирает... Луи рассказывал, что многие из нашего рода сходят с ума или кончают жизнь самоубийством. Многие попадают в психбольницы и тюрьмы. И все становятся убийцами... это проклятие заставляет... делает нас такими. Оно убивает вокруг нас и делает так, чтобы убивали и мы... Оно притягивает других убийц, чтобы они тоже его питали через нас... Поэтому нельзя, чтобы рядом с нами долго находились другие люди... они погибают. И попадают в этот черный туман. Там же находятся и все из нашего рода, кто уже умер. Поэтому мы с мамой уехали. Чтобы спасти папу, тебя... Но, получается, что на тебя наше проклятие не действует? Если ты находился столько лет рядом с моей бабкой, Элен, потом — с мамой, и до сих пор живой и невредимый, значит, проклятие не может к тебе подобраться? И ведь рядом с мамой тоже почти никто не умирал. Сколько лет Куртни тоже прожила с ней. Выходит, ты отгоняешь это проклятие, не даешь ему убивать?

— Тогда почему Куртни все-таки умерла? — с горечью бросил Рэй.

— Я видел ее смерть... Я общался с ней после. Да, Рэй, я так умею. И мама теперь так может. Она и раньше могла, только ее дар слабее моего, и его все время еще больше ослаблял ты, а потом лисята. А когда ты их забрал, она сразу смогла. В лисятах этот свет еще слаб, он не может подавить мой дар и проклятие, ослабляет, но и только. В маме меньше дара и сил, ей их света достаточно. А вот ты... Ты намного сильнее лисят. Твой свет подавляет все, без остатка. Так вот, Куртни... Ее убило не наше проклятие. Она сама лишила себя жизни. Она не хотела так жить.

— Это бред! — Рэй подскочил. — Она и пальцем пошевелить не могла, как бы она лишила себя жизни?

— Она попросила папу.

— Что? — голос у Рэя вдруг пропал.

— Он не хотел это делать. Он любил ее. Но она так просила... Он не мог ей отказать. Он был перед ней виноват.

— Виноват? В чем?

Патрик отвел глаза, промолчал.

— Я теперь понял... все понял. Я думал раньше, что Куртни убило наше проклятие. И мама так всегда думала. Но это не так. Это твой дар... твой свет. Он тебя защищает. Он отвел удар от тебя, и он попал в Куртни. Она мне говорила, что умерла вместо тебя. Отдала свою жизнь, чтобы ты жил. Тогда я не мог понять, что она имела ввиду. А теперь понял.

— А я не понял. Что это значит?

— Я расскажу тебе. Но пообещай, что не будешь сердиться. Куртни простила папу, она не сердится на него.

— Что ты хочешь сказать? Что это он подстроил аварию? Я помню... Кэрол вела себя странно, что-то говорила про мою машину, чтобы я не садился в нее, чтобы проверил ее... Так это он? Он вывел машину из строя, чтобы я разбился?

— Да. Но ты не должен на него сердиться. Он боялся, что ты отобьешь у него маму. После этого Куртни взяла с него слово, что он не тронет тебя. И он держит свое слово, несмотря на то, что ненавидит тебя. Он раскаивается, он очень страдал... Он любил ее.

Рэй с недоверием смотрел на него.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же говорю, у меня дар. Я могу видеть смерть. Которая была или будет. Могу призывать мертвых, говорить с ними. И мама может, когда ей не мешает свет, твой или лисят. Значит, мы можем находиться с тобой, ты защищаешь нас и тех, кто рядом от проклятия. Но при этом и ослабляешь наш дар. Единственная опасность, которая может грозить — это опасность, грозящая тебе. Она отрекошетит от тебя и попадет в кого-то, кто рядом. Раньше случалось, чтобы кто-то еще умирал в твоей жизни, кроме Куртни?

— Нет. Разве что моя мама. Но она умерла от рака, мне так говорили.

— Значит, это случилось первый раз. Выходит, случайные опасности твой дар сам от тебя отводит, а прямую угрозу, как попытку тебя убить, которую отвести невозможно, просто отбивает, как мяч... Как невозможно остановить уже выпущенную пулю, остается только поставить щит... Да, наверное, это что-то вроде щита, как думаешь? И тогда уже выпущенная пуля отскакивает и может попасть в того, кто рядом, — размышлял Патрик, сосредоточенно морщась. — Как ты думаешь, я прав?

Рэй передернул плечами.

— Ты мне не веришь, — с досадой проговорил Патрик.

— Прости, Рик. Но ты говоришь такие вещи, что создается впечатление, что ты просто прикалываешься.

— Если бы ты не блокировал меня своим светом, я бы доказал тебе прямо сейчас! Позвал бы Куртни, и ты бы смог с ней поговорить через меня. Как мама разговаривала с Мэттом, пока сама не смогла его увидеть. Тогда бы ты поверил. Ты можешь этот свой свет... выключить, что ли? Тогда я бы тебе сразу показал, что я могу! Я могу призывать всех мертвых, не только тех, кто в тумане. Я мог бы позвать твою маму. Мы могли бы у нее узнать о твоём отце. Наверное, твой свет перешел к тебе от него, как лисят от тебя. Тогда мы могли бы разыскать его и все расспросить. Может, он что-то об этом знает. А если нет, я мог бы спрашивать мертвых. Мог бы поискать тех, кто знает, призвать того, кто знает. Мертвые знают намного больше, чем живые.

— Как ты это делаешь?

Патрик пожал плечом

— Они слышат меня. И видят, когда приходят. И я их вижу.

— Это как-то... страшно, что ли.

— Ничего не страшно. Мертвые безобидны. Среди них бывают злые, но они ничего не могут мне сделать. Поэтому я их не боюсь. Мне стоит только приказать, и они уйдут. Они не могут мне воспротивиться, это мой дар. Какая-то власть над ними.

— А что еще ты можешь?

— Ну... на самом деле, я пока мало могу. Помимо общения с мертвыми, у могу видеть смерть, бывшую или будущую... где, когда, как...

— Получается, твой дар связан только со смертью? Все, что с ней не связано, ты не

видишь?

— Ну... в общем, да. Но я могу, мой дар только развивается, он растет. Так сказал Луи. Он видит не только смерть. Он может видеть нас... живых из своего рода, общаться с нами. Может видеть не только то, что связано со смертью. Это он мне подсказал, где мама. А я сам не смог ее увидеть... все, что я мог — это знать, что она еще не умерла. Я не увидел грозящую ей опасность, потому что она не влекла за собой смерть... Когда она пошла к Нолу и Иссе... ну, еще когда они за мной охотились, я тоже ничего не видел. Да, я вижу опасность только смертельную. Другую пока не вижу. Но я научусь. Луи сказал, что во мне большая сила. Что я стану его приемником. Самым главным среди таких, как мы. Только из-за тебя я опять не могу с ним связаться, и он не может ко мне пробиться! Рэй, в тебе охренительная сила, я хочу тебе сказать! Даже Луи не может ее одолеть! А когда он пытается это сделать, она его жжет, делает больно. Странно, почему ему больно, а мне — нет? Хотя я вот, совсем рядом с тобой.

— Может, потому что в нем больше всего этого непонятого темного дерьма, чем в тебе пока? Или ты типа привык, ведь ты с рождения рядом со мной был, — предположил Рэй.

— Может, я не знаю, — мальчик пожал плечами. — Ты не причиняешь мне боль. Наоборот, мне хорошо, когда ты рядом. Всегда было хорошо. Я не могу это объяснить. А что чувствуешь ты?

— Я не знаю. Ничего необычного.

— Но, я думаю, ты должен чувствовать что-нибудь необычное рядом со мной и мамой. Неужели ты не ощущаешь наше проклятие, нашу тьму?

Рэй пожал широкими плечами.

— Я ощущаю тьму без вас. И пустоту, и тоску. Одиночество. Мне без вас плохо. Очень. Вы — смысл моей жизни. Ну, и лисята, естественно.

— Мама передал им дар. Но проклятие их не коснулось. Они чистые. Так сказал Луи. Это впервые в нашем роду, чтобы проклятие не передалось. Твой свет их защитил. Получается, в них теперь два дара — и твой, и мамин. Интересно, как они уживутся в них вместе, к чему это приведет? Если твой свет блокирует дар, может, и в них он его подавит?

— Ты меня спрашиваешь? Рик, я ничего об этом не знаю. И вообще... ты говоришь мне невероятные вещи.

— Ты мне не веришь. Как папа не верит. И я не могу доказать ни тебе, ни ему, потому что ты меня блокируешь. Но мне поверили Исса и Нол. Им я смог доказать.

— Как?

— Я им рассказал обо всех, кого они когда-то убили. Как это было и когда. Но они поверили еще до этого, потому что я узнавал об их планах убить папу и мешал. Они поверили, потому что понимали, что я никак не мог это узнать заранее. Никаким естественным способом. И тебе бы я доказал. Я бы позвал Куртни, и попросил ее рассказать о таких вещах, которые бы знали только ты и она, и никто другой. О которых бы я не мог узнать. Тогда бы ты поверил. Поверил бы?

— Ну... да. Конечно.

Пока разговаривали, они не заметили, что у приоткрытой двери стояла Дженни и слушала. Когда Рэй, поцеловав мальчика в лоб, собрался уходить, она потихоньку ушла в свою комнату.

— Рэй! — окликнул Парик, когда тот уже был у двери. Рэй обернулся.

— Спасибо тебе. За то, что спас Дженни и что не отказал сейчас, согласился ее забрать.

Спасибо.

Рэй улыбнулся и кивнул.

— Мы с мамой любим тебя. Очень любим. Пусть ты не ее муж и не мой папа, но ты все равно член нашей семьи. Не меньше, чем папа. Мне жаль, что ты не можешь любить ее как сестру. Так было бы проще, намного проще. Тогда бы папа не возражал, чтобы ты был в нашей семье, как дядя Шон. Может, ты все-таки сможешь? Ты же можешь найти себе какую захочешь девушку, самую красивую. Ты такой красивый, богатый, нравишься женщинам. Тебе раз плюнуть. Ну на что тебе мама? Найди себе красивее ее, и тогда забудешь ее. Женишься на другой, и тогда папа перестанет ревновать.

На губах Рэя мелькнула печальная улыбка.

— Но ты хотя бы попробуй!

— Думаешь, я не пробовал?

— И что? Не помогло, совсем? Даже ни капельки?

Опустив глаза, Рэй слегка качнул головой. В этот момент он показался Патрику таким грустным, каким никогда он его еще не видел, и мальчику вдруг стало его жалко. Он растерялся, открыл рот, желая что-нибудь сказать, но так и не придумал, что, а Рэй, так и не подняв глаз, отвернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Приподнявшись на локте, Патрик уставился на закрытую дверь. Потом с тяжелым громкий вздохом откинулся на подушку. Похоже, у мамы был еще один дар — если уж пролезла в мужское сердце, то осесть там замертво, так, что ничем и никем не вытолкаешь. Это плохо. И любовь такая — тоже плохо. От плохой и ненужной любви нужно избавляться, как бы тяжело не было это сделать. Повернувшись на бок, Патрик решил для себя, что никогда так не привяжется ни к одной девушке. Никогда не будет вот так сохнуть по той, которой не нужен, любить безответно. Никогда.

А Рэю нужно как-то помочь. Бедный Рэй! Надо его излечить, сделать так, чтобы он перестал страдать. А он страдал, был несчастен, Патрик это сейчас понял, увидел, почувствовал. Надо же, в нем столько света, который способен защищать его и всех, кто рядом, это свет сохранял его здоровье и молодость, согревал всех вокруг него, но не его самого. Не мог наполнить его своим теплом, которое так отчетливо ощущал Патрик, не мог сделать его счастливым, изгнать тоску и боль из его сердца, ненужную любовь, которая отравляла его изнутри, превратившись в болезнь. Этот свет мог оберегать только его тело. И был не властен над его душой, чувствами, сердцем. Они оставались беззащитны и уязвимы. И мама, словно вампирша, впиалась замертво в его уязвимое сердце, душу, и пьет из них его силу... Как до этого делала ее мать. Как хочется делать это и ему, Патрику. Впитывать в себя его тепло, его согревающий свет, наполняться его силой, отгоняя от себя тьму, обретая защиту...

Патрик резко сел. А может, так и есть? Может, они на самом деле что-то типа вампиров, паразитов, и потому их так тянет к Рэю, к его свету? И он не может этому противиться, тому, что они каким-то образом его притягивают, впиваются и никогда уже не отпускают? И они сосут из него этот свет, его силу, его тело остается неуязвимым, а душа иссыхает, истощается... Отсюда и его боль, страдания, тоска и чувство постоянного одиночества и безысходности? Это они делают с ним. Убивают его изнутри, там, где он беззащитен. Если их не будет рядом, ему будет легче? Нет, он сам сказал, что ему без них очень плохо. Без них ему хуже, чем когда они рядом. Что это значит? Ведь наоборот, ему должно было стать легче, он должен был излечиться, когда они уехали. Но он не излечился.

Он не забыл маму. Так может, они тогда никакие не вампиры? Может, они наоборот должны быть рядом, чтобы он перестал болеть и страдать? Может, он нуждался в их тьме не меньше, чем они в его свете?

Вскочив, Патрик выбежал из комнаты и помчался искать Рэя. Тот лежал на кушетке в гостиной, смотря телевизор.

— Рэй! Скажи мне, что ты чувствуешь? Когда мы с тобой и когда — нет?

Рэй сел, изумленно смотря на него расширившимися глазами. Потом положил локоть на согнутую коленку и озадачено потрепал густые золотистые волосы, пытаясь не показать своего недоумения и непонимания происходящего.

— Все просто. Вы со мной — мне хорошо. Вас нет — мне плохо. Вот и все. А почему ты задаешь мне такие вопросы?

— Так надо. Я хочу понять. Мы связаны, я чувствую это, но я не понимаю, что это связь означает, что она собой несет — вред или пользу.

— Ну уж никак не вред. Вред несет только то, что вы не хотите быть со мной. Твоя мама, ты — вы мои, и только мои. Твоя мама должна быть со мной, только со мной. Я всегда это знал. И ей говорил. Только она никогда не слушала, не верила. Она будет несчастна, пока не придет ко мне. И я — тоже. Мы должны уехать, все вместе. И только тогда станет все хорошо. Я ей предложил, но она не хочет. Опять упирается. Она никогда меня не слушала. Никогда.

— Но она любит папу... И она не может вот так все бросить и уехать. Тогда Нол убьет папу. Чтобы он его не убил, она должна его остановить, как уже остановила однажды.

— Так вот в чем дело? Она с ним спит, чтобы он не прикончил Джека?

— Она с ним не спит! Но в остальном ты прав. Она с ним из-за этого.

«Так пусть прикончит, только лучше станет», — подумал Рэй, но вслух не сказал.

— Так может Нол уже мертв?

— Может. Я не чувствую. Ты мне не даешь, — буркнул Патрик.

— А если он мертв? Тогда мы сможем уехать? Я, мама, ты, лисята и Дженни? Я буду защищать вас своим светом, вы избавитесь от своего проклятия, забудете обо все плохом... Мы сможем быть, наконец-то, счастливы!

— Ты — может быть. Но не мама. Потому что она любит папу. И я его люблю. Мы хотим быть с ним. И мы сможем. Мне только нужно научиться его защищать от нашего проклятия.

— Это ты хочешь быть с ним, а она давно уже не хочет! — резче, чем хотел бы, сказал Рэй, не справившись с эмоциями. — Она любила его, не спорю, но он уничтожил ее любовь. Как уничтожает все, что попадаетеся ему под ноги. Все топчет. И ее растоптал. И продолжает топтать. Ты сам разве не видишь? Не видишь, что происходит между ними? Какая любовь — да они давно уже ненавидят друг друга! Он не простит твоей маме то, как она с ним поступила. Мы должны забрать ее и увезти от него подальше, пока не поздно. Иначе он ее погубит. Я всегда это знал! Знал и ей говорил, что ей нужно держаться от него подальше, что он ее погубит, а она не слушала. И ты не слушаешь! А может быть стоит послушать, хоть раз в жизни? Сколько раз еще она готова расшибить лоб, сколько еще раз ей нужно убедиться, что я оказался прав, прежде чем она прислушается ко мне?

— Папа любит ее... он никогда ей не навредит, не сделает ничего плохого. Да, сейчас он сердится. И мама сердится... но это не значит, что они больше не любят друг друга. Любят. Еще как любят. Они успокоятся, все это пройдет. Они помирятся.

— Нет, Рик. Послушай меня, хотя бы ты послушай. Если любишь маму, ты должен ее спасти. Должен помочь мне ее спасти.

— И как это? Увезти от папы, чтобы она была с тобой? Ты что, за дурака меня держишь? Думаешь, я вот так запросто на это поведусь? С моей мамой будет все в порядке. Ее не нужно спасать от папы.

— Нужно. Ты должен мне поверить. Сейчас. Потому что потом будет поздно. Ни ты, ни я никогда не простим себе, если не убереем ее...

— Хватит, Рэй! Прекрати! Ты меня начинаешь злить. Опять. А я только начал переставать на тебя злиться. Не заводи меня снова. Мама не твоя. И не будет. Она принадлежит папе, и так будет всегда. И не лезь между ними снова, никогда. Иначе я сам...

— Что — сам? — тихо спросил Рэй, когда мальчик осекся и замолчал.

— Я не хочу тебя ненавидеть, Рэй. Не вынуждай меня. Не становись моим врагом. Я разберусь во всем. Я найду способ, как тебе помочь, вылечить тебя от твоей любви к маме. Разберусь, почему тебя так к ней тянет, почему не можешь ее забыть... и помогу тебе. Вот увидишь.

— В чем тут разбираться, малыш? Это просто любовь. Самая обыкновенная любовь к женщине. И никто еще не придумал, как вылечиться от любви... Она либо сама проходит, либо нет. Других вариантов нет. Придет время, ты сам поймешь.

— Значит, сделаем так, чтобы она прошла, — упрямо отозвался Патрик. — И ты сможешь полюбить другую, женишься, а мама станет тебе как сестра. И все будут счастливы.

Некоторое время Рэй молчал, смотря на него задумчивым грустным взглядом.

— Ладно, Рик, давай спать, — примирительным тоном проговорил он. — Я устал. Все будет хорошо.

Мальчик кивнул и вернулся в свою комнату. Они чуть снова не поссорились с Рэем, а он этого не хотел. Несмотря ни на что, он любил его всем своим мальчишеским сердцем. Он хотел понять его, оправдать перед собой, чтобы не потерять. В его жизни и так было слишком мало тех, кого он мог любить. Как и мама, он обречен всех терять. Отказаться от тех, кого любил. Дедушки, папы... Да, он научится, как уберечь их от проклятия, но это будет потом, а сейчас, пока он этого не умеет, им с мамой придется снова их оставить. Рэй и лисята были единственные, кому они не могли навредить. И Рэй занимал в его сердце, в его жизни слишком много места, чтобы можно было его оттуда вырвать без труда и боли. Нет, так не получится. И Рик этого не хотел. Рэй всегда был в его жизни. И жизни, в которой бы его не было, Патрик себе даже не представлял.

Дженни, приоткрыв дверь своей комнаты, прислушивалась к их разговору в гостиной. Она понимала, что подслушивать нехорошо, но с этими людьми теперь была связана ее жизнь, с людьми, о которых она ничего не знала. Она теперь в их власти, и она должна была знать. Патрик нравился ей, и раньше он никогда не казался ей странным, каким показался сейчас. Их разговор о каком-то даре и проклятии привел ее в полное замешательство. И напугал. Что бы это все значило? Патрик совсем не походил на мальчика, у которого с головой не все в порядке. Да и Кэрол тоже. Неужели то, о чем он говорил — правда? Дженни затруднялась понять, верит ли она в такие вещи или нет. Никогда раньше она не сталкивалась ни с чем мистическим и сверхъестественным. Ее тетя была глубоко верующей, верила в Бога и дьявола, в рай, ад, грехи, наказания и во все, тому подобное. Суеверия тоже занимали далеко не последнее место в жизни ее тети. Услышав о том, как отнеслась тетя к

тому, что ей пересадили чужое сердце, девочка не удивилась. Тетя уже давно сама высказала ей свое отношение и мнение о пересадке сердца еще задолго до операции. Дженни знала, что тетя поверила бы и в проклятие, и в дар. Она верила в такие вещи, не сомневаясь, что все это существует. Как духи, загробный мир, тьма и зло, как в самих людях, так и вокруг. Дженни стало ужасно любопытно. Она решила подробно расспросить обо всем Патрика и саму Кэрол. Хотя она вполне допускала, что все это может оказаться всего лишь фантазией мальчика. И это совсем не означает, что он при этом больной на голову. Многие дети любят фантазировать. Ее младшие братик и сестренка чего только не выдумывали в своих играх!

Их подслушанных разговоров Дженни узнала много чего интересного. Например то, что Рэй, оказывается, любит Кэрол. Это тоже удивило девочку, она почему-то думала, что он ее брат. Ей, конечно, никто об этом не говорил, но раз он был дядей Патрика, как он его называл, Дженни посчитала, что он брат его матери. Это логично. Но оказалось, что нет. Тогда кто же он? Патрик сказал, он воспитал Кэрол. В этом Дженни тоже хотела разобраться. Она спросит обо всем у Патрика.

Сам Рэй ей понравился. Даже очень. Он был необыкновенно приятным человеком. А как мужчина — очень обаятельным и красивым. Дженни таких никогда раньше не видела. Она так и не поняла, сколько ему лет. На вид ему было около тридцати пяти, но по его взгляду Дженни показалось, что он старше. Он должен быть старше, если забрал Кэрол и воспитал ее. Патрик сказал, что он не стареет из-за какого-то света. Дженни ничего не поняла, но собиралась расспросить и об этом. Хотя, судя по услышанному, Патрик сам еще не очень понимал, что это такое.

Все эти непонятные разговоры встревожили ее, но зато страх перед мужчиной, с которым ей предстояло пока жить, почти исчез. Она робела и стеснялась, но уже не боялась его. В его взгляде, когда он смотрел на нее, не было ничего, что могло бы вызвать тревогу. Они еще мало пообщались, он расспрашивал ее о самочувствии, о здоровье, о том, что теперь нужно делать, как заботиться о ее здоровье, какие лекарства купить. Похоже, этот вопрос его беспокоил больше всего. Дженни поняла, что он боялся возложенной на него ответственности за ее здоровье, за ее жизнь. С одной стороны, ей было приятно беспокойство этого совершенно чужого ей человека, который с такой готовностью собрался о ней заботиться, но с другой стороны... С другой стороны ей хотелось быть просто девушкой, нормальной, полноценной, чтобы ее не воспринимали, как больного ребенка, с которым нужно носиться, как с писанной торбой, пылинки сдувать и трястись от страха за ее сердце. Да, так было всегда, она к этому привыкла, и так от этого устала. Ей хотелось, чтобы все забыли о том, что с ней что-то не так. Она хотела быть, как все. И чтобы мужчина, смотря на нее, думал не о том, какие лекарства ей нужны, видел бы молодую и красивую девушку, а не неполноценную и больную. Дженни решила, что в своей новой жизни никому не будет рассказывать о своем сердце, об операции, о том, что болела. А тех, кто знает, попросит никому не говорить.

Она знала, что это Рэй дал денег ей на операцию, и поблагодарила его за это. Она подумала о том, что человек, бескорыстно выложивший такую сумму для абсолютно чужого ребенка, которого даже в глаза не видел, не может быть плохим. Но тут же коварная мысль заползла ей в голову... а вдруг не бескорыстно? Может, потому она сейчас едет жить к нему, чтобы «расплатиться» за его помощь? Дженни отогнала от себя эту нелепую догадку. Нет, только не этот мужчина. Такому это без надобности. Он богат и красив, он может и так без труда найти себе кого захочет, даже малолетку, если таковых предпочитает. И для этого

совсем без надобности выкладывать такие огромные деньги, чтобы выгадать с того света большую и немощную, которая в любой момент может туда отправиться. Зачем? Вокруг столько молодых, здоровых и красивых, которые сами за ним побегут, стоит ему только захотеть.

Успокоив себя таким образом, Дженни закрыла глаза, представляя, как завтра они полетят в Сан-Франциско. Она никогда не летала на самолете. Не была в Калифорнии. Там тепло. У Рэя большой красивый дом, с бассейном и теннисным кортом. Для нее там уже готовят комнату. Там живет добрейшая старушка Дороти, которая готовит лучше всех в мире. Там малыши и их няня. Так рассказывал ей Патрик, живописуя ей красочные картины сказочной жизни, которая ее ждет. И Дженни с трепещущим сердцем все это пыталась представить и поверить в эту сказку. Почему бы и нет? Чудеса случаются. С ней уже случилось чудо. В последний момент из ниоткуда появилась Кэрол и спасла ее. Почему же не может произойти еще одно чудо, и ее новая жизнь станет прекрасной и счастливой?

Дженни постепенно погрузилась в сон, чувствуя, что в ее новом сердце вновь загорелась надежда.

Кэрол спала, когда раздался робкий стук в дверь.

— Да? — отозвалась она, приподнимаясь на локте.

На пороге появилась Нора, что удивило Кэрол. Домработница предпочитала не показываться ей на глаза. Кэрол чувствовала в ней страх, и это ее забавляло.

— К вам пришли, — объявила Нора, развеселив Кэрол своим подчеркнuto почтительным тоном.

— Кто?

— Она представилась, как Дебора Свон.

Кэрол нахмурилась. Поднявшись с постели, она поправила длинный шелковый пеньюар. Что нужно Свон? Пришла предложить свою помощь или предъявить претензии к тому, что нарушила слово и вернулась в город? Кэрол чувствовала, что ничего хорошего от этого визита ждать не стоит.

— Джек дома? — спросила она у Норы.

— Нет, еще не приезжал.

— Тогда проводи ее в его кабинет, я там с ней поговорю.

Кивнув, Нора удалилась.

Вздохнув, Кэрол подошла к зеркалу и, взяв расческу, причесалась. Под пеньюаром не были видны следы ее побоев, поэтому она не стала переодеваться, изменив своей привычке не выходить из спальни в таком виде. Она плохо себя чувствовала, все тело болело, в синяках, ссадинах и открывшихся после побоев ремнем ранах, и все это отбивало в ней всякое желание переодеваться.

Обувшись, она вышла из спальни и спустилась вниз.

— В кабинет что-нибудь подать? Может, кофе? — услышала она голос Норы, и с удивлением отыскала ее взглядом. Та стояла под лестницей, смиренно сложив руки на животе, как идеальная прислуга. Кэрол усмехнулась про себя, поражаясь такой перемене в ней. Надо же, почтения от этой женщины можно было, оказывается, добиться только, внушив ей страх.

Молча кивнув ей, Кэрол направилась в кабинет. Поведение Норы не вводило ее в заблуждение. Она знала, чувствовала и видела, что та по прежнему ее ненавидит, считает психопаткой, а потому просто боится спровоцировать на агрессию, оттого и весь этот цирк. И Кэрол на самом деле не собиралась ей больше ничего спускать, даже неуважительного отношения. Пусть держит при себе свои эмоции, они никого не интересуют, и знает свое место. Иначе она своими руками ткнет ее мордой в это место. Ткнет так, что размажет по этому месту ее кровь, чтобы раз и навсегда его запомнила.

— Если будешь подслушивать под дверью, я тебе уши отрежу, поняла? — обернувшись, окликнула ее Кэрол. Сжав плечи, та кивнула, поспешно удаляясь. Кэрол проводила ее злым взглядом. Ей вовсе не хотелось, чтобы эта стерва передала Джеку ее разговор с Деборой, о чем бы он ни был. Ничего из того, что она могла обсуждать с Деборой, не должно было дойти до Джека. Особенно то, что Рэй или Касевес были в курсе того, что она не погибла в аварии. С Касевесом Кэрол еще не виделась, он находился в санатории на лечении, но вскоре должен был уже вернуться. Кэрол с нетерпением ждала этого. Ей так хотелось увидеться со старым другом.

Войдя в кабинет Джека, Кэрол плотно прикрыла за собой дверь. И встретила с холодным враждебным взглядом Деборы Свон, расположившейся в кресле напротив стола.

— Прийти сюда — очень плохая идея, — проговорила Кэрол, подходя к ней, и опустилась в кресло рядом. Закинув ногу на ногу, она поправила соскользнувшие полы пеньюара и подняла на Дебору твердый прямой взгляд. Было время, когда она не могла выдерживать такие прямые взгляды, глаза в глаза, но то было раньше, когда она думала, что ей есть, что скрывать и чего стыдиться перед людьми. Теперь она так не считала. Теперь ей было наплевать.

— Плохая идея — это вернуться, Кэрол, — парировала Свон резко.

— Я не возвращалась. Меня вернули, силой и против моей воли.

— Джек нашел тебя? Но как? Как ты могла попасться? Мы все сделали, чтобы помочь тебе, а ты все равно все провалила! Неужели так тяжело было сидеть тихо и не высовываться? — Свон вцепилась пальцами в подлокотники, розовея от гнева и не в силах справиться с эмоциями.

— Я так и делала! Я не поняла, ты в чем меня упрекаешь? К чему этот наезд? Я не попадалась, меня ему выдали, поняла? Думаешь, меня это радует? Посмотри, как я радуюсь, оказавшись в руках Джека! — подскочив, Кэрол торопливо развязала пояс и распахнула пеньюар, без всякого смущения продемонстрировав обнаженное тело, на котором под халатом были только трусики.

Дебора пораженно уставилась на ее тело.

— Боже... чем это он тебя так?

— Ремнем, — Кэрол фыркнула, запахивая халат и нервными движениями завязывая пояс.

— Вот зверь!

Казалось, Дебора растерялась после увиденного. Замолчав, она некоторое время задумчиво сидела в кресле. Кэрол тоже молчала.

— Что собираешься делать? — наконец, прервала молчание Дебора, снова посмотрев на нее.

— Я пока не знаю. Что я могу сделать? Ты видела, какая теперь охрана?

Дебора кивнула.

— А Джек? Что собирается делать он?

— Думаю, он планирует от меня избавиться так, чтобы перед Патриком не запачкаться.

И чтобы он остался с ним.

— Это как же?

— Отправит меня в дурдом. Навсегда. Так что можешь расслабиться. Оттуда я уже не вернусь.

— Почему ты так решила?

— Он сам мне это сказал. Но я и так это знаю. Он ненавидит меня. Он не убил меня только из-за Патрика. Он никогда не простит меня.

— Откуда ты знаешь? Может, простит. Он же забрал тебя, привез сюда, объявил, что ты жива. Даже историю сочинил, где ты была все это время. Побушует, да успокоится. Он же, как вроде, любит тебя.

— Не любит. И вряд ли любил. Я просто была подходящей женой, удобной для него. Раньше. Теперь нет. Такая, как сейчас, я его не устраиваю. Ему нужна была та Кэрол, послушная и любящая, но той Кэрол больше нет и никогда не будет. Поэтому он от меня избавится. Психушка — идеальный вариант. Разводиться не надо, и у сына не будет возможности уйти со мной. Так что подожди немного, и ты от меня избавишься раз и навсегда.

Дебора нервно постукивала пальцами по деревянному подлокотнику.

— А что же не избавляется? Чего ждет?

Кэрол опустила взгляд.

— Не наигрался еще. Как надоем, сразу избавится, — тихо ответила она.

Дебора молча изучала ее взглядом.

— Нет, что-то мне в это не верится. Он любит тебя, я не дура, я видела, наблюдала за ним все время, как ты уехала. Он может тебя поугубить, может на самом деле отправить в психушку, как грозит, но только чтобы приструнить, не навсегда. Нет. Он простит тебя. И заставит жить с ним дальше.

— Дебора, есть кое что, чего он мне не простит никогда. Другой мужчина. Да, Дебора, там, в той моей жизни, у меня был мужчина, и Джек об этом знает.

— Кто? — выдохнула Дебора удивленно.

— Какая разница? Ты его все равно не знаешь.

— И ты его любишь?

— Ну... скажем так — он мне очень нравится. И наши отношения меня вполне устраивали.

— А Рэй... он об этом знает?

Кэрол кивнула.

— Так что, Деб, не переживай, возобновлять отношения с Рэем я не собираюсь. Я с ним и не вижусь. Один раз только навестила, и то, только чтобы взглянуть на его детей. Интересно стало.

— Его детей? — Дебора прищурилась и недобро ухмыльнулась. — Ваших детей. Кэрол, я все знаю. И даже не пытайся отрицать. И вот что я тебе скажу по этому поводу. Это мне не нравится. Очень не нравится. А еще мне все надоело. Он и так не мог тебя забыть, теперь еще эти дети. С меня хватит.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Кэрол.

— То, что мне надоело быть такой доброй. Моей добротой и ты, и он жопу подтираете.

Он меня просто использует, делая вид, что не замечает моей любви. Ты обещала никогда не возвращаться в его жизнь, а сама родила от него детей! Зачем? Если ты не собиралась быть с ним, зачем рожала? Мне противно видеть, как он радуется, как возится с ними, как горят снова его глаза! Я больше не могу! Не могу больше плакать и выть по ночам! Я пыталась справиться со своими чувствами, но я не могу! Не могу! И выносить это все больше тоже не могу! Я люблю его! И я хочу, чтобы он, наконец-то стал моим! И он станет! Я хочу, чтобы он на мне женился. А если он этого не сделает, я расскажу Рэндэлу о вас и о том, что это ваши дети.

Кэрол застыла в кресле, ни жива, ни мертва.

— Если ты расскажешь об этом Джеку, он убьет Рэя.

— Пусть убьет! Я буду плакать и страдать, ну и что, я и сейчас это делаю! Я не отдам его другой, ни тебе, ни кому-то еще! Или он будет моим, или ничьим! Лучше я буду его оплакивать и ходить на его могилу, чем видеть его с другой женщиной... видеть, как он любит другую, как радуется ее детям!

— Но, заставив его на себе жениться, ты не заставишь его себя полюбить. Наоборот, он может возненавидеть тебя.

— Его равнодушие или ненависть — какая разница? Я знаю, что он не полюбит меня. Это я уже поняла. Я не в его вкусе. Ему надо молодую, красивую... с большими красивыми сиськами и классной фигурой... которая не портится даже после беременности и родов, — Дебора с ненавистью окинула Кэрол с головы до ног горящим взглядом. Та с досадой подумала о том, что зря распахнула перед ней халат, Дебора, у ее удивлению, обратила внимание не только на ее синяки. Впервые Кэрол видела Дебору такой, потерявшей над собой контроль. Она не могла больше скрывать свои чувства, даже прущую из нее жгучую злобную зависть.

— Все мужчины просто самцы! Им ничего не нужно, все липнут, высунув языки и истекая слюной, к таким же самкам, красивое личико, красивое тело — и ничего больше не нужно! Больше ничего они видеть не хотят! Потому что у них нет мозгов, ими управляют их яйца! — чуть ли не брызжа слюной рычала Дебора, вцепившись побелевшими пальцами в кресло. — Ненавижу их... всегда ненавидела! И таких сучек, как ты, ненавижу!

Кэрол спокойно смотрела на нее. Взгляд ее стал ледяным.

— Хочет — не хочет, он будет моим! И пусть только посмеет повернуть свой нос в сторону какой-нибудь сучки — и я его уничтожу! Чтобы твоих мелких ублюдков и рядом с ним не было, поняла? Иначе я своими руками их придушу, клянусь! Сгинь, тварь, сгинь уже наконец, вместе со своими ублюдками!

Наклонившись, она схватила Кэрол за руку.

— Ты сделаешь то, что я тебе скажу, поняла? Ты сама с ним поговоришь! И ты сделаешь так, чтобы он не мне женился! Мне не интересно, как ты это сделаешь! Можешь сказать про мои угрозы, мне теперь все равно!

— Я не буду с ним об этом говорить. И тебе не советую. Приди в себя, Дебора! Ты несешь полную чушь!

— Тогда я сама ему все скажу! И он женится на мне, у него нет выбора! Если не ради себя самого, то ради тебя и ваших ублюдков, чтобы Джек ничего не узнал. А он узнает, если Рэй откажется, клянусь! И тогда сдохните, все сдохните, а я посмеюсь и плюну на ваши могилы! А если у Рэндэла кишка будет тонка раздавить ваших ублюдков, я сама это сделаю! Так что лучше тебе все-таки его уговорить, ради своих детей!

Кэрол резко подскочила, бросившись на нее с такой быстротой, что Дебора и понять ничего не успела, как та схватила ее за волосы и с силой рванула, срывая ее с кресла. Дебора с криком упала на колени. Кэрол, вцепившись в нее мертвой хваткой, потащила ее за волосы к двери. Дебора, спотыкаясь, сумела встать с колен и, согнувшись, попыталась вырваться. Кэрол, чтобы подавить ее сопротивление, дотащив ее до двери, ударила об нее ее головой. Потом еще раз.

Дебора снова закричала.

— Отпусти меня! Что ты делаешь?

— Вон! — завопила Кэрол, выгаскивая ее из кабинета и таща за волосы к выходу. — Пошла отсюда, гнида паршивая! И только попробуй открыть свой рот, хоть что-то попробуй сделать — я убью тебя, тварь! Убью!

— Помогите! Помогите! — закричала Дебора, расслышав чьи-то торопливые шаги. Она не могла видеть, кто это был, Кэрол не позволяла ей выпрямиться.

Но Кэрол увидела Нору и прорычала ей.

— Не лезь!

Но в холл уже вбежали Хок и Шон и ошеломленно застыли, пораженные увиденным.

Кэрол тем временем дотащила упирающуюся и вопящую женщину до входной двери и с силой толкнула ее на пол. Не устояв на ногах, Дебора растянулась на полу. Кэрол обернулась к Хоку.

— Вышвырни ее отсюда. И больше не пускать!

Пнув Дебору напоследок ногой, Кэрол плюнула в нее и развернувшись, быстро поднялась по лестнице, на ходу поправляя пеньюар, и скрылась в спальне.

Вернувшись домой, Джек молча выслушал рассказ Норы, потом Хока и Шона о том, что произошло, пока его не было, и, ничего на это не сказав, поднялся в спальню.

Кэрол полулежала в постели, уткнувшись в книгу, и даже взгляд не подняла, когда он вошел.

— Привет, — спокойно сказал Джек, задержав взгляд на оголенной длинной ноге, с которой соскользнул пеньюар. Кэрол не ответила, поправила халат, спрятав ногу, продолжая смотреть в книгу.

Отвернувшись, Джек снял пиджак и галстук и отправился в душ.

Опустив книгу, Кэрол долго грустно смотрела на приоткрытую дверь душа, гадая, что ему успели наговорить его прихвостни, и почему он такой спокойный. Неужели выходки жены-психопатки его больше не удивляют и не возмущают? Или это всего лишь затишье перед бурей?

Медленно Кэрол встала и, накинув на плечи плед, вышла на большой балкон.

Окна их просторной красивой спальни вместе с балконом выходили на океан. Кэрол любила смотреть на океан, любоваться закатом. Когда-то они делали это вместе. Джек любил океан, любил этот дом, который подарила им на свадьбу Куртни, не поскупившись на его мечту. И Кэрол любила, даже теперь, несмотря на то, что этот дом стал ее тюрьмой. Этот дом был наполнен самыми счастливыми годами ее жизни, ее любовью и счастьем. Она ощущала острую и невыносимую тоску по тем временам и тем чувствам. По той Кэрол, какой тогда была, по тому Джеку.

Сколько раз ей приходилось преодолевать искушение прикоснуться к нему, когда он спал рядом, погладить густые темные волосы, коснуться его губами, обнять, прижаться к нему со всех сил. Но ни разу она не поддавалась этому искушению. Когда он сам по привычке во сне обнимал ее, она не противилась, позволяя себе в такие моменты помечтать. Ведь она была уверена, что никогда этого не будет, что когда-нибудь они снова будут вместе. Но по сути они и не были «вместе», как раньше. Они спали в одной комнате, в одной постели, но никогда еще не были такими далекими, такими чужими. Кэрол не понимала, зачем он все это делает, зачем привез ее сюда и держит подле себя. Он ее ненавидел, это было очевидно. Не понимала, почему он не хочет просто ее отпустить. Из вредности, злобы и желания отомстить и наказать. Так она думала. И даже не сомневалась, что он так и сделает. А его злобная и агрессивная страсть, которой он ее безжалостно изводил, удивляла и заставляла недоумевать. И чем больше она ему противилась и сопротивлялась, тем сильнее он напирал. Он больше не бил, но все равно был груб, демонстрировал презрение и полное пренебрежение, как будто она была не женщиной, даже не человеком, а вещь, с которой он мог делать, что угодно. Это возмущало Кэрол, приводило в ярость, она отказывалась принять такое отношение, такое обращение, и сопротивлялась всему этому с не меньшей злостью и агрессией, чем у него. Ни разу она не отдалась ему добровольно, сопротивляясь изо всех сил. Ему приходилось драться с ней и пристегивать наручниками к спинке кровати, чтобы она ему не мешала. Бывали моменты, когда она с трудом сдерживалась от того, чтобы не расплакаться. Она видела, что ему нравится так с ней обращаться, нравилось ее ломать, унижать, в отместку за свое уязвленное самолюбие, демонстрировать ей ее беспомощность перед ним, свою власть над ней. И тем более нелепо выглядело, как после всего он,

пренебрежительно и равнодушно отвернувшись от нее, уснув, разворачивался во сне и с нежностью прижимал ее к себе, как раньше. И в такие моменты ей хотелось забыть обо всем и поддаться своим чувствам, тоже его обнять. Но она этого не делала. По крайней мере, пока не засыпала. Просыпались они почти всегда в объятиях друг друга, и тут же отодвигались друг от друга, делая вид, что этого не было. Бывало, что Джек даже грубо ее от себя отталкивал, как будто это она к нему сама прилипла, а он этого вовсе не хотел.

Они почти не разговаривали друг с другом. Он иногда делал попытки завести разговор, в основном, чтобы расспросить, как удалось ей сбежать и прятаться все это время, как жила и что с ней происходило. Его мучило любопытство, Кэрол видела это. Но она молчала, не отвечая на его вопросы. Его это злило. Как-то он даже начал расспрашивать ее о Тиме, как можно спокойнее, тщательно сдерживая эмоции, но не дождавшись от нее ответа, все-таки сорвался и грубо швырнул ее на кровать, с трудом подавив порыв ударить. Сев на нее сверху, он схватил ее за волосы и поднял к себе ее лицо.

— Любишь его? — едва слышно выдавил он, заглядывая в ее глаза.

Кэрол лишь стиснула челюсти, не отводя глаз и вызывающе выдерживая его взгляд. Тогда он стиснул ее горло.

— Отвечай! Или убью!

— Ну, убей, — почти равнодушно отозвалась она, даже не пытаясь защититься. Его пальцы ослабили хватку.

— Надо же, как быстро ты меня забыла! — с болью, которую не сумел скрыть, бросил он, отстраняясь. Кэрол села и отвернулась, ничего на это не ответив. Он молчал, смотря на нее.

— Ты меня больше не любишь? — прошептал он. — Хоть на это вопрос ты можешь мне ответить?

— Нет, Джек, не люблю, — твердо сказала Кэрол.

— Посмотри на меня.

Собрав в себе всю обиду и ненависть к нему, она обернулась, стараясь, чтобы только они и отразились в ее глазах. А он вдруг обнял ее и привлек к себе.

— А я люблю, — шепнул он и погладил ее по щеке, ласково, с нежностью. Потом наклонился и поцеловал, мягко, с чувством, как когда-то, когда между ними все было хорошо. И сердце Кэрол заняло от нестерпимой боли, а глаза защищали от слез. Оторвавшись от ее губ, он снова заглянул ей в глаза. И вдруг грубо оттолкнул.

— Ты врешь! Дура, с каких это пор ты себе возомнила, что можешь меня провести? Я тебе не этот сопляк, которому ты лапши на уши навешала! Он был уверен, что у вас любовь? Поверил, что ты меня больше не любишь? Вот идиот! А ты, не стыдно обманывать мальчика? Он и не понимает, что ты его просто пожалела, подобрала, никому не нужного, жизнью и женщинами обиженного уродца! Лучше бы морду ему исправила за те деньги, которые выложила за операцию этой девчонке! Не стыдно с таким встречаться? Привыкла уже к тому, что пальцем в тебя тычут?

Кэрол побледнела от ярости.

— Заткнись! Не трогай Тимми, слышишь! На себя посмотри, это ты урод, пусть не снаружи, но зато внутри! А с Тимми все в порядке, он нравится женщинам, нравится мне! И мне нравятся его шрамы, понял?

— Да ну? Что-то не верится. Когда трахалась с ним, глаза закрывала? Или ему морду прикрывала, чтобы не видно было красоту его? Кому из вас приходилось надевать мешок на

голову, как Кейт тогда мне в подвале надела? Или вы по очереди его надевали?

Он рассмеялся. Бледное лицо Кэрол начало медленно наливаясь кровью, глаза горели, с ненавистью испепеляя его взглядом.

— Ага, злишься! Значит, угадал! — он ткнул в нее пальцем и расхохотался.

Кэрол с силой ударила его в грудь руками, толкнув.

— А что, нормального любовника слабо было найти? Или никто не захотел? Потому и спугалась с тем, кто сам никому не нужен? И слепили себе из говна любовь! А что, если подумать, вполне подходящая парочка! Шлюшка из дешевого борделя и подзаборник с обезображенной мордой.

Кэрол застыла, смотря на него неподвижным взглядом.

— Теперь до меня дошло, почему меня постоянно спрашивают, как я мог на тебе жениться. И вправду — как я мог? На тебе?! На мрази, вылезшей из грязного притона, на которую люди плевали с отвращением, отворачивались, как от мусора, потому что даже от одного взгляда на нее уже появлялось ощущение, что запачкался. Мать и вправду умывала тебя в унитазе? Фу! — Джек с омерзением передернул плечами. — Если бы узнал об этом до того, как прикоснулся к тебе в первый раз, никогда бы этого не сделал! А ведь тот шофер, которого ты обслужила, был не единственный, признавайся! Были и другие, правда? Ты успела побывать настоящей проституткой, прежде чем Рэй тебя забрал! Что ты со мной сделала, дрянь? Где были мои глаза, моя голова? Я же знал, что ты все равно станешь такой же, как твоя мать! Шлюха, маньячка чертова, психопатка, убийца! Нет, чтобы быть благодарной, что я тебя взял, из говна вытащил, так нет же, свинья она и есть свинья, все равно обратно в грязь ползет. И все, что рядом выпачкает!

— Из говна меня вытащили Рэй и Куртни, а не ты, — тихо возразила Кэрол. И это было единственное, чему она возразила. На все остальное, что он сказал, она ничего не ответила, только опустила глаза, чтобы он не увидел ничего из того, что в них сейчас могло отразиться. А он внимательно наблюдал за ее реакцией, хорошо понимая, что значат его слова и что они сейчас с ней делают. Но она стойко это выносила, не подавая никакого вида, что его слова причиняют ей какую-либо боль. Притворялась, что ей все равно. Только Джек все равно знал, что это не так. Знал, что чем молчаливее была ее реакция, тем сильнее была ее боль. Все свои силы она собирала на то, чтобы выстоять, выдержать удар и скрыть свою боль, на то, чтобы немедленно дать сдачу сил у нее в такие моменты не оставалось. И, надо отдать ей должное, сносить удары она умела, даже не покачнувшись. Самообладание ее в такие моменты было поразительным. Джека это раздражало. Почему она не кинется на него с кулаками, как любила делать в последнее время, почему не спорит и не кричит, не оскорбляет и не бьет в ответ? Почему не молчала, когда он говорил о Тимми, защищала, не позволяя оскорблять? Почему умолкла, когда он прошелся по ней, не пытается что-то сказать в ответ, защититься? На самом деле Джек никогда так не думал, как сказал, он просто не смог преодолеть желание сделать ей больно, унижить, оскорбить. Ему хотелось ее растоптать, размазать, уничтожить, он не мог справиться со страшной ревностью, которая его одолевала, испытывал непреодолимую потребность выплеснуть все это из себя. Ему хотелось ее убить. Его приводило в ярость то, как остро он на это реагирует, бесила собственная боль и то, что не может ее преодолеть. Не может наплевать на эту сучку, перешагнуть через нее и ее предательство, пойти и найти себе другую женщину и забыть о неверной жене в ее объятиях. А ее вышвырнуть вон из своего дома, из своей жизни. Он злился, что, несмотря ни на что, продолжает ее любить, и собственные страдания были ему

противны, отвратительны... и сам он себе был отвратителен из-за того, что был таким слабаком. Он всегда считал отца жалким из-за того, что тот так и не забыл мать и не смог построить отношения с другой женщиной. А теперь досадовал на то, что и сам оказался таким же. Да, ему могли нравиться другие женщины, но ни одну из них он не хотел видеть рядом с собой постоянно, впустить в свой дом, сделать частью своей жизни. Всегда он держал женщин на расстоянии, на уровне постели, не пуская дальше, так было до встречи с Кэрол и после. Она стала исключением, почему именно она, Джек не знал. И он не мог вырвать эту любовь из своего сердца, как бы не старался, ни до женитьбы, ни после того, как она якобы погибла. И даже сейчас. Но сейчас в нем смешались два чувства, любовь и ненависть к ней, и эти чувства сводили его с ума, сжигая всего изнутри, и он метался между ними, пытаясь подавить любовь и отдавая предпочтение ненависти, надеясь с ее помощью избавиться от этой проклятой любви. Но у него не получалось. Интересно, после смерти матери отец освободился от своей привязанности к ней? Если умрет Кэрол, станет ли ему легче, избавится ли он от этой любви, сможет ли жить нормально? Если умрет по-настоящему, конечно, так, чтобы он был в этом уверен. Джек задавался этим вопросом, размышляя над тем, как избавиться от этой зависимости. От этой женщины, будь она проклята. Он знал, что будет больно, если она умрет, но может потом он успокоится и освободится? Но какие-либо решения он пока откладывал на потом, потому что сейчас не был к этому готов. Проблема была в том, что ему вовсе не хотелось от нее избавляться. Он боялся тех чувств, которые испытывал, когда ее не было рядом — тоски, одиночества и пустоты внутри, которую ничем не мог заполнить. И никем. С ее возвращением его жизнь снова стала полной, словно вернулась ее неотъемлемая часть. Его переполняли эмоции и чувства, все в нем бурлило и кипело, и какими бы ни были эти чувства, это было лучше, чем пустота. Что, если с ее смертью снова появится эта пустота, что, если она в нем так и останется навсегда? Он одиночка и однолюб, папаша наградил его этими качествами, и ничего с ними нельзя было поделать. Отец не смог, вряд ли сможет он. Отец не был слабым. А если просто жениться, даже без любви? Нет. Терпеть подле себя постоянно женщину, на которую ему будет наплевать и которая скорее всего его будет раздражать — он не выдержит, все равно от нее избавится. Да и зачем тогда жениться, зачем жить с женщиной, если этого не хочется? Была только одна женщина, в которой он нуждался. И подавить свое влечение к ней, и физическое, и душевное, он не мог. Когда он подумал, что она его разлюбила, для него это было страшным ударом. Даже страшнее, чем когда ему сообщили, что она погибла. Единственное, что было сильнее — это весть о гибели сына. Он был в замешательстве и не мог в это поверить. И по ней он понять не мог, так ли это на самом деле. Она научилась скрывать свои чувства. Но теперь понял, что ничего она не разлюбила. Да, ей нравился этот мальчишка, он это видел, но ее любовь никуда не делась. Она всего лишь отказывалась ее признавать и пыталась скрыть. Когда он это понял, ему сразу полегчало. Мир вокруг него посветлел. Она не может избавиться от своей любви, как и он. Не хочет его любить, но не может избавиться от своих чувств. А раз она его любит, значит, и власть свою над ней он не потерял. А раз так, то он может ее сломить, снова подчинить, подавив ее упрямство. А все ее равнодушие, неприязнь, нежелание быть с ним, все ее сопротивления, в том числе и в постели — все фальшь, представление, которое она перед ним разыгрывает. А раз она продолжала его любить, значит, он мог заставить ее и страдать. Он не знал, есть ли свете такие страдания, которые могли бы в его глазах искупить ее вину в измене, и сможет ли он сам через это переступить и жить с ней дальше. Сейчас он хотел

одного — наказать и подавить. А дальше видно будет, что с ней делать. С ними и их жизнью.

После того, как он высказался о ней, своей женитьбе, ее прошлом, она еще больше замкнулась от него. Но пока он об этом не жалел. Ему хотелось делать ей больно. Хотелось обидеть, унижить. Потому что сам ощущал себя обиженным и униженным. И потому что не мог справиться со своей ревностью.

Визит Свон и то, как Кэрол отреагировала на этот визит, заинтересовало его. Он знал Дебору, она много лет работала в компании Куртни, была раньше ее первым заместителем, да и теперь занимала ту же должность при новом руководителе. Джек знал, что она по уши влюблена в Рэя, и тот вертит ей как хочет, что удивляло Джека — Свон не относилась к тем, кем можно помыкать, к тому же она была мужененавистницей и феминисткой. Оставалось только поражаться таланту Рэя превращать всех женщин, без исключения, в своих марионеток. Джек всегда недоумевал, как такая женщина, как Куртни, могла терпеть его и его выходки, даже то, что он домогался Кэрол. За что и почему даже такие сильные и умные женщины, как Куртни и Свон, его так любили? Даже умирая, Куртни думала только о нем, даже подарила ему, Джеку свое прощение, обменяв его на обещание не трогать Рэя, спокойно так говорила, что отдает свою жизнь вместо него. И Джек знал, что если бы у нее и вправду был выбор, она бы так и сделала. Кэрол была единственной, кто перед ним устоял, и то только из-за Куртни.

Что же могло привести к ней Свон и разозлить Кэрол? Их ничего не связывало, кроме работы, но это было давно, когда Кэрол еще работала у Куртни. Так считал Джек. И теперь он понял, что, видимо, что-то упустил. И что-то ему подсказывало, что без Рэя тут не обошлось. И он был намерен все выяснить. Слишком много загадок стало окружать его жену, и ему это категорично не нравилось. Он привык знать о ней все.

Когда он вышел из душа, ее в комнате не оказалось. Он вышел на балкон и, прикурив, подошел к ней. И улыбнулся, почувствовав, как сразу она напряглась. Он знал, что она его боится, хоть и скрывала это, и вполне успешно, надо заметить, ничем не выдавая своего страха. Облокотившись о перила, он некоторое время молчал, любуясь закатом.

— Что хотела Свон? — спокойно и даже вполне дружелюбно поинтересовался он, не отрывая взгляда от океана. Кэрол промолчала, даже не взглянув в его сторону. Другого он не ожидал. Вытянуть из нее хоть слово было теперь трудно, особенно после того, что он ей наговорил.

— Ладно, — он пожал плечами. — Сам узнаю.

— Хотела, чтобы я уговорила Рэя на ней жениться, — тихо проговорила Кэрол.

Джек устремил на нее удивленный взгляд.

— Ты серьезно?

Кэрол усмехнулась.

— А еще спрашивала, что мне известно о его детях, знаю ли я от кого они.

— А ты знаешь? Он тебе рассказывал?

— Говорит, что сам не знает. Но думаю, что знает, просто мне говорить не хочет. Он же у нас святая невинность, никогда жене не изменял и после ее смерти был безутешен, горевал, а не путался с другими женщинами.

Джек рассмеялся. Затянувшись, он медленно выпустил дым из легких, разглядывая Кэрол внимательным взглядом.

— Наверное, слишком бурно радовался твоему воскрешению, что Свон так вдруг всполошилась. Хотя вряд ли, он ведь знал.

Кэрол на эти слова никак не отреагировала. Джек на этом заострять внимание сейчас не стал.

— Так и что тебя так взбесило?

— Ее наглость.

— Что-то ты стала слишком вспыльчивая.

Кэрол пожала плечом.

— Терпения не осталось.

— Я заметил. Но так нельзя, Кэрол. Нельзя бросаться на людей каждый раз, когда тебе что-то не понравилось. Свон может написать заявление о нападении.

— Пусть пишет, что хочет. Мне все равно. А тебе только на руку, легче будет отправить в психушку.

— Ну... с этим можно и повременить. Успеется.

— Повременить? Почему? Разве тебе не хочется от меня избавиться?

— Вовсе нет. С чего ты вообще взяла, что я хочу от тебя избавиться?

— А разве нет?

— Нет. Я соскучился, — выкинув окурок, он обвил рукой ее талию, привлекая к себе, а другой погладил ягодицу. Кэрол хотела отстраниться, но он не позволил.

— Долго еще планируешь со мной драться? Какой смысл, если я все равно сильнее? И я знаю, что ты сама этого хочешь. Так к чему все это? Хватит притворяться, я все равно все вижу и знаю. Поломалась и хватит. Давай займемся нормальным сексом, без наручников и синяков, — пальцем он приподнял ее подбородок. — Поцелуй меня.

Но Кэрол отвернулась и снова попыталась вырваться. Зло поджав губы, Джек присел и, обхватив ее за бедра, оторвал от пола и понес в спальню.

Сердце Дженни радостно и взволнованно билось в груди, когда самолет шел на посадку. Жадно она всматривалась в иллюминатор, не испытывая никакого страха. Наоборот, ее переполнял восторг.

Сменив зимнюю куртку и сапоги на стильную ветровку и изящные ботильоны, в узких джинсах и модной рубашке на широком поясе, Дженни никогда еще не ощущала себя такой красивой и счастливой. Все страхи оставили ее. И она с готовностью открылась новой жизни, которая ее ждала здесь, в этом городе, так далеко от ее дома. Она радовалась всему. Каждой красивой вещи, купленной для нее Кэрол. Общению с Рэем и Патриком. Тому, что парень в соседнем кресле почти все время полета не отрывал от нее глаз, повеселив этим Рэя и разозлив Патрика.

— Глаза сломаешь, чего вылупился? — на весь салон, даже не потрудившись понизить голос, набросился на него мальчик.

Парень отвернулся к окну, но не прошло и десяти минут, как Дженни снова поймала на себе его взгляд. Он ей подмигнул и улыбнулся, а она покраснела и смущенно отвернулась. Она знала, что была красивой, мальчики всегда проявляли к ней интерес, она даже дружила с некоторыми в школе... пока стало не до мальчиков, и ее жизнь превратилась в выживание, когда болезнь одолела ее, и она стала угасать. И угасла бы, если бы не Кэрол и не этот шикарный мужчина с красивыми лукавыми глазами, который теперь вез ее в красивый город, в красивый дом... в красивую жизнь. Хорошая одежда преобразила ее, Дженни долго любовалась на себя в зеркало, с удивлением разглядывая. Кэрол научит ее одеваться, краситься, укладывать волосы. Дженни очень хотелось стать такой, как она — безупречной,

ухоженной, стильной, модной. Великолепной. Да, именно такой и была Кэрол в ее глазах — великолепной. У Дженни была красота, но она хотела того великолепия и блеска, что были у Кэрол. И она надеялась, что Кэрол ее научит.

Когда Дженни вышла в туалет, то на обратном пути столкнулась в проеме с тем самым парнем.

— Привет! Я Брендон. А тебя как зовут? — выпалил он.

— Дженни, — она слегка улыбнулась.

— Ты из Сан-Франциско или в гости летишь?

— Нет, я из Нью-Йорка, но теперь буду жить в Сан-Франциско.

— Я тоже там живу. Оставишь телефон? Если у тебя там еще нет друзей... я бы мог позвонить, поболтали бы...

Дженни смутилась.

— Я не знаю, какой там номер телефона... Видишь ли, это новый дом...

Парень расстроился. Вытащив из кармана ручку и клочок бумаги, которые, судя по всему, прихватил специально, приготовившись записать ее номер, он с надеждой поднял на нее взгляд.

— Давай, я запишу тебе свой.

Дженни кивнула. Парень растерянно поискал глазами, куда пристроить бумажку, чтобы было удобно писать, но Дженни задрала рукав и протянула ему руку.

— Давай здесь.

Озарившись радостной улыбкой, он схватил ее за запястье и, придерживая, старательно вывел на ее коже чернилами свой номер телефона и имя.

— Только позвони мне, хорошо? — он отпустил ее руку. — Позвонишь?

Дженни кивнула.

— Обещаешь? — на лице его отражалось такое сомнение, что Дженни едва не засмеялась. — Не обманешь?

— Обещаю.

— Хорошо... спасибо. Я буду ждать. Очень.

— Извини, мне надо идти. Мой дядя будет волноваться, почему меня долго нет.

— Да, конечно! — он отступил в сторону, освобождая проход. Провожая ее взглядом, он не выдержал и рванулся следом.

— А в каком районе ты будешь жить? Может... скажешь адрес?

Дженни удивленно обернулась. Его настойчивость насторожила ее, но увидев, с каким отчаянием он смотрит на нее, она поняла, что он просто не поверил в то, что она ему позвонит. Неужели она так сильно ему понравилась?

— Брендон, я позвоню, — мягко сказала она.

— Когда?

— Давай завтра, хорошо? Вечером. Ты будешь дома?

— Да! — поспешно заверил он, даже не задумавшись.

— Тогда до завтра.

— Хорошо, — он кивнул, но все равно выглядел расстроенным, как будто так и не поверил ей.

Удивленная Дженни вернулась на свое место. Ну и ну! Влюбился он что ли, вот так сразу, с первого взгляда? Он больше не подходил, но продолжал смотреть. Она заметила, что он пару раз порывался все-таки подойти к ним, но так и не решился, побоявшись Рэя,

видимо. Да и реакция Патрика была неоднозначной и какой-то слишком уж агрессивной. Но его сомнения были напрасны. Дженни на самом деле решила, что позвонит ему. Почему нет? Он ей понравился, симпатичный парень, лет семнадцати, наверное. К тому же, ей все равно надо заводить новых друзей.

Это знакомство показалось ей хорошим предзнаменованием. Хорошим и обнадеживающим началом. Она даже не успела еще долететь до Сан-Франциско, а уже познакомилась с парнем из этого города. Радости в ней прибавилось. Она время от времени ловила взгляд нового знакомого и слегка ему улыбалась, стараясь, чтобы этого не заметили Рэй и Патрик. Ее улыбки, казалось, приободрили парня, он уже не выглядел таким грустным, обмениваясь с ней заговорщицкими улыбками.

После посадки, двигаясь по проходу за Рэем и Патриком, Дженни почувствовала, как ее потянули за рукав. Обернувшись, она увидела прямо за собой Брендона.

— Я буду ждать, — напомнил он шепотом. — Не забудь, пожалуйста.

Дженни кивнула.

Когда она спустилась по трапу, то невольно обернулась еще раз и подняла взгляд. Он еще спускался и помахал ей, улыбнувшись. Дженни подняла руку и тоже махнула, прощаясь. Повернувшись, она наткнулась на взгляд Рэя и растерянно застыла. Но тот лишь лукаво улыбнулся и протянул ей руку.

— Пойдем.

Дженни расслабилась, радостно улыбнувшись в ответ, и без колебаний взяла его за руку. Патрик, таща на плече ее сумку, шел впереди, не заметив, как она перемахивалась с новым знакомым.

Багажа было слишком много, чтобы можно было увезти его в легковой машине, поэтому Рэй оформил доставку и взял такси, которое помчало их в город, до которого было пол часа пути, как сказал Патрик.

Дженни с восторгом прилипла к окну, разглядывая все, что могла ухватить взглядом.

Когда такси остановилось возле большого красивого дома, у Дженни перехватило дыхание.

— Это... здесь? Это ваш дом? — обратилась она к Рэю.

Тот кивнул и вышел из машины. Открыв дверь, он взял ее за руку, помогая выбраться.

— Подойдет? — с улыбкой спросил он.

— О-о, вы шутите... Я никогда даже и близко к таким домам не была.

— Я же говорил, что тебе понравится, — Патрик, достав ее сумку из багажника, взял ее за руку. — Ты еще мой дом не видела! Он на берегу, рядом с океаном. Его нам Куртни купила. Свадебный подарок моим родителям. Он еще круче, чем этот дом, вот увидишь!

— А кто это — Куртни?

— Это моя бабушка, жена Рэя. Она умерла.

Дженни изумленно покосилась на Рэя, думая, не ослышалась ли она. Бабушка Патрика была женой Рэя? Как такое возможно? Он что, был женат на старухе? Такой молодой и красивый?

Но Патрик уже втащил ее в высокие ворота, за которым был просторный двор.

— На заднем дворе корт. Рэй любит теннис. И мама тоже. Я тоже играю. Если тебе разрешат врачи, ты тоже можешь потихоньку попробовать, Рэй научит. Конечно, так играть, как они с мамой, тебе все равно нельзя будет... Ну и ладно... Бог с ним, с этим теннисом, зато вон там бассейн, уж в нем плавать тебе точно можно будет, даже нужно! Только

немного позже, когда потеплеет... И на пляж будем ходить. Знаешь, как Рэй классно катается на доске? Я тоже немного могу... Вернее, только учусь. А еще у него есть лодка, он нас покатает, да, Рэй? Ой, а вон и лисята!

Из-за дома вышла няня с коляской. Рэй бросился к ней и, присев перед коляской, обнял малышкой.

— Привет, мои хорошие! Папа вернулся! Скучали?

Отстегнув одного, он взял его на руки. Няня тем временем вытащила из коляски второго и посадила его на свободную руку Рэя. Прижав мальчиков к груди, он по очереди горячо поцеловал пухлые мягкие щечки, тая от удовольствия.

— Папа? — пораженно выдохнула Дженни.

— Да. И никто здесь, кроме Дороти, не знает о том, что лисята наши. То есть, что их мама — моя мама. Это большая тайна, Дженни. Ты никому не должна говорить об этом.

— Но он на самом деле их папа? Или просто надо, чтобы так думали?

— Нет, он на самом деле... Ну, короче, это длинная история, я тебе все позже расскажу. Все расскажу, у нас теперь много времени. Но ты... умеешь хранить секреты? У нас с мамой много секретов. Так как ты теперь член нашей семьи, я тебе все расскажу, но ты должна уметь молчать.

— Я умею, Рик. Ты можешь мне доверять. Вы с мамой оба можете. И Рэй тоже. Вы спасли мне жизнь. Я никогда вас не предаю. Клянусь жизнью. Клянусь своим новым сердцем, которое вы мне подарили.

Патрик растаял, расплывшись в улыбке.

— Мой папа не должен узнать о том, что лисята наши... что мама ему изменила с Рэем. Ты не думай о ней плохо, она совсем не такая, папа сам виноват... он сам ей изменял... а она от обиды просто... В общем, ладно, потом расскажу, — Патрик замолчал, когда Рэй направился к ним.

— Мальчики, познакомьтесь с Дженни, она теперь ваша сестричка, — сказал Рэй. — Дженни, это Крис — синяя ниточка. А это Джейми — зеленая ниточка!

— Это прозвища у них такие? — Дженни рассмеялась, взяв малышкой за ручки и заглядывая в личики.

— Нет, это различительные признаки для их бестолкового папы, который до сих пор не может их отличить друг от друга без этих ниточек! — Рэй тоже рассмеялся.

— Но они и вправду очень похожи... я тоже не смогла бы различить. Так что ниточки очень даже неплохая идея, мне кажется, — Дженни перевела взгляд на него. — И они... так на вас похожи...

Познакомившись с няней, они все вместе вошли в дом.

— Дороти, мы дома! — как всегда закричал Рэй мощным голосом, оповещая о своем прибытии.

Дороти тут же прибежала, радостно улыбаясь, и остановилась напротив Дженни.

— Добро пожаловать к нам, Дженни! Я Дороти. Я веду хозяйство и управляю всем этим домом. Если тебе что-то нужно, обращай ко мне, не стесняйся. Мы тебе очень рады, будь, как дома. Пойдем, я сразу покажу тебе твою комнату, и вернусь к делам. У меня ужин на подходе.

— Я могу вам помочь, я все умею делать. — предложила Дженни.

— Спасибо, деточка. У меня уже есть помощница. Она мне совсем без надобности, я и сама прекрасно справляюсь со всем, но это Рэй меня уговорил. А ему разве откажешь...

плуту такому...

С тех пор, как жильцов и в их доме прибавилось, Рэй действительно настоял на помощнице для Дороти. Та хоть и ворчала, но с облегчением поручила молодой и энергичной помощнице, которую Рэй предоставил ей выбрать самой, следить за чистотой и порядком в доме. Сама она теперь занималась только кухней, да следила за тем, чтобы новенькая хорошо выполняла свою работу. Пока ей придраться было не к чему, и Дороти ее работой была довольна.

Патрик пошел за Дороти и Дженни, неся ее сумку со всем необходимым, что девушка взяла с собой. Убедившись, что Дженни осталась довольна комнатой, он оставил ее переодеться с дороги, и побежал звонить домой. Поговорив с Кэрол, он попросился остаться на ужин. Кэрол разрешила, сказав, что тоже приедет с Хоком и, возможно, с Шоном. Узнав об этом, Дженни обрадовалась. Патрик ушел к Рэю и лисятам, дав ей возможность отдохнуть и набраться сил перед ужином. Дженни выглядела усталой.

Когда Кэрол через два часа постучалась в ее комнату, Дженни все еще спала.

— Дженни! — позвала Кэрол через дверь.

— Кэрол! — радостно воскликнула девочка. — Заходи.

Кэрол вошла, и Дженни, поднявшись с кровати, крепко ее обняла, бросив удивленный взгляд на ее белые волосы.

— Как ты? — спросила Кэрол, отстраняясь и заглядывая ей в лицо. — Сильно утомил перелет? Как себя чувствуешь?

— Небольшая слабость... но уже лучше. Я отдохнула, даже поспала.

— Нужно будет еще привыкнуть к разнице во времени.

— Три часа — на такая уж большая разница.

— Это только так кажется. Ну, как? — взяв ее за руки, Кэрол посадила ее обратно на кровать, присев рядом. — Как Рэй? Как дом? Тебе нравится?

— Да, все нравится. И Рэй — тоже. Не переживай.

— Прости меня, Дженни, что так получилось. Мне пришлось вернуться к мужу... я не собиралась... так вышло... Но это пока... Мы уедем, все вместе, и будем жить, как и планировали.

— А Нол?

— Если он выживет, надеюсь, он будет с нами.

У Дженни было много вопросов, но она промолчала. Она видела, что Кэрол расстроена. Видела, что что-то не так. С ней и со всем, что происходит. Она заметила, что Кэрол как-то странно двигалась, осторожно, скованно, как будто ей было больно. Почему? Патрик говорил, что она болеет. И оделась она сегодня как-то странно, не как всегда. Запечаталась в одежду чуть ли не до самого подбородка. Водолазка с высоким горлом и длинными рукавами, узкие синие брюки, туфли на высоком каблуке.

Но, не смотря на то, что очевидно, что у нее что-то болело, она как всегда выглядела прекрасно. Облегающая одежда подчеркивала великолепную фигуру, пышную красивую грудь, тонкую талию, широкие округлые бедра, длинные стройные ноги. Сияющие и переливающиеся перламутром длинные волосы свободно струились роскошными крупными волнами по плечам и спине до самой талии. Дженни разглядывала ее макияж, подмечая детали, восхищаясь цветом ее гладкой безупречной кожи, большими, холодного голубого оттенка глазами, умело накрашенными, изящными темно-русыми бровями, полными чувственными розовыми губами красивой формы. И ей казалось, что никогда она не видела

женщины красивее.

А Кэрол улыбнулась, заметив, с каким восхищением опять смотрит на нее девочка, и протянула ей маленький яркий пакетик.

— Вот... это тебе подарок. Надеюсь, понравится.

Дженни опустила взгляд, заглядывая в пакетик.

— О, спасибо! — она достала картонную коробочку. — Что это? Духи? О, у меня никогда еще не было собственных духов!

— Понюхай, понравится?

Дженни радостно распаковала коробку и, достав красивый пузырек, открыла и поднесла к носу. Вдохнув, она прикрыла глаза.

— О, какой волшебный запах! Наверное, это дорогие духи?

— Конечно. Или хорошие духи, или никакие. Это правило.

— Я поняла, — Дженни кивнула. — Спасибо! Они классные!

— А теперь давай-ка примерим вот это... — Кэрол подняла еще один пакет. — Патрик мне сказал, что твой багаж еще не привезли, так что я купила тебе кое что для нашего праздничного ужина. А ну-ка, взгляни! Что скажешь?

За роскошно накрытым столом, над которым так старалась Дороти, собрались все, включая саму Дороти. Рэй давно уже перевел ее в статус члена семьи, что сделало старушку безмерно счастливой. Он всегда просил составить ему компанию за столом, потому что терпеть не мог есть в одиночестве, не привыкший к этому. А сегодня, когда за их столом были Кэрол и Патрик, они оба сияли от счастья, радуясь тому, что их семья снова стала полной с их возвращением. К огорчению Кэрол, малышей пришлось отправить с няней на прогулку из опасения, как бы они в присутствии Хока и Шона, которые приехали вместе с Кэрол, не назвали ее мамой. Хок тоже был приглашен к столу, что того смутило, но порадовало. Рэй выбрал для ужина выпивку из своей коллекции. Выпить отказался только Хок. Даже Дороти, которая практически никогда не прикасалась к спиртному, сегодня с удовольствием поднимала свой бокал и превосходным вином. Кэрол предпочла с Шоном и Рэем виски. И единственная из всех она была грустной и молчаливой. Разлука с малышами становилась все невыносимее, она с трудом сдерживала слезы, вынужденная сидеть здесь, когда все ее сердце рвалось на улицу, к ним. Она не знала, сколько еще выдержит так. Она ощущала, что ее начинает охватывать отчаяние. Как, как ей вернуть своих малышей, как воссоединиться с ними снова?

Она пыталась не показать своего настроения, улыбалась, разговаривала, не желая, чтобы Дженни что-то заметила. Но Дженни заметила. Заметили все блестящие от сдерживаемых слез глаза, которые выдавали ее. Они всегда ее выдавали. И потому Кэрол так не нравились свои глаза. Она прекрасно умела скрывать все, что хотела, но эти глаза были словно окошками в ее внутренний мир, через которые просвечивалось все, что она прятала. Не то что непроницаемые глаза Джека или Рэя, которые умели лгать не хуже их языков и лиц. Как они так научились? Кэрол бы тоже так хотела уметь.

По тому, как поглядывали на нее остальные, она поняла, что все заметили, что она расстроена. Ну и пусть. А чему она должна радоваться? Тому, что была пленницей собственного мужа, который унижал, оскорблял, бил и насиловал? Тому, что никто не мог за нее заступиться, помочь, кроме Рэя, которого она вмешивать в это не хотела, потому что он все равно не смог бы ничего сделать? Джек мог сделать с ней, что угодно, и никто этому не

воспротивиться. Ни Шон, который теперь избегал ее взгляда, ни Хок, беспрекословно подчиняющийся Джеку даже тогда, когда был с ним не согласен. Джек уничтожит ее, и все промолчат, сделают вид, что согласны с тем, что он имеет на это полное право, что так и должно быть. Как будто она действительно просто какая-то вещь, его собственность, всего лишь безликая и неживая игрушка, а не человек, у которого есть право самому распоряжаться своей жизнью. И она знала, что он поиграет, поломает и выбросит, как только поутихнет его похоть. Даже если она обратится за помощью в полицию или к общественности, он все равно выкрутится. Ему ничего не стоит выставить ее сумасшедшей, оправдав тем самым то, что держит ее взаперти, получить подтверждение от врачей и отправить ее в психбольницу. Конечно, жена-сумасшедшая — это не положительный факт для его политической карьеры, но Кэрол была уверена, что Джек сумеет повернуть все так, что ему это ничем не навредит. Наоборот, еще и героем себя выставит, преданным несчастным мужем, который не бросает жену, которая после длительного плена у сумасшедшей сама окончательно рехнулась. И все будут восхищаться, какой он молодец. И кто станет слушать саму сумасшедшую жену? А еще Кэрол не могла забыть разговор с Джорджем Рэндэлом, который позвонил ей, чтобы сказать, что никогда ей не простит того, что она похоронила заживо его внука, что если его сын окажется слабаком и простит, то он — никогда. Это была не обида, это была угроза, Кэрол поняла. Она нажила себе двух врагов, для борьбы с которыми у нее сил было недостаточно. Они сотрут ее в порошок. Даже одного из них для этого было более, чем достаточно, что уж говорить об обоих. Но Кэрол не боялась. Она давно заставила себя смириться с тем, что обречена. Она помнила о своем видении, о своей смерти. И она больше не верила в благословенного, в то, что он способен ее спасти. Даже если и способен, то возможности быть с этим благословенным у нее все равно не было. Единственный вариант — это забрать детей и сбежать с Рэем на край света. И жить в страхе, что Джек их найдет и, скорее всего, на этот раз к поискам присоединится и его отец, чтобы вернуть внука. Фокус со смертью на этот раз вряд ли прокатит, даже если получится опять его повернуть. И Рэндэлы, объединившись, их найдут, в этом Кэрол даже не сомневалась. Рэй умрет, она, скорее всего — тоже. Что будет с лисятами — неизвестно. Так какой тогда смысл, если она все равно умрет, только в этом случае утянет за собой и Рэя? Нет, так она не хотела. Не хотела больше никого подвергать ради себя опасности. Это неправильно. Рэй сейчас выглядел таким счастливым. Веселый, озорной, он сейчас так походил на того Рэя, которого она знала, каким был раньше. С радостью Кэрол заметила, с каким обожанием снова смотрит на него Патрик. Благодаря Рэю ужин был оживленным, веселым, радостным. Шон и Хок явно симпатизировали ему, с охотой общаясь и поддерживая оживленную беседу. Все смеялись над его шутками. Даже Дженни выглядела счастливой, расслабившись и окончательно утратив все свои страхи и опасения. И одной только Кэрол хотелось плакать. Рэй пытался ее развеселить, и она изо всех сил старалась сделать вид, что у него получается. Она мало ела, зато много пила, но сама этого не замечала.

После ужина Шон уехал. С ней остался Хок. Не желая мешать, он ушел на кухню к Дороти, а Кэрол, Рэй и дети, в том числе и вернувшиеся с прогулки малыши, расположились в гостиной на полу на большом толстом ковре. Кэрол, наконец, смола обнять своих сыновей, поиграть с ними. И ее настроение сразу улучшилось, смех стал искренним и веселым. Рэй притащил фотоаппарат и, позвав Хока, попросил их всех вместе сфотографировать. Рассевшись прямо на полу, они сделали несколько снимков. Кэрол и Рэй

с детьми на руках в центре, Патрик и Дженни — по бокам.

Потом Хок снова ушел на кухню, сказав, что хочет выпить кофе. Кэрол проводила его благодарным взглядом.

Они долго веселились на ковре с малышами, пока не пришло время укладывать их спать. Подхватив сыновей, Кэрол и Рэй понесли их в детскую, а Патрик с Дженни пошли в ее комнату. Патрик собирался поделиться с Дженни их семейными секретами, рассказать обо всем, как обещал.

Кэрол хотела сама уложить детей, поэтому они не стали звать няню.

Сидя на кушетке, Кэрол держала малышек на руках, прижимая к груди, и тихонько покачивала, напевая их любимую песенку. Рэй, расположившись в кресле, со счастливой улыбкой на губах наблюдал за ними. Дети уснули, но Кэрол продолжала сидеть, прижимая их к себе, не желая отпускать, пока Рэй не поднялся со своего места и не подошел к ним.

— Давай, я помогу, — шепнул он, осторожно забирая у нее Джеймса. Пока он укладывал его в кроватку, Кэрол, поцеловав Криса в лобик, поднесла его к другой кроватке. Опустив в нее малыша, она заботливо укрыла его одеяльцем и замерла над ним, любуясь сквозь вновь выступившие слезы. Сердце ее наполнилось страданием от одной мысли о том, что придется опять уйти и оставить их. И на этот раз она не смогла справиться с собой и, опустив голову на руки, вдруг горько расплакалась.

— Э-эй, малыш, — протянул Рэй, сжав ее плечи ладонями. — Ну не надо... Все будет хорошо! Мы уедем, заберем детей, Дженни и уедем. Потерпи немного. Пожалуйста. Приедет Касевес, мы все обдумаем, подготовим с ним. Джек никогда нас не найдет.

— Нет, Рэй. Я с тобой никуда не поеду.

— Вот как? Почему? Ты хочешь остаться с Джеком?

Кэрол промолчала.

— Или это из-за этого щенка... Тимми?

— Он не щенок.

— Но ведь он умер.

— Нет.

— Даже если и нет... зачем он тебе? Кэрол, я же говорил тебе с ним не связываться. Ну почему тебя всегда тянет на плохих парней? Мало ты горя хлебнула из-за Мэтта и Джека? Нашла себе еще одного отморозка? Зачем, Кэрол? Чтобы он не убил Джека? Если он хочет его убить, он все равно это сделает, не сейчас, так потом. И зачем ты защищаешь Джека? Разве ты до сих пор его любишь, после всего? А ты не задумывалась о том, что его смерть решит все твои проблемы? Наши проблемы? Даже если ты не захочешь со мной жить, мы сможем спокойно жить рядом и вместе воспитывать наших детей, не скрываясь и ничего не опасаясь.

— Да? Ты забыл, что есть еще Джордж Рэндэл. Думаешь, он станет на это все спокойнс смотреть, что не отомстит? Если Джека не станет, он сам нас в порошок сотрет. Или и его предложишь убить? И думаешь, это так просто?

— Твой двухметровый малыш и его должен тогда замочить, чтобы папаша не пожелал отомстить ему за сына. Если уж убивать Рэндэлов, так всех.

— И это говоришь мне ты? С каких это пор ты стал таким кровожадным?

— С тех пор, как они стали тебя изводить. Я готов на все ради тебя. Я так тебя люблю... Я так скучал... Так страдал... А ты? Ты обо мне вспоминала? Вспоминала, я знаю... Я нашел у тебя свою фотографию... — он обнял ее, привлекая к себе.

— Это поначалу... а потом я просто про нее забыла... Рэй, отпусти. У меня есть мужчина. Я с Тимми не только ради того, чтобы он не убивал Джека. Я сама хочу быть с ним, он мне нравится.

— Нравится? — Рэй вдруг побагровел, глаза его загорелись злостью. — А я? Как же я? Ну почему ты всегда вытираешь об меня ноги? Почему кто-то может тебя любить, кому-то ты позволяешь, а я — нет? Куртни давно нет, и дело уже не в ней. Тогда в чем? Во мне? Что во мне не так? Чем этот мальчишка лучше? Почему тебе хочется быть с ним, а не со мной, даже несмотря на то, что у нас дети?

— Рэй, я всегда тебе говорила, что у нас ничего не получится, что никогда мы не будем вместе. Не надо смотреть на меня с такой обидой. Я никогда тебе ничего не обещала, всегда говорила правду, и не надо заставлять меня чувствовать перед тобой вину. Я не виновата, что ты так упрямисься и не хочешь принять очевидное...

— Очевидное? Это что же, позволь поинтересоваться? То, что моя доля — всю жизнь наблюдать, как ты крутишь любовь с другими мужчинами, признать тот факт, что я почему-то, в отличие от всех остальных, недостоин? Значит, он, этот бродяга и убийца с обезображенной рожой — достоин, он тебе нравится, а я, после всего, что для тебя сделал — все равно хуже него? Мое место на задворках, я всего лишь пес, преданный и безответный, твоя палочка-выручалочка? За что, Кэрол? Я понимаю, что ты меня всего лишь используешь, ну и что... я все равно готов все для тебя сделать, потому что ты для меня дороже всего на свете... Но я устал, Кэрол. Устал от этого, от того, как ты со мной поступаешь... От того, что отдаешь предпочтение другим, а меня всегда отталкиваешь. Я терпел... я ждал... Я на все закрывал глаза, даже на собственную боль, на свои обиды... Сначала Мэтт. Потом Джек. А теперь, после всего, что между нами было, имея общих детей, зная, как я тебя люблю и какую боль испытываю, ты опять предпочла другого... Завязала с ним отношения, зная, что есть я, для которого ты — весь смысл жизни. Нет, Кэрол. С меня хватит. Я так больше не могу. И не буду. Я не позволю тебе больше так со мной поступать. И я не отдам тебя больше никому. Я не вмешивался только потому, что не хотел навредить, но теперь Рэндэл знает, что ты жива. К черту этого мальчишку! К черту Рэндэла! К черту твое упрямство! Ты моя женщина, ты всегда была только моей... мне предназначена, а не кому-то другому! И я не буду больше тряпкой, надоело!

Стиснув ее в сильных объятиях, он накрыл ее рот настойчивым поцелуем. Мягко, но решительно подавляя ее сопротивление, он дотащил ее до кушетки и опустил на нее.

— Рэй, прекрати! Ты выпил лишнее... ты потом пожалеешь, — пыталась образумить его Кэрол, с отчаянием пытаясь вырваться. Но он не обратил на ее слова никакого внимания, быстро содрал с нее водолазку, потом брюки. Не заметив в слабом свете торшера ее синяков и ссадин, он набросился на нее, не обращая внимания на ее попытки ему помешать. Он знал, что она не закричит, не позовет на помощь, чтобы никто не узнал об этом. Их короткая борьба была беззвучной, то, что последовало далее — тоже.

Мальши безмятежно спали в своих кроватках, не потревоженные ни единым звуком.

Лишь под конец Рэй не сдержался, тихо застонав сквозь стиснутые челюсти, один из малышей пошевелился, потревоженный звуком, но снова затих, так и не проснувшись. А Рэй продолжал обнимать Кэрол, осыпая поцелуями, шепча о любви. Столкнув его с себя, Кэрол молча поднялась и подобрала с пола свою одежду. Схватив детскую пеленку, он поспешно ею вытерлась, потом стала торопливо одеваться.

— Что это? — Рэй сел, разглядев на ее теле многочисленные синяки и ссадины.

Кэрол не ответила, даже не повернулась в его сторону. Рэй подскочил, подобрав штаны, которые в порыве своей страсти не успел снять. Схватив ее за руку, он взглянул на ее припухшее, налитое гематомами запястье.

— Что это? — повторил он. — Что он с тобой там делает?

Кэрол вырвалась и продолжила одеваться. Рэй не отрывал от нее взгляда.

— Да он что, совсем охренел? Да я убью его!

— Да? — Кэрол, поправив водолазку, обернулась к нему. — А ты сам чем от него отличаешься?

Рэй ошеломленно застыл на месте. Вытащив длинные волосы из-под водолазки, Кэрол поправила их, пригладила и, бросив взгляд на детей, вышла из комнаты. Рэй бросился следом.

— Кэрол, подожди! Ну зачем ты так? Я же люблю тебя!

— Он тоже так считает. И что? Это дает вам право трахать меня без моего на то согласия?

— Нет, но...

— Что «но»? — Кэрол так резко остановилась, обернувшись к нему, что он от неожиданности налетел на нее, чуть не сбив с ног.

— Кэрол, я не хотел тебя обидеть, ты же знаешь.

— Да пошел ты! — с ненавистью бросила Кэрол и, с силой толкнув его в грудь, развернулась и бросилась к комнате Дженни. — Рик, пора домой, папа рассердится!

Забрав Патрика и попрощавшись с Дженни, Кэрол окликнула Хока и решительно покинула дом, попрощавшись с Рэем, как обычно, ничем не выдавая их ссоры.

Дома их ждал недовольный их отсутствием Джек. Промолчав при Патрике, он набросился на Кэрол, когда они оказались наедине в их спальне.

— С чего ты взяла, что можешь ходить к нему, когда захочешь? Кто тебе разрешал?

— А кто мне должен разрешить? Я вроде взрослая девочка, отпрашиваться не обязана.

Джек влепил ей пощечину.

— Поговори мне еще! От кого это ты столько наглости набралась? От своего бродяжки?

Размахнувшись, Кэрол влепила ему в ответ. Не ожидавший сдачи Джек не успел помешать.

— Ах ты, сука! — он побагровел и, схватив ее за плечо, с силой швырнул в сторону. Кэрол упала, ударившись об угол комода, вскрикнув от боли.

— Тихо, тварь, не стони! Надо же, с каждым днем только все наглее и наглее! Что ты из себя строишь, а? Ты, шваль подзаборная! Да ты никто! Всего лишь шлюха, как и твоя мать, дешевая подстилка! Даже не подстилка, а грязная половая тряпка, годная только на то, чтобы ноги об тебя вытирать! Ты что, ждешь другого обращения? Ничего другого ты не заслуживаешь, поняла?

Подняв ее с пола, он схватил ее за край водолазки и с силой рванул в разные стороны, разрывая. Следом сорвал с нее бюстгальтер. Потом начал рвать на ней брюки.

— Посмотри на себя! У тебя даже тело проститутки! Ты бы пользовалась спросом, ты в курсе? Такой талант пропадает! Как ты деньги зарабатывала, когда от меня сбежала? Кто тебя обеспечивал? Небось, этим и зарабатывала, да? Своими роскошными сиськами да шикарнейшей задницей? И ты, и твоя мамаша для того и рождены были, чтобы мужиков ублажать, вас природа для того такими телами и наградила. Зачем же еще женщине такое тело, перед которым устоять нельзя...

Швырнув ее на кровать, он сел ей на спину и, задрав ей руки, пристегнул наручниками.

— Нет, нет! Хватит! Не трогай меня, ты... животное! Скотина!

— Заткнись! Это ты животное, поняла? — подхватив с пола разорванную водолазку, он затолкал ее Кэрол в рот. Потом придавил затылок ладонью, вдавив щекой в простынь. Захлебываясь в слезах, Кэрол тихо выла в кляп, не в силах больше совладать с собой.

Позже он отправился в душ, так и оставив ее, распластанную на кровати, с пристегнутыми руками, кляпом во рту, рыдающую в мокрые от слез простыни. Когда он вернулся, она уже успокоилась, неподвижно и тихо лежа на постели. Покуривав на балконе, он лег рядом и отвернулся, так и не освободив ее. Включив телевизор, он посмотрел новости, потом какой-то фильм. Время от времени он косился на лежащую рядом Кэрол, гадая, когда же она, наконец, взмоется о пощаде, но она не двигалась, не издавала больше ни звука. Выключив телевизор, он отвернулся и закрыл глаза. Вот упрямая. Ну и пусть тогда так лежит, раз так нравится. Он долго не мог уснуть, прислушиваясь к ней и подавляя в себе порыв ее освободить, убеждая себя, что она заслужила, что нужно поставить ее на место, наказать за наглость, за сопротивление, за отказ принять его волю, за такое неуважение к своему мужу. Потом все-таки не выдержал и освободил ей руки из наручников. Но, не желая смириться со своим поражением и слабостью, а, тем более, показать ей, грубо спихнул ее ногой с кровати.

— Пошла вон из моей постели, мразь затраханная, — с презрением и отвращением бросил он. — Противно даже лежать рядом с тобой.

К его удивлению, она не поднялась с пола, там и оставшись лежать. Он с трудом удержался, чтобы не взглянуть на нее. Нахмурившись, он некоторое время сидел неподвижно, прислушиваясь. Она не двигалась. Сердце его тревожно сжалось. Может, он перегнул, перестарался? Да нет, она притворяется, эту сучку так просто не сломаешь, в ней столько сил, стойкости и упрямства, что остается только позавидовать. А это очередная ее комедия.

— Правильно, вот так и лежи, подстилке на полу самое место, — фыркнул он и, упав на подушку, отвернулся. Вот дрянь упрямая!

С облегчением он расслышал, как она поднялась и ушла в душ.

Через несколько минут он тоже поднялся и, подкравшись к ванной комнате, осторожно заглянул внутрь, чтобы посмотреть, что она там делает. Она стояла под душем, намывая голову, и даже тихо что-то напевала себя под нос. Правда, это больше походило на тоскливый вой, такой грустной была ее мелодия, но это уже мелочи. Эта сучка поет! А он, как дурак, распереживался!

Успокоившись, Джек вернулся в постель и на этот раз смог сразу уснуть под умиротворенный шум льющейся воды.

Выйдя из душа, Кэрол долго стояла перед большим зеркалом, разглядывая свое отражение, изучая внимательным взглядом свое тело. Да, у нее было мамино телосложение. Будучи девочкой, она мечтала иметь такое же красивое тело, как у нее. Такую же фигуру, грудь, такие же красивые длинные ноги, тонкую талию, изящный перегиб спины... Ее мечта сбылась. И с тех пор, как выросла, она всегда была довольна своим телом, даже любила красоваться перед зеркалом и любоваться собой. А теперь, смотря на себя, она больше не испытывала прежней радости и гордости за свою красоту. Оказывается, ничего прекрасного в ее теле не было, как она думала всегда. Израненное, все в синяках и ссадинах, это тело вдруг потеряло в ее глазах свою привлекательность. Да, сейчас оно действительно походило

на тело шлюхи. И обращались с ней, как со шлюхой. Она всегда, с детства боялась этого. Но даже с ее матерью не обращались так, как сейчас с ней. Мать бы не позволила так с собой обращаться. Что бы она сделала? Пошла бы и горло ему перерезала.

Открыв шкафчик, Кэрол взяла зубную щетку. Взгляд ее задержался на пузырьке в самом углу шкафчика. Протянув руку, она взяла пузырек и посмотрела на этикетку. Она давно уже заметила этот пузырек. Это было снотворное. Кэрол лишь удивлялась, задаваясь вопросом, с каких это пор у Джека появились проблемы со сном. С тех пор, как похоронил их с Патриком? Совесть, что ли заела, замучив бессонницей? Вряд ли.

Усмехнувшись своим мыслям, Кэрол открыла баночку и высыпала на ладонь таблетки, не замечая, как по щекам ее бегут слезы. Была у нее давно уже и другая мечта. Заснуть и больше не проснуться.

Закинув пригоршню таблеток в рот, она набрала в стакан воды и запила.

Потом накинула пеньюар и, подойдя к Джеку, некоторое время смотрела на него. Убедившись, что он спит, взяла свою подушку и устроилась в кресле. Закрыв глаза, она с облегчением вздохнула. Из прикрытых век продолжали бежать безмолвные слезы. Ну и пусть бегут себе. В последний раз. Наконец-то.

Джек проснулся, услышав голос Патрика.

— Мама! Мамочка! — вопил мальчик с таким ужасом, что Джек подскочил, как ужаленный и бросился к двери. С тех пор, как вернул Кэрол в их спальню, он стал запирает дверь на ключ, боясь, что Патрик может заглянуть в неподходящий момент. Ему вовсе не хотелось, чтобы сын увидел прикованную наручниками маму. Распахнув дверь, Джек едва не сбил с ног мальчика, который, к его удивлению, оказался под дверью.

— Мама, где мама? — закричал мальчик.

— Рик, что случилось?

— Мама умирает! Ма-а-а! — оттолкнув Джека, Патрик влетел в комнату. Увидев Кэрол в кресле, он бросился к ней.

— Пап, «скорую», быстро! — Патрик схватил Кэрол за плечи и с силой начал трясти. — Мам, очнись! Просыпайся, мам! Не умирай! Не надо!

Джек подошел к ним, ошеломленно смотря на Кэрол. И вдруг разглядел, как по подбородку ее течет какая-то странная пена. Выругавшись, он схватил телефон и набрал 911. Потом, швырнув трубку на кровать, он подскочил к креслу и, отодвинув Патрика, стал бить Кэрол по щекам.

— Кэрол! Кэрол! Да что с ней?

Нахмурившись, он мгновение смотрел на пену у ее рта, потом вскочил и метнулся в ванную. Распахнув шкафчик, он сунул в него руку, разбрасывая в стороны все его содержимое. Не найдя баночку со своим снотворным, он окинул взглядом все вокруг. Потом заглянул в ведро для мусора. Схватив баночку, которую искал, он обнаружил, что она пуста. Растерявшись, он с недоверием уставился на пустой пузырек.

— Не может быть... — вырвалось у него. Сжав баночку в ладони, он выбежал из ванной.

Упав на колени перед креслом, он схватил Кэрол за челюсти, раскрыл рот и засунул в него пальцы так глубоко, как мог, пытаясь вызвать рвотный рефлекс.

— Давай, Кэрол! Выплюнь это...

Она не реагировала. В комнату вбежали Шон и Хок.

— Что случилось? — выкрикнул Шон.

— Снотворное... она наглоталась снотворного! Надо вызвать у нее рвотный рефлекс... надо, чтобы из нее вышла эта гадость!

Хок присел рядом, щупая ее пульс.

— Жива, — он повернулся к Джеку. — Ты вызвал помощь?

— Да...

— Нельзя вызывать рвотный рефлекс, она без сознания, захлебнется, — Хок поднял Кэрол на руки и осторожно положил на пол. — Патрик, носи ложку, быстро! Надо держать язык, чтобы не задохнулась... Шон, холодной воды! Или нашатырь! Джек, есть нашатырь?

Джек растерянно застыл на месте, не отрывая от Кэрол ошеломленного взгляда. Поняв, что от него сейчас не будет никакого толку, Хок повернулся к Шону.

— Шон! Воды или нашатырного спирта!

Наклонившись к Кэрол, Хок убедился, что она дышит, тогда подхватил ее на руки и, подняв с пола, выбежал из комнаты. Уже внизу, снова положив Кэрол на пол, он повернул ее на бок, чтобы не запал язык. Нашатырь так и не нашли, а холодная вода не помогла привести ее в чувства.

Но тут подоспели врачи, и Хок отошел, предоставив им заняться Кэрол. Уже одетый, Джек стоял рядом, не отрывая взгляда от жены. Позади него вжалась в дверной проем изумленная Нора. Патрик убежал к себе, чтобы одеться, собираясь поехать в больницу, если маму туда заберут. Когда он спустился, Кэрол уже унесли, Джека тоже не было. Мальчик выскочил на улицу и со всех ног бросился к машине отца, выезжающей из гаража.

— Пап, подожди! И я!

Джек притормозил, и, подождав, пока Патрик усядется рядом, надавил на газ, догоняя умчавшуюся с воем сирен неотложку.

— Как мама? Что сказали врачи?

— Ничего не сказали, — угрюмо отозвался Джек. — Все будет хорошо, сынок.

— Но почему? Почему она это сделала? Было же все хорошо! Дженни приехала... ужин был такой веселый! Правда, мама все равно была грустная... — он впился в Джека странным тяжелым взглядом. — Это ты... Это ты что-то сделал! Что?

— Я ничего не делал, Рик. И я не знаю, зачем и почему она это сделала. Вот очнется, у нее и спросишь, — отрезал Джек резко.

— А наручники? Я видел на кровати наручники? Зачем они там висят?

— Просто так. У взрослых тоже бывают свои игры, Рик. В этом нет ничего плохого.

— Игры? И что же это за игры такие? Ты приковывал маму наружниками?

— Рик, это тебя уже не касается. То, что происходит в спальне взрослых — их личное дело, и детям совать туда нос нельзя.

— А почему ты так со мной разговариваешь? Так грубо, агрессивно? Я же просто спрашиваю.

— Потому что мне не нравится, что ты пытаешься меня в чем-то обвинить. Прежде чем кого-то в чем-то обвинить, сначала убедись, что твои обвинения обоснованы.

Патрик насупился, сложив руки на груди и зло поджав губы.

— Они обоснованы, — буркнул он. — Я знаю, что ты ее обижал. Хоть сам обещал этого не делать! Поэтому она и была все время такой грустной. Она любит тебя... она так по тебе грустила, плакала, когда мы уехали... Я знаю, она радовалась тому, что ты снова с нами, хоть и не хотела этого показывать. А ты ее опять обижаешь! Тогда обижал... и сейчас опять! Зачем?

— Повторяю, я не обижаю ее. Да, я сержусь, но не обижаю. А разве я должен радоваться тому, что она меня бросила, что завела себе любовника? Да другой бы на моем месте вообще вышвырнул бы ее из дома и не вспоминал бы больше!

— Да? — взвился мальчик, вскакивая на сидении на колени. — А сам? Сам?! Ты сам первый начал! Ты завел себе любовницу! Изменял маме! Почему? Разве ты ее не любишь? Разве та, другая, была лучше мамы?

— Нет, конечно. Я люблю маму, кроме нее мне никто больше не нужен. Но я мужчина, Рик. Мужчина может бывать с другими женщинами... просто так... без любви. Мужчинам это нужно, это заложено в нас... И это вовсе не значит, что я не люблю маму или хочу ее обидеть. А вот женщинам это не дозволено. Потому что она женщина. Она должна быть порядочной и хранить своему мужу верность.

Патрик изумленно и недоверчиво смотрел на него.

— Хрень какая-то! — фыркнул он. — Почему это одним можно, а другим — нет? При чем здесь мужчина и женщина? Разве любовь у всех не одинаковая, и боль, и ревность? Почему это тебе можно делать маме больно, изменять ей, а ей тебе — нет? Так не честно. Ты ничем ее не лучше! И нет у тебя каких-то там прав, которых не может быть у нее! Любой человек имеет право плюнуть в ответ, когда плюнули в него, понял? Так что нечего мне тут хрень всякую заливать! Что заслужил — то и получил! На себя сердись, понял, а не на маму!

Джек пораженно уставился на него, от удивления даже язык проглотив, шокированный тем, как разговаривает с ним сын.

— Кстати, а ты у меня спросил, простил ли тебя я за то, что ты нас предал, спутался с этой куклой, променял нас с мамой на нее?

— Но я вас не предавал... и не променивал. Я бы никогда этого не сделал! Дороже вас у меня никого нет!

— Да? Что-то мне так не кажется! Если бы это было так, ты бы не стал так нами рисковать, путаясь с этой... Разве ты не знал, что если мама узнает, она тебя не простит? Врешь ты все! Я тебе не верю! Плевал ты на нас! Потому так себя и вел. И маму ты не любишь. Я теперь понял. Когда любишь человека, то боишься сделать ему больно, не хочешь, чтобы он огорчился, потому что тогда и сам огорчаешься, самому тоже становится больно. А тебе не больно. Ни за маму, ни за меня. И тебе ее не жалко, ни капельки! А мне жалко! И я не позволю ее обижать, никому, понял? Если она умрет, я никогда тебя не прощу! Я убегу, и ты никогда меня больше не увидишь! А если Нол выживет, я больше не буду ему мешать тебя убить!

Патрик порывисто отвернулся к окну, чтобы отец не увидел его слезы.

— Я так тебя любил... думал, что ты самый лучший, — чуть слышно прошептал он с таким разочарованием, что Джек даже не нашелся, что ответить. — Я все не мог понять, почему мама тебя так боится. Был уверен, что ты любишь ее и никогда не обидишь... А ты вон какой, оказывается. Когда мама поправится, я заберу ее, и мы уедем. Если она не хочет быть с тобой, значит, и не будет. Будет так, как хочет она, а не ты. А ты можешь и дальше заводить себе всяких Даян... и делай с ними, что хочешь, бей, обижай... приковывай наручниками. А мою маму никто обижать не будет. Одному уже проткнул глотку, и всем остальным проткну, кто обижать начнет. Всем!

Он бросил взгляд на Джека, который ясно разглядел в его взгляде открытую угрозу. Потом отвернулся и замолчал. Джек, задыхаясь от ярости, хотел сказать ему что-то резкое, возмущенный всей этой тирадой, но услышал, как он совсем по-детски всхлипывает, так

горько, так безутешно, и промолчал.

— Это мама тебе рассказала про тетю Даяну? — тихо спросил он после долгого молчания.

— Нет. Мама никогда ничего плохого о тебе не говорила.

— Тогда кто?

— Мэтт сказал. Он все мне рассказал про тебя.

— Кто?!

— Мэтт. Ты наврал, что мама его не любила. И что он был страшным маньяком. Ничего он не страшный. Он просто был болен. Но на самом деле он был хорошим. Он был моим другом, пока не ушел. А еще он сказал, что это ты приказал убить тетю Даяну.

— Вот как? А что еще он говорил?

— Говорил, что ты его все равно не победил, потому что мама о нем никогда не забывала. Говорил, что ты обижал маму, даже руку на нее поднимал, только я ему не верил. Раньше.

Джек хотел спросить еще, но в этот момент машина неотложки впереди остановилась перед дверями больницы. Джек, подъехав поближе, припарковался в стороне. Патрик выскочил из машины, как только она остановилась, и, не дожидаясь его, помчался в приемное отделение, куда уже отвезли на каталке Кэрол. Джек проследил за ним взглядом.

— Ну, Кэрол... — процедил он сквозь зубы. — Вырвать бы тебе твой длинный язык!

Вздыхнув, он выбрался из машины и пошел следом за Патриком. Мальчик сидел на кушетке, уткнувшись лицом в ладони. Джек подошел к нему.

— Маму увезли в реанимацию, — он поднял на отца заплаканные глаза и вытер нос. Джек присел рядом и привлек его к себе.

— Все обойдется, сынок. Не плачь. Мама сильная. Она уже не раз попадала в передряги, и всегда все преодолевала. И на этот раз справится, вот увидишь, — Джек помолчал, глядя его по голове. — А как ты узнал, что с ней случилось?

— Я почувствовал. Я не могу видеть сейчас... меня блокируют... Но я почувствовал.

— Ты молодец. Ты спас маме жизнь.

— Надеюсь, — прошептал мальчик и зажмурился, пытаясь сдержать слезы. — Пап, пойди узнай, что там с мамой. Почему никто не идет и ничего нам не говорит? — Патрик взволнованно крутился на месте, не в силах усидеть, вскакивая, потом опять опускаясь на кушетку, с тревогой смотря в ту сторону, куда ее увезли.

— Не суетись. Как только будет что сообщить, нам сообщат. Пока лучше не мешать. Врачи знают, что делать, — отозвался Джек. Он все еще был потрясен, с трудом осознавая то, что произошло. Он не мог поверить, что Кэрол это сделала. Ничего подобного он от нее не ожидал. Он считал ее сильной. Ведь она через столько прошла, и ничего ее не сломало. Почему она сломалась сейчас? Что именно ее сломало? Джек не хотел обращать внимание на то, как больно саднило у него в груди, как тяжело что-то давило изнутри. Он не виноват. Он ничего такого страшного не сделал, чтобы довести ее до самоубийства. Она просто больная, сумасшедшая, потому и сделала это. Кто его знает, что у нее в голове творится. Тем более, это уже не в первый раз. Она уже однажды пыталась покончить с собой, когда мать ее продала какому-то шоферу, попытавшись сделать из нее шлюху. Но ведь это совсем другое. Он же муж. Она его жена. Мало ли что он говорит от злости... это же не значит, что все, что он говорит ей — правда. Она же должна была это понимать. А силу он применяет только потому, что она отказывает ему. Она не имеет права отказывать, он ее муж. Да, он хотел ее

унизить, но лишь в отместку, потому что она его унизила, да так, как никто и никогда. И он хотел сделать так же. Она же должна была это понимать. Не могла же она поверить в то, что все это по-настоящему, на самом деле... его слова, его поведение... Если бы он и вправду так считал и думал, как говорил, разве была бы она до сих пор его женой, рядом с ним, в его доме, в его постели? Вот дуручка!

И Джек злился, стараясь не подпускать никаких других мыслей, не замечать, как дрожат его руки. Но как ни гнал он нежеланные мысли, они все равно лезли ему в голову, особенно одна — а если она умрет?

Он украдкой наблюдал за сыном. Тот вился на месте, как волчок. В заплаканных глазах его отражался самый настоящий ужас и боль.

— Пап, помоги ей... Пошли к ней! Пожалуйста! Я чувствую... что-то не так... все плохо... Смерть... я ощущаю ее...

— Сынок, это нервы, успокойся. С мамой все будет хорошо.

— Да нет же... я же чувствую... я всегда чувствую... — он растерянно сел на кушетку. Несколько минут он сидел молча, болтая ногами, потом вдруг резко замер.

— Рик? — встревоженно Джек всмотрелся в его окаменевшее так резко лицо. — Ты чего?

Но мальчик вдруг вскочил и с пронзительным воем помчался по коридору туда, куда увезли Кэрол. Джек бросился следом.

— Рик! Стой!

Но он не мог догнать мальчика, с такой скоростью тот бежал вперед, уверенно, словно был здесь много раз и знал, куда нужно бежать. У реанимации мальчика кто-то попытался остановить, но он ловко увернулся и скрылся за дверями.

— Туда нельзя! — какой-то медработник в медицинском халате схватил Джека за руку. Джек резко вырвался.

— Знаю... Я заберу сына... — он толкнул дверь, забегая внутрь.

И прирос к полу, остановившись, увидев накрытое с головой простыней тело.

— Мистер Рэндэл... мы сделали все, что смогли... Мне жаль... — донесся до Джека, как издали чей-то голос.

— Мам!!!

Патрик попытался протиснуться сквозь окружавшее Кэрол кольцо врачей, но его не пустили, мягко отстранив назад.

— Нет! Пустите! Я не отпущу ее! Мам!!!

Патрик наклонился и, приподняв штанину, выхватил нож и вскинул руку.

— С дороги! — взмахнув ножом, он полоснул по чьей-то руке, которая к нему потянулась. — Убью! Всех убью! Пропустите меня!

Все в замешательстве расступились, с опаской смотря на обезумевшего ребенка.

Подскочив к Кэрол, Патрик бросил нож прямо ей на живот и, откинув простынь, вцепился в Кэрол.

— Мам! Это я! Назад! Вернись! Я не пушу! Я не позволю! Не отдам! Вернись! Я приказываю! Живи! Живи!!!

— Заберите ребенка, — тихо проговорил доктор Джеку. Но он не мог пошевелиться, не отрывая неподвижного взгляда от лица Кэрол. Вопли Патрика раздирали ему уши.

— Кэрол... — чуть слышно простонал он.

— Вернись! Вернись! — кричал Патрик во весь голос, со всех сил сжимая пальцами ее

руку. — Я приказываю! Отпусти ее! Не забирай! Я дам тебе других! Много! Отпусти, я приказываю! Мам, не иди туда, назад! Иди ко мне! Ко мне! Ко мне!!!

И вдруг Кэрол раскрыла рот, судорожно, протяжно, в голос, почти с криком втягивая в себя воздух. Глаза ее распахнулись, она выгнулась, вцепившись пальцами в края реанимационного стола, на котором лежала. Нож, лежащий у нее на животе, соскользнул на пол. Приборы, к которым она была подключена, вдруг ожили.

— Иду... сынок, — выдохнула она слабо и, закрыв глаза, в бессилии замерла.

— О, Боже! — прохрипел кто-то.

Медсестра со стоном упала в обморок, но остальные бросились к Кэрол, оттесняя мальчика в сторону. Открыв снова глаза, Кэрол повернула голову и встретила с его взглядом.

— Рик... — прошептала она.

— Молодец, мам! — тот радостно улыбнулся.

— Прости меня, — уже одними губами беззвучно сказала она, и по щекам ее потекли слезы.

— Все хорошо, мам! Теперь все хорошо! Я с тобой! Не бойся.

Патрик наклонился и, проскользнув мимо ног врачей, подобрал свой нож. Торопливо спрятав его под штанину, он отполз назад и выпрямился.

— Выйдите, пожалуйста! Сенатор, да придите вы в себя, наконец! Вам нужна помощь? — доктор всмотрелся в бледное лицо Джека. Тот не ответил, только качнул отрицательно головой и, взяв Патрика за плечо, вывел из реанимации. Мальчик больше не сопротивлялся, совершенно успокоившись, и позволил себя увести.

— Пап... есть хочу, — невинно и совсем по-детски проговорил он и взял Джека за руку. — С мамой теперь все хорошо. Пойдем, поедим, а?

Джек снова кивнул. Мальчик всмотрелся ему в лицо.

— Пап, ты живой?

Тот кивнул.

— Что-то не очень похоже. Такое ощущение, что в маму вернулась жизнь, а из тебя вылетела, — он захихикал и дернул его за руку. — Пап, все обошлось. Ты испугался, да, что мама умерла? Не бойся. Я ее вернул. Видишь, как я могу? Круто, да? Ты теперь мне веришь?

Джек скосил на него недоверчивый удивленный взгляд, но снова промолчал.

Джек и Патрик смогли навестить Кэрол только утром, потому что ночью их к ней так и не пустили, сказав, что она обессилена и крепко спит. Они вынуждены были уехать домой. Патрик спокойно отправился спать, казалось, он больше не переживал, уверенный, что с мамой теперь все будет хорошо. Джек проводил его изумленным взглядом, но на этот раз поверил сыну, когда тот пытался его успокоить и заверил, что маме ничего не грозит. Он не мог сам себе объяснить, откуда его сын может это знать, но он понял, что мальчик на самом деле *знал*.

На все вопросы Хока, Норы и Шона он смог только тихо ответить, что все хорошо, и спрятался от всех в своем кабинете. Там, взяв бутылку с виски и стакан, опустился на кушетку. Устало откинувшись на подушки, он вытянул ноги и задумчиво уставился в книжные полки невидящим взглядом. Долго он сидел неподвижно, потом встряхнул головой, потер уставшие глаза, пытаясь отогнать стоявшую перед его мысленным взором картину — мертвая Кэрол. Его до сих пор не оставили те чувства, которые он испытал, увидев это. Тот охвативший его страх. По телу до сих пор пробегала нервная дрожь. О том, каким образом она вдруг вернулась к жизни, он вообще старался сейчас не думать. Не сейчас. Потом. Слишком много сегодня довелось пережить потрясений. Ему нужно прийти в себя, собраться с силами и мыслями.

Допив спиртное, он тяжело поднялся и отправился в спальню.

Там, раздевшись, забрал с кресла подушку Кэрол и положил рядом со своей на кровать. Лег и долго смотрел на пустое место рядом с собой. Потом взял ее подушку и, обняв, прижал к груди и зарылся в нее лицом, вдыхая ее запах. И только тогда смог уснуть.

Утром он еле заставил себя встать, уставший и разбитый.

Порадовавшись тому, что сегодня выходной и нет никаких дел, кроме как съездить в больницу к Кэрол, он поплелся в душ. Он больше не работал с такой страстью и фанатизмом, как раньше. Политика его не захватывала так, как прежняя работа. Он скучал по ней, ему ее не хватало. Лично он больше не вел никаких дел, но не было дня, чтобы он не появился в своей юридической компании. Он был в курсе всех дел и по-прежнему всем руководил. Он просматривал дела, помогая своим коллегам, подсказывал, а слишком сложные дела неофициально брал на себя, проводя расследования, выстаивая защиту, подключая свои связи. Он не мог быть официальным представителем, как защитник, но часто присутствовал в судах на тех делах, которые вел лично, или которые ему были просто интересны. Он подсказывал официальному защитнику, даже руководил, если было нужно. Его коллеги никогда не отказывались от его помощи, наоборот. Никто и никогда не считал зазорным принимать его советы или наставления. Даже такой зубастый и матерый юрист, как Зак, у которого опыта и таланта было не меньше, чем у самого Джека. Они по-прежнему дружили. Он теперь заправлял в компании Джека в его отсутствие, пока тот занимался своей новой карьерой. Зак остался недоволен тем, что Джек сменил направление, так сказать, оставил юриспруденцию и подался в политику. Он не понимал, зачем. И он оказался прав, когда пытался отговорить Джека. Джек теперь и сам не понимал — зачем? Зачем он едет в свой новый офис и занимается скучными рутинными делами, которые были ему совсем не интересны, думая при этом о каком-нибудь новом интересном деле его юристов, сидел в

своём офисе и копался в папках с делами своей юридической фирмы, которые таскал с собой, которыми был набит его новый офис, занимаясь совсем не тем, чем теперь должен был. Бросал все, отменял встречи ради того, чтобы поприсутствовать на судебных заседаниях, или сбегал из своего роскошного нового офиса и мчался с свою компанию. Когда однажды утром он вдруг очутился у здания своей компании вместо нового места работы, он долго в замешательстве сидел за рулем, не понимая, что произошло. Он всю ночь работал над каким-то очередным делом, а утром спросонья, не задумываясь, просто по привычке приехал на старое место работы. Разворачивая машину и отправившись в нужное место, там, где теперь он должен быть, он вдруг так остро почувствовал, как ему не хочется этого делать, что с тяжелым сердцем понял, что сделал ошибку, свернув со своей дороги в другом направлении. Никогда раньше он не совершал таких оплошностей. Ему захотелось покорять новые вершины, на новом поприще, потому что на своем он уже был на самом вершине. Он думал, что перемены и что-то новое помогут ему снова начать жизнь после того, как потерял семью, вернут ему вкус к жизни. А на деле оказалось, что он сделал только хуже, лишившись еще одного смысла в своей жизни — любимого дела. У него было две вещи, которые он любил, которыми жил — его семья и его работа. А теперь он потерял сразу и то, и другое. В какой момент вся его жизнь пошла крахом, как это не предотвратил, допустил, не смог с этим справиться?

На первый взгляд, поверхностный, было, вроде, все идеально, должно было быть. Он занимает высокий пост, у него знаменитая и преуспевающая юридическая фирма, он богат, у него есть дом на берегу океана, дом, который он так любил и который ему нравился. Его семья снова с ним. Его сын. Его Кэрл. Что не так? Почему чувство потери его не покидает? Почему он ощущает, что его жизнь лежит в руинах, и сам он на ее обломках истекает кровью, поверженный и разбитый, словно упал с большой высоты, на которую так упрямо взбирался всю свою жизнь? Когда он сорвался и почему, он же всегда так твердо стоял на ногах, даже покачнуть его было невозможно! И кто в этом виноват? Сам он упал или его кто-то толкнул? Кто все разрушил, поломал? Он сам? Но это невозможно. Он столько лет строил свою жизнь, не допуская никаких ошибок, разве он мог вдруг взять и все ненароком развалить, как какой-то последний идиот? Когда вдруг зашаталась его жизнь и начала сыпаться, как картонный домик, из основания которого выдернули какую-то важную карту? Что было той самой картой, началом этого краха? Что сломало его жизнь? Маленькая серебряная ручка с бриллиантом? С нее все началось. Всего лишь ручка. Всего лишь одна оплошность с его стороны, которая обернулась катастрофой, смерчем обрушившейся на его жизнь, разнося все в клочья, несмотря на все его попытки этому помешать, все исправить, наладить. Почему это оказалось ему не под силу, почему он не смог справиться с таким пустяком, он, который славился умением творить невозможное, которому все было по плечу? Почему он не мог справиться теперь? Почему опять все идет не так? Когда он перестал замечать то, что делает ошибку? Он поступал так же, как всегда, как привык, он ничего не менял ни в себе, ни в своем поведении, тогда почему все его действия стали приводить совсем не к тем последствиям, которых он добивался? Почему все вдруг вышло из-под контроля, под которым он держал все и всегда, всю свою жизнь, и почему он никак не мог снова этот контроль обрести? Словно все вдруг взбунтовалось в его жизни и отказывалось ему теперь подчиняться.

Он бился, задаваясь всеми этими вопросами, когда прибежал Патрик.

— Пап, ты еще не готов? Поехали скорее к маме!

— Хорошо, Рик. Только дай мне закончить... И выпить чашку кофе. И сразу поедем. Мама никуда не сбежит, думаю, — отозвался Джек раздраженно, соскребая бритвой пену с лица.

Патрик пристально наблюдал за ним.

— А ты чего опять злой? Может, лучше тебе пока к маме не ездить? Я могу съездить с Рэем и Дженни...

— Ты что, уже успел сообщить Рэю?

— Конечно. Только что позвонил. А что? Нельзя было? Почему?

Джек поджал губы.

— Только его мне не хватало! — процедил сквозь зубы он.

— Но он развеселит ее... у него всегда это получается. Она перестанет грустить. Не тебе же ее веселить, чтобы ей не было плохо. Ты не умеешь.

— Твоей маме жопу надо набить за то, что она сделала, а не веселить!

— Нет, не надо! Я так и знал, что ты будешь злиться на нее. Опять. Почему ты все время сердишься на нее?

— Потому что она меня злит!

— Ты не будешь ее ругать. Ты вообще ни слова ей не скажешь об этом... плохого.

— Рик, ты мне указывать будешь? Ты много на себя берешь. Давай-ка поговорим о другом, — отложив бритву, Джек повернулся к нему, строго сдвинув брови. — Почему это ты носишь с собой нож? Мама знает об этом? Ты понимаешь, что за то, что ты вчера устроил в больнице, тебе... и мне придется ответить? Ты порезал доктора.

— Они не пускали меня к маме, чтобы я ее спас, — насупилась мальчик. — Ничего они не сделают. Обычная истерика у ребенка... мама ведь умерла... К тому же, я еще маленький.

— Отдай мне нож. Ты не можешь носить его с собой.

— Почему это?

— Потому что это оружие, Рик! Холодное оружие! Не игрушка! Размахивая им, ты можешь кого-нибудь поранить!

— Этим ножом я уже убивал, пап, я знаю, что это оружие, именно поэтому я и ношу его с собой. И я тебе его не отдам.

— Убивал? Ты с ума сошел, Рик? Что это за фантазии такие? Это ты у своих приятелей — убийц этого дерьма набрался?

— Нет... это дерьмо было во мне еще до них, — огрызнулся мальчик. — Хватит, пап! Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь. Со мной так нельзя.

— Что с тобой, Рик? Ты очень изменился. Раньше ты мне не перечил. Слушался.

— Это было раньше.

— А что изменилось?

— Все. Я все-таки позвоню Рэю и скажу, чтобы он меня захватил с собой. А ты пока остынь. Не надо ехать к маме в таком настроении. Ей сейчас и без того плохо. Если ты собираешься ее ругать...

— Я не собираюсь! Иди завтракай, я сейчас оденусь и спущусь. Выпью кофе и поедем.

Патрик смерил его недоверчивым взглядом.

— Ну, ладно. Только смотри, если ты огорчишь опять маму... Мы уедем и никогда ты нас не найдешь!

— Не надо меня запугивать, Рик. Я не из пугливых, если ты не знал. И я не мама, которой ты можешь командовать. Не забывайся. Я такого поведения не потерплю.

— Хм, я тоже! — дернув плечом, Патрик развернулся и вышел.

Джек проводил его изумленным взглядом. Да, мальчишка совсем от рук отбился. И раньше был непростым, а теперь вообще становится неуправляемым. Попустила его Кэрол. Но ничего, он все исправит, займется не только женой, но и сыном. Тяжело вздохнув, Джек склонился над раковиной и, открыв воду, стал смывать остатки пены для бритья. И жена, и сын вышли из-под контроля, придется заняться их воспитанием.

Позавтракав, Джек взял с собой Хока и поехал в больницу. Патрик всю дорогу молчал, не проявляя желаний пообщаться. Джек, угрюмый и молчаливый, тоже не разговаривал.

Увидев в дверях Дженни, Кэрол улыбнулась, но улыбка растаяла на ее губах, когда за ее спиной появился Рэй. Девочка подбежала к ней и, наклонившись, обняла.

— Кэрол! Что случилось? — Дженни отстранилась и заглянула ей в глаза.

— Все хорошо, — Кэрол выдавила улыбку. — Я не хотела бы об этом говорить... сейчас. Хорошо?

— Конечно, — Дженни кивнула. — Но... теперь точно все хорошо?

Кэрол кивнула. Она чувствовала на себе взгляд Рэя, но не смотрела на него. Ей не хотелось его видеть. А разговаривать — тем более. Но вряд ли получится. Он остановился рядом и присел на край ее кровати.

— Кэрол... как же так? — подавленно проговорил он. — Почему? Зачем?!

— Рэй, я же попросила... не сейчас, — холодно отозвалась Кэрол, не взглянув на него. — Как мальчишки?

— Хорошо... с ними все хорошо.

— Спасибо, что пришли... но я... плохо себя чувствую... мне нужно отдохнуть, — Кэрол взяла Дженни за руку. — Ты можешь прийти ко мне и одна. Или с Патриком, если боишься потеряться в городе. А ты, Рэй, можешь не беспокоиться, у тебя и без меня куча забот... работа, дети...

— Поправляйся, — Дженни пожала ее руку и отошла.

Но Рэй придвинулся еще ближе, стиснув пальцами кисть Кэрол.

— Кэрол... Дженни, подожди меня в коридоре, я выйду через минуту... мне надо поговорить с Кэрол, — он обернулся к девочке.

Та кивнула и вышла за дверь.

— Это что... из-за меня? — простонал Рэй. — Я не хотел обидеть тебя, клянусь! Я люблю тебя!

Выдернув у него свою руку, Кэрол повернулась на бок, отвернувшись от него. Рэй растерянно смотрел на нее.

— Прости меня. Малыш... прости...

— Нет, — тихо отозвалась Кэрол, не поворачиваясь. — Не прощу. Однажды я уже тебя простила. Хватит. Больше не прощу. Никогда. Никого. Ты меня изнасиловал. Пошел ты. Пошли вы все!

Рэй хотел еще что-то сказать, безмерно расстроенный, но в этот момент в палату вбежал Патрик, держа за руку Дженни. Следом появился Джек.

— Мам! — радостно воскликнул мальчик.

Кэрол обернулась. Патрик подскочил к ней и обнял.

— Как ты себя чувствуешь? — он с тревогой заглянул ей в лицо.

— Слабой... и меня мутит. Но в целом все хорошо, — Кэрол улыбнулась ему.

— Ты нас напугала, — Патрик не отстранялся, продолжая прижиматься к ее груди. — Я так тебя люблю, мам! Теперь все будет хорошо. Я защищу тебя. От всех. Если хочешь, мы опять уедем. Ты хочешь?

Кэрол слабо кивнула, когда он пытливо взглянул на нее.

— Мам... ты меня слышала? Когда... была там? Ты умерла. А я тебя вернул. У меня получилось. Все просто охренели! Это было так круто, представляешь? Одна тетка даже в обморок свалилась!

Он звонко рассмеялся. Кэрол погладила его по щеке.

— Да, сынок, я тебя слышала. Спасибо, что вернул меня. Прости меня. Я так больше не буду. Я просто... не знаю... у меня словно вдруг закончились все силы...

— Это не так, мам. В тебе есть силы, их много, очень много. Рэй нас блокирует, но мы уедем, и тогда мы сможем все. А что ты видела... там?

— Сынок, давай не сейчас. Мы поговорим наедине. А то все подумают, что мы сумасшедшие.

— Пусть думают, что хотят. Люди странные, они не хотят верить даже в то, что видят. Я оживил тебя, а они все равно будут думать, что это просто совпадение, что ты сама очнулась. Конечно, легче поверить в то, что человек умер, а потом ожил — это же нормально, все так делают. А вот поверить в мою силу не может никто. Как будто оживающие покойники — это более реально. Даже папа так и не поверил, хотя видел все собственными глазами.

Патрик обернулся на Джека, но Кэрол не посмотрела на него, упрямо не желая смотреть ни на него, ни на Рэя, хотя чувствовала на себе их взгляды, которые ее жгли огнем.

Дженни робко и с любопытством разглядывала отца Патрика. Мальчик был на него похож. Как странно, дети Кэрол так походили на их отцов, а нее — ни капли. Одетый в длинный черный плащ, под которым была видна светлая рубашка, темно-серые брюки, кожаные туфли, он показался девочке очень строгим, даже суровым. Он был видным, солидным, не смотря на молодость, весть такой из себя, представительный и важный. Хорошо сложенный, стройный, с прямой осанкой и самоуверенным высокомерным взглядом. Дженни еще не доводилось встречать таких людей, она видела таких только по телевизору. Людей, как выражалась ее тетя, высокого полета, которые считали себя главными в этой жизни. Этот человек производил такое же впечатление. Все в нем кричало о силе и властности, что он, и только он распоряжается в этой жизни, а все остальные только подчиняются. Это было неприятно. Ей очень понравилось его лицо, несмотря на немного надменное выражение, но не понравились глаза, хоть их и можно было назвать красивыми, одинакового с Патриком цвета — цвета мокрого асфальта. Колючие, пронзительные, с тяжелым невыносимым взглядом. И почему-то Дженни почувствовала, что боится этого человека. С ним она бы ни за что не осталась, как с Рэем. В отличии от Рэя, он не внушал ей никакого доверия, наоборот. По крайней мере, так показалось лично ей. Вот Рэй был совсем другим. Он сразу располагал к себе, сразу начинал нравиться, с первого взгляда. Он был легким. А этот человек — нет. Наоборот, он был очень даже тяжелым, через чур. Таким тяжелым, что своей тяжестью давил все вокруг и всех. Дженни уже чувствовала это давление. И это ей не нравилось. И вместе с тем этот мужчина завораживал, чем именно — не понятно. Может быть, своим приятным обликом, хоть и не мягким, но все равно привлекательным. Может, чувствующейся в нем внутренней силой и уверенностью.

Почувствовав ее взгляд, Джек повернул к ней голову.

— Здравствуйте, — девочка робко улыбнулась ему. — Я Дженни.

— Привет, — Джек окинул ее внимательным взглядом, слегка удивленный тем, насколько красивой оказалась эта девочка. И как она походила на Мэтта. Теперь понятно, почему это Патрик так ею одержим. Влюбился.

Джеку вдруг стало не по себе из-за ее сходства с отцом. Те же большие карие глаза, прекрасные, тронутые печалью. Черные роскошные волосы. Высокая. Из-за роста и уже сформировавшегося телосложения казалась старше своего возраста. Кажется, ей пятнадцать? Ни за что бы не подумал. Застенчивая, робкая, тихая. Не из бойких, сразу видно. И на него смотрела с затаенным страхом, настороженно. Это позабавило Джека. Чего это она его сразу испугалась? Он ничего такого не сказал и не сделал. Несмотря на всю ее красоту и очарование, Джек не почувствовал к ней симпатии. Ему не нравилось то, что Патрик ею так увлекся. Не нравилось, что в их жизнь вклинилось что-то, имеющее отношение к Мэтту. С тех пор, как он погиб, Джек пытался уничтожить все, что могло о нем напоминать, вычеркнуть его из своей жизни, вернее, из жизни Кэрол. Откуда они откопали эту девчонку? Джек знал, что ее пригрел Рэй, конечно, по просьбе Кэрол. А она, не побоялась доверить ему такую соблазнительную девицу, которая совсем уже не походила на ребенка? Рэй будет не Рэй, если не оприходует ее. Если еще этого не сделал. Хотя... вряд ли. Малолетки Рэя никогда не интересовали. Но вот через несколько лет... Сейчас же Дженни его явно не интересовала, как объект для желания. И он по-прежнему смотрел влюбленными глазами на Кэрол. А она все так же оставалась к его любви равнодушна. А Джека это так же радовало, как и раньше. Встретившись с горящими ненавистью глазами Рэя, Джек не удержался от насмешливой ухмылки. Он ожидал, что Рэй бросится на него с упреками, обвиняя в том, что произошло, но, к его удивлению, сегодня воинственный пыл в Рэе напрочь отсутствовал. Наоборот, он выглядел каким-то потерянным, сникшим. Ошеломленным. Что же, это не удивительно. Наверное, просто еще не пришел в себя после новости, что его драгоценная Кэрол чуть на тот свет не отправилась. Ведь он только узнал. В отличие от него, у Джека было время прийти в себя. Но Рэй его сейчас интересовал меньше всего. И все остальные тоже. Он смотрел на Кэрол, и тем самым пытался изгнать из своей памяти то, что стояло перед его мысленным взором до сих пор — мертвая Кэрол. Кэрол, сердце которой не билось. Это было реально, по-настоящему. Сейчас, видя ее живой, он вдруг почувствовал, что его раздражение уходит, уступив место облегчению и радости. Ему вдруг захотелось подойти к ней и обнять. Нет, он не готов был к ее смерти. Не хотел этого. То, что он ощутил в те мгновения, было ужасно, нестерпимо. И боль, которую он испытал, увидев ее бездыханной, была невыносимой. Нет, ее смерть бы не освободила его, как он предполагал, она бы заставила его страдать всю оставшуюся жизнь. И ощущение пустоты, одиночества, охватившие его, когда он понял, что ее больше нет, превратили бы его жизнь в ад. Ад, в котором он жил после аварии и в который не хотел возвращаться.

Он понимал, что не сможет до конца жизни удерживать Кэрол силой. Пока она молчала и не просила ни у кого о помощи, но так может быть не всегда. Если об этом пронюхает пресса, будет скандал. Конечно, он всегда может сослаться на то, что она сумасшедшая, но все равно все эти разбирательства, шум, скандалы ни к чему хорошему не приведут. Пресса не упустит случая смешать его с грязью и подпортить репутацию, которой он теперь очень дорожил. И плакала тогда его политическая карьера. К тому же ему совсем не нравилось то, как складывались отношения с Патриком, что он готов был вот так запросто уехать, уйти от него, «забрав мать». Мальчик был явно настроен против него. Очевидно, что за время, проведенное вдали от него, сын отвык от него, отдалился, а к матери, наоборот, привязался

крепче, сблизился с ней. И теперь считал себя ее защитником, тогда как раньше эта роль всецело принадлежала ему, Джеку. Раньше он был главным. Теперь Патрик так больше не считал. Джек не знал по какой причине, но свой авторитет он перед сыном потерял, это было видно по поведению мальчика. Теперь Патрик считал главным себя. Его сын очень изменился. Он выглядел намного старше своего возраста, и вел себя не по годам, совсем не так, как положена в его возрасте. Джек сильно сомневался в здоровье его психики, и собирался показать его врачам, но не знал, как это сделать так, чтобы сын еще больше на него не обозлился. Даже отправить Кэрол в психиатрическую клинику, как планировал, он теперь не мог. Патрик был уверен в том, что она здорова, и это вызовет бунт, протест, еще больше настроит мальчика против него. А Джек этого не хотел. Настрой сына, его отношение причиняли Джеку боль, еще большую, чем отношение Кэрол. Что он сделал не так, где допустил ошибку, упав в глазах тех, кто раньше смотрел на него с такой преданностью и любовью, с таким уважением и почтением? Где полный восхищения и непоколебимого доверия взгляд его сына? Неужели все это сделала Кэрол, разрушив все то, что мальчик раньше испытывал к своему отцу, настраивая против него ребенка? Конечно, это она, и Джек даже знал, зачем она это делала. Чтобы Патрик не захотел вернуться к нему, не пытался подражать, как делал всегда раньше, чтобы не вырос, похожим на него. Она думала, что будет лучше, если он станет похож на нее и ее прибабахнутую мамашу? Видимо, так и думала, раз внушала ему весь этот бред, которым была одержима сама, переняв от своей матери.

Но, разглядывая ее сейчас, Джек не почувствовал прежней злости и неприязни. Наоборот, сердце его вдруг сжалось от жалости. Она сумасшедшая. Она верит в этот туман, проклятие и дар. Верит, потому и рассказывает о них сыну. Не с целью навредить, наверное, она думает, что помогает ему, защищает, рассказывая обо всем этом. Ведь ей невдомек, что она сумасшедшая, и что тем самым она затягивает в свое сумасшествие и ребенка. Он верит в то, что оживил ее. Конечно, откуда ребенку знать о таких вещах, как клиническая смерть.

После попытки самоубийства, учитывая ее историю болезни, Кэрол наверняка принудительно отправят на лечение в психиатрическую лечебницу и без его, Джека, участия. Патрик не сможет теперь обвинить в этом его, что это он ее туда отправил. Джека предстоящая разлука опечалила, но он не собирался этому противиться. Так будет лучше. Пусть ее подлечат, глядишь, успокоится, образумится. К тому же, он все равно не знал, как теперь себя с ней вести. Ее попытка самоубийства заставила его растеряться. Он никак не ожидал, что она сломается. Неужели, это он ее сломал? Джек не желал признавать свою вину. Но обвинят все равно его. Как Патрик. Ну, может, он слегка и перегнул... Но кто знал, что она побежит глотать таблетки, она же всегда была сильной, даже Кейт не удалось ее сломать. И вдруг она решила умереть. Почему?

Кэрол избегала его взгляда, даже не смотрела в его сторону, из чего он сделал вывод, что все-таки имел отношение, и непосредственное, к тому, что она сделала. Он расслышал, как она прошептала Патрику, чтобы он всех увел, что ей плохо и хочется побыть одной.

— Пусть никто ко мне не приходит, только ты и Дженни. Больше никто. Никто. Пожалуйста.

— Хорошо, мам, — мальчик кивнул. — Я скажу папе, он оставит Хока, тот никого к тебе не пустит. Отдыхай, набирайся сил. Как только тебя выпишут, мы уедем.

— Нет, сынок... Доктор сказал, что, скорее всего, мне нужно будет лечь в клинику... Я согласилась.

— Согласилась? Зачем? В какую клинику? Психушку? Но ты не сумасшедшая! Я не позволю! Мы же должны ехать к Луи!

— Мы поедem, обязательно поедem, только чуть позже. Сейчас бы все равно не получилось. Папа бы нас не отпустил...

— К черту папу! — вскричал Патрик, не обращая внимания на отца, стоявшего за его спиной. — Он ни хрена ничего не знает и не понимает, он не может принимать никаких решений относительно нас. Если он нас не отпустит, я всем это расскажу! Журналистам, полиции — всем! Мы не его рабы, он не может нами командовать и силой удерживать! Расскажу, что он тебя бил и обижал! Что я сам видел, как он избивал тебя ремнем, что если бы не помешал, он бы тебя убил! Все расскажу! Что довел до попытки самоубийства! — подскочив, Патрик обернулся к отцу, вперив в него вызывающий взгляд. — Слышал?

Все изумленно уставились на Джека в ожидании его реакции. Он не отрывал он Патрика тяжелого неподвижного взгляда и молчал.

— Если мама захочет уйти, она уйдет, и ты мешать ей не будешь. Если хочешь, чтобы она была с тобой, чтобы мы были, сделай так, чтобы она сама этого захотела. Захотела быть с тобой снова, по своей воле, а не по принуждению. Ты не имеешь права нас заставлять. Ее заставлять. Я тебе не позволю. Не хочешь нам верить — не надо! Но тогда и не мешай! Мама не поедет ни в какую психушку! Когда ее выпишут, мы поедem в Париж, у нас там важное дело, а потом решим, что делать дальше. Если мы решим свою проблему и она захочет, мы вернемся домой, к тебе.

— А если нет? — тихо спросил Джек.

— Нет, значит нет! — отрезал Патрик. — Разведетесь. Найдешь себе какую-нибудь Даяну и женишься, она родит тебе еще сына. Многие так делают. Ничего страшного.

— Вот как? Ничего страшного? Но я так не хочу. У меня уже есть и жена, и сын. Другие мне не нужны. Других никогда не будет.

— Раз так, тогда нас надо было беречь и ценить. Не обижать.

— Разве я тебя обижал? Чем? Когда?

— У тебя была любовница. Ты обижал маму. А значит, подвергал опасности ваш брак, нашу семью. Ты нам врал! Врал, когда мы тебе так верили! А теперь, когда мы к тебе вернулись... вместо того, чтобы радоваться, ты все время злишься. Значит, ты этому совсем не рад?

— Нет, я рад. Очень рад.

— Что-то я этого не заметил. Ты злишься из-за Нола? Ну и что? У тебя же была любовница. Наверное, даже не одна, судя по тому, как ты об этом рассуждаешь. А у мамы был Нол. Вы квиты. Хочется на кого-то злиться, найти виноватого — злись на себя, а не на нее, ты виноват, один только ты, я уже тебе об этом говорил. А на маме свою злобу нечего срывать, найди себе другую грушу для битья. Я вырос, и теперь она под моей защитой. Никто не будет ее обижать! Я знаю, она выпила эти таблетки, потому что отчаялась, думала, что ее некому защитить от тебя. Только есть кому! Я! Я могу ее защитить! Даже от тебя!

— От меня ее не нужно защищать, Рик, я люблю ее. И тебя я люблю. Я просто хочу, чтобы вы были со мной. А ты? Разве я тебе стал не нужен? Ты меня больше не любишь?

— Это глупые вопросы, — обиженно буркнул Патрик. — Ты мой папа. Конечно, я люблю тебя, и ты мне нужен. Но ты не хочешь мне верить. И маму обижаешь. Мне это не нравится. Я так не хочу. Даже если ты не можешь нам поверить, ты должен нам доверять.

— Доверять? Это трудно, сынок, после того, как вы сбежали, обманув меня, заставив

все это время думать, что вы умерли.

— Я знаю. Но ты все равно должен нам доверять. Все равно.

— Хорошо. Но мне нужно время.

— У тебя его сколько угодно. Нам с мамой некуда спешить. Нам все равно надо еще самим во всем разобраться. Пока не разберемся, ты все равно не сможешь быть рядом с нами. Если мы сможем решить свои проблемы, сможем сделать так, чтобы не навредить тебе, мы вернемся, и тогда вы с мамой можете начать все сначала. Она захочет, я знаю. Она любит тебя. Вы забудете все свои обиды и начнете с чистого листа. И Дженни будет жить с нами.

Девочка вздрогнула, услышав свое имя, и устремила на Джека испуганный взгляд. Ей совсем не понравился этот ультиматум, который Патрик выдвинул своему отцу. Но последний даже не взглянул в ее сторону, словно его это вообще никак не волновало.

— Мы все обсудим, Рик... только не здесь и не при посторонних.

— А кто здесь посторонний?

В этот момент в палату вошел доктор, прервав разговор. И Джек, и Патрик сразу замолчали.

Кэрол, забыв на мгновение о своих обидах, переглянулась с Рэем, пораженная этим разговором. Тот тоже был в шоке. Ай да Патрик! Вот это характер, похлеще отца и деда вместе взятых будет! Даже Джек был шокирован, не зная, как на это реагировать.

Доктор окинул всех неприветливым взглядом и остановил его на Джеке.

— Больной нужен покой. Она все еще слаба. А с вами мне нужно поговорить.

Джек кивнул и бросил взгляд на Рэя.

— Уже все уходят.

Шагнув к Кэрол, Рэй сжал пальцами ее кисть и, наклонившись, нежно поцеловал в лоб.

— Я люблю тебя, малыш, — шепнул он.

Кэрол молча кивнула в ответ, слегка улыбнувшись ему, чтобы Джек не заметил неладное между ними. Но, заглянув в ее глаза, Рэй не увидел в них этой улыбки, там был лед, под которым она пыталась спрятать свою обиду и боль, о которых все равно кричали ее глаза. И она опустила веки, спрятав взгляд под длинными густыми ресницами. Рэй выпрямился и отступил.

— Дженни, пойдем, — позвал он и прошел мимо Джека, даже не взглянув на него и так и не сказав ему ни слова, даже не поинтересовавшись, что произошло. Джеку это показалось странным. Он был уверен, что Рэй кинется на него, чтобы призвать к ответу, почему это Кэрол вдруг решила покончить с собой. Он проводил Рэя недоуменным взглядом. Потом перевел его на Кэрол, но доктор его отвлек.

— Пойдемте. Поговорим наедине.

Джек пошел за ним. Тон и вид доктора ему не понравился. И он догадывался о чем пойдет речь.

Зайдя в ординаторскую, доктор подождал, когда Джек зайдет следом, потом плотно прикрыл дверь. Остановившись напротив Джека, он устремил на него прямой открытый взгляд.

— Я изучил историю болезни вашей жены... узнал о том, что она уже дважды проходила лечение в психиатрической клинике. Что это вторая попытка суицида. Первая была еще в детстве.

Джек кивнул.

— Что послужило причиной на этот раз, вам известно?

Джек вздохнул.

— Она долгое время находилась в плену у одной ненормальной...

— Да, я об этом слышал из новостей.

— Видите ли, с ней сейчас не совсем все в порядке. Я имею ввиду... у нее странные фантазии, такие же, как были у ее матери. Про какой-то черный туман...

— Возможно. Так бывает. Шизофрения передается по наследству. Тогда почему вы не положили ее в больницу на лечение?

— Я собирался. Но... она только что вернулась, я... соскучился... понимаете... хотел еще хоть немного побыть с ней...

— А ваш сын? Он наблюдается у психиатра?

— Сейчас нет. Я не вижу в этом необходимости.

— Мне так не кажется. Там, в реанимационной, он вел себя странно. И у него был нож. Он порезал реаниматолога.

— Это просто был шок. Он увидел мертвую маму... Я готов принести свои извинения и возместить ущерб... и больнице, и ему лично.

Доктор внимательно изучал его взглядом, и Джеку совсем не понравился этот взгляд.

— Откуда у вашей жены такие многочисленные гематомы и ссадины на теле? А следы на запястьях?

— Она была в плену...

— Нет, это свежие следы.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза.

— Вам лучше не лезть не в свое дело, доктор... — Джек опустил взгляд на его бейдж. — Фрейзер.

— И не собираюсь. Я обязан сообщить об этом в полицию. Пусть они и разбираются, — холодно отозвался тот, не сумев скрыть своей неприязни.

— Доктор Фрейзер, это лишнее. Моя жена сумасшедшая, я вынужден принимать некоторые меры... Я бы не хотел, чтобы об этом стало известно...

— Меры? Заковывать ее в наручники? Избивать? Это не меры. Единственная мера, которую вы должны были принять — это отдать ее на лечение. Или вы считаете, что, истязая ее, вы ее вылечите? Может, потому она и пыталась покончить с собой? Знаете, когда я предложил ей добровольно отправиться на лечение, она сразу согласилась. Я в первый раз вижу, чтобы человек вот сразу и с такой готовностью согласился отправиться в психиатрическую клинику. Вам не кажется это странным?

— Поведение моей жены уже давно не кажется мне странным. Она сумасшедшая. Я привык.

— Речь сейчас не о ней, а о вас. О том, что вы с ней делаете. О том, что она готова умереть или отправиться в психушку, лишь бы не оказаться снова в ваших руках. Разве я не прав?

— Вы не правы. Все совсем не так, как вы себе вообразили.

— Я ничего не воображал. Я просто вижу, что вашу жену чем-то избивали... скорее всего, это был ремень, похоже на следы от ремня. Вижу, что ее запястья опухли от многочисленных гематом, что говорит о том, что ее приковывали, скорее всего наручниками, и это было не один раз. Еще у вашей жены был сексуальный контакт перед... перед тем, как ее привезли сюда. Она была с вами?

— Да.

— По своей воле?

— Ну, естественно. Мы же муж и жена, что в этом необычного?

— То есть, хотите сказать, она занималась с вами сексом, а потом пошла и наглоталась после этого таблеток, чтобы покончить с собой?

— Выходит, что так.

— Но почему? У вас все настолько плохо в постели, что после секса с вами женщина захотела покончить с собой?

Издвка в голосе доктора привела Джека в бешенство. Схватив его за халат, Джек встряхнул его.

— Да что ты себе позволяешь?

— Уберите руки, иначе я заявлю о нападении. Хотя я и так намерен сообщить полиции о том, что вы распускали руки и пытались заставить меня скрыть то, что ваша жена подвергалась насилию. Что угрожали.

— Я еще не угрожал. Но сейчас начну. Тебе лучше не связываться со мной.

— Я вас не боюсь... сенатор. И на вас управа найдется.

— Уверен? А если нет? — губы Джека тронула холодная презрительная улыбка. — Что тогда будешь делать, когда я захочу тебя наказать? В полицию побежишь? А если не добежишь? Закрой свой рот и занимайся своими делами. И не лезь в мои. Если попытаешься мне навредить, я тебя с землей сравню, понял?

— Какие-то бандитские у вас замашки, сенатор. Можно же решать вопросы и по-другому, не считаете?

Джек разжал пальцы, выпуская его.

— Конечно, — примирительно сказал он. — Сколько?

— Думаю, ста тысяч будет достаточно для того, чтобы я не заметил синяки вашей жены.

— А ничего у тебя не треснет? Может, сразу миллион?

— Не откажусь.

— Ладно, будет тебе сто тысяч. Только держи язык за зубами.

— Само собой. Слово даю. Деньги мне нужны сегодня, не позднее конца моей смены. Она заканчивается в восемь.

— Хорошо.

— И без глупостей, сенатор. Я все рассказал своему брату, он работает в полиции. Так что если со мной что-то случится...

— С тобой ничего не случится, пока ты будешь держать язык за зубами, — перебил его Джек.

— Рад, что мы договорились, — Фрейзер пожал ему руку и посмотрел на часы на запястье. — Мне пора. Кстати... ваша жена самая милая и прекрасная из всех моих пациенток, вы бы с ней все-таки помягче как-то. У нее такое сногшибательное тело... зачем же портить... Вы не похожи на садиста. Наверное, было за что ремня надавать, да? Небось, гульнула на стороне, да?

Джек побагровел. Фрейзер усмехнулся.

— Я так и подумал. М-да, за такой женой только глаз да глаз нужен... Ну что ж, надеюсь, у вас все наладится. До встречи!

Дружески похлопав Джека по плечу, как старого приятеля, доктор удалился. Тот проводил его почерневшими глазами и, стиснув зубы, вышел следом. У стойки дежурной

медсестры он попросил телефон и позвонил Шону.

— Пробей-ка мне Стива Фрейзера, доктора из этой больницы. И узнай, если у него кто-то из полиции. Информация мне нужна до вечера. И подготовь мне сто тысяч, наличными. Тоже к вечеру. Дома все расскажу.

Договорившись с главврачом о разрешении оставить охрану у палаты жены, Джек поручил Хоку этим заняться. Когда он пришел в палату к Кэрол, она крепко спала. Патрика не было. Наверняка уехал с Рэем и этой девчонкой.

Джек долго сидел у кровати Кэрол, не тревожа ее сна, разглядывая. Красивые белые волосы ее в беспорядке разметались по подушке. Они стали нравиться ему, несмотря на то, что с ними она еще больше походила на Элен. Они ей шли, как ни странно. И он начинал к ним привыкать. Ему больше не хотелось, чтобы она их перекрасила. С ними она казалась ему еще красивее. Нежнее. Сейчас, когда она спала, она снова была похожа на ту Кэрол, которой была раньше — беззащитную, трогательную, нежную девушку. Мягкую, добрую. Девушку, которую ему хотелось защищать и оберегать. Которую так любил.

Скользя взглядом по ее телу, красоту которого не могла скрыть даже больничная сорочка, он почувствовал возбуждение. Протянув руку, он положил ее на упругую округлую грудь и погладил. Она никак не отреагировала, даже дыхание ее не сбилось. Тогда он встал и, склонившись над ней, поцеловал в приоткрытые губы. Его охватила досада, что они сейчас здесь, а не дома, не в своей спальне. Что он будет делать, если ее отправят в лечебницу? Найти пока себе другую женщину? Но сейчас он этого не хотел, не хотел никакую другую. Только ее.

Когда он вышел, прикрыв за собой дверь, Кэрол открыла глаза, в которых не было и тени сна, и, повернув голову, посмотрела на закрывшуюся дверь. Потом отвернулась и снова закрыла глаза, горестно поджав губы.

Позже к ней заглянул Хок с высоким широкоплечим парнем, сказав, что он будет ее охранять. Кэрол окинула мужчину взглядом и приветливо улыбнулась.

— Пожалуйста, не пускайте ко мне никого, кроме Патрика и Дженни. — попросила она.

— Хорошо, — кивнул тот.

— И моего мужа — тоже.

На лице парня появилась растерянность, он переглянулся с Хоком.

— Но он же мой босс. Я не могу его не пустить.

— Ладно, я пошутила, — Кэрол вздохнула. Парень расслабился.

— Я буду за дверью. Если что, зовите, — он тепло ей улыбнулся и вышел.

Хок, отведя взгляд, вышел следом.

До вечера, кроме медперсонала, ее никто не беспокоил.

Вечером ее снова навестили Патрик и Дженни, на этот раз только вдвоем, как она и просила. Патрик поинтересовался, можно ли приехать Дороти, которая хотела бы навестить ее. Кэрол кивнула.

— А Касевес не вернулся?

— Нет, мам. Он ничего не знает.

— Хорошо. И не надо. Я не хочу его больше вмешивать в свои проблемы, он и так много для нас сделал. Рэй мне сказал, что у него хуже стало с сердцем. Но как приедет, сообщи мне. Я так хочу его увидеть. Так соскучилась, — Кэрол грустно вздохнула. — Только не надо

говорить о том, что со мной случилось.

— Долго тебя здесь держать будут?

— Нет, еще пару дней, доктор сказал.

Потом они долго болтали ни о чем. Дженни делилась впечатлениями, рассказывая, что сегодня Патрик устроил ей экскурсию по городу. Рэй тоже планировал вчера поехать, но после визита в больницу отказался. Патрик рассказал, что он очень расстроился из-за того, что случилось, сильно переживает, сам на себя не похож. Как приехал из больницы, закрылся в кабинете и целый день оттуда не выходит. Дороти сказала, что он там пьет. Даже к малышам ни разу за целый день не подошел.

— Почему ты запретила ему приходить? Он тебя обидел?

— Нет, Рик. Дело не в нем, а во мне. Мне просто никого не хочется видеть. Так бывает.

— И папу?

Кэрол кивнула.

— Это... из-за него? Из-за него ты выпила эти таблетки?

— Не из-за него конкретно. Понимаешь... из-за всего.

— Со мной тоже так бывало, — тихо сказала Дженни. — Когда находило такое отчаяние... что жить дальше, казалось, не имело смысла. Когда задумываешься... а зачем мне такая жизнь? Но... теперь все изменилось. И я так больше не думаю. Я была обречена... я так думала, все так думали. Но теперь у меня здоровое сердце, и другая жизнь. Новая жизнь. И теперь я верю в чудеса... и в Бога. И в людей. И ты верь, Кэрол. Если сегодня больно и темно, завтра посветлеет и боль уйдет. Вот увидишь. Просто нужно перетерпеть. И дождаться. И тогда обязательно все изменится.

— Да! — подтвердил Патрик, энергично кивнув. — А мы поможем. Ты не одна. У тебя есть мы.

Кэрол улыбнулась.

— Сынок, я тебе хотела сказать... ты бы был поосторожней с папой. С ним так нельзя. Он такого не потерпит.

— А что он мне сделает? Ремнем побьет? Пусть попробует. Я не боюсь его. И ты не бойся.

— Все равно. Угрожать собственному отцу... это неправильно.

— Мам, мне плевать, что правильно, а что нет. По мне — все способы хороши, если они сработают. Надо же как-то его приструнить, уговорить, а то больно разошелся, сам не остановится. Он на бешеного быка похож — получил по носу и давай все крушить, топтать, пока все не разнесет, не уговорится. А потом сам же жалеть будет. Но и на бешеных быков управа есть. Кольцо ему в нос и держать за него, пока не успокоится. Сам же потом спасибо скажет.

— Кому это кольцо в нос? — раздался за его спиной голос Джека.

Патрик обернулся, ничуть не смутившись.

— Тебе, кому еще? — вызывающе бросил он.

Джек рассмеялся, чем удивил всех присутствующих. А Кэрол удивилась еще больше, увидев в его руках цветы. Подойдя к ним, он захватил стул и, поставив его рядом с кроватью, наклонился к Кэрол и отдал ей цветы.

— Привет, любимая.

Под ошеломленным взглядом жены, он наклонился еще ниже и поцеловал ее в губы. Выпрямившись, он сел на стул и приветливо кивнул Дженни. Та улыбнулась в ответ.

— Поставить цветы в воду? — спросила она у Кэрол. Та кивнула, отдав ей букет.

— У меня хорошие новости, — объявил Джек. — Я договорился, что мама сможет проходить лечение дома, амбулаторно, а не в стационаре. Правда, под ежедневным наблюдением врача, который будет ее навещать. И, если она будет себя хорошо вести, обойдемся без больницы.

Патрик радостно подскочил.

— Здорово! Молодец, пап! Спасибо! Мам, слышала? Никакой психушки! Что с тобой? Разве ты не рада?

— Я же говорила, я не против больницы, — тихо ответила она.

— С ума сошла, что ли? Зачем тебе психушка? Выдумала! Нечего тебе там делать!

— Я смогу взять отпуск, — продолжил Джек. — Мы поедем в Париж, по вашему важному делу. Я бы хотел поучаствовать... Познакомиться с этим Луи, послушать его, узнать, что к чему. Хочу быть в курсе всего, что с вами происходит. Узнать, что это за проклятие, что за дар... Хочу увидеть доказательства и поверить...

— О, ты увидишь! И сразу поверишь! Перестанешь считать нас сумасшедшими... и не будешь больше обижаться на маму, когда поймешь, что все, что мы сделали — все только ради тебя.

Обрадованный Патрик обнял его, сразу утратив всю свою враждебность. Джек улыбнулся, прижав его к груди. Встретившись с холодным взглядом Кэрол, он понял, что ей не понравилась ни первая, ни вторая новость, которые привели Патрика в такой восторг. В отличие от ребенка, она не поверила ему, ни на миг. Столь резкая перемена в нем лишь насторожила ее. Но она ничего не сказала, придерживая при себе свое мнение. Похоже, она вообще не собиралась с ним разговаривать.

В палату вернулась Дженни, неся вазу с водой, в которую поставила цветы.

— Какие красивые. — с улыбкой заметила она.

— Рад, что хоть тебе они понравились, — Джек посмотрел на нее. Девочка вдруг покраснела под его взглядом. Сейчас он показался ей совершенно другим, не таким, как утром. Приятным и очень даже милым. И было заметно, что он действительно любит и Патрика, и Кэрол. Вот только последняя явно не хотела разделить его чувств. Почему? Не любила больше? Из-за Нола?

— Пап, мы завезем Дженни домой?

— Завезем.

— А может, пригласим ее на ужин? — наглед Патрик, решив воспользоваться хорошим настроением отца, пока есть возможность. — Я хочу показать ей наш дом, свою комнату. Пожалуйста! А потом Хок отвезет ее домой.

Дженни с ужасом в глазах уставилась на Джека, но тот лишь спокойно кивнул.

— Хорошо.

— О, пап, ты самый лучший! — Патрик снова повис у него на шее. — Прости, что я так с тобой разговаривал. Я больше так не буду... если ты будешь хорошо себя вести.

Джек снова рассмеялся и примирительно потрепал мальчишку по макушке.

— Договорились. Только давай обойдемся без кольца в нос. Я все-таки сенатор, люди не поймут.

На этот раз расхохотался Патрик, счастливый от того, что помирился с отцом. И что тот даже не рассердился, услышав про кольцо и про бешеного быка. Он покосился на маму, которая не поделила их радости и веселья, бледная, с застывшим лицом, на котором ни на

мгновение не промелькнула даже тень улыбки. Наоборот, она отвернулась, смотря в окно, словно отрешившись от всего, что происходило в комнате. Патрик неодобрительно покосился на нее, но ничего не сказал. Погладив ее по белым волосам, он поцеловал ее в щеку.

— Не грусти, мам. Все будет хорошо. Все наладится, — ласково сказал он. — Отдыхай, мы пойдем.

Джек поднялся, не отрывая от нее глаз.

— Пока, Кэрол.

Она не ответила, даже не повернулась. Дженни подошла к ней и погладила по руке. Только тогда она повернулась и подняла на нее наполненные слезами глаза.

— Мам, ну ты чего? — расстроился Патрик. — Чего плачешь? Что-то ты совсем раскисла. С тобой такого никогда раньше не было. Что с ней?

Он вопросительно посмотрел на Джека. Тот разглядывал Кэрол.

— Я не знаю, Рик.

«Все ты знаешь, козел!» — подумала Кэрол.

— Идите, Рик. Я в порядке. Просто... и вправду раскисла. Настроение такое. Это пройдет.

Когда они ушли, Кэрол позвала своего охранника.

— Выбрось эти цветы, — процедила она сквозь зубы, когда он заглянул в дверь.

Тот вошел в палату и взял вазу в руки.

— Красивые... жалко.

— Выбрось! У меня на них аллергия.

— А, ну тогда ладно, — забрав вазу, охранник вышел.

Она без интереса переключала каналы, когда в палату заглянул доктор Фрейзер.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он, заглядывая в ее историю болезни.

— Лучше, — коротко ответила Кэрол.

— Результаты обследования неплохие. Через пару дней, думаю, вас можно будет выписывать. Кстати, слышал, что ваш муж подсуетился, чтобы вас не положили в клинику, а лечили дома. Это не просто, получить такое разрешение. Видимо, у него хорошие связи.

Кэрол промолчала, смотря в экран телевизора и чувствуя, как взгляд доктора скользит по ней.

— Но ведь вы не хотели бы возвращаться... домой, к нему? Ведь так? Я хотел с вами поговорить, миссис Рэндэл. Кэрол. Вы позволите к вам так обращаться? Я бы хотел вам помочь.

Кэрол посмотрела на него. Он вдруг взял ее кисть и зажал ее между своих ладоней.

— Я знаю, почему вы хотели покончить с собой. Знаю, как он с вами обращается. С такой женщиной... — его голос охрип. — Я бы мог дать показания, заявить о ваших телесных повреждениях. Мог бы заставить его ответить. За все.

Кэрол опустила взгляд и покачала головой.

— Спасибо вам, но не надо. Мне это не поможет. Вы не знаете его. Не думайте, что вам удастся вот так запросто припереть его к стенке. Не связывайтесь с ним. Это опасно.

— Вы напуганы... это он вас запугал. Но вы не должны бояться. И не должны терпеть. Позвольте вам помочь. Я не могу закрыть глаза на то, что с такой прекрасной женщиной так обращаются.

— Спасибо, доктор Фрейзер, но вам не нужно в это вмешиваться, — Кэрол не понравилось, как он уже второй раз восхитился «такой женщиной». В том, как он это произносил, Кэрол послышалось вождение. Или ей это уже мерещится? Кажется, что все ее домогаются? Скоро она начнет шарахаться от всех мужчин подряд, видя похоть во всем и в каждом, как параноик.

— Но вы не должны терпеть такое обращение. Вы должны написать на него заявление о физическом и сексуальном насилии. Сейчас у нас есть все доказательства. Он не отмажется. Даже если его не посадят, он слетит со своего поста, вы получите развод, отсудите половину его имущества и станете свободной. И если дело получит широкую огласку, он вряд ли сможет выкрутиться или вам навредить. Если с вами что-то случится, он первым окажется под подозрением. Вы же можете сейчас взять его за горло. Наказать за все и избавиться от него раз и навсегда. Разве вы этого не хотите? А я вам помогу.

— Вы? — Кэрол прищурилась, пристально изучая его взглядом. — Но вам это зачем? Ради чего вам так рисковать?

— Ради вас.

Кэрол нахмурилась.

— Что это значит?

Он придвинулся ближе, заставив ее сразу напрячься.

— Вы — самая восхитительная женщина, которую я когда-либо видел! Такая красавица! Такая... роскошная... — он положил ладонь на ее ногу, на внутреннюю сторону бедра, и жадно погладил. Подняв на нее взгляд, он осторожно заскользил выше. — Только скажи... я все ради тебя сделаю...

Он вскрикнул от неожиданности, отдернув руку, когда она резко подскочила и кулаком с размаху ударила его по носу.

— Убери свои руки, гад!

— Эй, ты что? — возмутился он. — Совсем ненормальная, что ли? Зачем же сразу бить... ты мне нос разбила! Я сообщу об этом, скажу, что ты на меня напала!

— А я скажу, что ты мне между ног руку свою совал!

— Тебе никто не поверит! Ты же чокнутая! — он посмотрел на выпачканные кровью пальцы. — Не будешь ты дома лечиться, поняла? Отправишься отсюда напрямиком в психушку! Потому что я сейчас пойду и заявлю о нападении.

— Ну и иди!

Он с досадой смотрел на нее.

— Зачем тебе это? Почему отказываешься? Я же предложил реальную помощь. Чего ты недотрогу из себя строишь? Разве муж тебя ремнем избил не за то, что рога ему наставила? А я жизнью рисковать готов ради тебя... И в благодарность так мало прошу... Чего тебе стоит-то...

— Убирайся! Картер! Картер!

Распахнулась дверь и в палату влетел ее телохранитель. Увидев окровавленное лицо доктора, он растерянно замер на месте.

— Доктор Фрейзер уходит, проводи его, — велела Кэрол.

Картер нахмурился, смерив мужчину суровым взглядом.

— Доктор... прошу вас, — он кивнул на выход.

— Я врач, вы не имеете права!

— Думаю, мои права вам лучше обсудить с моим боссом, — отрезал Картер и, схватив

его за руку, решительно вывел за дверь.

— Вы пожалеете! — бросил Фрейзер Кэрол напоследок. Отпустив его, Картер вернулся.

— Что случилось? Он вас... обидел? Мне сломать ему ребра?

Кэрол рассмеялась.

— Не надо, Картер, спасибо! Думаю, разбитого носа ему будет достаточно.

Парень сверкнул в полумраке белозубой улыбкой, утратив свой напускной суровый вид.

— Мне кажется, что пара поломанных ребер тоже бы не помешала. Вы не против, если я отойду... на минутку?

— Конечно, нет. Обещаю, я не сбегу.

— Вам принести кофе... из автомата?

— Да, пожалуй, не откажусь. Спасибо.

— Я быстро, — он скрылся за дверью, плотно прикрыв ее за собой.

Кэрол, вздохнув, снова взяла пульт от телевизора. Наверняка побежал докладывать Джеку. Жена-психопатка разбила доктору нос. Как на этот раз отреагирует на ее выходку Джек? Может, все-таки передумает и отправит ее в психушку?

Скрипнула дверь.

— Что-то ты быстро, Картер!

— Что еще за Картер?

Кэрол вздрогнула, выронив пульт, и повернулась к двери, уставившись на огромный мощный силуэт, проскользнувший в палату. Закрыв дверь, мужчина повернулся и, приподняв надвинутый низко на лоб козырек черной бейсболки, под которым прятал лицо, взглянул на девушку черными блестящими глазами.

— О, Боже, Исса! — выдохнула она пораженно, глазам своим не поверив.

— Привет, ясноглазая!

Откинув одеяло, Кэрол подскочила, бросившись к нему с такой радостью, что тот тоже протянул руки, готовый поймать ее в свои объятия. Лицо его осветилось широкой веселой улыбкой, и Кэрол улыбнулась в ответ, почувствовав, что соскучилась по этой его улыбке, которая ей всегда нравилась. Но она не рассчитала свои силы, у нее неожиданно закружилась голова и подкосились ноги.

— Ой! — растерянно воскликнула она, потеряв равновесие и падая. Исса метнулся к ней и успел подхватить. Обхватив ее одной рукой, он другой погладил ее по волосам и поднял ее лицо вверх. Кэрол морщилась, пытаясь подавить головокружение.

— Исса... ты здесь...

— Конечно, суицидница ты хренова! Пришел надавать тебе по заднице за то, что натворила. Ты чего это?

— А Тимми?

— Я один. Он пока не может прийти.

— Но он жив? Как он? — Кэрол, справившись с головокружением, сосредоточила на нем свой взгляд. На плечи был накинут медицинский халат, дабы не привлекать внимания, в который он явно не поместился, не найдя, видимо, подходящего размера. Но это была плохая маскировка — не обратить на него внимание было невозможно. Под халатом на нем была черная ветровка, черные, военного покроя штаны, высокие тяжелые ботинки. Он походил на взломщика, залезшего ночью в чужой дом. Только маски на голове не хватало. Но Кэрол на это не обратила внимания, привыкшая. Они с Тимом всегда так одевались, не очень заморачиваясь с разнообразием в гардеробе, в котором еще присутствовали только джинсы и

кроссовки.

— Жив, — легко подхватив ее на руки, как ребенка, он поднес ее к кровати и положил на нее. — Не переживай, ему сейчас несладко, но он выкарабкается.

Глаза Кэрол наполнились слезами.

— Все... серьезно?

— Он тяжело ранен, Кэрол. Я еле выдернул его с того света... Пришлось отвезти его в больницу, сам я не смог, раны были серьезными. Его долго оперировали... еле спасли. Правда, потом я его выкрал оттуда и отвез к одному доктору, который теперь о нем заботится. Пришлось постараться и уничтожить все записи и данные о его прибытии к этой больнице, чтобы Рэндэл не узнал, что мы там побывали. Не знаю, прокатило ли...

— Кажется, прокатило. Насколько мне известно, ему так и не удалось напасть на ваш след. Но зачем ты пришел? Это же опасно...

— Потому что услышал по новостям, что жена Джека Рэндэла пыталась свести счеты с жизнью! Я не мог не прийти!

Кэрол потянулась к нему и, положив ладони на широкие плечи, прижалась к ним щекой. Он обнял ее.

— Спасибо, — прошептала она.

— Все будет хорошо, ясноглазая. Я пришел сказать тебе, что мы придем за тобой. Мы тебя не бросим. Потерпи немного. Нол поправится, и тогда мы заберем тебя и детей. Рэндэл нас никогда не найдет. Мы умеем быть невидимками. И ты рядом с нами тоже станешь невидимкой. Я только хотел спросить... Ты пойдешь с нами?

Кэрол кивнула, смотря на него сквозь слезы. Исса радостно улыбнулся.

— Я знал! Даже не сомневался в тебе! Тогда жди нас... и не делай глупости больше!

— Хорошо... я обещаю, — улыбнулась Кэрол. — У меня есть документы на другие имена, и на меня, и на детей. Они хранятся у Рэя. Лисята и Дженни тоже у него.

— Я знаю. С фальшивыми документами можешь не заморачиваться, это не проблема. Я тебе любые достану, хоть сто штук.

— Но эти документы сделал для меня Касевес. Они надежные. К ним не подкопаешься. И не проколешься.

— Ладно, тогда пусть будут эти. Все остальное — наше дело, ты не о чем не думай. Мы все сами сделаем. Ты только жди, — взгляд его скользнул в вырез больничной сорочки на груди, потом по обнаженным рукам. И он замолчал, меняясь в лице, с которого сошло веселое радостное выражение. Кэрол вдруг увидела перед собой другого Иссу — Иссу, которого она увидела впервые, сурового и мрачного, которого поначалу так боялась. Оторвал взгляд от синяков и ссадин, она поднял его на ее лицо.

— Почему ты пыталась покончить с собой? Что с тобой делает эта скотина? То, что бьет, я уже увидел. Всю свою злобу теперь на тебе вымещает, да? Аж до самоубийства довел?

— Нет, это не из-за него. Из-за всего, понимаешь? Я просто отчаялась. Не знала, что мне делать. Мои дети у Рэя, и я не представляю, как их вернуть. Не знала, что с Тимми... Ну, в общем... — она помялась, разглядывая синяки на руках. — А это... это только один раз случилось. Он сорвался.

— Сорвался? Я был уверен, что он тебя убьет... из-за Нола. Но я не мог тебя спасти Прости. Мне нужно было спасти Нола.

— Да, я знаю. В общем, на самом деле, все не так уж плохо. Убивать меня он не собирается. Грозился в психушку отправить, но вдруг почему-то передумал. Думаю из-за

Патрика. Он меня защищает, даже угрожал, что всем расскажет, что он меня побил, что я его пленница. Что это он меня довел до самоубийства. Не знаю, как на все это отреагирует Джек и что будет делать, но сегодня он корчил из себя идеального мужа и отца. Меня чуть не стошнило. Но Патрик ему поверил. Он ребенок. Ребенка легко обмануть, — печально добавила она.

— Ладно, ясноглазая, ты давай держись и постарайся в психушку все-таки не попасть, оттуда тяжелее будет тебя вытащить. Ты сильная, вытерпишь. И с муженьком своим справишься, тебе не в первой.

— Тим знает о том... что я попала в больницу?

— Нет. Я не говорил. Меньше знает, крепче спит. Он и без того всякими переживаниями себя изводит.

Кэрол подавленно помолчала. Она могла себе представить, что это были за переживания.

— Не рассказывай ему об этом, — она коснулась своих синяков. — Скажи, что со мной все в порядке.

— Даже это будет ему слабым утешением. Уже одно только то, что ты в руках Рэндэла, сводит его с ума. Да это и понятно, — Исса отвел взгляд и пожал широкими плечами. — А еще он боится, что вы с ним помиритесь. Что ты все еще его любишь.

— О, об этом путь даже не думает! — Кэрол горько усмехнулась. — Мой муж меня ненавидит и презирает. Я его чувства разделяю. Никакой любви больше нет. Есть только ненависть.

— Ну, наверное, эта ненависть не мешает ему требовать от тебя исполнения супружеского долга?

— Вовсе нет, — Кэрол невозмутимо пожала плечами, смотря на него чистыми искренними глазами. — Он меня больше не хочет. Мы столько лет были женаты, потом, видимо, вообще отвык. У него куча любовниц, ему нет до меня никакого дела. Особенно после того, как узнал, что у меня был другой. Джек не прощает такие вещи.

Она спокойно встретила недоверчивый взгляд Исссы. Он не стал спорить или возражать, но было заметно, что он в это не поверил. Взгляд его скользнул по ее телу. Кэрол как можно незаметнее натянула повыше одеяло, но движение от Исссы не ускользнуло. Он тяжело вздохнул.

— Ладно, так ему и скажу. Пусть не мучается. Хотя в это даже последний дурак не поверит. А он не такой уж и дурак. Только потом лучше скажи, как есть. Лучше не врать, тем более, если все равно не поверят. Нол не поверит. Скажи лучше, что ты не хотела... что только против твоей воли. Это больше будет похоже на правду. В это хоть можно поверить, если захочется.

Кэрол опустила взгляд и промолчала. Потом подняла руки и показала ему свои запястья. Исса кивнул.

— Я заметил. Наручники. Слабое, конечно утешение, но все же это лучше того, если бы ты спала с ним по своей воле.

— Думаешь, Тим все еще захочет быть со мной после... всего? Простит меня?

— А за что ему тебя прощать? Он сам виноват, что как последний лох позволил этому ублюдку тебя забрать. Лучше сама подумай, прощать ли его, что он это допустил. Я вообще не понимаю, как такое могло произойти. Я от него такого не ожидал. Да он должен был прихлопнуть Рэндэла, как муху! А это Рэндэл его прихлопнул и забрал тебя... А он теперь

валяется беспомощный, с тремя дырками в теле, пока его женщину бьют и насилуют, и ни хрена не может сделать, только беситься.

— Не надо так, Исса. Там был Хок. Тим с ним схватился, а Джек исподтишка в него выстрелил. Тим не виноват.

— Что? Проигравший всегда виноват! Он был на войне, он обучен, он в два раза больше Рэндэла и в десять раз сильнее! Почему же из того подвала вышел Рэндэл, живой и невредимый, забрав его женщину, а Нол остался лежать там и умирать?

— Потому что это был Джек, Исса. Потому что он всегда побеждает. Любых противников. И в любых ситуациях. Я не знаю, как у него так получается. Но получается.

— Да уж, с этим трудно не согласится. Твой муж заслуживает уважения, он умеет настоять на своем, хоть и не всегда красиво... Выстрелив человеку в спину, например. Но факт остается фактом — он победил. Как — не важно. Лично для меня не важно. В спину, в голову, исподтишка или напрямую — какая разница? На войне все способы хороши, главное — убить самому и не дать убить себя. А мы на войне. Но война еще не окончена. Нол выжил. Еще поглядим, чья возьмет. А твоей вины нет. Ты женщина. Виноват Нол. И он это сам знает. Это он у тебя прощения вымаливать должен, что не сумел защитить. Не будь он таким раззявой, были бы сейчас где-нибудь далеко, трахал бы тебя дальше и радовался, а Рэндэл бы локти кусал. А вышло все наоборот.

Кэрол покраснела, но промолчала, давно уже привыкнув к манерам Иссы. Вернее, к их отсутствию.

— Ладно, чего мусолить, уже случилось. Ничего страшного. Утром мы еще Рэндэлу нос вот увидишь. Не расстраивайся, ясноглазая, выше носик. Подниму я на ноги твоего Тимми, и свалим мы отсюда все вместе к чертовой матери, — он широко улыбнулся, пытаясь ее приободрить и легонько ударил ее кончиком указательного пальца по носу. — Кстати, пока Нол не видит... не сердись, ясноглазая, так давно об этом мечтал, — рассмеявшись, он вдруг прижался к ее губам в горячем поцелуе. — Ох, какая же ты сладкая! И чего ты его выбрала? Я бы тебя так не прошляпил! Если вдруг надоест, не забудь, есть еще я! Ладно, шучу, а то еще подумаешь всякое... А ты чего это такая белая стала? Прямо не узнать!

— Конечно, ты же меня только с темными волосами видел. Это Джеку назло. Так я еще больше на маму похожа, а ему это страшно не нравится.

Исса расхохотался.

— Тише... услышат тебя... — испугалась Кэрол. — Тебе лучше уйти. У меня охрана... он отошел, сейчас придет. И он вооружен.

— Подумаешь, я тоже!

— Кто бы сомневался...

— Ладно, пойду. Лучше не светиться перед твоим муженьком. Не говори ему о том, что я тебя навещал, ладно?

— Исса... я понимаю, что после всего вам наверняка захочется отомстить... но, пожалуйста... я очень прошу... умоляю... не надо! Передай Тиму, что я очень жду его... что я уйду с ним, но пусть вспомнит о своем обещании. Патрик никогда не простит смерти отца. Ни мне, ни ему. Мы не сможем тогда быть вместе. Я выберу сына.

Исса угрюмо промолчал. Потом пожал плечами.

— Я понимаю.

Он вдруг подскочил, выхватив из-за пояса пистолет. Метнувшись к двери, он прижался спиной к стене.

— Не убивай... пожалуйста! — простонала Кэрл.

Исса приложил палец к губам, приказывая замолчать.

Дверь открылась, и в палату с улыбкой вошел Картер, держа в руках два стаканчика с кофе. За его спиной Исса взмахнул пистолетом и рукояткой ударил его по затылку. Подхватив потерявшего сознания охранника, он бережно положил его на пол.

— Мне пора, ясноглазая, — он, выпрямившись, на мгновение замер, не отрывая от нее глаз. — Скоро увидимся! Жди!

Не успел Джек приступить к ужину, как Нора с извиняющейся улыбкой поднесла ему трубку, шепнув, что это срочно. За столом расположились он, Шон, Патрик и их гостья, Дженни. Девочка была очень смущена и ощущала себя неловко из-за того, что Патрик навязал отцу ее общество. Но тот пока не проявлял недовольство, даже если оно и было, и вел себя с ней довольно приветливо. Наверняка, чтобы угодить сыну. А может, у него просто было не такое плохое настроение, как в прошлый раз, и сам он, возможно, был не таким, как ей вначале показалось. Сегодня он Дженни определенно нравился. Он улыбался, с интересом задавал ей вопросы о ее жизни, о здоровье и о ней самой. О том, как познакомилась с Кэрол. Дженни искренне отвечала на все вопросы, ничего не утаивая, да ей и утаивать нечего было. Единственное, чего она избегала в разговоре — это упоминание о Ноле. Но Джек, к ее облегчению, о нем ничего и не спрашивал.

Зато брат Джека, он же дядя Патрика, очень даже понравился ей. На вид ему слегка за двадцать, и он очень отличался от своего старшего брата. Дженни никогда бы не подумала, что рожденные одной матерью братья могут быть такими разными. Было заметно, что Джек в их отношениях главный, но этому девочка уже не удивилась. Светловолосый и кареглазый, он был намного выше Джека ростом и худощав. К тому же, очень симпатичный, даже милый, и немного застенчивый. В нем совсем не чувствовалось той самоуверенности, какая была в Джеке. Но Дженни не видела в этом недостатка, наоборот, ей никогда не нравились излишне самоуверенные парни, потому что считала это уже самомнением, а не уверенностью в себе.

Патрик уже успел показать ей весь дом. Он понравился Дженни. Но вот охрана и высокий забор показались ей угнетающими. К тому же во дворе свободно бегали два огромных добермана, и Дженни очень испугалась, когда они подскочили к ней. Они не проявляли агрессии, скорее любопытство, и явно были превосходно выдрессированы, но все равно сердце девочки в пятки ушло. Заметив ее испуг, Патрик их поспешно отогнал, не проявляя никакого трепета перед этими сильными и опасными животными. Он сказал, что этих псов отец завел совсем недавно, после их с мамой возвращения. Он нанял человека, которому они принадлежали, и он вместе со своими собаками теперь отвечал за безопасность их дома. Было ли это связано с тем, что Джек опасался Иссу, или эта мера для того, чтобы не сбежала Кэрол — Патрик не знал. Может, и то, и другое вместе взятое. Мальчику идея с собаками не нравилась. Лично ему они не доставляли никакого неудобства, но он знал, что мама боится собак, еще с детства. Ее не запирали больше, но выходить одна из дома во двор она боялась и не делала этого из-за этих собак.

Когда Джек взял трубку, все невольно замолчали.

— Прошу прощения, — заметив, что все внимание сосредоточено на нем, он вышел из-за стола и отправился в кабинет. Вернулся он быстро и, сев на место, промочил горло белым вином.

— Из больницы звонили? — Патрик не отрывал от него настороженного взгляда.

Джек кивнул.

— И что там? — напирал мальчик без всякого смущения.

— Все нормально. Всего лишь небольшая неприятность, но ничего необычного.

— Какая неприятность? — на этот раз спросил Шон, заинтересовавшись.

— Кэрол разбила нос доктору Фрейзеру.

— Не может быть! — невольно вырвалось у Дженни, но она тут же прикусила язык, вовсе не собираясь вмешиваться. Но ведь подобное обвинение — нелепость, Кэрол нежнейшая и добрейшая из женщин, она просто не могла даже руку поднять на кого-то.

— Может, — спокойно отозвался Джек Рэндэл, остановив на ней свой взгляд. — Запросто. Скажу больше — этому доктору повезло, что так легко отделался. Я знавал менее везучих.

— Да, мама может, — подтвердил Патрик, разглядев недоверие на лице девочки. — Но за что?

Джек пожал плечами.

— Об этом мне не доложили. Картер не знает. Фрейзер зашел к ней в палату, а оттуда Картер его выпроводил по просьбе Кэрол уже с разбитым носом. Завтра у нее спросим. Может, расскажет.

— Наверняка, он чем-то обидел маму! Или очень разозлил. Просто так она никогда ни на кого не кидается, — как бы оправдывая ее, сказал Патрик Дженни. Та изумленно молчала.

— Хотя, я предполагаю, в чем может быть дело, — продолжил Джек. — Когда мы сегодня разговаривали, слишком уж он восторгался ее... фигурой.

— Думаешь, полез? — нахмурился Шон.

— Думаю, да. Тип наглый, вполне мог себе позволить. По ней же не скажешь, что не такая уж она безобидная овечка... Хотя я его предупреждал, что она сумасшедшая, — он тут же пожалел о своих словах, когда Патрик мгновенно взвился, подскочив с места.

— Она не сумасшедшая! Никогда так не говори! Если этот доктор к ней и вправду полез, то она правильно сделала, что врезала ему! Я бы сам ему врезал! А ты бы не врезал, если бы увидел, как он пристает к твоей жене?

— Конечно, врезал, — примирительно кивнул Джек. — А сказал я ему так, чтобы не лез к ней с расспросами, как ко мне.

Его объяснение Патрика удовлетворило и, успокоившись, он сел на место.

Ужин уже подходил к концу, когда Нора снова принесла Джеку телефон. Тот вздохнул, подняв на нее раздраженный взгляд.

— Это Картер.

— Что там опять? — не сдержав недовольства, рявкнул Джек в трубку и тут же подскочил. — Сейчас буду! Хока ко мне, быстро! Мы едем в больницу, — бросил он Норе.

— Па-ап, — в голосе Патрика послышался испуг.

— Все нормально. С мамой все хорошо, — успокоил Джек.

— Тогда что?

— Потом! — развернувшись, Джек поспешно вышел, подав знак Шону следовать за ним.

Когда Джек ворвался в палату, Кэрол уже спала. Вспыхнул свет, и она обернулась, сонно щурясь.

— Что происходит? — хрипло выдавила она.

— Это ты мне расскажи, что происходит! — Джек подошел к ней, испепеляя горящим

взглядом.

Кэрол приподнялась, спокойно поправила подушку и, откинувшись на нее спиной, посмотрела на него. Лицо ее оставалось невозмутимым, но в глазах вдруг полыхнула ненависть. Ее взгляд больно полоснул Джека по сердцу, и это еще больше его разозлило.

— Что ты молчишь? Отвечай! — он наклонился, упершись кулаками в кровать по бокам ее бедер. — Ну? Это был Исса, я видел записи с видеокамер! Зачем он приходил? Что говорил? Его дружок жив?

Кэрол не отводила глаз и молчала. Прошло то время, когда она не могла выдержать его взгляд, когда робела и терялась перед ним. Да, сейчас она боялась его, но «поджимать хвост» не собиралась. Отпираться тоже не было смысла. И рассказывать ему она ничего не собиралась. Но, судя по всему, Джек не научился читать по ее глазам и лицу.

— Он жив, — прохрипел он.

Приблизившись к ее лицу почти вплотную, он прошептал:

— Рано радуешься... Я найду его. И добыю. И этого наглого еврея — тоже!

Кэрол никак не отреагировала, но взгляд все-таки отвела, устремив его на стену, дабы он не мог снова увидеть то, чего ей совсем не хотелось, чтобы он видел.

— Разве ты не понимаешь... они хотят меня убить. Ведь он же не просто так сюда пришел, рискуя свое шкурой, засветившись — на то должна была быть веская причина. Он пришел сообщить тебе, что этот гоблин жив, и что он собирается делать. Об этом трудно не догадаться — думаю, в его планы входит расправиться со мной и вернуть себе свою «жену». Как я понимаю, ты совсем не против?

Он разглядывал ее, ожидая ответа, но так и не дождался. Джек медленно распрямился.

— Вот даже как. Ты с ними заодно, против меня. Мне помочь не хочешь, готова позволить им меня убить, — в его голосе послышалась обида и боль. — Вот теперь ты предаешь меня по-настоящему, Кэрол. Так, как я тебя никогда не предавал.

— Они не тронут тебя, — не выдержала Кэрол. — Только не упрямясь, отпусти меня. Зачем я тебе, ты же все равно меня больше не любишь, я тебе противна... ты меня презираешь. Отпусти. И мы просто уйдем. Тим не станет мстить, я даю тебе слово.

Джек резко засмеялся.

— Ну, конечно, так и сделаю, буду послушным мальчиком, испугаюсь и добровольно отдам свою жену! Не важно, как я к тебе отношусь, ты все еще *моя* жена! И я никому не позволю отнимать то, что принадлежит мне! А уж тем более, не отдам сам! Даже если мне это самому уже не нужно... Дело вообще уже не в этом, а в наглости этого мальчишки! Он возомнил, что может развязать со мной войну, может увести жену, а меня запугать. Он что, правда на это надеется? Тогда он просто идиот! И за свою наглость поплатится! И ты — тоже!

И он вышел, зло хлопнув дверью.

На следующее утро Кэрол была удивлена, когда в палату к ней пришел другой доктор.

— А где доктор Фрейзер? — спросила она у сурового вида женщины, которая с задумчивым видом изучала ее историю болезни.

— Доктор Фрейзер сегодня не вышел на работу, — отстранено ответила ей та.

— Он заболел? — сердце Кэрол сжалось от нехорошего предчувствия.

— Не знаю. Насколько мне известно, с ним еще не удалось связаться.

— Он что, не предупредил, что не придет?

— Думаю, с доктором все в порядке, просто заболел, — с вежливой, но холодной улыбкой доктор ясно дала понять, что ее это не касается. — Давайте-ка лучше поговорим о вашем здоровье. Думаю, послезавтра мы сможем вас выписать. Насколько мне известно, вы будете проходить дальнейшее лечение дома, под наблюдением своего психиатра?

Кэрол кивнула.

— Что же, хорошо. Пока отдыхайте, набирайтесь сил. Я к вам еще зайду, — доктор улыбнулась, на этот раз искренне и приветливо.

Кэрол проводила ее взглядом, потом встала и выглянула за дверь. Но вместо Картера там сидел уже другой парень. Картер, несмотря на полученную травму головы, доработал свою смену, и ушел только утром. Но Кэрол об этом не знала. Новый охранник вряд ли был в курсе того, что могло случиться с Фрейзером. А Кэрол была уверена, что с ним что-то случилось.

Ей показалось странным, что Джек не спросил у нее, что произошло между нею и доктором, почему ударила его. Конечно, появление Иссы было событием намного более значительным, но Кэрол хорошо знала мужа, он никогда не оставлял без внимания даже мелочи, которые казались незначительными. А неприятности, к которым могло привести ее поведение, таким, как заявление доктора о нападении и причинении вреда, нельзя было назвать незначительной мелочью. Она так же знала, что молчание Джека — плохой знак. А то, что доктор не вышел на работу без предупреждения и с ним не могут связаться — еще хуже. Но не мог же Джек с ним что-нибудь сделать только потому, что он угрожал ей? Конечно, Картер ему наверняка доложил об этом, Джек мог принять меры, поговорить с Фрейзером... но не так же, что он не вышел на работу!

Кэрол проснулась сегодня с тревожным предчувствием. В груди неприятно ныло, чувство необъяснимого страха сжимало горло. Она слишком хорошо знала эти ощущения. Они никогда ее не обманывали. Что-то произойдет. Беда. Ее дар пытается ее предупредить. Но она не может увидеть. Рядом с Рэем ее дар слишком слаб. Было не ясно, насколько он влияет на проклятие, и влияет ли вообще, но то, что он блокировал дар, возможность видеть — плохо. Беда приближается, свет Рэя ее не останавливает, и ей не дает ее увидеть. Как всегда не давал. Всегда блокировал ее дар, о чем она только недавно узнала. Что было бы, если бы он его не блокировал? Смогла бы она увидеть и предотвратить? Как увидеть сейчас?

Надо связаться с Патриком, узнать, что чувствует он. Его дар намного сильнее.

Накинув больничный халат, она вышла из палаты. Охранник, имени которого она не знала, так как он не представился, тут же поднялся со своего места, вопросительно смотря на нее.

— Мне нужно срочно позвонить. Домой. Проводите меня к телефону, — сказала ему Кэрол.

Он молча кивнул и пошел вперед. Кэрол поспешила за ним.

Но Патрика дома не оказалось. Никого не оказалось, кроме Норы, которая сдержано ей поведала о том, что Джек устроил Патрика в школу, которую он с сегодняшнего дня будет посещать. Нора добавила, что мальчик собирался заехать в больницу сразу после занятий. Не утруждая себя благодарностями ненавистной домработнице, Кэрол бросила трубку, раздосадованная, и вернулась в палату.

Что же делать?

Когда это произойдет? Что произойдет? Есть ли время?

Снова выглянув из палаты, она обратилась к охраннику:

— Свяжитесь с моим мужем. Срочно. Скажите, что я хочу отсюда уйти. Немедленно.

Хочу домой. И я хочу знать, в какой школе учится Патрик.

— К сожалению, я не могу покинуть свой пост. Это распоряжение мистера Рэндэла.

— Тогда давайте пойдем вместе, еще лучше. Я сама с ним поговорю! — нетерпеливо воскликнула Кэрол. — Как ваше имя?

— Коул. Коул Пирс.

— Хорошо, Коул. Пожалуйста, пойдем. Наверняка, ты можешь в любой момент связаться с Джеком.

— Нет. Сейчас, когда мистер Рэндэл занят делами, я могу связаться только с Хоком или Шоном.

— Хорошо, давай с ними.

Пытаясь не показать своей растерянности, Коул снова направился к посту, чтобы позвонить.

Кэрол удалось поговорить с Шоном.

— Шон... свяжись с Джеком. Скажи ему... скажи, что у меня плохое предчувствие. Он поймет, о чем речь. Заберите Патрика из школы, немедленно, привезите ко мне. И еще скажи, что я хочу уйти отсюда, сегодня же! Хочу домой. Я буду хорошо себя вести, передай ему! Только заберите меня, пожалуйста!

Ошеломленный и ничего не понимающий парень пообещал немедленно все передать Джеку.

Немного успокоившись, Кэрол снова вернулась в палату.

Скинув халат, она забралась под одеяло и закрыла глаза. Она попытается уснуть и увидеть. Ведь у нее это получалось раньше и под влиянием Рэя, увидеть хоть что-то.

И она увидела. Снова увидела свою казнь.

Проснувшись в холодном поту, она сжала рукой грудь, задыхаясь от ужаса.

Вот и все. Время пришло.

И никакой благословенный не спасет. Зря только верила в эту чушь.

Тяжело поднявшись, она, шатаясь, дошла до двери и выглянула наружу.

— Свяжись с Шоном... скажи, что все нормально. Патрику ничего не угрожает. И забирать меня домой не нужно. В общем... отбой.

Коул с изумлением смотрел на нее.

— С вами... точно все в порядке? — с сомнением спросил он.

— Да... точно, — хрипло отозвалась Кэрол и, отвернувшись, скрылась за дверью от его взгляда. Неприятного взгляда. Так смотрят на сумасшедших.

Наверное, Джек сказал ему, что она ненормальная, что с ней надо быть начеку.

Она сумасшедшая.

Этот момент уже настал, когда все воспринимают ее, как сумасшедшую, как ее мать.

Как она боялась этого, как не хотела, чтобы так случилось и с нею.

Но все равно так случилось.

Шлюха и сумасшедшая.

И, как и мама, она сгинет за решетками в статусе психопатки и убийцы... Повторит все-таки ее судьбу, как бы этому не противилась всю жизнь. Видимо, верно говорят люди, что от судьбы не уйдешь...

Как и обещал, Патрик заехал к ней после занятий.

У него было хорошее настроение. В новой школе ему понравилось, он соскучился по общению со сверстниками, и в первый же день уже обзавелся друзьями. Кэрол этому не удивилась. Он был общительным и легко находил общий язык с людьми, в отличие от нее. И конфликтов у него с возрастом становилось все меньше. Его манера общения, то, как себя подавал, его уверенность в себе, бесстрашие во взгляде — все это уменьшало количество желающих к нему задираться. А если таковые и находились, то он сразу отбивал такое желание и у них, и у всех остальных, которые узнавали, какой он способен дать отпор. Он был крепким, сильным, а занятия боксом и тренировки с Тимом, который все-таки успел его кое-чему научить, делали его серьезным противником даже для ребят постарше. На сильных и уверенных в себе не задираются. Это удел слабых. А ее сын к таковым никогда не относился.

Кэрол с улыбкой слушала его, любуясь сквозь застилавшие глаза слезы.

Ее мальчик вырастит красивым. Должен вырасти красивым, судя по чертам лица. Она видела, каким он станет в своих видениях. Но неужели пророчество Габриэлы сбудется, и он станет чем-то страшным? Неужели она, Кэрол, не поможет ему, не предотвратит это? Нет, она не может умереть, оставить своего мальчика во власти тех сил, которые были в нем. Что эти силы сделают с ним, с его жизнью? Кто этот Луи, который нашел его, что ему нужно от Патрика? Как она может умереть, бросив своего сына одного во всем этом непонятном безумии? Что хочет этот Луи от ее сына, что он имеет ввиду под «сделать своим приемником», что это значит, что под этим скрывается? Нужно ли это Патрику, не навредит ли? Этот Луи хочет передать мальчику свою силу и власть — зачем? Чтобы избавиться от этого, скинуть с себя какое-то бремя и еще, не известно что, на него? Но если Луи хочет от этого избавиться, то зачем это нужно Патрику? Зачем нужен этот клан и все остальное? Что из себя представляет этот клан, и для чего он вообще существует? Кэрол не знала ответы на эти вопросы, но в одном была уверена точно — все это ей очень не нравилось.

— Этот Луи... ты еще общался с ним?

— Нет. Рэй блокирует меня, я не могу с ним связаться. И он, видимо, не может. Мне это не нравится, мам. Я как будто ослеп и оглох. Я так не хочу. Нам нужно уехать подальше от Рэя, — мальчик задумчиво изучал ее взглядом. — А ты чего опять такая? Слезы в глазах не высыхают.

— Скажи, сынок... ты ничего не чувствуешь? Что случится что-то плохое?

— Мам, я не чувствую плохое. Я чувствую смерть.

— А сейчас... ты ее чувствуешь?

— А что? — насторожился мальчик, и по его виду Кэрол поняла, что он чувствует. И окончательно упала духом. — Да, чувствую. Кто-то умрет. Но не из наших.

— В смысле — не из наших?

— Кто-то чужой. Ты тоже почувствовала? Не пугайся, мам.

— А кто, ты знаешь?

— Нет. Я не могу видеть, я же говорю. И у мертвых спросить не могу. Ничего не могу. Только чувствовать.

— Как же у тебя получилось вернуть меня?

— Понятия не имею. Я просто очень хотел. Очень. Со всех сил тебя звал. Всем сердцем. И смог.

— А ты можешь сказать, насколько близка уже смерть, то есть, когда это произойдет? Ты можешь чувствовать смерть, которая будет не сейчас, а позже, через какое-то время, например, через несколько месяцев или даже больше?

Патрик озадачено смотрел на нее.

— Не знаю. Я всегда видел и чувствовал только то, что должно произойти в ближайшее время. Как, например, с покушениями на папу. Но не через несколько месяцев — точно. А что? Почему ты спрашиваешь? Говори, мам. Я же вижу, что что-то не так.

Кэрол поколебалась.

— С самого утра меня изводит страшное предчувствие. Я спала и пыталась увидеть. И я увидела. Снова. Свою казнь, сынок. И я это чувствую. Конечно, это будет не сегодня и даже не завтра... Но время пришло. Я чувствую.

— Чтобы тебя приговорили к казни, ты должна совершить что-то ужасное, мам. Так не совершай. И все! Сиди дома, не высовывайся, ни с кем не дерись, никого не убивай — и никто тебя не казнит. Не за что будет!

— Думаешь, судьбу можно обмануть?

— Можно, и даже нужно! Просто не делай ничего. Вообще ничего! Даже если тебя сильно разозлят — сразу вспомни о своей казни, и ничего не делай, чтобы даже ненароком никого не прибить. И все будет в порядке. Вот увидишь.

Патрик потянулся к ней и обнял.

— Не бойся, мам. Не переживай. С тобой ничего не случится. Я обещаю. Я тебя защищу. Даже от твоей судьбы, в которую ты так веришь. Не будет никакой казни, вообще забудь об этом. Но на всякий случай, все равно будь осторожна. И держи себя в руках. Даже просто носы никому больше не разбивай, хорошо? Обещаешь?

Кэрол рассмеялась, натянута и невесело.

— Обещаю сынок. Может, ты и прав. Действительно... если я никого не убью, меня никто и казнить не будет, правда?

— Конечно! И не забывай, у нас еще есть папа. Сколько раз он уже тебя спасал. Если что — даже если и случится что-то такое — он тебя вытащит. Как всегда вытаскивал. Он злится, сердится, но он любит тебя, я же вижу. Потому и злится. Но если случится беда, настоящая беда — он не бросит тебя, вытащит. Потому что любит, и ради меня.

Кэрол промолчала. Вот в этом она уже очень сомневалась, особенно после последнего разговора с Джеком.

— Он считает, что я его предаю... по-настоящему, понимаешь? Судя по тому, что ты у меня не спрашиваешь, он не сказал тебе, что вчера произошло?

— Сказал. Ты разбила доктору нос. Папа думает, что он к тебе приставал. Это так?

— Да. Он пытался. Но я не об этом. Случилось кое-что еще, — Кэрол взяла мальчика за руку и взволнованно сжала. — Вчера ко мне приходил Исса.

— Исса! — вскричал Патрик, подскочив. — И ты молчишь? Рассказывай! Нол... он выжил?

— Да, он жив, но тяжело ранен.

— Ерунда, главное, что жив! Остальное заживет. Вот гад живучий! — Патрик рассмеялся, и в его смехе была искренняя радость, даже восхищение. — И что? Что говорил Исса?

— Что, как только Нол поправится, они придут за нами.

Патрик нахмурился.

— Но я не хочу с ними уходить. Я хочу остаться с папой. Ведь мы решили, что все вместе поедem к Луи. Там папа убедится, что мы говорим правду. Он все поймет, и вы с ним помиритесь. А Луи научит нас, как сделать так, чтобы наше проклятие не навредило папе. Ведь так можно, он мне сам сказал.

Кэрол с тревогой смотрела на него.

— Но если я не пойду с Тимом... он может разозлиться. И еще больше захочет отомстить Джеку... теперь не только за Даяну. Разве ты не понимаешь? Я еле уговорила Исса не мстить за то, что произошло, стерпеть. Сказала, что если они навредят Джеку, ты нас никогда не простишь, и тогда я не смогу встречаться с Тимом. Иссе это не понравилось. Ему вообще все это не нравится, я вижу, то, что мы препятствуем тому, чтобы они расправились с Джеком. Он пока молчит и подчиняется, но только ради Тима... Он же ненавидит папу не меньше Тима. Если я останусь с папой... Мне даже представить страшно, что тогда будет.

Патрик поджал губы, сцепив челюсти.

— Я понимаю, мам. Очень даже понимаю. Мы должны опять бросить папу и уйти с ними, чтобы они не возобновили свою охоту на него. Но я не хочу! — он резко повысил голос, в котором прозвучало отчаяние. — Я хочу быть с папой! Мы не можем его опять бросить! Не можем так с ним поступить! Мы нужны ему, он нас любит. И мы его любим. Почему мы все должны страдать только ради того, чтобы одному Нолу было хорошо? Папа был прав, когда говорил, что это шантаж. Да, они нас действительно шантажируют! Нол тебя шантажирует, вынуждая быть с ним ради того, чтобы он не убил папу! Но это неправильно! Есть же и другой выход!

— Какой? — едва слышно прошептала Кэрол, уже зная ответ.

— Помочь папе их найти и убить. И все! Мы должны убить Нола, чтобы раз и навсегда решить эту проблему. И тогда мы сможем быть с папой, и не бояться за его жизнь.

Кэрол подавлено молчала.

— Я не могу так поступить, — простонала она слабым голосом. — Они же мне доверяют.

— Тебе придется сделать выбор, мам. Это тяжело, я понимаю. Думаешь, мне легко? Нет! Мне это не нравится... мне очень больно... потому что я... они мне очень нравятся, — из глаз мальчика вдруг брызнули слезы. — Но ведь они сами нас вынуждают! Они сами виноваты! Попроси их просто уйти, оставить нас, скажи, что любишь папу и будешь с ним, попроси не трогать его — ведь они так не сделают! Я знаю это! И ты права, что они еще больше разозлятся, и пуще прежнего кинутся мстить папе. Поэтому избавиться от них можно только одним способом — убить. Это тяжело, мам, но мы переживем. Они не оставляют нам выбора. И ты должна выбрать, кто умрет — папа или они. Я над этим даже не задумаюсь. А ты? Неужели тебе не ясно, чья жизнь тебе дороже?

— Конечно, ясно. Папина. Но... должен быть какой-то другой выход! Должен! Без смертей и убийств! Я так устала от этого! Я больше не выдержу! О, почему я не умерла от этих таблеток! — уронив голову на колени, она разразилась рыданиями.

Опешивший Патрик некоторое время смотрел на нее, потом сел рядом с ней на постель и обнял.

— Мам, не плачь... не надо так говорить. Ладно, не выбирай пока. Я понимаю, это тяжело... Для того, чтобы принять такое решение, должно быть достаточно сил, а в тебе их сейчас нет. Потом. Время еще есть. Если Нол так тяжело ранен, как сказал Исса, он не

встанет так быстро на ноги. Мы подумаем. И что-нибудь придумаем. Обязательно что-нибудь придумаем. Только ты не отчаивайся. И не плачь. И о самоубийстве больше даже не думай, поняла? Я тебе не позволю, все равно вытащу, только второй раз уже не прощу! Ты подумала, что было бы, если бы ты умерла? Да Нол и Исса в первую очередь кинулись бы вершить расправу за это над папой! И тогда уже ничто бы не помешало им его убить. Даже я. Успокойся, все будет хорошо.

Постепенно Кэрол перестала плакать, прижимаясь щекой к груди мальчика, который держал ее в своих объятиях и ласково гладил по белым волосам. Какая разница, если она все равно скоро умрет? Или есть возможность все-таки обмануть судьбу, как сказал Патрик? Никуда не лезть, никого не трогать, сидеть себе тихо, вдруг пронесет?

— Мам, скажи честно... может, дело в том, что ты больше не хочешь быть с папой? — нарушил молчание Патрик. — Что ты на самом деле хочешь уйти с Нолом... потому что теперь он тебе нужен?

— Ах, сыночек... ты даже себе не представляешь, как бы я хотела быть с папой, чтобы у нас все наладилось и было, как раньше. Но этого никогда уже не будет. Ты думаешь, что он меня любит, но это не так. Он никогда не простит мне измены. И он... презирает меня теперь. Так сильно... ты даже представить себе не можешь...

— Поэтому ты напилась этих таблеток?

Кэрол промолчала.

— Мам, что бы он не сказал тебе... плохого, не верь ему. Он это от злости и обиды. Он тебя не презирает. Он любит тебя. Вы, взрослые, странные. Вы любите друг друга, но со всех сил пытаетесь показать обратное, убедить в том, что любви больше нет. Зачем? Почему? Зачем делать друг другу больно, если сами же от этого страдаете? Что вы пытаетесь друг другу доказать? Что ненавидите, не любите больше? Ну, доказали — а дальше что? Что дальше? Об этом вы думали? Поломать легко. Поломали. А что дальше?

Кэрол медленно пожала плечами.

— Ты любишь папу. Ты говоришь об этом мне, но не хочешь сказать ему. Почему? От обиды?

— Нет, — тихо ответила Кэрол. — Просто я не верю больше в его любовь. И в нас. Не верю, что он вообще когда-либо меня любил. И потому, что я не хочу его больше любить. Не хочу, чтобы он думал, что я его продолжаю любить, несмотря ни на что. Не хочу.

— И быть с ним ты больше не хочешь, — продолжил Патрик. — Но почему ты не хочешь даже попытаться? Ведь говорят же... любовь все преодолевает.

— Где говорят? В сказках или в кино? — Кэрол горько усмехнулась. Но потом, не желая разочаровывать ребенка в любви, которую ему еще только предстоит познать, добавила. — Может, у других так и бывает. У кого очень сильная любовь. К сожалению, наша с папой любовь, видимо, не такая.

— Тебе так просто кажется. Как ваша любовь может преодолеть трудности, если вы ей даже шанса на это не даете, никакого? Если не верите в нее? Вы должны поверить. Обиды пройдут, забудутся. Все пройдет, вот увидишь. Не надо рубить. Поверь в его любовь. Просто поверь. Неужели это так трудно?

«Пошла вон из моей постели, мразь затраханная, даже лежать рядом с тобой противно!». Пинок ногой, удар о пол. «Вот там и лежи. Подстилке на полу самое место!». И она лежала. Потому что встать у нее сил не было. Все силы ушли на то, чтобы снова не расплакаться. Вот такая любовь. И такой любви она должна давать какой-то там шанс?

Зачем? Такая любовь ей не нужна. И говорить о своей любви мужчине, который так с ней обращается, она тоже не хотела. Это было бы еще унижительней, чем то, что ее скинули на пол, как собаку, как... она даже не знала, как кого, и кто такое заслуживал.

Но ведь Патрик не знал. И она ему не расскажет. И сама постарается об этом забыть, как в последнее время всегда пыталась заставить себя забывать обо всем, что причиняло ей боль.

Увидев перед собой Дебору Свон, Рэй ощутил прилив сильнейшего раздражения. О, как же она ему надоела! Надоела ее любовь, о которой она молчала, но которая кричала сама за себя так, что не замечать ее было невозможно. Как ему надоело мило ей улыбаться, когда давно уже в нем горело желание послать ее ко всем чертям.

И сейчас, когда она снова появилась у него перед глазами, он подумал — а что, собственно, ему мешает это сделать? Послать к черту, уволить — и забыть о ней. Она не владеет теперь страшной тайной, зная, что Кэрол жива — так ради чего он должен ее терпеть дальше?

Отвернувшись от нее, он опустил взгляд на стоявший на подлокотнике кресла стакан с виски, раздраженно постукивая по нему пальцами.

— Что тебе нужно, Деб? — тихо процедил он сквозь зубы, не пытаясь больше скрыть своей досады, вызванной ее появлением.

Женщина застыла на пороге, пораженная таким неприветливым приемом. Это было впервые, чтобы Рэй себя так вел.

— Ты не приходишь в офис... работу совсем забросил, — растерянно проговорила она, нерешительно проходя дальше. — Что происходит?

— Ничего. У меня просто другие дела. Я управляющий компании, у меня хренова куча директоров, замов и прочего дерьма, которые должны уметь справляться со своими обязанностями и без меня! Или я вам чертова нянька?

Дебора шокировано застыла посреди комнаты, пригвожденная к месту его злым взглядом. Злым! Он никогда раньше не видела у него такого взгляда! И он никогда с ней так не разговаривал. Что произошло? Дебора поджала губы, чувствуя, что краснеет. Должно быть, Кэрол уже рассказала ему об их разговоре. Вот он так себя и ведет. Что же, тем лучше, если он в курсе. Значит, не придется самой все объяснять.

Резко поднявшись с кресла, Рэй подошел к ней. Дебора затрепетала, как всегда с ней происходило, когда он оказывался рядом. Невольно скользнула по нему взглядом, любуясь. О, как же она его желала! Она готова была на все ради того, чтобы снова оказаться в его объятиях, как тогда, когда подобрала его в стельку пьяного на улице и привезла к себе домой. Он так и не вспомнил, что тогда произошло между ними. Зато помнила она, каждое мгновение. И эти воспоминания сводили ее с ума. Она приняла, наконец, решение действовать, поняв, что ждать чего-то бесполезно, и отступить была не намерена. Этот потрясающий мужчина будет все-таки принадлежать ей. И уже сегодня.

Подумав об этом, она почувствовала, как по телу прошла сладострастная дрожь.

Рэй тем временем, не скрывая более своей неприязни, смотрел на нее.

— Ты что, пришла требовать от меня отчет, почему я не прихожу на работу? Ты ничего не перепутала? Я твой начальник, а не наоборот! Или если я дал тебе такую власть в моей

компании, то ты уже возомнила себя выше меня? Думаешь, можешь вот так, без приглашения, являться ко мне домой и отчитывать меня, как прогуливающего работу подчиненного?

— Я пришла поговорить не об этом, — голос Деборы наполнился холодом и решимостью.

— Не об этом? Разве есть еще темы, помимо работы, которые мы можем обсуждать? Интересно.

— Я вижу по тому, как ты резко поменял свое отношение, Кэрол тебе уже все рассказала. Так вот, я пришла сказать, что я говорила вполне серьезно. И я выполню все свои угрозы. Ты уже подумал об этом? Если да, то я хочу услышать, что ты решил. Прямо сейчас.

Рэй недоуменно уставился на нее.

— Твои угрозы? Какое еще угрозы?

— Разве Кэрол тебе ничего не рассказала?

— А что она должна была рассказать?

— Вот сучка! Значит, даже не восприняла мои слова всерьез. Думает, я шутки с ней шутить буду?

— Кто это сучка? Кэрол? Деб, у тебя что, крыша поехала? Ты что несешь?

— Конечно сучка — а кто же еще? Сучка с большими сиськами и упругой задницей, на которую вы, кобели, все лезете! А ты не только залез, но и обрюхатил!

Мгновение Рэй изумленно смотрел на нее, потом откинул светловолосую голову и расхохотался.

— Ты что, пьяная? Или чем-то обдолбалась?

— Не смей со мной так разговаривать, слышишь? — прорычала Дебора, бледнея. — Послушай меня внимательно, раз ты еще не в курсе.

— Ну, ладно, слушаю, — Рэй перестал смеяться, но, продолжая ухмыляться, добавил в свой стакан еще виски. Дебора наблюдала за ним переполненными страданием глазами. Страданием, которое она больше не могла и не хотела скрывать.

— Рэй... ведь для тебя не секрет, как я к тебе отношусь. Ты знаешь, что... что я тебя люблю. Давно уже люблю. И я так больше не могу. Я пыталась справиться со своими чувствами, но не смогла. Но и так жить дальше я тоже не могу.

Рэй молчал, смотря на нее настороженным взглядом, слегка прищурив веки. Под его взглядом Дебора вдруг растеряла всю свою самоуверенность, залилась краской и замолчала, смутившись.

— Деб, конечно, я знаю о твоих чувствах, — изменившимся голосом сказал Рэй, тепло, мягко, словно все его раздражение и недовольство вдруг испарилось, как будто и не было его. — И я всегда относился к ним с уважением. Разве нет? И к тебе — тоже. Но я не могу разделить с тобой эти чувства. Мне жаль. Правда, очень жаль. Я бы хотел. Ты замечательная женщина, красавица, умница. Такой шалопай, как я, тебя не достоин.

Подойдя к ней, он мягко взял ее под локоть и, подведя к креслу, на котором до этого сидел, опустил в него. Женщина села, потеряв вдруг все силы. Из глаз ее потекли слезы. Рэй взял второй стакан и налил в него виски. Потом присел перед женщиной и с улыбкой протянул ей.

— Выпей.

Поднеся стакан к губам, Дебора одним махом его осушила. Потом посмотрела на мужчину у своих ног, который заглядывал ей в лицо. Мужчину, которого она любила

безумной, сжигающей ее любовью. И виновато отвела глаза. Она должна продолжить. Отступать нельзя. О, лучше бы он и дальше был с ней груб и неприветлив, как несколько минут назад, тогда бы ей легче было это сделать. Так поступить с ним. Заставить. Принудить. Поломать.

— Что я могу сделать для тебя, Деб? — так же мягко спросил он, смотря на нее виноватым взглядом.

Дебора собрала все свое мужество и выпалила:

— Женись на мне!

Лицо его медленно вытянулось от удивления. Потом на нем появилось замешательство.

— Но, Деб... ты, конечно, прости, что мне приходится говорить тебе это, но я не люблю тебя. И вообще... женитьба в мои планы не входит. У меня есть дети...

— И эта сучка...

— Не говори так, — тон Рэя похолодел. — Мне неприятно, когда ты так говоришь о Кэрол.

— Ты все еще ее любишь?

Рэй выпрямился, поднявшись.

— Послушай, Деб, мне не хочется быть резким, но тебя это не касается. Как я отношусь к Кэрол — мое личное дело. И это никак не влияет на наш разговор и на то, что я не могу ответить на твою любовь.

— Ты можешь это сделать. И ты это сделаешь, — Дебора тоже встала, вытянувшись перед ним в вызывающей решительной позе. — Мне тоже жаль, Рэй, но ты не оставляешь мне выбора. Я люблю тебя, я хочу быть с тобой. Выкинуть тебя из своего сердца я не могу. Значит, мне придется тебя заставить. Прости меня. Я так не хочу. Но ведь иначе — никак!

— Что значит — заставить? — Рэй нахмурился. — Ты считаешь, что человека можно заставить полюбить?

— Полюбить — нет. А жениться — да. Можешь меня не любить. Но ты на мне женишься, ты будешь со мной спать, ты сделаешь мне ребенка, и ты будешь жить со мной! У нас будет семья, настоящая! А если ты захочешь пойти налево или бросить меня — я тебя уничтожу!

Приветливый теплый взгляд Рэя исчез, на лице снова отразилась неприязнь.

— Ничего себе! Не ожидал, Деб, не ожидал! Не думал, что ты такая!

Его слова болью отозвались в ее сердце, но решимости в ней только прибавилось.

— Ты все сказала? Тогда можешь идти. У меня нет больше желания с тобой разговаривать. И еще — ты уволена.

Рэй отвернулся и собрался выйти из библиотеки, но пальцы Деборы вдруг впились в его руку.

— Я не закончила! Ты не услышал еще главного! Если ты этого не сделаешь, Рэндэл узнает о том, что близнецы — дети не только твои, но и Кэрол! Как ты думаешь, что тогда будет? И не вздумай отпираться. У меня уже готов тест ДНК, где черным по белому написано, что отец — ты, а мать — она.

Рэй, обернувшись, молча смотрел на нее. Дебора заметила, как начало бледнеть его красивое лицо, а в глазах появились обида и упрек.

— Деб, ты что, серьезно? — хрипло спросил он странно теплым тоном.

— Да, Рэй. Я серьезно. Ради своей любви я готова на все!

— На все? Даже погубить того, кого, как ты считаешь, ты любишь?

— Да... если придется. Или ты будешь мой, или ничей!

— Деб... да ты даже понятия не имеешь о любви, — он горько усмехнулся. — И ты меня не любишь. Ты любишь только себя.

— Я не намерена сейчас с тобой спорить, Рэй. Мне нужен ответ. Сейчас. Либо ты говоришь, что мы поженимся, завтра же идем подавать заявление и официально объявляем о нашей помолвке, либо я иду к Рэндэлу. Ты представляешь, как отреагирует Рэндэл? Я слышала, он уже довел ее до попытки самоубийства? Ты видел, что он с ней делает? Ты уже спал с ней после ее возвращения? — она с мукой смотрела на него, пытаясь отгадать ответ на вопрос, который терзал ее с тех пор, как Кэрол чудесным образом «воскресла». — Если спал, то, значит, видел следы от ремня на ее теле. А синяки от наручников? Наверное, не просто так она пыталась свести счеты с жизнью. Она мне сказала, что у нее был другой... и за это Рэндэл ее так... наказывает. Что же он с ней сделает, когда узнает, что она еще и с тобой ему рога наставляла? Ведь вы с ним давние враги, он же тебя ненавидит. Бедный Рэндэл! Да его удар хватит, когда он узнает, что ты трахал его жену, что сделал ей детей, что она их родила, а не избавилась! Что дети — эти самые близнецы!

Рэй молчал, отвернувшись, словно не желал больше на нее смотреть. Она собиралась выдвинуть ультиматум и насчет детей, но сейчас не решилась. Она нетерпеливо его разглядывала, пытаясь понять его реакцию. И была озадачена его печальным молчанием. Опустив голову, он как-то очень грустно и задумчиво рассматривал виски в своем стакане. А Дебора пожирала его жадным взглядом, подавляя порыв стиснуть его в своих объятиях, поцеловать. Она так давно и так пылко об этом мечтала. И дрожала от волнения и страха, что у нее не получится, что он откажется, несмотря ни на что.

— Думаешь, это сделает тебя счастливой? — тихо сказал Рэй, прервав, наконец, затянувшееся молчание. — Ты же пожалеешь об этом. Жизнь со мной представляется тебе сказкой? Сказки не будет, Деб. Лучше бы ты нашла себе другого мужчину. Сейчас ты ломаешь свою жизнь, не мою. Ты же такая умная женщина. Что с тобой, почему ведешь себя так глупо, совершаешь такую ошибку?

— Потому что я в отчаянии, Рэй! И я... я не могу больше выносить то, что ты не рядом... что не мой! О, я так тебя люблю! Люблю больше собственной жизни!

— Я уже сказал, что думаю о твоей любви. Это не любовь. Тебя волнуют только свои собственные желания, на меня тебе наплевать. Ты готова лишиться меня жизни ради того, чтобы добиться своего. Это не любовь. Я думаю, такой человек, как ты, и не способен на любовь.

— Способен! И я тебе докажу, только позволь мне! Прими мою любовь, я все ради тебя сделаю, все! Я буду хорошей женой, вот увидишь! Никто не будет тебя любить, как я! Позволь мне сделать тебя счастливым! Не противься. И увидишь — у нас все получится. Только не противься, умоляю! Что ты тянешь, скажи мне только да или нет! Что бы ты не говорил, я не отступлю и не изменю своего решения. Ты меня знаешь. Я пойду до конца.

— Знаю. Знаю, что бы я не сказал, ты не станешь слушать, готовая все раздавить на пути к своей цели. И всех. Как Рэндэл. Вы похожи. Думаю, вы бы составили подходящую пару. Было бы интересно понаблюдать, как бы вы ужились, и кто бы из вас в конце концов раздавил другого.

— Ты постоянно уходишь от ответа, Рэй. Но это бесполезно. Хватит воды. Мне нужен ответ. Ведь ты же не допустишь, чтобы с твоей любимой Кэрол что-нибудь случилось? Если Рэндэл пожелает с ней расправиться, ты не сможешь ему помешать, потому что в первую

очередь он расправится с тобой.

— Хватит, Деб, меня запугивать да страшать. Я лучше тебя знаю все, что ты мне тут стараешься объяснить. Я согласен. Но знай и запомни, что я тебе скажу — я не любил тебя, но я тебя уважал и хорошо к тебе относился. Теперь этого не будет. Все мое уважение ты потеряла. Безвозвратно. Если ты хочешь выйти замуж за мужчину, который тебя презирает и ненавидит — валяй. Будь по-твоему.

Дебора задохнулась от восторга, от радости у нее даже голова закружилась. Все его слова, кроме «Я согласен» пролетели мимо ее ушей. Он согласен! Она наконец-то станет его женой! Будет спать с ним в одной постели, заниматься с ним сексом!

— Хочу уточнить детали. — добавила она, пытаясь сдержать свою бурную радость. — Если ты думаешь, что сможешь спать в другой комнате или прятаться от меня в этом большом доме... в общем, если ты будешь меня избегать — Рэндэл все узнает. Я ведь могу передумать и рассказать ему в любой момент, запомни. Так что будет лучше, если ты не станешь меня все-таки обижать. Это не фиктивный будет брак, а настоящий. Во всех смыслах, понял?

— Я не дурак, Деб. Я понял, что ты от меня хочешь, — глухо отозвался Рэй.

— Вот и хорошо! — Дебора растянула губы в торжествующей улыбке. — Тогда я завтра же жду от тебя кольцо и объявление о помолвке. И я хочу праздник по этому случаю.

— Хочешь праздник — сам его и организуй. Я этим заниматься не буду.

— Я тебя и не прошу. Я сама все сделаю. От тебя требуется кольцо и официальное объявление о помолвке. И счастливый и довольный вид. Чтобы все поверили в то, что ты меня любишь.

— Боюсь, с этим будут проблемы.

— Не будут. Ты прекрасно умеешь притворяться. Вот и притворись, блесни талантом.

Рэй угрюмо промолчал, так к ней и не повернувшись.

— Я могу остаться на ужин? Во сколько у вас ужин?

— В семь. Я скажу Дороты поставить еще прибор, — Рэй освободил руку из ее пальцев и снова направился к дверям.

— А на ночь? Я хочу остаться на ночь. Ты же не против?

На мгновение Рэй приостановился, потом коротко кивнул и вышел, даже не обернувшись.

А Дебора запрыгала на месте, радостно захлопав в ладоши, как маленькая девочка.

Ни она, ни Рэй не заметили, что все это время под дверью простояла Дженни, подслушав весь разговор.

Так как Рэй не вернулся в библиотеку, Дебора, прождав его добрых пол часа, раздосадованная вышла и отправилось бродить по дому, чтобы изучить подробнее свои будущие владения. Вернее, уже принадлежащие ей владения. Теперь она тут будет хозяйкой. Наведет свои правила. И эта сучка Кэрол даже на порог больше не ступит. Дебора хотела сразу же сказать об этом Рэю, но не решилась. Не все сразу. А то как бы не заартачился и не передумал, если передавить. Раз подчинился сейчас, то теперь будет подчиняться и дальше. Дебора также умолчала о брачном договоре, который намерена была заключить, чтобы пресечь его измены, благодаря которому в подобном случае все бы его имущество, включая компанию, при разводе досталось ей. Таким образом она надеялась заставить его быть верным мужем. И от детей его она избавится. Пусть эта сучка забирает их и катится на все четыре стороны. Она запретит ему общаться с ней. И с детьми. Он подчиниться, у него нет

выбора. Он на все готов ради своей ненаглядной Кэрол. Это было неприятно, но Дебора старалась закрыть на это глаза. Это не важно. Эту «великую» любовь она использует в своих целях. Это даже хорошо, что у него есть слабое место, за которое его можно взять. И она взяла. Теперь он принадлежит ей. И она разорвет любую гадину, на которую он посмотрит. Она не собиралась его делить, ни с кем.

Так, строя планы, со счастливой улыбкой на лице, она гуляла по дому, пока не набрела на кухню, из которой доносились наиприятнейшие ароматы.

— Здравствуйте, Дороти, — весело окликнула она старуху, стоящую у плиты и что-то помешивающую в сковородке. — Что на ужин?

Дороти обернулась и расплылась в приветливой улыбке.

— Мисс Свон! Рада видеть вас. Рэй сказал, вы останетесь на ужин. Я готовлю рыбу. Вы едите рыбу?

— Да, ем... изредка. Но вообще-то, есть много всего такого, чего я не ем. Я вам об этом подробно потом расскажу. А еще у меня аллергия на некоторые продукты.

— О, — коротко сказала старушка, не понимая, к чему это она.

Рэй ей не сказал. Дебора ядовито улыбнулась.

— Еще я бы хотела, чтобы вы ввели меня в курс всех домашних дел. Я привыкла все контролировать. Это касается и финансовых расходов. Сколько персонала в доме?

Старуха удивленно хлопала глазами, растерявшись.

— Я, Лизи. Еще раз в неделю приходит Берни, он следит за порядком во дворе...

— А какие у вас зарплаты?

— Что?

— Вот у вас, Дороти? Сколько Рэй вам платит?

— Думаю, все эти вопросы вам лучше задать ему, — голос Дороти наполнился льдом, глаза негодуя засверкали. — Извините, мне нужно готовить.

— Не советую вам так себя со мной вести, Дороти. Разве Рэй вам не сказал? Он сделал мне предложение. Теперь я буду здесь хозяйкой.

Дороти от неожиданности выронила из старых рук лопатку. Наклонившись, она подобрала ее и положила в раковину. Заметив ее недоверчивый взгляд, Дебора рассмеялась.

— Думаете, я шучу? Нет, Дороти. Сегодня я остаюсь не только на ужин, но и на ночь. И в ближайшее время вообще сюда перееду, как только вещи соберу. Ночевать я буду с Рэем в его спальне. Приготовьте мне чистое полотенце и халат для ванной.

Дороти смотрела на нее, как на сумасшедшую.

— Не верите — спросите у своего хозяина. И предупреждаю сразу, Дороти, я не терплю неповиновения или непочтения. А если вы хоть раз продемонстрируете свое недовольство тем, что теперь я здесь хозяйка, я вас уволю.

Глаза Дороти на лоб полезли, но она молчала, от удивления проглотив язык.

А Дебора, наслаждаясь произведенным эффектом, выплыла гордой походкой из кухни и направилась дальше. А Дороти, поспешно вытерев руки полотенцем, бросилась на поиски Рэя, чтобы узнать, что происходит.

— А это кто? — удивилась Дебора, когда в столовую вошла Дженни и, вежливо с ней поздоровавшись, села за стол.

Девочка покосилась на Рэя и заметила, как он бросил на женщину неприязненный взгляд.

— Это моя дочь, — ответил он невозмутимо, ничем не выдавая бушующих в нем эмоций.

— Как дочь? Еще?.. Откуда? — воскликнула пораженная Дебора.

— Оттуда. У меня была бурная молодость. Да и вообще... вся жизнь.

— Это что, шутка такая? У тебя никогда не было детей, и вдруг они буквально посыпались на тебя, как из рога изобилия!

— Наверное, я слишком усердно молился о том, чтобы Бог послал мне детей. Вот он и услышал, — Рэй ухмыльнулся, переглянувшись с Дженни, которая смущенно улыбнулась ему и опустила глаза в тарелку. Дебора недоверчиво переводила взгляд с одного на другого.

— Не может быть, — растерянно сказала она. — Ты уверен?

— Можешь сделать еще один тест на ДНК, опыт у тебя в этом уже имеется, — Рэй пожал широким плечом и принялся за еду.

Но у Деборы аппетит пропал. С недоумением она разглядывала девочку.

— И что... она тоже будет жить здесь?

— Она уже здесь живет, если ты не заметила.

— А где ее мать?

— Она умерла. Теперь я о ней забочусь.

— Но... я считаю, нам нужно это обсудить, Рэй...

— Это не обсуждается, — отрезал тот таким решительным тоном, что Дебора замолчала.

Некоторое время она сидела молча, без аппетита ковыряясь в тарелке, потом подняла взгляд на Рэя и улыбнулась.

— Еще дети будут, или это все?

— Пока все... а там — не знаю.

Дебора переключила свое внимание на девочку.

— А как звали твою маму?

— Кэтрин Френсис, — приветливо ответила Дженни.

Дебора сосредоточенно сдвинула брови.

— Какое-то имя знакомое... как будто я уже его слышала.

— Вряд ли. Они жили далеко отсюда, — сказал Рэй.

— Где это?

— Деб, поговорим о другом. У тебя еще будет время познакомиться с Дженни поближе. Она замечательная девушка, уверен, вы найдете общий язык, — Рэй помолчал, а потом заставил себя произнести вслух слова, которые ему даже мысленно формулировать не хотелось. — Дженни, мы с Деб решили пожениться. На тебе лично и на твое пребывание в моем доме это никак не отразится.

— Поздравляю, — тихо отозвалась девочка, не поднимая глаз.

Было заметно, что она скованна и напряжена. Рэй был хмур и молчалив, не похожий на себя. Дебора не могла не почувствовать несколько враждебную обстановку. Даже Дороти, вежливо отказавшаяся от приглашения Рэя присоединиться к ним за ужином, не показалась больше, сославшись на головную боль и предоставив Лизи обслуживать их за столом.

Поев, Дженни тоже робко попросила разрешения удалиться. Рэй лишь кивнул, слегка ей улыбнувшись, и девочка ушла в свою комнату. И снова за столом воцарилось молчание. Дебора взглянула на Рэя, который тоже вдруг резко встал.

— Лизи, проводи мисс в мою комнату. Она... остается, — он вышел из-за стола, не

смотря на свою гостью. — Можешь располагаться и чувствовать себя, как дома. Я поднимусь в детскую, уложу близнецов спать, и приду.

— А можно мне с тобой? — Дебора тоже встала, отодвигая стул.

— Будет лучше, если ты подождешь меня в спальне. Я скоро приду.

Отвернувшись, он решительно вышел. Дебора проводила его раздосадованным обиженным взглядом, но ничего не сказала. Встретившись взглядами с Лизи, она покорно пошла за ней.

В апартаментах Рэя она приняла душ, хотя еще дома тщательно подготовилась к предстоящей ночи, надеясь на то, что сможет остаться. Накинув приготовленный Дороти чистый халат, она выглянула за дверь. Рэй явно не торопился. Дебора постаралась не обращать на это внимания. Он придет, никуда не денется. Потому что некуда ему деваться.

Выйдя наружу, она прикрыла за собой дверь и направилась в комнату Дженни, узнав у Лизи, где она, еще по дороге в спальню Рэя. Тихонько постучавшись, Дебора прислушалась

— Войдите! — услышала она голос девочки, без колебаний открыла дверь и вошла в комнату.

— Дженни, ты не занята? Я бы хотела поговорить с тобой, — расплывшись в елейной улыбке, сказала Дебора. — Я могу пройти?

— Да... конечно, — растерянно пробормотала та и указала на кресло, приглашая гостью сесть.

Закинув ногу за ногу, Дебора положила руки на подлокотники кресла и устремила на девочку пронзительный взгляд.

— Прежде всего, Дженни, я бы хотела тебя попросить, чтобы этот разговор остался между нами. Ты уже взрослая девочка, и говорить с тобой я буду, как со взрослой. Я выхожу замуж за Рэя, как тебе уже известно, и меня совсем не устраивает то, что он превратил этот дом в детский сад. У нас будет своя семья, свои дети, которых я ему рожу. Ты понимаешь, о чем я хочу тебе сказать?

Опустив голову, Дженни молчала.

— Как давно умерла твоя мама, Дженни?

— Давно, — уклончиво ответила та.

— Где ты жила все это время, до того, как приехала сюда?

— Я жила с тетей.

— Как ты оказалась здесь?

— Меня привез Рэй.

— Послушай, Дженни. Тебе придется вернуться к тете. Я дам тебе денег, много денег. Я даже буду присылать тебе еще каждый месяц, только чтобы ты никогда сюда не возвращалась. Если ты рассчитываешь что-то получить из состояния Рэя — напрасно. Ты не получишь ничего. Потому что теперь я буду всем управлять. Все это теперь будет принадлежать мне. А Рэй будет делать то, что я ему велю. Он лишит тебя всякого наследства. Так что тебе лучше согласится на мое предложение, так будет лучше для тебя же в первую очередь. Так ты хоть что-то будешь иметь, если воспротивишься мне — ничего! Я деловая женщина, Дженни. И я делаю тебе сейчас выгодное предложение. Очень выгодное. Ты поняла, о чем я тебе говорю?

— Да. Вы хотите, чтобы я уехала, — тихо ответила Дженни, не поднимая головы.

— Правильно.

— Нет, это не правильно. Это не вы меня сюда привезли... вы не можете решать...

Рэй...

— Я могу решать, девочка, и только я теперь буду решать! Все! Не Рэй.

Дженни подняла, наконец, голову и посмотрела на нее возмущенным взглядом.

— Вы его шантажируете... заставляете! Я слышала ваш разговор! Как вы так можете с ним поступать, если на самом деле любите? Он такого не заслуживает, он хороший!

— Он ведь не твой отец, так ведь? Думаете, я дура? Почему ты здесь? Ты с ним спишь?

Дженни вспыхнула, краснея.

— Да вы что... вы в своем уме?

Дебора резко поднялась.

— Значит так, маленькая потаскушка! Никакая ты ему не дочь, и чтобы духу твоего здесь не было, ясно? Иначе пожалеешь, что на свет родилась! Чтобы завтра же тебя тут не было! И только попробуй ему пожаловаться! Я со свету сживу и тебя, и твою тетю! А что касается Рэя... раз ты подслушала наш разговор, то должна знать, что он у меня на крючке, а потому ничего решать не может и сделает все, что я ему скажу. Уходи сама, если не хочешь вынудить его выставить тебя за дверь.

— А что же будет с близнецами? — встревоженно смотрела на нее Дженни, ни жива, ни мертва.

— Ничего с ними не будет. Отдадим их мамочке и отправим всех куда-нибудь на край света, чтобы Рэндэл не нашел. А если и найдет... мне до этого уже дела нет. Мы с Рэем будем строить свою семью, и никто посторонний нам не нужен. Что ты уставилась на меня стеклянными глазами? Ты все поняла?

Дженни не смогла ответить, горло ей сдавило спазмом, и она только кивнула.

— Смотри мне, со мной шутки плохи! — пригрозила Дебора сурово. — Начинай собирать монетки, чтобы завтра свалила. Повторять дважды я не буду. Не уедешь, сообщу, куда надо, что взрослый холостой мужчина живет с несовершеннолетней. Не поздоровится тогда твоему «папочке». Да и тебе тоже.

Дженни пораженно смотрела на нее, не в силах вымолвить ни слова.

Фыркнув, Дебора вышла.

Некоторое время девочка сидела, тупо уставившись за закрывшуюся дверь, потом очнулась и схватила телефонную трубку, поспешно набирая номер.

Дебора, вернувшись в спальню, тоже взялась за телефон, набирая номер секретаря Рэя, ранее — Куртни. Рэй не стал менять секретаршу, оставив прежнюю, которая нравилась его жене. А у Деборы с ней были дружеские отношения. К тому же, та боялась Дебору, которая заправляла в компании за спиной Рэя или в его отсутствие. Дебора попросила ее разузнать, кто такая Кэтрин Френсис.

— Кэтрин Френсис... — задумчиво повторила секретарь, напрягая свою удивительную память, которой все в компании восхищались. — Да это же та самая женщина, которую убила Кэрл! Ну да, точно она! Помните тот случай, когда Кэрл ей голову проломила... вроде признали несчастным случаем и отправили ее тогда на лечение в психиатрический госпиталь.

— Помню, конечно. Как такое забыть? — удивленно отозвалась Дебора. — Ты уверена, что это та самая женщина?

— Ну, я уверена, что ту именно так и звали. Кэтрин Френсис.

— Спасибо, — отстранено проговорила Дебора и положила трубку. — Опять ты, сучка!

И здесь без тебя не обошлось! Небось, ты и впарила Рэю эту девчонку! Но зачем?

Или Кэрол не в курсе, что Рэй пригрел дочь убитой ею женщины? Может, Дженни здесь, чтобы отомстить за мать? Но при чем здесь Рэй? Он бы не позволил никому навредить своей любимой Кэрол, а ведь он в курсе, что убитая Кэрол женщина — мать девочки, ведь та этого не скрывает, без всякого смущения, как ни в чем не бывало называет имя своей матери. Что-то тут нечисто. Надо разобраться.

Подскочив, она снова выбежала из спальни и помчалась к Дженни.

Уже без стука она распахнула дверь.

Девчонка с кем-то разговаривала по телефону и, вздрогнув от неожиданности, поспешно положила трубку. Дебора подозрительно прищурилась.

— С кем ты говорила?

— Ни с кем... это не ваше дело, — немного вызывающе ответила Дженни, смотря на нее с неприязнью. — Что вам опять от меня надо?

— Еще пару вопросов. Ты знаешь Кэрол?

— Конечно, — с удивлением Дженни приподняла брови.

— Откуда?

— Она спасла мне жизнь. Она и Рэй. А что? — Дженни настороженно всмотрелась в лицо женщины, уже опасаясь отвечать на ее вопросы и боясь сказать ей то, что не нужно было. Руки ее мелко дрожали, появилась одышка. По привычке Дженни приложила руку к сердцу, которое раньше, до операции, всегда болело, стоило ей даже слегка разволноваться. Этот жест не остался незамеченным для внимательной Свон.

— Что с тобой? У тебя больное сердце?

— Нет, — неприветливо отрезала Дженни.

— И как же Кэрол и Рэй спасли тебе жизнь?

— Я не буду отвечать на ваши вопросы. Спросите у Кэрол или у Рэя. Если они считают нужным, то ответят.

Дебора продолжала стоять на месте, изучая девочку любопытным недоуменным взглядом.

— Значит, спасли жизнь, говоришь. Что же, можешь не отвечать, я и сама узнаю. Кэрол грех свой замаливает, а Рэй, видимо, ей в этом помогает. Но разве такую вину можно искупить? И ты простила ее? Если так, твоя бедная матушка, наверное, в гробу перевернулась.

— Перевернулась? Почему? — девочка смотрела на нее ничего не понимающими глазами.

— А ты бы не перевернулась, если бы твоя дочь простила твою убийцу? Она лишила тебя матери, а ты с ней дружбу водишь? Такого малодушия даже я еще не встречала!

— Вы говорите сейчас полную ерунду! Кэрол — сестра моего отца, моя тетя!

— У Кэрол не было и нет братьев, насколько мне известно.

— Значит, вам не все известно!

— А кто твой отец?

— Мэттью Ландж!

Глаза Деборы изумленно расширились, потом губы ее растянулись в ехидной ухмылке.

— Милая дурочка, Мэттью Ландж был ее мужем. Первым. Она не твоя тетя, она твоя мачеха. И она убила твою мать. И даже не понесла за это наказание, потому что Джек Рэндэл ее вытащил, добившись оправдательного приговора. И после этого она вышла за него

замуж. А до этого Кэрол и он вытащили из-за решетки и твоего отца, который был осужден на пожизненное за изнасилование и убийство трех девочек.

— Вы врете! Вы злая! — задыхалась Дженни, подскочив. — Я вам не верю!

— Да о том, как Рэндэл освобождал твоего отца вся страна гудела! Ты умеешь пользоваться компьютером? Твой отец — знаменитость, набери только его имя, и ты сразу найдешь всю информацию. Или сходи в библиотеку, почитай сводки из газет.

— Мой отец был лучшим человеком на свете... А мама погибла в автокатастрофе... мне тетя так сказала. Зачем ей врать?

— У нее и спроси, — Дебора пожала плечом, всматриваясь в посеревшее лицо девочки, в ее побелевшие губы. Девочка вдруг зашаталась и стала подать, Дебора бросилась к ней и успела подхватить. Опустив ее на постель, она похлопала ее по щекам.

— Эй, ты чего это? Такая молодая, и такая хилая, сразу в обмороки падаешь! Ты точно здорова?

Но девочка не ответила и, отвернувшись, вдруг разразилась рыданиями.

Выпрямившись, Дебора озадачено смотрела на нее.

— Так ты и вправду не знала, — пробормотала она. — Они тебе не сказали. Задурили голову. Сматывай отсюда, девочка, пока есть возможность. Кэрол — она не здорова. Ее мать была убийцей и психопаткой, сдохла в тюремной психушке. Кэрол перешла ее болезнь. Она уже два раза лежала в дурдоме, где и поседела, кстати, как и ее мать. Ее звали Элен Гран. Она тоже прославилась своими преступлениями, о ней можешь запросто найти всю информацию, если хочешь. Я не знаю, что Кэрол от тебя нужно и зачем она тебя сюда притащила, но на твоём месте я бы бежала, пока есть возможность, на все четыре стороны от нее подальше. Накроет ее — и прибьет тебя, как и мамашу твою! Она же психопатка. Она и на меня недавно кинулась в доме Рэндэла. Не веришь — спроси у Шона или Хока... да у той же домработницы. Все они это видели. Еле ноги унесла. В чьи руки ты попала — даже не представляешь! Беги, девочка! Беги!

Следующим вечером Кэрол рано сморил сон.

Она была расстроена. Приходила Дороти и, обливаясь слезами, рассказала, что Рэй сошел с ума, собравшись жениться на этой ужасной женщине, Деборе Свон. Кэрол не стала скрывать от нее причину, по которой он решил это сделать. Женщина пришла в такое негодование, что у нее внезапно схватило сердце, и Кэрол пришлось бежать за доктором.

Дороти долго потом лежала на ее кровати, приходя в себя.

— Что же теперь делать? Что делать? — стонала она.

Кэрол успокаивающе гладила ее по руке, сдерживая слезы.

— Это я виновата... опять я. Я вернулась, и сразу начала всем причинять неприятности. Без меня все было спокойно. Простите меня!

— Не говори так, деточка. При чем здесь ты? Если люди вокруг такие... Давить таких надо. И Рэндэла, будь он проклят, и эту чертову гадину! Пришла, раскомандовалась! Уволить меня грозилась, представляешь? Я столько лет... всю свою жизнь в этой семье... как с родными! А Рэй... он хоть и непутевый, но ведь он мне как сын! Жалко мне его. Сам на себя не похож, притих, ходит, как в воду опущенный. Эта гадина оставалась на ночь, у него. А утром встала — ну все, хозяйка! И Дженни, наверное, уже что-то наговорила, сидела за завтраком, ни к чему не прикоснулась, а глаза на мокром месте. Мы с Рэем ее в библиотеку позвали, спрашиваем, а она молчит. Потом вдруг как разревется! Еле успокоили!

Оказывается, эта дрянь ей рассказала все о Мэтте, о тебе... О том, как на самом деле умерла ее мать. Бедная девочка просто в шоке!

Кэрол побледнела, в груди ее снова заняло сердце.

— Боже мой... — простонала она и зажмурилась, уже не в силах сдержать слезы.

Спрятав лицо в ладонях, она долго молчала, но Дороти продолжала говорить, успокаивающе поглаживая ее по голове, как ребенка.

— Рэю удалось ее успокоить. Он все ей рассказал... все, как на самом деле было. С самого начала. Как ты познакомилась с Мэттом, как полюбила, как спасла его из тюрьмы. Сказал, что ее папа на самом деле был хорошим человеком. И про мать ее рассказал. Как она его бросила и сбежала... как поступала с ним, когда они были вместе. Что именно она довела его до того, что у него помутился рассудок. Потому что он очень ее любил. Как повела себя после его смерти и почему ты сорвалась... он всеми силами пытался тебя оправдать... Но разве возможно перед ребенком оправдать того, кто лишил его мамы...

Дороти подавленно вздохнула.

— Она теперь меня ненавидит, — прошептала Кэрол. — О, как же я посмотрю ей в глаза?

— Ты искупила перед ней свою вину.

— Нет, Дороти. Искупить эту вину невозможно. Я бы хотела о ней заботиться... но, наверное, она этого теперь не захочет. Что же мне делать? Тетя не примет ее назад. Если она не захочет жить со мной, ей придется отправиться в приют. Но ведь с ее здоровьем — это верная смерть! Кто там будет о ней заботиться, покупать дорогие лекарства, оплачивать медицинские осмотры и обследования... Ведь она должна быть под наблюдением врачей. Постоянно! По крайней мере, пока.

— Ну... Рэй-то перед ней ничем не провинился, она, как вроде, прониклась к нему доверием. Мы же ее не выгоняем. Пусть пока побудет у нас, а там видно будет. Она хорошая девочка, никаких хлопот не доставляет, нянчится с близнецами. Только вот что делать с этой Деборой? Как взбесилась! Никогда она мне не нравилась, сразу видно — стерва стервой! Давно Рэю надо было от нее избавиться, как только глаз на него положила!

— Не мог он от нее избавиться. Она знала, что я жива, могла выдать Джеку. А теперь знает, что мальчики — наши. Я всегда ее опасалась. Знала, что рано или поздно терпение ее закончится. И, да, ты права — она всегда была стервой. В компании ее никто не любил. И Куртни она не нравилась. Она терпела ее только потому, что она была прекрасным работником. Уж в уме и профессионализме ей не откажешь.

— Угораздило же Рэя приглынуться этой мегере! — с досадой процедила сквозь зубы Дороти.

— Он красивый... — Кэрол пожалала плечами. — При деньгах. Только Дебора, наверное, не в курсе, что с ним ей будет не так просто, как может показаться.

— Но что делать? — повторила Дороти. — Это же немыслимо, чтобы она пришла к нам в дом, чтобы стала его женой! Эта мегера всех со свету сживет! Меня и Дженни — в первую очередь! И близнецов она вряд ли потерпит. Да и Рэя жалко...

Кэрол виновато промолчала. Она знала, что если Дебора выдвинет ему свой ультиматум, Рэй согласится. И она понятия не имела, что делать. Дебора Свон была не из тех, кого можно приструнить. И в том, что она расскажет все Джеку, Кэрол даже не сомневалась.

— А у вас-то с ним что произошло? — Дороти бросила на нее пристальный взгляд. —

Чего поссорились?

Кэрол смущенно покраснела под ее взглядом.

— Да так...

— Позволил себе чего? Знаю я его... развратника! — Дороти тяжело вздохнула, но в ее голосе не было злобы, только печаль. — Любит он тебя. Ничего уж с этим не поделаешь. Жалко мне его, — снова повторила она. — Несчастный он человек. А ты... совсем к нему никак, да? Джека своего любишь?

И, так как Кэрол молчала, потупив голову, продолжила:

— Так зверь же он, Джек твой. А с Рэем бы у вас получилось... он бы на руках тебя носил. Он изменился. Серьезней стал. Повзрослел, наконец-то. И не гуляет, как раньше... К тому же, у вас дети. Почему нет?

Она пытливно разглядывала Кэрол, пытаясь угадать ее мысли.

— Как было бы хорошо, если бы вы жили вместе, у нас. Ты, Патрик, малыши, Рэй. И я! Вот было бы счастье!

— Кто нам позволит? — с бесконечной усталостью проговорила Кэрол, подняв на нее измученный взгляд. — Закончится это счастье, не успев начаться. Ни Джек, ни его отец этого не допустят.

— Этот еще... хрыч старый! Он-то чего лезет? Ему какое дело?

— Ненавидит он меня, Дороти. Но его я не виню. Его ненависть вполне оправдана, даже справедлива. Он так любит Патрика, а я заставила его думать, что он погиб. Отобрала его у них обоих. Он сказал, что никогда мне этого не простит.

— Да уж, прощать эти Рэндэлы не любят. Но если даже Джек простил — он-то чего бесится? Молчал бы уже, не лез. И без него проблем хватает.

— Думаешь, Джек простил? — на губах Кэрол появилась горькая улыбка. — Вряд ли, Дороти.

— Так тем более! Если не ладится у вас, чего вместе жить-то? Отпустил бы. Нашел бы себе другую, да успокоился. Не трепал бы нервы ни тебе, ни себе. Другие разводятся и дальше живут. Ну не сложилось, не вы первые, не вы последние. Чего ему еще от тебя надо?

— Не знаю, Дороти, не знаю.

— Ладно, ты только себя не изводи. Как-нибудь все само собой разрешится. И с Деборой, и с Джеком. Бог нас не оставит.

Кэрол кивнула, хотя на Бога не очень-то рассчитывала.

— Рэй очень разозлился на Дебору, что она Дженни все рассказала. Прямо взбесился! Давно его таким не видела. Уехал из города, сказал, не может видеть ее сейчас, боится, что не сдержится... и та побежит к Рэндэлу.

— И куда он уехал? — встревожилась Кэрол.

— Поехал в санаторий Касевеса проведать.

— Надеюсь, он не собирается ему ничего рассказывать? Уиллу нельзя волноваться, Рэй же сам мне сказал, что ему хуже стало!

— Да не будет он ничего ему говорить, не переживай. Он же понимает. Он любит старика. Он ему как отец.

— Я бы тоже съездила. Так соскучилась. Вот выпишут — и поеду. И к Берджесам. К Эрни. Он меня ждет, — Кэрол с улыбкой вспомнила свой разговор с Эмми.

Дороти по ее просьбе привезла ей вещи из тех, что хранились еще в ее комнате в доме Рэя, так как Кэрол завтра не в чем было выписываться и ехать домой, а просить Джека она

не хотела. Она вообще не хотела с ним разговаривать.

После разговора об Иссе он больше не показывался.

И доктор Фрейзер так и не появился. Кэрол ждала, когда на дежурство заступит Картер, уверенная, что он в курсе того, что случилось с доктором. Она уже почти не сомневалась, что к его исчезновению Джек приложил руку. И, хоть она и не очень надеялась на то, что Картер будет с ней откровенничать на эту тему, но все равно намерена была попытаться что-нибудь узнать.

Вечером заехал Патрик, но пробыл недолго, всего минут десять. Угрюмый и какой-то сердитый, он сказал, что у него был тяжелый день, задали много уроков, а потому ему нужно ехать домой. Кэрол не возражала. Она хотела спросить, в курсе ли он того, что происходит в доме Рэя, говорила ли ему Дженни, но не стала. Если он еще не знает, ни к чему его волновать. Она знала, что он горяч и вспыльчив, узнает, еще глупостей каких-нибудь наделает. Если бы знал, наверняка бы не выдержал и не стал молчать об этом, захотел бы обсудить.

Встревоженная и подавленная, она смотрела телевизор и сама не заметила, как уснула.

Проснувшись она в холодном поту, задыхаясь от ужаса. Откинув покрывало, она вскочила и подбежав к шкафу, схватила привезенную Дороти одежду и стала торопливо одеваться.

— Боже мой... нет, нет! — бормотала она.

Рэй уехал, и она увидела, так четко, так ясно.

Увидела приближающуюся смерть. Не свою. Деборы Свон. Патрик знал! Все знал! И сейчас он направлялся к Деборе, чтобы устранить исходящую от нее угрозу.

Руки Кэрол дрожали и не слушались, пока она одевалась.

— Нет, Рик, нет! Ты меня слышишь? Услышь меня! Остановись, не делай этого! Так нельзя! — взывала она к нему мысленно, не замечая, что бормочет вслух.

— Не ходи, Кэрол! — звучал в голове у нее чей-то хриплый старческий голос, который она никогда раньше не слышала. — Не ходи туда!

— Кто это? Кто ты? — Кэрол изумленно застыла посреди комнаты.

— Я Луи. Ты не должна вмешиваться, Кэрол. Остановись.

— Но ведь он ее убьет!

— Я знаю. Пусть.

— Пусть? Пусть?! Ты в своем уме? Я не знаю тебя, что тебе от нас нужно? Что тебе нужно от моего сына?

— Когда вы приедете ко мне, я вам все расскажу и объясню. А сейчас раздевайся и ложись обратно в постель. Не лезь в дела своего сына.

— Не лезть? Но он собирается убить человека!

— И что? Он должен убивать. И ты должна. Как и я, и все мы из нашего рода. Такова наша судьба, с этим ничего не поделаешь.

— Нет, это не так! Я так не хочу... я не согласна! И мой сын не будет таким, я не допущу! Мой сын не станет убийцей, слышишь, кто бы ты там ни был!

— Он уже убийца, Кэрол. Это его судьба, его настоящее и будущее. И ты знаешь об этом. Ты надеешься все изменить... но твои надежды напрасны и бесполезны, Кэрол. В твоём сыне страшная сила, она растёт, и ты не сможешь ее остановить. Не мешай. Ты ничего не изменишь, только себе навредишь. Проклятие не будет выбирать между тобой и Патриком — оно тебя уничтожит, если ты станешь на пути, который уготован твоему сыну, потому что это особенный путь... Не мешай, иначе ты умрешь.

— Он мой сын! — закричала Кэрол. — И я буду его защищать! Он не станет таким, не станет! Я не отдам вам своего мальчика, не отдам!

Распахнулась дверь, заставив ее обернуться. На пороге застыл ее охранник, встревоженно смотря на нее.

— Что-то случилось? Почему вы кричите? С кем вы разговариваете?

— Там! Под кроватью! Там что-то есть! — Кэрол указала пальцем на пол. — Посмотрите!

— Что там может быть? О чем вы? — мужчина подошел ближе, в замешательстве смотря на нее.

— Я не знаю! Там что-то шебуршит! Посмотрите!

— Пожалуйста, успокойтесь, вы слишком возбуждены... Я сейчас посмотрю, только успокойтесь, хорошо? — подойдя к кровати, охранник уперся в нее ладонью и наклонился. Схватив с тумбочки настольную лампу, Кэрол размахнулась и со всех сил ударила его по затылку. Потом, не уверенная в том, что удар был достаточно сильным — еще раз. Мужчина грузно повалился на пол.

Присев, Кэрол быстро обыскала его, вытащила из кармана ключи от машины, сунула себе за пояс тяжелый пистолет и прикрыла его блузкой. Выскочив из палаты, она плотно прикрыла за собой дверь и побежала вперед по коридору к выходу.

Беспрепятственно проскользнув мимо дежурной, когда та отвернулась, Кэрол выбежала на улицу и помчалась на стоянку. Там, нажав на брелок сигнализации, по звуку откликнувшейся машины определила, какая из них принадлежит ее охраннику. Усевшись за руль, она сунула ключи в замок зажигания и, визжа колесами, торопливо рванула с места.

— Остановись, сынок! Умоляю тебя, остановись! Не слушай его, не слушай этого Луи! Ты не должен никого убивать! — кричала она в отчаянии.

— Мама, не истери! — прозвучал у нее в голове вдруг голос Патрика. — Чего ты опять панику производишь? Я всего лишь прирежу эту охреневшую тварь, и все!

— Прирежешь? Ты с ума сошел? Нельзя просто так убивать людей, сколько раз я тебе говорила!

— Так я же не просто так. Она для нас опасна. Ведь она угрожает рассказать папе о тебе и Рэе, о лисятах. Она заставляет Рэя на ней жениться. Она угрожала Дженни, вынуждает ее уехать. Она рассказала Дженни, что это ты убила ее маму! И после всего ты еще ее жалеешь, заступаешься за нее?

— Откуда ты это знаешь?

— Мне Дженни все рассказала. Позвонила и рассказала. Ее надо убить, мама, другого выхода нет. Эта сука не отступит.

— Нет, Рик, нет! Мы решим вопрос по-другому! Нельзя убивать всех подряд, ты не можешь...

— Еще как могу! И почему это нельзя? Нельзя позволять таким, как тот Кевин и эта Дебора брать нас за горло! Нельзя оставлять в живых тех, кто может так нам навредить!

— Нельзя убивать, Рик! Глупо думать, что все так просто и опять сойдет с рук! Тима и Иссы теперь нет с нами, чтобы замести следы, тебя поймают! В полиции не дураки работают!

— Я тоже не дурак, если что. И Исса меня кое-чему научил. Я буду осторожным, мама, следы все замету...

— Прекрати, Рик, умоляю! Не делай этого, ради меня! Прошу тебя, сыночек! —

зарыдала Кэрол.

— Успокойся, мам. Все будет хорошо.

— Рик! Рик!

Но как она не кричала, он больше не отзывался.

Кэрол знала, где жила Дебора и уже через пятнадцать минут остановилась в половине квартала от ее дома. Заглушив мотор, она всмотрелась в темные окна. Потом решительно вылезла из машины и, опасливо оглядевшись, побежала к дому. Вокруг никого не было. Стояла глубокая ночь.

Дверь оказалась не запертой.

Сжимая зубы от охватившего ее отчаяния, Кэрол вошла внутрь и плотно прикрыла дверь. Остановившись, она позволила глазам привыкнуть к темноте, потом медленно двинулась вперед.

— Деб! — позвала она. — Это Кэрол!

Тишина. И вдруг Кэрол расслышала, как что-то стукнуло в одной из комнат, и бросилась туда. Это была спальня. На полу, в темноте, лежала Дебора. Кэрол сразу узнала ее. Она разглядела лужу темной крови под ней, и остановилась, зажав рот рукой, чтобы сдержать вопль. Из горла ее вырвался только приглушенный стон.

И тут раздался тихий хрип. Дебора пошевелилась.

— Деб! Ты жива! — бросившись к ней, Кэрол упала на колени и перевернула ее на спину. И на мгновение зажмурилась, увидев, как из перерезанного горла медленно вытекает кровь. Дебора пыталась дышать широко раскрытым окровавленным ртом, уставившись на нее вытаращенными от ужаса глазами.

— Сейчас... держись! Я вызову помощь... где телефон? — Кэрол хотела вскочить, оглядываясь по сторонам, но пальцы Деборы вдруг впились ей в плечо.

— Сын, — прохрипела она, захлебываясь в крови. — Твой сын...

Кэрол остановила на ней свой взгляд и медленно разжала ее пальцы, убирая с себя ее руку. Потом встала, как и собиралась, но на поиски телефона не бросилась.

— Прости, Деб, — прошептала она, и отвернулась.

Нет, она не будет спасать эту женщину. Она позволит ей умереть. Ради Патрика. Чтобы его спасти. Если Дебора выживет, она погубит ее мальчика.

«Все нужно доделывать до конца, раз начала, даже убийство», — вспомнились ей сказанные давно слова Джека. Она едва не совершила ту же ошибку, что и тогда, когда убила Кэтрин Френсис.

Отвернувшись, Кэрол вышла из спальни и отправилась на кухню. Надев хозяйственные перчатки и взяв нож, она вернулась, надеясь, что Дебора уже умерла. Но та встретила ее хоть и затуманенным, но все еще живым взглядом. Увидев в руках Кэрол нож, она захрипела.

— Умирай, Деб. — проговорила Кэрол. — Не мучайся.

Но та, наоборот, словно силы к ней вернулись, приподнялась и попыталась отползти от нее. Но эта попытка привела к тому, что из горла ее фонтаном брызнула темная, почти черная кровь. Женщина задергалась. Не выдержав, Кэрол подскочила в ней и, присев, размахнулась и со всех сил всадила нож в сердце, прекратив ее мучения.

Потом упала на зад и, положив руки на согнутые колени, уткнулась в них лицом.

Она не знала, сколько она так сидела.

— Ах, сынок, что же ты наделал! — вздохнув, она склонилась над телом и выдернула нож. Вернувшись на кухню, открыла кран и тщательно его вымыла. Потом положила на

место.

Оглядев себя, она обнаружила на одежде кровь.

Она могла бы попытаться уничтожить все следы, но если у нее не получится? Если она что-то упустит? Если Патрик тоже где-то «наследил»? Нет, она не могла так рисковать и надеяться на счастливый случай. Не должно быть ни одного шанса на то, чтобы полицейские обнаружили что-то, что вывело бы их на Патрика или на нее.

«Почему мне не позвонила? — снова всплыли в ее памяти слова Джека. — Я бы все сделал так, чтобы никто к тебе не подкопался. Мне легче не позволить тебе угодить за решетку, чем вытащить оттуда!».

И Кэрол решительно отправилась на поиски телефона. Но остановилась. Нет, отсюда звонить нельзя.

Отыскав в прихожей сумочку Деборы, Кэрол нашла кошелек и вытащила оттуда несколько монеток. Осторожно выглянув на улицу, Кэрол убедилась в том, что там по-прежнему никого нет, вышла и, закрыв дверь, стащила перчатки и спрятала за куст.

По дороге сюда в паре кварталов она видела телефонную будку.

Кэрол добежала до нее, никого не встретив, и, закинув монетку, набрала дрожащими пальцами номер. Джек был единственный, у кого в спальне был телефон. Еще телефоны были в кабинете и в холле. Это значит, что ночью первый возьмет трубку именно Джек, если он, конечно, был дома и находился в своей спальне. В их спальне.

Она не ошиблась. Трубку действительно снял Джек, ответив сонным недовольным голосом.

— Джек! Случилась беда! Мне нужна твоя помощь!

— Какая беда? — хрипло пробормотал он. — Ты где?

— Я в паре кварталов от дома Деборы Свон, в телефонной будке...

— Где?! Но что ты делаешь... — он запнулся, видимо, взглянув на часы, — в два часа ночи у дома Свон? Ты должна быть в больнице! Где Коул?

— Я... я его ударила по голове... — она замолчала, услышав на том конце провода ругательства. — Джек, пожалуйста... не сердись сейчас... просто выслушай меня!

— А я что сейчас делаю? Кэрол, что опять происходит?

— Джек... дело в том... дело в том, что она мертва. И мне... мне нужна твоя помощь. Ты понимаешь, о чем я?

— Кэрол... ты что, убила ее? — прохрипел он пораженно, с ужасом, как показалось Кэрол.

— Джек, я не хотела, так получилось. Я все объясню. Только... сейчас я не знаю, что делать.

— Ничего не делай. Абсолютно ничего, поняла? Вернись туда, осторожно, чтобы никто не видел, запри дверь и жди меня. Никому не звони, никому не открывай. И ничего там больше не трогай. Просто сядь и жди. Ясно?

— Да, Джек, я поняла, — она расслышала, как тяжело он вздохнул в трубку, прежде чем прервал связь. Кэрол оторвала кусок ткани от блузки и тщательно вытерла трубку, потом кнопки и ручку двери.

Вернувшись в дом Деборы, она заперлась и, присев на стул прямо в прихожей, стала ждать.

Она решила не рассказывать Джеку, что Патрик здесь был. Он отправит мальчика к психиатрам, возможно, даже положит его в больницу. Джек будет шокирован тем, что

сделал сын, и не известно, к каким мерах прибегнет. А отправлять мальчика в сумасшедший дом нельзя. Там ему не помогут, только навредят. И озлобят. Он перестанет им доверять. Ей. И тогда она потеряет его и не сможет ему помочь. А она должна. Должна уберечь его от того, на что он обречен. А меры, которые мог предпринять Джек, не веря в их проклятие, могли сделать только хуже.

Ее размышления прервал вой сирены.

Не поверив своим ушам, Кэрол подскочила и выглянула в окно.

У дома притормозила полицейская машина, потом еще одна.

Кэрол отпрянула от окна, задернув занавеску.

Не может быть! Этого не может быть!

Наверное, кто-то из соседей заподозрил неладное и вызвал полицию. Но почему они примчались сразу с сиренами, и не одна машина, а две? Нет... больше, Кэрол расслышала приближающийся вой еще по меньшей мере двух машин.

Джек... это сделал Джек? Но он не мог! Не мог!!! Или мог?

— Конечно, мог, а то ты не знаешь! — раздался у нее в голове насмешливый старческий голос. — Я же говорил — не лезь! Говорил!

Придя в себя, она со стоном отчаяния бросилась через весь дом к задней двери, но когда распахнула ее, в лицо ей уставилось дуло револьвера.

— Ни с места! Руки за голову, живо!

Кэрол медленно начала поднимать руки, но офицер, разглядев на ее одежде следы крови, а за поясом — пистолет, вдруг схватил ее за руку и повалил на пол. Кэрол не сопротивлялась. Придавив ее коленом, он скрутил ей руки за спиной и надел наручники.

— Мам! — вдруг услышала она отчаянный вопль Патрика. — Нет-нет, мам! Стреляй в него! Беги! Не давайся!

Кэрол зажмурилась. Их голоса разрывали ей голову.

“Вот сейчас, Кэрол, ты предаешь меня по-настоящему, так, как я тебя никогда не предавал».

Джек посчитал, что она его предала. По-настоящему, как он выразился. Сговорилась с его врагами, которые хотели его убить. И теперь он тоже предал ее «по-настоящему», так, как раньше бы никогда не предал.

Что же, она всегда знала, чувствовала, что это будет он. Даже говорила ему об этом. Он отправит ее за решетку, а затем — на смертную казнь. Он тогда над ней только посмеялся и назвал ненормальной. А она оказалась права.

И только сейчас Кэрол поняла, прочувствовала, как на самом деле она ему доверяла, была уверена, что он никогда не предаст ее «по-настоящему». Он, который всегда ее спасал. Что где-то в глубине души она все-таки верила в его любовь. Надеялась на то, что он не расправился с ней, когда она вернулась «с того света» не только из-за любви и жалости к сыну. Снова, в который раз поверила ему. Опять доверилась, захотела вновь поверить в его любовь, саму себя обмануть. И снова ошиблась. И на этот раз эта ошибка будет стоить ей жизни.

Джек нанял для жены адвоката, не имеющего никакого отношения к его юридической фирме. Но Кэрол отказалась от его услуг, выбрав другого, которого посоветовал Уильям Касевес. Рэй обратился к старику, попросив подсказать хорошего и неподкупного адвоката для своего друга, скрыв, что он нужен для Кэрол. Сам с ним договорился, сам вызвался оплачивать его услуги. Джек не стал настаивать на своем адвокате, продемонстрировав, что не намерен вмешиваться в следствие и правосудие над ней. Единственное, что он предпринял — это меры для того, чтобы дело велось в строгой секретности. Казалось, только это его заботило — собственная репутация. Чтобы никто не узнал о том, что его жена обвиняется в убийстве первой степени. Сама Кэрол и Рэй не имели ничего против такой скрытности, боясь, чтобы не узнал Касевес. Оба были уверены, что старик не останется в стороне, бросится спасать Кэрол, и его больное сердце не выдержит таких переживаний. Напуганный Рэй готов был рискнуть, хоть и любил старика, и воспользоваться его помощью, все-таки он был очень опытный юрист с хорошими связями, но Кэрол категорично была против, пригрозив, что если Рэй расскажет Уильяму, она вообще откажется от всякой помощи и подпишет признание. Рэй был в отчаянии, уверенный, что Кэрол расправилась с Деборой из-за него.

— Зачем, малыш? Я бы женился, Бог с ней, она бы ничего не рассказала Рэндэлу! — плакал он на свидании.

— Я не хотела ее убивать. Хотела просто поговорить. Так получилось, — говорила Кэрол. — Я вышла из себя. Ты же знаешь... у меня в последнее время проблемы с самообладанием. А тут еще она со своими угрозами. В любом случае, так лучше, Рэй. Она была угрозой тебе, нашим детям. Она в любой момент могла психануть и рассказать все Джеку, чтобы наказать тебя или меня. Или, чтобы избавившись от тебя, заграбастать себе твою компанию и все состояние. Откуда мы знаем, что у нее на уме было?

— Но что теперь с тобой будет? Почему ты не захотела позволить Рэндэлу помочь тебе? Ты ему не доверяешь? Но ведь он уже тебя вытаскивал раньше. Он любит тебя. Что бы там ни было, он не позволил бы...

— Нет, Рэй. Все изменилось. Он не будет больше меня спасать. И я ему не верю. Я боюсь, что он сделает только хуже, — Кэрол опустила глаза, пряча от него. Она не сказала, что это Джек вызвал полицию. Никому не сказала. Да у нее и доказательств тому не было. В деле было указано, что поступил анонимный звонок, скорее всего, от соседей, но от кого именно выяснить не удалось. Не нужно знать Рэю, что это сделал Джек. Ей даже представить было страшно, что может сделать вспыльчивый, убитый горем Рэй, если узнает. Ни к чему хорошему это не приведет, и ей лично ничем не поможет, если все узнают, что ее отправил за решетку собственный муж.

Но был кое-кто, знающий, что это его рук дело. Который вопил об этом на весь мир, но никто его не слушал, потому что он был всего лишь ребенком. Как ни старался Джек, ему не удалось убедить Патрика, что он не имеет отношения к аресту Кэрол.

Мальчишка набросился на него почти сразу после того, как она была арестована, с кулаками, воплями и слезами.

— Что ты сделал! Как ты мог? Ты убил маму! Ты ее убил! Я тебя ненавижу! — пытался побить его мальчик, и ошеломленный Джек с трудом с ним справлялся. Но тому все-таки

удалось ударить его один раз, по носу, да с такой силой, что пошла кровь. Джек был шокирован. Он скрутил сына и пытался его успокоить, клялся, что это не он. Но мальчик ему не верил, бился в истерике, кричал, подняв среди ночи на уши весь дом.

— Ты врешь! Это ты! Я знаю! Ты вызвал полицию, когда она позвонила тебе и попросила помощи! Почему, пап? Почему? Ты предатель! Мама тебя никогда не предавала, она всего лишь боится, что Нол и Исса тебя убьют!

— Тогда почему она не хочет мне помочь поймать их?

— Как она тебе поможет?

— Ну... пусть скажет, где они прячутся.

— Откуда она знает? Думаешь, Исса такой дурак, прямо вот так взял и сказал? Она не знает! Она уговорила его тебе не мстить, а ты ее в тюрьму отправил! Ненавижу тебя! Ненавижу! Мама была права, что не верила тебе! Что боялась! А я все пытался ее убедить в том, что ты ее любишь!

— Но с чего ты взял, что это я? — не мог понять Джек. — Откуда ты вообще знаешь, что произошло? Она тебе позвонила?

— Нет! Мы можем общаться с помощью нашего дара, когда Рэя нет поблизости! Я знаю, потому что это я убил эту старую тварь! Я! Мама не виновата! Она пошла туда, чтобы меня остановить! Вызови полицию еще раз, они должны забрать меня, а не ее! Она не убивала!

— Не говори глупости, сынок. Этим ты маме не поможешь. Послушай меня, — Джек сжал его плечи, заглядывая в глаза. — Это не я. Я бы никогда так не сделал. Я люблю маму.

— Нет, это ты! Мне сказал Луи, а он все знает, он может все видеть, все... не только смерть, как я. Он сказал, что это ты позвонил. Что ты хочешь наказать маму, избавиться от нее.

— Это неправда. Не слушай этого Луи. Я твой отец, а ты веришь какому-то проходимцу. Я запрещаю тебе с ним разговаривать, не смей ему больше звонить.

— Звонить? — Патрик издевательски расхохотался. — Какой же ты дурак! Мы разговариваем не по телефону. Он просто у меня в голове! Это наш дар, понимаешь? И единственный, кто может помешать мне с ним общаться — это Рэй.

— Рэй? При чем здесь Рэй?

— Потому что он нас блокирует. В нем какая-то другая сила... Он благословенный, мама его так называет. Только от его силы нам только вред, а не польза. Мы слепые и глухие, когда он рядом. Но он сейчас уехал... И я тебе, наконец-то, докажу! Кого тебе позвать? Из мертвых? Говори! Я призову любого!

Джек в замешательстве и тревоге смотрел на него, и Патрик разозлился еще больше, разглядев в его глазах страх, ужас от того, что его сын ведет себя, как сумасшедший.

— Ну, хорошо. Тогда я позову всех, — закрыв глаза, он зло процедил сквозь зубы. — Все, все, кто умер по его вине, услышьте меня! Придите, я вам приказываю!

— Патрик, прекрати этот цирк, я все равно тебе не поверю.

Открыв глаза, Патрик посмотрел куда-то в угол.

— Как твое имя? Верон. Что он с тобой сделал? Они с дедушкой? За что? Ну и правильно, а ты что хотел? Ты же хотел убить папу, сбил его машиной! Правильно сделали, поделом тебе! — повернувшись, Патрик посмотрел на побелевшего отца. — Какой-то Верон пришел. Говорит, что вы с дедушкой раздавили его машиной за то, что он тебя сбил. Ну, не вы лично, а по вашему приказу какой-то бандит. О, а вот и бабушка! Привет, ба, я соскучился, из-за этого Рэя я не мог тебя позвать. Вот, демонстрирую папе свою силу, а то

он мне не верит. Скажи ему что-нибудь такое, чтобы поверил. Тетя Даяна, а ты пока помолчи, потом и тебе слово дам. А ты кто? А ты? Помолчите! Заткнитесь все! Ого, пап, из все больше! Пусть говорит одна Куртни. Говори, ба!

— Рик... я тебя предупреждаю... последний раз... прекрати... — прохрипел Джек, не отрывая от него взгляда. — Про Верона тебе рассказала мама, она знала...

Но мальчик не слушал его, смотря на что-то в сторону.

— Я правда так могу? — удивился Патрик. — Круто! Сейчас попробую. Спасибо, Луи! Ты реально крут!

Он взял Джека за руку и, наклонился к его уху.

— Привет, Джек. Ну я же говорила, что и с того света тебя достану, — вдруг в самое ухо Джека прошептал голос Куртни.

Вскрикнув от неожиданности, Джек отпрянул, вырвавшись от рук сына.

Лицо его исказилось от ужаса, когда он уставился на мальчишку, а тот, запрокинув голову, звонко расхохотался, уже своим голосом.

— Тетя Даяна тоже хочет сказать тебе пару ласковых. Тут много желающих! Дай руку, давай продолжим. Это круто! Я не знал, что так могу!

Джек попятился от него к двери, поддавшись порыву убежать, но потом остановился. Судорожно сглотнув, он вернулся на место, медленно опустился на кровать и протянул сыну руку. Патрик схватил его за кисть и, наклонившись, стал торопливо шептать на ухо.

Джек не двигался, застыв, как каменная статуя, и только глаза его медленно расширились в безмолвном ужасе. Он молчал и только слушал. А Патрик все говорил и говорил, разными голосами, которые Джек узнавал. Голос Куртни, Даяны, матери... Голос Элен, яростный, хриплый и злобный заставил его отпрянуть.

— Ты тоже будешь здесь, никуда не денешься... скоро свидимся, — прохрипел мальчик голосом Элен, а потом начал сыпать проклятиями и грязными ругательствами, пока Патрик не сжал губы и не фыркнул, словно прогоняя ее. То, что услышал Джек после, заставило его волосы встать дыбом на затылке.

— Рэ-эндэл, — протянул голос Мэтта с издевкой. — Я тебя жду... Думаешь, избавился от меня? Ошибаешься... И Кэрол больше не твоя, я ее забираю.

Не выдержав, Джек бросился вон из комнаты, с ужасом расслышав вслед громкий мужской хохот. Хохот, который он хорошо помнил. Так смеялся Мэтт. Это был его голос.

Весь следующий день Джек пролежал в страшном похмелье, не в силах оторвать голову от подушки. Он пил до утра, пока не впал в беспамятство. Во-первых, он был в шоке от того, что произошло в комнате с Патриком. Во-вторых, не мог справиться с душившей его болью от того, что так поступил с Кэрол. Как бы не старался он подавить в себе эти неприятные чувства, эту боль и горечь, он не мог. Так паршиво он себя ощущал только когда выставил ее вон после их первой близости много лет назад. Ему так же было ее жалко, ему не хотелось этого делать и пришлось себя заставить... Да, это он вызвал полицию, но на самом деле он и не собирался ее предавать. Он просто хотел ее проучить, наказать, поставить на место. Снова подчинить. Заставить перестать ему сопротивляться. Хотел ее напугать, чтобы она, наконец, перестала убивать. Потому что иначе, если она не остановится, даже он не сможет ей помочь, спасти от правосудия. Он не собирался отправлять ее за решетку, а уж тем более, на смертную казнь, как вообразила она и Патрик. Он не заберет ее домой под залог. И Рэю не позволит, планируя просить, чтобы в залоге было отказано. Пусть посидит, прочувствует, что ее ожидает, если не перестанет убивать, пусть испугается и попереживает. Пусть даже

думает про смертную казнь, это только на пользу пойдет и, оказавшись на свободе, может, перестанет кидаться на людей. Она нуждалась в лечении, это было очевидно, Джек собирался сделать так, чтобы ее признали невменяемой и отправили на принудительное лечение. А пока она будет проходить лечение, он разберется с ее дружками, этими двумя громилами. И еще теперь надо разобраться с тем, что он увидел, вернее, услышал в комнате с Патриком. Пока он все еще был в шоке и не мог об этом думать. Он никогда не верил в такие вещи. Он верил только в интуицию. Но это было что-то другое. Что-то, выходящее за рамки рационального и объяснимого. Мальчик не мог все подстроить, Джек знал, что слышал именно ИХ, мертвых. Тех, кого уже давно нет. Это ОНИ говорили с ним, ОНИ, и никто другой. Он их узнал. Куртни, Даяну, мать, Элен, Мэтта. Не говоря уже о других. Там был даже Фрейзер, которого он отправил на дно океана, отдав ему в конце смены, а потом тем же вечером отобрав сто тысяч долларов. Патрик действительно обладает какими-то сверхъестественными способностями. И в этом необходимо разобраться. Выяснить, кто такой этот Луи, существует ли он только в голове мальчика, в его воображении, или на самом деле? Но не сейчас... Сейчас Джек не хотел об этом думать. Сначала надо разобраться с Кэрол и ее дружками, которые на него охотятся. Вылечить ее, приструнить, а этих гоблинов убить, и вздохнуть, наконец, спокойно. Джек боялся их, хоть и не показывал этого. Он давно понял, насколько они серьезные и опасные враги. Эти парни были настоящими невидимками, он не мог их поймать, несмотря на все свои связи и ум. И Джек возненавидел их не меньше, чем они его, еще до того, как узнал, что Кэрол жива и с ними связалась. С ним, этим Тимом. Джек не мог справиться со своей ревностью и яростью. Стоило ему только представить... Он не хотел это представлять, гнал прочь от себя эти мысли, но воображение, словно назло над ним издеваясь, все равно рисовало перед ним красочные картины... И тогда ему хотелось выть и убивать... Убить ее. Его. Но его он не мог найти, а на нее рука не поднялась... И он не находил выход своей ярости и боли, которые разрывали его изнутри. А хотел найти. И как можно быстрее, потому что уже не мог их сдерживать. Кэрол он накажет так, как задумал, а вот физически выместить все он жаждал именно на нем, а не на ней. Он хотел, чтобы после всего она даже посмотреть бы боялась на другого мужчину.

За целый день его никто не побеспокоил. Лишь Нора беззвучной тенью появлялась, чтобы оставить рядом с его постелью еду или холодную минеральную воду. Да один раз заглянул Шон, помялся у двери и, так и не решившись его потревожить, ушел.

Джек проспал весь день, всю ночь, и только утром поднялся с постели.

И тогда он узнал, что Патрик вчера был в полиции и заявил, что это он совершил убийство, а не его мама. Более того, он отказывался уходить, когда его попытались выпроводить. Шону его не удалось уговорить и забрать домой, Джека он не решился беспокоить, потому попросил Джорджа Рэндэла, который приехал в участок и забрал мальчика. Патрик остался у него, домой не вернулся.

Не захотел он возвращаться и потом, а с Джеком даже разговаривать отказывался. Лишь заявил, что вернется только вместе с мамой, а если Джек ее не спасет, он никогда его не простит, и даже позволит, чтобы Нол и Исса с ним расправились. Джек и просил, и грозился, но мальчишка был непреклонен. Заявил, что если Джек от него не отстанет, он вообще сбежит к Нолу и Иссе. Джек был расстроен, но отступил, не желая еще больше настраивать сына против себя, тот и так смотрел на него теперь, как на врага. И пока Патрик остался у дедушки, который, как казалось, вообще не проявлял интереса к происходящему,

радуясь тому, что внук с ним.

С момента их ссоры, Джек и отец так и не помирились. Они не общались, не интересовались друг другом. Узнав о том, что Джек оказался прав, не веря в гибель жены и сына, Джордж Рэндэл никак на это не отреагировал, а от комментариев прессе отказался. Он не позвонил Джеку, чтобы узнать, что к чему, терпеливо дожидаясь, когда внук сам к нему придет. Он так и не простил Джеку смерти матери. Не общался он и с Шоном, пригревшимся у Джека «под крылышком». Джордж Рэндэл мог запросто разбить эту дружбу и сделать их врагами, стоило ему только рассказать Шону, почему умерла его мама на самом деле. Но он не стал этого делать. Джек задавался вопросом, почему, но так и не нашел ответ. Возможно, Джордж Рэндэл молчал, храня эту страшную тайну, ради Рамоны, которая так хотела, чтобы Джек позаботился о Шоне. А может потому, что любил Джека и в глубине души его жалел, несмотря ни на что, зная об его одиночестве и страданиях после потери семьи. Патрика Джордж простил, не виня ребенка ни в чем, и единственное, от чего он не удержался — это от того, чтобы высказаться самой Кэрол. И не было конца его негодованию и ярости, вызванными ее поступком, тем, как она заставила страдать Джека и его самого, что заживо похоронила сына, отобрала его у них. Он наблюдал за всем, что происходило, оставаясь в стороне, наблюдал за Джеком. И гадал, неужели он окажется таким слабаком, что стерпит, простит? Почему эта шлюха и сумасшедшая до сих пор его жена, почему он ее еще не вышвырнул вон? Чего он с ней возится? Где его гордость, самолюбие? Он не простил и не пожалел собственную мать, жестоко и безжалостно с ней расправившись, вычеркнул из своей жизни его, своего отца, а эту шлюху пожалеет и простит? Такого не может быть. Джордж Рэндэл не хотел в это верить. Не хотел терять уважение к своему сыну, которым гордился, хоть и не всегда одобрял. Было время, когда он хорошо относился к своей невестке, можно было даже сказать, что любил. Но то время прошло. Она изменилась, и теперь он ее ненавидел. Женщины не могли ужиться в их семье. Джордж понимал сына, знал, что он любит свою жену, как когда-то он сам любил свою. Насколько Джордж знал, мужчины в их семье не были счастливы в любви, ни его отец, ни дед. Ни у кого не сложилось личная жизнь. Почему-то женщины их бросали. Это было печально, потому что все они были однолюбам, способными полюбить лишь один раз. По крайней мере, и Джордж, и его отец с дедом. Судя по тому, что Джек тоже не смог забыть свою жену, его постигла та же участь. Да, мужчины их рода не испытывали никогда недостатка в женщинах, которые их любили. Но сами полюбить больше не могли. У самого Джорджа после развода было много женщин, он никогда не испытывал в них недостатка, но ни с одной жить больше не захотел, не привел в свой дом. Дед Джорджа женился во второй раз, попытав счастья, но брак этот закончился через месяц, когда он в шею выгнал свою жену, которую не смог стерпеть рядом с собой. Женщины их раздражали, мешали. Они способны были стерпеть лишь ту, которую действительно любили. Но, к сожалению, почему-то их избранницы не могли стерпеть их. Джек обо всем этом знал. За его нежеланием разорвать отношения с женой Джордж видел не только любовь — под ней прятался страх одиночества. Джек знал, что такой же, как и отец, и дед, и прадед, что, как и они, он всю жизнь будет окружен женщинами, будет с ними встречаться и спать, но семьи у него больше не будет. Конечно, можно пытаться, и наверняка он пытался, в мыслях. Как и сам Джордж. Смотрел на какую-нибудь женщину и представлял, что она будет жить с ним, что будет рядом каждый день, и не мог найти в себе такого желания, наоборот, хотелось даже от мыслей таких сбежать. Встречаться, спать — да, но жить вместе — нет. Джордж в мыслях захотел бы видеть своей

женой лишь одну женщину за всю жизнь послежены — Куртни Мэтчисон. Но, несмотря на свое желание, он далеко не был уверен в том, что из этого могло что-то получиться, даже если бы она была свободна и не любила своего мужа, даже если бы согласилась выйти за него. Но с ней ему, по крайней мере, захотелось попробовать. Но это тайное желание так и не осуществилось. К сожалению, эта удивительная женщина слишком любила этого шалопаю Рэя, молодого и красивого, полного здоровья и сил. И Джордж понимал, что она никогда не бросит его ради него, старого и не отличающегося особой привлекательностью увядающего мужчины. Затмить этого сексапильного красавчика в глазах женщины вряд ли было возможно, а уж ему — тем более. Поэтому Джордж даже не предпринял попытку. Он был гордым мужчиной. Куртни знала, что нравится ему, она была очень умной и проницательной женщиной, и если бы у него был шанс, она бы дала ему это понять. Но она этого не сделала. Поэтому ставить в неловкое положение ее, а тем более себя, он не стал.

Джек тоже не был лишен гордости, но сейчас она подавлялась его любовью и страхом. Он надеялся пойти против судьбы, воспротивиться ей, не повторить судьбу мужчин их рода. Но для этого ему нужно было измениться, не быть таким же, как они, но он этого не понимал. Он по-прежнему пытался изменить все вокруг себя, всех, но не себя самого. А потому все его попытки обречены на провал. Джордж это знал. Ему потребовалась вся жизнь, чтобы это понять, что дело не в судьбе, не в том, что они выбирали не тех женщин или не встретили тех, кто подошел — причина была в них самих. В том, какие они были. В их характере, поступках, поведении. Если они и способны были менять людей, то только в худшую сторону. Как Кэрол, например. На какой милой, кроткой и тихой девочке женился его сын, как она его любила. И какой теперь она была сейчас. Они всегда пытались подавить, подчинить своей воле, только так и не иначе. Они не отступали и давили до тех пор, пока не удавалось подавить, согнуть человека, или поломать, если не получилось согнуть. Именно это Джек сейчас и делал со своей женой, Джордж видел. Он принимал только два варианта — или так, как он хочет, или никак. Только его сын не задумывался, что будет, если у него получится, он ее заставит, подчинит — а что дальше? Ничего хорошего дальше все рано не будет. Джордж это понимал, всегда, в отличии от него, еще когда от него уходила Рамона. Поэтому он не пытался ее заставить, удержать силой. Он отпустил ее, и даже не пытался отомстить. Джек не знал, он никогда ему не говорил, что Рамона на самом деле не хотела его оставлять, хотела забрать сына с собой, и ее любовник ничего не имел против, но Джордж не позволил ей этого, поставил условие, что если она уходит из семьи, то одна. И она сделала выбор. Она ушла, выбрав свою новую любовь, оставив сына. Тогда Джордж вообще запретил ей общаться с Джеком, появляться в его жизни, угрожая расправой над ней и ее новым мужем. И Рамона подчинилась, понимая, что сил для борьбы с ним у нее не достаточно, зная, что он без труда может стереть в порошок и ее, и ее новую семью. Джордж никогда не сожалел о том, что не позволил ей забрать Джека. Вряд ли его сын стал таким успешным и столько добился в жизни, если бы ушел тогда с ней и рос в той семье. Кто бы оплатил его учебу в Гарварде? Кто предоставил бы ему возможность добиться всего, чего он добился? Уж не она и ее нищий никчемный муж — точно. Его сын был настоящим Рэндэлом, и Джордж им гордился. Рэндэлов должны воспитывать Рэндэлы, и никто иной. И Патрик тоже был их крови, их породы. Рэндэл, как и они. И он должен расти в их семье. И никак иначе.

Джордж обрадовался, узнав, что Джек отправил Кэрол за решетку, надеясь, что сын, наконец-то, одумался, и собрался избавиться от жены. Гордость не позволяла ему допустить,

чтобы она его бросила, да еще и сына забрала, потому решил поступить с ней по-жесткому, заодно и наказать. На этот раз Джордж ничего не имел против, наоборот, считал, что сын поступает правильно. Просто отпустить ее после всего, что она сделала — это недопустимо, просто самого себя не уважать. Пусть сидит за решеткой и думает, против кого осмелилась пойти, причинить такое горе, так одурачить. Простить такое нельзя. А он с Джеком будет воспитывать Патрика. Без нее. Такая, какой она стала сейчас, она не нужна. Ни Джеку, ни мальчику. Он нее надо избавиться, раз и навсегда, чтобы не будоражила больше ни Джека, ни мальчишку. Пусть сгинет за решетками, как и ее мамаша. Туда ей самая дорога, такой же убийце и психопатке, как и Элен. Джордж надеялся, что Джек разделяет его мнение и намерен затолкать ее туда до конца дней.

Прошло два месяца.

За это время Джек ни разу не навестил Кэрол.

В залоге было отказано, и Кэрол ожидала приговора в окружной тюрьме, пребывание в которой для нее оказалось не легким. Джек знал обо всем, что происходило. Жена его была отнюдь не примерной заключенной, и за постоянные драки регулярно оказывалась в карцере. Как докладывали Джеку, жена его оказалась не робкого десятка и умела постоять за себя, легко ввязывалась в драки, проявляя при этом жестокость и агрессию, избив не одну заключенную. На вопрос начальника тюрьмы, где его жена научилась драться, будучи на вид такой милой и нежной и в одно мгновение преображаясь в бешеную и злобную фурию, Джек сдержанно ответил сквозь зубы, скрывая свою досаду, что у нее было трудное детство. После случая первой драки, о которой ему сообщили, Джек поведал начальнику тюрьмы о том, что она пациентка психиатрических клиник и уже не один год находится под наблюдением психиатров, о ее матери и том, что Кэрол унаследовала ее болезнь. Это встревожило начальника, психопатка-убийца в тюрьме его совсем не радовала, его тюрьма не место для преступников такого рода, но ее невменяемость еще не была доказана, так же, как и вина в убийстве, поэтому он ничего не мог сделать, чтобы избавиться от нее. А она пока, кроме драк, никаких неприятностей не доставляла, никого не убила и не покалечила. Заключенные оставили ее в покое после первой же драки, почувствовав, что она опасна, но одна девица с подружками прицепилась к ней и не желала оставлять в покое, и именно с ними у нее теперь постоянно происходили стычки. Джек мог бы вмешаться, чтобы ей помочь, но не стал. Она отвергла его, предала, променяла на другого, почему он должен ее защищать? Пусть сама о себе позаботится, раз так, раз он ей не нужен. Он ждал, что она сама попросит его о помощи, специально предупредил начальника тюрьмы, что если она захочет с ним связаться, то немедленно предоставит ей такую возможность. Но тот лишь разводил руками и говорил, что та ни разу не упомянула о муже. Джек понимал, что она не доверяет ему больше, возможно даже боится, считая, что он собрался ее погубить, и потому не просит больше о помощи. А может, к этому еще примешалось ее упрямство и обида. Джек прекрасно знал, какой она может быть упертой. Но это и хорошо, потому что Джек вовсе не жаждал ей помогать, и если бы она даже попросила, не стал бы этого делать. Пусть хлебнет по полной, раз возомнила из себя невесть что. Пусть поймет, что без него она ничто, всего лишь жалкая беспомощная женщина, которая на самом деле ничего не может, оказавшись без его поддержки и защиты.

Кэрол была уверена, что если он о ней и вспоминает, то только затем, чтобы подумать, как закопать ее поглубже. Но на самом деле Джек полностью руководил ее защитой в суде

через ее адвоката, нанятого Рэем. Тот не долго сопротивлялся, когда Джек пришел к нему и предложил свою помощь, анонимную, заверив, что заинтересован в том, чтобы жена избежала приговора за убийство первой степени, и была признана невменяемой и душевнобольной, осуждена на принудительное лечение. Выслушав Джека о том, как тот хочет построить защиту, адвокат вынужден был признать, что лучшего варианта для его подзащитной просто не существует. Предоставив суду все необходимые документы, выписки из истории болезни ее и ее матери, справки, заключения врачей в прошлом, поставленные диагнозы, адвокат заявил о том, что его подзащитную нельзя судить по обвинению в убийстве первой степени и потребовал медицинского обследования и заключения психиатров о ее психическом состоянии. Прощение было удовлетворено. Теперь оставалось получить нужное заключение, после чего суд будет вынужден признать обвиняемую невменяемой и психически больной, которую нельзя будет судить по обвинению в убийстве первой степени. Конечно, суд все равно мог вынести суровое наказание в виде заключения в тюремную психиатрическую больницу на длительный срок, но Джек не собирался этого допустить. На небольшой срок — возможно. На год, максимум на два. У него все было продумано и подготовлено, защитник Кэрол его беспрекословно слушался, признавая его авторитет и поверив в его намерение помочь жене. Но от Кэрол и суда было скрыто участие Джека во всем этом. Адвокат молчал. Знал только Рэй, но не препятствовал и не пытался помешать, понимая, что только Джек сможет ей помочь. И веря в то, что он не собирается надолго упрятать ее за решетки. Рэй успел хорошо изучить Рэндэла и верил в то, что тот не станет губить Кэрол, потому что она нужна ему, потому что любит. Наказать — да, это запросто, но не губить. А для Рэя ничего важнее Кэрол в жизни не было. Он готов был на все, чтобы спасти ее, даже поверить Рэндэлу и сговориться с ним у нее за спиной, против ее воли, чтобы вместе с ним вытащить ее из тюрьмы или хотя бы максимально смягчить приговор. Рэндэл был гений, и Рэй верил в него, несмотря на всю свою неприязнь к нему. Поэтому, когда Рэй узнал, что Джек собирается взяться за защиту Кэрол, неофициально, конечно, выслушав его планы, как и что он собрался делать, Рэй почти успокоился, уверенный в том, что у Рэндэла, как всегда, все получится. И, возможно, впервые за все время, что его знал, Рэй ему верил. Когда его адвокат, Джош Мур, рассказал о том, что Рэндэл заявился к нему и выказал намерение вмешаться и взять под свой контроль защиту его жены, Рэй пришел к Джеку прямо домой, чтобы поговорить. Тот принял его на удивление спокойно, словно ждал. Он как будто смирился с тем, что Рэй всегда принимал и будет принимать участие в ее жизни, и от него не избавиться. Они оба, и Кэрол, и Рэй, считали, что у него на то есть все права, они воспринимали друг друга, как семью, несмотря на то что не были даже родственниками. И изменить это было невозможно. Но Джек не видел больше в Рэе соперника или угрозу, хоть и знал, что его чувства к Кэрол остались прежними. Даже сбежав от него, Джека, Кэрол не захотела быть с ним, предпочтя другого. А ведь Рэй был в курсе, что она жива, Джек в этом не сомневался. Конечно, они все равно должны были соблюдать осторожность, чтобы Джек не заметил, но при желании, они в любом случае могли поддерживать любовную связь. Но, судя по унылому и тоскливому виду Рэя, Кэрол никаких любовных связей с ним не захотела. Джек задавался вопросом, почему, разглядывая заявившегося к нему в дом Рэя. Ведь тот был чертовски хорош собой, богат, да и выглядел намного моложе своего возраста. Почему она так и не захотела, даже сбежав от него, Джека? Из страха навредить ему, Рэю? Боялась, что он, узнав, убьет его? Из-за Куртни? Когда-нибудь Джек ее об этом спросит, не сейчас, потому что сейчас она все равно ему не

ответит. Ему было очень любопытно. Почему она оттолкнула Рэя, который, надо признать, действительно ее любил, а не только хотел затащить в постель, и предпочла этого обезображенного мальчишку, бродягу и голодранца, у которого из имущества была одна только его снайперская винтовка? Как бы Джек не ненавидел Рэя, но он признавал, что этот подранный угрюмый парень и рядом не стоял с Рэем, красивым и обаятельным, не выдерживая никакого сравнения. Наверняка любая женщина предпочла бы Рэя, а не его. Так почему же себе в любовники она взяла этого юнца, а не Рэя? М-да, женская душа — потемки. Так думал Джек, изучая Рэя внимательным взглядом. Он знал, зачем тот к нему пришел, и не стал ничего скрывать от него, открыв все карты. Что и как он собирается делать. Рэй выслушал его очень внимательно, не отрывая синих пронизательных глаз от его лица.

— Кэрол не верит тебе. Она тебя боится, — проговорил он после того, как Джек закончил.

— Я знаю, — кивнул Джек, с удивлением поняв, что Кэрол не рассказала Рэю, что это он вызвал полицию, когда она обратилась к нему за помощью. Иначе Рэй тоже бы ему не поверил. Но он не знал. Что же, почему она не рассказала, было вполне понятно. Это в духе Кэрол. Если бы рассказала. Рэй не сидел бы так спокойно в кабинете Джека, беседуя с ним, а наверняка бы жаждал расправы, бросаясь с кулаками, как раньше. А Кэрол их вражда всегда доставляла только беспокойство и страдания. И вряд ли она хотела, чтобы она возобновилась. Хотя она никуда и не девалась. Они по-прежнему друг друга ненавидели, разве что стычки их прекратились. Но теперь, когда Кэрол вернулась, все может возобновиться. Только теперь Джек не намерен был терпеть. Пусть только рыпнется на него, и Джек сразу же организует какой-нибудь несчастный случай. Пусть сидит себе дома и детей своих нянчит, если не хочет, чтобы они сиротами остались. Пока Рэй к ним не лез, не вмешивался, и Джека это вполне устраивало. Ясно, что у Рэя теперь появилась другая забота — его малышня, которую он, судя по всему, обожал, радуясь своему статусу папаши и переключив с Кэрол на них свою гиперактивную энергию и заботу. Но на то, что Рэй останется в стороне и теперь, когда Кэрол попала в беду, Джек и не рассчитывал. Он не видел причин скрывать от Рэя свои намерения помочь Кэрол. Зачем? Ему вовсе не нужно было, чтобы тот, а вернее, Касевес, стали чинить ему препятствия и мешать. Если Рэй вряд ли мог быть серьезной помехой, то о стоявшем за его спиной Касевесе этого сказать нельзя было. Несмотря на то, что был одной ногой в могиле, старик мог быть серьезным и опасным противником. У него был не дюжий ум, опыт и связи. И Джек всегда признавал его авторитет, потому что когда-то у него учился. Более того, он уважал Касевеса, он ему даже нравился. Тот всегда опекал Куртни и ее семью, теперь — Рэя. И Джек был уверен, что именно Касевес помог Кэрол всех одурачить и скрыться с Патриком «на тот свет». Только Уилл был на это способен, ни Кэрол, ни Рэй. Наверняка старик и потом ей помогал. Джек был обижен и сердит на него, но мстить не собирался. В старике едва уже теплилась жизнь. Кэрол и Рэй даже побоялись сообщить ему о том, что произошло с Кэрол, и старик пребывал в неведении, лечась в санатории. А так как следствие и процесс над Кэрол проходили в строгой секретности, и пресса была не в курсе, то узнать об этом из газет или телевидения Касевес никак не мог. А его знакомому Джошу Муру было велено держать рот на замке и не разглашать информацию под страхом лишиться лицензии. Тот знал, что связываться с Рэндэлом, который на посту сенатора обладал еще большей властью и возможностями, чем раньше, не стоит.

— Ты хочешь помочь Кэрол... после всего? Почему? — спросил Рэй, испепеляя его пронзительным взглядом, видимо, все еще сомневаясь и боясь ошибиться и принять неверное решение. Его ошибка может стать для Кэрол роковой. Если он доверится Рэндэлу, а тот вместо того, чтобы помочь, окончательно с ней расправится, отомстив за все свои обиды, Рэй никогда себе этого не простит. Джек понимал его колебания.

— Потому что она моя жена... *моя* женщина, — процедил сквозь зубы Джек. — Мы оба наделали глупостей и ошибок... Но я все равно ее люблю. И она меня любит. Я готов разорвать ее на куски... но другим не позволю! Потому что это моя женщина! Я имею право, никто другой — нет!

— Какие-то у тебя первобытные представления о правах мужа, — пробормотал Рэй. — Ты вообще в курсе, в каком веке живешь? Женщины давно уже не считают мужей своими господами и повелителями. Ну, может, где-то на востоке еще и есть такие понятия, но у нас — вряд ли. Женись на мусульманке. Может, ваши взгляды на семейную жизнь совпадут. С Кэрол вряд ли получится.

— Мы с ней вполне ужились вместе, ты забыл? Мы прекрасно прожили столько лет...

— Потому что она тебя терпела. А как только терпение у нее закончилось, все у вас и рухнуло сразу. Только на нем все и держалось. На том, что она под тебя прогибалась. А потом перестала. И не хочет больше. А ты, болван, этого не понимаешь, хочешь ее опять нагнуть. Зачем? Тебе нужна рабыня или жена? А как насчет равноправия? Почему это все должны под тебя прогибаться, ты что, бл...ть, король хренов какой-то, а все вокруг подчиненные? Не прогнется она под тебя больше, понял? Не прогнется. А будешь давить, только поломаешь — и все! Зачем тебе это? Или подчинить или уничтожить — так что ли? Это твое кредо? А по-другому попробовать не хочешь? Как все нормальные люди? Ну, походи к психотерапевту со своей манией величия, пусть подлечат... глядишь, и жизнь наладится.

Рэй внимательно наблюдал за его реакцией, специально провоцируя, чтобы разглядеть его реакцию, понять, как на самом деле он относится к Кэрол и их отношениям. Рэндэл сдержанностью не отличался. А самоконтролем в гневе — нет более. Он мог сорваться в приступе ярости, и продемонстрировать свои истинные чувства и намерения, о которых Рэю знать было необходимо, прежде чем довериться ему. Он сам всегда твердил Кэрол, что нельзя доверять Рэндэлу. И теперь, когда она, наконец, это поняла и признала, сам собрался ему поверить. Но у него не было иного выхода, он это понимал. Кэрол была взята на месте преступления, рядом с еще не остывшим трупом, со следами крови жертвы на одежде. Джош Мур сказал, что шансов на оправдание никаких нет, что с тем, как обстоит дело сейчас, ее признают виновной в убийстве первой степени и минимальный срок, который ей грозит — двадцать лет. Минимальный, если очень повезет. Кэрол спасет только чудо. А специалист по чудесам в таких делах сейчас сидел перед ним и предлагал свою помощь. Как бы Рэй ни ненавидел Рэндэла, он понимал, что он единственный, кто может ее спасти. Или погубить окончательно. И цель у Джека может быть только одна из двух — или спасти Кэрол, или уничтожить. Нужно просто понять — какая? И принять верное решение.

Слова Рэя не задели Рэндэла, как он ожидал, он задумчиво сложил руки перед лицом, поставив локти на стол, и спокойно смотрел в глаза Рэя. Не зло. Грустно.

— Ты говорил с ней... до ареста? Что она собиралась делать? — спросил он, словно не слышал ничего из того, что сказал ему Рэй. — Она ждала, когда за ней придет... он, планировала уйти с ним?

Рэй пожал плечами.

— Мы не говорили об этом. У нас не было возможности посеCRETничать, твой братец и Хок глаз с нее ведь не спускают.

— Врешь ты все. Ты все знаешь. Всегда все знал, — без злобы усмехнулся Джек. — Расскажи. Любопытство замучило. Как Касевес все это провернул с аварией? Где она пряталась все это время, что я не смог ее найти?

Рэй помолчал, задумчиво потирая подбородок. Смысла скрывать то, что и как произошло, уже не было. Если Рэндэл будет это знать, ничего не изменится и хуже никому не будет. Он знал, что и Касевес, и он, Рэй, были в курсе, отпираться было бесполезно, Рэндэла не проведешь. Вздохнув, он тихо ему все рассказал.

— Надо же, как, оказывается, все просто! — удивился Джек, выслушав его. — Я следил за тобой. Я что-то упустил, или ты на самом деле ни разу с ней не виделся после аварии?

— Нет, не виделся. Мы не общались. Она даже не знала, что Касевес мне рассказал, потому что запретила ему. Так что она сбежала не только от тебя, но и от меня.

— И нашла себе другого, — вернулся снова к больной теме Джек. — А что ты знаешь об их отношениях?

— Не больше твоего. Говорю же, она вычеркнула меня из своей жизни, и не пускает меня в нее больше.

Джек помолчал, но потом все-таки не выдержал и спросил:

— А что она говорила обо мне? О нас с ней?

— Ничего не говорила, я же сказал, у нас не было возможности поговорить.

— Ты навещаешь ее в тюрьме. И там вы можете говорить, вам никто не мешает. Что она говорит? — настаивал Джек.

— Она не доверяет тебе. Боится. Уверена, что ты ненавидишь ее и хочешь отомстить. Это все.

— Она ошибается. Я хочу ей помочь. Как всегда помогал.

— И думаешь, что после того, как спасешь ее, у вас все наладится, как тогда, когда она убила Кэт? Думаешь, второй раз прокатит?

— Я думаю о том, как не дать ей провести пол жизни в тюрьме. Как вернуть сыну его маму, — резко ответил Джек.

— Ты хочешь вытащить ее из-за Рика? — Рэй прищурился, изучая его внимательным взглядом.

— Да. Но не только, — Джек откинулся на спинку кресла.

— Почему ты не расправился с ней, как с Даяной? Почему хочешь помочь после всего? — не отставал Рэй.

— Зачем ты спрашиваешь, если и сам знаешь? — начал раздражаться Джек. — И, кажется, я уже ответил тебе на этот вопрос. Она моя жена. И я ее люблю.

Рэй угрюмо промолчал. Он действительно знал. Знал, что Джек любит и ее, и своего сына. И поэтому Рэй ему поверил. Поверил не его словам, а его грустному взгляду, такому непривычному в его холодных серых глазах. Рэндэл вытащит ее, ради Патрика и себя самого.

Вскоре Джеку сообщили, что его жена после очередной драки попала в лазарет, сильно избитая. Пришлось даже отложить очередное заседание суда. Но следом за это новостью последовала другая — оказывается, жена его в положении. Тут уж Джек не выдержал и решил навестить к ней.

Его появление явно не обрадовало Кэрол.

Она лежала в постели с перевязанной головой и разбитым лицом. Белые волосы были рассыпаны по плечам и груди, все такие же красивые, сливаясь с сединой, которая должна была появиться за это время, и делая ее совершенно незаметной. Да, ее парикмахер знал свое дело. И Кэрол не ошиблась, решив так покрасить свои абсолютно седые волосы. Джек вынужден был признать, что, несмотря на ее еще большее сходство с Элен, все равно она нравится ему с этими белыми волосами.

Встретившись с ним взглядами, Кэрол тут же отвела глаза и отвернулась, продемонстрировав, что совсем не испытывает желания его видеть.

— Не мог не прийти, чтобы поздравить тебя, дорогая, — язвительно сказал он, садясь на стул рядом. — Никак не могу избавиться от дежавю. А у тебя есть такое ощущение? Ничего не напоминает все, что сейчас происходит?

Кэрол промолчала, смотря в окно, забранное решетками.

— Убитая женщина, решетки... беременность. Разница лишь в том, что тогда я точно знал, что ребенок мой. А теперь — нет. Какая-то неправильная и нехорошая ситуация получается, правда? Тогда ты не была моей женой, даже девушкой моей не была — и я был уверен... А теперь ты моя жена — а я и не знаю, от кого ты беременна. Но я хочу это знать. Я имею право. Ты согласна?

Кэрол молчала. Джек сверлил ее пронзительным взглядом.

— Ну? Ты знаешь? Это... его ребенок?

— Нет, — тихо ответила она, не поворачиваясь. — Тогда я пила противозачаточные. Перестала после того, как меня похитили. Не успела захватить, к сожалению.

— А тот тип в подвале?

Кэрол поджала задрожавшие губы.

— Понятно. Значит, есть вероятность того, что папаша он. Или я. Так кто, Кэрол?

— Я не знаю! — со злостью процедила она сквозь зубы.

— Еще претенденты имеются?

— Конечно, сколько угодно. Я же шлюха. Затраханная.

— Я серьезно спрашиваю, Кэрол.

— А я серьезно отвечаю — я не знаю, чей это ребенок, ясно? Мой. Остальное меня не интересует.

— Как это не интересует? — глаза Джека зло сощурились. — Думаешь, я буду воспитывать какого-то ублюдка? А если ты и правду залетела от того урода в подвале? Об аборте думала?

— А если не от него? — Кэрол повернулась и вперила в него тяжелый взгляд. — Если это твой ребенок? Тоже аборт?

Джек нахмурился, невольно остановив взгляд на ее еще пока плоском животе.

— Нет, — хрипло выдавил он. — Если мой... нет. Но как узнать?

— Пока никак, — Кэрол дернула плечом и снова отвернулась, не замечая, как ее пальцы нервно теребят край пододеяльника. Джек наблюдал за ней.

— Тогда мы поступим так. Когда он родится, сделаем анализ на ДНК. И если он не мой... мы не оставим его. Отдадим в приют. Или подыщем другую семью, хорошую, чтобы тебе было спокойней.

— Нет, не надо, — на удивление спокойно возразила Кэрол. — Отдай его Рэю. Он воспитает его, ради меня. Только не приют. Пожалуйста.

— Нет, это плохая идея, чтобы он стал папашей для твоего ребенка. Будешь бегать к нему без конца... И получится, как две семьи. Нет.

Кэрол устремила на него удивленный взгляд.

— Буду бегать? Не буду, Джек.

— Я тебя знаю, Кэрол. Ты же не сможешь отказаться от этого ребенка...

— Джек, я никогда отсюда не выйду, — перебила его Кэрол. — Я рожу этого ребенка. Сделай ДНК, я не против. Если он твой — я знаю, ты его воспитаешь. Если нет — просто отдай Рэю. Он позаботится о нем, будет его любить, потому что он мой... Какая тебе разница, кто будет воспитывать этого ребенка? Пусть Рэй, что с того? Ребенок ни в чем не виноват. С Рэем ему будет хорошо. У него есть еще малыши, и Дженни, она ему поможет. Она останется с ним, я уже говорила с ним об этом. Он дал мне слово, что позаботится о ней. Я ему доверяю. Дженни... она все равно больше не захотела бы быть со мной, — глаза Кэрол наполнились слезами. — Она знает, что я ее обманула. Что была женой Мэтта, а не его сестрой, что убила ее маму. Наверное, она никогда меня не простит. Рэй не против. К тому же есть еще Дороти, — Кэрол помолчала, думая о том, что, конечно, Рэй не будет против взять новорожденного малыша, зная, что он может вполне оказаться и его ребенком. — А я смогу умереть спокойно.

— Что это значит? Ты опять собралась покончить с собой?

— Нет. Меня же казнят, ты что, забыл?

Джек с изумлением смотрел на нее, пытаясь понять, говорит ли она серьезно или шутит. Да нет, вроде бы вполне серьезно.

— Кэрол, — мягко, как с больному ребенку, сказал он. — Никто тебя не казнит. Выкинь уже это из головы, хватит себя изводить выдуманными страшилками.

— Я не выдумываю. Я знаю, — подавленно отозвалась Кэрол, опять отворачиваясь к окну.

— Кэрол, за одно убийство не казнят. Успокойся. Чтобы тебя приговорили к смертной казни, того, в чем обвиняют тебя — недостаточно. Это невозможно.

— Ну и что? Для тебя нет ничего невозможного. Захочешь — сделаешь так, чтобы стало возможно.

— Ты думаешь, я собираюсь добиваться твоей смертной казни? Кэрол, дорогая, у тебя уже совсем плохо с головой стало.

— А почему нет? Ты же сдал меня копам. Зачем-то же ты это сделал. Чтобы наказать, отомстить, избавиться от меня. Вот и наказал... и избавился. Не пойму только, зачем ты притворяешься. Скажи уже, как есть. Впрочем, не надо. Я и так сама все знаю. Всегда знала.

— Что ты знаешь?

— Что это ты.

— Что — я?

— Ты сделаешь это со мной. Я говорю о казни.

— Это бред сумасшедшей, Кэрол! У тебя параноидальная шизофрения, как у матери! Тебя надо не казнить, тебя надо лечить, и чем быстрее, тем лучше!

— Я не буду спорить с тобой, Джек. Я устала. Жаль, что ты мне так и не поверил. Только ты сам все увидишь. Совсем скоро. Но тогда уже будет поздно.

— Поздно для чего, Кэрол?

Она не ответила, с тоской смотря в окно.

— Ты должен поверить в дар Патрика. И в проклятие. Ты должен спасти нашего сына. Я

хотела... но теперь я не смогу. Этот Луи... он мне не нравится. Он хочет сделать с Риком что-то плохое. Передать свою силу, власть... и не только. Он хочет спихнуть на него что-то ужасное, от чего сам стремится избавиться, освободиться. Это что-то не позволяет ему умереть, ему уже сто пятьдесят лет.

— Кэрол...

— Джек! — в голосе Кэрол послышалось отчаяние. — Умоляю тебя... прежде чем я умру, ты должен выслушать меня! Я хочу рассказать тебе... мне так много надо рассказать тебе! О Патрике, о себе... обо всех наших тайнах... И ты должен будешь меня выслушать, ради него, если ты его любишь! Я не сумасшедшая, Джек! Ты должен мне поверить! Иначе с нашим сыном произойдет что-то ужасное! Обещай мне! Обещай, что придешь и выслушаешь все, что я тебе расскажу, без споров и возражений, молча. Просто дашь мне возможность все тебе рассказать.

— Хорошо, Кэрол, только успокойся.

Кэрол кивнула. Его взгляд, встревоженный, пристальный, причинял ей боль. Он смотрел на нее, как на сумасшедшую. Ну и пусть.

— Ты поймешь, что я не сумасшедшая... — едва слышно шепнула она. — Тебе придется поверить... когда меня приговорят к смертной казни.

— Договорились, — кивнул Джек. — Если приговорят — поверю без разговоров. Все, что пожелаешь. И никогда больше не назову тебя ненормальной. Даже извинюсь.

— Жаль, что для того, чтобы ты мне поверил, мне придется умереть.

— Не придется. Ты не умрешь. Я тебе обещаю. Если надо будет, я сам тебя прикончу, но казнить не позволю. Это слишком, даже для тебя после всего, что ты натворила. К тому же, это плохо скажется на моей репутации... а я теперь ей очень дорожу, — он улыбнулся, но она не ответила на его улыбку, смотря на него невыносимым, каким-то страшным взглядом... как будто ее уже действительно приговорили к смерти. Никогда он не видел у нее в глазах такого выражения. Такой боли. Не выдержав, он отвел взгляд. Она больше не обвиняла его, не упрекала, необычно тихая, подавленная, как будто смирившаяся со своей страшной участью, которую сама себе выдумала. Но она смотрела на него так, словно это он ее убивал. Она на самом деле верила в то, о чем говорила. Что он — ее враг, ее убийца. Тот, кто ее уничтожал, кто обрек на смерть. Похоже, он все-таки перегнул. Перестарался. Ему совсем не хотелось, чтобы она так считала. Так к нему относилась. Как бы потом не пришлось доказывать обратное. Ничего, он ее вытащит, подлечит, и она снова ему поверит, станет доверять. Поймет, что, несмотря ни на что, он на самом деле никогда ее не предаст по-настоящему, не бросит. Что он просто ее проучил. Наказал за то, как поступила с ним. И все. Что он может быть с ней жестким и беспощадным... но не настолько, как она думает. Что он ей не враг. И никогда им не был. Что любит ее, чтобы ни говорил и ни делал.

Разглядывая ее, Джек остро ощущал, как сильно соскучился, как ему ее не хватает. Знала бы она, что он мучает себя не меньше, чем ее, не смотрела бы на него с такой горькой обидой. Как тогда... когда выгнал ее после их первой долгожданной близости, наказав за свою обиду. И только после этого, очистившись от своих обид, дав сдачу, он успокоился. И сейчас ему необходимо было потушить огонь внутри, боль, обиду, неприязнь... дать сдачу, очиститься от них, и только тогда он сможет попытаться снова принять ее... их любовь. Начать сначала. Иначе он не сможет. Он никогда не мог остаться безответным. Это было не в его силах. Ему всегда необходимо было ударить в ответ, ударить так, чтобы это его удовлетворило и успокоило. Так, чтобы почувствовать жалость, только жалость к его

обидчику могла затушить в нем эту непреодолимую жажду мести. Но сейчас ему этого было мало, ему нужно было ее сожаление, раскаяние. Хотел увидеть, что она нуждается в нем, что хочет все исправить, наладить, снова его любить, быть с ним. А как раз ничего этого он в ней и не видел. И он не знал, что его больше бесит — ее измена или то, как она ведет себя сейчас. Когда он изменил, он себя так не вел. Он просил прощения, каялся, старался все исправить и наладить... А ее наглость и упрямство выводили его из себя. Вот и получила. Сама виновата. Это не он ее наказывал, она сама себя наказывала.

После лазарета Кэрол перевели в другой блок и поместили в одиночную камеру.

И почти сразу ее снова навестил Джек.

Кэрол предполагала, что он придет, слишком жадным взглядом он смотрел на нее, когда навещал в лазарете. И то, что ее отвели в комнату для свиданий, да еще до утра, как сказала сопровождающая ее охрана, не оставляло никаких сомнений в том, зачем он пришел. Но для нее это значило, что у нее будет время все ему рассказать, все, что было необходимо. Вся ночь. И ему придется ее выслушать, до конца. Он обещал.

Но к разговорам он явно не был расположен. Как только за ней захлопнулась дверь и щелкнул замок, он подошел и нетерпеливо взял ее за одежду.

— Снимай эти отвратительные тюремные тряпки... они тебе не идут.

— Джек, ты обещал выслушать меня. Мы должны поговорить, — возразила она, отстраняясь.

— Не сейчас, — раздраженно ответил он. — Поговорим... позже... Что такое? Опять за свое? Противишься? Может, хватит уже гонор свой мне демонстрировать? Я твой муж!

— Муж, который отправил меня за эти решетки!

— А на что ты рассчитывала, убивая людей? Я тебя предупреждал. Может поумнеешь, в следующий раз подумаешь, прежде чем кого-то замочить.

— Кто бы говорил! — фыркнула Кэрол, скривив неприязненно губы, и оттолкнула от себя его руки, которыми он приподнял полу ее оранжевой робы, собираясь снять. — Что ты сделал с Фрейзером? Куда он пропал?

— Мне откуда знать? Мне до него дела нет.

— Тебе что, на воле женщин не хватает? Зачем ко мне пришел?

— А я тебя хочу... Может, кроме тебя мне ни с кем больше не хочется!

— Да что ты! С каких это пор?

— Не язви. Ты смотри, какая стала на язык острая! По-моему, ты не там его применяешь, где надо. Язык нужен не для того, чтобы с мужем спорить... Вспоминай, для чего, может тогда я подobreю... и не будет никакой смертной казни, — он ухмыльнулся, забавляясь над ней.

Глаза Кэрол увлажнились, уголки губ горько опустились, но он не обратил на это внимания, схватил за шею и притянул к себе.

— А может, я хочу быть верным мужем... чтобы ты была верной женой, — прошептал он после долгого глубокого поцелуя.

— Поздно, Джек. — с горечью отозвалась Кэрол хриплым севшим голосом, не сумев скрыть своего сожаления. Он заглянул ей в глаза.

— Почему? Ты же любишь меня, я знаю...

— При чем тут любовь, Джек? Любовь меня не спасет.

— Спасет, еще как! Ты попробуй — и увидишь, — к ее удивлению, она заметила в его

глазах что-то, похожее на мольбу.

— Это что, шантаж? Разве ты отправил меня в тюрьму не для того, чтобы уничтожить?

— Конечно, нет. Я отправил за решетку психопатку и убийцу, Элен, которая меня ненавидит. Которую я ненавижу. Если вернется моя Кэрол, которую так люблю, которая любила меня, верная, нежная, которой была дорога наша семья, я вытащу ее отсюда... как раньше. Помнишь? — он улыбнулся. Кэрол грустно кивнула в ответ, не отводя глаз.

— Кэрол... давай попробуем еще раз... сначала... попробуем все забыть... и я, и ты... Я изменил тебе... ты мне... Мы квиты.

На лице Кэрол отразилось такое удивление, что он едва не расхохотался.

— Ты мне не веришь? Строишь, как на ненормального.

— Поверить в то, что ты готов все забыть? Нет, я никогда в это не поверю. Я знаю тебя, Джек. Ты никогда ничего не забываешь. И не прощаешь. Я не пойму, что ты хочешь от меня? К чему все это? — в глазах ее появилась мука.

— Просто поверь мне.

— Поверить? Опять? — Кэрол резко рассмеялась, горько, обиженно.

— Да. А у тебя есть выбор? Тебе хочется провести остаток жизни в тюрьме? Или отправиться на казнь, как ты сама говоришь? Сама знаешь, кроме меня никто тебя не вытащит отсюда. Попроси меня, Кэрол. Просто попроси. Почему ты упрямисься?

— Я попросила... когда убила Дебору, — глухо сказала Кэрол. — Это кончилось тем, что я теперь здесь.

— Меня просила женщина, которая меня ненавидела и отвергала, которая предала меня, сговорила с моими врагами. Почему я должен был ей помогать? Если меня попросит женщина, которая меня любит, которая хочет быть со мной, моя жена... моя Кэрол, я помогу.

— Ты говоришь так, будто о двух разных людях.

— Думаю, ты поняла, что я имею в виду, и что хочу от тебя.

Кэрол опустила голову. Джек погладил ее по волосам.

— Поняла?

Она кивнула.

— И ты правда меня спасешь? И не будет никакой смертной казни?

— Не будет. Ты подлечишься в клинике и вернешься домой, ко мне и Патрику. Мы перечеркнем все плохое, что было, и начнем все сначала. И будем счастливы.

— Поверить в это слишком сложно, Джек, — прошептала Кэрол. — Это все равно, что пытаться поверить в сказку. А я никогда не верила в сказки.

— Я тоже. Только это не сказка, Кэрол. Это наша жизнь. И мы можем сами ею распоряжаться. Хватит нам с тобой делать ошибки. Хватит разрушать. Мучить друг друга. Давай начнем поступать правильно и строить заново.

Челюсть Кэрол задрожала, глаза наполнились слезами.

— Джек, я так боюсь... мне так страшно! Меня замучили кошмары. Мне каждую ночь снится, как меня казнят!

— Тс-с-с, не плачь. Этого не будет, никогда, успокойся, — он прижал ее голову к своему плечу. А Кэрол прильнула к нему и отчаянно расплакалась. — Ну, все, хватит, не надо плакать. Скоро все закончится. Тебя никто больше не обидит. Я сделал так, что тебя перевели сюда, подальше от всех, кто к тебе цеплялся, у тебя отдельная камера. Потерпи. Осталось совсем немного. Скоро тебя признают невменяемой, отправят на принудительное

лечение, как в прошлый раз. И я хочу, чтобы оттуда вернулась моя нежная любимая девочка... А злобную упрямую психопатку, запросто режущую людей, как скот, ненавидящую меня, я больше видеть никогда не хочу. Никогда. Договорились?

Он поднял к себе ее заплаканное лицо.

— Ты, правда, меня спасешь, Джек?

— Смотря кого я должен спасти. Элен, которая меня ненавидит и которую я ненавижу, или свою Кэрол, которую люблю и которая меня любит? Кого?

— Кэрол.

— Которая..?

— Которая тебя любит.

— Спасу, любимая. Обещаю, — наклонившись, он прижался к ее губам в алчном поцелуе. А Кэрол со стоном обхватила его за шею, отвечая на поцелуй, прижавшись к нему всем телом. Срывая друг с друга одежду, они бросились на кровать. И Кэрол забыла обо всем и обо всех, позволив своей безумной болезненной любви собой снова завладеть. В душе ее затеплился слабый огонек надежды. Ей так захотелось поверить. В свое спасение. В него. Несмотря на то, что сердце больше не верило. Так погибающий надеется на свое спасение, хочет верить, что случится чудо. Только теперь она поняла и на себе прочувствовала выражение «надежда умирает последней».

В любом случае, терять ей уже нечего, даже если Джек обманет и не спасет ее. А вдруг не обманет? Она не хотела отказываться от единственного шанса избежать той страшной участи, на которую обречена. Джек мог ее спасти, она это знала. Что, если он и вправду отправил ее сюда не для того, чтобы расправиться с ней и избавиться, а заставить снова ему подчиниться?

И впервые с тех пор, как они встретились после ее «воскрешения», он любил ее так, как раньше, когда они были счастливы и любили друг друга. Без злобы и ярости, без ненависти и грубости. Кэрол ответила на его любовь, не в силах больше сопротивляться своей. Они словно впервые встретились за все это время, по-настоящему, как близкие, родные люди, как муж и жена, которые нежно друг друга любили. Как Кэрол и Джек, какими они были, когда их одолела такая любовь, что заставила соединить свои жизни и судьбы... Кэрол и Джек, такие разные, такие непохожие, но почему-то потянувшиеся друг другу и сумевшие найти счастье в семейной жизни, хоть и недолгое...

И какое это было счастье для Кэрол, вернуться в самые счастливые мгновения своей жизни! Вернуть своего Джека, нежного, ласкового, снова поверить в его любовь, в то, что они снова вместе, пусть всего лишь на миг. Помечтать, что он вытащит ее отсюда, как раньше, и, как и тогда, после этого отношения между ними наладятся, и они станут самыми счастливыми на свете. Кэрол редко позволяла себе о чем-нибудь мечтать, но сейчас ей так этого захотелось. Так отчаянно и непреодолимо. Просто помечтать. Поверить в сказку. В хороший конец их истории. Ее истории. Джек такой сильный. Он может все. Может, он сможет изменить и ее судьбу, конец ее истории, не позволив ей закончиться так, как предначертано, так страшно и трагически? Вся ее жизнь была наполнена страхом и трагедиями, неужели она так и закончится, трагически и страшно? О, если он спасет ее от этой страшной участи, она готова все забыть, все ему простить, даже снова поверить в то, что любит, начать доверять, хоть сейчас это и казалось невозможным.

Она с упоением вслушивалась в его задыхающийся, срывающийся от страсти голос, шепчущий ей о любви так ласково, с таким чувством, что Кэрол вдруг усомнилась в том, что

это все реальность, а не сон. Разве такое может быть, после всего? Разве это может быть Джек, такой непримиримый, мстительный, безжалостный? Не может. Но, несмотря на свое неверие в происходящее, она шептала ему в ответ, так же ласково, с не меньшей любовью...

А потом покорно лежала в его объятиях, самозабвенно прижимаясь к его стройному обнаженному телу, разомлевшая и счастливая. А он обнимал ее и улыбался, с таким довольным видом, что ей хотелось над ним посмеяться.

— Черт... как в первый раз, — тяжело дыша, заметил он с удивлением в голосе после горячего, страстного секса.

— Или как последний, — печально прошептала Кэрол.

— Последний? Нет уж, милая. Если хочешь, чтобы я тебя отсюда вытащил, придется расплачиваться со мной всю жизнь, в постели. Поняла? — он счастливо засмеялся и поцеловал ее в губы. — А еще быть ласковой и покорной женой. И верной.

— А каким будешь ты? — она слабо улыбнулась, не веря, но принимая его игру, все еще не находя в себе сил отказаться от того, чтобы помечтать. С ним. Как раньше.

— Ну, я буду хорошим мужем. Каким и был, только еще лучше! — он рассмеялся. — А что, разве я был плохим мужем?

— Нет, хорошим... я так думала, пока не узнала...

— Тихо! — он прижал пальцы к ее губам. — Ты забыла наш уговор? Мы же обо всем забыли, с сегодняшнего дня. Обо всем неприятном. У нас с тобой обоюдная амнезия на плохое. Плохого больше не будет. Я понял свои ошибки, и повторять их не собираюсь. Надеюсь, ты тоже.

Кэрол жадно смотрела на него, изучая переполненным отчаянием и страданием взглядом, и ему вдруг стало не по себе от такого ее взгляда.

— Почему ты так смотришь на меня? Так... странно?

— Джек, ты обещал, что выслушаешь меня.

— Ну, хорошо. Теперь я готов выслушать. Но не долго, — он игриво улыбнулся и погладил полную упругую грудь. Кэрол грустно посмотрела на его руку.

— Что, тебе больше не противно лежать рядом со мной... прикасаться к моему телу шлюхи?

Он рассмеялся и, наклонившись, прикоснулся губами к розовому соску.

— Ну прости меня. У тебя самое прекрасное тело... сама знаешь! Это я от ревности, злости. Ведь это тело принадлежит мне, а ты... стоп! Что-то не могу вспомнить, — он поморщился. — Мне, и только мне! Запомни! Я захотел, чтобы оно стало моим, как только увидел! Такие формы... ты самая соблазнительная девушка, которую я встречал, ты в курсе? Потому я так на тебя и запал.

— Подожди... А как же глаза? Ты же говорил, что из-за глаз, — Кэрол улыбнулась.

— Глаза, конечно, у тебя красивые, но вообще, милая, глаза женщине придумали для того, чтобы было на что смотреть, когда взгляд надо удерживать от того, что ниже находится. Поверь, у женщины есть места поинтереснее, чем глаза... Что? Чего хохочешь?

Кэрол мотнула головой, рассмеявшись.

— Знала бы ты, чего мне стоило не пялиться на твою грудь каждый раз, когда мы виделись! Но когда ты не могла видеть, я смотрел... на все и везде! А что я с тобой делал в мыслях! Рассказать? Нет, лучше покажу!

— Джек, мы же собирались поговорить.

— Поговорим. У нас до утра куча времени. И вообще, еще целая жизнь впереди. Давай

еще разок... и поговорим. Я так соскучился!

Кэрол так и не удалось заставить его себя выслушать.

Они занимались любовью всю ночь, а потом он просто вырубился.

Утром он первый проснулся и, поднявшись, бесшумно оделся и вышел. Сделав пару звонков, он вернулся, снова разделся и забрался в кровать. Когда он обнял Кэрол, привлекая к себе, она проснулась.

— Что, уже пора?

— Нет, спи, любовь моя. Я продлил наше свидание еще на два дня.

— Мы так и не поговорили...

— Поговорим. У нас еще два дня. Спи, — поцеловав ее в висок, он зарылся лицом в ее волосы и закрыл глаза. Взяв его кисть, Кэрол сжала ее пальцами и прижала к груди. Сомкнув веки, она вздохнула и снова уснула.

Кэрол казалось, что никогда в жизни она не была так счастлива, как эти два дня. С ним. Даже за все вместе прожитые годы. Для полноты ее счастья не хватало только детей. Предчувствие, что ее жизнь подходит к концу, которое так и не оставило ее, несмотря на обещание Джека ее вызволить, заставляло ее ощущать свое счастье наиболее остро, как ощущает обреченный на смерть человек. Тоска не покидала ее. Она старалась ни о чем не думать, насладиться этими моментами, перестав сопротивляться, самой себе, Джеку, своим чувствам и желаниям. Она скоро умрет. Что может иметь значение перед смертью? Только судьба детей.

К ее радости, Джек сам напомнил ей о том, что она хотела ему все рассказать, и долго ее слушал, не перебивая. И Кэрол рассказала ему все, о чем сама знала о себе, Патрике, их проклятии и даре. О Габриэле и ее предсказаниях. О невероятных способностях их сына. О своих. О черном тумане, о мертвых, с которыми они могли общаться. О Мэтте, который жил с ними долгие годы с момента своей смерти. Об Эмми, которую сумела вырвать из черного тумана и вернуть в этот мир. О том, что перед тем, как умереть, хочет сделать тоже самое с Куртни, Даяной, Кейт Блейз, ее братом и всеми другими, кого успеет спасти. Надеялась, что потом Патрик сделает тоже самое и с ней, и с Мэттом, который не захотел, чтобы она его возвращала, и ждет ее там.

Джек слушал ее с несколько ошеломленным выражением лица, но больше не пытался возразить или назвать ее ненормальной. Он вообще ничего не сказал, и долго задумчиво молчал, когда Кэрол закончила.

— Если я не смогу помочь Парику, это должен сделать ты. Луи сказал, что есть способ обезопасить тех, кто рядом с нами, но как, пока не рассказал. Вы должны узнать этот секрет, а потом прервать с этим Луи все контакты. Он мне не нравится. Он говорит Патрику, что он может и должен убивать, что все мы должны. Мне кажется, что это именно он хочет сделать из Рика того монстра, о котором говорила Габриэла... которого я сама видела в своих видениях. Этот Луи сам монстр. Оказывается, это его глаза меня всю жизнь преследовали в кошмарах, а я думала, что это какое-то чудовище. Это чудовище — Луи. И я уверена, что Патрика необходимо от него защитить. Это не просто, он может проникать в наши головы. Так он нашел Патрика и общается с ним. Ты не в силах этому помешать, этой связи. Но есть тот, кто может. Это Рэй. В нем тоже какой-то особый дар... какой-то свет, который блокирует нас, наш дар. Насчет проклятия я не уверена. Габриэла говорила, что он может

нас защитить от проклятия, но я в этом сомневаюсь. Зато я уверена, что от Луи Рэй может защитить наверняка. Если Рэй будет рядом, он не сможет ни приблизиться к Патрику, ни общаться с ним, он даже не будет его видеть. Луи потерял меня и не мог найти, когда Рэй забрал меня из мотеля. Он увидел нас снова, только когда мы уехали в Нью-Йорк. Свет Рэя не только делает нас для него невидимыми, он говорил, что этот свет слепит его и причиняет боль. Это значит, что он не сможет даже сунуться к Патрику, пока Рэй будет рядом, — Кэрол помолчала, задумавшись. — Выходит, что Рэй все-таки нас как-то защищает от этого всего... К сожалению, мы с Риком еще не успели до конца во всем разобраться. Теперь вам придется сделать это без меня, и ты должен ему помочь. Ты очень умный, ты сможешь все понять и разобраться лучше меня, тебе нужно только поверить. Только поверить.

Джек открыл рот, собираясь чему-то возразить, но Кэрол не позволила ему, стремительно зажав его рот ладонью.

— Есть еще очень важное обстоятельство, о котором тебе необходимо знать. И я, и Рик знаем, как ты умрешь, мы оба видели твою смерть. И ты должен в это поверить. Тебя убьет Тимми, выстрелом в голову. Он уже должен был это сделать, но Патрик ему каждый раз мешал. Он заранее видел, где и когда это произойдет, он сбегал из дома и вмешивался, не позволяя им тебя убить. Когда Тим стрелял в тебя в Нью-Йорке на приеме у губернатора, Патрик бросил ему в голову нож и сумел вырубить. Он даже стащил его винтовку и принес домой. Они охотились за ним, пытались найти. А в Нью-Йорке сразу нашли. Но к тому времени я уже догадалась, что один из них Тимми, и сама с ним встретила.

— Встретилась? Как?

— Я спрятала Патрика у няни, вернулась домой и ждала, когда они придут. И они пришли.

— И что? — напряженно спросил Джек, когда она замолчала.

— Тим не тронул меня. И Патрика оставил в покое. Мне удалось его убедить, что ты не имеешь отношения к смерти Даяны... ну, наверное. А может, и нет. Не знаю. Но он оставил попытки тебя убить, даже слово мне дал. Но теперь... когда я умру... боюсь, остановить его будет некому. Он бросится мстить... еще пуще прежнего... теперь еще и за меня. И он тебя убьет, Джек. И я не знаю, как тебя защитить и что делать, чтобы этому помешать.

— А я знаю. Если у Патрика на самом деле такой дар, он сможет снова увидеть, где и когда он будет готовить покушение, скажет мне. И тогда покушение уже устрою я на него. Все, что мне нужно, чтобы решить эту проблему — найти его. Если ты или Рик мне поможете, я просто убью его первым. Скажите мне.

— Но мы не можем. Мы не видим. Из-за Рэя. Он нас блокирует.

— Так в чем проблема? Я могу увезти Патрика подальше, чтобы... этот его свет на достал. Только, насколько далеко нужно уехать?

— Я не знаю. Когда Рэй уехал к Касевесу в санаторий, наш дар вернулся... И Луи тоже. Он пролез в мою голову, разговаривал со мной...

— Это когда ты убила Дебору? Это он тебе велел это сделать?

Кэрол замолчала и отвела глаза. Но Джек приподнялся на локте, не отрывая от нее своего пронзительного взгляда.

— Давай, Кэрол. Раз решила все мне, наконец-то, рассказать, говори все, без утайки. Чтобы во всем разобраться и помочь Патрику, я должен знать все. Все.

— Хорошо, Джек. Видишь ли... я Дебору добила...

— В смысле — добила?

— Я поехала туда, чтобы... остановить Патрика, помешать. Я увидела, что он собрался ее убить. Пока я ехала туда, я умоляла его остановиться... Ну, мы с ним разговаривали... вот так, — она в замешательстве и некотором смущении коснулась пальцами головы, понимая, насколько все это нелепо звучит и выглядит. — Но он не послушал меня. А еще этот Луи. Он тоже лез... говорил, чтобы я ему не мешала, чтобы не ездил туда. Что нет ничего страшного в том, что Парик убивает, что он и должен это делать... и я тоже, все мы должны, на ком это проклятие...

— Подожди! Что значит «Патрик убивает»?

— То и значит, Джек. Он перерезал горло Деборе, но когда я пришла туда, она еще была жива. Сначала я хотела вызвать помощь, но она сказала «Твой сын». Она узнала Патрика. Она все не умирала... и мне пришлось... Я вспомнила, что ты говорил, что все надо доводить до конца, даже убийство. Я не могла позволить ей навредить Патрику. Но Дебора была не первой, Джек. Он убил Кевина Дорована...

И Кэрол поведала Джеку и об этом. И даже о няне, которая погибла потому, что узнала их тайну о том, кто они были на самом деле. О том, что ее убил Патрик, Кэрол узнала в подвале. Когда ее там запер Джек, она развлекалась тем, что общалась с мертвыми, которых вызывала сама и которые приходили сами. Аманда пришла сама, чтобы поведать страшную тайну своей смерти.

— Пока он убивает только тех, в ком видит угрозу. Он убивает слишком легко, Джек, без колебаний и раскаяния. И мне кажется... нет, я уверена, что это только начало. Если его не остановить, если не помешать этому в нем развиваться. Но ни в коем случае не отправляй его к психиатрам. Они не помогут. Это не психическое расстройство. Это что-то, что живет в нем... Это проклятие... эта страшная сила, темная сторона. То, что делает нас такими... убийцами. Какое-то зло, какая-то потусторонняя сила. И в нем *этого* так много, что Габриэла предрекала что-то страшное... Даже говорила, что его нужно убить. Она говорила, что в нем дремлет страшная сила, страшное зло, и что нельзя допустить, чтобы *это* пробудилось. Его нельзя злить, провоцировать, нельзя, чтобы он страдал... в общем, оградить от любого негатива по возможности, больше радости, счастья, добра. Света. И благословенный рядом. То есть Рэй. Она говорила, что он может защитить. А еще она сказала, что нельзя допустить твоей смерти. Что она приведет к ужасным последствиям. Пробудит в нем это зло. Так что ты должен жить, Джек. Ради нашего сына должен.

— Я буду, Кэрол. И ты будешь. Я же сказал, что выпашу тебя отсюда, почему ты продолжаешь говорить так, словно до сих пор считаешь, что умрешь?

— Потому что я умру, Джек. Я чувствую. Я знаю. Ты не сможешь меня спасти. На этот раз тебе это не под силу.

— Кэрол, мне все под силу. Я всегда побеждаю. Пора было уже тебе в этом убедиться. Все и всегда будет по-моему, так, как я хочу. А я хочу, чтобы мы были вместе и жили долго и счастливо. И так будет. Выбрось, наконец, из головы эту чертову казнь, я уже слышать о ней не могу.

— Чтобы победить то, что меня убивает... мое проклятие, это туман, в тебе нет нужной силы. Того рода силы. Как у Патрика. Он смог меня вернуть, когда я уже была там... Я слышала его голос, слышала, как он меня звал. Меня засасывало, тянуло, этот черный туман был везде... как трясина. Я пыталась сопротивляться, я не хотела туда, но не могла вырваться. А голос Патрика, он словно ослабил эту хватку... как будто оказался сильнее этой

трясины. Она вдруг ослабла, отступила... а его голос... ему не возможно было сопротивляться, он был сильнее всего, сильнее этого тумана. Сильнее меня. Он потянул меня за собой... как будто меня волной подхватило. Джек, в нем *такая* сила... я даже не подозревала, *какая!* Это действительно страшная сила, Джек! Ты даже представить этого не можешь. А я ее на себе почувствовала. Сила, способная не только повелевать мертвыми... сила, способная преодолеть смерть! Я умерла, но он не позволил мне уйти, он заставил меня вернуться. Он меня оживил! Ты понимаешь, о чем я тебе говорю, Джек?

— Да... я видел, — прохрипел Джек и отвел взгляд.

— Джек, ты мне веришь?

— Кэрол, ты говоришь мне невероятные вещи. Все это... мне надо переварить, обдумать, понимаешь? Я должен понять...

— Даже не пытайся, Джек. Этому нет рационального объяснения, ты не найдешь те ответы, которые попытаешься найти. Тебя должны волновать другие вопросы и ответы. Не что это такое и как это можно объяснить, а что нужно сделать, чтобы от этого избавиться, или хотя бы защититься.

— Но чтобы это понять, сначала надо разобраться, с чем мы имеем дело. Нельзя найти правильные ответы, если понятия не имеешь, о чем речь. Сначала нужно понять вопрос, а только потом искать на него ответ. Не переживай, Кэрол. Я уверен, что даже у таких вещей имеется и логика, и смысл, и объяснение... отличное от наших привычных представлений, конечно, но имеется. Мы не можем их найти, потому что не можем их объяснить, а не можем объяснить, потому что не можем понять.

— А не можем понять, потому что не можем поверить, — продолжила Кэрол мрачно.

— Да, возможно. Я попытаюсь разобраться, обещаю. Признаюсь, мой ум все еще сопротивляется и не желает воспринимать это все... Но сопротивление это слабеет. Патрик мне кое-что показал... такое, от чего у меня волосы дыбом встали. И, скажу тебе, он меня так напугал, как никогда в жизни. Я словно очутился в настоящем фильме ужасов про мертвых, призраков и тому подобному.

— Добро пожаловать, Джек, — невесело улыбнулась Кэрол. — Мы с Патриком в этом фильме ужасов живем. Присоединяйся.

Джек кивнул.

— Вы моя семья. Где вы, там и я... я пойду за вами даже в фильм ужасов, — он засмеялся. — Чтобы вытащить вас оттуда. Давайте лучше жить в сказке.

— Вытащи, Джек. Мы не против, — вздохнув, Кэрол обняла его и прижалась щекой к его груди.

— Ну, наконец-то! А то все бегает от меня, все скрывают, дурака из меня сделать пытаются! — он обхватил ее руками и крепче прижал к себе.

— Ну ты же не веришь... считаешь меня сумасшедшей.

— Так ты и ведешь себя, как сумасшедшая.

— Рано или поздно тебе все равно придется поверить. Хотелось бы, чтобы не поздно, конечно. Для меня уже, похоже, поздно, но для Патрика еще нет. Его еще можно спасти.

— Так, опять она за свое! Никакой смертной казни не будет, ты меня слышишь? Даже твое невероятное проклятие не сможет сделать это возможным, для этого ему придется повесить на тебя еще несколько убийств, которые бы потянули на такой приговор. Если ты не собираешься еще кого-нибудь замочить, то это невозможно.

— Ты сам всегда говорил, что невозможно — это то же, что и возможно, только для

этого надо постараться.

— Лучший специалист по превращению невозможного в возможное перед тобой, а я не собираюсь отправлять тебя на смертную казнь.

— Да? Я не думала, что ты отправишь меня в тюрьму, но ты отправил...

— Иногда, чтобы человек пришел в себя, ему надо дать по лицу... боль и неожиданная встряска проясняет мозги. Видишь, и тебе помогло. Ты не дерешься больше, а спокойно лежишь в моих объятиях. Я, наконец-то, вижу перед собой ту Кэрол, которую знал. И если эта психопатка и маньячка Элен снова попытается вылезти, я ей опять врежу так, чтобы скрылась и не высывалась больше, учти.

— Ты мне угрожаешь?

— Не тебе. Ей.

Кэрол грустно промолчала.

Потом Джек начал ее расспрашивать о том, где она была все это время после аварии, как жила. Кэрол рассказала. И замолчала, когда ее рассказ подошел к моменту встречи с Тимом. Об этом она говорить с ним не хотела. Он не настаивал, видимо тоже не испытывая такого желания. На самом деле, ему очень даже хотелось все узнать об их отношениях, но не сейчас. Сейчас он не хотел портить эти мгновения счастья и любви, омрачать их. Потом. Он все узнает потом, когда убьет этого отморозка, и слышать об этом ему, возможно, станет несколько легче, чем сейчас. Сейчас он еще не готов. Слишком еще была болезненной и бурной его реакция, он боялся все испортить, сорваться, вспылить.

А Кэрол старалась не думать о Тимми. Она ощущала себя предательницей. И это было отвратительное чувство. Да, ей самой было неприятно и не нравилось то, что Джек в очередной раз ее поломал, заставил подчиниться после всего, что ей довелось от него вытерпеть. Но разве у нее был выбор? Он не хотела умирать. Джек — ее единственный шанс на спасение. Умереть гордой и непокорной, с высоко поднятой головой — да, красиво, но глупо, или склонить эту голову и принять его помощь? Если он отправил ее в тюрьму не для того, чтобы погубить, значит он таким образом пытался ее поломать, подчинить. Столкнуть в пропасть и протянуть руку. Или погибай, или покорись и живи. Таков Джек. Безжалостный и бескомпромиссный. Он всегда таким был. И она об этом знала. Как знала, что он всегда добивается своего. Всегда побеждает. Он победил Тимми. А теперь победил и ее. Потому что она не хотела умирать и схватилась за его протянутую руку, как за соломинку, единственную возможность спастись. Только это была не соломинка, а его рука, не наделенная сильно развитой мускулатурой и мощностью, как у Тима или Рэя, самая обычная мужская рука, но сила в ней была невероятная, способная вытащить из самой глубокой пропасти... Впрочем, как и столкнуть.

Когда Джек ушел, и Кэрол вернулась в камеру, отчаяние и страх охватили ее с прежней силой, а появившаяся надежда почти угасла. Словно она вернулась в реальность из сладкого забвения. Как бы не хотела она верить Джеку, она все равно ему не верила. Не верила, что он вот так запросто готов все забыть и простить, начать сначала, как он говорит. Никогда он так не поступал, не изменял своим правилам. С чего бы ему вдруг сделать исключение, да еще для нее, которая так с ним поступила? Он ведь даже мать свою не пощадил.

И Кэрол пожалела, что опять ему поверила... снова позволила ему себя одолеть. Его протянутая рука помощи может быть всего лишь насмешкой, издевательством, продолжением его мести, когда он, удовлетворив свое самолюбие и попорченную гордость,

насладившись тем, что она снова ему покорилась и доверилась, посмеется и оттолкнет ее... как тогда, после их самой первой близости. Только на этот раз она не уедет на такси, а отправится в камеру смертников.

Она пыталась себя убедить в том, что поступила так только из попытки спастись, и что ее любовь, которую она не хотела больше признавать, не имела к этому никакого отношения.

«Прости меня, Тимми, прости! — молила она про себя. — Но только он меня может спасти, а я не хочу умирать! Я должна жить, ради Патрика, лисят и малыша, который скоро родится. Прости, но он меня опять поломал... он всегда был сильнее. Всегда».

Когда Кэрол прошла психиатрическую экспертизу, и Джек с ней ознакомился, он был очень удивлен тем, что она была признана полностью здоровой. Такое заключение его вовсе не устраивало и рушило всю его защиту. И тогда он заставил доктора написать другое заключение, такое, какое нужно было ему. Тот упрямо сопротивлялся, и Джеку пришлось прибегнуть к открытым угрозам, чтобы добиться своего. Зная мстительность Рэндэла и его непримиримость, доктор вынужден был уступить.

Джош Мур получил необходимое заключение и наставления Рэндэла. Адвокату очень не нравилось то, что Рэндэл им понукает и учит, что и как делать, как новичка, но он молчал и терпел.

Джек собирался лично присутствовать на заседании суда, которое должно было уже стать последним. Получив заключение о невменяемости подсудимой, суд вынужден будет принять решение и вынести приговор, причин откладывать не было. Все шло по плану, Джек был уверен в том, что все будет так, как он запланировал. Как и всегда. Он уже беседовал с судьей, которого прекрасно знал, который, к тому же, был другом его отца, тот не высказался конкретно, но дал понять, что если невменяемость подсудимой будет доказана, он не собирается проявлять суровость. Джек ему доверял. Беседа была дружеской, не официальной, за игрой в гольф, и Джек как бы между прочим заметил, что очень любит свою жену, к тому же это дело может очень навредить его карьере. Судья похлопал его по плечу.

— Не переживайте так сильно, сенатор. Уверен, все образуется, — он помолчал, целясь мячом в лунку, и, ударив, снова продолжил. — Кстати, Джек, ты так и не помирился с отцом? Пора бы уже. Твой старик не молодеет.

— Я как раз думаю о том, как это сделать. Он же человек не простой, сам знаешь. А тут еще проблемы с женой... Вот как только все наладится, сразу займусь восстановлением отношений с отцом, — улыбнулся Джек.

— Займись. Отец очень любит тебя и желает тебе только добра. Даже если ваши взгляды не всегда совпадают, даже если тебе может показаться, что он против тебя... это не так. Твое благополучие, да внука — для него на первом месте. Ты понял?

— Да.

— Запомни это, прошу тебя.

Джеку показалось странным это напутствие, как и то, с чего это вдруг судье понадобилось вмешиваться в его отношения с отцом. Понятно, что они друзья... но не до такой же степени! Но Джек лишь покорно кивал, сейчас у него не было другого выхода. Он помирится с отцом, если надо будет — и с самим дьяволом, если это цена за Кэрол.

Заседание было назначено на четверг, на два часа дня, поэтому Джек был очень

удивлен, когда в десять утра вдруг позвонил Зак и сказал, что только что видел в здании суда его жену.

— Зак, ты не обознался? Суд в два часа, я точно знаю.

— Джек, у меня со зрением и памятью все в порядке! Ее повели в зал суда, я видел!

— Черт, этого не может быть! — Джек подскочил. — Если заседание перенесли... почему я об этом не знаю? А Мур там? Найди его и вели потребовать отложить заседание! Мне это не нравится!

— Мура я еще не видел. Но я понял тебя.

— Я хочу, чтобы ты был в зале суда.

— Но, Джек... я сейчас должен идти в другой зал на процесс, ты же знаешь, к тому же заседание по делу Кэрол закрытое, меня просто не пустят...

— Мне плевать! На все! Я сказал, иди туда, как ты это сделаешь — меня не волнует! Я уже выезжаю! Я порву Мура на куски! Что происходит, черт бы меня побрал?

Велев Хоку выгонять машину, Джек поспешно набрал Рэя. Тот оказался дома, и очень удивился, услышав о том, что заседание было перенесено. Он собирался ехать в суд к двум часам.

— Джек... что случилось? — в голосе Рэя была тревога и недоверие.

Но Джек уже швырнул трубку и выбежал из кабинета.

Как назло, они попали в пробку, и до места Джек добрался только через сорок минут.

У двери в зал суда стоял охранник и, увидев решительно направляющегося к нему Джека Рэндэла, выступил вперед, преграждая дорогу.

— Прошу прощения, но туда нельзя. Это закрытый процесс!

— Я Джек Рэндэл, я должен быть там, я есть в списке. Я просто опоздал.

— Хорошо, мистер Рэндэл. Подождите минуту, я проверю.

— Хок! — Джек нетерпеливо кивнул своему спутнику, который молниеносно скрутил охранника, освобождая дорогу. Джек немедленно вошел в зал.

— ...Признана виновной в особо жестоких убийствах Деборы Свон, Кевина Дорована Кейт Блейз, Френка Флойда и Аманды Дорс.

— Что? — Джек замер на пол шаге, застыв между рядами у двери, с изумлением уставившись на стоявшего судью, который уже зачитывал приговор. Почувствовав, что на него смотрят, он оторвался от судьи и окинул ошеломленным взглядом помещение. Джош Мур, встретившись с ним глазами, стушевался и спрятал взгляд. И тут Джек увидел отца. В глазах у него потемнело.

— ...Приговаривается к высшей мере наказания — смертной казни. В связи с беременностью подсудимой, приговор может быть приведен в исполнение только после рождения ребенка.

— Подождите... — прохрипел Джек и вдруг выкрикнул. — Я протестую! Вы не имеете право, это решение не законно! Как и это заседание!

— Мистер Рэндэл, у вас нет полномочий. Покиньте зал.

— Нет! Я требую прервать заседание! Она больна, невменяема! Есть медицинское заключение! Вы не имеете права судить ее, как здорового человека...

Джек рванулся, когда его схватили за руки охранники после поданного судьей сигнала.

— Вы нарушаете порядок. Вынужден просить вас покинуть помещение, сенатор. Из уважения к вам, скажу, что по результатам психиатрической экспертизы, ваша жена вполне здорова и может нести полную ответственность за свои преступления. Заседание

окончено, — судья решительно ударил молотком и вышел из-за стола, захватив с собой папку с делом.

— Нет! Нет! Подождите! Пожалуйста... — Джек отчаянно пытался вырваться, но его подтащили к двери. Тогда он обернулся и посмотрел на Кэрол. Она не отрывала от него широко раскрытых глаз, неподвижно стоя на месте.

— Кэрол! — простонал он. — Это не я! Не я!

Она не пошевелилась, только продолжала смотреть какими-то пустыми сухими глазами. Потом вдруг покачнулась и скользнула вниз, теряя сознание.

— Отец! — завопил Джек, и в его вопле смешались ярость и боль. — Отец! За что? Старый мерзавец, я убью тебя!

Он рванулся в сторону спокойно наблюдающего за ним Джорджа Рэндэла, но охрана удержала его.

— Ты жалок! — с отвращением бросил ему Джордж, презрительно скривив губы. — Так и знал, что твои яйца опять перевесят мозги! Мать не пожалел, а какую-то шлюху простил? После того, как она заставила тебя похоронить сына? Ты ничтожество! Слабак! Если у тебя кишка тонка от нее избавиться, то у меня — нет! Потом еще спасибо скажешь, когда сперма от мозгов отхлынет!

Джек не успел ответить, потому что его уже выволокли за дверь и захлопнули ее за его спиной.

Он ошеломленно замер на месте, не в состоянии поверить в то, что только что произошло. Как? Как?!

Хок с удивлением смотрел на него.

— Что случилось? Джек!

Но Джек не слышал его, потому что из зала вдруг выскочил Зак.

— Я ничего не мог сделать! — выпалил он.

— Как? — процедил сквозь зубы бледный, как стена, Джек.

— Это все провернул твой отец, я так понял. Он копал под нее все это время, тайно, чтобы ты не узнал. И с адвокатом твоим сговорился, и с судьей... Они подменили твою экспертизу настоящей.

— Но все эти убийства? Как они смогли их на нее повесить? Какие доказательства?

— Я не знаю, Джек. Я смог попасть в зал суда не сразу... прости.

— Ладно... я сам узнаю... все узнаю... — прохрипел Джек.

— Да, брат, мы все узнаем, во всем разберемся, и надерем им всем задницы, — успокаивающе кивнул Зак, с тревогой заметив, как Джека трясет. — А сейчас пойдем. Все обмозгуем. Пойдем, Джек! Тебе нужно успокоиться.

Он настойчиво взял его под руку и повел по коридору. Джек подчинился, ошеломленный, потрясенный, все еще не пришедший в себя.

— Но как, Зак? То, что сейчас произошло — это полный абсурд! Это заседание... эти обвинения, этот приговор — это незаконно!

— Сначала тебе нужно успокоиться, Джек...

— Успокоиться? — бледное лицо Джека начало наливаться краской ярости. — Они только что приговорили мою жену к смертной казни, без всяких оснований. За моей спиной, сговорились... Против меня... и я должен успокоиться?

— Да, Джек, должен, — твердо сказал Зак.

Джек резко обернулся, услышав, как хлопнула за спиной дверь. Лицо его исказилось от

ярости, когда он увидел вышедшего в коридор адвоката, который, заметив его, как-то испуганно застыл на месте.

— Ах ты, гнида! — зарычал Джек и рванулся было к нему, но сильные руки Хока удержали его, заставив остановиться. — Против кого?.. Да я тебя с землей сравню, мразь!

Губы Джоша Мура нервно дрогнули, он судорожно поправил галстук.

— Не советую вам мне угрожать, сенатор, да еще так прилюдно. Я всего лишь сделал свою работу, честно и по совести. Ваша жена совершила преступления и должна понести наказание, а вот вам советую помалкивать, если не хотите, чтобы стало известно о том, каким образом вы добиваетесь оправдания. Ваш авторитет адвоката будет разрушен, вы лишитесь лицензии. О должности сенатора я вообще молчу. А еще вас можно привлечь к ответственности за шантаж и угрозы, в мой адрес, в адрес психоаналитика, судьи... за подделку документов и подтасовку фактов, за все ваши противозаконные действия, которые вы совершили, пытаясь добиться того, чтобы ваша жена избежала наказания. Надеюсь, вы не нуждаетесь в том, чтобы я перечислил вам все статьи, под которые вы попадаете, и возможные меры наказания? Так как вы уже не практикуете, я могу и напомнить, если вы подзабыли, — он насмешливо хмыкнул. — Закон для всех един. Мне жаль, что вы не желаете с этим согласиться. Но закон — это не то, что вы можете подчинить своей воле. Не в этот раз, мистер Рэндэл. Не на тех попали. А потому ваша жена получит то, что заслужила.

Глаза Джека почернели.

— Это ты сейчас получишь, гнида ты паршивая! — Джек извернулся и ловко выхватил из кобуры Хока пистолет. Вскинув руку, он с искаженным лицом выстрелил, потом еще раз, уже в появившегося в дверях Джорджа Рэндэла. Раздались крики, Хок вырвал у него из рук свой пистолет, но уже было поздно.

Джек не промахнулся, и адвокат, и его отец упали на пол, получив по пуле.

Мур скончался на месте, Джорджа Рэндэла с тяжелым ранением в грудь увезли на неотложке еще живого.

Джек Рэндэл был арестован прямо в здании суда чуть ли не под восторженные аплодисменты и комментарии ненавидящей его прессы, возникшей сразу из ниоткуда, как по заказу.

Растерянный и ошеломленный Хок беспомощно наблюдал, как уводили Джека, закованного в наручники. Когда полицейские потребовали от него отдать пистолет, из которого были произведены выстрелы, Хок воспротивился и вопросительно посмотрел на Зака. Тот кивнул ему.

— Отдай, Хок.

Поджав большие полные губы, Хок достал оружие из кобуры, куда уже успел его убрать, и положил в пакет, который перед ним держал наготове полицейский.

— А что нам теперь делать? — Хок снова обратился к Заку.

Но тот упал в кресло и в отчаянии обхватил голову руками, так и не ответив.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net